

Джон Стейнбек

2

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Джон Стейнбек

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

Том 2

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1989

84.7 США
С 79

Составление
и
общая редакция
С. С. И в а н ь к о

Иллюстрации художника
П. П и н к и с е в и ч а

С $\frac{4703000000-1985}{080(02)-89}$ 1985—89

© Издательство «Правда». 1989. (Составление.
Переводы: «И проиграли бой», «Великие горы»,
«Обещание», «Вожак».
Историко-литературная справка. Иллюстрации).

КВАРТАЛ ТОРТИЛЬЯ-ФЛЭТ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я писал эту книгу, мне не приходило в голову, что моих пайсано можно счесть любопытной или смешной диковинкой, существами, замученными нуждой или приниженными. Все это — люди, которых я знаю и люблю; люди, которые превосходно приспособляются к окружающей среде. Такое свойство человеческой природы зовется истинно философским отношением к жизни, и это — прекрасная вещь.

Знай я, что этих людей сочтут забавной диковинкой, я, наверное, не стал бы писать про них.

Когда я учился в школе, у меня был приятель. Мы называли его *piojo*¹; у этого смуглого мальчугана, очень доброго и хорошего, не было ни отца, ни матери — только старшая сестра, которую мы все любили и уважали. Мы почтительно называли ее «девицей на часок». Ни у кого в городе не было таких румяных щек, и она частенько угощала нас хлебом с помидорами. Так вот, в домике, где жили *piojo* и его сестра, «девица на часок», край кухонной раковины был отломан, а труба наглухо забита деревянной пробкой. Воду для стирки и питья брали из унитаза. Для этого на полу рядом с ним стоял жестяной ковшик. Когда вода кончалась, стояло только дернуть ручку, и запас ее пополнялся. Использовать унитаз по назначению строгойше запрещалось. Однажды, когда мы напустили туда головастики, хозяйка дома как следует отругала нас, а потом смыла наших питомцев.

Быть может, это — возмутительное нарушение благопристойности. Но я так не считаю. Быть может, это забавно — забавно, о господи! Я долгое время приобщался приличиям, и все-таки я не могу думать о сестре *piojo* как о — есть ли слово *инсесэ*² — как о проститутке, а о его бесчисленных дядюшках, порой даривших нам монетки, как о ее клиентах.

Все вышесказанное сводится в конце концов к тому, что это — не предисловие, а эпилог. Я написал эти рассказы потому, что они правдивы, и потому, что они мне нравились. Но литературные мещане отнеслись к этим людям с вульгарной высокомерностью герцогинь, которые жалеют крестьян, снисходительно над ними посмеиваясь. Рассказы эти напечатаны, и взять их назад я не могу. Но никогда больше я не отдам на поругание приличным обывателям этих хороших людей, веселых и добрых, честных в своих плотских желаниях и прямодушных, истинно вежливых, а не просто учтивых. Если, рассказав о них, я им повредил, то глубоко сожалею об этом. Больше это не повторится.

Июнь 1937 года.

Adiós², Монтерей
Джон Стейнбек

¹ Вошь (исп.).

² Прощай (исп.).

ВСТУПЛЕНИЕ

Это повесть о Дэнни, и о друзьях Дэнни, и о доме Дэнни. Это повесть о том, как Дэнни, его друзья и его дом стали единым целым, так что когда в квартале Тортилья-Флэт говорят о доме Дэнни, то имеют в виду вовсе не деревянные стены с облупившейся побелкой, совсем скрытые разросшимися кустами кастильской розы. Нет, когда там говорят о доме Дэнни, то подразумевают некое единство, частично состоящее из людей, единство, от которого исходили радость и веселье, готовность помочь и — уже под конец — мистическая печаль. Ибо дом Дэнни был подобен Круглому столу, а друзья Дэнни — рыцарям Круглого стола. И это повесть о том, как возникло их содружество, как оно расцвело и превратилось в союз, исполненный красоты и мудрости. В ней будет рассказано о рыцарских приключениях друзей Дэнни, о сделанном ими добре, об их мыслях и об их подвигах. А в конце этой повести будет рассказано, как был потерян талисман и как распалось содружество.

В Монтерее, старинном городе на калифорнийском побережье, все эти истории хорошо известны, их повторяют снова и снова, а иной раз и приукрашивают. Вот почему этот цикл следует запечатлеть на бумаге, дабы ученые будущих времен, услышав входящие в него легенды, не сказали бы, как говорят они об Артуре, о Роланде и о Робине Гуде: «Не было никакого Дэнни, и никаких его друзей, и никакого его дома. Дэнни — это божество, олицетворяющее природу, а его друзья — всего лишь первобытные символы ветра, неба и солнца». И цель этой летописи — раз и навсегда сделать невозможной презрительную усмешку на губах угрюмых ученых.

Монтерей лежит на склоне холма между голубым заливом и темным сосновым лесом. В кварталах, расположенных ниже по склону, живут американцы, итальянцы, рыбаки и рабочие консервных заводов. Но на вершине холма, где город сливается с лесом, где на улицах нет асфальтовых мостовых, а на углах — фонарей, укрепились старейшие обитатели Монтерея, как древние британцы укрепились в Уэльсе. Это и есть пайсано.

Они живут в деревянных домишках, дворы которых заросли бурьяном, и над их жилищами еще покачиваются уцелевшие сосны. Пайсано не заражены коммерческим духом, они не стали рабами сложной системы американского бизнеса; да она, впрочем, и не слишком стремилась их опутать — ведь у них нет имущества, которое можно было бы украсть, оттягать или забрать в обеспечение займа.

Что такое пайсано? Он — потомок испанцев, индейцев и мексиканцев и еще всевозможных европейцев. Предки его поселились в Калифорнии лет сто — двести назад. По-английски он говорит, как пайсано, и по-испански он говорит, как пайсано. Если спросить его, какой он национальности, он негодующе объявит себя чистокровным испанцем и, закатав рукав, покажет, что кожа с внутренней стороны предплечья у него почти белая. Свою смуглоту, напоминающую цвет хорошо обкуренной пенковой трубки, он приписывает загару. Он пайсано и живет на окраине города Монтерея, расположенной на вершине холма, которая зовется Тортилья-Флэт, «Лепешечная равнина», хотя это вовсе не равнина.

Дэнни был пайсано, он вырос в Тортилья-Флэт, и все его там любили, но, впрочем, он ничем не отличался от остальных шумливых ребятшек квартала. Почти с каждым обитателем Тортилья-Флэт его связывали узы родства или романтической дружбы. Дед его был важной персоной, ему принадлежали в квартале два домика, и все

уважали его за богатство. И если Дэнни, подрастая, предпочитал спать в лесу, работать на окрестных ранчо и с боем вырывать еду и вино у сурового мира, не отсутствие влиятельных родственников послужило тому причиной. Дэнни был невысок, смугл и настойчив. К двадцати пяти годам ноги его окончательно приобрели кривизну, точно соответствующую изгибу конского бока.

И вот, когда Дэнни исполнилось двадцать пять лет, началась война с Германией. Когда Дэнни и его друг Пилон (да, кстати, «пилоном» называется придача после заключения сделки — магарыч) слышали про войну, они располагали двумя галлонами вина. Большой Джо Португалец заметил блеск бутылей среди сосен и присоединился к Дэнни и Пилону.

По мере того как вина в бутылках становилось все меньше, патриотизма в их сердцах становилось все больше. И вот, когда вино кончилось, все трое спустились с холма, нежно взявшись за руки — во имя дружбы и чтобы крепче держаться на ногах, — и зашагали по улицам Монтерейя. Перед домом, где записывали добровольцев в армию, они принялись кричать «ура» в честь Америки и поносить Германию. Они осыпали Германскую империю угрозами до тех пор, пока сержант-вербовщик не проснулся, не надел форму и не вышел на улицу, чтобы их утихомирить. В постель он вернулся нескоро, потому что стал записывать их в армию.

Сержант выстроил их перед своим столом. Они благополучно прошли все проверки, кроме одной — проверки на трезвость, и тогда сержант принялся задавать им вопросы, начав с Пилона:

— В каком роде войск ты хочешь служить?

— А мне наплевать, — небрежно бросил Пилон.

— Такие молодцы нам, пожалуй, нужнее всего в пехоте.

И Пилон был направлен в пехоту.

Затем сержант повернулся к Большому Джо, но Португалец уже успел немного протрезвиться.

— А ты куда хочешь?

— Я хочу домой, — тоскливо сказал Большой Джо.

Сержант и его записал в пехоту. Наконец он обратился к Дэнни, который давно уже стоя спал.

— Куда тебя направить?

— А?

— Я говорю: в каком роде войск ты хочешь служить?

— Что значит «в каком роде»?

— Что ты умеешь делать?

— Я? Я все умею.

— А что ты делал раньше?

— Я? Был погонщиком мулов.

— Ах вот как! Со сколькими мулами за раз ты сумеешь справиться?

Дэнни наклонился к нему с небрежным видом профессионала.

— А сколько их у вас?

— Тысяч около тридцати.

Дэнни взмахнул рукой.

— Давайте их сюда!

И вот Дэнни отправился в Техас и до конца войны объезжал мулов. Пилон маршировал по Орегону вместе с пехотой, а Большой Джо, как будет рассказано дальше, сидел в тюрьме.

ГЛАВА I

*О том, как Дэни, вернувшись с войны, получил наследство, и о том, как он поклялся защищать
сырых и обиженных*

Когда Дэни вернулся домой из армии, он узнал, что получил наследство и что теперь у него есть недвижимая собственность. Его вьехо — другими словами, его дед — умер, оставив Дэни два домика в квартале Тортилья-Флэт.

Когда Дэни услышал об этом, он ощутил, что на его плечи ложится бремя забот, которыми чревато всякое обладание собственностью. Прежде чем отправиться осматривать свое имущество, он купил галлон красного вина и выпил его почти весь в одиночку. Тогда бремя спало с его плеч и в нем пробудились самые худшие свойства его натуры. Он орал во всю глотку, он сломал парочку стульев в бильярдной на улице Альварадо и затеял две короткие, но восхитительные драки. Но никто не хотел его замечать. В конце концов заплетающиеся кривые ноги понесли его к пристани, куда, готовясь выйти в море, сходились в этот ранний час рыбаки-итальянцы в резиновых сапогах.

Расовые предрассудки взяли верх над здравым смыслом Дэни. Он стал угрожать рыбакам. Он называл их «сиднийскими ублюдками», «подонками тюремного острова» и «собачьими собаками». Он кричал: «*Chinga tu madre, Pijo*»¹. Он показывал им нос и делал всякие неприличные жесты. Но рыбаки только усмехались, разбирали весла и говорили:

— Здорово, Дэни. Когда это ты вернулся? Приходи сегодня вечером. У нас есть молодое вино.

Дэни был возмущен до глубины души.

— *Por uncondo a la cabeza!*² — завопил он.

Они крикнули ему:

— До свидания, Дэни. До вечера!

И, забравшись в утлые лодчонки, подгребли к своим моторкам, завели их и, тарахтя, уплыли прочь.

Дэни почувствовал себя оскорбленным. Он двинулся обратно, вверх по улице Альварадо, разбивая по пути окна, и на втором перекрестке его арестовал полицейский.

^{1, 2} Грубое испанское ругательство.

Дэнни питал большое почтение к закону и сопротивляться не стал. Если бы он не был только что демобилизован после победы над Германией, он получил бы шесть месяцев. Но сейчас судья дал ему только тридцать дней.

И вот в течение месяца Дэнни сидел на койке в городской тюрьме Монтерей. Иногда он рисовал на стенах непристойные картинки, а иногда вспоминал свою военную карьеру. Время в этой камере городской тюрьмы тянулось для него очень медленно. Порой к нему на ночь запирали какого-нибудь пьяницу, но обычно в преступной жизни Монтерей царил застой, и Дэнни изнывал от одиночества. Сперва ему немного докучали клопы, но когда они привыкли к его вкусу, а он свыкся с их укусами, недоразумения между ними прекратились.

Он стал развлекаться сатирами. Он изловил клопа, раздавил его на стене, обвел кружком и подписал карандашом — «мэр Клу». Потом наловил еще клопов и назвал их в честь муниципальных советников города. Вскоре вся стена была украшена раздавленными клопами, носившими имена видных деятелей Монтерей. Он пририсовывал им уши и хвосты, снабжал их огромными носами и усами. Тито Ральф, тюремный надзиратель, был шокирован, но промолчал, так как Дэнни не включил в свою картинную галерею ни судью, отправившего его в тюрьму, ни кого-либо из полицейских чинов. Он весьма уважал закон.

Как-то вечером, когда тюрьма пустовала, Тито Ральф вошел в камеру Дэнни с двумя бутылками вина. Через час он отправился за новыми запасами, и Дэнни отправился с ним. В тюрьме было неуютно. Они купили вина в заведении Торрелли и сидели там, пока Торрелли не вышвырнул их на улицу. Тогда Дэнни пошел на вершину холма и уснул в лесу под соснами, а Тито Ральф, шатаясь, побрел в тюрьму и доложил о его побеге.

Когда в полдень ослепительное солнце разбудило Дэнни, он решил весь день прятаться, спасаясь от погони. Он кружил среди кустов. Он выглядел из молодой поросли, как затравленная лисица. А вечером, выполнив все условия игры, он вышел из лесу и отправился по своим делам.

В делах Дэнни не было ничего темного или таинственного. Он подошел к задней двери ресторана.

— Нет ли у вас черствого хлеба для моей собаки? — спросил он у повара.

И пока этот доверчивый человек заворачивал ему хлеб, Дэнни украл два куска ветчины, четыре яйца, баранью отбивную и мухобойку.

— Я заплачу вам потом,— сказал он.

— Берите даром. Я бы все равно их выбросил.

На душе у Дэнни полегчало. Раз так, значит, он не повинен в воровстве. Он вернулся в заведение Торрелли, обменял четыре яйца, баранью отбивную и мухобойку на большой стакан граппы и отправился в лес стряпать себе ужин. Вечер был темный и сырой. Меж сосен, охраняющих сухопутные пределы Монтерея, мокрым тюлем висел туман. Дэнни втянул голову в плечи и затрусил под защиту леса. Впереди он разглядел еще одну темную фигуру, и, когда расстояние между ними сократилось, он узнал подпрыгивающую походку своего старого друга Пилона. Дэнни был щедрым человеком, но тут он вдруг вспомнил, что продал все свои съестные припасы, кроме двух кусков ветчины и кулька черствого хлеба.

«Я не стану окликать Пилона,— решил он.— Он вышагивает, как человек, который объелся жареной индейкой и всякими другими лакомствами».

Но тут Дэнни вдруг заметил, что Пилон нежно прижимает руки к груди.

— Здравствуй, Пилон, amigo ¹,— закричал Дэнни.

Пилон ускорил шаг. Дэнни перешел на рысь.

— Пилон, дружок, куда ты так торопишься?

Пилон смирился с неизбежным и остановился. Дэнни приблизился с некоторой опаской, но голос его был исполнен восторга:

— Я разыскивал тебя, милый ангелочек моего сердца, потому что, погляди-ка, у меня есть два больших куса от свиньи самого господа бога и мешок сладкого белого хлеба. Раздели же со мной и то и другое, Пилон, пышечка.

Пилон пожал плечами.

— Как хочешь,— злобно пробурчал он.

Они вместе углубились в лес. Пилон недоумевал. Наконец он остановился и посмотрел на приятеля.

— Дэнни,— печально сказал он,— откуда ты знаешь, что у меня под курткой бутылка коньяку?

— Бутылка коньяку? — вскричал Дэнни.— У тебя есть коньяк? Наверное, он для твоей больной старушки матери,— добавил он простодушно.— А может, ты хранишь этот коньяк для господа нашего Иисуса Христа, чтобы угостить его в день второго пришествия. Разве мне, твоему другу, пристало судить, для чего предназначен этот коньяк? И я даже не знаю, есть ли он у тебя. Кроме того,

¹ Друг (исп.).

я не хочу пить. Я не дотронусь до этого коньяка. Кушай на здоровье мое свиное жаркое, ну а твой коньяк — он твой.

Пилон сказал сурово:

— Дэнни, я готов отдать тебе половину моего коньяка. Но мой долг — присмотреть, чтобы ты не выпил его весь.

Тут Дэнни переменил тему.

— Вот здесь, на поляне, я зажарю эту свинью, а ты поджаришь сахарные хлебцы из этого мешка. Коньяк поставь вот сюда, Пилон. Это самое лучшее для него место — так мы будем видеть и его и друг друга.

Они развели костер, поджарили ветчину и съели черствый хлеб. Коньяк в бутылке быстро убывал. Посв, они придвинулись поближе к огню, отхлебывая из бутылки маленькими глоточками, как озябшие пчелы. Туман окутал их, и их куртки поседели от его капель. В соснах над их головами грустно вздыхал ветер.

И вскоре Пилоном и Дэнни овладела тоска. Дэнни стал вспоминать потерянных друзей.

— Где Артур Моралес? — спросил Дэнни, простирая руки ладонями вверх. — Погиб во Франции, — ответил он себе и, повернув ладони вниз, в отчаянии опустил руки. — Погиб за родную страну. Погиб в чужой стране. Чужие люди проходят мимо его могилы, и они не знают, что в ней зарыт Артур Моралес. — Он снова поднял руки ладонями вверх. — А где Пабло, такой хороший человек?

— В тюрьме, — ответил Пилон. — Пабло украл гуся и спрятался с ним в кустах, а гусь уцупнул Пабло, и Пабло закричал, и его поймали. Теперь ему сидеть в тюрьме шесть месяцев.

Дэнни вздохнул и умолк, так как понял, что легкомысленно поторопился использовать единственного своего знакомого, который мог послужить темой для прочувствованной речи. Но тоска продолжала мучить его и требовала выхода.

— Вот сидим мы... — начал он наконец.

— Сердце ноет, — добавил Пилон, попадая в размер.

— Нет, это не стихи, — возразил Дэнни. — Вот сидим мы бесприютные. Мы отдавали жизнь за родную страну, а теперь у нас нет даже крыши над головой.

— И никогда не было, — весьма уместно вставил Пилон.

Дэнни задумчиво тянул коньяк, пока Пилон не дернул его за локоть и не отобрал бутылку.

— Это напомнило мне,— сказал Дэни,— историю о человеке, у которого было два веселых дома...— Тут он умолк с открытым ртом.— Пилон! — воскликнул он.— Пилон! Утеночек мой! Дружочек! И как это я забыл? Ведь я получил наследство. У меня теперь есть два дома.

— Два веселых дома? — с надеждой спросил Пилон.— Ты врешь спьяну,— спохватился он.

— Нет, Пилон. Я говорю правду. Мой вьехо умер. Я его наследник. Я его любимый внук.

— Единственный внук,— поправил педантичный Пилон.— А где эти дома?

— Ты знаешь дом моего вьехо в Тортилья-Флэт, Пилон?

— Здесь, в Монтерсе?

— Ну да, в Тортилья-Флэт.

— А они на что-нибудь годятся, эти дома?

Дэни откинулся на спину, измученный пережитым волнением.

— Не знаю. Я совсем забыл, что они у меня есть.

Пилон молчал и сосредоточенно о чем-то думал. Лицо его стало печальным. Он бросил в костер горсть сосновых игл и глядел, как огненные язычки взметнулись по ним и тут же погасли. Затем он долго и тревожно всматривался в лицо Дэни, а потом громко вздохнул и еще раз вздохнул.

— Теперь все кончено,— сказал он уныло.— Пришли к концу дни радости. Твои друзья будут оплакивать их, но этим беде не поможешь.

Дэни поставил бутылку, и Пилон забрал ее и зажал между колен.

— Что кончено? — недоуменно спросил Дэни.— О чем ты?

— Это ведь всегда так,— продолжал Пилон.— Когда человек беден, он думает: «Будь у меня деньги, я поделился бы с моими бедными друзьями». Но стоит ему получить эти деньги, как великодушие и щедрость покидают его. Вот что случилось с тобой, мой бывший друг. Теперь ты выислся над своими друзьями. Теперь ты домовладелец. И ты позабудешь своих друзей, которые всем с тобой делились, даже своим коньяком.

Его слова расстроили Дэни.

— Я не такой! — крикнул он.— Я тебя никогда не забуду, Пилон.

— Это ты сейчас так думаешь,— холодно сказал Пилон.— Но когда ты сможешь спать в двух домах, тогда сам

увидишь. Пилон — только бедняк пайсано, а ты будешь обедать у мэра.

Дэнни с трудом поднялся на ноги и выпрямился, цепляясь за дерево.

— Пилон, клянусь: все, что у меня есть, — твое. Пока у меня есть дом, у тебя тоже есть дом. Дай мне выпить.

— Не поверю, пока не увижу своими глазами, — безнадежным голосом произнес Пилон. — Случись такое, это было бы чудо на весь мир. Люди присажали бы за тысячу миль поглядеть на него. Да и бутылка пуста.

ГЛАВА II

О том, как Пилон, прельстившись солидным положением, покинул гостеприимный кров Дэнни

Потариус оставил их у калитки второго дома, уселся в свой «форд» и, громыхая, покатил вниз по склону холма в Монтерей.

Дэнни и Пилон стояли перед некрашенным забором и с восторгом глядели на недвижимое имущество — на приземистый домик, еще хранящий полосы давней побелки, на его пустые слепые окошки без занавесок. Но у крыльца цвела пышная кастильская роза, а в бурьяне, которым зарос дворик, кое-где алела дедушкина герань.

— Этот лучше того, — сказал Пилон. — Он больше.

Дэнни держал в руке повешенный ключ. Он на цыпочках прошел по скрипучему крыльцу и отпер дверь. Большая комната осталась точно такой же, как при жизни вьехо. Украшенный розой календарь за 1906 год, шелковый платок на стене, с Боевым Бобом Эвансом¹, выглядывающим из-за палубных надстроек бронепоса, прибитый рядом букет красных бумажных роз, связки запылившегося красного перца и чеснока, железная печка, старые кресла-качалки.

Пилон заглянул в дверь.

— Три комнаты, — благоговейно прошептал он. — И кровать, и печка. Мы будем здесь счастливы, Дэнни.

Дэнни с опаской переступил порог. От вьехо у него остались самые неприятные воспоминания. Пилон опередил его и бросился в кухню.

— Раковина с краном, — крикнул он и повернул кран. — Вода не идет. Дэнни, пусть водопроводная компания включит воду.

¹ Боевой Боб — прозвище американского адмирала Робли Эванса (1846—1912).

Они стояли и улыбались друг другу. Но Пилон заметил, что обладание собственностью уже накладывает печать беспокойства на лицо Дэнни. Никогда больше не будет оно беззаботным. Никогда больше не будет Дэнни бить окна, раз у него самого теперь есть окна, которые можно разбить. Пилон был прав — Дэнни возвысился над своими друзьями. Плечи его расправились, готовые принять на себя все тяготы новой сложной жизни. Но перед тем как он навсегда покончил со своим прежним простым и ясным существованием, один крик боли все же сорвался с его уст.

— Пилон, — сказал он грустно. — Хорошо бы этот дом был твоим, а я поселился бы здесь с тобой!

Пока Дэнни ходил в Монтерей просить, чтобы включили воду, Пилон забрел на заросший бурьяном задний двор. Тут стояли фруктовые деревья, почерневшие и покрывшиеся наростами от старости, искривившиеся и засыхающие от отсутствия ухода. В бурьяне виднелись шалашики для несушек, груда ржавых обручей, куча золы и размокший матрац. Пилон заглянул через забор в птичник миссис Моралес и, минуту поразмыслив, проделал в заборе несколько дырок для кур.

«Им будет приятно устраивать гнезда в высоком бурьяне», — сочувственно подумал он. Он решил также изготовить ловушки на случай, если во двор вдруг явятся петухи и будут мешать курам и не пускать их в гнезда. «Мы будем тут счастливы», — снова подумал он.

Дэнни вернулся из Монтерея полный негодования.

— Водопроводная компания требует депозита, — сказал он.

— Депозита?

— Ну да. Сначала дай им три доллара, а потом они пустят воду.

— Три доллара, — назидательно заявил Пилон, — это три галлона вина. А когда оно кончится, мы займем ведро воды у нашей соседки миссис Моралес.

— Но у нас нет трех долларов на вино.

— Я знаю, — сказал Пилон. — Но, может быть, нам удастся занять немного винца у миссис Моралес.

День начинал клониться к вечеру.

— Завтра мы наведем тут порядок, — сказал Дэнни. — Завтра мы все тут вымоем и выскребем. А ты, Пилон, скосишь бурьян и выбросишь весь мусор в овраг.

— Бурьян? — в ужасе вскричал Пилон. — Только не этот бурьян! — И он изложил свои соображения относительно кур миссис Моралес.

Дэнни тут же с ним согласился.

— Мой друг,— сказал он,— я рад, что ты поселился у меня. А теперь я наберу топлива, а ты раздобудь что-нибудь на обед.

Пилон, вспомнив про свой коньяк, решил, что это несправедливо.

«Я становлюсь его должником,— с горечью думал он.— Я лишусь свободы. Скоро я стану рабом из-за этого крокопийцы-дома».

Но он все-таки отправился искать обед.

Пройдя две улочки, уже у самой опушки леса он заметил петушка плимутрока, разгребавшего пыль посреди дороги. Петушок достиг той поры юности, когда голос его начал ломаться, а ноги, шея и грудь еще не обросли перьями. Голова Пилона была еще полна благостными размышлениями о курах миссис Моралес, и, быть может, поэтому он тут же ощутил живейшую симпатию к молодому петушку. Он медленно направился к темному сосновому лесу, а петушок бежал перед ним.

Пилон сочувственно думал:

«Бедная лысая птичка. Как ты, наверное, мерзнешь на рассвете, когда выпадает роса и воздух холодеет перед зарей. Милосердный господь не всегда бывает милосерден к малым тварям». И еще он подумал: «Вот ты играешь на улице, цыпленочек, и в один прекрасный день тебя переседет автомобиль; и тебе еще повезет, если он сразу убьет тебя. Но что, если он только сломает тебе крыло или лапку? Тогда ты останешься несчастным калекой до конца дней своих. Твоя жизнь слишком тяжела для тебя, маленькая птичка».

Он продвигался медленно и расчетливо. Порой петушок пытался прорваться назад, но каждый раз у него на пути оказывался Пилон. В конце концов он исчез среди сосен, и Пилон неторопливо последовал за ним.

Да будет воздано должное душевной доброте Пилона: из чащи не донеслось ни единого крика страдания. Петушок, которому Пилон пророчил жизнь, полную мук, умер мирно, или, во всяком случае, тихо. А это делает немалую честь сноровке Пилона.

Десять минут спустя он вышел из лесу и зашагал к домику Дэнни. Петушок, уже ощипанный и расчлененный, покоился в его карманах. Среди жизненных правил, которыми руководствовался Пилон, одно было незыблемым: никогда, ни при каких обстоятельствах не приноси домой

перья, голову и лапки, ибо только по ним можно опознать птицу.

Вечером друзья топили печку сосновыми шишками. Огонь ворчал в трубе. Дэнни и Пилон, сытые, пригревшиеся и счастливые, тихонько покачивались в качалках. Обедали они при свете огарка, но теперь только отблески огня в печке разгоняли мрак комнаты. И к довершению блаженства по крыше забарабанил дождь. Крыша протекала совсем немного, да и то в местах, где все равно никто не захотел бы сидеть.

— Хорошо! — сказал Пилон. — Вспомни-ка почи, когда мы мерзли на улице. Вот это настоящая жизнь!

— Да, — ответил Дэнни. — И как-то странно: столько лет у меня не было дома. А теперь их у меня целых два. Не могу же я почевать в двух домах!

Пилон не терпел бессмысленного расточительства.

— Это и меня тревожит. Почему бы тебе не сдать другой дом жильцу? — предложил он.

Ноги Дэнни со стуком опустились на пол.

— Пилон! — воскликнул он. — Как я сам об этом не подумал? — Мысль казалась ему все более заманчивой. — Но кто его у меня снимет, Пилон?

— Я его сниму, — сказал Пилон. — Я буду платить за него десять долларов в месяц.

— Пятнадцать! — потребовал Дэнни. — Это хороший дом. Пятнадцать долларов — цена без запроса.

Пилон поворчал, но согласился. Впрочем, он согласился бы и на гораздо большую сумму, ибо он только что видел, как преображается человек, поселившийся в собственном доме, и ему очень хотелось самому испытать такое преобразование.

— Значит, договорились, — закончил Дэнни. — Ты снимешь мой дом. Я буду хорошим домохозяином, Пилон. Я не стану тебе докучать.

У Пилона, если не считать года, проведенного в армии, ни разу в жизни не было за душой пятнадцати долларов. «Но платить за дом надо будет только через месяц, — подумал он, — а кто знает, что может случиться за месяц?»

Очень довольные, они покачивались у печки. Потом Дэнни вышел из дома и вскоре вернулся, держа в руках несколько яблок.

— Дождь их все равно испортил бы, — сказал он в свое оправдание.

Пилон, не желая отставать от друга, встал, зажег огарок и направился в спальню, откуда тотчас же вернулся

с тазиком, кувшином, двумя красными стеклянными вазами и пучком страусовых перьев.

— Плохо, когда кругом столько хрупких вещей,— сказал он.— Стоит им разбиться или сломаться, и тебе становится грустно. Лучше совсем их не иметь.— Он снял со стены бумажные розы.— Подарок для сеньоры Торрелли,— объяснил он, исчезая за дверью.

Вскоре он вернулся, мокрый, но торжествующий: в руке он держал бутылъ красного вина вместимостью в галлон.

Позже они сцепились друг с другом, но даже не узнали, кто победил, потому что оба очень устали от волнений этого дня. Вино навевало дремоту, и они так и уснули на полу. Огонь потух, печка, остывая, тихонько пощелкивала. Огарок опрокинулся и после нескольких протестующих голубых вспышек погас в лужице собственного сала. В доме воцарилась тьма, тишина и покой.

ГЛАВА III

О том, как Пилон был отравлен ядом собственности и как зло на время восторжествовало в его душе

На следующий день Пилон поселился во втором домике. Этот домик был точно таким же, как дом Дэнни, только поменьше. И у него тоже было свое крылечко, осененное цветущей кастильской розой, и свой заросший бурьяном двор, и свои старые, бесплодные фруктовые деревья, и своя алая герань, а за забором находился птичник миссис Сото.

Дэнни, владевший домом, который можно было сдать внаем, стал великим человеком, а Пилон, сняв этот дом, довольно высоко поднялся по ступеням общественной лестницы.

Неизвестно, думал ли Дэни получать квартирную плату и думал ли Пилон ее вносить. Если думали, то оба они были разочарованы в своих ожиданиях. Дэни ни разу не потребовал ее, а Пилон ни разу ее не предложил.

Друзья виделись очень часто. Стоило Пилону раздобыть бутылку вина или кусок мяса, как Дэни являлся к нему в гости. А если удача Дэни или его ловкость приносили ему такие же блага, то Пилон проводил у него буйный вечерок. Бедняга Пилон отдал бы Дэни причитавшие-

ся с него деньги, если бы они у него были, но их никогда у него не было, во всяком случае, они исчезали прежде, чем ему удавалось найти Дэнни. Пилон был честным человеком. И порой ему становилось не по себе при мысли о доброте Дэнни и о собственной бедности.

Как-то вечером он оказался обладателем доллара, ниспосланного ему столь удивительным способом, что он тут же постарался об этом забыть, опасаясь помрачения рассудка. Какой-то человек у дверей отеля «Сан Карлос» сунул доллар ему в руку и сказал: «Сбсгай купи четыре бутылки фруктовой воды, а то в отеле ее нет». Бывают же на свете чудеса, думал Пилон. И следует принимать их на веру, а не сомневаться в них и не ломать над ними голову. Он направился вверх по холму, собираясь отдать доллар Дэнни, но по дороге купил галлон вина и с его помощью заманил к себе в дом двух пухленьких девиц.

Дэнни, проходя мимо, услышал шум и радостно поспешил войти. Пилон пал в его объятия и отдал все, что у него имелось, в распоряжение Дэнни. А потом, когда Дэнни помог ему разделаться с одной из девиц и с половиной вина, между ними началась чудеснейшая драка. Дэнни лишился зуба, а рубаха Пилона была разорвана в клочья. Девуцы визжали и пинали того, кто оказывался внизу. Наконец Дэнни встал с пола и боднул одну из девиц в живот, так что она вылетела за дверь, квакая, как лягушка. Другая девица украла две кастрюли и последовала за подругой.

Несколько минут Дэнни и Пилон оплакивали женское коварство.

— Ты и понятия не имеешь, какие все женщины твари, — назидательно сказал Дэнни.

— Нет, имею, — ответил Пилон.

— И понятия не имеешь.

— Нет, имею.

— Врешь!

Началась новая драка, но уже далеко не такая славная.

После этого мысль о невнесенной квартирной плате перестала мучить Пилона. Разве он не оказал гостеприимства своему домохозяину?

Прошло еще несколько месяцев. И невнесенная квартирная плата вновь начала беспокоить Пилона. Терзания его становились все более невыносимыми. В конце концов он не выдержал и целый день потрошил каракатиц у Чин Ки, заработав два доллара. Вечером он повязал шею красным платком, надел широкополую шляпу своего отца и отпра-

вился на вершину холма, чтобы отдать Дэни два доллара в счет долга.

Но по дороге он купил два галлона вина. «Так будет лучше,— подумал он.— Если я заплачу ему деньгами, это не покажет, какие горячие чувства питаю я к своему другу. Подарок — другое дело. И я скажу ему, что эти два галлона обошлись мне в пять долларов». Что было глупо, как отлично понимал Пилон, хотя и позволил себе пометать: цены на вино в Монтерее Дэни знал лучше всех.

Пилон шел и радовался. Решение его было твердо, нос обращен прямо в сторону дома Дэни. Его ноги неторопливо, но безостановочно двигались в пущином направлении. Под мышками он нес два бумажных мешка, и в каждом мешке была бутылка.

Наступили лиловые сумерки — тот сладостный час, когда дневной сон уже кончается, а вечер развлечений и дружеских бесед еще не начался. Сосны на фоне неба казались совсем черными, и все предметы вокруг уже окутала тьма, но небо было пронзительно ясным, как грустное воспоминание. Чайки, легко взмахивая крыльями, летели домой на рифы после дневного посещения рыбоконсервных заводов Монтерее.

Пилон был мистиком, влюбленным в красоту. Он поднял лицо к небу, и душа его воспарила к последним отблескам солнечного сияния. Тот далекий от совершенства Пилон, который хитрил и дрался, ругался и пил, медленно брел своей дорогой, но другой Пилон, исполненный светлой грусти, сияющий белизной, вознесся туда, где чайки на чутких крыльях кунались в вечернем сумраке. Этот Пилон был прекрасен, и его мысли не были осквернены ни себялюбием, ни плотскими желаниями. И узнать его мысли — благо.

«Отче наш вечерний,— думал он.— Эти птицы выются у чела отца нашего. Милые птицы, милые чайки, как я вас всех люблю. Ваши медлительные крылья поглаживают мое сердце, как рука ласкового хозяина поглаживает сытое брюхо спящей собаки, как рука Христа поглаживала головки детей. Милые птицы,— думал он,— летите к Святой Деве Кротких Печалей, отнесите ей мое раскрывшееся сердце». И он произнес вслух самые красивые слова, какие только знал:

— Ave Maria, gratia plena! ¹

¹ Начало католической молитвы: «Радуйся, Мария, полная благодати!»

Ноги скверного Пилона остановились. Поистине в эту минуту скверный Пилон перестал существовать (услышь это, о ангел, ведущий запись наших грехов!). Не было, нет и не может быть души чище, чем душа Пилона в эту минуту. Злой бульдог Гальвеса приблизился к покинутым ногам Пилона, которые стояли во тьме одни-одинешеньки. И бульдог Гальвеса понюхал эти ноги и отошел, не укусив их.

Душа омытая и спасенная — это душа, которой вдвойне угрожает опасность, ибо весь мир ополчается против такой души. «Самые соломинки под моими коленями, — говорит блаженный Августин, — вопиют, дабы отвлечь меня от молитвы».

Душа Пилона не устояла даже против его собственных воспоминаний: глядя на чаек, он вспомнил, что миссис Пастано нередко готовит из них свои тамале¹, и при этой мысли он почувствовал голод, а голод низверг его душу с небес. Пилон пошел дальше, вновь превратившись в сложную смесь добра и зла. Злой бульдог Гальвеса повернулся со свирепым рычанием и удалился, глубоко сожалел о том, что упустил такую превосходную возможность укунить Пилона за ногу.

Пилон ссутулился, чтобы удобнее было пестить бутылки.

Душа, способная на величайшее добро, способна также и на величайшее зло, — этот факт подтверждается историей, в которой он не раз был запечатлен. Есть ли кто-нибудь нечестивец отрекшегося от веры священника? Есть ли кто-нибудь любострастнее недавней весталки? Впрочем, это, быть может, лишь внешнее впечатление.

Пилон, только что вернувшийся с небес, был, сам того не подозревая, особенно восприимчив к любому недоброму ветру, к любому дурному влиянию, которыми была полна ночь вокруг него. Правда, ноги все еще несли его по направлению к дому Дэни, но в них уже не было прежней решимости и убежденности. Они ждали только повода, чтобы повернуть вспять. Пилон уже начал подумывать о том, как сокрушительно он сможет напиться с помощью двух галлонов вина, а главное, как долго быть пьяным.

Было уже совсем темно. И немощенная дорога, и канавы по обеим ее сторонам прятались во мраке. Я не вывожу никакой морали из того факта, что в миг, когда душа Пи-

¹ Тамале — мексиканское блюдо из кукурузы, рубленого мяса и красного перца.

лона, словно перышко под дуновением ветра, колебалась между великодушием и себялюбием, что в этот самый миг в канаве у дороги сидел Пабло Санчес, томимый желанием покурить и выпить стаканчик вина.

О, как должны молитвы миллионов мешать друг другу и уничтожать друг друга на пути к престолу божьему!

Пабло сперва услышал шаги, потом увидел смутную фигуру и затем узнал Пилона.

— Здравствуй, amigo! — радостно закричал он. — Что это у тебя за тяжкая ноша?

Пилон остановился, как вкопанный, и повернулся к канаве.

— Я думал, ты в тюрьме, — сказал он с упреком. — Я слышал про гуся.

— Я и был в тюрьме, Пилон, — весело отозвался Пабло. — Но меня там плохо встретили. Судья сказал, что наказание на меня не действует. А полицейские сказали, что я съедаю больше, чем отпускается на троих. И вот, — с гордостью заключил он, — меня отпустили на честное слово.

Пилон был вырван из когтей себялюбия. Правда, он не донес вино до дома Дэни, но зато тут же пригласил Пабло разделить с ним это вино в доме, который он снимает. Если от дороги жизни ответвляются две тропы великодушная и пойти можно только по одной, то кому дано судить, которая из них лучше.

Пилон и Пабло весело вступили в маленький домик. Пилон зажег свечку и поставил на стол в качестве стаканов две банки из-под варенья.

— Твое здоровье! — сказал Пабло.

— Salud! ¹ — сказал Пилон.

— Salud! — несколько мгновений спустя сказал Пабло.

— Ну, желаю тебе! — сказал Пилон.

Они перевели дух.

— Su servidor! ² — сказал Пилон.

— Проехала! — сказал Пабло.

Два галлона вина — это немалое количество даже для двух пайсано. В духовном отношении эти бутылки можно распределить следующим образом. Чуть пониже горлышка первой бутылки — серьезная прочувствованная беседа. Двумя дюймами ниже — воспоминания, овеянные приятной грустью. Еще три дюйма — вздохи о былых счастли-

¹ Твое здоровье! (исп.)

² Ваш слуга! (исп.).

вых любовях. На доньшке — всеобъемлющая абстрактная печаль. Горлышко второй бутылки — черная, свирепая тоска. Двумя пальцами ниже — песнь смерти или томления. Большим пальцем ниже — все остальные песни, известные собутыльникам. На этом шкала кончается, ибо тут перекресток и дальнейшие пути неведомы. За этой чертой может произойти все что угодно.

Но вернемся к первому делению, на котором начинается серьезная прочувствованная беседа, ибо тут Пилон сделал замечательный ход.

— Пабло,— сказал он,— скажи, тебе никогда не падает спать в канавах, мокрым, бездомным, всеми покинутым, одиноким?

— Нет,— сказал Пабло.

Голос Пилона стал мягким и вкрадчивым:

— Так и я думал, мой друг, когда я был грязным, бесприютным псом. Я тоже был доволен своей долей, потому что я не знал, как приятно жить в маленьком домике с крышей и садом. Ах, Пабло, вот это жизнь!

— Да, конечно, неплохо,— согласился Пабло.

Пилон ринулся в атаку:

— Послушай, Пабло, а не хотел бы ты снять часть моего дома? Тогда тебе больше уж не придется спать на холодной земле. Или на жестком песке под пристанью, где в твои башмаки залезают крабы. Хочешь жить здесь со мной?

— Само собой,— сказал Пабло.

— Ты будешь платить мне всего пятнадцать долларов в месяц! И в твоём распоряжении будет весь мой дом, кроме моей постели, и весь сад. Только подумай, Пабло! И если кто-нибудь напишет тебе письмо, ему будет куда его послать.

— Само собой,— сказал Пабло.— Это здорово.

Пилон облегченно вздохнул. Только сейчас он понял, каким бременем лежал на его душе долг Дэнни. Разумеется, он знал, что Пабло не заплатит за квартиру ни гроша, но это не уменьшало его торжества. Если Дэнни когда-нибудь потребует денег, он сможет сказать: «Я заплачу, когда заплатит Пабло».

Они достигли следующего деления, и Пилон вспомнил, как счастлив он был в детстве.

— Никаких забот, Пабло. Я был безгрешен. Я был очень счастлив.

— С тех пор мы ни разу не были счастливы,— грустно согласился Пабло.

ГЛАВА IV

*О том, как хороший человек Хесус Мария Коркоран
против воли стал орудием зла*

Жизнь Пилона и Пабло текла спокойно и очень приятно. По утрам, когда солнце выплывало из-за сосен, а далеко внизу искрился и играл волнами голубой залив, они неторопливо и задумчиво поднимались с постелей.

Солнечное утро — это время тихой радости. Когда высокие мальвы усыпаны сверкающими росинками, на каждом листке трепещет драгоценный камень, пусть ничего не стоящий, но зато прекрасный. Эти часы — не для спешки, не для суеты. Утро — время неторопливых, глубоких, золотых мыслей.

Пабло и Пилон в синих бумазейных штанах и синих рубашках рука об руку спустились в овраг за домом, а вернувшись, расположились на крыльце греться на солнце, слушать рожки рыботорговцев на улицах Монтеррея и обсуждать сонно и рассеянно происшествия, волнующие Тортилья-Флэт, ибо каждый раз, пока земля оборачивается вокруг своей оси, в Тортилья-Флэт успевают произойти тысяча важнейших событий.

На крыльце они предавались блаженному покою. Только пальцы их босых ног порой постукивали по теплым доскам, отгоняя надоедливых мух.

— Если бы это была не роса, а бриллианты, — сказал Пабло, — мы бы разбогатели. Мы бы жили без просыну всю жизнь.

Но Пилон, несший проклятие педантизма, возразил:

— Тогда бы у всех было много бриллиантов. И они ничего не стоили бы, а за вино всегда надо платить. Вот если бы вдруг пошел винный дождь, а у нас была бы цистерна, чтобы его собирать...

— Только чтобы дождь шел из хорошего вина, — перебил Пабло. — А не из того паршивого пойла, которое ты приволок в прошлый раз.

— Я ведь за него не платил, — сказал Пилон. — Кто-то спрятал бутылку в траве у дансинга. Чего же ты хочешь от найденного вина?

Они сидели, лениво отмахиваясь от мух.

— Корнелия Руис порезала вчера чумазого мексиканца, — заметил Пилон.

Пабло поглядел на него со слабым интересом.

— Подрались? — спросил он.

— Да нет. Просто чумазый не знал, что Корнелия завела себе вчера нового дружка, и попробовал войти к ней в дом. Вот Корнелия его и порезала.

— Вольно ж ему было не знать! — чопорно сказал Пабло.

— А он был в городе, когда Корнелия завела этого нового дружка. Чумазый только и сделал, что попробовал войти через окно, когда она заперла дверь.

— Чумазый всегда был дураком, — сказал Пабло. — Он помер?

— Да нет. Она только чуточку порезала ему руки. Корнелия вовсе и не сердилась. Просто она не хотела, чтобы чумазый вошел в дом.

— Корнелия не очень порядочная женщина, — заметил Пабло. — Но она заказывает мессы по своему отцу, хоть он уже десять лет как помер.

— Они ему пригодятся, — заметил Пилон. — Он был скверным человеком и ни разу не попал за это в тюрьму, и он никогда не исповедовался. Когда старик Руис поми-рал, пришел священник его напутствовать, и тогда Руис исповедался. Корнелия рассказывает, что священник был белее полотна, когда выходил от больного. Только потом священник говорил, что не поверил и половине того, в чем Руис ему исповедался.

Пабло кошачьим движением прикончил муху, свешую ему на колено.

— Руис всегда был лгуном, — сказал он. — Такой душе нужно много заупокойных месс. Но как по-твоему, будет ли толк от мессы, если за нее платят деньгами, которые пропадают из карманов людей, пока они спят пьяные в доме Корнелии?

— Месса — это месса, — сказал Пилон. — Человеку, который продает тебе стаканчик вина, все равно, где ты достал на него деньги. И богу все равно, чем платят за мессы. Он просто их любит, вот как ты вино. Отец Мерфи только и знал, что удить рыбу, и святое причастие весь сезон отдавало макрелью, но ведь оно от этого не теряло святости. Пускай в таких вещах разбираются священники. А нам нечего ломать над ними голову. Где бы нам раздобыть яиц? Неплохо было бы сейчас съесть яичко.

Пабло нахлобучил шляпу на самые глаза, заслоняясь от ярких солнечных лучей.

— Чарли Милер сказал мне, что Дэнни гуляет теперь с Розой Мартин, португалкой.

Пилон в тревоге привскочил.

— А вдруг она захочет выйти замуж за Дэнни? Эти португалки всегда хотят выходить замуж, и еще они любят деньги. Вдруг, когда они поженятся, Дэнни начнет требовать с нас плату за дом? Этой Розе понадобятся новые платья. У женщин всегда так. Я их знаю.

Пабло тоже, казалось, был обеспокоен.

— Может, нам сходить к Дэнни поговорить? — предложил он.

— Может, у Дэнни найдутся яйца, — заметил Пилон. — Куры у миссис Моралес хорошо несутся.

Они надели башмаки и медленно побрели к дому Дэнни.

Пилон нагнулся, подобрал крышку от пивной бутылки, выругался и отшвырнул ее.

— Какой-то скверный человек бросил ее здесь, чтобы обманывать людей.

— Я тоже вчера вечером на ней попался, — сказал Пабло, заглядывая во дворик, где попевала кукуруза, и мысленно отметил, что она, пожалуй, уже поспела.

Дэнни сидел у себя на крыльце, в тени розового куста, и шевелил пальцами босых ног, отгоняя мух.

— Привет, amigos, — вяло поздоровался он с ними.

Они уселись рядом с ним, сняли шляпы и разулись. Дэнни достал кисет и бумагу и передал их Пилону. Пилон на это немного покиривало, но он ничего не сказал.

— Корнелия Руис порезала чумазого мексиканца, — сказал он.

— Я слышал, — отозвался Дэнни.

Пабло заметил ядовито:

— Нынешние женщины забыли, что такое добродетель.

— Опасно иметь с ними дело, — подхватил Пилон. — Я слышал, что тут в Тортилья-Флэт есть одна португальская девчонка, которая всегда готова сделать мужчине подарочек, если он потрудится получить его.

Пабло негодуяще прищелкнул языком. Он развел руками.

— Что же делать? — сказал он. — Неужто никому нельзя доверять?

Они внимательно вглядывались в лицо Дэнни, но не заметили на нем никаких признаков тревоги.

— Зовут эту девушку Роза, — сказал Пилон. — А фамилию ее я называть не стану.

— Это ты о Розе Мартин? — заметил Дэнни без всякого интереса. — Чего же еще ждать от португалки?

Пабло и Пилон облегченно вздохнули.

— Как поживают куры миссис Моралес? — как бы между прочим спросил Пилон.

Дэнни печально покачал головой.

— Все до одной передохли. Миссис Моралес закупорила бобы в банки, а банки разорвало, и она скормила эти бобы курам, а куры передохли, все до единой.

— А где сейчас эти куры? — заинтересовался Пабло.

Дэнни отрицательно помахал указательным и средним пальцами.

— Кто-то сказал миссис Моралес, чтобы она не сла этих кур, а то заболает, но мы хорошенько их вынотрошили и продали мяснику.

— Кто-нибудь умер? — осведомился Пабло.

— Нет. Наверное, этих кур можно было есть.

— А ты не купил на вырученные деньги немножко вина? — намекнул Пилон.

Дэнни насмешливо улыбнулся.

— Миссис Моралес купила вина, и я вчера вечером был у нее в гостях. Она все еще красивая женщина, и все не такая уж старая.

Пилон и Пабло вновь охватила тревога.

— Мой двоюродный брат Уили говорит, что ей стукнуло пятьдесят, — взволнованно сказал Пилон.

Дэнни отмахнулся.

— Какая важность, сколько ей лет? — заметил он философски. — Женщина она очень бойкая. Она живет в собственном доме, и у нее есть двести долларов в банке. — Тут Дэнни немного смутился и добавил: — Мне бы хотелось сделать подарок миссис Моралес.

Пилон и Пабло уставились на свои ноги, всеми силами души стремясь отвлечь от надвигающегося. Но это им не удалось.

— Будь у меня деньги, — сказал Дэнни, — я купил бы ей коробку конфет. — Он выразительно посмотрел на своих жильцов, но они молчали. — Мне бы только доллар или два, — намекнул он.

— Чин Ки сушит каракатиц, — заметил Пилон. — Пойди к нему на полдня потрошить каракатиц.

— Хозяину двух домов неприлично потрошить каракатиц, — колко возразил Дэнни. — Вот если бы мне получить хоть часть квартирной платы...

Пилон в сердцах вскочил на ноги.

— Ты только и знаешь, что требовать квартирную плату! — крикнул он. — Ты готов вышвырнуть нас на улицу, в сточную канаву, а сам будешь нежиться в мягкой по-

стели! Пошли, Пабло,— гневно закончил Пилон,— мы достанем денег для этого скряги, для этого кровопийцы.

И оба гордо удалились.

— А где мы достанем денег? — спросил Пабло.

— Не знаю,— ответил Пилон.— Может, он больше не будет заговаривать об этом.

Однако столь бесчеловечное требование глубоко их ранило.

— Встречаясь с ним, мы будем звать его «кровопийцей-ростовщиком»,— сказал Пилон.— Столько лет мы были его друзьями! Когда он голодал, мы кормили его, когда он мерз, мы одевали его.

— Когда же это было? — спросил Пабло.

— Неважно. Будь у нас то, в чем он нуждался бы, мы поделились бы с ним. Вот какими друзьями мы были для него. А теперь он растоптал нашу дружбу ради коробки конфет для жирной старухи.

— Есть конфеты вредно,— сказал Пабло.

Бурные переживания совсем измучили Пилона. Он опустился на край придорожной канавы, подпер рукой подбородок и погрузился в отчаяние.

Пабло сел рядом с ним, но только для того, чтобы отдохнуть, так как его дружба с Дэни не была такой старинной и прекрасной, как дружба Пилона с Дэни.

Дно канавы было скрыто кустами и сухим бурьяном. Пилон, склонивший голову под гнетом печали и негодования, увидел, что из-под одного кустика торчит чья-то рука, а возле руки увидел бутылку вина, наполовину полную. Он вцепился в локоть Пабло и указал вниз.

Пабло уставился на руку.

— А может, он помер, Пилон?

Пилон уже успел перевести дух, и к нему вернулась обычная ясность мысли.

— Если он помер, то вино ему ни к чему. Бутылку же с ним не похоронят!

Рука зашевелилась, отодвинула ветки, и глазам друзей открылась чумазая физиономия и рыжая щетинистая борода Хесуса Марии Коркорана.

— Здорово, Пилон, здорово, Пабло,— ошалело сказал он.— *Que tomas?*¹

Пилон прыгнул к нему.

— *Amigo*, Хесус Мария! Ты нездоров?

Хесус Мария кротко улыбнулся.

— Я просто пьян,— пробормотал он, приподнялся

¹ Что выпьете? (исп.)

и встал на четвереньки.— Выпейте со мной, друзья. Пейте больше. Тут еще много осталось.

Пилон положил бутылъ на согнутый локоть. Он сделал четыре глотка, и содержимое ее убавилось на пинту с лишком. Затем Пабло отобрал у него бутылъ и стал играть с ней, как котенок с перышком. Он пополировал горлышко рукавом. Он понюхал вино. Он сделал три-четыре предварительных глотка и поката л капелъку на языке, чтобы раздражить себя. Но вот он сказал: «*Madre de Dios, qué vino!*»¹ — поднял бутылъ, и красное вино весело забулькало у него в глотке.

Пабло еще не перевел духа, когда Пилон уже протянул руку к бутылке. Он обратил на своего друга Хесуса Марию взгляд, полный нежности и восхищения.

— Ты нашел в лесу клад? — спросил он.— Какой-нибудь богач помер и назначил тебя своим наследником, дружок мой?

Хесус Мария был само человеколюбие, и в его сердце никогда не иссякала доброта. Он откашлялся и сплюнул.

— Дайте мне вина,— сказал он.— У меня пересохло в глотке. Я вам сейчас все расскажу.

Он пил неторопливо и мечтательно, как пьет человек, который уже столько выпил, что может больше не спешить и даже позволить себе расплескать чуточку вина, несколько об этом не жалея.

— Две ночи тому назад,— сказал он,— я ночевал на берегу. На берегу недалеко от Сисайда. За ночь волны вынесли на берег лодку. Такую хорошую лодочку, и с веслами. Я сел в нее и погреб в Монтерей. За нее можно было бы выручить долларов двадцать, но покупателей не находилось, и я получил всего семь.

— У тебя еще остались деньги? — взволнованно перебил его Пилон.

— Я же рассказываю вам, как все было,— с достоинством ответил Хесус Мария.— Я купил два галлона вина и отнес их сюда в лес, а потом пошел погулять с Арабеллой Гросс. Я купил ей в Монтерее шелковые подштанники. Они ей понравились — они такие мягкие и розовые. И еще я купил для Арабеллы пинту виски, а потом мы встретили солдат, и она ушла с ними.

— Прикарманив деньги хорошего человека! — в ужасе вскричал Пилон.

¹ Матерь божья, что за вино! (исп.)

— Нет,— задумчиво сказал Хесус Мария.— Ей все равно пора было уходить. А потом я пришел сюда и лег спать.

— Значит, у тебя больше не осталось денег?

— Не знаю,— сказал Хесус Мария.— Сейчас погляжу.— Он порылся в кармане и вытащил три смятых долларовых бумажки и десятицентовую монету.— Сегодня вечером,— сказал он,— я куплю Арабелле Гросс такую штучку, которую носят, как пояс, только выше.

— Маленькие шелковые кармашки на веревочке?

— Да,— ответил Хесус Мария.— Только они не такие уж маленькие, как ты думаешь.

Он откашлялся.

Пилон сразу исполнился нежной заботливости.

— Это все почной воздух,— сказал он.— Спать под открытым небом вредно. Вот что, Пабло, мы отведем его к нам домой и вылечим его простуду. Грудная болезнь зашла уже далеко, но мы ее вылечим.

— О чем вы говорите? — спросил Хесус Мария.— Я здоров.

— Это тебе так кажется,— ответил Пилон.— Так казалось и Рудольфо Келлигу. А ты сам был на его похоронах месяц назад. Так казалось и Анхелине Васкес. А она померла на прошлой неделе.

Хесус Мария испугался.

— В чем же тут дело, как по-твоему?

— В том, что человек, когда спит, дышит почным воздухом,— важно объяснил Пилон.— Твои легкие его не выдержат.

Пабло обмотал бутылку большим сорняком, так хорошо ее укрыв, что любой прохожий проникся бы жгучим желанием узнать, какую тайну скрывает этот сорняк.

Пилон шел рядом с Хесусом Марией и порой нежно брал его под руку, чтобы он не забыл о своей болезни. Они отвели его в свой дом, уложили в постель и, хотя день был жарким, укутали старым ватным одеялом. Пабло произнес трогательную речь о муках несчастных страдальцев, терзаемых туберкулезом. А затем медовым голосом заговорил Пилон. Он с благоговейным восторгом описывал, какое это счастье — жить в маленьком домике. Когда приходит ночь, когда иссякают дружеская беседа и вино, а за окном смертоносные туманы льнут к земле, как призраки чудовищных пиявок, тогда живущему в таком домике не нужно выходить на улицу и устраиваться на ночлег во вредной сыро-

сти оврага. Нет, он ложится в удобную, мягкую, теплую постель и спит, как малое дитя.

Тут Хесус Мария уснул. Пилону и Пабло пришлось разбудить его и дать ему выпить. Затем Пилон принялся трогательно описывать утро, когда человек лежит в своем теплом гнездышке, дожидаясь, чтобы солнце начало припекать как следует. Ему не приходится дрожать на рассвете и хлопать руками, чтобы как-то их согреть.

Наконец Пилон и Пабло мертвой хваткой вцепились в Хесуса Марию, как два эрдельтерьера, которые, безмолвно выследив дичь, вцепляются в нее с двух сторон. Они сдали свой дом Хесусу Марии за пятнадцать долларов в месяц. Он с радостью согласился. Все трое пожали друг другу руки. Бутылка была извлечена из сорняка. Пилон основательно к ней приложился, так как знал, что самое трудное еще впереди. И вот, пока Хесус Мария шил, он небрежно и вкрадчиво произнес:

— И мы возьмем с тебя всего три доллара задатка.

Хесус Мария поставил бутылку и в ужасе уставился на него.

— Нет,— возмущенно воскликнул он.— Я обещал Арабелле Гросс купить ей такую штучку. А за дом я заплачу, когда придет срок.

Пилон понял, что взял неверный тон.

— Когда ты лежал на берегу вблизи Сисайда, бог пригнал тебе эту лодочку. Что ж, по-твоему, милосердный бог сделал это, чтобы ты мог покупать шелковые подштанники для девки с консервного завода? Нет! Бог послал тебе лодку, чтобы ты не умер от почсвок на холодной земле. Или, по-твоему, бога заботит грудь Арабеллы Гросс? А кроме того, мы возьмем в задаток только два доллара,— продолжал он.— За один доллар ты можешь купить такую штучку, что хоть корове будет впору.

Но Хесус Мария все еще не сдавался.

— Вот что,— сказал Пилон,— если мы не уплатим Дэни два доллара, нас всех выгонят на улицу, а виноват будешь ты. Мы будем спать в канавах, и грех падет на твою душу.

Хесус Мария Коркоран не вынес стольких ударов со стольких сторон. Он протянул Пилону две смятые бумажки.

И тогда настороженность и недоверие покинули комнату, а их место заняли покой, тишина и теплейшая дружба. Пилон облегченно вздохнул. Пабло отнес одеяло к себе на кровать, и завязалась беседа.

— Нам надо отнести эти деньги Дэни.

Первая жажда была утолена, и теперь они попивали вино из банок.

— Почему Дэни так нужны два доллара? — спросил Хесус Мария.

И Пилон излил ему свою душу. Его руки запорхали, как две почные бабочки, и только запястья и плечи мешали им вылететь за дверь.

— Наш друг Дэни ухаживает за миссис Моралес. Нет, не сочти его дураком. У миссис Моралес есть в банке двести долларов. Дэни хочет купить коробку конфет для миссис Моралес.

— Конфеты есть вредно, — заметил Пабло. — От них болят зубы.

— Это уж Дэни решать, — сказал Хесус Мария. — Если он хочет, чтобы у миссис Моралес болели зубы, это его дело. А нам-то что до зубов миссис Моралес?

Лицо Пилона омрачилось тревогой.

— Однако, — строго перебил он, — если наш друг Дэни подарит миссис Моралес много конфет, он их тоже будет есть. И значит, болеть будут зубы нашего друга.

Пабло огорченно покачал головой.

— Куда это годится, если друзья Дэни, которым он верит, доведут его до зубной боли?

— Так что же нам делать? — спросил Хесус Мария, хотя и он сам, и остальные двое прекрасно знали, что именно они сделают. Каждый вежливо предоставлял соседу произнести неизбежные слова. Молчание затягивалось. Пилон и Пабло чувствовали, что предложение не должно исходить от них, поскольку в некоторых отношениях их можно было считать заинтересованными сторонами. Хесус Мария молчал потому, что был гостем, но когда молчание его хозяев подсказало ему, чего от него ждут, он мужественно сделал первый шаг.

— Галлон вина — вот прекрасный подарок для дамы, — произнес он задумчиво.

Пилон и Пабло были поражены его находчивостью.

— Мы скажем Дэни, что для его зубов будет полезнее, если он купит вина.

— А вдруг Дэни нас не послушает? Когда даешь Дэни деньги, никогда не знаешь, что он на них купит. Вдруг он все-таки купит конфет, и тогда все наши хлопоты и волнения пропадут зря?

Они превратили Хесуса Марию в своего суфлера, в спасителя положения.

— Может, если мы сами купим вино и отдадим его Дэнни, это будет безопаснее? — предложил он.

— Вот именно! — вскричал Пилон. — Ты хорошо придумал.

Хесус Мария лишь скромно улыбнулся, услышав, что ему приписывают честь этой выдумки. Он прекрасно понимал, что идея носилась в воздухе и рано или поздно кто-нибудь ее обязательно высказал бы.

Пабло разлил остатки вина по банкам, и они выпили его, отдыхая после таких усилий. Они гордились тем, что спасительная мысль была развита столь логично и послужила столь человеколюбивой цели.

— Мне что-то есть хочется, — сказал Пабло.

Пилон встал, подошел к двери и поглядел на солнце.

— Полдень уже миновал, — сказал он. — Мы с Пабло пойдем к Торрелли за вином, а ты, Хесус Мария, иди в Монтерей и раздобудь еды. Может, миссис Бруно на пристани даст тебе рыбы. Может, ты где-нибудь достанешь хлеба.

— Я лучше пойду с вами, — сказал Хесус Мария, ибо он подозревал, что в головах его друзей столь же логично и столь же неизбежно уже зреет новая мысль.

— Нет, Хесус Мария, — сказали они твердо. — Сейчас два часа или около того. Через час будет три часа. Мы встретимся с тобой здесь и перескусим. И может, запьем еду стаканчиком вина.

Хесус Мария с неохотой побрел в Монтерей, а Пилон и Пабло весело зашагали вниз по склону холма к заведению Торрелли.

ГЛАВА V

*О том, как святой Франциск изменил ход событий
и с отеческой мягкостью наказал Пилона,
Пабло и Хесуса Марию*

Вечер приближался так же незаметно, как приближается старость к счастливому человеку. К солнечному сиянию добавилось немножко больше золота. Залив стал чуть синей, и по нему побежали морщинки от берегового ветра. Одинокие удильщики, которые верят в то, что рыба клюет только во время прилива, покинули свои скалы, и их места заняли те, кто убежден, что рыба клюет только во время отлива.

В три часа ветер переменялся и легонько подул с моря, принося с собой бодрящие запахи всевозможных водорослей. Чинившие сети на пустырях Монтерей отложили свои иглы и свернули сигареты. Жирные дамы с глазами, скучающими и мудрыми, как глаза свиней, ехали по улицам города в пыхтящих автомобилях к отелю «Дель Монте», где их ждали чай и джип с содовой. На улице Альварадо Гуго Мачадо, портной, повесил на дверь своей мастерской записку: «Буду через пять минут» и ушел домой, чтобы больше в этот день не возвращаться. Сосны покачивались медлительно и томно. Куры в сотнях курятников безмятежными голосами жаловались на свою тяжкую судьбу.

Пилон и Пабло сидели под кустом кастильской розы во дворе Торрелли и, не замечая времени, тихонько потягивали вино, а вечерние тени вокруг росли так же незаметно, как растут волосы.

— И очень хорошо, что мы не отнесли Дэни двух галлонов вина,— сказал Пилон.— Он из тех, кто не знает меры, когда пьет.

Пабло согласился.

— Дэни на вид здоров,— сказал он,— но ведь каждый день только и слышишь, как такие люди умирают. Возьми хоть Рудольфо Келлига. Возьми хоть Анхелину Васкес.

Педантизм его собеседника мягко дал о себе знать.

— Рудольфо свалился в каменоломню за Пасифик-Гров,— с легким упреком поправил Пилон приятеля.— Анхелина съела испорченные рыбные консервы. Но,— закончил он ласково,— я понимаю, что ты хотел сказать. Очень многие умирают и от злоупотребления вином.

Весь Монтерей постепенно и бессознательно начинал готовиться к ночи. Миссис Гутьерес крошила красный перец для соуса. Руперт Хоган, виноторговец, разбавил джин водой и припрятал его, чтобы продавать после полуночи. И подсыпал перца в вечернее виски. В дансинге «Эль Пасео» Бомба Розендейл открыла коробку соленого печенья и разложила его по большим блюдам, словно грубые коричневые кружева. В аптеке «Палас» убрали маркизы. Кучка мужчин, которые простояли весь день перед почтовой конторой, здороваясь с друзьями, отправилась на станцию встречать экспресс «Дель Монте» из Сан-Франциско. Пресыщенные чайки поднимались с пляжа у рыбоконсервных

заводов и улетали на рифы. Стаи пеликанов, тяжело взмахивая крыльями, тянулись туда, где они ночуют. Итальянские рыбаки на сейнерах складывали свои неводы. Маленькая мисс Альма Альварес, которой давно уже исполнилось девяносто лет, отнесла свой ежедневный букет розовой герани пресвятой деве над папертью церкви Сан-Карлос. В соседней методистской деревушке Пасифик-Гров члены Женского Христианского Союза Трезвости, собравшиеся на чаепитие и беседу, слушали миниатюрную даму, которая с большим жаром живописала порок и проституцию, процветающие в Монтерее. Она рекомендовала, чтобы специальная комиссия посетила тамошние притоны и на месте ознакомилась с ужасающим положением вещей. Они уже много раз все это обсуждали, и им необходимы свежие факты.

Солнце склонилось к западу и обрело оранжевый румянец. Под кустом кастильской розы во дворе Торрелли Пабло и Пилон допили первый галлон вина. Торрелли вышел из дому и прошел через двор, не заметив своих недавних клиентов. Они подождали, пока он не скрылся из вида на улице, ведущей в Монтерей; тогда Пабло и Пилон вошли в дом и, рассчитавно пустив в ход свое искусство, добились того, что миссис Торрелли угостила их ужином. Они хлопали ее по заду, называли ее «уточкой», позволили себе несколько любезных вольностей по отношению к ее особе, и в конце концов удалились, оставив ее весьма польщенной и слегка растрепанной.

К этому времени Монтерей окутали сумерки и уже зажглись фонари. Мягко светились окна. Монтереевский театр принялся выписывать огненными буквами «Дети ада, Дети ада». Маленькая, но фанатическая кучка тех, кто верит, что рыба клюет только вечером, в свою очередь, расположилась на остывших скалах. По улицам пополз легкий туман, завиваясь у печных труб, и в воздухе разлился приятный запах горящих сосновых дров.

Пабло и Пилон вернулись к своему розовому кусту и сели на землю, но им уже не было так уютно, как прежде.

— Тут холодно,— заметил Пилон и отхлебнул из бутылки, чтобы согреться.

— Пойдем лучше домой, там тепло,— сказал Пабло.

— Но у нас нет дров.

— Ладно,— сказал Пабло,— неси вино, встретимся на углу.— И он действительно пришел туда через полчаса.

Пилон терпеливо ждал, зная, что есть положения, когда даже помощь друга бесполезна. И, ожидая, Пилон бдительно вглядывался в тот конец улицы, где исчез Торрелли, так как Торрелли был человеком буйным и любые объяснения, даже самые логичные, даже необыкновенно красноречивые, не произвели бы на него ни малейшего впечатления. Кроме того, Пилон знал, что Торрелли придерживается по-итальянски нетерпимых и чисто докихотских взглядов на супружеские отношения. Но Пилон беспокоился напрасно. Торрелли, пылая яростью, не ворвался в свой дом. Через некоторое время явился Пабло, и Пилон с восхищением и одобрением заметил, что он несет охапку сосновых дров из полешницы Торрелли.

Пабло ни словом не обмолвился о своем приключении, пока они не добрались до дома. А тогда он сказал, как недавно Дэни:

— Бойкая женщина эта уточка.

Пилон в темноте кивнул и сказал философски:

— Редко можно найти на одном рынке все, в чем нуждается человек,— вино, еду, любовь и дрова. Не надо забывать Торрелли, Пабло, друг мой. С таким человеком стоит водить знакомство. Давай подарим ему что-нибудь.

Пилон подбрасывал поленья в печку, пока пламя в ней не заревело. Тогда оба друга придвинули стулья поближе и поднесли банки из-под варенья к самой дверце, чтобы согреть вино. В этот вечер комнату освещал священный огонек, так как Пабло купил свечу, чтобы поставить ее святому Франциску. Но что-то отвлекло его от осуществления этого благочестивого намерения. И теперь топильная восковая свечка горела ясным пламенем в устричной раковине, отбрасывала тени Пабло и Пилона на стену и заставляла их танцевать.

— Куда это запропастился Хесус Мария? — заметил Пилон.

— Он обещал вернуться давным-давно,— ответил Пабло.— Просто не знаешь, можно ли доверять такому человеку или нет.

— А вдруг его что-нибудь задержало, Пабло? Из-за рыжей бороды и доброго сердца у Хесуса Марии вечно случаются неприятности с дамами.

— У него мозги, как у кузнечика,— сказал Пабло.— Только и знает, что петь, играть да прыгать. Несерьезный он человек.

Ждать им пришлось недолго. Не успели они во второй раз наполнить банки из-под варенья, как в комнату, шата-

ясь, ввалился Хесус Мария. Он уцепился за оба косяка, чтобы не упасть. Рубаха его была разорвана, лицо залито кровью. Танцующее пламя свечи озаряло зловещий синяк под глазом.

Пабло и Пилон бросились к нему.

— Наш друг! Он ранен. Он упал с обрыва. Его переехал поезд!

В их тоне не было и тени насмешки, но Хесус Мария счел эти слова самой язвительной насмешкой. Он свирепо сверкнул на Пилон и Пабло тем глазом, который был еще на это способен.

— Обе твои матери — яловые коровы, — сказал он.

Они отступили, ужаснувшись вульгарности этого ругательства.

— Наш друг бредит.

— Ему проломили череп.

— Налей ему вина, Пабло.

Хесус Мария угрюмо уселся у печки, поглаживая свою банку из-под варенья, а его друзья терпеливо ждали рассказа о трагическом происшествии. Но Хесус Мария, казалось, не собирался ничего им говорить. Пилон несколько раз откашливался, Пабло глядел на Хесуса Марию взглядом, готовым немедленно выразить живейшее сочувствие, но Хесус Мария только хмурился и свирепо поглядывал то на печку, то на вино, то на святую свечу, и в конце концов его невежливая сдержанность толкнула Пилон на столь же большую невежливость. Потом он сам не понимал, как мог настолько забыться.

— Опять эти солдаты? — спросил он.

— Да, — проворчал Хесус Мария. — На этот раз они явились слишком рано.

— Наверное, их было не меньше двадцати, раз они так тебя отделали, — заметил Пабло, чтобы подбодрить друга. — Кто же не знает, что в драке ты лев?

И действительно, после его слов Хесус Мария чуть-чуть повеселел.

— Их было четверо, — сказал он. — И Арабелла Гросс им тоже помогала. Она стукнула меня камнем по голове.

Пилон охватило добродетельное негодование.

— Не стану напоминать тебе, — сказал он строго, — что твои друзья просили тебя не связываться с этой девкой-консервницей. — Он не был вполне уверен, предостерегал ли он Хесуса Марию, но ему помнилось, что предостерегал.

— От этих дешевых белых девчонок добра не жди, —

вмешался Пабло.— А ты отдал ей эту штучку, которую носят как пояс?

Хесус Мария порылся у себя в кармане и вытащил оттуда розовый вязкозный бюстгальтер.

— Не успел,— сказал он.— Я как раз хотел это сделать, а кроме того, мы еще не добрались до леса.

Пилон попохал воздух и покачал головой, но не без оттенка грустной снисходительности.

— Ты пил виски.

Хесус Мария кивнул.

— Чье это было виски?

— Этих солдат,— ответил Хесус Мария.— Они спрятали его под мостиком. Арабелла об этом знала и сказала мне. Но солдаты увидели у нас бутылку.

Контуры случившегося постепенно прояснялись. Пилон предпочитал именно такой способ повествования. Выложить все сразу — значит безнадежно испортить рассказ. Его прелесть складывается из недосказанного, когда слушатель должен восполнять пробелы, исходя из собственного опыта. Пилон взял розовый лифчик с колен Хесуса Марии, провел по нему пальцами, и глаза его стали задумчивыми. Но через мгновение в них вспыхнула радость.

— Знаю! — воскликнул он.— Мы отдадим эту штучку, Дэниел для подарка миссис Моралес.

Все, кроме Хесуса Марии, горячо приветствовали этот план, и он почувствовал, что остался в жалком меньшинстве. Пабло тактично наполнил банку Хесуса Марии, хорошо понимая, каково это — потерпеть поражение.

Но прошло немного времени, и все трое начали улыбаться. Пилон рассказал очень смешную историю, случившуюся с его отцом. К обществу вернулось хорошее настроение. Они запели. Хесус Мария отбил чечетку, чтобы доказать, что его рана — пустяк. Вина в бутылке становилось все меньше и меньше, однако оно еще не иссякло, когда троих друзей сморил сон. Пабло и Пилон, пошатываясь, добрались до своих постелей, а Хесус Мария удобно устроился на полу возле печки.

Дрова в печке догорели. Дом наполнился басовой мелодией сна. В большой комнате все застыло в неподвижности. Только святая свеча с удивительной быстротой то вскидывала, то опускала острый язычок пламени.

Позже эта свеча заставила Пилона, и Пабло, и Хесуса Марию задуматься над кое-какими этическими вопросами. Простая восковая палочка с бечевкой внутри нее. Подобный предмет, скажете вы, подвластен определенным фи-

зическим законам, и только им. Вы думаете, что его поведение обуславливается теплотой и горением. Вы зажигаете фитиль, воск плавится и подымается по фитилю; свеча горит какое-то количество часов, затем гаснет, и все. Эпизод закончен. Вскоре свеча уже забыта, и следовательно, никогда не существовала.

Но разве вы забыли, что свеча была святой? Что в минуту угрызений совести, а может быть, чистого молитвенного экстаза Пабло обещал ее святому Франциску? И вот этот фактор помещает восковую палочку вне пределов юрисдикции физических законов.

Свеча прицелилась острием пламени в небеса, словно художник, который сжигает себя, чтобы обрести бессмертие. Свеча становилась все короче и короче. Она искривилась. Ветер поднялся на улице и пробрался сквозь щели в стенах. Шелковый календарь, украшенный личиком прелестной девушки, выглядывающей из лепестков розы «Американская красавица», плавно качнулся на стене. Он задел огненное острие. Пламя лизнуло шелк и взбежало к потолку. Вспыхнул отставший кусок обоев и, пылая, упал на пачку старых газет.

С неба на происходившее сурово и неумолимо глядели святые мученики. Свечка была обещана. Она принадлежала святому Франциску. Вместо нее святой Франциск получит в эту ночь свечу побольше.

Умей мы измерять глубину сна, можно было бы утверждать, что Пабло, чье кощунственное деяние послужило причиной пожара, спал еще более крепко, чем оба его друга. Но раз мы этого не умеем, остается только сказать, что спал он очень, очень крепко.

Языки пламени побежали по стенам, нашли дыры в крыше и просочились сквозь них в ночь. Дом наполнился ревом огня. Хесус Мария заворочался и, не просыпаясь, начал стягивать с себя куртку. Но тут ему на лицо упала горящая дранка. Он с воплем вскочил и потрясенно уставился на огонь, бушевавший вокруг.

— Пилон! — завопил он. — Пабло!

Он бросился в соседнюю комнату, вытащил своих друзей из постелей и вытолкал их за дверь. Пилон все еще сжимал в кулаке розовый бюстгальтер.

Они стояли перед горящим домом и смотрели в занавешенную огнем дверь. Им был виден стол, а на нем — бутылка, в которой еще оставалось добрых два дюйма вина.

Пилон почувствовал, что в Хесусе Марии поднимается волна яростного героизма.

— Не делай этого! — крикнул он.— Пусть оно гибнет в огне, в наказание нам за то, что мы его оставили там.

До них донесся вой сирен и рев монтерейских машин, на второй скорости взбирающихся по холму. Большие красные фургоны все приближались, и лучи их прожекторов уже заметались среди сосен.

Пилон поспешно повернулся к Хесусу Марии.

— Беги и скажи Дэнни, что его дом горит. Беги быстрее, Хесус Мария.

— А почему ты сам не бежишь?

— Слушай,— сказал Пилон,— Дэнни не знает, что его дом спимасшь ты. А на Пабло и меня он может рассердиться.

Хесус Мария признал логичность этого довода и опрометью кинулся к дому Дэнни. В доме было темно.

— Дэнни! — крикнул Хесус Мария.— Дэнни! Твой дом горит.

Ответа не было.

— Дэнни! — крикнул он снова.

В соседнем доме, в доме миссис Моралес, открылось окно, и Дэнни сказал раздраженно:

— Какого черта тебе тут надо?

— Твой другой дом горит! Тот, в котором живут Пабло и Пилон.

Дэнни немного помолчал, а потом спросил:

— Пожарные там?

— Да! — крикнул Хесус Мария.

К этому времени зарево разлилось по всему небу. До них донесся треск горящих бревен.

— Ну,— сказал Дэни,— если пожарные ничего не могут поделать, так чего Пилон хочет от меня?

Хесус Мария услышал, как окно захлопнулось, и, повернувшись, побежал назад. Он понимал, что явился не вовремя, но ведь заранее не угадаешь. Если бы Дэни пропустил пожар, он мог бы рассердиться. Во всяком случае, Хесус Мария был рад, что предупредил его. Теперь вся ответственность ложилась на миссис Моралес.

Домик был маленький, тяга хорошая, а стены сухие. Пожалуй, с тех пор как выгорел старый китайский квартал, в Монтерее не случалось такого быстрого и исчерпывающего пожара. Пожарные бросили взгляд на пылающие стены и принялись поливать траву, деревья и соседние дома. Не прошло и часа, как от дома ничего не осталось. И только тогда шланги были повернуты на кучу золы, чтобы загасить угли и раскаленный пепел.

Пилон, и Пабло, и Хесус Мария стояли плечом к плечу и смотрели. Половина жителей Монтерея и все обитатели Тортилья-Флэт, за исключением Дэнни и миссис Моралес, толпились вокруг, с большим удовольствием созерцая пожар. Наконец, когда все было кончено и над черной кучей поднялось облако пара, Пилон молча повернулся и зашагал прочь.

— Куда ты идешь? — окликнул его Пабло.

— Я иду, — сказал Пилон, — в лес, чтобы выпасться. Советую и вам сделать то же. Нам лучше пока не попадаться на глаза Дэнни.

Они задумчиво кивнули и последовали за ним в сосновый лес.

— Это урок для нас, — сказал Пилон. — Никогда не следует оставлять вино в доме на ночь.

— В следующий раз, — с унылой безнадежностью сказал Пабло, — ты оставишь его снаружи, и кто-нибудь его украдет.

ГЛАВА VI

О том, как трое грешников, раскаявшись, обрели душевный мир. О том, как друзья Дэнни поклялись в вечной дружбе

Когда солнце поднялось над соснами и земля согрелась, а ночная роса уже высохла на листьях герани, Дэнни вышел на крыльцо, чтобы посидеть на солнышке и поразмыслить о некоторых событиях. Он сбросил башмаки и зашевелил пальцами босых ног, грея их на солнце. На рассвете он уже сходил посмотреть на черную кучу золы, из которой торчали остатки водопроводных труб, — еще недавно все это было его вторым домом. Он уже вознегодовал, как положено, на своих небрежных друзей, уже оплакал ту недолговечность земных сокровищ, которая делает столь ценными сокровища духа. Он уже всесторонне обдумал гибель своего статуса домовладельца, сдающего второй дом в аренду, и теперь, испытав и забыв весь этот клубок неизбежных и приличествующих случаю эмоций, предался, наконец, единственно подлинной из них — чувству глубокого облегчения, что хотя бы половина этого бремени свалилась с его плеч.

«Если бы он уцелел, я бы алчно требовал платы за него, — думал Дэнни. — Мои друзья охладели ко мне, потому

что они стали моими должниками. Теперь мы опять будем свободны и счастливы».

Но Дэнни знал, что он должен устроить нагоняй своим друзьям, чтобы они не сочли его рохлей. И вот, сидя на крыльце и отгоняя мух движением руки, которое скорее предостерегало их, нежели грозило им гибелью, он обдумывал, что он скажет своим друзьям, прежде чем вновь откроет им корабль былой дружбы. Он должен показать им, что он не тот человек, чьим долготерпением можно злоупотреблять. Но он жаждал поскорее покончить со всем этим и вновь стать тем Дэнни, к которому спешили люди, раздобывшие бутылку вина или кусок мяса. Ведь пока он был владельцем двух домов, его считали богачом, и поэтому он лишился многих радостей.

Пилон, и Пабло, и Хесус Мария Коркоран спали крепким сном на сосновых иглах в лесу. Ночь была исполнена бурных волнений, и они устали. Но солнце наконец начало припекать их лица с полуденным пылом, муравьи гуляли по ним взад и вперед, а две голубые сойки, опустившись на землю возле них, обзывали их всеми бранными кличками, какие только знали.

Однако окончательно разбудила их компания, устроившая пикник рядом с кустами, где они лежали: из открытой корзины с завтраком поднялись упоительные запахи и достигли поздрей Пилона, и Пабло, и Хесуса Марии. Они проснулись; они сели; и тут они вспомнили, в каком страшном положении они очутились.

— Как начался пожар? — жалобно спросил Пабло, но никто этого не знал.

— Может, — сказал Хесус Мария, — нам пока лучше перебраться в другой город — в Уотсонвилл или в Салинас? Это хорошие города.

Пилон вытащил из кармана бюстгальтер и провел пальцем по глянцеvitому розовому шелку. А потом поднял его и посмотрел сквозь него на солнце.

— Это только затянет дело, — заявил он решительно. — По-моему, будет лучше всего, если мы пойдем к Дэнни, как малые дети к отцу, и признаемся в своей вине. И тогда он уже не сможет сказать ничего такого, о чем потом не пожалел бы. А кроме того, разве у нас нет этого подарка для миссис Моралес?

Его друзья кивнули в знак согласия. Взгляд Пилона пробился сквозь густые кусты, туда, где сидели участники пикника, а главное, стояла внушительная корзина с завтраком, из которой исходил манящий аромат фаршированных

яиц. Нос Пилон слегка задержался, как нос кролика. Он мечтательно улыбнулся.

— Я пойду прогуляюсь, друзья мои. И буду ждать вас у каменоломни. Если возможно, корзины не приносите.

Они грустно смотрели, как Пилон встал и исчез за деревьями точно под прямым углом по отношению к пикнику и корзине. Пабло и Хесус Мария несколько не удивились, когда две-три секунды спустя до них донесся собачий лай, петушиный крик, ворчание дикой кошки, короткий вопль и мольба о помощи; однако участники пикника были поражены и заинтригованы. Две парочки покинули свою корзину и побежали в ту сторону, откуда исходили эти прихотливые звуки.

Пабло и Хесус Мария последовали наставлениям Пилонна. Они не взяли корзины, но с тех пор их шляпы и рубашки хранили неизгладимые следы фаршированных яиц.

Часов около трех к дому Дэнни медленно брели трое кающихся грешников. Они несли искупительные дары: апельсины, яблоки и бананы, банки с оливками и маринованными огурцами, сандвичи с ветчиной и яйцами, бутылки содовой воды, кулек картофельного салата и номер «Сатердей ивнинг пост».

Дэнни заметил их приближение, встал и попытался вспомнить все, что должен был им сказать. Они выстроились перед ним в ряд, понутив головы.

«Собачьими собаками» назвал их Дэнни, и «ворами второго дома приличного человека», и «отродьем каракатицы». Он именовал их матерей коровами, а их отцов старыми баранами.

Пилон открыл пакет, который держал в руке, и показал сандвичи с ветчиной. А Дэнни сказал, что он больше не верит в друзей, что дружба его поправа и сердце его оледенело. Тут память начала ему изменять, так как Пабло достал из-за пазухи два фаршированных яйца. Однако Дэнни все же добрался до поколения их дедов и подверг бичующей критике добродетель его женщин и мужественность его мужчин.

Пилон вынул из кармана розовый бюстгальтер и равнодушно поболтал им в воздухе.

Тут Дэнни начисто все забыл. Он сел на крыльцо, его друзья сели рядом с ним, и один за другим были развернуты все пакеты. Они наелись так, что им стало не по себе. И только через час, когда они лениво откинулись, бездумно предаваясь пищеварению, Дэнни спросил между прочим, словно о давно минувшем событии:

— А как начался пожар?

— Мы не знаем,— объяснил Пилон.— Мы заснули, и тут он начался. Может, у нас есть враги?

— Может,— сказал Пабло благочестиво,— может, к этому приложил руку бог?

— Кто знает, почему милосердный бог поступает так, а не иначе? — добавил Хесус Мария.

Когда Пилон вручил Дэнни бюстгальтер и объяснил, что это подарок для миссис Моралес, Дэнни не изъяснил особого восторга. Он бросил на бюстгальтер скептический взгляд. Его друзья сильно польстили миссис Моралес, решил он.

— Женщинам вроде не опасно делать подарки,— сказал он наконец.— Слишком часто шелковые чулки, которые мы дарим женщинам, связывают нас по рукам и ногам.

Не мог же он объяснить своим друзьям, что с тех пор, как он стал владельцем только одного дома, между ним и миссис Моралес наступило заметное охлаждение; и точно так же галантность по отношению к миссис Моралес не позволяла ему описать, как приятно ему это охлаждение.

— Я спрячу эту штучку,— сказал он.— Может, она когда-нибудь кому-нибудь пригодится.

Когда наступил вечер и стемнело, они вошли в дом и развели огонь из шишек в железной печке. Дэнни в знак того, что все прощено и забыто, вытащил кварту граппы и поделился ее пламенем со своими друзьями.

Их жизнь мирно входила в новую колею.

— А жаль, что все куры миссис Моралес передохли,— заметил Пилон.

Но оказалось, что и это не будет помехой их счастью.

— Она собирается в понедельник купить две дюжины новых,— сообщил Дэнни.

Пилон удовлетворенно улыбнулся.

— От кур миссис Сото не было никакого толку,— сказал он.— Я говорил миссис Сото, что им надо давать толченые ракушки, но она не послушалась.

Они распили кварту граппы, и ее оказалось как раз достаточно для того, чтобы дружба стала еще слаще.

— Хорошо иметь друзей,— сказал Дэнни.— Как грустно и одиноко человеку без друзей, с которыми можно посидеть и поделиться своей квартирой граппы.

— Или своими бутербродами,— быстро добавил Пилон.

Пабло еще немного грызла совесть, ибо он подозревал, почему именно заблагорассудилось небесам спалить их дом.

— В мире найдется мало друзей, равных тебе, Дэнни. Немногим даровано утешение иметь такого друга.

Но прежде чем волны дружбы окончательно сомкнулись над головой Дэнни, он успел произнести одно предупреждение:

— Держитесь подальше от моей кровати,— приказал он.— Спать на ней буду только я.

Хотя об этом не было сказано ни слова, все четверо знали, что теперь они будут жить в доме Дэнни.

Пилон блаженно вздохнул. Незачем было тревожиться из-за квартирной платы, незачем больше мучиться из-за долгов. Теперь он был уже не жильцом, а гостем. И мысленно он возблагодарил господ за сожжение второго дома.

— Мы все будем здесь счастливы, Дэнни,— сказал он.— Вечерами мы будем сидеть у огня, и наши друзья будут навещать нас. И порой, быть может, у нас найдется стаканчик винца, чтобы выпить за дружбу.

И тут Хесус Мария, изнемогая от признательности, произнес опрометчивое обещание. Виновата в этом была граппа, и ночь пожара, и фаршированные яйца. Он чувствовал, что получил великие дары, и хотел принести свой дар.

— Нашим долгом и нашей обязанностью будет следить, чтобы в доме всегда была еда для Дэнни,— возвестил он.— Никогда больше наш друг не будет голодать.

Пилон и Пабло привскочили в тревоге, но слова были произнесены — прекрасные, великодушные слова. Ни один человек не мог бы безнаказанно взять их назад. Сам Хесус Мария понял весь размах подобного обещания, лишь когда произнес его. Им оставалось только надеяться, что Дэнни про него забудет.

«Ибо,— размышлял Пилон,— выполнение такого обещания будет хуже квартирной платы. Это будет рабство».

— Мы клянемся в этом, Дэнни! — сказал он.

Они сидели у печурки, и на глаза их навернулись слезы, а их любовь друг к другу становилась почти невыносимой.

Пабло отер увлажнившиеся глаза тыльной стороной ладони и повторил слова, недавно сказанные Пилоном:
— Мы будем здесь очень счастливы.

ГЛАВА VII

О том, как друзья Дэнни стали творить добро. О том, как они пришли на помощь бедняге Пирату

Многие люди видели каждый день Пирата, и некоторые смеялись над ним, а некоторые жалели его, но никто не был с ним близко знаком и никто не вмешивался в его жизнь. Это был тяжеловесный великан с огромной черной и густой бородой. Он ходил в бумажейных штанах и синей рубахе, а шляпы у него не было совсем. По городу он ходил в башмаках. Когда Пират сталкивался со взрослыми людьми, в глазах его появлялся испуг — тайный страх лесного зверя, который с радостью убежал бы, если бы осмелился повернуться к врагу спиной. И поэтому все пайсано Монтерсея знали, что разум его так и остался детским. Пиратом его прозвали из-за бороды. Каждый день можно было видеть, как он катит по улицам города тачку, груженную сосновыми поленьями, — он возил ее по улицам, пока не продавал свой груз. И всегда по пятам за ним шли пять его собак.

Эприке сложением напоминал гончую, но обладал пушистым хвостом. Пахарито был коричневой масти и кудлат — больше ничего рассмотреть не удавалось. О Рудольфе прохожие говорили: «Вот американская собака». Пушок был мопсом, а Сеньор Алек Томпсон смахивал на эрделя. Они шли взводом позади Пирата, изъявляя ему всяческое почтение и стараясь сделать его как можно счастливее. Когда он, устав катить тачку, садился отдохнуть, они все пытались забраться к нему на колени, чтобы им почесали за ухом.

Некоторые видели Пирата рано утром на улице Альварадо, некоторые видели, как он рубит дрова, некоторые знали, что он продает растопку, но никто, кроме Пилона, не знал всего, что делал Пират. Пилон же знал всех и все о каждом.

Пират жил в Тортилья-Флэт, в пустом курятнике во дворе заброшенного дома. Поселиться в самом доме он считал бы непозволительной дерзостью. Собаки жили вокруг

него и на нем, и Пирату это нравилось, потому что в самую холодную ночь ему было от них тепло. Когда у него замерзали ноги, ему достаточно было прижать их к теплomu брюху Сеньора Алека Томпсона. Курятник был таким низким, что Пирату приходилось влезать в него на четвереньках.

Каждое утро задолго до рассвета Пират выползал из своего курятника, а за ним появлялись его собаки, встряхиваясь и чихая от холодного воздуха. Затем вся компания спускалась в Монтерей и начинала обрабатывать пеский тупик. В этот тупик выходили задние двери нескольких ресторанов. Пират по очереди открывал каждую и оказывался в теплой ресторанной кухне, благоухающей запахами съестного. И в каждой кухне повар, ворча, совал ему в руку пакет с остатками вчерашних блюд. И ни один из них не знал, почему, собственно, он это делает.

Когда Пират заканчивал свой обход и набирал полную охапку пакетов, он возвращался вверх по склону холма на улицу Монро и располагался на пустыре, а собаки в волнении сновали вокруг него. Тут он развертывал пакеты и начинал кормить собак. Себе он из каждого пакета брал кусок хлеба или мяса, но не выбирал самое лучшее. Собаки рассаживались вокруг, перво облизывались и перебирали передними лапами в ожидании кормежки. Но они никогда не дрались из-за пищи, и это было поистине удивительно. Вообще собаки Пирата никогда не дрались друг с другом, но они кидались в бой с любым четвероногим обитателем улиц Монтерея. Приятно было смотреть, как эта свора гопяется за фокстерьерами и шпицами, словно за кроликами.

К тому времени, когда трапеза заканчивалась, уже совсем рассветало. Пират сидел на земле и смотрел, как по небу разливается утренняя синева. Внизу он видел выходящие в море шхуны с палубным грузом леса. Он слышал мелодичный звон колокола на буге за Чайна-пойнт. Собаки сидели вокруг него и грызли кости. Пират, казалось, не столько видел, сколько слушал день,— глаза его оставались неподвижными, но в нем чувствовалась какая-то сосредоточенность. Его ручищи тянулись к собакам, и пальцы принимались ласково перебирать грубый мех. Просидев так с полчаса, Пират шел в угол пустыря, сбрасывал дерюгу, укрывавшую тачку, и выкапывал из земли топор, который закапывал тут каждый вечер. Затем, толкая перед собой тачку, он поднимался на вершину холма и бродил по лесу, отыскивая сухое смолистое дерево. К полудню он уже до-

верху нагружал тачку превосходной растопкой и тогда спускался со своей собачьей свитой в город и кружил по улицам до тех пор, пока не продавал свой груз за двадцать пять центов.

Проследить все это было нетрудно, но никто не знал, что он делает с вырученными деньгами. Он никогда их ни на что не тратил. Ночью он под охраной своих собак отправлялся в лес и прятал очередной двадцатипятицентовик там, где уже лежали сотни других таких же монет. Где-то у него был тайник с целой кучей денег.

Пилон, этот проицательнейший человек, от которого не ускользала ни одна подробность жизни его близких и который особенно любил раскрывать тайны, кроющиеся в самых глубинах сознания его знакомых, обнаружил клад Пирата с помощью логических выкладок. Пилон рассуждал так: «Каждый день этот Пират получает четверть доллара. Если ему дают две монеты по десять центов и одну в пять, он заходит в лавку и обменивает их на двадцатипятицентовую. Он никогда не тратит денег. Следовательно, он их прячет».

Пилон попробовал вычислить сумму клада. Пират вел такую жизнь уже давно. Шесть дней в неделю он рубил дрова, а по воскресеньям ходил в церковь. Одежду он получал у черного хода жилых домов, пищу — у задних дверей ресторанов. Пилон некоторое время путался во внушительных цифрах, но потом сдался. «У Пирата во всяком случае не меньше ста долларов», — решил он.

Пилон уже много месяцев размышлял над всем этим. Но только после того как они дали восторженное и глупое обещание кормить Дэнни, Пилон узрел возможность извлечь личную выгоду из богатства Пирата.

Прежде чем вплотную коснуться этого вопроса, Пилон долго обрабатывал и усыплял свою совесть. Ему было очень жаль Пирата. «Бедный дурачок, — говорил он себе. — Бог не дал ему всех положенных мозгов. Бедняжка Пират не может сам о себе позаботиться. Вспомни, он живет в грязи, в старом курятнике. Он питается объедками, которые годятся только для его собак. Он одевается в лохмотья. И оттого, что мозги у него не в порядке, он прячет свои деньги».

Теперь, заложив фундамент сострадания, Пилон перешел к выводам. «Не будет ли достойным деянием, — думал он, — позаботиться о нем, раз он сам о себе позаботиться не может? Покупать ему теплую одежду? Кормить его человеческой пищей? Однако, — напомнил он себе, —

у меня ведь нет денег, хотя желание сделать все это терзает мое сердце. Так как же осуществить этот милосердный замысел?»

Вот теперь он был уже на правильном пути. Подобно кошке, которая в течение целого часа подбирается к воробью, Пилон был наконец готов к решающему прыжку. «Нашел! — мысленно вскричал он. — Дело обстоит так: у Пирата есть деньги, но не хватает ума их тратить. У меня есть ум! Мой ум будет к его услугам. Я даром поделюсь с ним моим рассудком. Вот как я смогу помочь этому бедному недоумку».

Это было одно из самых блестящих логических построений, когда-либо возводившихся Пилоном. И он почувствовал свойственную всякому истинному художнику потребность показать свое творение публике. «Я расскажу Пабло», — подумал он. Но тут же усомнился, есть ли у него право сделать это. Так ли уж Пабло безупречно честен? Не захочет ли он потратить часть денег на собственные нужды? Пилон решил не рисковать, по крайней мере на первых порах.

Удивительно бывает узнать, что брюхо самой черной и гнусной твари бело как снег. И грустно бывает обнаружить, что тело ангела под одеждой поражено проказой. Да будет честь и слава Пилону, ибо он открыл, как можно обнаружить и показать миру добро, скрытое в самом дурном. И в отличие от многих и многих святых он не был слеп ко злу, заключенному во благе. С грустью приходится признать, что Пилону никогда не удалось бы стать святым, ибо ему не хватало глупости, самодовольства и алчного желания обрести награду. Пилону было достаточно того, что он творит добро, и наградой ему служила радость созидания братства между людьми.

В тот же вечер он отправился в курятник, где жил Пират со своими собаками. Дэнни, Пабло и Хесус Мария, сидевшие у печурки, видели, что он собрался уходить, но ничего не сказали. Их удержала деликатность, так как, думали они, либо Пилон овеяло дыхание любви, либо он знает, как раздобыть немного вина. И в том и в другом случае это их не касается, если он сам не захочет рассказать, в чем дело.

Уже давно стемнело, и в кармане у Пилона лежал огарок, — кто знает, не подскажет ли что-нибудь выражение лица Пирата во время их разговора? А в сумке у Пилона покоилась сладкая булочка, которую Сузи Франсиско, работавшая в пекарне, дала ему в обмен на приворотное

зелье для Чарли Гусмана. Чарли был почтово-телеграфным рассыльным и ездил на мотоцикле; и Сузи уже запаслась мужской кепкой, чтобы надеть ее задом наперед на случай, если Чарли вдруг пригласит ее прокатиться. Пилон полагал, что Пирату может понравиться сладкая булочка.

Вечер был очень темный. Пилон брел по узкой улочке, на которую выходили пустыри и заросшие бурьяном запущенные сады.

Злой бульдог Гальвеса, рыча, выбежал из калитки Гальвеса, и Пилон наговорил ему много лестных вещей, чтобы успокоить его.

«Хорошая собачка», — сказал он ласково, и еще: «Красивая собачка». И то и другое утверждение было заведомой ложью, однако они, видимо, произвели на бульдога благоприятное впечатление, ибо он снова скрылся за калиткой Гальвеса.

Наконец Пилон добрался до пустого дома, во дворе которого обитал Пират. Он знал, что теперь ему следует быть осторожным, ибо, как всем было известно, собаки Пирата, стоило им заподозрить кого-либо в дурном умысле против их хозяина, бросались на его защиту с демонической яростью. Едва Пилон вошел во двор, как из курятника до него донеслось глухое угрожающее рычание.

— Пират! — окликнул он. — Это твой добрый друг Пилон пришел потолковать с тобой.

Наступила тишина. Собаки перестали рычать.

— Пират, это я, Пилон.

Ему ответил угрюмый бас:

— Уходи. Я сплю. Собаки спят. Уже темно, Пилон. Иди спать.

— У меня в кармане свечка, — крикнул Пилон. — От нее в твоём темном доме станет светло, как днем. И у меня есть для тебя большая сладкая булка.

В курятнике послышалась легкая возня.

— Ну, входи, — сказал Пират. — Я скажу собакам, что ты свой.

Пробираясь через бурьян, Пилон слышал, как Пират тихо разговаривает с собаками, убеждая их, что это всего только Пилон, который ничего дурного им не сделает. Пилон согнулся перед темным входом, чиркнул спичкой и зажег свой огарок.

Пират сидел на земляном полу, а собаки лежали поперек его ног и около него. Энрике заворчал, и его пришлось еще раз успокаивать.

— Он не такой умный, как остальные,— добродушно сказал Пират. Его глаза радостно блестели, как у развеселившегося ребенка. Он улыбнулся, и в свете огарка сверкнули его большие белые зубы.

Пилон протянул ему сумку.

— Вот тебе вкусный пирог,— сказал он.

Пират взял сумку и заглянул в нее; потом он восхищенно улыбнулся и вытащил булочку. Собаки разом ухмыльнулись, повернули к нему морды, стали перебирать передними лапами и облизываться. Пират разломил булочку на семь кусков. Первый кусок он отдал Пилону, своему гостю.

— Держи, Энрике,— сказал он.— Держи, Пушок. Держи, Сеньор Алек Томпсон.

Каждая собака получила свою долю, сразу проглотила ее и посмотрела, не дадут ли еще. Пират съел свой кусок и показал пустые руки.

— Видите, ничего нет,— сказал он им. И собаки тут же улеглись на свои места.

Пилон сел на пол и поставил огарок перед собой. Пират смущенно бросил на него вопрошающий взгляд. Пилон молчал, чтобы в голове Пирата успело промелькнуть побольше вопросов. Наконец он сказал:

— Ты причиняешь своим друзьям много беспокойства.

В глазах Пирата появилось удивление.

— Я? Моим друзьям? Каким друзьям?

Голос Пилона стал ласковым.

— У тебя есть много друзей, которые думают о тебе. Они не навещают тебя, потому что ты гордый. Они думают, что твоя гордость будет ранена, если они увидят, что ты живешь в этом курятнике, одетый в лохмотья, и ешь отбросы вместе со своими собаками. А беспокоятся твои друзья потому, что боятся, как бы от такой плохой жизни ты не заболел.

Пират слушал его речь, не дыша от изумления, и его мозг тщетно пытался усвоить все эти новые вещи. Ему и в голову не приходило усомниться в их истинности — раз Пилон так говорит, значит, это правда.

— И у меня столько друзей? — недоуменно спросил он.— А я и не знал. И я причиняю этим друзьям беспокойство? Я не знал, Пилон. Я не стал бы причинять им беспокойство, если бы знал.— Он глотнул, потому что волнение сжимало ему горло.— Понимаешь, Пилон, собакам

здесь нравится. А мне здесь нравится из-за них. Я не знал, что причиняю беспокойство моим друзьям.— На глаза Пирата навернулись слезы.

— И все-таки,— сказал Пилон,— то, как ты живешь, тревожит всех твоих друзей.

Пират уставился в землю и попытался обрести ясность мыслей, но как всегда, когда он пробовал решить какой-нибудь вопрос, его мозг подернулся серым туманом и ничем ему не помог. В растерянности он поглядел на собак, ища защиты, но они уже снова заснули, потому что все это их не касалось. И тогда он просительно взглянул в глаза Пилона.

— Скажи мне, что я должен сделать, Пилон. Я этого ничего не знаю.

Все оказалось слишком простым. Пилону даже стало стыдно, что это так легко. Он заколебался и чуть было не отказался от своего плана, но тут же почувствовал, что в таком случае очень на себя рассердится.

— Твои друзья бедны,— сказал он.— Они хотели бы помочь тебе, но у них нет денег. Если у тебя есть спрятанные деньги, достань их. Купи себе одежду. Ешь настоящую пищу, а не то, что выбрасывают другие. Достань свои деньги из потайного места, Пират.

Произнося эту речь, Пилон внимательно вглядывался в лицо Пирата. Он увидел, как глаза Пирата наполнились подозрением и недоверием и угрюмо опустились. Теперь Пилон твердо знал две вещи: во-первых, что у Пирата есть спрятанные деньги и, во-вторых, что добраться до них будет нелегко. Последнее было ему приятно. Пират превратился в тактическую задачу, решение которой доставляло Пилону истинное удовольствие.

Теперь Пират снова смотрел на него, и в его глазах была хитрость, прикрытая нарочитым простодушием.

— У меня нет никаких денег,— сказал он.

— Но каждый день, мой друг, я вижу, как ты получаешь четверть доллара за свои дрова, и я ни разу не видел, чтобы ты что-нибудь тратил.

На этот раз мозг Пирата успел прийти к нему на выручку.

— Я отдаю их одной бедной старушке,— сказал он.— У меня нет никаких денег,— и в тоне его было нечто, заправлявшее эту тему на замок.

«Значит, нужно будет что-то придумать,— подумал Пилон.— Значит, придется пустить в ход все мои дарования». Он встал и поднял огарок.

— Я только хотел рассказать тебе о том, как беспокоятся твои друзья,— сказал он с упреком.— Если ты не хочешь мне помочь, я ничего для тебя не могу сделать.

Глаза Пирата снова просияли нежностью.

— Скажи им, что я здоров,— попросил он.— Скажи моим друзьям, чтобы они приходили навещать меня. Я не буду очень гордым. Я буду рад их видеть в любое время. Ты передашь им все это, Пилон?

— Передам,— сухо ответил Пилон.— Но твои друзья огорчатся, когда они узнают, что ты ничего не делаешь, чтобы успокоить их тревогу.

Пилон задул огарок и удалился в темноте. Он понял, что Пират никогда не откроет, где его тайник. Значит, надо добраться до него хитростью, взять деньги силой, а затем снабдить Пирата всем необходимым. Иного выхода не было.

И вот Пилон принялся следить за Пиратом. Он крался за ним в лес, когда тот шел рубить дрова. Он лежал в засаде у курятника по почам. Он долго и настойчиво уговаривал его, но все было бесполезно. Он ни на шаг не приблизился к кладу. Либо деньги были закопаны в курятнике, либо спрятаны где-то в самой чаще леса и Пират навещал свой тайник только по почам.

Долгие и бесплодные бдения исчерпали терпение Пилона. Он понял, что нуждается в помощи и совете. А от кого было их ждать, как не от его товарищей — Дэнни, Пабло и Хесуса Марии? Кто еще мог действовать столь хитро и столь вкрадчиво? Кто еще мог так забыть о себе в приливе доброты?

Пилон посвятил друзей в свой план; но сперва он подготовил их так же, как раньше подготовил себя: бедность Пирата, его беспомощность и в заключение — выход из всех трудностей. Когда он дошел до описания этого выхода, его друзья уже пылали филантропическим жаром. Они осыпали его похвалами. Их лица лучились добротой. Пабло высказал предположение, что денег в тайнике наверняка гораздо больше, чем сто долларов.

Когда их восторг несколько улегся и превратился во вдохновляющий энтузиазм, они перешли к обсуждению дальнейших действий.

— Мы должны следить за ним,— сказал Пабло.

— Но я следил за ним,— возразил Пилон.— Наверное, он ходит туда ночью и его легко потерять из вида. А по пятам за ним не пойдешь. Собаки охраняют его хуже всяких чертей. Это будет нелегко.

— Ты приводил ему все доводы? — спросил Дэнни.

— Да, все.

В конце концов выход нашел Хесус Мария, этот гуманнейший из людей.

— Это трудно, пока он живет в своем курятнике, — сказал он. — Ну, а если он будет жить здесь, с нами? Либо наша доброта заставит его заговорить, либо нам будет легче заметить, если он куда-нибудь уходит по почам.

Друзья долго взвешивали это предложение.

— Иногда ему в ресторанах дают совсем хорошую еду, — задумчиво произнес Пабло. — Я сам видел у него бифштекс, в котором не хватало только самой чуточки.

— Там, может быть, даже двести долларов, — сказал Пилон. У Дэнни нашлось возражение.

— Но как же собаки... он ведь приведет с собой собак.

— Это хорошие собаки, — сказал Пилон. — Они делают все, что он им говорит. Ты можешь отделить чертой угол и сказать: «Пусть твои собаки не выходят за эту черту». Он им объяснит, и собаки не будут оттуда выходить.

— Как-то утром я встретил Пирата, и он нес половину пирога, только чуть подмоченного кофе, — сказал Пабло.

Вопрос был улажен. Дом превратился в комитет, а комитет навестил Пирата.

В курятнике стало очень тесно, когда они все в него забрались. Пират пытался скрыть свою радость под ворчливым тоном.

— Погода стоит плохая, — начал он светскую беседу. И потом: — Может, вы не поверите, а я снял с шеи Рудольфа клеща величиной с голубиное яйцо. — Затем он презрительно отозвался о своем доме, как подобает хозяину. — Он слишком мал, — сказал он. — И недостойно того, чтобы принимать в нем друзей. Только здесь тепло и уютно, особенно собакам.

Тут заговорил Пилон. Он сказал Пирату, что тревога за него убивает его друзей; но если бы он согласился жить у них, они снова могли бы спать со спокойной совестью.

Это потрясло Пирата. Он поглядел на свои руки. И он поглядел на своих собак, ища утешения и поддержки, но собаки отводили глаза. Наконец он стер счастье со своих глаз тыльной стороной ладони и вытер руку о свою большую черную бороду.

— А собаки? — спросил он тихо. — Вы и собак зовете? Моим собакам вы тоже друзья?

Пилон кивнул.

— Да, мы зовем и собак. Для собак будет отведен целый угол.

Пират был гордым человеком. Он боялся, что не сумеет держаться с должным достоинством.

— Уходите пока,— сказал он умоляюще.— Идите пока домой. Я приду завтра.

Его друзья понимали, что он чувствует. Они выползли за дверь и оставили его одного.

— Он будет счастлив с нами,— сказал Хесус Мария.

— Бедняжка, до чего он одинок,— добавил Дэнни.— Если бы я только знал, я бы уже давно пригласил его, даже не будь у него клада.

Они все пылали огнем радости.

Скоро они привыкли к новым жильцам. Дэнни с помощью кусочка синего мела отделил в большой комнате один из углов, который собаки не должны были покидать, пока находились в доме. В этом же углу вместе с собаками спал и Пират.

Теперь, когда в доме жило уже пять человек и пять собак, в нем стало тесновато, однако с самого начала Дэнни и его друзья поняли, что пригласить Пирата их надоумил тот усталый и замученный заботами ангел, который следил за их судьбами и охранял их от зла.

Каждое утро, задолго до того, как его друзья просыпались, Пират выбирался из своего угла и в сопровождении собак отправлялся на обход ресторанов и пристаней. Он принадлежал к тем людям, которых все жалеют. Вручаемые ему пакеты становились все объемистее. Друзья не пренебрегали его дарами и охотно принимали их: свежую рыбу, куски пирогов, непочатые черствые булки, мясо, которое достаточно было потереть содой, чтобы плесень сошла бесследно. Теперь они зажили по-настоящему.

И то, что они принимали его приношения, трогало Пирата куда больше, чем любое благодеяние, которое они могли бы ему оказать. Когда он смотрел, как они поедают принесенные им припасы, в его глазах светилось обожание.

По вечерам, когда они сидели у печурки и ленивыми голосами сытых богов обсуждали последние события, волновавшие Тортилья-Флэт, взгляд Пирата перебегал ото рта ко рту, и губы его шевелились, шепотом повторяя слова, произносимые его друзьями. Собаки ревниво ластились к нему.

И эти люди — его друзья, говорил он себе по ночам, когда в доме воцарялся мрак, а собаки теснее прижимались

к нему, чтобы всем было тепло. Эти люди так его любили, так из-за него беспокоились, что не могли позволить ему жить в одиночестве. Пират без конца твердил себе это, потому что никак не мог поверить в столь чудесную, столь невероятную вещь. Его тачка стояла теперь во дворе Дэнни, и каждый день он рубил дрова и продавал их. Но Пират так боялся упустить хоть одно слово из вечерних бесед своих друзей и хотя бы на час лишиться возможности чувствовать всякое дружеской теплоты, что он уже несколько дней не навещал своего тайника и не добавлял туда заработанные монеты.

Его друзья были очень добры к нему. Они обходились с ним с самой изысканной любезностью, но он всегда был под наблюдением чьих-то глаз. Когда он катил свою тачку в лес, один из друзей сопровождал его и сидел на бревне, пока он работал. Когда он перед сном спускался в овраг, Дэнни, или Пабло, или Пилон, или Хесус Мария шли вместе с ним. А ночью, как бы бесшумно он ни двигался, ему не удавалось выбраться из дома без того, чтобы за ним не последовала чья-то тень.

В течение недели друзья довольствовались тем, что просто следили за Пиратом. Но в конце концов такая бездеятельность им надоела. Действовать прямо, само собой разумеется, было нельзя — это они хорошо понимали. И вот как-то вечером у пещки завязалась беседа о том, стоит ли прятать накопленные деньги. Начал Пилон:

— У меня был дядя, настоящий скряга, и он спрятал свое золото в лесу. Один раз он пошел посмотреть на него, а его уже нет. Кто-то нашел это золото и украл. Дядя был тогда уже стариком, и так как все его деньги пропали, он повесился.

Пилон с удовлетворением заметил тревогу, омрачившую лицо Пирата.

Дэнни тоже заметил ее и тут же подхватил:

— Вьехо, мой дед, которому принадлежал этот дом, тоже закопал деньги. Не знаю сколько, но он слыл богатым, так что, наверное, их было долларов четыреста, не меньше. Вьехо вырыл глубокую яму и положил в нее деньги, а потом засыпал землей, а потом набросал сверху сосновых игл, чтобы никто не мог догадаться, что тут копали. Но когда он вернулся, яма была раскопана, а от денег и помину не осталось.

Губы Пирата беззвучно повторяли каждое слово. На лице его был написан ужас. Его пальцы перебирали жесткую шерсть на загривке Сеньора Алека Томпсона. Друзья пере-

глянулись и на время переменили тему. Они заговорили о любовных делах Корнелии Руис.

Ночью Пират выскользнул из дома, собаки выскользнули вслед за ним, а Пилон выскользнул вслед за всеми ними. Пират быстро углублялся в лес, уверенно перепрыгивая через поваленные деревья и кучи хвороста. Пилон кое-как поспевал за ним. Но когда они прошли так мили две, Пилон совсем запыхался и был весь исцарапан. Он остановился, чтобы перевести дух, и вдруг заметил, что впереди все звуки прекратились. Он подождал, прислушался, порыскал вокруг, но Пират как сквозь землю провалился.

Только через два часа усталый Пилон добрался до дома. Там в углу среди своих собак крепко спал Пират. Когда Пилон вошел, собаки подняли головы, и Пилону показалось, что они ехидно ему улыбнулись.

На следующее утро в овраге происходило совещание.

— Выследить его невозможно, — сообщил Пилон. — Он исчезает. Он видит в темноте. Он знает в лесу каждое дерево. Надо найти какой-то другой способ.

— Может, это в одиночку трудно, — предположил Пабло. — Вот если мы все пойдем за ним, так, может, кто-нибудь его и проследит.

— Сегодня вечером мы опять будем разговаривать, — сказал Хесус Мария, — только страшнее. Одна моя знакомая дама хочет подарить мне немного вина, — скромно добавил он. — Может, если Пират чуточку выпьет, ему будет труднее от нас ускользнуть.

На этом и порешили.

Знакомая дама подарила Хесусу Марии целый галлон вина. Что может сравниться с восторгом Пирата, когда в этот вечер перед ним поставили банку, полную вина, и он, сидя в кругу друзей, попивал вино и слушал их беседу? Такая радость редко выпадала на долю Пирата. Он жаждал обнять этих чудесных людей и сказать им, как он их любит. Но сделать это было нельзя, так как они могли подумать, что он пьян. Он жалел, что не может совершить чего-нибудь замечательного, чтобы показать им свою любовь.

— Вчера мы говорили о зарытых деньгах, — сказал Пилон. — Сегодня мне припомнился мой двоюродный брат, очень умный человек. Уж если кто-нибудь в мире мог найти для денег надежный тайник, так это он. И вот он взял

свои деньги и спрятал их. Может, вы его видели, жалкого нищего, который бродит по пристаням, выклянчивая рыбы головы себе на похлебку? Так это мой двоюродный брат. Кто-то украл его зарытые деньги.

Лицо Пирата вновь омрачилось тревогой.

История следовала за историей, и в каждой на тех, кто прятал свои деньги, сыпались всевозможные беды.

— Лучше хранить деньги у себя под рукой, тратить их поемножку и делиться со своими друзьями,— закончил Дэни.

Они не спускали глаз с Пирата и в разгар самой страшной из историй увидели, что тревога исчезла с его лица, сменившись улыбкой облегчения. Теперь он спокойно потягивал свое вино, и глаза его радостно блестели.

Друзья пришли в отчаяние. Все их планы провалились. Им было невыносимо тяжело. Вот как им отплатили за их доброту, за их милосердие! Пират каким-то образом умудрился избежать тех благ, которыми они собирались его осыпать. Они допили свое вино и угрюмо разошлись по постелям.

Даже ночью бдительность не покидала Пилона. Его уши бодрствовали, когда все остальное его тело предавалось сну. Он услышал, как Пират и его собаки крадучись вышли из дома. Он тут же разбудил своих друзей, и через секунду все четверо уже шли за Пиратом в лес. Среди сосен стояла непроглядная тьма. Четверо друзей патыкались на стволы, путались в плетях ползучих растений и все же в течение долгого времени слышали впереди шаги Пирата. Они добрались до того места, где Пилон накануне потерял Пирата, и тут внезапно наступила тишина — только лес шелестел да шуршал легкий ночной ветерок. Они обшарили весь лес и все заросли кустарника, но Пират вновь бесследно исчез.

В конце концов замерзшие, полные уныния, они отыскали друг друга и устало поплелись назад в Монтерей. Заря занялась задолго до их возвращения. Лучи солнца уже искрились в волнах залива. До них донесся запах утреннего дыма из кухонных труб Монтерея.

Пират вышел на крыльцо, чтобы поздороваться с ними, и лицо его светилось счастьем. Они угрюмо прошли мимо него в комнату. Там на столе лежал большой парусиновый мешок.

Пират тоже вошел в комнату.

— Я сказал тебе неправду, Пилон,— заговорил он.— Я сказал тебе, что у меня нет денег, потому что я боялся.

Я ведь не знал тогда, что у меня есть друзья. Вы рассказывали о том, что спрятанные деньги всегда воруют, и я опять испугался. Только вчера вечером я понял, что делать. Мои деньги будут в безопасности у моих друзей. Никто не сможет украсть их, если мои друзья будут стеречь их для меня.

Все четверо в ужасе уставились на него.

— Забери свои деньги назад в лес и спрячь их там,— свирепо потребовал Дэнни.— Мы не хотим их стеречь.

— Нет,— сказал Пират.— Я буду бояться за них, если я их закопаю. Но я буду счастлив и спокоен за них, зная, что мои друзья стерегут их для меня. Вы не поверите этому, но две прошлые ночи кто-то выслеживал меня в лесу, чтобы украсть мои деньги.

Как ни ужасен был удар, Пилон, это воплощение находчивости, попытался отвести его.

— Прежде чем отдать нам эти деньги,— сказал он вкрадчиво,— может, ты возьмешь себе немножко на расходы?

Пират покачал головой.

— Этого я сделать не могу. Деньги обещанные. У меня уже почти тысяча четвертаков. Когда я наберу их тысячу, я куплю золотой подсвечник для святого Франциска Ассизского. У меня была очень хорошая собака, и она заболела; и я обещал проработать тысячу дней, чтобы купить золотой подсвечник, если собака поправится. И,— он протянул вперед свои огромные ладони,— эта собака поправилась.

— Одна из этих собак? — осведомился Пилон.

— Нет,— сказал Пират.— Ту через несколько дней задала грузовик.

Итак, все было кончено, не осталось никакой надежды увернуться от денег. Дэнни и Пабло угрюмо подняли тяжелый мешок с серебряными монетами, отнесли его в соседнюю комнату и положили под подушку на кровати Дэнни. Со временем мысль о том, что эти деньги лежат у них под подушкой, стала приносить им радость, но в эту минуту горечь поражения была невыносима. И ничего нельзя было сделать. Счастье поманило их и обмануло.

Пират стоял перед ними, и в глазах его сверкали блаженные слезы, ибо он доказал свою любовь к друзьям.

— Подумать только,— сказал он,— сколько лет я прожил в курятнике, не зная никаких радостей. Но зато теперь,— закончил он,— зато теперь я очень, очень счастлив.

ГЛАВА VIII

*О том, как друзья Дэнни в канун дня святого Андрея
искали заколдованный клад. О том, как Пилон нашел его
и как позже саржевые брюки дважды переменили
владельца*

Если бы Португалец был героем, он истерзался бы, служа в армии. Но он был Большой Джо Португалец, прошедший хорошую тренировку в монтерейской тюрьме, и это не только избавило его от мук неудовлетворенного патриотизма, но и укрепило в следующем убеждении: как каждый день своей жизни человек делит пополам между сном и бодрствованием, так и каждый год человеческой жизни положено делить пополам между тюрьмой и волей. Однако пока шла война, Джо Португалец проводил в тюрьме значительно больше времени, чем на воле.

В гражданской жизни человека наказывают за то, что он делает; однако военные уставы добавляют к этому совершенно новый принцип — они наказывают человека и за то, чего он не делает. Джо Португалец никак не мог этого понять. Он не чистил своей винтовки, он не брился и раз или два не возвращался из отпуска. Эти прегрешения усугублялись, кроме того, склонностью Большого Джо вступать в словесные перепалки, когда начальство пыталось его об-разумить.

Прежде он проводил в тюрьме половину своей жизни; из двух лет службы в армии он провел в тюрьме восемнадцать месяцев. И тюремная жизнь в армии ему совсем не нравилась. Монтерейская тюрьма приучила его к покою и приятному обществу. В армии его принуждали работать. В Монтерее его всегда обвиняли только в одном: в пьянстве и нарушении общественного порядка. Обвинения, предъявлявшиеся ему в армии, настолько сбили его с толку, что это, вероятно, оставило неизгладимый след на его рассудке.

Когда война кончилась и солдаты были распущены по домам, Большому Джо еще предстояло отсидеть шесть месяцев. Обвинение гласило: «Появление в пьяном виде в расположении полка. Нанесение сержанту удара канистрой из-под керосина. Попытка отрицания своей личности (Джо начисто забыл, кто он такой, и поэтому на все вопросы отвечал отрицательно). Кража шестнадцати фунтов вареных бобов и самовольная отлучка на лошади майора».

Если бы перемирие еще не было подписано, Большого Джо, вероятно, расстреляли бы. Он вернулся в Монтерей

много позже остальных ветеранов, когда те успели пообъесть все сладкие плоды победы.

Когда Большой Джо соскочил с поезда, на нем была армейская шинель, гимнастерка и синие саржевые брюки.

В городе все осталось по-старому, если не считать «сухого закона», а в заведении Торрелли все осталось по-старому, несмотря на «сухой закон». Джо сменял свою шинель на галлон вина и отправился искать друзей.

Истинных друзей он в этот вечер не встретил, хотя ему в изобилии попадались те гнусные и криводушные гарпии и мошенники, которые всегда рады заманить человека в пучину порока. Джо, не отличавшийся высокой нравственностью, не испытывал никакого отвращения к пучине; она ему нравилась.

Довольно скоро вино его иссякло, а денег у него не было и раньше. И тут гарпии попробовали изгнать Джо из пучины, но он ни за что не хотел уходить. Ему в пучине было уютно.

Когда они попытались пустить в ход силу, Большой Джо в справедливом и ужасающем негодовании переломал всю мебель, перебил все стекла в окнах, выгнал полураздетых визжащих девиц в ночной мрак и напоследок поджег дом. Вводить Джо в искушение было делом опасным: он и не думал ему противиться.

В конце концов явился полицейский и забрал его. Большой Джо испустил счастливый вздох. Теперь он почувствовал, что действительно вернулся домой.

После короткого судебного разбирательства без участия присяжных он получил тридцать дней тюремного заключения, с наслаждением разлегся на жесткой койке и проспал без просыпу десятую часть своего срока.

Большой Джо любил монтерейскую тюрьму. В ней всегда можно было рассчитывать на хорошую компанию. Стоило остаться тут подольше, и он успевал по очереди повидать всех своих друзей. Время летело незаметно. Ему взгрустнулось, когда пришлось с ней расстаться, но грусть эту смягчала мысль, что он может вернуться сюда в любую минуту.

Он с радостью погрузился бы вновь в пучину порока, но у него не было ни денег, ни вина. Он исходил все улицы в поисках своих друзей — Пилона, и Дэнни, и Пабло, но так их и не встретил. Полицейский сержант сказал, что давно уже не забирал их в участок.

— Значит, они все умерли, — сказал Португалец.

В тоске он забрел к Торрелли, но Торрелли не жаловал

людей, у которых не было ни денег, ни ценных вещей, и Большой Джо не нашел у него утешения. Однако Торрелли все-таки сообщил ему, что Дэни получил в наследство дом в Тортилья-Флэт и что все его друзья живут теперь у него.

Большого Джо охватила нежность к друзьям и горячее желание увидеть их. Вечером он отправился на холм в Тортилья-Флэт, чтобы отыскать Дэни и Пилона. Пока он поднимался по крутой улочке, уже совсем стемнело, и тут навстречу ему попался Пилон, спешивший куда-то с озабоченным видом.

— Здравствуй, Пилон. А я как раз иду к тебе.

— Здорово, Джо Португалец, — торопливо сказал Пилон. — Где ты пропадал?

— В армии, — ответил Джо.

Мысли Пилона были заняты другим.

— Ну, мне пора, — бросил он.

— Я пойду с тобой, — сказал Джо.

Пилон остановился и смерил его взглядом.

— А ты помнишь, какая сегодня ночь?

— Нет. А какая?

— Сегодня канун дня святого Андрея.

Тут Большой Джо Португалец понял все: это была ночь, когда все пайсано, за исключением тех, кто сидел в тюрьме, бродили до утра по лесу. Это была ночь, когда все погребенные в земле клады испускали слабое фосфорическое сияние. А сокровищ в лесу было спрятано немало. За двести лет Монтерей много раз подвергался нашествию врагов, и каждый раз люди закапывали свои богатства в землю.

Ночь была ясная. Пилон, как это иногда с ним случалось, сбросил с себя жесткую дневную скорлупу. В эту ночь он был идеалистом, дарителем даров. В эту ночь он выполнял благородную миссию.

— Ты можешь пойти со мной, Большой Джо Португалец, но если мы найдем клад, решать, что с ним делать, буду я. Если ты на это не согласен, то иди один и ищи свой собственный клад.

Большой Джо не умел самостоятельно расходовать свою энергию.

— Я пойду с тобой, Пилон, — сказал он. — А без клада я обойдусь.

Когда они вошли в лес, наступила ночь. Их ноги ступали по ковру из опавшей хвои. И Пилон понял, что ночь эта совершенна. Небо подернулось туманной дымкой,

и лунный свет между деревьями колыхался, как легкая газовая ткань. Исчезла четкость форм, которую мы привыкли отождествлять с реальностью. Стволы сосен казались не черными деревянными колоннами, а мягкими полупрозрачными тенями. В неверном свете смутные пятна кустов непрерывно меняли свои очертания. В такую ночь привидения могли смело разгуливать по земле, не страшась людского неверия, ибо это была колдовская ночь и ее чарам не поддался бы лишь самый тупой и нечувствительный человек.

Иногда Пилону и Джо встречались другие искатели кладов, без устали выписывавшие среди сосен сложные зигзаги. Они шли молча, опустив голову, и не окликали встречных. И кто мог сказать, все ли они были живыми людьми из плоти и крови? Джо и Пилон знали, что по лесу бродят и призраки тех, кто когда-то закопал тут клады, ибо в канун дня святого Андрея они возвращаются на землю присмотреть, чтобы никто не тронул их золота. Наше Пилона поверх одежды висела ладапка с изображением его святого, и поэтому он не боялся духов. Большой Джо шел, сложив пальцы крестом. Хотя их и одолевал страх, они знали, что надежно защищены от таинственных сил этой ночи.

Пока они ходили так, поднялся ветер, и по бледному лунному диску, словно вода, чуть замутненная серой акварельной краской, заструился туман. Зыбкий туман привел в движение лес: каждое дерево тихонько кралось куда-то, и бесшумно, как большие черные кошки, кружили кусты. Вершины деревьев хрипло шептались на ветру, предсказывали судьбу, пророчили смерть. Пилон знал, что лучше не слушать речи деревьев. Провидение будущего никому еще не приносило добра, а кроме того, этот шепот нес гибель человеческим душам. Пилон не стал слушать речи деревьев.

Он зигзагами шел по лесу, а Большой Джо шел рядом с ним, словно громадный настороженный пес. Одинокие безмолвные люди проходили мимо и шли дальше, не окликнув их; и мертвецы бесшумно проходили мимо и шли дальше, не окликнув их.

Далеко внизу, на маяке, завывала в сгустившемся тумане сирена; она рыдала, изливая свою печаль по всем славным кораблям, разбившимся на безжалостном рифе, и по всем тем, которым еще суждено было там разбиться.

Пилон содрогнулся, и ему стало холодно, хотя ночь была теплой. Еле слышным шепотом он начал читать «Ave Maria».

Им встретился серый человек, который шел, опустив голову, и не окликнул их.

Минул час, а Пилон и Большой Джо все еще бродили по лесу так же неприкаянно, как мертвецы, которыми была полна эта ночь.

Вдруг Пилон остановился. Его рука нащупала локоть Джо.

— Видишь? — шепнул он.

— Где?

— Вот там, прямо впереди.

— Кажется, вижу.

Пилону мнилось, что он видит смутный столп бледно-голубого света, исходящий из земли в десяти ярдах перед ним.

— Большой Джо,— прошептал он,— найди две палки фута в три длиной. Я боюсь отвести глаза. Я могу его потерять.

Он стоял, как пойнтер над дичью, а Большой Джо кинулся за палками. Пилон слышал, как он отломил две сухие сосновые ветки. Потом раздалось потрескивание — это Большой Джо очищал ветки от сучков. А Пилон по-прежнему смотрел на бледное призрачное сияние. Оно было таким слабым, что порой вовсе исчезало. Иногда Пилону казалось, что оно ему только чудится. Он не отвел взгляда, когда Большой Джо сунул ему в руку две палки. Пилон сложил палки под прямым углом и медленно пошел вперед, держа перед собой крест. Когда он приблизился, свет словно растаял, но Пилон уже заметил там, откуда он пробивался, совершенно круглую впадину в ковре из сосновых игл.

Пилон положил свой крест на эту впадину и произнес:

— Все, что лежит тут, принадлежит мне по праву открытия. Прочь, все злые духи. Прочь, души тех, кто зарыл клад. *In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti!*¹ — Тут он перевел дух и сел на землю.

— Мы нашли его, друг мой Большой Джо,— вскричал он.— Много лет я искал его, и вот нашел.

— Давай копать,— сказал Большой Джо.

Но Пилон досадливо помотал головой.

— Когда все духи свободно бродят по земле? Когда даже быть здесь опасно? Ты дурак, Большой Джо. Мы просидим тут до утра, потом заметим место, а копать бу-

¹ Во имя отца и сына и святого духа! (лат.)

дем завтра ночью. Света больше никто не увидит, потому что мы придавили его крестом. А завтра ночью никакой опасности уже не будет.

Теперь, когда они уселись на сухую хвою, ночь показалась им еще более жуткой, но крест, словно маленький костер, источал теплоту святости и спокойствия. Однако, как всякий костер, он грел их только спереди. А спины их были открыты холодной и злой нечисти, бродившей по лесу.

Пилон встал, очертил место, где они сидели, большим кругом и, замыкая его, оказался внутри.

— Да не переступит никакая нечисть этой черты, заклиная ее именем пресвятого Иисуса,— проговорил он нараспев.

Потом он снова сел. И у него, и у Большого Джо стало легче на душе. Они слышали приглушенные шаги измученных, неприкаянных духов; они видели огоньки, мерцавшие на проходивших мимо призрачных фигурах; но спасительная черта надежно защищала их. Никакие злые силы ни здешнего, ни потустороннего мира не могли проникнуть в круг.

— А что ты сделаешь с деньгами? — спросил Большой Джо.

Пилон бросил на него презрительный взгляд.

— Видно, ты никогда не ходил искать кладов, Большой Джо Португалец, ведь ты даже не знаешь, как это делается. Я не могу оставить этот клад себе. Если я стану выкапывать его для себя, он будет уходить все глубже и глубже в землю, как устрица в песок, и не дастся мне в руки. Нет, так кладов не ищут. Этот клад я выкопаю для Дэнни.

Вся жившая в Пилоне мечта об идеальном вырвалась наружу. Он рассказал Большому Джо, как добр был Дэнни к своим друзьям.

— А мы ничего для него не делаем,— говорил он.— Мы не платим за жилье. Иногда мы паиваемся и ломаем мебель. Мы деремся с Дэнни, когда злимся на него, и обзываем его разными словами. Мы все очень плохие, Большой Джо. И вот все мы — Пабло, и Хесус Мария, и Пират, и я — потолковали между собой и кое-что придумали. Сегодня мы все пошли в лес искать клад. И клад этот мы ищем для Дэнни. Дэнни такой хороший, Большой Джо. Он такой добрый, а мы такие плохие. Но если мы принесем ему большой мешок сокровищ, он обрадуется. И потому, что сердце мое чисто от корысти, мне было дано найти клад.

— И ты ничего себе не возьмешь? — недоверчиво спросил Большой Джо.— Даже на бутылку вина?

В Пилоне в эту ночь не осталось даже крупницы скверного Пилона.

— Нет, ни единой золотой пылинки! Ни единого цента! Это все для Дэнни, все целиком.

Большой Джо был разочарован.

— Я столько ходил и не получу за это даже стаканчика вина! — пожаловался он.

— Когда мы отдадим эти деньги Дэнни, — тактично сказал Пилон, — он, быть может, купит немножко вина. Конечно, я об этом и не заикнусь, потому что клад принадлежит Дэнни. Но мне думается, что он, может быть, и купит немножко вина. И в таком случае, если ты сделал ему что-нибудь хорошее, он, пожалуй, угостит и тебя.

Большой Джо утешился. Он давно знал Дэнни и считал вполне вероятным, что Дэнни купит довольно много вина.

Над ними струилась ночь. Луна зашла, и лес погрузился в глухую тьму. Сирена на мысу выла, не умолкая. И всю ночь напролет Пилон хранил непорочную чистоту души. Он даже принялся читать наставление Большому Джо, как это свойственно новообращенным.

— Быть добрым и великодушным дело стоящее, — сказал он. — Благие деяния не только возводят нас к блаженству на небесах, но и приносят скорую награду здесь на земле. По животу разливается золотое тепло, словно после глотка крепкой перцовки. Дух божий облекает тебя в пиджак, мягкий, словно из верблюжьей шерсти. Я не всегда был хорошим человеком, Большой Джо Португалец. Я признаюсь в этом по доброй воле.

Большой Джо был прекрасно осведомлен об этом и без его признания.

— Я был плохим, — в экстазе продолжал Пилон, наслаждаясь своей речью. — Я лгал и воровал. Я предавался распутству. Я прелюбодействовал и поминал имя божие всуе.

— И я тоже, — радостно вставил Большой Джо.

— А к чему это привело, Большой Джо Португалец? Меня томил страх. Я знал, что попаду в ад. Но теперь я вижу, что нет такого грешника, который не мог бы обрести прощения. Хотя я еще не побывал у исповеди, я чувствую, что перемена во мне угодна богу, ибо его благодать осенила меня. Если и ты тоже изменишь свою жизнь, Большой Джо, если ты оставишь пьянство, и драки, и девочек Доры Уильямс, то, быть может, ты почувствуешь то же, что и я.

Но Большой Джо крепко спал. Он всегда быстро засыпал, как только переставал двигаться.

Пилон уже не так явственно ощущал осенившую его благодать, потому что не мог больше рассказывать о ней Большому Джо, но он продолжал сидеть и смотреть на место, под которым покоился клад, а небо из темного становилось серым, и за туманами занималась заря. Он видел, как деревья обретали форму и выступали из сумрака. Ветер затих, из кустов выбежали маленькие голубоватые кролики и запрыгали по сухой хвое. Глаза Пилона слипались, но он был счастлив.

Когда рассвело, он ногой растолкал Большого Джо.

— Пора идти домой к Дэнни. Уже день.

Пилон отбросил крест, так как он уже больше не был нужен, и стер спасительную черту.

— А теперь,— сказал он,— мы должны запомнить это место по деревьям и камням, потому что никаких замстоков делать нельзя.

— Давай выкопаем его сейчас,— предложил Большой Джо.

— И пусть вся Тортилья-Флэт явится к нам на подмогу,— саркастически закончил Пилон.

Они внимательно осмотрели все кругом, замечая:

— Вот три дерева рядом справа и два слева. Вон там кусты, а тут большой камень.

Наконец они ушли от клада, старательно запоминая дорогу.

В доме Дэнни они увидели усталых друзей.

— Вы что-нибудь нашли? — осведомились те.

— Нет,— быстро ответил Пилон, предупреждая признание, готовое сорваться с губ Большого Джо.

— Пабло думал, что видел свет, но свет исчез прежде, чем он до него добрался. А Пират видел призрак старухи, и с ней была его собака.

Пират заулыбался.

— Старуха сказала, что моя собака теперь счастлива.

— Со мной пришел Большой Джо Португалец, он вернулся из армии,— возвестил Пилон.

— Здорово, Джо.

— У вас тут очень неплохо,— сказал Португалец, не принужденно опускаясь в кресло.

— Держись подальше от моей кровати,— предупредил его Дэнни, ибо он знал, что Джо Португалец отсюда больше не уйдет. В том, как он сидел в кресле, закинув ногу на ногу, чувствовалась домашняя небрежность.

Пират вышел во двор, забрал свою тачку и отправился в лес рубить дрова; но остальные пятеро улеглись, подставляя себя тем солнечным лучам, которые успели пробиться сквозь туман, и вскоре крепко уснули.

Когда они проснулись, день был уже в разгаре. Пробудившись, они потянулись, сели и скучным взглядом уставились на залив, на коричневый танкер, который медленно выходил в открытое море. Пират оставил на столе свои сумки, и друзья, открыв их, достали еду, которую собрал Пират.

Большой Джо направился по дорожке к покосившейся калитке.

— Вечером увидимся,— крикнул он Пилону.

Пилон провожал его тревожным взглядом, пока не убедился, что Большой Джо спускается по холму в Монтерей, а не поднимается к лесу. Четверо друзей расположились поудобнее и в приятной дремоте следили за тем, как наступает вечер.

В сумерках вернулся Джо Португалец. Пилон отвел его в угол двора, подальше от дома, и они коротко посоветовались.

— Мы возьмем инструменты взаймы у миссис Моралес,— сказал Пилон.— Лопата и мотыга прислонены к ее курятнику.

Когда совсем стемнело, они отправились в путь.

— Мы идем в гости к девочкам, знакомым Джо Португальца,— сообщил Пилон остальным.

Пилон и Джо осторожно проникли во двор миссис Моралес и взяли взаймы лопату и мотыгу. И тут Большой Джо вытащил из придорожного бурьяна бутылку вина.

— Ты продал клад,— в ярости крикнул Пилон,— ты предатель, о собачья собака!

Большой Джо невозмутимо успокоил его.

— Я не сказал, где лежит клад,— заявил он с достоинством.— Я сказал вот так: «Мы нашли клад,— сказал я.— Но он принадлежит Дэнни. Когда Дэнни его получит, я займу у него доллар и заплачу за вино».

Пилон был ошеломлен.

— И тебе поверили, и тебе дали вина? — с сомнением в голосе спросил он.

— Ну,— запнувшись объяснил Большой Джо,— я оставил одну вещь в залог того, что я принесу доллар.

Пилон молниеносно повернулся и схватил его за горло.

— Что ты оставил?

— Только одно крохотное одеяло, Пилон,— жалобно проскулил Большой Джо.— Всего одно одеяло.

Пилон принялся его трясти, но Большой Джо был так грузен, что Пилону удалось встряхнуть только самого себя.

— Какое одеяло? — крикнул он.— Говори, какое одеяло ты украл?

Большой Джо захныкал:

— Только одно — у Дэнни. Одно-единственное. Ведь у него их два. Я взял только самое-самое крохотное. Не бей меня, Пилон. Второе было больше. А это Дэнни получит обратно, когда мы выкопаем клад.

Пилон одним рывком повернул его и вложил все свое негодование в меткий пинок.

— Свинья,— сказал он.— Подлый ворюга. Ты вернешь это одеяло, а не то я из тебя ремней понаделаю.

Большой Джо попробовал смягчить его.

— Я подумал, что ведь мы стараемся для Дэнни,— прошептал он.— Я подумал: «Дэнни будет так рад, и он сможет купить себе сто новых одеял».

— Замолчи,— сказал Пилон.— Ты вернешь это самое одеяло, или я тебя камнем изобью.

Он взял бутылку, откупорил ее и сделал несколько глотков, чтобы успокоить свою возмущенную шепетильность; а потом воткнул пробку обратно и не дал Португальцу ни капли.

— За эту кражу копать будешь ты. Бери инструмент и иди за мной.

Большой Джо заскулил, как щенок, и повиновался. У него не хватало мужества восстать против праведного гнева Пилона.

Они долго искали завستное место. Было уже очень поздно, когда Пилон наконец указал на три стоящие рядом дерева.

— Тут,— заявил он.

Они рыскали по прогалине, пока не нашли круглую впадину. В эту ночь лес не был затянут туманом, и им помогал лунный свет.

Теперь, поскольку ему не надо было копать, Пилон начал развивать новую теорию добывания кладов.

— Иногда деньги закапывали в мешках,— сказал он.— И мешки эти сгнивали. Если ты будешь копать прямо на этом месте, то можешь растерять часть денег.

Он очертил впадину широким кругом.

— Так вот, вырой по этой черте глубокую канаву, и мы подберемся к сокровищу снизу.

— 'А' ты разве копать не будешь? — спросил Большой Джо.

Пилон дал выход своей ярости.

— Значит, это я ворую одеяла? — кричал он. — Это я краду вещи с постели друга, который приютил меня?

— Ну, один я копать не стану, — заявил Большой Джо.

Пилон схватил большой сосновый сук, который еще накануне был половиной святого креста, и грозно приблизился к Большому Джо Португалу.

— Вор! — прорычал он. — Грязная свинья, фальшивый друг! Бери лопату.

Храбрость Большого Джо испарилась, и он нагнулся за лопатой. Он, возможно, и заспорил бы, но совесть его была слишком нечиста, и Пилон, на чьей стороне были правота и сосновая дубинка, внушал ему сильный страх.

Большой Джо питал отвращение к самой идее копания. В траектории движущейся лопаты не было ничего эстетического. Цель же всей работы, то есть извлечение земли из одного места и перенесение ее в другое, не может не показаться человеку с более возвышенными устремлениями бесполезной и нелепой. Чего достигнет он, даже если посвятит копанию всю свою жизнь? Правда, чувства Большого Джо не были столь сложны. Он просто не любил копать. Он записался в армию, чтобы драться, а вместо этого только и делал, что копал.

Но Пилон зорко следил за ним, и вокруг места с кладом начала изгибаться канава. Ссылки на болезнь, голод и непосильность подобного труда не приносили пользы. Пилон был неумолим и, не переставая, попрекал Джо преступной кражей одеяла. Джо хныкал, жаловался, протягивал руки, чтобы показать ссадины и мозоли, но Пилон не давал ему передышки и заставлял копать.

Наступила полночь, и глубина канавы достигла трех футов. Закукарекали петухи в Монтерее. Луна зашла за деревья. И наконец Пилон отдал приказ подбираться к сокровищу. Земля все медленнее вылетала из канавы. Большой Джо был совсем измучен. Перед самым рассветом его лопата ударилась о что-то твердое.

— Ой! — вскричал он. — Вот он, Пилон!

Находка была большой и квадратной. Они принялись лихорадочно выкапывать ее, хотя в темноте совсем не видели, что это такое.

— Осторожнее! — предостерег Пилон. — Не повреди его.

Утро наступило прежде, чем они успели выкопать свой клад. Пилон почувствовал под рукой что-то металлическое и наклонился в сером полумраке, стараясь разглядеть, что же они нашли. Нашли они бетонную плиту внушительных размеров. Сверху в нее была вделана круглая бронзовая бляха. Пилон прочел по складам:

«Геодезическая служба Соединенных Штатов — 1915 — Высота шестьсот футов».

Пилон сел на дно ямы, и плечи его уныло сгорбились. — Значит, это не клад? — жалобно спросил Большой Джо.

Пилон ничего не ответил. Большой Джо внимательно осмотрел плиту, и брови его задумчиво сдвинулись. Он повернулся к опечаленному Пилону.

— Может, мы отдерем эту прекрасную медную дощечку и продадим ее?

Пилон поднял склоненную в горести голову.

— Джонни Помпом нашел такую штуку, — сказал он со спокойствием безмерного разочарования. — Джонни Помпом отодрал медную дощечку и попробовал ее продать. За выкапывание таких штук полагается год тюрьмы, — тоскливо заключил Пилон. — Год тюрьмы и две тысячи долларов штрафа.

Томимый страданием, Пилон хотел только одного: поскорее уйти от этого рокового места. Он встал, вырвал пук травы, чтобы завернуть бутылку, и начал спускаться с холма.

Большой Джо сочувственно затрусил позади.

— Куда мы идем? — спросил он.

— Не знаю, — сказал Пилон.

Когда они добрались до берега моря, солнце уже сияло вовсю, но Пилон не остановился даже здесь. Он брел по слежавшемуся песку, пока Монтерей не остался далеко позади и только песчаные дюны Сисайда да сверкающие волны залива могли видеть его печаль. Наконец он сел на сухой песок под горячими лучами солнца. Большой Джо сел рядом с ним, и ему показалось, что в молчаливых страданиях Пилона почему-то повинен он.

Пилон снял траву с бутылки, вытащил пробку и сделал несколько больших глотков; но печаль — это мать сострадания, и он протянул бесчестному Джо принадлежащую ему же бутылку.

— Как мы старались! — вскричал Пилон. — Как влекли нас наши мечты! Я уже думал: вот мы несем Дэнни мешки с золотом. Я видел, каким станет его лицо. Он удивился

бы. И долго-долго не мог бы этому поверить.— Пилон отобрал бутылку у Большого Джо и сделал чудовищный глоток.— И ничего этого не будет. Нынешняя ночь развеяла все надежды.

Солнце уже сильно припекало. И, несмотря на свое тяжкое разочарование, Пилон почувствовал, что его охватывает коварное успокоение, предательское желание отыскать в случившемся хорошую сторону.

Джо Португалец, по обыкновению, втихомолку отпил больше, чем ему полагалось. Пилон в негодовании отобрал у него бутылку и несколько раз основательно к ней приложился.

— В конце концов,— философски заметил он,— если бы мы отыскиали золото, оно, быть может, и не пошло бы на пользу Дэни. Он ведь всегда был бедняком. И, разбогатев, мог бы рехнуться.

Большой Джо торжественно кивнул. Вино в бутылке все убывало и убывало.

— Счастье лучше богатства,— сказал Пилон.— Если мы постараемся сделать его счастливым, это будет куда лучше, чем дарить ему деньги.

Большой Джо снова кивнул и разулся.

— Сделать его счастливым — это ты правильно говоришь.

Пилон меланхолично напустился на него.

— Ты всего только свинья и не достоин того, чтобы жить с людьми,— кротко сказал он.— Тебя, похитителя одеяла Дэни, следовало бы держать в конуре и кормить картофельными очистками.

Теплые солнечные лучи совсем их разморили. Маленькие волны, шепчась, набегали на песок. Пилон разулся.

— Остаток пополам,— сказал Большой Джо, и они допили все вино до последней капли.

Пляж мерно покачивался, поднимаясь и опускаясь, как океанская зыбь.

— Ты неплохой человек,— сказал Пилон.

Но Большой Джо Португалец уже спал. Пилон снял куртку и прикрыл ею лицо. Через несколько секунд он тоже погрузился в сладкий сон.

Солнце описывало по небосводу обычную дугу. Прилив разлился по пляжу и вновь отступил. К спящим, подпрыгивая, стайкой приблизились зуйки и внимательно их осмотрели. Бродячая собака обнюхала их. Две пожилые дамы, собиравшие морские раковины, увидели их неподвижные тела и торопливо прошли мимо,— а вдруг эти

мужчины проснутся и кинутся вслед, чтобы напасть на них с преступными намерениями! Просто ужасно, единодушно решили они, что полиция не желает принимать никаких мер для предотвращения подобных случаев.

— Они пьяны,— сказала одна из дам.

Другая обернулась и посмотрела на спящих.

— Пьяные скоты,— согласилась она.

Когда наконец солнце скрылось за соснами на холме позади Монтерея, Пилон проснулся. Рот его пересох, словно обожженный квасцами, голова болела, а тело совсем затекло от долгого лежания на жестком песке. Большой Джо продолжал храпеть.

— Джо! — окликнул его Пилон, но Джо даже не пошевелился.

Пилон приподнялся на локте и посмотрел на море.

«Не худо бы смочить рот глотком вина»,— подумал он и поднес к губам бутыл, но ни единая капля не увлажнила его сухого языка. Тогда он вывернул карманы в надежде, что в них, покуда он спал, произошло чудо,— однако чуда в них не произошло. Он обнаружил только сломанный перочинный нож, за который уже раз двадцать тщетно пытался получить стакан вина. И еще рыболовный крючок в кусочке пробки, обрывок грязной бечевки, собачий зуб и несколько ключей, не подходящих ни к одному из известных Пилону замков. Среди всей этой коллскции не было ни одной вещи, на которую Торрелли польстился бы даже в припадке умопомешательства.

Пилон задумчиво посмотрел на Большого Джо.

«Бедняга,— подумал он.— Когда Джо Португалец проснется, его будет мучить точно такая же жажда. Он будет рад, если я припасу для него глоток вина».

Он попробовал растолкать Большого Джо, но тот, буркнув что-то невнятное, продолжал храпеть, и Пилон обшарил его карманы. Он нашел медную брючную пуговицу, металлическую бляху с надписью «В «Голландце» кормят вкусно», пять обгорелых спичек и кусок жевательного табака.

Пилон присел на корточки. Выхода не было. Хотя его глотка властно требовала вина, ему оставалось только иссохнуть в этих песках.

Тут его внимание привлекли саржевые брюки Португальца, и он тихонько пощупал их.

«Хорошая материя,— подумал он.— С какой стати должен этот подлый Португалец расхаживать в штанах из такой хорошей материи, когда все его друзья носят бумажные?»

Затем он вспомнил, как плохо сидят эти брюки на Большом Джо, как тесны они ему в поясе, даже когда он не застегивает верхних пуговиц, как они ему коротки. «А ведь человек благопристойного роста был бы счастлив обзавестись такими штанами».

Пилон вспомнил, в каком преступлении повинен Большой Джо, и почувствовал себя ангелом-мстителем. Как смеет эта чумазая дылда наносить Дэни подобные оскорбления!

«Когда он проснется, я изобью его!.. Однако,— тут же возразил на это Пилон-моралист,— он совершил кражу. И ему было бы хорошим уроком узнать, каково это, когда у тебя что-нибудь крадут. Какой толк в наказании, если оно ничему не учит?»

Позиция Пилона была совершенно неуязвима. Если он одним махом сумеет отомстить за Дэни, проучить Большого Джо, преподать ему урок этики и раздобыть вина, кто во всем мире решится осудить его?

Он изо всех сил толкнул Португальца, но Большой Джо только отмахнулся от него, как от мухи. Пилон ловко стянул с него брюки, скатал их и небрежной походкой направился в ту сторону, где за дюнами лежал Монтерей.

Торрелли не было дома, и дверь Пилону открыла миссис Торрелли. Несколько минут он напускал на себя таинственность, но в конце концов предъявил ей брюки.

Она решительно покачала головой.

— Но поглядите же хорошенько,— не отступал Пилон.— Вы видите только грязь и пятна. А вы поглядите, какая под ними хорошая материя! Подумайте, сеньора! Вы выводите эти пятна и отглаживаете брюки! Приходит Торрелли. Он молчит, у него дурное настроение. И тут вы показываете ему эти великолепные штаны. Посмотрите, как заблестели его глаза! Посмотрите, как он рад! Он сажает вас к себе на колени! Посмотрите, как он улыбается вам, сеньора! Столько счастья — и всего за один галлон красного вина!

— Штаны сзади совсем протерлись,— сказала она.

Пилон поднял брюки и посмотрел их на свет.

— Разве сквозь них можно что-нибудь разглядеть? Нет! Просто они стали мягкими и удобными. Они как раз в самом лучшем состоянии.

— Нет,— твердо сказала она.

— Вы жестоки к своему мужу, сеньора. Вы лишаете его счастья. И я не удивлюсь, если увижу, что он ухажи-

вает за другими женщинами, не такими бессердечными. Ну, не галлон, так хоть кварту?

В конце концов миссис Торрелли не устояла, и Пилон получил свою кварту. Он тут же выпил все вино.

— Вы сбиваете цену счастья,— сказал он с упреком.— Я должен был бы получить по крайней мере полгаллона.

Миссис Торрелли была тверже гранита. Больше Пилон не получит ни капли. Пилон сидел на кухне миссис Торрелли и угрюмо размышлял: «Бессовестная ростовщица. Она задаром выманила у меня штаны Большого Джо».

Пилон с грустью вспомнил о своем друге, оставшемся там, среди дюн. Что с ним теперь будет? Если он пойдет в город, его арестуют. А что сделала эта гарпия, чтобы заслужить такие штаны? Она попыталась купить у Пилон штаны, принадлежащие его другу, за жалкую кварту никудышного вина. Пилон почувствовал, как в нем закипает гнев против нее.

— Я ухожу,— объявил он миссис Торрелли. Брюки уже висели в чуланчике за кухней.

— Всего хорошего,— ответила через плечо миссис Торрелли и отправилась в маленькую кладовку за припасами для обеда.

По пути на улицу Пилон прошел мимо чуланчика и захватил с собой не только брюки Большого Джо, но и одеяло Дэнни.

Пилон шагал по пляжу, направляясь к тому месту, где он оставил Большого Джо. На песке впереди пылал яркий костер, и Пилон вскоре заметил, что на фоне огня мелькают маленькие силуэты. Уже совсем стемнело, и он шел, ориентируясь на огонь. Приблизившись, он сообразил, что это пикник девочек-скаутов. Дальше Пилон продвигался крадучись.

Сперва он никак не мог найти Большого Джо, но в конце концов разглядел его: тот лежал, по пояс зарывшись в песок, совсем потеряв голос от холода и страха. Пилон твердым шагом приблизился к нему и протянул ему брюки.

— Бери их, Большой Джо, и радуйся, что получил их обратно.

У Джо зуб на зуб не попадал.

— Кто украл мои штаны, Пилон? Я лежу здесь уже не знаю сколько часов — я ведь не мог уйти из-за этих девчонок.

Пилон услужливо заслонил Португальца от девочек, хлопотавших около костра. Большой Джо стряхнул с ног

прилипший к ним холодный сырой песок и натянул брюки. Потом они с Пилоном бок о бок побрели по темному пляжу туда, где огни Монтерея, словно нити бус, опоясывали холм. В глубине пляжа, припав к земле, как усталые гошчие, лежали дюны, а волны потихоньку разучивали удары и чуть-чуть шипели. Ночь была холодна и надменная, ее теплая жизнь исчезла без следа, и она горько и грозно напоминала человеку, что он одинок в мире и одинок среди себе подобных и что нигде его не ждет утешение.

Пилон был все еще погружен в мрачные мысли, и Джо Португалец не мог не почувствовать, что его друг чем-то глубоко взволнован. Наконец Пилон повернулся к нему.

— Это учит нас, что доверять женщине — величайшая глупость.

— Значит, мои штаны украла какая-то женщина? — в волнении спросил Большой Джо. — Кто это? Я ей покажу!

Но Пилон только грустно покачал головой, как старик Игова, который, отдыхая в седьмой день творения, узрел, что созданный им мир нуден и плох.

— Она наказана, — сказал Пилон. — Можно даже сказать, что она сама себя наказала, а что может быть лучше? Она приобрела твои штаны, она завладела ими в алчности, а теперь она их лишилась.

Подобные рассуждения были выше понимания Большого Джо — в них крылись тайны, с которыми лучше не связываться. Именно этого и добивался Пилон. Большой Джо смиренно сказал:

— Спасибо, Пилон, что ты вернул мои штаны.

Но Пилон так погрузился в философские размышления, что даже благодарность потеряла всякую цену в его глазах.

— Пустяки, — сказал он. — Во всем этом деле важен только урок, который мы можем из него извлечь.

Они свернули с пляжа к холму и миновали огромную серебристую башню газового завода.

Большой Джо Португалец был невыразимо счастлив оттого, что он идет рядом с Пилоном.

«Вот человек, который заботится о своих друзьях, — думал он. — Даже когда они спят, он бодрствует, чтобы с ними не случилось беды».

Он принял твердое решение когда-нибудь сделать Пилону что-нибудь приятное.

ГЛАВА IX

*О том, как Дэнни попал в ловушку пылесоса,
и о том, как друзья Дэнни спасли его*

Долорес Энграсиа Рамирес жила в собственном домике на дальнем конце Тортилья-Флэт. Она помогала по хозяйству нескольким монтереевским дамам и была одной из подлинных дочерей Золотого Запада. Она не была хорошенькой, эта пайсана с худым лицом, но в ее движениях порой сквозила томность, а в голосе звучала хрипотца, которая нравилась некоторым мужчинам. Иногда в ее глазах, туманя их, загоралась дремотная страсть, которую мужчины, подвластные велениям плоти, находили привлекательной и манящей.

Она отличалась раздражительностью, и когда давала ей волю, никому не показалась бы желанной, но сердце у нее было влюбчивое, и недаром в Тортилья-Флэт ее прозвали «Конфеткой» Рамиресс.

Когда она находилась во власти нежного чувства, на нее было просто приятно смотреть. Как она облокачивалась о свою калитку! Каким воркующим становился ее голос! Как колыхались ее бедра, то прижимаясь к самому забору, то плавно отступая, то вновь к нему прижимаясь, словно ленивые летние волны, накатывающиеся на песок! Кто еще мог так томно произнести простые слова:

— Ау, amigo. A'onde vas? ¹

Правда, чаще голос ее бывал визгливым, лицо — жестким и острым, как лезвие топора, фигура — неуклюжей, а намерения — самыми эгоистичными. Вторая, более мягкая сторона ее натуры просыпалась в ней только раза два в неделю, и к тому же обычно по вечерам.

Когда Конфетка услышала, что Дэнни получил наследство, она порадовалась за него. Теперь она мечтала о том, чтобы стать его спутницей жизни, как, впрочем, и все обитательницы Тортилья-Флэт. Вечер за вечером она стояла у калитки, ожидая, чтобы он прошел мимо и угодил в ее тенета. Но в течение долгого времени на ее приманку попадались только бедные индейцы и пайсано, у которых не было собственных домов и даже одежда порой оказывалась беглянкой из чьих-то более полных гардеробов.

Конфетку это не устраивало. Дом ее был расположен выше по склону, в той части квартала, куда Дэнни заглядывал редко. Сама же Конфетка не могла отправиться

¹ Здравствуй, дружок. Куда ты идешь? (исп.)

искать его. Она была порядочной женщиной и строго соблюдала правила приличия. Вот если бы Дэнни прошел мимо, и они поболтали бы, как положено старым друзьям, и он зашел бы к ней выпить стаканчик вина, и если бы затем природа оказалась слишком сильной, а она сопротивлялась бы не слишком упорно, вот тогда приличия почти не были бы нарушены. Но она и помыслить не могла о том, чтобы покинуть свою паутину у калитки.

Месяцы шли, а сй по-прежнему приходилось довольствоваться только теми поклонниками, у которых в карманах было пусто. Но в Тортилья-Флэт не так уж много улиц. Рано или поздно Дэнни неизбежно должен был пройти мимо калитки Долорес Энграсиа Рамирес; и так в конце концов и случилось.

За все время их давнего знакомства Дэнни ни разу не проходил мимо дома Конфетки при более благоприятных для нее обстоятельствах. Дело в том, что не далее как в это утро Дэнни нашел ящик медных гвоздей, потерянный Центральной компанией поставок. Поскольку рядом не было видно никого из служащих компании, он решил, что это бесхозное имущество. Поэтому Дэнни извлек гвозди из ящика и переложил их в мешок. Затем он позанимствовал тачку Пирата, а заодно и самого Пирата, чтобы эту тачку толкать, и отвез свою находку на склад Западной компании поставок, где продал гвозди за три доллара. Ящик он подарил Пирату.

— Ты можешь хранить в нем всякие вещи,— сказал он. И Пират обрадовался.

И вот теперь Дэнни спускался с холма, направляясь по прямой линии к заведению Торрелли, а в кармане у него покоились три доллара.

Голос Долорес был полон сладостной хрипотцы, словно жужжание шмеля:

— Ау, amigo. A'onde vas?

Дэнни остановился. Планы его внезапно изменились.

— Как поживаешь, Конфетка?

— А не все ли равно? Моим друзьям это неинтересно,— кокетливо сказала она. И бедра ее томно заколыхались.

— Как так? — спросил он.

— А разве мой друг Дэнни хоть разок навестил меня?

— Ну вот я здесь,— галантно заявил он.

Она чуть-чуть приоткрыла калитку.

— Может, ты зайдешь выпить в честь дружбы стаканчик вина?

Дэнни последовал за ней в дом.

— Что это ты делал в лесу? — проворковала она.

И тут Дэнни совершил роковую ошибку. Он тщеславно поведал о заключенной им на вершине холма сделке и похвастал своими тремя долларами.

— Правда, вина у меня только-только на две рюмочки, — сказала она.

Они расположились на кухне и выпили по стаканчику вина. Вскоре Дэнни весьма рыцарственно и пылко покусился на добродетель Конфетки, но, к своему удивлению, встретил отпор, совершенно неожиданный для женщины ее телосложения и репутации. Это его очень рассердило, ибо в нем пробудился безобразный зверь похоти. Только когда он собрался уходить, все объяснилось.

Воркующий голос произнес:

— Может, ты зайдешь навестить меня вечером, Дэнни?

Глаза Конфетки затуманились дремотным призывом.

— Соседи... — тактично вздохнула она.

Тут он все понял.

— Я приду вечером, — сказал он.

До вечера было еще далеко. Дэнни шел по улице, вновь направляясь прямо к Торрелли. Зверь в нем чудесно преобразился. Из разъяренного рычащего волка он стал большим, мохнатым сентиментальным медведем.

«Я куплю вина для этой милой Конфетки», — думал Дэнни.

И тут ему навстречу попался Пабло, а у Пабло было две палочки жевательной резинки. Он протянул одну Дэнни и пошел рядом с ним.

— Куда ты идешь?

— Сейчас не время для дружбы, — досадливо сказал Дэнни. — Сперва я собираюсь купить вина в подарок одной даме. Если хочешь, можешь пойти со мной, но больше чем на один стаканчик не рассчитывай. Мне надоело покупать вино для дам, чтобы его все до капли выпивали мои друзья.

Пабло согласился, что это действительно невыносимо. Самому же ему нужно общество Дэнни, а не его вино.

Они зашли в заведение Торрелли и выпили по стаканчику вина, отлив его из только что купленной бутылки. Дэнни заявил, что неприлично угощать друга одним-единственным стаканчиком вина. Как ни горячо отказывался Пабло, они выпили по второму.

«Дамам, — думал Дэнни, — не следует пить много вина.

Они от него глупеют; а кроме того, вино усыпляет те чувства, которые делают даму особенно приятной».

Они выпили еще несколько стаканчиков. Полгаллона — вполне приличный подарок, решили они, тем более что Дэнни собирается спуститься в город купить ей что-нибудь еще. Они отмерили полгаллона и выпили все, что было выше черты. Затем Дэнни спрятал бутылку в канаве среди бурьяна.

— Я буду рад, если ты пойдешь со мной покупать подарок, Пабло,— сказал он.

Пабло понимал, чем объясняется это предложение. Во-первых, Дэнни не хотел расставаться с другом, а во-вторых, он опасался, что вино не уцелест, если оставить Пабло бродить, где ему вздумается. С большим достоинством и подчеркнуто твердым шагом они спустились с холма в Монтерей.

Мистер Саймон из «Фирмы Саймона: вклады, ювелирные изделия, ссуды» любезно пригласил их в свою лавку. Название фирмы достаточно точно указывало ассортимент товаров, которыми она торговала: на прилавке были выставлены саксофоны, радиоприемники, ружья, ножи, удочки и старинные монеты — каждая вещь подержанная, но тем не менее куда лучше новой, так как ее части только-только приработались.

— Вам что-нибудь показать? — спросил мистер Саймон.

— Да,— сказал Дэнни.

Хозяин лавки начал перечислять свои товары, но вскоре остановился на полуслове, заметив, что Дэнни не спускает глаз с большого алюминиевого пылесоса. Пылесборник был синий в желтую клетку. Электрический шнур — длинный, черный и глянцевитый. Мистер Саймон нагнулся над пылесосом, потер его ладонью, отступил на шаг и бросил на него восхищенный взгляд.

— Что-нибудь вроде пылесоса? — спросил он.

— Сколько?

— За этот четырнадцать долларов.

Собственно говоря, мистер Саймон не столько назначал серьезную цену, сколько старался выяснить, какими капиталами располагает Дэнни. А Дэнни был охвачен желанием приобрести пылесос — ведь он был таким большим и блестящим! Ни у одной хозяйки в Тортилья-Флэт не было пылесоса. В эту минуту Дэнни забыл, что в Тортилья-Флэт не было также и электричества. Он положил на прилавок свои два доллара и терпеливо ждал, пока

утихнет буря: бешенство, негодование, печаль, вопли о нищете, о разорении, о надувательстве. Ему указывали на качество лака, на цвет пылесборника, на особую длину шнура, на то, что один металл стоит дороже! А когда все кончилось, Дэнни вышел из лавки, унося под мышкой пылесос.

Нередко в часы дневного досуга Конфетка доставала пылесос и прислоняла его к стулу. А когда приходили соседки, она начинала возить его по полу, чтобы показать, как легко он движется. И она тихонько жужжала, подражая мотору.

— Мой друг — человек богатый, — говорила она. — Вот погодите, скоро мне в дом протянут провода, полные электричества, а тогда — жж, жж, жж! — и в комнате чисто.

Соседки пытались опорочить подарок, заявляя: «Нет, щетка и совок, если только уметь ими пользоваться, куда надежнее!»

Но их завистливая хула не могла повредить пылесосу. Обладание им подняло Конфетку на самую вершину общественной лестницы Тортилья-Флэт. Те, кто не знал ее имени, говорили просто — «ну, эта, с подметальной машиной». Нередко, когда мимо дома Конфетки проходили ее враги, можно было видеть, как она возит пылесосом по полу, жужжа во весь голос. По правде говоря, она каждый день, кончив подметать пол, обрабатывала его пылесосом, руководствуясь следующей теорией: с электричеством он чистил бы лучше, но ведь нельзя же иметь все сразу.

Ей завидовала вся округа. Она держалась теперь с большим достоинством и надменной любезностью и высоко задирала нос, как и надлежит владелице подметальной машины. В любом разговоре она не забывала упомянуть о пылесосе: «Рамон проходил по улице сегодня, когда я пылесосила», «Луиза Митер порезала руку сегодня днем, часа через три после того, как я кончила пылесосить».

Но, и упиваясь своим величием, она не забывала о Дэнни. В его присутствии голос ее становился хриплым от избытка чувств. Она покачивалась, как сосна на ветру. И все свои вечера он проводил в доме Конфетки.

Сперва его друзья не обращали внимания на эти отлучки, ибо каждый человек имеет право на увлечения. Но недели шли, и, наблюдая, как Дэнни от семейной жизни становится все более бледным и апатичным, его друзья пришли к выводу, что бурная благодарность Конфетки вредна для его здоровья. Они ревновали его к Конфетке, потому что, по их мнению, все это затянулось.

И Пилон, и Пабло, и Хесус Мария, каждый по очереди, принимались в отсутствие Дэнни ухаживать за дамой его сердца, но Конфетка, хотя и была польщена, продолжала хранить верность тому, кто поднял ее на такую завидную высоту. Она была бы не прочь припасти их дружбу на будущее, так как знала, что счастье капризно, но сейчас она наотрез отказывала друзьям Дэнни в том, на что пока имел право только Дэнни.

И вот его друзья в отчаянии составили заговор, чтобы погубить ее.

Быть может, Дэнни в глубине души уже начал уставать от нежной привязанности Конфетки и от необходимости платить ей взаимностью. Однако, если это и было так, он не признавался в этом даже самому себе.

Как-то днем, часа в три, Пилон, Пабло и Хесус Мария, за которыми в отдалении плелся Большой Джо, торжествуя, возвращались домой после крайне напряженного утра. Для выполнения их плана потребовалась вся стальная логика Пилона, вся артистическая изобретательность Пабло, вся доброта и человечность Хесуса Марии Коркорана. Большой же Джо не внес в это дело никакой лепты.

И вот теперь, словно четыре охотника после травли, они возвращались тем более довольные, что добыча далась им нелегко. А в Монтерее совсем сбитый с толку бедняга итальянец постепенно приходил к заключению, что его падули.

Пилон тащил бутылъ вина, тщательно обернутую плющом. Они радостно проществовали в дом Дэнни, и Пилон поставил бутылъ на стол.

Дэнни, очнувшись от крепкого сна, мягко улыбнулся, встал с постели и расставил на столе банки из-под варенья. Затем он разлил вино. Его четыре друга устало опустились на стулья, утомленные трудным днем.

Они молча и неторопливо потягивали вино, ибо настал тот предвечерний час, когда в жизни Тортилья-Флэт наступает затишье. Почти все ее обитатели отрываются в это время от своих занятий, чтобы обдумать происшествия минувшего дня и прикинуть, что сулит им вечер. И в этот час всегда есть много тем для разговора.

— Корнелия Руис завела себе сегодня нового дружка,— заметил Пилон.— Он совсем лысый. Его зовут Килпатрик. Корнелия говорит, что ее прежний друг на той неделе три дня глаз домой не казал. А она этого не любит.

— Корнелия слишком непостоянна,— сказал Дэнни и со спокойным удовлетворением подумал о своем собст-

венном прочном благополучии, зиждущемся на несокрушимом фундаменте пылесоса.

— Отец Корнелии был еще хуже,—подхватил Пабло.— Он никогда не говорил правды. Один раз он взял у меня займы доллар. Я сказал об этом Корнелии, а она хоть бы что.

— Одна кровь. «Скажи мне, какой породы твоя собака, и я скажу тебе, на что она годна»,—назидательно произнес Пилон.

Дэнни снова наполнил банки, и бутыль опустела. Они грустно поглядели на нее.

Хесус Мария, это воплощение человечности, негромко сказал:

— Я встретил Сузи Франсиско, Пилон. Она говорит, что все в порядке. Она уже три раза каталась с Чарли Гусманом на его мотоцикле. Первые два раза, когда она давала ему твое приворотное зелье, ему становилось плохо. Она думала, что оно не поможет. Но теперь Сузи говорит, чтобы ты приходил за сладкими булочками, когда захочешь.

— А из чего оно, это снадобье? — спросил Пабло.

Пилон ответил сдержанно:

— Всего сказать я не могу. А плохо Чарли Гусману было, наверное, от коры ядовитого дуба.

Галлон вина иссяк слишком быстро. Все шестеро испытывали жажду, мучительную, как любовное томление. Пилон мигнул друзьям, они мигнули в ответ. Заговорщики были готовы приступить к действиям. Пилон откашлялся.

— Что ты такого натворил, Дэнни? Почему над тобой смеется весь город?

Дэнни обеспокоился:

— Это ты о чем?

Пилон усмехнулся.

— Поговаривают, будто ты купил для одной дамы подметальную машину и что эта машина не будет работать, пока в дом не протянут провода. А эти провода стоят очень дорого. Вот некоторые и смеются над таким подарком.

Дэнни заволновался.

— Этой даме нравится подметальная машина,—сказал он, оправдываясь.

— Ну конечно,—согласился Пабло.— Она ведь многим говорила, что ты обещал протянуть в ее дом провода, чтобы машина могла работать.

Дэнни совсем встревожился:

— Она это говорила?

— Да, так мне сказали.

— Ничего я ей не обещал! — воскликнул Дэнни.

— Если бы мне самому не было смешно, я бы очень рассердился, слушая, как смеются над моим другом, — заметил Пилон.

— А что ты будешь делать, когда она попросит тебя протянуть к ней провода? — спросил Хесус Мария.

— Скажу ей «нет», — ответил Дэнни.

Пилон рассмеялся.

— Хотел бы я посмотреть, как ты это сделаешь. Не так-то просто сказать этой даме «нет».

Дэнни почувствовал, что друзья не одобряют его поведения.

— Что же мне делать? — спросил он растерянно.

Пилон подошел к решению этого вопроса с обычным педантизмом.

— Если у этой дамы не будет подметальной машины, ей не пужны будут провода, — сказал он после нескольких минут глубокого размышления.

Остальные согласно закивали.

— Поэтому, — продолжал Пилон, — надо забрать у нее подметальную машину.

— Она мне ее ни за что не отдаст, — возразил Дэнни.

— Ну так мы тебе поможем, — объявил Пилон. — Я заберу машину, а взамен ты сможешь подарить этой даме галлон вина. Она даже не узнает, куда делась подметальная машина.

— Соседи увидят, как ты будешь ее уносить.

— Ну нет, — ответил Пилон. — Ты оставайся дома, Дэнни, а я заберу машину.

Дэнни вздохнул с облегчением, потому что его добрые друзья пришли к нему на помощь.

Пилон был осведомлен обо всем, что происходило в Тортилья-Флэт. Его память регистрировала все, что видели его глаза или слышали его уши. Он знал, что каждый день в половине пятого Конфетка отправляется за покупками. Именно на эту ее привычку он и рассчитывал, составляя свой план.

— Будет лучше, если ты останешься в стороне, — сказал он Дэнни.

Во дворе Пилон взял заранее приготовленный рогожный мешок. Вытащив нож, он срезал с розового куста пышную ветку и засунул ее в мешок.

Как он и рассчитывал, Конфетки дома не было. «А машина эта, собственно говоря, принадлежит Дэнни», — сказал он себе.

Потребовалась всего одна минута, чтобы войти в дом, положить пылесос в мешок и искусно замаскировать отверстие мешка веткой розы.

Выходя со двора, Пилон столкнулся с Конфеткой. Он вежливо снял шляпу.

— Я заходил на минутку, думал поболтать с тобой, — сказал он.

— Так, может, ты посидишь, Пилон?

— Нет. У меня дело в Монтерее. Уже поздно.

— Куда ты несешь этот розовый куст?

— Один человек в Монтерее хочет его купить. Очень хороший куст. Посмотри, какой он пышный.

— Ну так заходи в другой раз, Пилон.

Неторопливо шагая по улице, Пилон не услышал гневного вопля. «Может, она не сразу его хватится», — подумал он.

Половина задачи была решена, оставалась вторая половина. «Что будет делать Дэнни с этой машиной? — спросил себя Пилон. — Если он оставит ее у себя, Конфетка узнает, что это он ее взял. Может, выбросить? Нет, это ценная вещь. Значит, надо от нее избавиться и при этом извлечь пользу от ее ценности».

Теперь задача была решена окончательно, и Пилон начал спускаться с холма по улице, ведущей к заведению Торрелли.

Пылесос был большой и сверкающий. Когда Пилон вновь начал подниматься по холму, он в каждой руке нес по бутылке с вином.

Когда он вошел в дом Дэнни, друзья встретили его молчанием. Он поставил одну бутылку на стол, а другую на пол.

— Я принес тебе подарок для твоей дамы, — сказал он Дэнни. — А вот немного винца и для нас.

Они весело придвинули к столу свои стулья, потому что в их глотках бушевал пожар. Когда первая бутылка была почти опорожнена, Пилон поднес свою банку к свече и посмотрел сквозь вино на ее огонек.

— То, что случается, не имеет значения, — произнес он. — Но из всего, что случается, можно извлечь урок. А из этого можно вывести, что подарок, особенно предназначенный для дамы, не должен быть таким, чтобы после него приходилось делать еще один подарок. И еще из

этого можно вывести, что грешно делать слишком дорогие подарки, ибо они разжигают алчность.

Первая бутылка опустела. Друзья посмотрели на Дэнни, желая узнать, что он теперь сделает. До сих пор он молчал, но теперь понял, что друзья ждут его решения.

— Это была бойкая дама,— сказал он.— И с очень добрым сердцем. Но, черт побери,— сказал он,— до чего мне все это надоело! — И он откупорил вторую бутылку.

Пират, сидевший в углу среди своих собак, улыбнулся про себя и восхищенно прошептал:

— Черт побери! До чего мне все это надоело!

Эти слова показались Пирату прекрасными.

Они не выпили и половины второго галлона и успели пропеть всего две песни, когда в комнату вошел молодой Джонни Помпом.

— Я был у Торрелли,— сказал Джонни.— Он совсем взбесился. Он вопит как зарезанный. Он стучит кулаками по столу.

Друзья посмотрели на него без особого интереса.

— Если с Торрелли случилась какая-нибудь неприятность, то и подслон ему.

— Сколько раз он отказывал своим постоянным клиентам в стаканчике вина!

— А что случилось с Торрелли? — спросил Пабло.

Джонни Помпом, поблагодарив, взял протянутую ему банку с вином.

— Торрелли говорит, что он купил у Пилона подметальную машину, а когда он прицепил ее к своему проводу, она не стала работать. Тогда он заглянул в ее нутро, и оказалось, что в ней нет мотора. Он говорит, что убьет Пилона.

Пилон был возмущен.

— Я не знал, что у этой машины чего-то не хватает,— сказал он.— Но я ведь сказал — «поделом Торрелли, какая бы неприятность с ним ни случилась». Такая машина стоит не меньше четырех галлонов вина, а этот сквалыга Торрелли поскупился дать больше двух.

Дэнни все еще испытывал к Пилону горячую благодарность. Он отхлебнул вино и почмокал губами.

— Эта бурда, которой торгует Торрелли, с каждым днем становится все хуже,— сказал он.— Она и всегда была свиным пойлом, но теперь уже до того дошло, что даже Чарли Марш не станет ее пить.

Тут все почувствовали, что отчасти свели счета с Торрелли.

— Пожалуй,— сказал Дэнни,— если Торрелли не объяснится, мы будем покупать вино у кого-нибудь другого.

ГЛАВА X

О том, как друзья утешали капрала, а взамен получили урок родительской этики

Хесус Мария Коркоран был всегда исполнен человеколюбия. Страдания он стремился облегчать, печаль он старался смягчить, радость он разделял. Никто никогда не видел Хесуса Марию суровым или удрученным своими заботами. Сердце его было в распоряжении любого человека, которому оно могло понадобиться. Его силы и его ум всегда были к услугам тех, у кого их было меньше, чем у Хесуса Марии.

Это он четыре мили нес Хосе де ла Нариса, когда Хосе сломал ногу. Когда миссис Палочико потеряла свою любимую козу и могла остаться без молока и сыра, это Хесус Мария искал козу, нашел ее у Большого Джо Португальца, остановил занесенный нож убийцы и заставил Большого Джо вернуть ее хозяйке. И это Хесус Мария как-то вытащил Чарли Марша из канавы, где тот лежал в собственных нечистотах,— подвиг, для свершения которого требовалось не только доброе сердце, но и крепкий желудок.

Но Хесус Мария умел не только творить добро, он был также одарен способностью оказываться под рукой, когда требовалось творить это добро.

И о нем шла такая слава, что Пилон однажды заметил:

— Если бы наш Хесус Мария стал священником, у Монтерея появился бы в календаре собственный святой, уж вы мне поверьте.

Из какого-то бездонного кармана своей души Хесус Мария неустанно черпал доброту, но от этого ее не становилось меньше.

Хесус Мария имел обыкновение ходить каждый день к почте, во-первых, потому, что там он встречал очень много знакомых, а во-вторых, потому, что на этом ветреном углу он мог любоваться ножками множества девушек. Не следует полагать, что в этом его увлечении было хоть что-нибудь пошлое или низменное. Ведь не бросаем

же мы подобного упрека тем, кто посещает музеи или концерты. Хесусу Марии просто нравилось смотреть на женские ножки.

Однажды, когда он уже два часа напрасно простоял, прислонившись к стене почты, он увидел грустное зрелище.

Полицейский вел по тротуару юношу лет шестнадцати-семнадцати, а юноша нес крохотного младенца, завернутого в лоскут серого одеяла.

Полицейский говорил:

— Ну и что ж, что я тебя не понимаю. Сидеть в канаве весь день не положено. Мы о тебе все узнаем.

А юноша отвечал по-испански с каким-то необычным акцентом:

— Но, сеньор, я ничего плохого не сделал. Почему вы меня арестовали?

Тут полицейский заметил Хесуса Марию.

— Эй, пайсапо! — окликнул он его. — Что бормочет этот парень?

Хесус Мария отошел от стенки и обратился к юноше:

— Чем я могу вам служить?

Юноша обрадованно разразился потоком слов:

— Я приехал сюда искать работы. Мне в Мексике говорили, что здесь есть работа, а ее вовсе нет. Я сидел и отдыхал, а этот человек подошел и забрал меня.

Хесус Мария кивнул и повернулся к полицейскому.

— Этот малыш совершил какое-нибудь преступление?

— Нет, но он часа три просидел на краю канавы на улице Альварадо.

— Это мой друг, — сказал Хесус Мария. — Я позабочусь о нем.

— Ладно, только пусть он больше не сидит по канavam.

Хесус Мария и его новый друг стали подниматься на холм.

— Я отведу вас в дом, где я живу. Там вам дадут постель. А что это за младенец?

— Это мой сын, — ответил юноша. — Я капрал, а он мой сын. Он сейчас болен, но когда он вырастет, он будет генералом.

— А чем он болен, сеньор капрал?

— Не знаю. Он просто болен, и все. — С этими словами юноша приоткрыл личико младенца, который и в самом деле выглядел очень больным.

Хесус Мария проникся к нему еще бóльшим сочувствием:

— Дом, в котором я живу, принадлежит моему другу Дэнни, и он очень хороший человек, сеньор капрал. Он всегда рад помочь тому, кто попал в беду. Послушайте, мы пойдем туда, и Дэнни приютит вас. У моей доброй знакомой миссис Палочико есть коза. Мы попросим у нее молока для маленького.

На лице капрала впервые появилась улыбка.

— Хорошо иметь друзей,— сказал он.— В Торреоне у меня много друзей, которые согласились бы стать нищими, лишь бы помочь мне.— Он не утерпел, чтобы не похвастаться.— У меня есть богатые друзья, но они, конечно, не знают о моей беде.

Хесус Мария распахнул калитку, и они вошли во двор. Дэнни, Пабло и Большой Джо сидели в большой комнате, ожидая ежедневного чуда ниспослания ужина. Хесус Мария втолкнул юношу в комнату.

— Вот молодой солдат. Он капрал,— объяснил он.— У него с собой младенец, и младенец этот очень болен.

Его друзья вскочили на ноги. Капрал откинул край серого одеяла с лица младенца.

— Он и правда болен,— сказал Дэнни.— Надо бы послать за доктором.

Но солдат покачал головой:

— Не нужно докторов. Я не люблю докторов. Маленький не плачет и почти ничего не ест. Может, когда он отдохнет, он поправится.

Тут в дом вошел Пилон и внимательно оглядел ребенка.

— Этот младенец болен,— сказал он.

Пилон немедленно принялся отдавать распоряжения. Хесуса Марию он послал к миссис Палочико занять козьего молока; Большому Джо и Пабло было приказано раздобыть ящик из-под яблок и устлать его сухой травой, а на нее положить овчинную куртку. Дэнни предложил свою кровать, но она была отвергнута. Капрал стоял в большой комнате и улыбался, глядя на этих добрых людей. В конце концов младенец был уложен в ящик, но глазки его оставались тусклыми, и он не стал пить молока.

Пришел Пират с сумкой, полной макрели. Друзья изжарили рыбу и поужинали. Но малыш не стал есть даже макрель. То и дело один из друзей вскакивал и бежал посмотреть на него. Поужинав, все уселись возле печки и приготовились провести вечер в спокойной беседе.

Капрал продолжал молчать и ничего не сообщал о себе. Друзей это немного обидело, но они знали, что он им

все расскажет в свое время. Пилон, для которого всякое знание было словно скрытое в земле золото, попробовал пробить пару шурфов в сдержанности капрала.

— Не так-то часто случается увидеть молодого солдата с младенцем,— деликатно намекнул он.

Капрал гордо улыбнулся.

Пабло добавил:

— Этот младенец, главное, был найден в саду любви. А такие младенцы — самые лучшие, потому что в этом саду не может быть ничего плохого.

— Мы тоже были солдатами,— сообщил Дэнни.— Когда мы умрем, нас повезут на кладбище на пушечном лафете и над нашей могилой дадут залп из винтовок.

Они умолкли, ожидая, поймет ли капрал, зачем все это было сказано. Капрал с уважением посмотрел на них.

— Вы были добры ко мне,— сказал он.— Вы были добры и заботливы, как были бы добры и заботливы мои друзья в Торроне. Это мой сын и сын моей жены.

— А где твоя жена? — спросил Пабло.

Улыбка исчезла с лица капрала.

— Она в Мексике,— сказал он, но тут же снова оживился.— Я говорил с одним человеком, и он сказал мне очень интересную вещь. Он сказал, что мы можем вырастить из младенцев кого захотим. Он сказал: «Повторяй младенцу почаще, кем ты хочешь, чтобы он стал, и когда он вырастет, так и будет». И вот я все время повторяю моему сыну: «Ты будешь генералом». Как вы думаете, станет он генералом?

Друзья вежливо кивнули.

— Может быть,— сказал Пилон.— Правда, я про такое средство не слыхал.

— Я повторяю двадцать раз в день: «Мануэль, ты станешь генералом. У тебя будут большие эполеты и шарф. У тебя будет золотая сабля. Ты будешь ездить на красивом коне. Какая у тебя будет хорошая жизнь, Мануэль!» Этот человек сказал, что он наверняка станет генералом, если я буду так говорить.

Дэнни встал и подошел к ящику из-под яблок.

— Ты будешь генералом,— сказал он младенцу.— Когда ты вырастешь, ты будешь великим генералом.

Остальные столпились вокруг и смотрели, не возымело ли уже это заклинание какого-либо действия.

Пират прошептал:

— Ты будешь генералом,— и стал раздумывать, не подействует ли такой метод на собаку.

— Маленький очень болен,— сказал Дэнни.— Надо следить, чтобы ему было тепло.

Они снова уселись.

— Твоя жена в Мексике...— подсказал Пилон.

Капрал нахмурился и немного подумал; потом он ослепительно улыбнулся:

— Я расскажу вам. Таких вещей чужим людям не рассказывают, но вы мои друзья. Я был солдатом в Чиуауа, и я очень старался: всегда чистил свою одежду и хорошо смазывал винтовку, так что меня произвели в капралы. И тогда я женился на красивой девушке. Не знаю, может быть, она пошла за меня только из-за моих нашивок. Но она была очень красивая и совсем молодая. Глаза у нее были большие, зубы ровные и белые, а волосы длинные и блестящие. И скоро у нас родился вот этот сын.

— Это хорошо,— сказал Дэнни.— Я хотел бы быть на твоём месте. Что может быть лучше младенца?

— Да,— сказал капрал.— Я очень обрадовался. А потом мы пошли крестить его, и я надел шарф, хотя в уставе об этом ничего не говорится. А когда мы вышли из церкви, мою жену увидел капитан с эполетами и серебряной саблей. И скоро моя жена ушла от меня. Тогда я пошел к капитану и сказал: «Отдайте мне мою жену», а он сказал: «Видно, тебе жизнь не дорога, что ты осмеливаешься так разговаривать со своим начальником».— Капрал протянул вперед ладони и пожал плечами в бессильной покорности судьбе.

— Подлый вор! — крикнул Хесус Мария.

— Ты собрал своих друзей. Ты убил этого капитана,— с надеждой подсказал Пабло.

Капрал смутился.

— Нет. Ничего нельзя было сделать. В тот же вечер кто-то выстрелил в меня через окно. А на другой день пушка выстрелила по ошибке, и снаряд пролетел так близко, что ветер сбил меня с ног. Поэтому я ушел оттуда и взял маленького с собой.

Лица друзей исказились от гнева, в глазах их горела ярость. Пират в своем углу злобно заворчал, а его собаки принялись рычать.

— Почему нас там не было! — вскричал Пилон.— Мы заставили бы этого капитана пожалеть, что он родился. Один священник причинил зло моему деду, и дед привязал его голым в загоне и пустил туда бычка. Много можно придумать!

— Я был всего только капралом,— сказал юноша.—

Мне пришлось бежать.— На его глаза навернулись слезы стыда.— Капралу негде искать защиты, если его невзлюбил капитан, поэтому я убсжал с маленьким Мануэлем. Во Фриско я повстречал этого мудрого человека, и он сказал мне, что я смогу сделать из Мануэля кого хочу. Я каждый день говорю ему двадцать раз. «Ты будешь генералом. У тебя будут эполеты и золотая сабля».

Перед такой трагедией приключения Корнелии Руис казались скучными и пустыми. Разумеется, в подобном случае настоящим друзьям не полагалось бы сидеть сложа руки. Но все это произошло так далеко, что ничего нельзя было предпринять. Они с восхищением смотрели на капрала: такой молодой, а столько уже пережил!

— Хотел бы я,— мрачно произнес Дэни,— чтобы мы сейчас оказались в Торреоне. Пилон придумал бы для нас какой-нибудь план. Жаль, что мы не можем поехать туда.

Большой Джо Португалец не задремал ни разу за весь вечер — даже его потряс рассказ капрала. Теперь он подошел к ящику и заглянул в него.

— Ты будешь генералом,— начал он и вдруг воскликнул: — Поглядите-ка, что это с ним?

Его друзья столпились вокруг ящика. Маленькое тельце сводила судорога. Ножки дернулись и согнулись. Ручонки беспомощно хватали воздух, а потом ребенок весь скорчился и забился.

— Доктора! — крикнул Дэни.— Надо позвать доктора.

Но и он сам, и все остальные знали, что доктор не поможет. Приближающаяся смерть облечена в плащ, который каждый узнает сразу. И пока они смотрели, маленькое тельце застыло и перестало бороться за жизнь. Ротик раскрылся, и ребенок умер. Дэни сострадательно прикрыл ящик лоскутом одеяла. Капрал стоял, выпрямившись во весь рост, и глядел прямо перед собой — он был словно оглушен и не мог ни говорить, ни думать.

Хссус Мария положил руку ему на плечо и подвел его к столу.

— Ты еще такой молодой,— сказал он.— У тебя будет еще много детей.

Капрал застонал.

— Он умер. Он никогда не станет генералом с шарфом и саблей.

У друзей в глазах стояли слезы, собаки в своем углу жалобно скулили. Пират уткнул свою большую голову в мех Сеньора Алека Томпсона.

Пилон заговорил мягко, словно благословляя:

— Теперь ты сам должен будешь убить капитана. Мы чтим столь благородный план мести; но он не удался, и ты должен будешь отомстить сам, а мы поможем тебе, если это будет в наших силах.

Капрал поглядел на него безжизненным взглядом.

— Отомстить? — спросил он. — Убить капитана? О чем ты говоришь?

— Но ведь твой план было нетрудно разгадать, — сказал Пилон. — Твой сын вырастет и станет генералом, а потом найдет капитана и убьет его медленной смертью. Это был хороший план. Долгое ожидание, а потом — удар. Мы, твои друзья, чтим тебя за такой план.

Капрал с недоумением смотрел на Пилона.

— О чем ты говоришь? — спросил он. — Что я могу сделать этому капитану? Ведь он капитан.

Все были удивлены.

Пилон воскликнул:

— Так зачем же ты хотел сделать из младенца генерала? Что это был за план?

Тут капрал немного смутился.

— Отец должен заботиться о своем сыне. Я хотел, чтобы Мануэлю жилось лучше, чем мне.

— Только и всего? — воскликнул Дэнни.

— Ну, — сказал капрал, — моя жена была очень красива и вовсе не распутница. Она была хорошей женщиной, но капитан отобрал ее у меня. У него были маленькие эполеты и узенький шарф, а сабля у него была всего только серебряного цвета. Вот подумайте, — капрал развел руками, — если этот капитан с маленькими эполетами и узеньким шарфом мог забрать у меня жену, то чего только не сможет забрать генерал с широким шарфом и золотой саблей!

Наступило долгое молчание. Дэнни, Пилон, Пабло, Хесус Мария, Пират и Большой Джо Португалец старались понять такую точку зрения. А когда поняли, то подождали, чтобы первым заговорил Дэнни.

— Как жаль, — сказал наконец Дэнни, — что не многие родители так заботятся о счастье своих детей. И нам еще грустнее, что маленький умер, потому что, имея такого отца, он лишился поистине счастливой жизни.

Все его друзья печально закивали.

— Что же ты будешь делать теперь? — спросил Хесус Мария, первооткрыватель.

— Я вернусь в Мексикку,— сказал капрал.— Я хочу быть солдатом. Может быть, если я буду хорошо смазывать винтовку, меня самого сделают офицером. Как знать!

Шестеро друзей смотрели на него с восхищением. Они гордились знакомством с таким человеком.

ГЛАВА XI

О том, как на Большого Джо Португальца при самых неблагоприятных обстоятельствах снизошла любовь

Любить для Большого Джо Португальца означало действовать. И это рассказ об одном из его любовных похождениях.

В Монтересе лил дождь; с высоких сосен весь день капала вода. Пайсано Тортилья-Флэт не выходили из дому, но над каждой трубой подымалась спираль голубого дыма и в воздухе разливался свежий и душистый запах горящих смолистых поленьев.

К пяти часам дождь на несколько минут прекратился, и Большой Джо Португалец, который почти весь день провел на пляже под перевернутой лодкой, выбрался наружу и зашагал вверх по холму к дому Дэнни. Он совсем окончел и ужасно хотел есть.

Когда он добрался до окраины Тортилья-Флэт, хляби небесные снова разверзлись и опять хлынул ливень. В одно мгновение Большой Джо вымок до нитки. Он вбежал в ближайший домик, чтобы укрыться от дождя, а в этом домике жила тиа ¹ Игнасиа.

Этой даме было лет сорок пять, и она уже давно и безуспешно вдовела. Она всегда была молчаливой и суровой, так как в ее жилах текло больше индейской крови, чем это считалось приличным в Тортилья-Флэт.

Когда вошел Большой Джо, она как раз откупорила бутылку красного вина и готовилась налить себе стаканчик, чтобы полечить желудок. Она попыталась сунуть бутылку под стул, но не успела. Большой Джо уже стоял в дверях, и с его одежды на пол стекала вода.

— Входи и обсушись,— сказала тиа Игнасиа.

Большой Джо, не сводя глаз с бутылки, словно терьер с жука, переступил порог. По крыше грозно барабанил дождь. Тиа Игнасиа помешала дрова в железной печурке.

¹ Тетушка (исп.— tía).

— Не выпьешь ли стаканчик вина?

— Выпью,— сказал Большой Джо.

Его глаза снова впились в бутылку, хотя он еще не успел закончить первого стакана. Он выпил их три, прежде чем соблаговолил произнести хоть слово и алчный огонь погас в его глазах.

Тиа Игнасиа смирилась с тем, что ее непочатая бутылка безвозвратно потеряна. И она стала пить с ним, чтобы и самой хоть немножко попользоваться своим вином. Только когда Большой Джо в четвертый раз взял полный стакан, он наконец сел поудобнее и начал пить со вкусом.

— Это вино не от Торрелли,— сказал он.

— Да, я беру его у одной итальянской дамы, моей подруги.

Она снова налила стаканы.

Сгустились ранние сумерки. Тиа Игнасиа зажгла керосиновую лампу и подбросила дров в печурку. Раз уж вино будет выпито, пусть оно будет выпито, подумала она и критически осмотрела дюжую фигуру Большого Джо. В груди у нее потеплело.

— Бедный, ты работал на дожде,— сказала она.— Сними куртку, дай ей просохнуть.

Большой Джо лгал редко. На это у него не хватало сообразительности.

— Я спал на берегу под лодкой,— ответил он.

— Но ты же промок насквозь, бедняга.

Она испытующе посмотрела на него, ожидая, что ее внимание вызовет хоть какой-нибудь отклик; но лицо Большого Джо выражало только удовольствие от того, что он сидит в сухой, теплой комнате и пьет вино. Он протянул ей пустой стакан. Весь день у него во рту не было ни крошки, и вино быстро туманило ему голову.

Тиа Игнасиа сделала новую попытку.

— Вредно сидеть в мокрой куртке. Ты простудишься. Дай я помогу тебе снять куртку.

Большой Джо только плотнее уселся в кресле.

— Мне и так хорошо,— сказал он упрямо.

Тиа Игнасиа подлила себе вина. Дрова в печурке громко потрескивали, и этот уютный звук заглушал стук дождя по крыше.

Большой Джо и не думал вести себя любезно или хотя бы вежливо — он просто не замечал присутствия хозяйки. Он большими глотками пил вино. Он глупо улыбался печке. Он легонько покачивался в кресле.

Тиа Игнасиа почувствовала, что ее охватили гнев и отчаяние.

«Свинья,— думала она,— грязная скотина. Да лучше бы я привела в дом с дождя какую-нибудь корову. Другой человек хоть спасибо сказал бы!»

Большой Джо снова протянул ей пустой стакан.

Тиа Игнасиа сделала героическое усилие.

— Хорошо в теплом домике в такую непогожую ночь,— сказала она.— Когда льет дождь, а печка хорошо топится, приятно о чем-нибудь дружески поболтать. Ведь правда?

— Само собой,— отозвался Большой Джо.

— Может, яркий свет тебе глаза режет? — заботливо сказала она.— Хочешь, я задую лампу?

— Он мне не мешает,— ответил Большой Джо.— Но если тебе жалко керосина, валяй задувай.

Тиа Игнасиа задула огонь, и комната погрузилась во мрак. Потом она вернулась на свое кресло и стала ждать, когда в Большом Джо пробудится галантность. Она слышала, как скрипит, покачиваясь, его кресло. Багровые искелки печурки, и на углах мебели играли легкие блики. Комната почти светилась теплом. Тиа Игнасиа услышала, что кресло его перестало покачиваться, и подобралась, готовая оттолкнуть его. Но ничего не произошло.

— Подумать только,— сказала она,— что ты мог бы остаться без крова в такую бурную ночь и дрожал бы сейчас в каком-нибудь сарае или лежал бы на холодном песке под лодкой. А ты сидишь в удобном кресле и пьешь вино в обществе дамы, которая к тебе хорошо относится.

Большой Джо молчал. Тиа Игнасиа не видела его и ничего не слышала. Она допила стакан. Приходилось пренебречь этикетом.

— Моя подруга Корнелия Руис рассказывала мне, что некоторые из ее лучших друзей приходили к ней с дождя мокрые и замерзшие. Она привечала их, и они становились ее добрыми друзьями.

Из того угла, где сидел Большой Джо, донесся легкий стук. Тиа Игнасиа поняла, что он уронил свой стакан. Но затем снова наступила полная тишина.

«Может, он заболел,— подумала она.— Может, ему дурно?»

Она вскочила, зажгла спичку и поднесла ее к фитилю лампы. А потом повернулась к своему гостю.

Большой Джо спал богатырским сном. Ноги его были вытянуты. Голова откинулась, рот широко открылся. И пока тиа Игнасиа глядела на него вне себя от изумления и негодования, из его рта вырвался оглушительный храп.

Когда Большому Джо бывало уютно и тепло, он просто не мог не заснуть.

Прошло несколько секунд, прежде чем тиа Игнасиа разобралась в охватившей ее буре чувств. В ее жилах текло немало индейской крови, и она не стала кричать. Нет, хотя она дрожала от ярости, она не стала кричать, а подошла к корзине с хворостом, выбрала подходящую палку, взвесила ее в руке, положила обратно и взяла другую. Только тогда она медленно приблизилась к Большому Джо Португальцу. Первый удар пришелся ему в плечо и свалил его с кресла.

— Свинья! — вопила тиа Игнасиа. — Мусорная куча! Убирайся вон!

Джо покатился по полу. Следующий удар оставил грязную полосу на его штанах. Теперь Большой Джо быстро просыпался.

— А? — спросил он. — Что случилось? Что ты делаешь?

— Я тебе покажу, — завизжала она и, распахнув дверь, бросилась назад к нему.

Под градом ударов Большой Джо, шатаясь, поднялся на ноги. Палка молотила его по спине, плечам, голове.

— Брось! — умолял он. — Ну брось же! Что случилось?

Разъяренная фурия преследовала его, как оса, по садовой дорожке и выскочила за ним на раскисшую от дождя улицу. Гнев ее был ужасен. Она бежала за ним по улице, осыпая его ударами.

— Эй! — крикнул он. — Довольно!

Он обхватил ее, не давая поднять рук, а она изо всех сил вырывалась, стараясь еще раз ударить его палкой.

— Подлая свинья! — кричала она. — Скотина!

Он не мог отпустить ее, потому что она снова накинута бы на него, и поэтому только крепче сжимал руки. И вот, пока он стоял так, на Большого Джо Португальца снизошла любовь. Она звенела в его мозгу, она как бурный поток разливалась по его телу, она сотрясала его, как тропический ураган сотрясает пальмовую рощу. Он так крепко сжал руки, что тиа Игнасиа перестала сердиться.

По ночам полицейский объезжает на мотоцикле улицы, следя за тем, чтобы ни с кем хорошим не приключилось ничего дурного. Джек Лейк ехал по улицам Монтерея, и его мокрый плащ тускло блестел. Настроение у него было очень скверное. На мощеных улицах было еще терпимо, но часть его маршрута пролежала по грязным проулкам Тортилья-Флэт, где из-под колес во все стороны летели комья мокрой глины. Свет его маленькой фары метался из

стороны в сторону. Мотор чихал и кашлял от непосильной нагрузки.

Вдруг Джек Лейк вскрикнул от неожиданности и остановил мотоцикл.

— Что за черт? Это еще что такое?

Большой Джо обернулся к нему.

— А, это ты, Джек? Вот что, Джек, раз уж ты все равно заберешь нас, то погоди минутку.

Полицейский повернул мотоцикл.

— Ушли бы вы с улицы,— сказал он.— А то под машину попадете.

Мотоцикл взревел, выбираясь из вязкой колеи, луч его фары, мигнув, скрылся за поворотом. В деревьях Тортия-Флэт тихо шуршал дождь.

ГЛАВА XII

О том, как друзья Дэнни помогли Пирату выполнить обет, и о том, как в награду за добродетель собакам Пирата было дано узреть небесное видение

Каждый день Пират поднимался со своей тачкой на холм и вкатывал ее во двор Дэнни. Там он прислонял ее к забору и прикрывал дерюгой; потом он закапывал топор в землю — ведь всем известно, что сталь делается тверже, если ее закапывать в землю. И наконец он входил в дом, запускал пальцы в кисет, висевший у него на шее, доставал заработанную в этот день монету и отдавал ее Дэнни. После чего Дэнни в сопровождении Пирата и тех из друзей, которые были дома, торжественно отправлялся в спальню, переступая через разбросанные на полу постели. И все смотрели, как Дэнни засовывает руку под свою подушку, вытаскивает парусиновый мешок и опускает в него очередную монету. Эта церемония повторялась изо дня в день в течение долгого времени.

Мешок с деньгами стал символом их дружбы, осью доверия, на котором держалось их братство. Они гордились этими деньгами, гордились тем, что честно берегут их. Хранение денег Пирата стало фундаментом, на котором выросло здание самоуважения и даже некоторого тщеславия. Человеку нужно знать, что ему доверяют. Для друзей эти монеты давно перестали быть денежными знаками. Правда, вначале они порой прикидывали, сколько вина можно было бы купить на такую сумму, но вскоре отвыкли считать это сокровище деньгами. Оно должно было пре-

вернуться в золотой подсвечник, а этот потенциальный подсвечник был собственностью святого Франциска Ассизского. Обмануть же святого куда опаснее, чем позволять себе некоторые вольности с законом.

Как-то вечером таинственный, но быстрый и точный телеграф принес известие, что вблизи Кармела наскочил на риф пограничный катер. Большой Джо Португалец отсутствовал по каким-то своим делам, но Дэнни, и Пабло, и Пилон, и Хесус Мария, и Пират, и его собаки веселой гурьбой отправились через гряду холмов к месту происшествия, потому что они очень любили подбирать на берегу всякие полезные предметы. Это представлялось самым увлекательным занятием на свете. Они немного опоздали, но быстро наверстали потерянное время. Всю ночь они рыскали по пляжу и набрали порядочно всякой всячины: пятифунтовую банку сливочного масла, несколько ящиков консервов, пропитанный водой астрономический календарь, две матросские куртки, бочонок пресной воды со шлюпки и пулемет. Когда рассвело, они охраняли весьма внушительную кучу всевозможного добра.

Они продали ее оптом за пять долларов одному из зевак, так как не собирались тащить подобную тяжесть шесть миль по крутым холмам до Тортилья-Флэт.

Пират, разумеется, не успел нарубить ежедневной порции дров; поэтому Дэнни дал ему двадцать пять центов, и он спрятал монету в свой кисет. Затем они побрели по холмам к Монтерею, усталые, но исполненные счастливого предвкушения.

Когда они добрались до дома Дэнни, было уже далеко за полдень. Пират, выполняя обычный обряд, открыл кисет и передал монету Дэнни. Вся компания направилась в соседнюю комнату. Дэнни сунул руку под подушку... и вытащил ее обратно пустой. Он отшвырнул подушку, поднял матрас, а потом повернулся к своим друзьям, и глаза у него стали как глаза тигра. Он переводил взгляд с одного лица на другое, но на каждом видел только ужас и негодование, которые не могли быть притворными.

— Так,— сказал он,— так...

Пират заплакал. Дэнни обнял его за плечи.

— Не плачь, дружок,— сказал он зловеще.— Ты получишь свои деньги обратно.

Все молча вышли из спальни. Дэнни походил по двору, нашел тяжелую сосновую палку длиной фута в три и, примериваясь, взмахнул ею в воздухе. Пабло сбегал на кухню и принес старый консервный нож с грозным лезвием. Хесус

Мария вытащил из-под дома рукоятку от лопаты. Пират недоумевающе смотрел на них. Потом все вернулись в дом и безмолвно расселись по углам.

Пират ткнул большим пальцем в сторону Монтерея и спросил:

— Он?

Дэнни медленно кивнул. Глаза у него словно подернулись пленкой, и взгляд их был тяжел и неподвижен. Он выставил вперед подбородок, и тело его слегка изгибалось, как у гремучей змеи, готовой ужалить.

Пират пошел в угол двора и выкопал свой топор.

Они долго сидели так. Не было сказано ни одного слова, но по комнате прокатывались волны холодной ярости. Дом был словно скала в те минуты, когда огонек бикфордова шнура уже подползает к динамиту.

Незаметно подкрался вечер. Солнце зашло за холм. Вся Тортилья-Флэт, казалось, чего-то ждала, затаив дыхание.

На улице слышались его шаги, и все крепче сжали свои палки. Большой Джо неуверенно поднялся на крыльцо и вошел. В руке у него была бутылка вина. Его взгляд тревожно скользнул по их лицам, но друзья сидели неподвижно и как будто не смотрели на него.

— Здорово, — сказал Большой Джо.

— Здорово, — сказал Дэнни и, встав, лениво потянулся.

Он не смотрел на Большого Джо и шел не прямо к нему, а немного в сторону, как будто собираясь его обойти. Поравнявшись с ним, он нанес удар с молниеносной быстротой жалящей змеи. Палка опустилась точно на затылок Большого Джо, и Большой Джо без сознания свалился на пол. Дэнни вынул из кармана сыромятный ремешок и аккуратно связал им большие пальцы Джо.

— А теперь воды, — сказал он.

Пабло вылил на лицо Большого Джо ведро воды. Большой Джо повернул голову и вытянул шею, словно цыпленок, а потом открыл глаза и ошеломленно посмотрел на своих друзей. Они не сказали ему ни слова. Дэнни тщательно примерился, словно игрок в гольф, прицеливающийся по мячу. Его палка опустилась на плечо Большого Джо, и началась хладнокровная и методичная обработка. Хесус Мария занялся ногами, Дэнни — плечами и грудью. Большой Джо вопил и корчился. Палки молотили его по всему телу, и каждый удар находил новое место. От криков Джо можно было оглохнуть. Пират растерянно стоял в стороне, держа топор.

Наконец, когда грудь и живот Джо превратились в один сплошной синяк, они остановились. Пабло опустился на колени около Большого Джо, сжимая свой консервный нож, Пилон снял с Португальца башмаки и взялся за палку.

Большой Джо взвизгнул от страха.

— Они зарыты у калитки,— крикнул он.— Ради бога, не убивайте меня.

Дэнни и Пилон вышли за дверь и через несколько минут вернулись с парусиновым мешком.

— Сколько ты взял? — спросил Дэнни без всякого выражения.

— Только четыре, ей-богу, только четыре. Я буду работать и верну их.

Дэнни нагнулся, взял его за плечи и перевернул на живот. Теперь друзья с той же жестокой точностью начали обрабатывать его спину. Крики слабели, но палки были отброшены, только когда Большой Джо снова потерял сознание. Пилон стащил с него синюю рубаху, обнажив распухшую спину, и несколько раз легонько провел по ней консервным ножом, так что из каждой царапины выступила кровь. Пабло принес соли, и они вместе втерли ее в царапины. И только после этого Дэнни накрыл бесчувственное тело одеялом.

— Я думаю, теперь он будет честным,— сказал Дэнни.

— Надо пересчитать деньги,— заметил Пилон.— Мы их уже давно не считали.

Они открыли бутылку, которую принес Большой Джо, и разлили вино по банкам, потому что они устали от своей работы и их душевные силы иссякли. Потом они сложили монеты в столбики по десять штук каждый и пересчитали их. И тут же в волнении пересчитали их еще раз.

— Пират! — воскликнул Дэнни.— Тут их на семь штук больше тысячи! Ты отработал обещанный срок. Настал день, когда ты купишь подсвечник для святого Франциска!

Пират не выдержал стольких переживаний. Он ушел в угол к своим собакам, спрятал лицо в шерсти Пушка и истерически зарыдал. Собаки тревожно вертелись около, лизали его уши и тыкались мордами в его голову, но Пушок, хорошо понимая, какая ему выпала честь, лежал смирно и только трогал носом густые волосы на затылке Пирата.

Дэнни сложил деньги обратно в мешочек и снова спрятал его под подушку.

Большой Джо пришел в себя и застонал, потому что соль немилосердно жгла его спину. Никто не обращал на него внимания, но вскоре Хесус Мария, вечная жертва человеколюбия, развязал его руки и дал ему банку с вином.

— Даже враги Спасителя нашего не отказывали ему в малом утешении,— сказал, оправдываясь.

Его поступок положил конец наказанию. Друзья принялись хлопотать вокруг Большого Джо. Они заботливо уложили его на кровать Дэнни и промыли ему спину. Они клали на его лоб мокрые холодные тряпки и подливали ему вина. При каждом прикосновении Большой Джо выпускал стон. Его нравственные принципы вряд ли изменились, но можно было с уверенностью предсказать, что больше он уже никогда ничего не будет красть у тех, кто живет в доме Дэнни.

Пират тем временем успокоился. Он пил свое вино и, сияя от удовольствия, слушал, как Дэнни объясняет, что он должен делать дальше.

— Если мы отнесем в банк столько одинаковых монет, там подумают, что мы украли их из игрового автомата. Надо отнести их к отцу Рамону и все ему рассказать. Тогда он купит золотой подсвечник и благословит его, и Пират пойдет в церковь. Может, отец Рамон упомянет его в своей воскресной проповеди. Значит, надо, чтобы Пират был там.

Пилон неодобрительно осмотрел грязные лохмотья Пирата.

— Завтра,— сказал он строго,— ты возьмешь семь лишних монет и купишь себе на них приличную одежду. В обычное время можно ходить и так, но нехорошо, если в такой праздник ты явишься в церковь, одетый словно последний нищий. Это не сделает чести твоим друзьям.

Пират ответил ему сияющей улыбкой.

— Завтра я все сделаю,— обещал он.

На следующее утро, выполняя свое обещание, он отправился в Монтерей. Он делал покупки с большим тщанием и торговался так умело, что трудно было поверить, будто в течение двух лет он ничего не покупал. Он с торжеством вернулся в дом Дэнни, неся огромный шейный платок в малиновую и зеленую клетку и широкий пояс, щедро усаженный драгоценными камнями, сделанными из стекла. Друзья одобрили его покупки.

— Но в чем ты туда пойдешь? — растерянно спросил Дэнни.— Через дырки, которые ты прорезал в башмаках, чтобы они не давили на твои мозоли, видно пальцы. У тебя ничего нет кроме рваного комбинезона. Даже шляпы нет.

— Придется нам одолжить ему одежду,— сказал Хесус Мария.— У меня есть пиджак и жилет. У Пилона —

прекрасная шляпа его отца. У тебя, Дэнни, есть рубашка, а у Большого Джо — его замечательные синие штаны.

— Но ведь тогда мы не сможем пойти в церковь, — запротестовал Пилон.

— Это не наш подсвечник, — сказал Хесус Мария. — Отец Рамон навряд ли скажет что-нибудь хорошее о нас.

В тот же день они отнесли сокровище к священнику. Он выслушал рассказ о больной собаке, и взгляд его смягчился.

— ...и вот, святой отец, — говорил Пират, — лежит эта хорошая собачка, а нос у нее совсем сухой, и глаза точно бутылочное стекло, которое выбрасывает море, лежит и стонет, потому что ей больно внутри. И вот, святой отец, я обещал святому Франциску проработать тысячу дней и купить ему золотой подсвечник. Он ведь мой святой. И тут произошло чудо, святой отец! Потому что собачка три раза вильнула хвостом и сразу начала поправляться. Это ведь святой Франциск сотворил чудо, святой отец, ведь правда?

Священник серьезно кивнул.

— Да, — сказал он. — Это чудо сотворил наш добрый святой, Франциск Ассизский. Я куплю за тебя этот подсвечник.

Пират очень обрадовался, потому что не всякому по его молитве ниспосылается истинное чудо. Если бы об этом узнала Тортилья-Флэт, Пирата стали бы уважать там куда больше. Его друзья уже посматривали на него с некоторым почтением. Они по-прежнему невысоко ставили его интеллектуальные способности, но теперь они знали, что за его скудоумием стоят вся мощь небес и все силы святых.

Они шли к дому Дэнни, а следом за ними шли собаки. Пират чувствовал, что он омыт золотой влагой благодати. По телу его пробежала сладостная дрожь. Друзья его тоже радовались при мысли, что сберегли в целости эти деньги, потому что тем самым и они обрели чуточку святости. Пилон испытывал большое облегчение, что не украл тогда клад Пирата. Кто знает, какие страшные беды постигли бы его, если бы он присвоил четвертаки, принадлежащие святому! Все друзья притихли, словно находились в церкви.

Пять долларов, вырученные за вещи с катера, давно уже жгли карман Дэнни, но теперь он знал, что с ними делать. Они с Пилоном отправились на рынок и купили там семь фунтов жареного мяса, мешочек лука, хлеб и большой кулек сладостей. Пабло и Хесус Мария сходили к Торрелли за двумя галлонами вина и не выпили ни капли на обратном пути домой.

В этот вечер, когда затопили печку, на стол были поставлены две свечи, и друзья принялись пировать. Это был банкет в честь Пирата. Сам Пират держался с большим достоинством. Правда, он все время улыбался, даже когда ему следовало бы сохранять серьезный вид. Но с этим он ничего не мог поделать.

После того как они съели все, что могли съесть, они откинулись на спинки стульев, медленно прихлебывая вино из банок. «Дружочек» — называли они Пирата.

Хесус Мария спросил:

— А что ты чувствовал, когда это случилось? Когда ты обещал подсвечник и собака начала поправляться, что ты чувствовал? Тебе было ниспослано какое-нибудь видение?

Пират напряг память.

— Да нет, как будто не было... А может, у меня и было маленькое видение... может, я и видел святого Франциска в воздухе, и он сиял, как солнце...

— Ну, этого ты бы не забыл! — заявил Пилон.

— Да... я, кажется, помню... Святой Франциск посмотрел на меня... и он улыбнулся, потому что он добрый святой. Тогда я понял, что свершилось чудо. Он сказал: «Не обижай собачек, чумазый!»

— Он тебя так назвал?

— Ну, ведь я и был чумазый, а он не из тех святых, которые врут.

— По-моему, ты вовсе ничего этого и не помнишь, — сказал Пабло.

— Может, и не помню... Только мне кажется, что помню... — Пират был пьян от счастья, от гордости и от всеобщего внимания.

— Моя бабушка видела пресвятую деву, — сказал Хесус Мария. — Она была при смерти, и я сам слышал, как она крикнула: «Охей! Я вижу мать божью! Охей! Благодатная моя Мария!»

— Некоторым дано видеть такие вещи, — заметил Дэнни. — Мой отец был не очень хорошим человеком, но он иногда видел святых, а иногда всякую пакость. Все зависело от того, был ли он в ту минуту хорошим или плохим. А у тебя бывали другие видения, Пират?

— Нет, — сказал Пират. — Я их боюсь.

Друзья долгое время вели себя очень чинно. Они знали, что в этот вечер они не одни. Они чувствовали, что сквозь стены, и окна, и крышу на них устремлены очи святых.

— В воскресенье твой подсвечник будет уже там, —

сказал Пилон.—Мы не сможем пойти, потому что наша одежда будет на тебе. Я не говорю, что отец Рамон назовет тебя по имени, но, может, он скажет что-нибудь про подсвечник. Постарайся запомнить, Пират, что он скажет, а потом расскажешь нам.

Затем Пилон добавил строгим голосом:

— Сегодня, дружок, по всему дому отца Рамона бродили собаки. Сегодня было можно, но в воскресенье не вздумай вести их в церковь. Собакам в церковь ходить не полагается. Оставь собак дома.

Лицо Пирата вытянулось.

— Они хотят пойти туда,— воскликнул он.— Как же я их оставляю? И где я их оставляю?

Пабло был шокирован.

— До сих пор ты вел себя в этом доме достойно, дружок Пират. Так неужто в самом конце ты решил совершить кощунство?

— Нет,— скромно сказал Пират.

— Ну, так оставь собак здесь, и мы о них позаботимся. А привести их в церковь было бы кощунством.

До чего же трезво пили они в тот вечер! Прошло три часа, прежде чем они хотя бы спели непристойную песню. А когда их мысли обратились к женщинам легкого поведения, стояла уже глубокая ночь. Когда же на ум им пришла драка, они уже совсем засыпали, и драки не получилось. Этот вечер отмечен в книге их жизни большим белым крестом.

Утро воскресенья было заполнено бурными приготовлениями. Они умыли Пирата, придирчиво заглядывая ему в ноздри и за уши. Большой Джо, закутавшись в одеяло, смотрел, как Пират облачается в его синие саржевые брюки. Пилон достал шляпу своего отца. Они убедили Пирата не надевать усаженного самоцветами пояса поверх пиджака и показали ему, что если пиджак не застегивать, то будет видно, как сверкают драгоценные камни. Больше всего хлопот доставили башмаки. Только башмаки Большого Джо пришлись бы Пирату впору, но они были даже хуже его собственных башмаков, в которых он прорезал дырки, чтобы они не давили на мозоли. А сквозь эти дырки были видны пальцы. В конце концов Пилон вышел из положения с помощью горсточки сажу. После того как ее хорошенько втерли в кожу, дырок почти совсем не стало видно.

Наконец Пират был готов: лихо сдвинутая на затылок шляпа, принадлежавшая отцу Пилону, рубаха Дэнни, штаны Большого Джо, огромный платок вокруг шеи и время

от времени — вспышки драгоценных камней на поясе. Он прохаживался взад и вперед перед своими друзьями, а они придиричиво его осматривали.

— Не волочи ног, Пират.

— Выше поднимай пятки.

— Перестань теребить платок.

— Те, кто тебя увидит, подумают, что ты не привык носить приличную одежду.

Наконец Пират повернулся к своим друзьям.

— Может, собаки пойдут со мной? — жалобно сказал он. — Я им скажу, чтобы в церковь они не заходили.

Но друзья были неумолимы.

— Нет, — сказал Дэнни. — Вдруг они все-таки туда заберутся? Мы посторожим их тут.

— Им это не понравится, — тоскливо сказал Пират. — Им будет грустно. — Он повернулся к собакам, сидевшим в своем углу. — Вы останетесь здесь, — сказал он. — Вам вредно ходить в церковь. Побудьте с моими друзьями, пока я не вернусь.

Тут он поспешно вышел и закрыл за собой дверь. Немедленно в доме раздался оглушительный вой и лай. Только глубокая вера в непогрешимость его друзей помешала Пирату вернуться.

Шагая по улице, он чувствовал, что без собак стал нагим и беззащитным. Словно его лишили зрения или слуха. Ему было страшно идти по улице одному. Кто угодно мог напасть на него. И все-таки он храбро прошел по городу до церкви Сан-Карлос.

Служба еще не начиналась, и двери были открыты настежь. Пират омочил пальцы в мраморной чаше со святой водой, перекрестился, преклонил колени перед святой девой, вошел в церковь, поклонился алтарю и сел. Внутри было довольно темно, но на высоком алтаре пылали свечи. И в приделах перед статуями святых тоже мерцали огоньки свечек, поставленных прихожанами. Сладко пахло старым ладаном.

Сперва Пират смотрел на алтарь, но он был слишком величествен, слишком свят, чтобы о нем можно было долго думать, слишком недоступен для бедняка. Его глаза искали чего-нибудь потеплее, чего-нибудь не столь пугающего. И вдруг он увидел перед статуей святого Франциска красивый, совсем золотой подсвечник, а в нем — высокую зажженную свечу.

Пират взволнованно вздохнул. И хотя церковь наполнилась людьми, хотя двери закрылись, служба началась и

Пират делал все, что положено, он ни на минуту не мог отвести взгляда от своего святого и от подсвечника. Подсвечник был такой красивый. Невозможно было поверить, что это он, Пират, подарил его. Он всматривался в лицо святого, стараясь угадать, понравился ли святому Франциску этот подсвечник. И он был уверен, что статуя иногда чуть-чуть улыбается, как улыбаются те, кто думает о чем-нибудь приятном.

Наконец началась проповедь.

— Наша церковь приобрела новое прекрасное украшение,— сказал отец Рамон.— Один из детей ее пожертвовал золотой подсвечник во славу святого Франциска.

Тут он рассказал о больной собаке, и нарочно рассказывал очень сухо. Он оглядывал своих прихожан, пока не заметил, что они начали улыбаться.

— В этом нет ничего смешного,— сказал он тогда.— Святой Франциск так любил животных, что даже проповедовал им.

Тут отец Рамон рассказал о злом волке из Губбио, и о диких голубках, и о сестрах-жаворонках. Пират смотрел на него и удивлялся тому, что слышал.

Внезапно у входа послышалась какая-то возня. Раздался яростный лай и царапанье. Дверь распахнулась, и в церковь ворвались Пушок и Рудольф, Энрике, Пахарито и Сеньор Алек Томпсон. Они повели носами и, пихая и толкая друг друга, кинулись к Пирату. Они прыгнули на него, таякая и радостно повизгивая. Они накатились на него, как волна.

Священник умолк и строго повернулся в их сторону. Пират беспомощно бросил на него взгляд, полный смертельной муки. Значит, все оказалось напрасно, и кощунство свершилось.

Тут отец Рамон засмеялся, а за ним засмеялась и его паства.

— Уведи собак,— сказал священник.— Пусть ждут снаружи, пока мы кончим.

Пират смущенно и виновато выпроводил собак из церкви.

— Это нехорошо,— сказал он им.— Я сержусь на вас. Мне стыдно за вас.

Собаки прижимались к земле и жалобно повизгивали.

— Я знаю, что вы сделали,— сказал Пират.— Вы кусали моих друзей, вы разбили окно и вот прибежали сюда. Теперь сидите тут и ждите, грешные собаки, собаки-богохульники.

Он оставил их, полных горя и раскаяния, и вернулся в церковь. Прихожане, все еще смеясь, поворачивали головы и смотрели на него, и, добравшись до своего места, он сжался, стараясь стать совсем незаметным.

— Не огорчайся,— сказал отец Рамон.— Не грешно снискать любовь своих собак и не грешно любить их. Послушай, как любил святой Франциск зверей и птиц,— и он рассказал про доброго святого еще несколько историй.

Пират перестал смущаться. Губы его зашевелились.

«Ах,— подумал он,— если бы собаки могли слышать отца Рамона. Им было бы приятно узнать все это!»

Когда проповедь кончилась, в его ушах по-прежнему звучали рассказы священника. Он машинально крестился и преклонял колени, но не слышал службы. Как только она кончилась, он кинулся к двери и первым вышел из церкви. Собаки подошли к нему, все еще грустные и пристыженные.

— Пошли! — крикнул он.— Я хочу вам кое-что рассказать!

Он побежал вверх по склону к сосновому лесу, а собаки бежали рядом, прыгая и резвясь. Когда Пират наконец добрался до опушки, он не замедлил шага и остановился только на узкой прогалине между соснами, где ветви смыкались над головой, а стволы вздымались рядами, словно колонны. Несколько секунд он растерянно смотрел по сторонам.

— Я хочу, чтобы все было совсем так же,— сказал он.— Вот если бы вы были там и слышали, как говорил отец Рамон! — Он положил один камень на другой.— Вот это статуя,— объяснил он собакам и воткнул в землю прут.— А прямо вот тут — подсвечник со свечой.

На прогалине царил мягкий полумрак и воздух был напоен сладким запахом смолы. Деревья чуть слышно шептались под легким ветерком. Пират приказал:

— Энрике, садись вот сюда. А ты, Рудольф, сюда. Пушок сядет вот тут, потому что он самый маленький. Пахарито, дурачина, садись вот сюда и веди себя смирно. Сеньор Алек Томпсон, не смей ложиться!

Он усадил собак в два ряда — двух впереди, а трех сзади.

— Сейчас я вам все расскажу. Вас простили, хоть вы и вломились в церковь. Отец Рамон сказал, что на этот раз это не кощунство. А теперь слушайте внимательно. Я буду вам рассказывать.

Собаки смирно сидели на своих местах и не спускали с него глаз. Сеньор Алек Томпсон помахивал хвостом, но Пирату это не понравилось.

— Тут не место для таких вещей,— сказал он.— Святой Франциск не рассердился бы, но я не хочу, чтобы ты вилял хвостом, пока слушаешь. А сейчас я расскажу вам про святого Франциска.

В этот день память его была необыкновенной. Солнце пробиралось в просветы между ветками и ярким узором расписывало ковер из сосновых игл. Собаки терпеливо сидели, глядя на губы Пирата. Он передавал им все, что говорил священник,— все его рассказы, все поучения, не пропуская ни единого слова.

Кончив, он торжественно поглядел на собак.

— Святой Франциск сделал все это,— сказал он.

Сосны перестали шептаться. В лесу стояла зачарованная тишина.

Вдруг позади Пирата раздался чуть слышный звук. Собаки посмотрели вверх. Пират боялся повернуть голову. Прошла долгая секунда.

И вдруг она кончилась. Собаки опустили глаза. Вершины деревьев снова пробудились к жизни, и солнечные узоры опять заплясали в прихотливом танце.

Пират был так счастлив, что у него защемило сердце.

— Вы его видели? — воскликнул он.— Это был святой Франциск? Ах, какие же вы хорошие собаки, если вам было дано узреть видение!

Его тон заставил собак вскочить. Их пасти раскрылись, а хвосты радостно завиляли.

ГЛАВА XIII

О том, как друзья Дэнни поспешили на помощь даме в несчастье

Сеньора Тересина Кортес, ее восемь детей и ее дряхлая мать жили в уютном домике на краю глубокого оврага, который образует южную границу Тортилья-Флэт. Тересина была красивой матроной лет под тридцать. Ее матери, этой дряхлой, высохшей, беззубой старухе, обломку ушедшего поколения, было почти пятьдесят лет. Никто уже не помнил, что ее зовут Анхелика.

Все будние дни вьеха работала не покладая рук, ибо ей приходилось кормить, наказывать, уговаривать, одевать и укладывать спать семерых из восьми детей. Тересине хватало хлопот с восьмым и с приготовлениями к появлению девятого.

Но в воскресенье въеха облачалась в черное атласное платье, еще более древнее, чем она сама, надевала мрачный и очень прочный головной убор из черной соломы, украшенный двумя почти настоящими вишенками из цветной замазки, и, сбросив с плеч бремя долга, решительным шагом направлялась в церковь, где сидела так же неподвижно, как святые в их нишах. Раз в месяц она ходила исповедоваться. Было бы любопытно узнать, в каких грехах она исповедовалась и когда находила время их совершать — ведь дом Тересиной был переполнен ползунками, косолапиками, карапузами, плаксами, котоубийцами и мастерами падать с деревьев, и каждый из ее подопечных каждые два часа вопил, требуя еды.

Так стоит ли удивляться, что въеха обладала безмятежной душой и стальными нервами? Будь они какими-нибудь другими, они давно уже с визгом вырвались бы из ее тела, как фейерверочные шутихи.

Рассудок Тересиной был всегда словно подернут легким туманом. Тело же ее было идеальной ретортой для дистилляции детей. Первый младенец появился у нее в пятнадцать лет, и это ошеломило ее — настолько ошеломило, что она разрешилась им ночью в парке возле бейсбольной площадки и, завернув его в газету, оставила там до прихода ночного сторожа. Это была тайна. Даже сейчас ее раскрытие грозило Тересине некоторыми неприятностями.

Когда ей исполнилось шестнадцать лет, на ней женился мистер Альфред Кортес; он подарил ей свое имя и два краеугольных камня ее будущей семьи — Альфредо и Эрни. Мистер Кортес подарил ей это имя весьма охотно. Ведь он сам пользовался им лишь временно. Перед тем, как он приехал в Монтерей, и после того, как он оттуда уехал, его звали Гугльемо. Он уехал после того, как родился Эрни. Быть может, он предвидел, что брак с Тересиной не сулит ему спокойной жизни.

Регулярность, с какой она становилась матерью, всегда удивляла Тересину. Порой она не могла вспомнить, кто же отец будущего ребенка, а иногда склонялась к мысли, что отец вовсе и не обязателен. Даже когда она была помещена в карантин, как дифтерийный бациллоноситель, это ей не помогло. Однако, окончательно запутавшись в подобных сложностях, она имела обыкновение предоставлять решение вопроса богородице, зная, что у той гораздо больше опыта, желания и времени для того, чтобы заниматься подобными вещами.

Тересина часто исповедовалась. Отец Рамон приходил из-за нее в отчаяние. Ведь он прекрасно видел, что в то время как руки, колени и губы Тересины каялись в прошлом грехе, ее томные потупленные глаза, сверкнув из-под опущенных ресниц, обещали свершение нового.

Пока я рассказывал все это, родился девятый ребенок Тересины, и она временно была свободна. Въеха получила еще одного подопечного, Альфредо перешел в третий класс, Эрни — во второй, а Панчито поступил в первый.

В те дни в Калифорнии среди школьных медицинских сестер стало модным посещать классы и расспрашивать детей о разных интимных подробностях их домашней жизни. Третьеклассник Альфредо был вызван к директору, потому что он показался медицинской сестре чересчур худым.

Сестра, прошедшая специальный курс детской психологии, ласково спросила:

— Фредди, ты кушаешь столько, сколько хочешь?

— Ага, — сказал Альфредо.

— Вот как? Скажи мне, что ты кушаешь на завтрак?

— Тортильи и бобы, — сказал Альфредо.

Сестра посмотрела на директора и скорбно покачала головой.

— А что ты кушаешь, когда приходишь домой обедать?

— Я не хожу домой.

— Разве ты днем ничего не кушаешь?

— Кушаю. Я приношу с собой бобы, завернутые в тортилью.

В глазах сестры мелькнул легкий испуг, но она сдержалась.

— А вечером что ты кушаешь?

— Тортильи и бобы.

Сестра забыла все, что выучила про детскую психологию.

— И ты хочешь, чтобы я поверила, будто ты ничего не ешь, кроме лепешек и бобов?

Альфредо удивился.

— Господи Иисусе, — сказал он. — А этого что, мало?

В положенный срок школьный врач выслушал полный ужаса отчет сестры. И в один прекрасный день он подъехал к дому Тересины, чтобы заняться этим вопросом. Пока он шел по двору, вопли ползунков, косолапиков и карапузов сливались в одну душераздирающую симфонию. Доктор остановился на пороге кухни. Своими собственными глазами он видел, как въеха подошла к печке, зачерпнула уполовником в кастрюле и рассыпала по полу вареные бобы. Вопли разом стихли. Ползунки, косолапики и карапу-

зы молча и деловито передвигались от боба к бобу, останавливаясь только для того, чтобы прожевать находку. Въеха вернулась на свое место, пользуясь несколькими минутами покоя. Дети как жучки, заползали под кровать, под стулья, под печку. Доктор, загоровшись научным интересом, провел там два часа. Он ушел, недоуменно покачивая головой.

Он продолжал недоуменно покачивать головой, пока зачитывал свой доклад.

— Я подверг их всем известным мне проверкам,— сказал он.— Я проверил их зубы, кожу, кровь, кости, глаза и координацию. Господа, они питаются тем, что по сути своей является медленно действующим ядом, и питаются так со дня рождения. Господа, могу сказать только одно: в жизни я не видел более здоровых детей! — Тут выдержка ему изменила.— Поросята! — воскликнул он.— В жизни я не видел таких зубов! Никогда не видел

Вы, наверное, недоумеваете, как Тересина добывала еду для своей семьи. На полях, в тех местах, где молотили бобы, остаются большие кучи бобовой мякины. Если вы расстелете на земле одеяло и в ветреный вечер начнете подбрасывать над ним мякину, то убедитесь, что и молотильщики не непогрешимы. Проработав так весь день, вы можете собрать двадцать фунтов бобов, а то и больше.

Осенью въеха, захватив всех детей, которые уже умели ходить, отправлялась с ними в поля и провеивала мякину. Хозяева полей не гнали ее, потому что от нее не было никакого вреда. Только в самый неурожайный год въеха собирала меньше четырехсот фунтов бобов.

А когда у вас в доме есть четыреста фунтов бобов, вы можете не бояться голодной смерти. Иногда случается чудо, и вы лакомитесь такими деликатесами, как сахар, помидоры, перец, кофе, рыба или мясо,— порой благодаря заступничеству пресвятой девы, порой благодаря вашей собственной ловкости или трудолюбию. Но как бы то ни было, у вас есть бобы, и вы в безопасности. Бобы — это надежный кров для вашего желудка. Бобы — это теплый плащ, предохраняющий от экономического холода.

Лишь одно могло поставить под удар жизнь и счастье семьи сеньоры Тересины Кортес — неурожай бобов.

Когда бобы созревают, все растения выдергиваются с корнем и складываются в кучи, чтобы стебли как следует просохли перед молотью. И тут надо молиться, чтобы не начались дожди. Когда на темных полях желтеют кучки бобовых стеблей, фермеры не спускают глаз с неба и хму-

рым взглядом провожают каждое проползающее в вышине облачко. Ведь если пойдет дождь, придется заново перевернуть все кучки и ждать, пока они опять высохнут. А если снова пойдет дождь, их снова придется перевернуть. Если же дождь начинается в третий раз, бобы покрываются плесенью, начинают гнить, и урожай потерян.

Когда приходило время сушки бобов, въеха имела обыкновение ставить свечку пресвятой деве.

В тот год, о котором я рассказываю, бобовые стебли были уже собраны в кучи и свеча была поставлена. В доме Тересины лежали наготове рогожные мешки.

Молотилки были вычищены и смазаны.

Пошел дождь.

Дополнительно нанятые батраки бросились в поля ворошить слипшиеся груды бобовых стеблей. Въеха поставила вторую свечку.

Снова пошел дождь.

На маленькую золотую монетку, которую она сберегала многие годы, въеха купила еще две свечки. Батраки снова перевернули кучи, подставляя бобы солнечным лучам. И тут начался упорный холодный косой дождь. Ни одного фунта бобов не было собрано во всем графстве Монтерей. Плуги запахивали в землю гниющие стебли.

И тогда в дом сеньоры Тересины Кортес вошло отчаяние. Сломалась опора жизни, рухнул спасительный кров. Исчезла вечная истина — бобы. По ночам дети плакали от ужаса перед надвигающимся голодом. Им никто ничего не говорил, но они знали и так.

Въеха сидела в церкви, как обычно, но когда она смотрела на пресвятую деву, ее губы складывались в злобную усмешку. «Свечи-то мои ты забрала,— думала она.— Их-то ты взяла! Одолела тебя жадность к свечам, пустоголовая!» И она в гневе отдалась под покровительство святой Клары. Она рассказала святой Кларе о том, как несправедливо с ней поступили. Она даже позволила себе непочтительно отозваться о непорочном зачатии: «Знаешь, и Тересина иногда вот так же не помнит»,— ядовито сообщила она святой Кларе.

Уже не раз говорилось, что Хесус Мария Коркоран был бесконечно добр. Кроме того, он обладал тем даром, который бывает присущ человеколюбцам,— его инстинктивно влекло туда, где была нужна его доброта. Сколько раз встречал он молодых девушек именно тогда, когда они нуж-

дались в утешении! Его неотразимо влекло к любому страданию, к любой печали. Он уже много месяцев не бывал в доме Тересиной. И если нет какой-то таинственной симпатии между горем и человеколюбием, то почему же он пришел туда именно в тот самый день, когда в кастрюлю были брошены последние бобы прошлогоднего сбора?

Он сидел на кухне Тересиной, ласково стряхивая детей со своих ног. И он смотрел на Тересину внимательными, полными страдания глазами, пока она рассказывала ему о своей ужасной беде. Он как замороженный следил за ней, когда она вывернула наизнанку последний мешок, чтобы показать, что у них не осталось ни единого боба. Он сочувственно кивал, когда она показывала на детей, от которых скоро останутся только кожа да кости, которые скоро умрут от голода.

Затем въеха с горечью поведала, как ее провела пресвятая дева. Но тут Хесус Мария отказал ей в сочувствии.

— Откуда ты знаешь, старая? — спросил он строго. — Может, пречистая была занята в каком-нибудь другом месте.

— А как же мои четыре свечи? — визгливо настаивала въеха.

Хесус Мария холодно посмотрел на нее.

— Что такое четыре свечи для пресвятой девы? — сказал он. — Я раз был в церкви, где перед ней горели сотни свечей. Ее свечами не удивишь.

Но мысль о беде Тересиной жгла его как огонь. В тот же вечер он произнес перед друзьями в доме Дэнни вдохновенную и трогательную речь. Из глубин своего великого сердца он исторг красноречивейший, пламенный призыв помочь этим детям, у которых не осталось бобов. И слова его были исполнены такой силы, что огонь, пылавший в его груди, зажег сердца его друзей. Они вскочили на ноги. Глаза их засверкали.

— Эти дети не будут голодать! — восклицали они. — Мы клянемся в этом!

— Мы живем в роскоши, — сказал Пилон.

— Мы уделим им от нашего достатка, — согласился Дэнни. — А если им нужен дом, пусть живут здесь.

— Завтра мы начнем! — воскликнул Пабло. — Хватит лениться! За работу! Нам нужно многое сделать.

Хесус Мария почувствовал радость пророка, обретшего последователей.

И слова их не были пустой похвалой. Они собирали рыбу. Они обчистили огород отеля «Дель Монте». Это

было чудесно. Воровство, свободное от позорного клейма, преступление, совершаемое во имя благой цели,— что может быть приятнее?

Пират повысил цену своих дров до тридцати центов и каждое утро заходил в три лишних ресторана. Большой Джо снова и снова крал козу миссис Палочико, и каждый раз она благополучно возвращалась домой.

Все больше и больше припасов накапливалось в доме Тересины. На ее крыльце лежали ящики с латуком, подпорченная макрель благоухала на весь квартал. Но пламя милосердия не угасало в груди друзей.

Если бы вы могли заглянуть в протоколы полицейского управления Монтерея, вы заметили бы, что в это время по городу прокатилась волна мелких краж. Полицейская машина металась от дома к дому. Тут украли курицу, там обобрали целую грядку тыкв. Компания Палдини сообщила об исчезновении двух стофунтовых ящиков мускула морского уха¹.

В доме Тересины становилось тесно. Кухня была завалена всяческой снедью. Заднее крыльцо тонуло в овощах. По всей Тортилья-Флэт стоял запах продуктового склада. Друзья носились по городу, совершая одно тайное похищение чужого имущества за другим, и подолгу беседовали с Тересиной, обсуждая дальнейшие планы.

Сперва Тересина с ума сходила от радости при виде такого количества еды, а кроме того, ей очень льстило подобное внимание. Но через неделю в ее душу закрались некоторые сомнения. У младенца начались желудочные колики, у Эрни болел живот, лицо Альфредо пошло красными пятнами. Ползунки и карапузы хныкали не переставая. Тересине было очень неловко объяснять друзьям то, что объяснить было необходимо. Несколько дней она собиралась с духом, и за это время в дом прибыли пятьдесят фунтов сельдерея и ящик дынь. Дольше откладывать было нельзя. Соседи уже неодобрительно поднимали брови, встречаясь с ней.

Она пригласила всех друзей Дэнни к себе на кухню и сообщила им о своих тревогах с большим тактом и осторожностью, чтобы не обидеть их.

— Зелень и фрукты детям вредны,— объяснила она.— От молока у малышей начинается несварение, когда их отнимают от груди.— Она показала на заплаканных красных детей.— Видите, они все больны. Они едят то, что им вредно.

¹ Морское ухо — вид съедобного моллюска.

— А что им полезно? — спросил Пилон.

— Бобы,— ответила она.— На бобы можно положить-ся, они остаются у человека в животе.

Друзья молча ушли домой. Они притворялись сами перед собой, будто это их огорчило, но они знали, что их энтузиазм уже несколько дней как остыл.

В доме Дэнни они стали держать совет.

О дальнейшем не следует рассказывать в некоторых сферах, ибо обвинение может оказаться серьезным.

Полночь давно миновала, когда четыре темные фигуры, которые останутся безымянными, крадучись пробежали по улицам города. Четыре смутные тени пробрались на железнодорожный склад «Вестерн Уэрхаус компани». Ночной сторож говорил потом, что он слышал какие-то звуки, внимательно все осмотрел, но ничего не обнаружил. Он не мог объяснить, каким образом это случилось,— как был взломан замок и открыта дверь склада. Только четыре человека знают, что сторож в ту ночь спал непробудным сном, но они его не выдадут.

Вскоре четыре тени покинули склад, но теперь они сгибались под тяжестью ноши. Было слышно, как тени пыхтят и отдуваются.

В три часа утра Тересину разбудил звук открывшейся задней двери.

— Кто там? — закричала она.

Ответа не было, но она слышала четыре глухих удара, от которых содрогнулся дом. Она зажгла свечу и поспешила босиком на кухню. Там у стены стояли четыре стофунтовых мешка с розовыми бобами.

Тересина кинулась обратно в комнату и разбудила мать.

— Чудо! — кричала она.— Иди на кухню и посмотри!

Въеха пристыженно смотрела на четыре крутобоких мешка.

— Подлая я грешница! — запричитала она.— О пресвятая мать, сжался над старой дурой. Каждый месяц до дня моей смерти ты будешь получать по свече.

В доме Дэнни четверо друзей блаженно вытянулись на своих постелях. Есть ли подушка лучше чистой совести? Они проспали чуть ли не до вечера, ибо долг их был исполнен.

А Тересина по хорошо известным ей признакам поняла, что у нее опять будет ребенок. И, насыпая в кастрюлю новые бобы, она от нечего делать прикинула, кто из друзей Дэнни к этому причастен.

ГЛАВА XIV

*О приятной жизни в доме Дэнни, о дареном поросенке,
о страданиях Верзилы Боба и об отвергнутой любви
вьехо Раванно*

Пайсано Тортилья-Флэт не пользовались часами — ни стенными, ни наручными. Порой кто-либо из друзей вдруг становился обладателем часов, но лишь на тот срок, который требовался, чтобы выменять на них что-нибудь по-настоящему полезное. В доме Дэнни часы уважались, но только как средство обмена. А для собственных нужд друзья могли пользоваться огромными золотыми часами — солнцем. Эти часы были куда лучше наручных или карманных, и гораздо надежнее — ведь их никак нельзя было снести к Торрелли.

Летом, когда стрелки механических часов подходят к семи, вставать бывает очень приятно, но что толку, когда они указывают тот же час зимой? Насколько удобнее солнце! И летом и зимой самая пора вставать наступает только тогда, когда оно, выплыв из-за соснового леса, щедрыми лучами заливает крыльцо. Это тот час, когда руки твои уже не дрожат, а в животе еще не щемит от голода.

Пират и его собаки спали в большой комнате, в своем теплом и уютном углу. Пилон, и Пабло, и Хесус Мария, и Дэнни, и Большой Джо Португалец располагались в спальне. Хотя Дэнни был добр и щедр, он никому не позволял спать на своей кровати. Большой Джо раза два пытался улечься на ней, но получил удар палкой по пяткам, так что даже он научился уважать неприкосновенность этой кровати.

Друзья спали на полу, и постели их отличались большим своеобразием. Пабло кутался в три сшитых вместе овчины. Хесус Мария отходил ко сну, засунув руки в рукава одного старого пальто, а ноги — в рукава другого. Пилон заворачивался в обрывок ковра. Большой Джо чаще всего свертывался калачиком, как собака, и спал одетым. Большой Джо был неспособен долго владеть каким-либо имуществом, но зато умел поистине гениально обменять любую попавшую ему в руки вещь на вино. Так они и спали, порой довольно звучно, но всегда сладко. Как-то холодной ночью Большой Джо попробовал одолжить одну из собак Пирата, чтобы согреть ноги, но был сильно искусан, ибо собаки Пирата никому не желали одалживаться.

На окнах не было занавесок, но щедрая природа украсила стекла паутиной, пылью и следами дождевых капель.

— Надо бы вымыть окошко водой с мылом,— как-то заметил Дэнни.

Острый ум Пилона немедленно взялся за разрешение этой задачи, но она оказалась слишком легкой для него. Она была недостойна талантов Пилона.

— Тогда в комнате станет светлее,— сказал он.— Если у нас тут будет светло, мы будем меньше времени проводить на свежем воздухе. А ночью, когда свежий воздух вреден, нам свет не нужен.

Дэнни покинул поле боя, ибо если одно только упоминание о его планах вызвало столь быструю и уничтожающую критику, то какими сокрушительными логическими аргументами грозит попытка настаивать на них? Окошко осталось в прежнем виде, и по мере того как паутина обогащалась все большим количеством сухих оболочек тех мух, которые напители семейство паука своей кровью, а на слой пыли ложился новый слой, спальня погружалась в приятный полумрак, позволявший спокойно спать там даже в самый ясный и солнечный полдень.

Друзья спали сладко, но когда по утрам солнечные лучи ударяли в окошко и, не сумев проникнуть внутрь, превращали пыль в серебро, а мушиные трупы — в маленькие радуги, друзья просыпались, потягивались и начинали искать свои башмаки. Они знали, что на крыльце уже тепло, раз солнце постучалось в окошко.

Просыпались они не сразу и не вскакивали с постелей, не сотрясали свой организм каким-либо резким движением. Нет, они восставали от сна так же мягко и незаметно, как мыльный пузырь отрывается от соломинки. Еще не совсем проснувшись, они брели в овраг. Постепенно их воля выкристаллизовывалась из раствора дремоты. Они затапливали печку, кипятили чай, наливали его в банки из-под варенья, а затем усаживались на залитом солнцем крыльце. Пронизанные солнцем мухи вились над их головами, образуя сияющие нимбы. Жизнь вокруг них постепенно обретала форму, повторяя вчерашний день и предвещая завтрашний.

Беседа завязывалась медленно, ибо каждый бережно лелеял последнюю сладость еще не развеявшегося сна. А потом наступали долгие часы интеллектуального общения. Приподымались крыши, обозревалась внутренность домов, обсуждались мотивы поступков, рассказывались всяческие происшествия. Для начала их мысли обращались обычно к Корнелии Руис, ибо поистине редко выпадали дни или ночи, когда с Корнелией не приключалось чего-ни-

будь интересного. А ведь почти из всякого происшествия можно извлечь полезное назидание.

Сосновая хвоя поблескивала в солнечных лучах. От земли исходил приятный сухой запах. Кастильская роза овеивала мир ароматом своих цветов. Это были лучшие часы в жизни друзей Дэнни. Борьба за существование отступала куда-то далеко. Они судили своих ближних, но судили их не во имя морали, а просто из любопытства. Узнав какой-нибудь интересный случай, каждый приберегал рассказ о нем до этих часов. Большие шоколадные бабочки кружили над розовым кустом, опускались на цветы и долго сидели, медленно взмахивая крыльями, словно выкачивали нектар с их помощью.

— Я видел Альберта Расмуссена,— сказал Дэнни.— Он выходил из дома Корнелии. У этой Корнелии вечные скандалы. Каждый день какой-нибудь скандал.

— Так уж она живет,— сказал Пабло.— Я не из тех, кто бросает камни, но порой мне кажется, что Корнелия чересчур уж бойка. Она только и знает, что любовь и драки.

— Ну,— сказал Пилон,— а чего тебе еще надо?

— Она не знает, что такое покой,— печально сказал Хесус Мария.

— А он ей и не нужен,— ответил Пилон.— Дай Корнелии покой, и она умрет. Любовь и драки. Это ты хорошо сказал, Пабло. Любовь, драки и немножко винца. Тогда человек всегда молод, всегда счастлив. А что вчера случилось с Корнелией?

Дэнни торжествующе посмотрел на Пилона. Пилон редко чего-нибудь не знал. Но на сей раз по его расстроенному виду Дэнни догадался, что это происшествие ему неизвестно.

— Вы все знаете Корнелию,— начал он.— Иногда ее друзья приносят ей подарки — курочку, или кролика, или кочан капусты. Какой-нибудь пустячок, но Корнелии это нравится. Так вот, вчера Эмилио Мурьетта принес Корнелии такого розового поросенка. Эмилио нашел его в овраге. Свинья погналась за ним, когда он схватил поросенка, но он побежал очень быстро и принес поросенка Корнелии. У этого Эмилио хорошо привешен язык. Он сказал Корнелии: «Поросенок в доме — сущая благодать. Он ест что угодно. И ласковее всякой кошки. Такого поросенка нельзя не любить. Но потом из него вырастает свинья, и его характер меняется. Он становится злым и подлым, и его уже нельзя больше любить. Потом в один прекрасный день эта

свинья тебя кусает, так что на нее нельзя не рассердиться. И тогда ты ее убиваешь и съедаешь»,

Друзья одобрительно закивали головами, а Пилон сказал:

— Этот Эмилио не так глуп. Посмотрите, сколько приятного обнаружил он в одном поросенке: привязанность, любовь, месть и сытый желудок. Надо мне как-нибудь потолковать с этим Эмилио.

Однако друзья заметили, что Пилон завидует своему новоявленному сопернику в логических построениях.

— Рассказывай дальше про этого поросенка,— сказал Пабло.

— Ну,— продолжал Дэнни.— Корнелия взяла этого поросенка и поблагодарила Эмилио. Она сказала, что, когда придет время и она рассердится на этого поросенка, она обязательно угостит и Эмилио. Ну тогда Эмилио ушел, а Корнелия поставила у печки маленький ящик, чтобы поросенку было где спать. Тут к ней в гости пришли знакомые дамы, и Корнелия дала им подержать поросенка на руках и погладить его. А потом Конфетка Рамирес наступила ему на хвост. Он завизжал, как паровозный свисток. А дверь на улицу была открыта. И большая свинья пришла за своим поросенком. Все столы и вся посуда разлетелись вдребезги. Все стулья были переломаны. А большая свинья укусила Конфетку Рамирес и сдернула с Корнелии юбку, а потом, когда все дамы заперлись на кухне, свинья ушла, а с ней ушел и поросенок. Теперь Корнелия ужасно сердится. Она говорит, что изобьет Эмилио.

— То-то и оно,— сказал Пабло.— Вот она, жизнь: всегда все идет не так, как задумаешь. Совсем как в тот раз, когда Верзила Боб задумал покончить с собой.

Друзья обратили к Пабло исполненные ожидания лица.

— Ну, вы знаете Боба Смоука,— начал Пабло.— С виду он замечательный вакеро¹ — ноги длинные, сам худой, только вот ездит верхом он плохо. Когда клеймят скот, он часто летает с лошади. Ну, так этот Боб всегда хочет, чтобы им восхищались. Когда устраивают парад, он хочет нести флаг. Когда устраивают боксерский матч, он хочет быть судьей. На представлении он первый кричит: «Эй, впереди, садитесь!» Да, он хочет стать великим человеком, чтобы все на него смотрели и все им восхищались. И еще — чего вы, наверное, не знаете,— он хочет, чтобы все его любили. А он, бедняга, из тех, над кем всегда смеются. Не-

¹ В а к е р о — мексиканский конный пастух.

которые его жалеют, но большинство просто смеется над ним. А такой смех для Верзилы Боба Смоука хуже ножа. Может, вы помните тот раз, когда он был знаменосцем на параде? Боб ехал на большой белой лошади и держался в седле очень прямо. И вот как раз против того места, где сидят судьи, эта дура лошадь хлопнулась от жары в обморок. Боб перекувырнулся через ее голову, а флаг пролетел по воздуху, как копье, и воткнулся в землю не тем концом. И так с ним всегда. Чуть он состроит из себя великого человека, как что-нибудь да случится, и все над ним смеются. Помните, как он, когда стал собачником, целый день старался заарканить собаку? Весь город сбегался посмотреть. Он накидывал петлю, а собака прижималась к земле, петля соскальзывала, и собака убегала. Как все смеялись! Бобу было так стыдно, что он подумал: «Я убью себя, и тогда им станет грустно. Они пожалеют, что смеялись». А потом он подумал: «Но я же буду мертвый. Я же не узнаю о том, как они жалеют». И он придумал план. «Я подожду, пока не услышу, что кто-то хочет ко мне войти. Тогда я приставлю пистолет ко лбу. Этот друг станет меня отговаривать. Он заставит меня обещать, что я не застрелю себя. И тогда все пожалеют, что довели меня до самоубийства». Вот что он придумал. Ну, пошел он к себе домой, а все встречные спрашивали: «Поймал ты эту собаку, Боб?» Домой он пришел совсем опечаленный. Взял он пистолет, зарядил его и стал ждать, чтобы кто-нибудь к нему зашел. Он обдумал, как это будет, и стал упражняться с пистолетом. Друг скажет: «Ай, что ты делаешь? Не стреляй в себя, бедный!» А Боб на это ответит, что не хочет больше жить, потому что все люди такие бессердечные. Он думал и думал об этом, но никто так и не пришел. Он прождал весь следующий день, и опять никто не пришел. Но на следующий вечер пришел Чарли Милер. Боб услышал его шаги на крыльце и приставил пистолет ко лбу. И взвел курок, чтобы все было как следует. «Теперь он станет меня уговаривать,— подумал Боб.— И я поддамся на его уговоры». Чарли Милер открыл дверь. Он увидел, что Боб прижимает ко лбу пистолет. Но он не стал кричать, нет. Чарли Милер подскочил к нему и ухватился за пистолет, а пистолет выстрелил и отстрелил Бобу кончик носа. И все стали смеяться еще больше. Об этом даже в газете писали. Весь город смеялся. Вы все видели нос Боба с отстреленным кончиком. Все смеялись, но это был нехороший смех, и всем стало не по себе. И с тех пор на каждом параде Верзиле Бобу поручают нести флаг. И муниципа-

литет купил ему сеть, чтобы ловить собак. Но из-за такого носа он все-таки не может быть счастлив.

Пабло умолк и, подняв с крыльца прут, стал похлопывать себя по ногам.

— Я помню, каким был его нос раньше,— сказал Дэнни.— Он неплохой человек, этот Боб. Вот спросите у Пирата, когда он придет. Пират иногда сажает всех своих собак в фургон Боба, и все думают, что Боб их изловил, и все говорят: «Вот собачник так собачник!» Не так-то легко ловить собак, когда ты должен ловить собак.

Хесус Мария о чем-то размышлял, прислонившись затылком к стене. Теперь он сказал:

— Уж лучше быть избитым, чем слушать, как над тобой смеются. Над стариком Томасом, тряпичником, смеялись, пока не свели его в могилу. А потом все жалели, что смеялись над ним.

— И,— продолжал Хесус Мария,— смех смеху рознь. Этот рассказ о Верзиле Бобе очень смешной, но чуть откроешь рот, чтобы засмеяться, как сердце тебе словно рукой сжимает. Я знаю, почему старый мистер Раванно повесился в прошлом году. Это тоже смешная история, но смеяться над ней почему-то неприятно.

— Я кое-что об этом слышал,— сказал Пилон.— Но всего я не знаю.

— Ладно,— сказал Хесус Мария,— я расскажу вам об этом, и вы увидите, захочется вам смеяться или нет. Когда я был маленьким, я играл с Питом Раванно. Этот Пит был хороший, умный мальчишка, но очень уж озорной. У него было два брата и четыре сестры, и еще отец — старик Пит. Теперь их уже никого тут не осталось. Один брат в Сан-Квентине¹, другого убил японец-огородник, когда он накладывал в фургон краденые дыни. А девочки... ну, вы знаете, как это бывает с девочками,— они уехали; Сузи сейчас в Салинасе в доме Старухи Дженни. Остались тут только Пит и старик. Пит вырос и все продолжал озорничать. Он некоторое время пробыл в исправительном заведении, но потом вернулся. Каждую субботу он напивался, и каждый раз попадал в тюрьму до понедельника. Его отец был человек компанейский. Он каждую неделю напивался вместе с Питом. И в тюрьму они попадали почти всегда вместе. Старик Раванно тосковал, если с ним там не было Пита. Очень он Пита любил. Что бы Пит ни затевал — и старик с ним, даже когда ему стукнуло шестьдесят.

¹ С а н - К в е н т и н — тюрьма штата Калифорния.

— Может, вы помните Грейси Монтес? — спросил Хесус Мария.— Она была не очень порядочной девушкой. Когда ей минуло двенадцать, в Монтерей пришла на стоянку военная эскадра, и Грейси родила своего первого, хотя сама была совсем еще девчонка. Очень уж она была хорошенькая и резвая и бойка на язык. Она всегда словно убегала от мужчин, и поэтому мужчины особенно гонялись за ней. И иногда ловили. Но все равно толку было мало. Всегда казалось, что Грейси таит от тебя самое лучшее в себе — то, что пряталось у нее в глазах и говорило: «Если бы я только захотела, ты был бы счастлив со мной, как ни с одной другой женщиной мира».

— Я знаю это,— продолжал Хесус Мария,— потому что я тоже бегал за Грейси. И Пит бегал за ней. Только у Пита это было не так, как у меня.— Хесус Мария по очереди посмотрел на каждого из своих друзей, чтобы придать этим словам особый вес.

— Пит до того тосковал по Грейси, что совсем исхудал, и глаза у него стали большие и грустные, как у тех, кто курит марихуану. Пит не мог есть и совсем заболел. Старик Раванно пошел поговорить с Грейси. Он сказал: «Если ты не пожалеешь Пита, он умрет». Но она только засмеялась. Сердце у нее было недоброе. И тут в комнату вошла ее сестра Тониа. Тонии шел пятнадцатый год. Старик посмотрел на нее, и у него дыхание перехватило. Тониа была очень похожа на Грейси, да только, странное дело, сторонилась мужчин. Старик Раванно ничего не мог с собой поделать. Он сказал: «Подойди ко мне, деточка». Но Тониа не была деточкой. Она все понимала. Поэтому она засмеялась и убежала из комнаты. Тогда старик Раванно пошел домой. Пит сказал: «Что-то с тобой случилось, отец». — «Нет, Пит,— ответил старик.— Только я тревожусь, что ты все болеешь из-за этой Грейси». Горячая была кровь у всех этих Раванно!

— А потом, что бы вы думали? — продолжал Хесус Мария.— Пит пошел потрошить каракатиц для Чин Ки и начал дарить подарки Грейси: бутылки цветочной воды, и ленты, и подвязки. Он заплатил за то, чтобы с нее сняли карточку, да еще раскрашенную. Грейси брала все подарки и убегала от него, и смеялась. Слышали бы вы, как она смеялась! Хотелось сразу и задушить ее и приласкать. Хотелось зарезать ее, чтобы посмотреть, что же такое она в себе прячет. Я это знаю. Я ведь сам бегал за ней, да и Пит мне рассказывал. От ее смеха Пит совсем сошел с ума. Он лишился сна. Он сказал мне: «Если Грейси выйдет за

меня замуж, в церкви, тогда она больше не посмеет от меня убегать, потому что она станет замужней женщиной, и это будет грех». Он сказал ей, чтобы она с ним обвенчалась. А она засмеялась этим своим звонким смехом, от которого хотелось ее задушить. Пит совсем сошел с ума. Он отправился домой, привязал к балке веревку, влез на ящик и накинул себе на шею петлю, а потом оттолкнул ящик. Ну, тут как раз вернулся домой отец Пита. Он перерезал веревку и побежал за доктором. Но Пит открыл глаза только через два часа, а заговорить он смог только через четыре дня.

Хесус Мария умолк. Он с гордостью увидел, что друзья совсем захвачены его рассказом.

— Вот как это было,— сказал он.

— Но ведь Грейси Монтес вышла замуж за этого Пита Раванно!— взволнованно воскликнул Пилон.— Я знаю ее. Это очень порядочная женщина. Она не пропускает ни одной мессы и раз в месяц ходит исповедоваться.

— Теперь это так и есть,— согласился Хесус Мария.— Старик Раванно тогда очень рассердился. Он прибежал к Грейси и крикнул: «Смотри, твоя глупость убивает моего сына! Он хотел повеситься из-за тебя, курица с навозной кучи, убийца!» Грейси испугалась, но все-таки ей было приятно, потому что не всякая женщина может заставить мужчину зайти так далеко. Она пришла навестить Пита, когда он лежал в постели с вывихнутой шеей. А вскоре они поженились. И все вышло так, как думал Пит. Раз церковь приказала ей стать хорошей женой, она стала хорошей женой. Она больше не пересмеивалась с мужчинами. И не подманивала их, не убегала, чтобы они гнались за ней. Пит продолжал потрошить каракатиц, и Чин Ки скоро поставил его готовить ящики. А потом он стал управляющим у него на фабрике. Так что,— заключил Хесус Мария,— это хорошая история. Такая, что ее мог бы рассказывать священник, если бы только она на этом кончилась.

— Да,— сказал задумчиво Пилон,— эта история учит многому.

Друзья одобрительно закивали, потому что они любили, чтобы в историях была мораль.

— Я знавал в Техасе такую девушку,— сказал Дэнни.— Только она не переменилась. Ее прозвали женой второго взвода. «Миссис Второй Взвод» — так ее прозвали.

Пабло жестом остановил его.

— Эта история еще не кончена,— сказал он.— Дайте Хесусу Марии досказать ее.

— Да, она еще не окончена. И конец у нее не такой

хороший. Старику Раванно было уже за шестьдесят. А Пит и Грейси поселились отдельно. Въехо Раванно почувствовал себя совсем одиноким, потому что до сих пор он всегда бывал с Питом. Он не знал, чем ему заняться. Он просто сидел и грустил, пока однажды снова не увидел Тонию. Тонии шел уже шестнадцатый год, и она была даже красивей Грейси. Половина солдат из форта ходили за ней по пятам, как щенята. И со стариком случилось то же, что с Питом. Он совсем иссох от любви. Он не мог ни есть, ни спать, щеки у него совсем ввалились, а глаза выпучивались, как у курильщика марихуаны. Он принес Тонии конфеты, а она вырвала конфеты из его рук и стала над ним смеяться. Он сказал: «Ты не пойдешь погулять со мной, душечка? Я ведь твой друг!» А она опять засмеялась. Тогда въехо рассказал обо всем Питу. А Пит тоже засмеялся. «Старый дурень,— сказал Пит.— Ты уже свое отгулял. Нечего тебе бегать за младенцами». Но это не помогло. Старик Раванно совсем извелся. У них горячая кровь, у этих Раванно. Он прятался в траве и смотрел, как она проходит мимо. Сердце его совсем изныло. Ему нужны были деньги, чтобы покупать подарки, и он устроился на заправочную станцию. Он разравнивал песок на дорожках и поливал цветы около станции. Он заливал воду в радиаторы и протирал ветровые стекла. И все деньги до последнего цента он тратил на подарки Тонии — на конфеты, ленты и платья. Он заплатил, чтобы с нее сняли цветную карточку. А она только все больше смеялась, и въехо чуть не помешался. И вот он подумал: «Если венчание в церкви сделало из Грейси хорошую жену, то оно и из Тонии сделает хорошую жену». Он попросил ее выйти за него замуж. Тогда она и вовсе принялась хохотать. И стала вертеться перед ним и дразнить его. Она была настоящим дьяволом, эта Тониа.

— Он вел себя как дурак,— неодобрительно сказал Пилон.— Старикам не следует бегать за молоденькими. Их дело сидеть и греться на солнышке.

Хесус Мария ответил с досадой:

— Эти Раванно не такие, у них очень горячая кровь.

— Ну, он вел себя недостойно,— настаивал Пилон.— Только позорил Пита.

Ему ответил Пабло:

— Не мешай Хесусу Марии рассказывать. Это его история, Пилон, а не твоя. Когда рассказывать будешь ты, тогда мы будем слушать тебя.

Хесус Мария с благодарностью посмотрел на Пабло.

— Ну, как я говорил, въехо не мог больше этого вы-

носить. Но ему ничего не удалось придумать. Он не был похож на Пилона. Он не сумел изобрести ничего нового. Вьехо Раванно думал примерно так: «Грейси вышла замуж за Пита потому, что он повесился. Я тоже повешусь, и, может, тогда Тониа выйдет за меня». А потом он подумал: «Если меня сразу не снимут, я умру. Надо, чтобы меня сразу сняли».

— Вам следует знать,— продолжал Хесус Мария,— что на этой заправочной станции есть сарай с инструментами. Рано утром вьехо приходил туда, отпирал сарай, разравнивал песок и поливал цветы прежде, чем станция открывалась. Остальные приходили на работу к восьми часам. И вот как-то утром вьехо вошел в сарай и приладил там веревку. Потом он стал ждать восьми часов. И когда он увидел, что остальные подходят к станции, он надел петлю на шею и спрыгнул с верстака. И как раз в эту минуту ветер захлопнул дверь сарая.

Лица друзей расплылись в улыбках. Порой, думали они, жизнь выкидывает очень, очень смешные штуки.

— Остальные хватились его не сразу,— продолжал Хесус Мария.— Они сказали: «Наверное, этот старик где-нибудь спит пьяный». Прошел час, прежде чем они заглянули в сарай.

Хесус Мария посмотрел на своих друзей.

На их лицах все еще были улыбки, но что-то в них изменилось.

— Вот видите,— сказал Хесус Мария.— Это смешно. Но от этого щемит сердце.

— А что сказала Тониа? — спросил Пилон.— Извлекла ли она из этого урок и стала ли жить по-другому?

— Нет, не стала. Пит рассказал ей, что случилось, а она засмеялась. Пит тоже засмеялся. Но ему было стыдно. Тониа сказала: «Вот был старый дурень!» — и посмотрела на Пита, как она умела смотреть. Тогда Пит сказал: «Хорошо иметь сестренку, такую, как ты. Как-нибудь вечером мы пойдем с тобой погулять». Тогда Тониа снова засмеялась и отбежала от него. И она сказала: «По-твоему, значит, я такая же красивая, как Грейси?» И Пит пошел за ней в дом.

Пилон сказал с сожалением:

— Это плохая история. В ней слишком много разного смысла и слишком много всяких уроков. И некоторые из этих уроков противоречат друг другу. Такую историю не стоит запоминать. Она ничего не доказывает.

— А мне она нравится,— возразил Пабло.— Потому

что в ней нет никакого ясного смысла, и все-таки кажется, что смысл в ней есть. Я только не знаю, какой.

Солнце миновало зенит, и было уже очень жарко.

— Интересно, какую еду принесет Пират,— сказал Дэнни.

— В залив пришла макрель,— заметил Пабло.

Глаза Пилона заблестели.

— Я придумал один план,— сказал он.— Когда я был маленьким, мы жили около железной дороги. Каждый день, когда мимо шел поезд, мы с братьями кидали камнями в паровоз, а кочегар кидал в нас куски угля. Иногда мы набирали целое ведро угля, чтобы отнести матери. Так вот, я думаю, может, мы отнесем на пристань камни. Когда рыбацьи лодки подойдут поближе, мы станем ругаться и швырять камни. А что могут кинуть в нас рыбаки? Станут они кидать в нас весла или сети? Нет. Они смогут кидать только макрель.

Дэнни весело вскочил на ноги.

— Вот это план! — воскликнул он.— До чего наш дружок Пилон о нас заботится! Что бы мы делали без нашего Пилона? Пошли, я знаю, где большая куча камней.

— Макрель — самая моя любимая рыба,— сказал Пабло.

ГЛАВА XV

О том, как Дэнни затосковал и впал в безумие.

*О том, как дьявол в облике Торрелли
покусился на дом Дэнни*

В Монтерее есть нечто неизменное. Почти каждый день солнце бьет утром в окна на западной стороне улиц, а к вечеру — в окна на восточной их стороне. Каждый день красный автобус дребезжит между Монтереем и Пасифик-Гров. Каждый день над рыбоконсервными заводами в небо поднимается вонь испорченной рыбы. На исходе каждого дня ветер дует с залива и раскачивает сосны на холмах. Удильщики сидят на скалах, сжимая удочки, и на лицах их написаны терпение и циничное неверие.

И в Тортилья-Флэт над Монтереем течение жизни также неизменно, ибо количество приключений, которые могут случиться с Корнелией Руис и ее медленно меняющейся чередой женихов, имеет свой предел. Бывали даже случаи, когда она возвращалась к человеку, с которым давным-давно порвала.

В доме Дэнни перемен было еще меньше. Жизнь, которую вели друзья, показалась бы невыносимо однообразной

всякому, кроме пайсано: вставать утром, греться на солнце и обсуждать, что принесет Пират. Пират по-прежнему рубил дрова и продавал их на улицах Монтерея, но теперь на заработанные двадцать пять центов он покупал еду. Иногда друзьям удавалось раздобыть вина, и тогда они пели песни и дрались.

Вблизи моря Время гораздо более сложно, чем в любом другом месте, ибо, кроме круговращения солнца и смены времен года, еще и волны отбивают на скалах ход Времени, а приливы поднимаются и откатываются, как огромная клепсидра¹.

Дэнни начал ощущать биение Времени. Он смотрел на своих друзей и видел, что для них каждый день похож на предыдущий. Когда он вставал ночью с кровати и перешагивал через спящих, он сердился на них за то, что они лежат здесь. Все чаще, сидя на крыльце и греясь на солнце, Дэнни начинал грезить о днях былой свободы. Тогда летом он спал в лесу, а с наступлением зимних холодов — в теплом сене на сеновале. Тогда бремя собственности не тяготило его. Он помнил, что в те дни имя Дэнни было именем урагана. Какие драки! Бегство по лесу с похищенной курицей под мышкой! Тайник в овраге, когда какой-нибудь оскорбленный муж собирался ему мстить. Борьба и буря, радостная буря! Когда Дэнни вспоминал о былых временах, он словно опять ощущал удивительный вкус ворованной еды и жаждал, чтобы они вернулись. С тех пор как полученное наследство подняло его на такую высоту, он дрался редко. Он напивался, но это не было приключением. И всегда бремя дома давило его, он всегда должен был думать о своих друзьях.

Дэнни погружался на крыльце в такую мрачную задумчивость, что друзья испугались, не болен ли он.

— Тебе надо бы выпить горячую настойку из целебных трав,— сказал Пилон.— Ты бы лег в постель, Дэнни, а мы приложим тебе к ногам горячие камни.

Но Дэнни не был нужен заботливый уход, ему нужна была свобода. Целый месяц он тосковал, упорно смотрел в землю, бросал на своих заботливых друзей угрюмые взгляды, пинками отгонял ластившихся к нему собак.

В конце концов тоска оказалась сильнее его. Как-то ночью он бежал. Он ушел в сосновый лес и не вернулся.

Когда утром друзья проснулись и хватились его, Пилон сказал:

— Это какая-нибудь дама. Он влюбился.

¹ К л е п с и д р а — водяные часы (греч.).

Больше они на эту тему не говорили, потому что каждый человек имеет право любить. Друзья продолжали жить, как раньше. Но когда прошла неделя, а о Дэнни по-прежнему не было ни слуху ни духу, они встревожились. Все вместе они отправились в лес на поиски.

— Любовь — вещь хорошая, — сказал Пилон. — Нельзя ругать человека, если он ухаживает за девушкой, но неделя — это неделя. Бойкая, должно быть, девушка, раз Дэнни неделю не был дома.

Пабло сказал:

— Немножко любви — это как немножко вина. Но от их избытка человек может заболеть. Может, Дэнни уже заболел? Может, эта девушка чересчур уж бойкая?

Хесус Мария тоже был встревожен:

— Наш Дэнни не мог исчезнуть так надолго. Случилось что-то плохое.

Пират захватил с собой в лес собак. Друзья приказали собакам:

— Найдите Дэнни. Может быть, он болен. Может быть, он лежит где-нибудь мертвый, добрый Дэнни, который позволяет нам спать в его доме.

Пират шептал им:

— Злые, неблагодарные собаки, найдите нашего друга.

Но собаки только весело завиляли хвостами, отыскивали кролика и кинулись за ним в погоню.

Друзья весь день бродили по лесу, звали Дэнни, осматривали места, которые они сами выбрали бы для ночлега, — удобные ложбинки между корнями деревьев, полянки среди кустов, усталые густым слоем сосновых игл. Они знали, какое место выбрал бы человек для ночлега, но они нигде не нашли никаких следов Дэнни.

— Может, он сошел с ума? — предположил Пилон. — Может, какая-нибудь тайная тревога лишила его рассудка?

Вечером они вернулись в дом Дэнни, открыли дверь и вошли. И остоленели. Тут побывал вор. Исчезли одеяла Дэнни. Все припасы были украдены. Пропали две кастрюли.

Пилон посмотрел было на Большого Джо Португальца, но покачал головой.

— Нет, ты был с нами. Это сделал не ты.

— Это сделал Дэнни, — взволнованно крикнул Пабло. — Он и правда сошел с ума! Вон он бежит по лесу, словно какой-нибудь зверь!

Тревога и забота воцарились в доме Дэнни.

— Мы должны найти Дэнни, — твердили его друзья. —

Наш друг безумен, и с ним может приключиться беда. Мы должны искать его по всему свету, пока не найдем.

Они забыли про лень. Каждый день они искали его, и до них начали доходить странные слухи: «Да, Дэнни был здесь вчера вечером. Пьяница! Вор! Поглядите — Дэнни ударил деда колом, который выдернул из забора, и украл бутылку граппы. Что это за друзья, которые позволяют своему другу вытворять такое!» — «Да, мы видели Дэнни. Глаза у него были закрыты, и он пел: «Пойдемте в лес плясать, красавицы», — но мы не пошли. Мы испугались. У Дэнни был очень буйный вид».

На пристани они получили новые сведения о своем друге: «Он был здесь, — сказали рыбаки. — Он хотел драться со всеми. Бенито сломал весло о его голову. Тогда Дэнни стал бить окна, и полицейский забрал его в тюрьму».

Они поспешили по горячему следу своего легкомысленного друга. «Макнир привел его вчера вечером, — сказал полицейский сержант. — Да только ночью он сбежал. Когда мы его поймаем, мы посадим его на шесть месяцев».

Друзья устали от погони. Они вернулись домой и к своему ужасу обнаружили, что исчез полный мешок картофеля, который Пилон нашел только этим утром.

— Ну, это уж слишком! — вскричал Пилон. — Дэнни помешался, и он в опасности. С ним случится что-нибудь ужасное, если мы его не спасем.

— Мы будем искать его, — сказал Хесус Мария.

— Мы заглянем за каждое дерево и в каждый сарай, — поклялся Пабло.

— И под все лодки на берегу, — подсказал Большой Джо.

— Собаки нам помогут, — добавил Пират.

Пилон покачал головой:

— Так ничего не выйдет. Куда бы мы ни пришли, оказывается, что Дэнни оттуда уже ушел. Мы должны ждать его в таком месте, куда он обязательно придет. Мы должны действовать, как умные люди, а не как дураки.

— Но куда же он обязательно придет?

И всех разом осенило:

— К Торрелли! Рано или поздно Дэнни придет к Торрелли. Мы должны быть там, чтобы помешать ему безумствовать.

— Да, — согласились они, — мы должны спасти Дэнни.

Все вместе они отправились к Торрелли, но Торрелли не впустил их.

— Вы спрашиваете,— кричал он из-за двери,— видели я Дэнни? Дэнни принес два одеяла и две кастрюли, и я дал ему галлон вина. И что же тогда сделал этот дьявол? Мою жену он оскорбил, а меня обругал. Моего малыша он отшлепал, моей собаке дал пинка! Он украл гамак с моего крыльца.— Торрелли задохнулся от ярости.— Я погнался за ним, чтобы отобрать мой гамак, а когда я вернулся, он приставал к моей жене. Соблазнитель, вор, пьяница! Вот что такое ваш друг Дэнни! Я добьюсь, чтобы его упрятали за решетку!

Глаза друзей холодно блеснули.

— Корсиканская свинья,— негромко сказал Пилон.— Ты говоришь о нашем друге. Наш друг нездоров.

Торрелли запер дверь. Они слышали, как лязгнул засов, но Пилон продолжал говорить:

— Кровопийца,— сказал он.— Если бы ты не трясся так над своим вином, ничего бы этого не случилось. Смотри, чтобы эта холодная лягушка, которая у тебя вместо языка, не марала нашего друга. Смотри, обходись с ним вежливо, потому что у него много друзей. Мы выпустим тебе все кишки, если ты его обидишь.

Торрелли, стоя у запертой двери, молчал, но эта угроза заставила его задрожать от ярости и страха. Он с облегчением услышал, что шаги друзей затихают на дорожке, ведущей к воротам.

В эту ночь, когда друзья уже легли спать, они слышали, что кто-то тихо шарит на кухне. Они знали, что это Дэнни, но он убежал прежде, чем они успели схватить его. Они бродили по темному двору и грустно звали:

— Вернись, Дэнни, наш милый дружок Дэнни! Мы скучаем без тебя!

Ответа не было, но метко брошенный камень попал Большому Джо в живот, и он, скорчившись, повалился на землю.

В какое отчаяние пришли друзья, как тяжело было у них на сердце!

— Дэнни себя погубит,— грустно говорили они.— Наш любимый друг попал в беду, а мы не можем ему помочь.

Вести хозяйство теперь стало труднее, так как Дэнни украл почти все, что было в доме. Один из стульев они обнаружили у бутлегера¹. Дэнни забрал все припасы, а как-то раз, когда они искали его в лесу, он украл даже

¹ Б у т л е г е р — во времена «сухого закона» в США человек, торговавший вином.

железную печку, но она оказалась такой тяжелой, что он бросил ее в овраге. Денег тоже не было, потому что Дэнни украл тачку Пирата и выменял на нее у Джо Ортиса бутылку вина. Мир и покой исчезли из дома Дэнни, их сменила тревога и печаль.

— Куда делось наше счастье? — жалобно вопрошал Пабло. — Значит, мы согрешили, сами того не ведая. А это — воздаяние. Нам надо бы пойти исповедаться.

Они больше уже не обсуждали брачные дела Корнелии Руис. Больше не рассказывали назидательных историй. Позабыты были добрые дела. Поистине прежняя счастливая жизнь лежала в развалинах. И развалины эти были окутаны черным туманом слухов:

«Дэнни покусился вчера на какую-то женщину».

«Дэнни выдоил козу миссис Палочико».

«Дэнни позапрошлой ночью дрался с какими-то солдатами».

Как ни печалило друзей нравственное падение Дэнни, они очень завидовали его веселому времяпрепровождению.

— Если он не сошел с ума, это ему даром не пройдет, — сказал Пилон. — Можете не сомневаться. Дэнни грешит так, что это бьет все известные мне рекорды. Сумеет ли он искупить все эти грехи, когда захочет снова стать порядочным человеком? За несколько недель Дэнни нагрешил больше, чем старик Руис за всю свою жизнь.

В эту ночь Дэнни, воспользовавшись тем, что собаки хорошо его знали, пробрался в дом, двигаясь бесшумно, как тень от ветки под уличным фонарем, и бессовестно украл башмаки Пилона. Утром Пилон сразу сообразил, что произошло. Твердым шагом он вышел на крыльцо, сел на солнцепеке и начал рассматривать свои ноги.

— Он зашел слишком далеко, — сказал Пилон. — Мы терпеливо сносили все его проказы, но он не остановился даже перед преступлением. Это не тот Дэнни, которого мы знали. Это другой человек, и плохой человек. Мы должны схватить этого плохого человека.

Пабло ласково посмотрел на свои башмаки.

— А может, это тоже только проказа? — заметил он.

— Нет, — строго сказал Пилон, — это преступление. Башмаки были не очень крепкие, но взять их — значило совершить преступление против дружбы. А хуже этого преступления нет ничего. Раз Дэнни начинает красть башмаки своих друзей, значит, он способен на любое злодеяние.

Друзья кивнули в знак согласия.

— Да, мы должны поймать его,— сказал Хесус Мария, человеколюбец.— Мы знаем, что он болен. Мы привяжем его к кровати и попробуем вылечить его болезнь. Мы попробуем развеять тьму, окутавшую его мозг.

— А пока мы его еще не поймали,— сказал Пабло,— мы должны помнить, что, ложась спать, надо прятать башмаки под подушку.

Дом оказался в осаде. Повсюду вокруг него бушевал Дэнни, и Дэнни наслаждался жизнью.

Лицо Торрелли очень редко выражало что-нибудь, кроме подозрительности и злобы. Будучи бутлегером и имея дело с обитателями Тортилья-Флэт, он постоянно испытывал эти два чувства, и они наложили свою печать на его лицо. Кроме того, Торрелли никогда никого не навещал. Ведь ему нужно было только не выходить из дома, и он мог увидаться с кем угодно. Вот почему, когда Торрелли как-то утром, улыбаясь зловещей улыбкой, словно предвкушая что-то приятное, поднимался по улице, ведущей к дому Дэнни, дети убегали к себе во двор и робко следили за ним сквозь щели в заборах, собаки мчались прочь, щекоча хвостом брюхо и со страхом оглядываясь, а встречные сторонились и на всякий случай сжимали кулаки, опасаясь, как бы этот сумасшедший не бросился на них.

В это утро небо было затянуто туманом. Солнце после нескольких безуспешных авангардных боев сдалось и скрылось за серым занавесом. С сосен на землю падали мутные капли росы, а лица немногих прохожих были угрюмы и серы в тон этому дню. Не было слышно веселых приветствий. Не было и следа того вечного человеческого оптимизма, который дарит светлую надежду, что наступающий день будет лучше всех прежних.

Старый Рока, увидев улыбку Торрелли, пошел домой и сказал жене:

— Он только что убил и съел своих детей. Помяни мое слово!

Торрелли был счастлив. В его кармане, сложенная вчетверо, лежала драгоценная бумага. Он то и дело прижимал руку к пиджаку, и легкое шуршание убеждало его, что бумага цела. Он шел сквозь серый утренний туман и бормотал себе под нос:

— Змеиное гнездо! Я уничтожу эту чумную язву — друзей Дэнни. Больше я не буду давать вино за вещи, которые у меня тут же снова крадут. Каждый из них сам по

себе еще ничего, но когда они вместе!.. Мадонна, посмотри только, как я вышвырну их на улицу. Жабы, вши, жалающие блохи. Когда им снова придется спать в лесах, у них поубавится гордости. Они узнают, что победа осталась за Торрелли. Они думали обмануть меня, лишить мой дом мебели, а мою жену чести. Но они узнают, что Торрелли, великий страдалец Торрелли, может нанести ответный удар. Они это скоро узнают!

Так он шел и бормотал, а бумага в кармане шуршала под его пальцами. Деревья тоскливо роняли в пыль капли росы. В вышине с хриплым, полным отчаяния криком кружили чайки. Торрелли, как серая тень Судьбы, приближался к дому Дэнни.

В доме Дэнни царило уныние. Друзья не могли сидеть на крыльце, греясь на солнце, потому что солнца не было. А есть ли лучшая причина для уныния? Они давно водворили на место украденную печку. Теперь они подсели поближе к ней, а пришедший в гости Джонни Помпом рассказывал новости.

— Тито Ральф,— говорил он,— больше уже не надзиратель в городской тюрьме. Сегодня утром полицейский судья прогнал его.

— Мне нравится Тито Ральф,— сказал Пилон.— Когда человек попадал в тюрьму, Тито Ральф приносил ему вина. И он знал больше интересных историй, чем сто рассказчиков вместе взятых. А почему его прогнали, Джонни Помпом?

— Об этом я и говорю. Как вы знаете, Тито Ральф часто попадал в тюрьму и считался образцовым заключенным. Он знал, как нужно управлять тюрьмой, а вскоре он уже знал о тюрьме больше всех. Тут умер папаша Меркс, прежний надзиратель, и Тито Ральф поступил на его место. Никогда еще не бывало такого хорошего надзирателя, как Тито Ральф. Все, что он делал, было очень хорошо. Но у него есть одна скверная привычка. Стоит ему выпить вина, как он забывает, что он тюремный надзиратель. Он устраивает побег из тюрьмы, и его приходится ловить.

Друзья кивнули.

— Я знаю,— сказал Пабло.— Я еще слышал, что его не так-то легко поймать. Он прячется.

— Да,— продолжал Джонни Помпом.— Если бы не это, он был бы лучшим тюремным надзирателем, какого только видела наша тюрьма. Ну, а рассказать я хотел вот о чем. Вчера вечером у Дэнни было столько вина, что хватило бы на десятерых, а он его выпил один. Тогда он

стал рисовать всякие картинки на окнах. У него было очень много денег, и он купил яиц, чтобы кидать их в китайца. А одно из этих яиц не попало в китайца, а попало в полицейского. Поэтому Дэнни посадили в тюрьму. Но у него было очень много денег. Он послал Тито Ральфа купить вина, а потом еще вина. В тюрьме сидели четыре человека. Все они пили вино. И тут сказалась скверная привычка Тито Ральфа. Он устроил побег из тюрьмы, и все остальные бежали вместе с ним. Тито Ральфа сегодня утром поймали, и ему сказали, что он больше не надзиратель. Он так огорчился, что разбил окно, и теперь снова сидит в тюрьме.

— А Дэнни? — вскричал Пилон. — Что с Дэнни?

— Дэнни? — сказал Джонни Помпом. — Он тоже бежал, но его не поймали.

Друзья тревожно вздохнули.

— Дэнни совсем сбился с пути, — мрачно сказал Пилон. — Он плохо кончит. Интересно, где он достал денег?

Именно в эту минуту торжествующий Торрелли распахнул калитку и зашагал по дорожке к дому. Собаки Пирата встревожились и, рыча, подошли к двери. Друзья выглянули наружу и обменялись недоуменными взглядами. Большой Джо подобрал рукоятку лопаты, с которой недавно так основательно познакомился. Тяжелые уверенные шаги Торрелли прогремели по крыльцу. Дверь распахнулась, и Торрелли, улыбаясь, вошел. О, он не стал кричать на них и грозить им. Нет, он взялся за дело деликатно, как домашняя кошка. Он ласково гладил их, как кошка поглаживает таракана.

— Ах, друзья мои, — мягко сказал он, встретив их встревоженные взгляды. — Дорогие мои друзья и клиенты, сердце мое разрывается, потому что мне суждено принести дурные вести тем, кого я люблю.

Пилон вскочил.

— Что-то случилось с Дэнни! Он болен? Он ранен? Говори же!

Торрелли изящно покачал головой.

— Нет, мои крошки. Дело не в Дэнни. Сердце мое обливается кровью, но я принужден сказать вам, что вы здесь больше не живете.

Со злорадным удовольствием он наблюдал за действием своих слов. Все рты раскрылись, все глаза выпучились от удивления.

— Глупость какая! — воскликнул Пабло. — Почему это мы здесь больше не живем?

Рука Торрелли нежно нырнула в грудной карман, его пальцы извлекли оттуда драгоценную бумагу и помахали ею в воздухе.

— Вообразите мои страдания! — продолжал Торрелли. — Этот дом больше не принадлежит Дэнни.

— Что? — вскричали они. — Что ты говоришь? Почему этот дом больше не принадлежит Дэнни? Говори же, корсиканская свинья!

Торрелли захихикал, и это было так страшно, что пайсано попятились.

— Потому что, — сказал он, — этот дом принадлежит мне. Дэнни пришел ко мне вчера вечером и продал мне свой дом за двадцать пять долларов.

С дьявольской радостью он следил за мыслями, отражавшимися на их лицах.

«Это ложь, — говорили их лица. — Дэнни не способен на такую подлость». А потом: «Но ведь Дэнни за последнее время делал много дурного. Он крал у нас. Кто знает, может, он и продал этот дом за нашей спиной?»

— Это ложь, — сказал Пилон вслух, — грязная корсиканская ложь.

Торрелли продолжал улыбаться и размахивать бумагой.

— Вот доказательство, — сказал он. — Вот бумага, которую подписал Дэнни. Это то, что мы, деловые люди, называем купчей.

Пабло в ярости подскочил к нему.

— Ты напоил его! Он не знал, что делает!

Торрелли чуть-чуть приоткрыл сложенный документ.

— Закон это не интересуется, — возразил он. — И поэтому, мои дорогие друзья, неумолимый долг приказывает мне объявить вам, что вы должны покинуть мой дом. Я собираюсь распорядиться им по-другому. — Тут улыбка сбежала с его лица, и оно приняло обычное жестокое выражение. — Если вы не уберетесь к полудню, я пришлю полицейского.

Пилон с кротким видом подошел к нему. Берегись, Торрелли, если к тебе, улыбаясь, приближается Пилон! Беги, спрячься в каком-нибудь сейфе и захлопни за собой дверцу!

— Я этих вещей не понимаю, — мягко сказал Пилон. — Мне, конечно, очень грустно, что Дэнни так поступил.

Торрелли опять захихикал.

— Я ведь никогда не продавал домов, — продолжал Пилон. — Дэнни подписал эту бумагу, так?

— Да,— передразнил его Торрелли,— Дэнни подписал эту бумагу, именно так.

Пилон тупо продолжал расспрашивать:

— Значит, вот эта бумага доказывает, что дом принадлежит тебе?

— Вот именно, дурачок. Эта бумага это и доказывает.

Лицо Пилон выразило недоумение.

— А я думал, что ее надо отнести в город и зарегистрировать.

Торрелли презрительно рассмеялся. Берегись, Торрелли! Разве ты не замечаешь, как бесшумно движутся эти змеи? Вон Хесус Мария стоит у входной двери. Вон Пабло заслоняет дверь на кухню. Посмотри, как побелели пальцы Большого Джо, сжимающие рукоятку лопаты.

Торрелли сказал:

— Вы ничего не понимаете в делах, бродяжки и попрошайки. Когда я уйду отсюда, я отнесу эту бумагу в город и...

Это случилось так быстро, что последними словами он подавился. Его ноги мелькнули в воздухе. Он грохнулся об пол, хватаясь жирными руками за воздух. Он услышал, как звякнула дверца печи.

— Воры! — взвизгнул он. Шея и лицо его побагровели.— Воры, крысы, собаки, отдайте мою бумагу!

Пилон, стоявший перед ним, удивился.

— Бумагу? — спросил он вежливо.— О какой бумаге ты говоришь с таким жаром?

— О моей купчей, о запродажной! Полиция узнает об этом!

— Я не помню никакой бумаги,— сказал Пилон.— Пабло, ты не знаешь, о какой бумаге он говорит?

— Бумага? — сказал Пабло.— Он о газетной бумаге говорит или о папиросной?

Пилон продолжал перекличку:

— Джонни Помпом?

— Ему, наверное, что-нибудь померещилось,— сказал Джонни Помпом.

— Хесус Мария, ты что-нибудь знаешь о какой-нибудь бумаге?

— По-моему, он пьян,— возмущенно сказал Хесус Мария.— Стыдно напиваться с утра пораньше.

— Джо Португалец?

— Меня здесь не было,— отрезал Джо.— Я только что вошел.

— Пират?

— У него не было никакой бумаги.— Пират повернулся к своим собакам.— Была у него бумага?

Пилон снова обратился к посиневшему от злости Торрелли.

— Ты что-то путаешь, мой друг. Я, конечно, мог и ошибиться насчет этой бумаги, но ведь ты сам убедился, что никто, кроме тебя, этой бумаги не видел. И ты не упрекнешь меня, если я скажу, что никакой бумаги вовсе не было. Наверное, тебе лучше пойти домой и лечь.

Торрелли был слишком оглушен, чтобы настаивать дальше. Они повернули его, помогли ему выйти за дверь, и он побрел домой, ошеломленный столь ужасным поражением.

Тут они взглянули на небо и обрадовались, потому что солнце снова вступило в бой и на этот раз пробило лазейку в тумане. Друзья не стали возвращаться в дом. Они со счастливыми улыбками расположились на крыльце.

— Двадцать пять долларов! — сказал Пилон.— И что только он сделал с этими деньгами?

Солнце, выиграв первую схватку, обратило туман в паническое бегство, и небо быстро светлело. Половицы от солнца нагрелись, и в солнечных лучах зажужжали мухи. Возбуждение покинуло друзей.

— Еле спаслись,— устало сказал Пабло.— Дэнни не следовало бы так поступать.

— Мы будем покупать все вино только у Торрелли, чтобы возместить ему убытки,— сказал Хесус Мария.

Пичужка опустилась на розовый куст и задергала хвостиком. Новые петухи миссис Моралес воспользовались случаем и в неположенный час спели гимн солнцу. Собаки во дворе задумчиво чесались и грызли свои хвосты.

Услышав шаги на улице, друзья подняли головы и тут же вскочили на ноги, радостно улыбаясь. В калитку вошли Дэнни и Тито Ральф, и каждый нес два тяжелых мешка. Хесус Мария кинулся в дом и принес банки из-под варенья. Когда Дэнни поставил бутылки на крыльцо, друзья заметили, что у него очень утомленный вид.

— Пока влезешь на этот холм, совсем изжаришься,— сказал Дэнни.

— Тито Ральф! — вскричал Джонни Помпом.— А я слышал, что тебя посадили в тюрьму.

— Я снова бежал,— вяло ответил Тито Ральф.— Ведь ключи-то остались у меня.

Вино забулькало, и банки наполнились до краев. Друзья громко вздохнули от облегчения, что все осталось позади.

Пилон отпил полбанки.

— Дэнни,— сказал он,— эта свинья Торрелли приходил сюда утром и без конца врал. У него была бумага, которую ты будто бы подписал.

Дэнни не то испугался, не то растерялся.

— Где эта бумага? — спросил он.

— Ну,— продолжал Пилон,— мы знали, что он врет, и поэтому мы сожгли эту бумагу. Ты же ее не подписывал, правда?

— Нет,— сказал Дэнни и осушил банку до дна.

— Хорошо бы чего-нибудь поесть,— заметил Хесус Мария.

Дэнни ласково улыбнулся:

— А я и забыл. В одном из этих мешков есть три курицы и хлеб.

Радость и облегчение Пилона были так велики, что он встал и произнес небольшую речь.

— Где еще найдется друг, подобный нашему другу? — почти пел он.— Он приветствует нас в своем доме, спасая от холода, он делится с нами своей вкусной едой и своим вином. Охей! Какой хороший человек наш дорогой друг!

Дэнни смутился. Он уставился в пол.

— Это пустяки,— пробормотал он.— Что тут такого?

Но ликование Пилона было так велико, что он готов был прижать к сердцу весь мир и даже всех злодеев мира.

— Мы как-нибудь должны сделать что-нибудь приятное Торрелли.

ГЛАВА XVI

О тоске Дэнни. О том, как ценой самопожертвования друзья Дэнни устроили вечеринку. О преображении Дэнни

Когда Дэнни вернулся в свой дом и к своим друзьям после долгих безумств, он не испытывал угрызений совести, но его томила усталость. Грубые пальцы бурно прожитых дней истерзали его душу. Он погрузился в апатию и вставал с постели только для того, чтобы посидеть на крыльце под кастильской розой, вставал с крыльца только для того, чтобы поесть, вставал из-за стола только для того, чтобы лечь в постель. Вокруг него лилась беседа, и он

слушал, но ничто его не интересовало. Корнелия Руис блистательно сменила нескольких мужей, но Дэнни это нисколько не тронуло. Как-то вечером Джо Португалец забрался на его кровать, но Дэнни остался равнодушен даже к этому, так что Пилону и Пабло самим пришлось избить за него Большого Джо. Когда Сэмми Распер, с запозданием празднуя Новый год при помощи дробовика и бутылки виски, убил корову и угодил в тюрьму, Дэнни так и не удалось втянуть в обсуждение этической стороны этого происшествия, хотя вокруг него бушевал горячий спор и все то и дело взывали к нему.

И вскоре друзья начали беспокоиться о Дэнни.

— Он изменился,— сказал Пилон.— Он стал стариком.

Хесус Мария высказал предположение:

— Дэнни уложил в три коротенькие недели столько радостей, сколько отведено на целую человеческую жизнь. Ему надоели все удовольствия.

Тщетно пытались друзья извлечь Дэнни из пучины его равнодушия. По утрам на крыльце они рассказывали самые смешные истории, какие только знали. И сообщали такие подробности любовной хроники квартала, что они проняли бы даже прозектора. Пилон просеивал сквозь сито всю Тортилья-Флэт и приносил Дэнни каждое зернышко интересных новостей, но глаза Дэнни оставались бесконечно старыми и усталыми.

— Ты нездоров,— тщетно убеждал его Хесус Мария. Тебя мучит какая-то тяжелая тайна.

— Нет,— отвечал Дэнни.

Друзья заметили, что он позволяет мухам ползать по своим босым ногам, а если и отгоняет их, то лишь ленивым взмахом руки, в котором ничего не осталось от бывшего искусства. Постепенно веселье и смех покинули дом Дэнни, утонули в темном пруду тихого равнодушия Дэнни. Грустно было смотреть на него — на Дэнни, который готов был драться во имя самого безнадежного дела, да и по любому другому поводу; на Дэнни, который мог перебить любого человека в мире; на Дэнни, который откликался на взгляд любви, как разбуженный тигр. Теперь он сидел на своем крыльце под солнечными лучами, подняв обтянутые синей материей колени к самой груди, бессильно свесив руки, так что пальцы болтались будто неживые, и склонив голову, словно под гнетом черных мыслей. В его тусклых глазах не было ни желания, ни гнева, ни радости, ни горя.

Бедный Дэнни, жизнь рассталась с тобой! Вот ты сидишь, как первый человек, когда мир еще не возник вокруг него, и как последний человек, когда мир уже рассыпался в прах. Но посмотри, Дэнни! Ты же не один. Ты вовлекаешь в это и своих друзей. Они поглядывают на тебя уголком глаза. Они ждут, как ждут полные надежды щенки первого движения своего проснувшегося хозяина. Одно твоё веселое слово, Дэнни, один веселый взгляд — и они залают и примутся ловить свои хвосты. Ты не можешь распоряжаться своей жизнью, Дэнни, потому что от нее зависят другие жизни. Посмотри, как страдают твои друзья! Воскресни, Дэнни, чтобы твои друзья снова могли жить!

Вот что примерно сказал Пилон, хотя и не такими красивыми словами. Он протянул Дэнни банку с вином и сказал:

— Да ну же,— сказал он,— хватит просиживать задницу.

Дэнни взял банку и осушил ее до дна. А потом он откинулся на спинку стула и попробовал снова погрузиться в своё бесчувственное забытие.

— У тебя что-нибудь болит? — спросил Пилон.

— Нет,— сказал Дэнни.

Пилон налил ему еще банку вина и следил за выражением его лица, пока он пил. Тусклая пелена на миг исчезла из глаз Дэнни. Где-то в самой их глубине мелькнул прежний Дэнни. Он убил муху ударом, который не посрамил бы и величайшего мастера этого дела.

Губы Пилона медленно расползлись в улыбке. А потом он собрал всех друзей — Пабло, и Хесуса Марию, и Большого Джо, и Пирата, и Джонни Помпома, и Тито Ральфа.

Пилон отвел их в овраг позади дома.

— Я отдал Дэнни последнее вино, и оно пошло ему на пользу. Дэнни поможет вино и, может быть, вечеринка. Где мы можем достать вина?

Их мысли обрыскали Монтерей, как фокстерьеры обрыскивают амбар в поисках крыс, но крыс не оказалось. Этими друзьями двигал альтруизм такой чистый, о каком многие люди не имеют даже представления. Они любили Дэнни.

Хесус Мария сказал наконец:

— Чин Ки консервирует каракатиц.

Их мысли рванулись в сторону, с любопытством обернулись и взглянули на это. Тихонько прокрались назад и обнюхали это. Прошло несколько секунд, прежде чем их возмущенное воображение смирилось с этим. «Но в конце

концов почему бы и нет? — безмолвно убеждали они себя. — Один день — это не так страшно. Всего один день».

По их лицам можно было ясно проследить, как разворачивалось сражение и как во имя блага Дэнни они победили свои страхи.

— Мы это сделаем, — сказал Пилон. — Завтра мы все пойдем в город и будем потрошить каракатиц, а послезавтра мы устроим для Дэнни вечеринку.

Когда Дэнни проснулся на следующее утро, дом был пуст. Он встал с постели и оглядел безмолвные комнаты. Но Дэнни не свойственно было предаваться бесплодным размышлениям. Сперва он перестал искать разгадку случившегося, а потом и думать о нем. Он вышел на крыльцо и вяло опустился на стул.

Или это предчувствие, Дэнни? Боишься ли ты судьбы, которая неумолимо надвигается на тебя? Неужели для тебя не осталось никаких удовольствий? Нет. Дэнни так же погружен в себя, как всю последнюю неделю.

Чего нельзя сказать о Тортилья-Флэт. Рано утром по кварталу пробежал слух: «Друзья Дэнни потрошат каракатиц для Чин Ки». Это было знаменательнейшее событие, подобное падению правительства или даже гибели всей солнечной системы. О нем говорили на улицах, о нем сообщали через задние заборы дамам, которые как раз бежали к соседке, чтобы рассказать о нем же. «Все друзья Дэнни ушли в город потрошить каракатиц!»

Утро было наэлектризовано этой новостью. Должна же быть какая-нибудь причина! В чем разгадка этой тайны? Матери инструктировали своих детей и посылали их к фабрике Чин Ки. Юные матроны с нетерпением ждали за занавесками последних сообщений. И сообщения поступали:

«Пабло порезал руку ножом для потрошения каракатиц».

«Чин Ки выгнал собак Пирата».

«Собаки вернулись».

«Пилон хмурится».

Заклучались пари. Уже много месяцев в Тортилья-Флэт не происходило ничего столь интересного. В течение целого утра никто ни разу не упомянул о Корнелии Руис. И только в полдень разгадка была наконец найдена. Но зато о ней мгновенно узнали все:

«Они собираются устроить большую вечеринку для Дэнни».

«На нее приглашаются все».

С фабрики Чин Ки начали поступать распоряжения. Миссис Моралес стерла пыль со своего граммофона и отобрала самые громкие свои пластинки. Кремень выбил искру, а Тортилья-Флэт оказалась хорошим трутом. Семь друзей задумали устроить вечеринку для Дэнни! Тоже мне! Как будто у Дэнни всего только семь друзей! Миссис Сото ворвалась в свой птичник, вооруженная кухонным ножом. Миссис Палочико высыпала мешочек сахару в самую большую свою кастрюлю и принялась варить леденцы. Делегация девушек отправилась в Монтерей и купила полный комплект цветной бумаги. По всему кварталу, пробуя голоса, взвизгивали гитары и аккордеоны.

Сообщение! Новое сообщение с фабрики Чин Ки! Они не отступят. Они тверды в своем решении. Они заработают не меньше четырнадцати долларов. Приглядите, чтобы были готовы четырнадцать галлонов вина.

Торрелли был завален заказами. Каждому хотелось купить бутылку вина, чтобы отнести ее в дом Дэнни. Да и сам Торрелли, захваченный общим ажиотажем, сказал жене:

— Может, мы зайдем в дом Дэнни. Я прихвачу несколько бутылей для своих друзей.

С приближением вечера волны возбуждения совсем захлестнули вершину холма. Доставались из сундуков и вывешивались проветриться платья, которые в последний раз надевала еще бабушка. С перил веранд, благоухая нафталином, свисали шали, по которым моль томилась более двухсот лет.

А Дэнни? Он сидел, словно наполовину растопленный. Он менял позу, только когда солнце меняло место на небосклоне. Если он и заметил, что все до одного обитатели Тортилья-Флэт прошли в этот день мимо его калитки, он ничем этого не выдал. Бедный Дэнни! Не меньше четырех десятков глаз следили за его калиткой. В четыре часа он встал, потянулся и, выйдя на улицу, побрел в Монтерей.

Они еле дождались, чтобы он скрылся из виду. И пошли сплетаться гирлянды из зеленой, желтой и красной бумаги! И пошли крошиться на пол свечи! И пошли носиться дети, ровно втирая воск в половицы! Появилось угощение: миски с рисом, кастрюли с горячей курятиной, клецки, от которых можно было только ахнуть. Появилось и вино — не сосчитать, сколько бутылей. Мартинес выкопал из своей навозной кучи бочонок картофельной водки и отнес его в дом Дэнни.

В половине шестого друзья подымались вверх по холму усталые, окровавленные, но торжествующие. Так, на-

верное, выглядела старая гвардия, возвращающаяся в Париж после Аустерлица. Они увидели дом, пылающий красками. Они засмеялись, и усталость их как рукой сняло. Они были так счастливы, что на глазах у них показались слезы.

Мамаша Чипо вошла во двор в сопровождении двух сыновей, которые тащили лохань, полную подливки. Паулито, этот богатый бездельник, раздувал огонь под большим котлом бобов и красного перца. Крики, обрывки песен, визгливые выкрики женщин, вопли и смех взбудораженных детей.

Из Монтерея прибыла машина, полная встревоженных полицейских. «А, всего только вечеринка! Ну конечно, мы выпьем по стаканчику вина. Смотрите только, никого не убивайте».

Где же Дэнни? Одинокий, как дымок в холодную ясную ночь, он бредет по вечернему Монтерею. Он заходит на почту, на вокзал, в бильярдную на улице Альварадо, на пристань, где черная вода грустно вздыхает между сваями. В чем дело, Дэнни? Отчего ты такой? Дэнни не знал. В его сердце была щемящая боль, словно от прощания с любимой; его томила смутная печаль, подобная осеннему отчаянию. Он прошел мимо ресторанов, где прежде с таким интересом нюхал воздух, и в нем не проснулся голод. Он прошел мимо шикарного заведения мадам Зуки и не обменялся непристойными шуточками с девицами, выглядывающими из окон. Он вернулся назад, на пристань. Он облокотился о перила и стал смотреть в глубокую, глубокую воду. Знаешь ли ты, Дэнни, что боги разливают вино твоей жизни по своим банкам из-под варенья? Видишь ли ты вереницу своих дней в маслянистой воде между сваями? Он не шевелился и смотрел вниз неподвижным взглядом.

Когда стемнело, о нем начали беспокоиться в доме Дэнни. Друзья оставили гостей и бегом спустились с холма в город. Они спрашивали: «Вы не видели Дэнни?»

«Да, Дэнни прошел здесь час назад, он шел медленно».

Пилон и Пабло искали его вдвоем. Они проследили весь путь своего друга и наконец увидели его на краю темного причала. На него падал тусклый свет электрического фонаря. Они бросились к нему.

Пабло тогда об этом не упомянул, но потом, едва кто-нибудь заводил речь о Дэнни, он всегда принимался описывать, что он увидел, когда они с Пилоном пошли по причалу к Дэнни.

«Так он и стоял,— говорил Пабло.— Я только-только мог разглядеть, что он опирается на перила. Я посмотрел на него и тут увидел кое-что еще. Сперва мне показалось, что над головой Дэнни висит черное облако. А потом я рассмотрел, что это большая черная птица, величиной с человека. Она висела в воздухе, как коршун над кроличьей норой. Я перекрестился и прочел две «Богородицы». Когда мы подошли к Дэнни, птицы уже не было».

Пилон не видел птицы. Пилон не помнил, чтобы Пабло крестился или читал «Богородиц». Но он никогда не вмешивался, потому что это была история Пабло.

Они быстро шли к Дэнни. Доски причала глухо постукивали у них под ногами. Дэнни не повернулся. Они взяли его за плечи и повернули к себе.

— Дэнни, что случилось?

— Ничего. Ничего со мной не случилось.

— Может, ты болен, Дэнни?

— Нет.

— Так отчего же ты такой печальный?

— Не знаю,— сказал Дэнни.— Я так чувствую, и все. Я ничего не хочу делать.

— Может, тебе сходить к доктору, Дэнни?

— Я же говорю вам, что я не болен.

— Ну так слушай! — воскликнул Пилон.— Мы устроили в твою честь вечеринку у тебя в доме. Там вся Тортилья-Флэт, и музыка, и вино, и курятина. Вина, наверное, двадцать, а то и тридцать бутылей. И дом украшен цветной бумагой. Разве ты не хочешь пойти туда?

Дэнни глубоко вздохнул. На мгновение он снова повернулся к черной, глубокой воде. Быть может, он шепотом произнес обет богам или бросил им вызов. Он снова поглядел на своих друзей. Глаза его горели лихорадочным огнем.

— Да, черт побери, я хочу пойти туда. Побыстрей. Я хочу пить. Девочки там есть?

— Много. Они все пришли.

— Ну, так пошли. И побыстрей!

Он первый взбежал по холму. Задолго до того, как они добрались до дома, они уже слышали за соснами сладкую музыку и возбужденные счастливые голоса. Трое запоздавших явились совсем запыхавшись. Дэнни задрал голову и завыл, подражая койоту. Со всех сторон ему протянули банки с вином, и он отхлебнул из каждой.

Вот это была вечеринка! С тех пор, стоило кому-нибудь похвалить вечеринку, кто-нибудь другой непременно

спрашивал с благоговением: «А ты был на той вечеринке в доме Дэнни?» И первый говоривший, разумеется, был там, если только он не оказывался приездом. Вот это была вечеринка! Никто потом не пытался устроить вечеринку лучше. Об этом не приходилось и мечтать, ибо уже через два дня вечеринка Дэнни была поднята на такую высоту, что никакое сравнение с ней было невозможно. Какой мужчина не мог похвастаться после этой ночи великолепнейшими синяками и ссадинами? Никогда еще не бывало столько драк — и не схваток между двумя противниками, а шумных битв, в которых принимали участие десятки людей и каждый дрался за себя.

А этот женский смех! Звонкий, переливчатый и хрупкий, как стеклянная канитель. Какие чопорные возгласы протеста доносились из оврага! Отец Рамон отказывался верить своим ушам во время исповедей на следующей неделе. Вся счастливая душа Тортилья-Флэт сбросила оковы сдержанности и взмыла в воздух одним блаженным целым. Они плясали так бурно, что пол в одном углу провалился. Аккордеоны играли так громко, что после этой ночи всегда хрипели, как загнанные лошади.

А Дэнни... Как ничто не может сравниться с этой вечеринкой, так никто не может сравниться с Дэнни. Пусть в будущем какой-нибудь выскочка начнет хвастать: «Вы меня видели? Вы видели, как я плясал с этими черномазыми девчонками? Вы видели, как мы носились по кругу, точно коты?» И на него тотчас обратится взгляд каких-нибудь старых, мудрых и негодующих глаз. И голос, насыщенный сознанием того, что ему известны пределы всех возможностей, спросит негромко: «А ты видел Дэнни на этой вечеринке?»

Когда-нибудь какой-нибудь историк, возможно, напишет холодную, сухую, отдающую плесенью историю вечеринки. Он, возможно, сошлется на ту минуту, когда Дэнни, размахивая ножкой от стола, готов был наброситься на гостей — на всех мужчин, женщин и детей. И, возможно, он сделает такой вывод: «Замечено, что умирающий организм нередко оказывается способным к проявлению величайшей выносливости и силы». Коснувшись сверхчеловеческих любовных подвигов Дэнни в ту ночь, тот же историк может написать бестрепетной рукой: «Когда любой живой организм оказывается в опасности, вся его деятельность, насколько можно судить, обращается на воспроизведение».

Но я говорю, и то же скажут все обитатели Тортилья-Флэт: «К черту эту ерунду! Дэнни был настоящий мужчи-

на!» Счета, разумеется, никто не вел, а впоследствии ни одна из дам, естественно, не желала по доброй воле объявить себя обойденной, так что доблесть Дэнни, возможно, несколько преувеличена. Даже одна десятая того, что ему приписывается,— уже невероятное преувеличение.

Дэнни был окружен ореолом великолепного безумия. И в Тортилья-Флэт с пеной у рта утверждают, что Дэнни в одиночку выпил три галлона вина. Однако не следует забывать, что Дэнни теперь причислен к богам. Через несколько лет эти три галлона, возможно, превратятся в тридцать. Через двадцать лет будут ясно помнить, что облака запылали и сложились в гигантское слово ДЭННИ, что луна источала кровь, что вселенский волк пророчески был на горах Млечного Пути.

Постепенно те, кто был скроен из менее крепкого материала, начали скисать, слабеть, потихоньку выбираться из-под танцующих ног. Оставшиеся, стараясь возместить потери, вопили громче, дрались упорнее, плясали все более лихо. В Монтерее пожарные машины стояли с работающими моторами, и пожарные в красных касках и плащах молча сидели на своих местах и ждали.

Ночь быстро подходила к концу, но буйное веселье Дэнни не шло на убыль.

То, что произошло, подтверждается многими свидетелями, как мужчинами, так и женщинами. И хотя ценность их показаний иногда подвергается сомнению на том основании, что они перед этим выпили тридцать галлонов вина и бочонок картофельной водки, в главном они с угрюмым упорством стоят на своем. Потребовалось несколько недель, чтобы разобраться, как все произошло: один сообщал одно обстоятельство, другой — другое. Но постепенно рассказ о случившемся обрел свою нынешнюю логическую форму и сохранит ее навсегда.

Облик Дэнни, говорят обитатели Тортилья-Флэт, быстро менялся. Дэнни стал огромным и страшным. Глаза его пылали, как автомобильные фары. В нем было что-то жуткое. Он стоял посреди большой комнаты своего дома. Он сжимал в руке сосновую ножку от стола, и даже она стала больше. И, стоя так, Дэнни бросил вызов всему миру.

— Кто будет драться? — вскричал он. — Неужто в мире остались только трусы?

Все вокруг трепетали от страха: ножка от стола, такая чудовищная, такая живая, внушала им ужас. Дэнни грозно размахивал ею. Аккордеоны умолкли с хриплым вздо-

хом. Танцоры остановились. В комнате стало холодно, и тишина гремела в воздухе, как океан.

— Никто? — снова вскричал Дэнни. — Или я остался один во всем мире? Никто не будет драться со мной?

Мужчины содрогались, встречая его страшные глаза, и как замороженные следили за зигзагами, которые выписывала ножка от стола. И никто не откликнулся на вызов.

— Ну, так я пойду к тому, кто будет драться. Я найду врага, достойного Дэнни!

Чуть пошатываясь, он двинулся к двери. Все в ужасе расступились перед ним. Он нагнулся, чтобы не задеть за притолоку. Все замерли, прислушиваясь.

Они слышали, как во дворе он громовым голосом повторил свой вызов. Они слышали, как, подобно метеору, свистела в воздухе ножка от стола. Они слышали, как он бросился вперед по двору. И тут из оврага за домом донесся ответный вызов, такой ужасный и леденящий, что их позвоночники ссохлись, как стебли настурции от мороза. Даже теперь, говоря о противнике Дэнни, люди понижают голос и пугливо оглядываются. Они слышали, как Дэнни ринулся в бой. Они слышали его последний пронзительный вызов, а потом глухой удар. А потом — тишина.

Долгую секунду все ждали, затаив дыхание, чтобы шелест воздуха, вырывающегося из их легких, не заглушил какого-либо звука. Но они прислушивались тщетно. Ночь безмолвствовала, и приближался серый рассвет.

Молчание нарушил Пилон.

— Что-то случилось, — сказал он.

И первым к двери бросился тоже Пилон. Храбрец, он превозмог свой ужас. Остальные последовали за ним. Они обошли дом, направляясь туда, где затихли шаги Дэнни, но Дэнни там не было. Они подошли к краю оврага, откуда крутая тропа сбегала на дно этого древнего ложа ручья, который пересох еще в незапамятные времена. Те, кто следовал за Пилоном, увидели, что он бросился вниз по тропе. Они медленно спустились за ним в овраг. На дне его они нашли Пилона, склонившегося над изломанным телом Дэнни. Дэнни упал с высоты в сорок футов. Пилон зажег спичку.

— Кажется, он жив! — вскрикнул он. — Бегите за доктором. Бегите за отцом Рамоном.

Все бросились кто куда. Не прошло и пятнадцати ми-

нут, как обезумевшие от горя пайсано разбудили и вытащили из постелей четверых докторов. Им не дали собраться с той размеренной неторопливостью, при помощи которой доктора любят показывать, что волнение и тревога не имеют над ними никакой власти. О нет! Их торопили, подгоняли, совали им в руки чемоданчики с инструментами люди, не умевшие толком объяснить, что им, собственно, нужно. Отец Рамон, извлеченный из объятий сна, пыхтя, взбирался на холм, так и не разобравшись, предстоит ли ему изгонять дьявола, крестить умирающего новорожденного или помешать самосуду. Тем временем Пилон, Пабло и Хесус Мария отнесли Дэнни домой и уложили его на кровать. Они поставили вокруг него свечи. Дэнни дышал хрипло и тяжело.

Первыми явились доктора. Они подозрительно посмотрели друг на друга, взвешивая, кому принадлежит первенство, но и эта минутная задержка заставила вспыхнуть гневом глаза окруживших их людей. Осмотр Дэнни не занял много времени. Они все успели осмотреть его еще до прихода отца Рамона.

Я не пойду в спальню за отцом Рамоном, ибо там были Пилон, и Пабло, и Хесус Мария, и Большой Джо, и Джонни Помпом, и Тито Ральф, и Пират, и собаки Пирата — вся семья Дэнни. Дверь за священником закрылась, и закрытой она останется. Ведь людям все-таки присуща гордость, и есть вещи, не предназначенные для любопытных глаз.

Но в большой комнате, где толпились обитатели Тортилья-Флэт, стояла напряженная, исполненная ожидания тишина. Священники и врачи за много веков научились особому способу общения с людьми. Когда отец Рамон вышел из спальни, его лицо было таким же, как всегда, но женщины принялись громко и жалобно причитать. Мужчины начали переминаться с ноги на ногу, как лошади в стойле, а потом медленно вышли на улицу, в занимающийся рассвет. Но дверь спальни оставалась закрытой.

ГЛАВА XVII

О том, как горюющие друзья пошли наперекор условностям. О том, как были сожжены Магические Узы.

О том, как каждый друг удалился своим путем

Смерть — это личное дело каждого, и она порождает печаль, отчаяние, жгучие муки или холодную философию. Похороны, с другой стороны, — это момент социальный.

Вообразите, что вы поехали на похороны, не отполировав предварительно свой автомобиль. Вообразите, что вы стоите у могилы не в лучшем своем черном костюме и не в лучших своих черных ботинках, сверкающих как зеркало. Вообразите, что вы послали на похороны цветы, не снабдив их карточкой, доказывающей, что вы исполнили долг приличия. Похороны, как никакая другая социальная функция, подчинены точному и строгому ритуалу, определяющему каждый шаг человека. Вообразите, какое поднимется негодование, если священник попыбует изменить свою проповедь или хотя бы придать своему лицу иной оттенок грусти. Подумайте, как были бы все шокированы, если бы в зале, где происходит отпевание, были поставлены какие-нибудь другие стулья, а не эти желтые складные пыточные аппараты с узкими и жесткими сиденьями. Нет, пока человек умирает, его могут любить, ненавидеть, оплакивать, но стоит ему умереть, и он превращается в главное украшение официального общественного праздника, исполненного всяческих сложных формальностей.

Дэнни умер всего два дня назад, но он уже перестал быть Дэнни. Хотя лица людей были омрачены благопристойной печалью, в их сердцах царило радостное возбуждение. Правительство обещало военные похороны всем своим бывшим солдатам, буде они того пожелают. Дэнни был первым скончавшимся экс-солдатом Тортилья-Флэт, и Тортилья-Флэт приготовилась критически наблюдать, как правительство выполняет свои обещания. О смерти Дэнни уже сообщили в форт, и его тело было набальзамировано за счет правительства. Свежеокрашенный орудийный лафет уже дожидался на артиллерийском складе, а на нем лежал аккуратно сложенный новый флаг. В приказе на пятницу уже говорилось:

«С десяти до одиннадцати утра — похороны. В эскорт назначаются эскадрон А одиннадцатого кавалерийского полка, оркестр одиннадцатого кавалерийского полка и стрелковый взвод».

Разве этого было недостаточно для того, чтобы все женщины Тортилья-Флэт бросились в Монтерей глазеть на витрины универмага? Весь день по улицам Монтерея бродили смуглые ребяташки, выпрашивая в садах цветы для похорон Дэнни. А ночью те же самые дети посетили те же самые сады, чтобы пополнить свои букеты.

Гости явились на вечеринку в своих лучших нарядах, и теперь за два дня нужно было почистить эти наряды, выстирать их, накрахмалить, починить и выгладить. Всюду

царила суматоха. Возбуждение не выходило за рамки приличий, но все-таки было скорее радостным.

Вечером второго дня друзья Дэнни собрались в доме Дэнни. Туман первого потрясения и похмелья рассеялся, и теперь они были в ужасе: из всех жителей Тортилья-Флэт только они, больше всех любившие Дэнни, больше всех от него получившие, — только они не могли пойти на похороны Дэнни. Сквозь мутные потемки головной боли они и раньше осознавали эту страшную трагедию, но теперь она стала конкретной реальностью, и надо было искать выход. Их одежда и вообще никуда не годилась. Вечеринка же состарила их штаны и рубахи на много лет. Чьи штаны не порвались на коленях? Чья рубаха была без прорех? Умри кто-нибудь другой, они могли бы занять приличные костюмы, но все до одного обитатели Тортилья-Флэт собирались теперь на похороны, и, разумеется, в лучшей своей одежде. Только Коки Риордан не мог пойти, но Коки находился в карантине из-за оспы, а с ним в карантине была и его одежда. Можно было бы выпросить или украсть денег на один хороший костюм, но о том, чтобы раздобыть деньги на шесть костюмов, не приходилось и мечтать.

Вы скажете: неужели они так мало любили Дэнни, что не могли пойти на его похороны в лохмотьях? А вы пошли бы в лохмотьях, когда все остальные блистают роскошью нарядов? И разве пойти на похороны Дэнни в лохмотьях не значило бы проявить к нему даже больше неуважения, чем вовсе на них не пойти?

Отчаяние, сжимавшее их сердца, не поддается измерению. Они кляли свою судьбу. Сквозь открытую дверь они увидели, как мимо прошествовал Гальвес. Гальвес купил новую одежду для похорон и надел ее за сутки вперед. Друзья сидели, подперев головы кулаками, сломленные своим несчастьем. Они уже обсудили все возможности.

Пилон впервые в жизни пал до того, что начал говорить ерунду.

— Каждый может, конечно, попробовать ночью украсть себе костюм, — сказал он.

Но он знал, что сказал глупость, так как в эту ночь все костюмы будут лежать на стульях рядом с постелями своих хозяев. Пойти красть костюм значило бы пойти на смерть.

— «Армия спасения» иногда выдает одежду, — заметил Хесус Мария.

— Я был там,— отозвался Пабло.— У них на этот раз было четырнадцать платьев, и ни одного костюма.

Судьба была против них. Вошел Тито Ральф — из его нагрудного кармана торчал кончик нового зеленого платка. Но его встретили так враждебно, что он удалился, виновато пятясь.

— Будь у нас неделя, мы могли бы потрошить карака-тиц,— героически сказал Пилон.— Но похороны завтра. Мы должны смотреть правде в глаза. И на похороны мы пойти можем.

— Каким образом? — спросили друзья.

— Оркестр и провожающие пойдут по мостовой, а мы пойдем по тротуару. Вокруг кладбищенской ограды растет высокая трава. Мы спрячемся там и все увидим.

Друзья посмотрели на Пилона с благодарностью. Они знали, что его острый ум без устали взвешивал каждую возможность. Но посмотреть на похороны — еще не самое главное. Куда важней самим показаться на похоронах. Однако другого выхода не было.

— Из этого мы должны извлечь урок,— сказал Пилон.— Нам следует позаботиться, чтобы у нас про запас всегда имелся хороший костюм. Никогда нельзя знать заранее, что может случиться.

Больше они об этом не говорили, но чувствовали, что потерпели поражение. Всю ночь они бродили по городу. Какой палисадник в ту ночь не лишился лучших своих цветов? Какое цветущее дерево осталось нетронутым? Утром яма на кладбище, готовая принять тело Дэнни, совсем исчезла под грудой лучших цветов из лучших садов Монтерея.

Готовя свои эффекты, Природа не всегда проявляет тонкий вкус. Правда, накануне Ватерлоо шел дождь; сорок футов снега отрезало путь отряду Доннера. Но в пятницу погода была чудесная. Солнце светило так, словно на этот день был назначен веселый пикник. Чайки летели через улыбающийся залив к рыбоконсервным заводам. Удильщики заняли свои места на скалах, ожидая отлива. Аптека «Паласа» опустила маркизы, чтобы защитить красные грелки в витринах от химического воздействия солнечных лучей. Мистер Мачадо, портной, повесил на окно своей мастерской записку «Вернусь через десять минут» и ушел переодеваться к похоронам. Три сейнера подошли к пристани с большим уловом сардин. Луи Дуарте покрасил свою лодку и изменил ее название «Лолита» на «Три кухни». Джек Лейк, полицейский, остановил отъехавший от отеля

«Дель Монте» двухместный автомобиль, но отпустил его с миром и купил себе сигару.

Неразрешимая загадка. Как могла жизнь идти своим глупым путем в такой день? Как могла Мейми Джексон поливать тротуар перед своим домом? Как мог Джордж У. Мерк писать свое четвертое и самое возмущенное письмо водопроводной компании? Как мог Чарли Марш, по обыкновению, напиться мертвецки пьяным? Это кошунство. Это попрание всего, что должно быть свято.

Друзья Дэнни проснулись в тоске и поднялись с пола. Кровать Дэнни была пуста. Она походила на боевого коня, который без седока идет за гробом своего хозяина-офицера. Даже Большой Джо Португалец не покусился на кровать Дэнни. Солнце радостно било в окно, отбрасывая на пол изящные тени паутины.

— В такое утро Дэнни бывал веселым,— сказал Пилон.

После обычной прогулки в овраг друзья некоторое время просидели на крыльце, отдавая положенную дань памяти друга. Они преданно перечисляли и восхваляли его добродетели. И преданно забывали его недостатки.

— И какой сильный,— сказал Пабло.— Он был силен, как мул! Он мог один поднять тюк сена.

Они рассказывали случаи, подтверждающие доброту Дэнни, его храбрость, его благочестие.

Но слишком скоро настал час идти к церкви и стоять в лохмотьях на противоположном тротуаре. Они краснели в душе, когда к церкви потянулась вереница счастливых, великолепно одетых, отчаянно благоухающих цветочной водой. До друзей доносились музыка и визгливые отголоски заубойных молитв. Со своего наблюдательного пункта они видели, как прибыл кавалерийский эскадрон, и оркестр с барабанами и обернутыми войлоком палочками, и стрелковый взвод, и орудийный лафет, запряженный тремя парами лошадей с ездовыми на каждой правой лошади. Печальное цоканье лошадиных подков по асфальту наполняло отчаянием сердца друзей. Тоскливо смотрели они, как гроб вынесли из церкви, поставили на орудийный лафет и прикрыли флагом. Офицер свистнул в свой свисток, поднял руку и опустил ее. Эскадрон тронулся, стрелки взяли винтовки наперевес. Барабаны глухо загремели траурный марш. Орудийный лафет двинулся с места. Провожающие торжественно зашагали позади; мужчины держались прямо и сурово, женщины изящно приподымали юбки, оберегая их от неизгладимых следов, оставляемых кавалерией. Тут были все: Корнелия Руис, миссис Мора-

лес, Гальвес, Торрелли и его пухленькая жена, миссис Палочико, предатель Тито Ральф, Конфетка Рамирес, мистер Мачадо — короче говоря, все, кто хоть что-нибудь значил в Тортилья-Флэт, а также все остальные.

Так можно ли удивляться, что друзья не выдержали горького позора. Правда, поддерживаемые героической решимостью, они все же несколько минут брели по тротуару.

Первым сдался Хесус Мария. Он зарыдал от стыда, потому что его отец был богатым и всеми уважаемым боксером. Хесус Мария понурил голову и бросился бежать, пятеро друзей последовали за ним, а позади, прыгая и резвясь, бежали пять собак.

Когда процессия приблизилась к кладбищу, друзья Дэнни уже лежали в высокой траве у ограды. Погребение было по-военному кратким. Гроб опустили в могилу, грянул винтовочный залп, труба пропела отбой, и, услышав ее, Энрике и Пушок, Пахарито, Рудольф и Сеньор Алек Томпсон задрали морды и завyli. Как гордился ими в ту минуту Пират!

Все кончилось слишком быстро. Друзья поспешно ушли, чтобы никто их не увидел.

На обратном пути они неминуемо должны были пройти мимо пустого дома Торрелли. Пилон влез в окно и вынес две бутылки вина. И тогда они медленно пошли к затихшему дому Дэнни. Они чинно разлили вино по банкам и стали пить.

— Дэнни любил вино, — говорили они. — Дэнни бывал счастлив, когда ему удавалось достать немного винца.

День кончился. Наступил вечер. И каждый, прихлебывая свое вино, мысленно бродил в прошлом. В семь часов пришел пристыженный Тито Ральф и принес коробку сигар, которую он выиграл в лотерею. Друзья закурили сигары, сплюнули и откупорили вторую бутылку. Пабло запел начало песни «Тюли Пан», проверяя, не пропал ли у него голос.

— Корнелия Руис шла сегодня одна, — заметил Пилон.

— Может, не будет ничего дурного, если мы споем несколько грустных песен? — сказал Хесус Мария.

— Но Дэнни не любил грустных песен, — возразил Пабло. — Он любил забористые песни о бойких женщинах. Все согласно закивали.

— Да, Дэнни знал толк в женщинах.

Пабло начал вторую строфу «Тюли Пан», Пилон стал

потихоньку подтягивать, а под конец к ним присоединились и все остальные.

Когда песня была допета, Пилон затаился, но оказалось, что сигара его погасла.

— Тито Ральф,— сказал он,— сходил бы ты за своей гитарой, чтобы нам лучше пелось.

Он закурил сигару и отбросил спичку. Маленькая горящая палочка упала на старую газету у стены. Все как один вскочили, чтобы затоптать ее, и на каждого снизошло одно и то же озарение, и они вернулись на свои места. Они поглядели друг другу в глаза и улыбнулись мудрой улыбкой бессмертных, лишенных надежды. Словно во сне, смотрели они, как пламя замигало и чуть не погасло, как оно расцвело на газете. Так в ничтожных пустяках слышен голос богов. И люди с улыбкой смотрели, как догорает газета и как занимается сухая деревянная стена.

Так и должно быть, о мудрые друзья Дэнни! Узы, соединявшие вас, рассечены. Магнит, собравший вас, утратил силу. Дом этот перейдет к новому владельцу, к какому-нибудь унылому родственнику Дэнни. Так пусть же этот символ святой дружбы, этот добрый дом веселых вечеринок и драк, любви и покоя, погибнет, как погиб Дэнни в последнем великолепном и тщетном восстании против богов.

Они сидели и улыбались. А огонь, как змея, вполз к потолку, пробил крышу и заревел. Только тогда друзья встали со своих стульев и словно во сне вышли на улицу.

Пилон, извлекавший пользу из каждого урока, захватил с собой остатки вина.

Из Монтерея донесся вой сирен. Заревели пожарные машины, взбираясь вверх по холму на второй скорости. Лучи прожекторов заметались среди сосен. Когда пожарные прибыли, дом уже превратился в тупой конус огня. Насосы поливали деревья и траву, чтобы пожар не перекинулся на соседние дома.

В толпе сбежавшихся обитателей Тортилья-Флэт, словно зачарованные, стояли друзья Дэнни и смотрели, не отводя глаз, пока от дома не осталась только черная куча золы, над которой клубился пар. Тогда пожарные машины развернулись и с выключенной передачей покатали вниз по склону.

Обитатели квартала исчезли во тьме. Друзья Дэнни все еще стояли и смотрели на дымящееся пожарище. Порой они обменивались странными взглядами, и глаза их снова обращались к сожженному дому. А потом они повернулись и медленно пошли прочь. И каждый шел один.

«И ПРОИГРАЛИ БОЙ»

Роман

Мятежных духов буйные полки
Тех, что его презрели произвол,
Вождем избрав меня. Мы безуспешно
Его престол пытались пошатнуть
И проиграли бой. Что из того?
Не все погибло: сохранен запал
Неукротимой воли, наряду
С безмерной ненавистью, жаждой мстить
И мужеством — не уступать вовек.
А это ль не победа?

Д ж. М и л т о н «Потерянный рай»¹

¹ Перевод А. А. Штейнберга.

Наконец стало смеркаться. На улице зажглись фонари, замигала неоновая вывеска ресторана: в воздухе яркими цветами распускались красные огоньки. В комнате Джима Нолана по стенам побежали розоватые отблески рекламы. Два часа просидел Джим в маленьком, без подушек, кресле-качалке, положив ноги на белое постельное покрывало. Но вот совсем стемнело, он опустил ноги на пол, похлопал по затекшим икрам, замер, чувствуя, как их закололо. Встал, включил свет; лампочка без абажура осветила обстановку комнаты: большую белую кровать с белоснежным покрывалом, письменный стол золотистого дуба, чистый, некогда красный ковер,—ворс давно выносился и проглянула бурая основа.

Джим подошел к умывальнику в углу, вымыл руки, пригладил мокрыми пальцами волосы. Взглянул в зеркало над умывальником, чуть задержавшись на собственных небольших серых глазах. Достал из кармана расческу с прищепкой, как у авторучки, пригладил прямые каштановые волосы, аккуратно разделил их на косой пробор. На Джиме был темный костюм и серая шерстяная рубашка с открытым воротом. Взяв полотенце, он вытер им обмылок и бросил в открытый бумажный пакет на постели. В пакете лежали: безопасная бритва, четыре пары новых носков, сменная серая шерстяная рубашка. Он оглядел комнату и небрежно закрыл пакет. Еще раз, по старой привычке, взглянул в зеркало, выключил свет и вышел.

Спустился по узкой, голой лестнице и постучал в соседнюю с выходом дверь. Она чуть приоткрылась, выглянула хозяйка, увидев Джима, открыла дверь шире, была она крупной блондинкой с черной родинкой на губе.

— Это вы, ми-и-стер Нолан? — улыбаясь, протянула она.

— Я уезжаю,— сказал Джим.

— Комнату за вами оставить, ведь вы же вернетесь?

— Нет, я уезжаю насовсем. Получил письмо, зовут.

— Не получали вы у меня никаких писем,— недоверчиво произнесла женщина.

— Оно пришло на работу. Я не вернусь. У меня уплачено за неделю вперед.

Улыбка сползла с лица хозяйки и сменилась злобной гримасой.

— Вы должны были уведомить меня заранее, за неделю,— бросила она.— Таков порядок. А раз не уведомили, недельный аванс я вам не верну.

— Не беда. Я и не прошу. Просто я не знал, надолго ли у вас задержусь.

И вновь на лице хозяйки заиграла улыбка.

— Хоть вы и недолго у меня прожили, а хорошим таким постояльцем себя зарекомендовали. Будете в наших краях — милости прошу. Найду для вас местечко. Вот моряки: как в порт заходят, непременно у меня останавливаются. И всегда у меня для них есть комната. И они идут только ко мне.

— Спасибо, я учту, миссис Миэр, ключ я оставил в двери.

— Свет выключили?

— Конечно.

— Ладно, уж завтра утром все схожу проверю. Не хотите чуток выпить на дорожку?

— Нет, спасибо. Мне пора.

Она догадливо прищурилась.

— Может, вы скрываетесь? Может, я чем помочь смогу?

— Да нет, никто за мной не гонится. Просто я меняю работу. Ну, что ж, доброй вам ночи, миссис Миэр.

Она протянула напудренную руку. Джим пожал ее, переложив пакет в свободную руку; пальцы у хозяйки оказались мягкими и слабыми.

— Помните, у меня всегда найдется комната. Из года в год у меня одни и те же постояльцы, будь то моряки или торговцы.

— Запомню. Спокойной ночи.

Она смотрела ему вслед, пока он выходил из дома, спускался с бетонного крыльца на тротуар.

На углу он взглянул на часы в витрине ювелира — половина восьмого. Он прибавил шагу, держа путь на восток; миновал кварталы универсальных магазинов и дорогих лавок с экзотическим товаром; потом пошел узкими, уже притихшими и опустевшими в вечерний час улочками

оптовых складов,— все ворота заперты на деревянные засовы, упрятаны за проволочные решетки. Наконец он вышел на старую, с особняками в три этажа, улицу. На нижних этажах держали ломбарды, торговали старым инструментом; на верхних — принимали неудачливые зубные врачи и юристы. Джим вглядывался в каждую дверь и наконец нашел нужный номер. Вошел в темный подъезд, поднялся по узкой лестнице с резиновой дорожкой, прижатой медными спицами на каждой ступеньке. Наверху горел лишь маленький ночничок, а в длинном коридоре из-за одной двери с матовым стеклом пробивался тусклый свет. Джим подошел, увидел номер «16» на матовой панели и постучал.

— Войдите! — послышался резкий голос.

Джим открыл дверь и вошел в маленькую, с голыми стенами, комнату: стол, металлический шкафчик с картотечкой, армейская кровать и два стула. На столе — электрическая плитка, на ней побулькивал и попыхивал маленький жестяной кофейник. Человек за столом пристально посмотрел на Джима, перевел взгляд на бумажку перед собой.

— Вы — Джим Нолан? — спросил он.

— Да.

Джим тоже пригляделся: щуплый человечек в аккуратном темном костюме. Густые волосы от макушки разделены на прямой пробор, однако не скрывают небольшой шрам — белую полосу над правым ухом. Взгляд черных глаз пронизателен и быстр, не задерживается: с Джима — на календарь на стене, тотчас же — на будильник и опять — на Джима. Крупный, сужающийся к кончику, нос. Губы, очевидно, некогда полные и добрые, из-за давнишней привычки собрались в тугой морщинистый узелок. Человек этот вряд ли был старше сорока, однако на лице глубокими бороздами запечатлелись стойкость и непреклонность. Руки так же подвижны, как и глаза: большие, даже чрезмерно большие кисти, длинные пальцы с плоскими, «лопаточкой», ногтями. Руки бегали по столу, точно у слепца: трогали бумаги, ощупывали край стола, перебирали пуговицы на жилете. Он потянулся к электрической плитке, выдернул шнур из розетки.

Джим тихо прикрыл за собой дверь и подошел к столу.

— Мне велели прийти сюда.

Человечек вдруг поднялся, резко протянул правую руку.

— Меня зовут Гарри Нилсон. Вот ваше заявление. Джим пожал ему руку.

— Присаживайтесь, Джим,— нарочито спокойно сказал человек.

Джим подвинул свободный стул и присел к столу. Гарри открыл ящик стола, достал початый пакет молока — в нем спичками были проделаны две дырки,— сахарницу и две глиняные кружки.

— Кофе выпьете?

— С удовольствием.

Нилсон разлил черный кофе по кружкам и заговорил.

— Над заявлениями мы работаем так: его рассматривает комиссия по приему, а мне нужно сначала с вами поговорить и доложить на комиссии. Комиссия обсуждает мое мнение и выносит его на всеобщее голосование. Поэтому не обижайтесь, если буду «копать» глубоко. Обязан.— Он налил себе молока, взглянул на Джима, и в глазах мелькнула улыбка.

— Что да как, я знаю,— сказал Джим.— К вам, говорят, труднее попасть, чем в самый престижный клуб.

— А что нам остается! — он сунул Джиму сахарницу и ошарашил вопросом.— А почему вы хотите вступить в партию?

Лицо у Джима напряглось; размешивая кофе, он обдумывал ответ. Потупившись, проговорил:

— Ну... если по мелочам, так много причин наберется. А главное — вся моя семья крепко пострадала от этого строя. Старику моему, отцу то есть, уж так досталось во всяких там рабочих передрягах, что у него с головой плохо сделалось. Взбрело ему в голову, дескать, неплохо бы скотобойню, где работал, взорвать. Ну и получил заряд дробы в грудь от усмирителей.

— Ваш отец — Рой Нолан? — перебил его Гарри.

— Ну да. Убили его три года назад.

— Вот досада! Ведь он был силачом, каких по всей стране не сыскать. Мог, говорят, пятерых легавых голыми руками уложить.

— Может, оно и так,— усмехнулся Джим,— только всякий раз ему попадалось шестеро. И они его до полусмерти избивали. Придет, бывало, домой, весь в крови. Сядет у плиты на кухне, и лучше его не трогать. Слова не скажи! Расплачется. Мать его потом моет, а он белугой ревет.— Джим помолчал.— Работал-то он за двоих на бойне. Чтоб не ослабеть, даже кровь свежую пил.

Нилсон быстро взглянул на Джима и тут же отвел взгляд. Согнул уголок листа с заявлением, примял его ногтем большого пальца.

«И ПРОИГРАЛИ БОЙ»

«И ПРОИГРАЛИ БОЙ»

— А мать у вас жива? — тихо спросил он.

— Месяц назад умерла, — глаза у Джима сузились. — Я в тюрьме сидел. Месяц дали за бродяжничество. Там и сообщили, что она при смерти. Отпустили домой под конвоем. Что с ней случилось, так и не узнал. Молчала в свои последние минуты. Она у меня католичка, а отец ее в церковь-то не пускал. Терпеть не мог церковь. И мать лежит и на меня смотрит. Я говорю, может, тебе священника? — Молчит, смотрит на меня, и все тут. Утром, часа в четыре, умерла. А посмотреть — как живая лежит. На похороны я даже и не просился. Все равно бы не пустили. Помоему, ей уже все равно было, в рай ли, в ад попадет.

Гарри нервно вздрогнул.

— Допивайте кофе и наливайте еще. А то прямо на ходу спите. Ничего такого не принимали?

— Это вы насчет травки какой? Нет, не балуюсь. Пить и то не пью.

Нилсон достал листок бумаги, что-то записал.

— А как вышло, что вас за бродяжничество посадили?

Джим горячо заговорил:

— Я работал в универмаге Талмана. Заведовал упаковочным отделом. Как-то вечером ходил в кино, и на обратном пути смотрю — на площади Линкольна толпа. Остановился, дай, думаю, посмотрю, в чем дело. В середине сквера — мужик какой-то говорит. Я рядом с памятником сенатору Моргану стоял, ну и взобрался на пьедестал, чтоб виднее было. Слышу — сирена. А впереди — блюстители порядка. Тех, что сзади подоспели, я и не увидел; один как хряснет меня по затылку! Пришел в себя, а мне уж бродяжничество припаяли. А я после того удара долго опомниться не мог, будто пьяный ходил. Вот сюда он мне вмазал, — и приложил ладонь к основанию затылка. — Уж я им толковал, никакой я не бродяга, говорю, у меня работа есть, позвоните мистеру Уэббу, говорю, он директор талмановского универмага. Ну, они и позвонили. Уэбб спросил, где меня задержали, а сержант ему: «На митинге красных». Уэбб — на попятный, говорит, знать такого не знаю. Так, ни за что ни про что за решетку и угодил.

Нилсон снова включил электроплитку. В кофейнике забулькало.

— Вы и сейчас, Джим, словно пьяный. Что с вами?

— Сам не знаю. Будто я уже умер. Все в прошлом, все позади. Перед тем, как к вам прийти, съехал с квартиры, что снимал. Съехал, хоть еще за неделю вперед упла-

чено. Не хочу больше никаких ночлежек. Хочу раз и навсегда с этим покончить.

Нилсон вновь наполнил чашки.

— Вот что, Джим. Дай-ка я обрисую, что такое быть членом партии. Каждое решение ставится на всеобщее голосование, и ты можешь голосовать, но коль скоро решение принято, подчиняться нужно безоговорочно. Когда у нас бывают деньги, мы платим нашим активистам, кто в поле работает, по двадцать долларов в месяц на пропитание. Правда, я что-то не помню, чтоб у нас и впрямь водились деньги. Теперь о работе: в поле работаешь, как и все, а потом выполняешь партийные поручения. Итого, набирается шестнадцать, восемнадцать часов в день. Ешь, где придется. Ну, как, осилишь?

— Осилю!

Снова пальцы Нилсона забежали по столу.

— И учти: те, кому ты будешь стараться помочь, тебя же будут ненавидеть.

— Хорошо, учту.

— Так все-таки, почему ты решил вступить в партию?

Серые глаза полузакрылись, Джим сосредоточенно думал.

— В тюрьме были ваши партийные,— помолчав, заговорил он.— Вся моя жизнь — сплошная нескладуха. А вот у них — нет! У них есть какая-то цель. И я тоже хочу цель в жизни. Сейчас я чувствую себя так, будто уже умер. Вот и подумал: может, еще оживу?

Нилсон кивнул.

— Ясно. Ты прав. Теперь мне все ясно. В школе долго учился?

— За год до окончания бросил, пошел работать.

— А говоришь складно, как образованный.

Джим улыбнулся.

— Я много читал. Отцу это было не по душе. Говорил, я от своих отказываюсь. А я все равно читал и читал. А однажды в парке познакомился с каким-то парнем, так он мне целый список составил, что прочитать: и «Республику» Платона, и «Утопию», и Беллами¹, и Геродота, и Гиббона, и Маколея², и Карлайла³, и Прескотта⁴,

¹ Беллами, Эдвард (1850—1899) — американский писатель — утопист.

² Маколей, Томас Бабингтон (1800—1859) — английский историк, государственный деятель.

³ Карлайл, Томас (1795—1881) — шотландский литератор и историк.

⁴ Прескотт, Уильям Хиклинг (1796—1859) — американский историк.

и Спинозу, и Гегеля, и Канта, и Ницше, и Шопенгауэра. Даже «Капитал» настоятельно советовал. Про себя говорил, что свихнулся на книгах; ему хотелось только знания, веру он отвергал. И книги так подбирал, что они все в одну точку метили.

Гарри Нилсон заговорил не сразу.

— Пойми, почему мы так тщательно проверяем людей. Наказаний у нас только два: выговор да исключение. Я вижу, что тебе просто не вмоготу без партии. Я дам тебе рекомендацию, по-моему, ты неплохой парень. Но собрание может проголосовать и против.

— Спасибо.

— А теперь скажи-ка, твою фамилию кто-нибудь из родственников носит? Ведь они могут пострадать, если ты не сменишь имя.

— Только дядя, Теодор Нолан, механик. Но фамилия у меня очень распространенная.

— Да, пожалуй. Деньги у тебя какие есть?

— Доллара три наберется. Было больше, да на похороны потратил.

— Так, ну, а жить ты где будешь?

— Не знаю. Я все концы обрезал, все с нуля начать хочу, чтоб ничто о прошлом не напоминало.

Нилсон бросил взгляд на койку.

— Сам я здесь и живу. Ем, сплю, работаю — все в этой комнате. День-другой можешь переночевать на полу.

Джим довольно улыбнулся.

— Мне это в самый раз. Тюремные нары не мягче, чем пол.

— Обедал сегодня?

— Нет, голова другим была занята.

— Ты, небось, подумаешь, я на твои денежки зарюсь? — сердито бросил Нилсон. — Так вот, скажу прямо: у меня ни гроша. А у тебя целых три доллара.

— Да успокойтесь, — усмехнулся Джим, — хватит на воблу, сыр да хлеб. И на завтрашнее жаркое еще хватит. Я отлично мясо умею готовить.

Гарри Нилсон разлил по кружкам остатки кофе.

— Ну, вот, похоже, Джим, ты приходишь в себя. И вид совсем другой. Хоть пока ты и не представляешь, в какое дело ввязался. А рассказывать без толку, начнешь работать — поймешь сам.

Джим спокойно посмотрел на него.

— А известно ли вам такое: работаешь-работаешь, вроде повышение заслужил, и тут — раз, тебя увольняют

и берут новичка. Или: твердят тебе о преданности интересам фирмы, а преданность в том, чтоб шпионить за товарищами по работе. Чего уж там, мне терять нечего.

— Кроме ненависти,— спокойно подхватил Гарри.— Ничего, сам диву будешь даваться, когда пройдет эта ненависть к людям. Почему, и сам не знаю, только обычно ненависть проходит.

2

Назавтра Джим места себе не находил, волновался. Гарри Нилсон сочинял длинный доклад-рекомендацию и несколько раз досадливо напускался на Джима.

— Если не терпится, иди сам, один. Чего тебе меня-то дожидаться? Мне нужно доклад закончить. А хочешь — через час вместе пойдем.

— Я все думаю, сменить фамилию или не стоит. Ведь, если сменишь, сам-то прежним останешься, правда?

Нилсон снова склонился над бумагой.

— Вот дадут тебе срок-другой, насидишься в тюрьме, раз десять фамилию сменишь, тогда поймешь, что она не важнее номера.

Джим подошел к окну, выглянул на улицу. Напротив — кирпичная стена, ограждавшая маленький пустырь между домами. Ватага мальчишек возилась с мячом. Их гомон доносился даже сквозь закрытое окно.

— А мы в детстве обычно делились на команды,— сказал Джим.— Правда, больше дрались, чем играли. Интересно, теперешние мальчишки такие же драчуны?

— Конечно,— не отрываясь от писанины, ответил Гарри.— Я же часто в окно смотрю, вечно они там. И, конечно, дерутся.

— У меня и сестра сорванцом была,— продолжал вспоминать Джим.— Любому в команде по шее надавать могла. А шарики лучше нее никто не метал. Метров с четырех попадала, и это при том, что с нижнего замаха бросала.

Гарри поднял голову.

— Я и не знал, что у тебя есть сестра. А что с ней случилось?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Нет. Смешно сказать — хотя смешного-то в этом мало. Какое-то непонятное стечение обстоятельств.

— То есть как, ты не знаешь о ее судьбе? — Гарри даже отложил карандаш.

— Могу рассказать, как все было. Звали ее Мэй, годом старше меня. Спали мы на кухне, каждый на своей койке. Лет в четырнадцать Мэй завесила угол простыней, чтоб было где переодеваться. Кокетничать начала. Сидит, бывало, на крыльце с девчонками и, как мальчишки мимо идут, прыскает со смеху. Волосы у нее — ровно соломенные. Наверное, была недурна собой. Однажды я гонял с ребятами мяч на пустыре — там сейчас банк — прихожу домой, а мать и говорит: «Ты не видел на крыльце Мэй?» «Не видел», — говорю. Скоро и отец появился. И тоже: «Где Мэй?» — спрашивает. Мать говорит, не пришла еще. Любопытно, Гарри, как сейчас все в памяти оживает. Помню все: и кто что говорил, и кто как выглядел. Ужинать долго не садились, отец чернее тучи, подбородок у него выщелкнулся. «Подавай на стол, — кричит матери. — А Мэй совсем от рук отбилась. Думает, взрослая стала, так ее уж и выпороть нельзя». А у мамы глаза голубые-голубые, в ту минуту аж белыми сделались. Поужинали, отец у плиты уселся. А сам все больше ярится. Мать рядом села. Я лег спать. Вижу, мать чуток от отца отвернулась, губами шевелит. Небось, молится. Она католичка, а отец церковь не признавал. Сидит и все грозит, что он с Мэй шкуру спустит, когда она вернется. Часов в одиннадцать и они ушли в спальню, но свет на кухне оставили. И долго еще разговаривали, мне слышно было. Раза два ночью я просыпался, смотрю, а мать из спальни выглядывает. И глаза у нее — ровно камушки белые. — Джим отвернулся от окна, присел на кровать. Гарри карандашом ковырял стол. — Наутро проснулся, на дворе солнышко, а на кухне все свет горит. Свет посреди бела дня — на душе как-то одиноко делается. Вышла из спальни мать, разожгла плиту. Лицо застыло, взгляд остановился. Потом и отец вышел. Вид такой, будто его только что меж глаз двинули — точно пьяный. Ни слова не сказал. Только уходя на работу, бросил: «Загляну в полицейский участок. Может, ее задавило». Ну, я в школу, оттуда — прямо домой. Мать говорит, спроси девчонок, вдруг кто видел Мэй. А уж к тому времени все соседи знали, что Мэй пропала. Девчонки говорят, не видели Мэй. А сами со страху трясутся. Вернулся отец. Заходил по дороге домой в полицию, там записали приметы, сказали, что будут смотреть в оба. Тот вечер прошел, как и предыдущий. Отец с матерью сидели рядышком, только отец уже не кри-

чал и не ругался. Снова свет на ночь не выключали. На следующий день старик мой снова в полицию пошел. Они местных ребятишек опросили, прислали человека, он с матерью поговорил, заверил, что будут искать. Вот и все. Больше о Мэй мы не слышали.

Гарри ткнул карандашом и сломал.

— Может, она с кем из парней постарше гуляла, взяли да убежали.

— Не знаю. Подружки не стали бы скрывать.

— Ну, а как, по-твоему, что с ней могло приключиться?

— Понятия не имею. Исчезла, как сквозь землю провалилась. А через два года еще одна, Берта Райли, так же точно пропала.— Джим погладил ладонью подбородок.

— Может, мне показалось, но мать с той поры стала еще тише и незаметнее. Делала все, как машина, почти не разговаривала. Глаза какие-то тусклые, мертвые. А зато старик мой совсем взбесился. Где попало кулаки в ход пустил. Пошел работать, мастера избил. Три месяца в тюрьме отсидел.

Гарри выглянул в окно. Вдруг он положил карандаш и поднялся.

— Пошли. Отведу тебя сейчас, а то с тобой я так никогда доклад не напишу. Вернусь — dokonчу.

Джим подошел к батарее, снял две пары еще не просохших носков. Свернул, сунул в пакет.

— Высушу где-нибудь в другом месте,— решил он.

Гарри надел шляпу, сложил недописанный доклад, положил в карман.

— Здесь ничего не оставляю,— пояснил он.— Легавые сюда нет-нет да наведываются.— Вышел, запер дверь.

Они шли деловыми кварталами, потом жилыми районами. Дошли до старых особняков — каждый со своим двориком. Гарри свернул на одну из дорожек.

— Пришли. Вот за этим домом.

По гравийной тропке обогнули особняк, за ним оказался еще один — совсем маленький, свежеевыкрашенный. Гарри подошел к двери, поманил Джима.

В домике была лишь одна большая комната и кухонька. В комнате стояло шесть железных коек, заправленных солдатскими одеялами; на двух лежали люди, а третий — крупный мужчина с лицом боксера-интеллектуала — одним пальцем печатал что-то на машинке.

Он вскинул голову, когда Гарри открыл дверь, поднялся, шагнул навстречу.

— Привет, Гарри,— улыбнулся он.— С чем пришел?

— Вот, привел Джима Нолана,— объяснил Гарри — Помнишь? О нем позавчера речь шла. Познакомься, Джим, это Мак.

Мак снова улыбнулся.

— Очень приятно, Джим.

— Ты, Мак, за парнем присмотри. К делу пристрой. А я пошел, мне доклад дописывать.— Гарри обернулся, помахал рукой лежавшим.— До встречи, ребята.

Дверь за ним закрылась. Джим оглядел комнату: голые, дощатые стены; единственный стул подле пишущей машинки. На кухне, судя по запаху, готовили тушенку. Джим посмотрел на Мака: широкие плечи, длинные руки, широкоскулое, гладкощечное, как у шведа, лицо; губы сухие, потрескавшиеся. Он ответил Джиму не менее испытующим взглядом. Потом вдруг сказал:

— Жаль, что мы не собаки. Обнюхали бы друг друга, сразу б поняли — друг или враг. Гарри о тебе хорошо отзывался, а ему можно верить. Познакомься-ка с ребятами. Этот, с бледным лицом,— Дик, парень боевой, особенно с женщинами. От него и нам кое-что перепадает.

Бледный черноволосый парень на койке улыбнулся и приветственно помахал.

— Видишь, какой красавчик? — не унимался Мак.— Мы его зовем Дик-сердцеедик. Он дамам про рабочий класс рассказывает, а они ему — торты с розовой глазурью дарят. Верно, Дик?

— Да пошел ты к черту,— добродушно отмахнулся тот.

Мак взял Джима под руку и повернул к другой койке. Там лежал человек, возраст его определить было невозможно. Лицо — точно сушеная груша, нос расплюсчен, челюсть перекошена.

— Это — Джой,— представил Мак.— Он у нас ветеран, верно, Джой?

— Верняк! — отрезал Джой. В глазах у него вспыхнул огонек, но тут же потух. Голова дернулась, раз, другой, Он открыл было рот — видно, хотел что-то добавить,— но лишь повторил: — Верняк! — И сказал так убежденно, будто ставил точку в споре. Погладил одной рукой другую. Джим заметил, что руки у него в желваках и шрамах.

Мак пояснил:

— Джой руки не подает. У него все кости переломаны. И пожимать руку больно.

Вновь вспыхнул огонек в глазах у Джоя.

— А все почему? — хрипло выкрикнул Джой.— Потому что били меня, вот почему! Наручниками к столбу при-

цепили и давай по голове лупить! И лошадьми меня давили! — и совсем перейдя на вопль. — Живого места на мне нет, правда, а, Мак?

— Чистая правда, Джой.

— А все ж таки не согнули меня, нет? Меня били, я им в лицо «Суки вы!» кричал.

— Чистая правда, Джой. Помалкивай ты побольше, поменьше бы шишек схлопотал.

— Моими же руками в наручниках мне голову разбивали, и ногами топтали, и лошадям под копыта бросили. Вся рука, вон, переломана. А я все свое! — истошно вопил Джой. — Правда, Мак?

Мак нагнулся, похлопал его по плечу.

— Правда, Джой, правда. Тебя никто не в силах усмирить.

— Верняк! — кивнул Джой, и огонек в глазах потух.

— Иди-ка сюда, Джим, — Мак повел его в другой угол, где на маленьком столике стояла пишущая машинка.

— Печатать умеешь?

— С грехом пополам.

— Слава богу! Вот тебе и работа. — Мак перешел на шепот. — Ты Джою не удивляйся. Он чуток не в себе. Уж очень часто его по голове били. Мы его как можем поддерживаем, уберегаем.

— Мой старик такой же был, — сказал Джим. — Однажды нашел его на улице — кружит и кружит на одном месте. Я его чуть не за руку повел. Какая-то сволочь его по уху двинула кастетом. И у него, видно, нарушилась ориентация.

— Хорошо, теперь послушай, — прервал его Мак. — Вот письмо, здесь наши принципы изложены. В машинку пять листов заложено. А нам нужно двадцать экземпляров. Не хочешь заняться, пока я ужин сварганю?

— О чем речь! — согласился Джим.

— Бей посильнее, копирка старая, истертая. — Мак пошел на кухню и оттуда позвал. — Дик, давай-ка лук почисть, если, конечно, выдержишь.

Дик поднялся, аккуратно закатал рукава по локоть и пошел за Маком.

Едва Джим начал медленно и натужно печатать, как Джой слез с койки и подошел.

— Кто производит товары? — требовательно спросил он.

— Как кто? Рабочие! — ответил Джим.

Лицо у Джоя сделалось по-лисьи хитрым, многозначительным и заговорщицким.

— А кому достается прибыль?

— Тем, кто вложил в производство деньги.

Джой взорвался:

— Но ведь они ничего не производят! Какое право они имеют на прибыль?!

Из кухни выглянул Мак, подошел, держа в руках половник.

— Послушай-ка, Джой,— сказал он.— Наших ребят агитировать не надо. Господи, сколько ж времени мы тратим, друг друга в свою же веру обращая. Иди, Джой, ложись. Тебе отдохнуть не мешает. Джим сейчас занят. А вот закончит он, и я дам тебе надписать несколько конвертов.

— Правда, Мак? Ведь я им все сказал, верно, Мак? Они били, а я на своем стоял!

Мак осторожно взял его под руку, подвел к койке.

— Вот журнал свежий. Посмотри пока картинки, а я поесть приготавливаю.

Джим что есть мочи застучал на машинке. Напечатав текст четыре раза, он выложил двадцать экземпляров и, повернувшись к кухне, крикнул:

— Напечатал! Все готово, Мак.

Мак вошел, проверил несколько писем.

— Печатаешь ты здорово! Почти без помарок. Вот конверты — разложи письма. Поедим — напомним адреса.

Мак наполнил тарелки тушенкой и морковью с картошкой, присыпал кружочками лука. Все расселись по койкам и принялись есть. В комнате было сумрачно, Мак включил сильную лампочку без абажура, свисавшую с потолка посередине комнаты.

Когда все поели, Мак сходил на кухню и принес тарелку с кексами.

— Это тоже плоды работы Дика. Я же говорил, что он и женщин использует в политических целях. Этакая графиня Дюбарри¹ в мужском обличье. И не при дворе Людовика XV, а в нашей партии.

— Пошел к черту! — смутился Дик.

Мак взял с койки Джима запечатанные конверты.

— Всего двадцать штук. Каждый надписывает пять.— Он отодвинул тарелки в сторону, вытащил из ящика стола

¹ Д ю б а р р и, Мари (1743—1793) — любовница короля Людовика XV, политическая интриганка.

ручку и пузырек чернил. Достал из кармана список адресов, аккуратно подписал пять конвертов.— Теперь, Джим, твоя очередь. Тебе вот этот пяток.

— А зачем это нужно?

— Может, не очень уж это и важно, но так труднее догадаться, кто писал. Наши письма частенько вскрывают. Вот я и решил легавым жизнь чуток усложнить — адреса разными почерками написать и по разным почтовым ящикам рассовать. Береженого и бог бережет.

Пока Джой и Дик надписывали конверты, Джим убрал со стола, отнес тарелки на кухню, сложил в раковину.

Когда он вернулся в комнату, Мак наклеивал марки.

— Дик, ты с Джоем сегодня моешь посуду. Вчера мне одному пришлось. А я пойду письма отправлять. Хочешь, пойдем со мной, Джим.

— Хорошо,— согласился тот.— У меня остался доллар. Куплю кофе, вернемся — сварим.

Мак протянул руку.

— Кофе у нас есть. А доллар нам пригодится на марки.

Джим отдал ему деньги.

— Ну, все. Я — без гроша.— И последовал за Маком. Они шли по вечерней улице, высматривая почтовые ящики.

— А что, Джой и впрямь не в своем уме? — спросил Джим.

— Еще мягко сказано! Последний раз ему как никогда досталось. Завел он разговор с людьми в парикмахерской, а хозяин взял и позвонил в полицию. Ну, те скоры на расправу. Да Джоя голыми руками не возьмешь. Так они ему дубинкой по зубам заехали, челюсть сломали. Иначе не могли утихомирить. Забрали, посадили. Не знаю, как уж он умудрился со сломанной челюстью говорить, только, видать, он и доктора тюремного начал обрабатывать. Доктор наотрез отказался лечить «красную нечисть», и пролежал Джой без ухода и лечения трое суток. И с того дня у него еще больше завихрений. Упрячут его, думаю, мне, скоро в психушник. Немудрено: столько по голове колотили.

— Жаль беднягу,— проронил Джим.

Из пачки писем Мак выбрал надписанные разным почерком.

— Эх, если б Джой мог язык попридержать. Возьми Дика, к примеру. К нему не придерешься. А уж он-то боец не хуже Джоя, да только когда смысл в этом видит. Схватят его, к примеру, легавые, так он с ними по-вежливому,

обходительно этак, и — глядишь, они уж чуть не лучшие друзья. А у Джоя ума, что у бульдога.

У скверика на площади Линкольна они разыскали четвертый почтовый ящик, опустили последние письма и медленно пошли по брусчатой аллее. Клены уже начали сбрасывать листву. Скамейки были большей частью пустые. Зажглись фонари на высоких столбах, и на земле обрисовались силуэты деревьев. Почти в центре скверика стояла статуя бородатого мужчины во фраке.

— Вот на этот-то пьедестал меня и угораздило возвратиться, — показал Джим, — оттуда, думаю, лучше видно, что за толпа собралась. А легавый сзади подкрался и как муху меня шлепнул. Представляю, как Джою несладко бывает. Я только через неделю очухался, а то все мысли в голове кубарем катятся. Под самый мозжечок, стервец, меня саданул.

Мак свернул к скамейке и сел.

— Знаю. Читал в докладе Гарри. И только поэтому ты и хочешь вступить в партию?

— Не только. Со мной в тюрьме сидели еще пятеро — их тогда же замели — мексиканец, негр, еврей и двое таких же, как и я, беспородных американцев. Конечно, они мне кое-что рассказали. Но и это не главное. Я из книг больше, чем они, знаю. — Он подобрал кленовый лист и стал неторопливо ощипывать, оставляя лишь похожие на растопыренные пальцы прожилки на черешке. — Понимаешь, дома мы все время проводим в борьбе, чаще всего — с голодом. Мой старик боролся с предпринимателями, я боролся со школой. Но неизменно мы терпели поражение. И со временем, думается мне, у нас уже укоренилось чувство обреченности. Старик мой — словно драчливый кот, загнанный собаками в угол. Ясно, что рано или поздно собаки его загрызут. Но он все равно дрался. Разве это не безнадежная борьба? В такой-то безнадеге и рос.

— Дело ясное, — вздохнул Мак. — Миллионы людей живут так же.

Джим покрутил ощипанным листом, зажав черешок большим и указательным пальцем.

— Дело не только в этом, — продолжал Джим, — в нашем доме постоянно жила злоба. Как дым — не продохнешь; злились мы и на хозяев, и на полицейских, и на бакалейщика, что в кредит больше не давал. Аж наизнанку выворачивало от злобы, а поделать нечего.

— Ты суть говори, а то мне пока непонятно, — перебил его Мак. — Ты сам-то суть видишь?

Джим вскочил на ноги, повернулся к Маку, постукивая остатком листа о ладонь.

— К ней и веду: у нас в камере собрались пять человек, и выросли мы все примерно в одинаковых условиях, а кому еще и хуже пришлось. И в них во всех тоже кипела злорада, но злорада иная. Не на хозяина или бакалейщика, а на строй, породивший хозяев, — вот в чем разница. Совсем иная злорада. А еще, Мак, отличались они тем, что не было в них обреченности. Они спокойно делали свое дело, сознавая в глубине души, что рано или поздно они победят, найдут выход из тупика, которым для них наш строй обернулся. И знаешь, была в этих людях даже какая-то умиротворенность.

— Ты меня, что ли, уже агитировать начал? — усмехнулся Мак.

— Нет, я просто объясняю. Во мне никакой такой умиротворенности и надежды не было, а так хотелось узнать, почувствовать, что это. О движении левых я был начитан куда больше, чем те люди. Но читать — одно, а участвовать самому — другое, они работали, они познали покой и надежду — то, чего мне так хотелось.

Мак сердито бросил:

— Ну, напечатал ты сегодня несколько писем, и что, легче на душе?

Джим снова уселся на скамью.

— Мне с удовольствием работалось, — тихо сказал он. — Сам не знаю, почему. Может, потому, что увидел какую-то пользу. Какой-то смысл. Ведь раньше у меня вся жизнь была сплошной бессмыслицей. Меня ж возмущало, что и на этом кто-то наживает. Противно, конечно, — будто в мышеловке сидишь.

Мак вытянул ноги, сунул руки в карманы.

— Ну, что ж, если тебе удовольствие работать, то мы тебе этого удовольствия дадим предостаточно — смотри только от радости не умри. А научишься вырезать трафареты да управляться с мимеографом — обещаю тебе работы на двадцать часов в сутки. А если ты еще и противник наживы, то обещаю: за свою работу ты и гроша ломаного не получишь! — говорил Мак уже добродушно.

Джим спросил:

— А ты у тех ребят, ну, у Джоя с Диком, главный?

— Я? Нет, я, конечно, говорю им, что и как делать, но их никто не заставляет. Приказывать я не имею права. Все приказы — только после общего голосования.

— Ну, во всяком случае, к тебе, Мак, прислушивают-

ся. А мне бы поскорее к работагам, что на фермах спины гнут. Там себя в деле попробовать хочется.

Мак чуть заметно улыбнулся.

— Чего это тебя в ссылку потянуло? Я-то чин невелик, а вот комитету, по-моему, куда важнее сейчас такой человек, чтоб печатать умел. Ты всю романтику из головы выкинь: ах, какая благородная партия; ах, какое безобразное чудище — капитализм! — голос у Мака сделался резким и суровым. — Работа у нас повсюду. В поле — тяжело и опасно. Но и в нашей тихой заводи — не легче. Не угадаешь, сегодня ли, завтра ли в ночь зайвится куча ублюдков из Американского легиона¹, вдрызг пьяные, с барабанным боем, и тебя до полусмерти изобьют. Поверь мне, я это на своей шкуре испытал. Ведь для этих горе-ветеранов и армия-то лишь казарма да плац, где их полгода муштровали, заставляли штыком в мешок с опилками тыкать. Кто пороху понюхал, не чета этим молодчикам. Зато во всем подстрекательство да мятеж разглядеть, да громче всех о своем патриотизме кричать — лучше этих субчиков никто не справится. Уж они-то отстоят родину от пятерых парней, дай только ночку потемнее да виски побольше. А все их военные отличия — триппер от девок — да и то, потому что слишком пьяны были, чтоб в медпункте презервативы взять.

Джим усмехнулся.

— Не очень-то ты, Мак, солдат жалуешь, а?

— Я не жалую бывших штабных вояк. Сам я воевал во Франции. Солдаты — доброе, честное, глупое стадо. От этой стадности тошно, но славные были ребята. — Мак присмирел, воинственный пыл угас, Джим заметил, как он даже смущенно скривил губы.

— Чего-то я больно разошелся. Скажу лишь одно, Джим: есть на то причина. Однажды ночью такие вот храбрецы ворвались ко мне вдесятером и избили. Когда я уже упал и потерял сознание, они топтали меня, сломали правую руку. А потом подожгли дом моей матери, где все это происходило, хорошо, мать успела меня во двор вытащить.

— А из-за чего все вышло? — спросил Джим. — Что ж ты такого наделал?

Мак заговорил с прежней язвительностью.

— Я-то? Занимался «подрывной» антиправительственной деятельностью. Всего-то выступил с речью, сказал, что

¹ Американский легион — организация ветеранов войны, основана в 1919 году.

у нас есть голодающие.— Он поднялся.— Пойдем-ка, Джим, домой. Ребята, наверное, уже помыли посуду. Эх, и чего ради я завелся! Сломанная рука порой о себе напоминает, и я тогда сам не свой.

Они медленно двинулись по аллее. Сидевшие на скамейках подобрали ноги, чтобы не мешать Маку и Джиму.

— Если сможешь, замолви за меня словечко, скажи, чтоб меня к полевым рабочим послали, а, Мак? Вот было бы здорово.

— Ладно. Но ты все-таки учись вырезать трафареты и работать с мимеографом. Парень ты хороший; я рад, что ты с нами.

3

Джим сидел под ярким светом лампы и печатал письма. Иногда замирал и прислушивался, повернувшись к двери. В доме было тихо. Лишь на кухне шумел, закипая, чайник. Где-то далеко на улицах позванивали трамваи, доносились шаги прохожих, это лишь подчеркивало тишину в доме. Джим взглянул на будильник — его повесили на гвоздь в стене, — встал, прошел на кухню, помешал варено, убавил газ: над конфорками остались лишь маленькие голубые язычки.

Вернулся в комнату, подошел к машинке и услышал быстрые шаги по гравиевой дорожке. В комнату буквально ворвался Дик.

— Мак еще не приходил?

— Нет, — ответил Джим. — Ни Мака, ни Джоя нет. Ну, как, собрал сколько-нибудь сегодня?

— Двадцать долларов.

— Ну, молодчага. И как тебе удастся. Целый месяц будет на что кормиться, если Мак не накупит на все деньги марок. Не напасешься на него.

— Никак это Мак! — крикнул Дик.

— Или Джой.

— Нет, только не Джой.

Дверь отворилась, и вошел Мак.

— Привет, Джим! Привет, Дик! Ну, как наши сторонники? Много дали денег?

— Двадцать долларов.

— Молодец!

— Слышь, Мак, а Джой сегодня снова учудил.

— Что еще?

— Завел речугу на перекрестке, подходит к нему поли-

цейский, а Джой его возьми да ткни в плечо перочинным ножом. Посадили, конечно, «преднамеренное покушение на жизнь» в протоколе записали. И сейчас сидит за решеткой, орет, ругает всех на чем свет стоит.

— Мне и показалось, что утром он особо не в себе был. Вот что, Дик. Завтра мне отсюда уезжать, да и сегодня еще дел полно. Сбегай-ка позвони Джорджу Кемпу, Оттман, 4211. Расскажи ему, в чем дело, что Джой — тронутый. Попроси его приехать, и пусть ведет дело Джоя. У того чего только нет: шесть подстрекательств к мятежу, двадцать, а то и все тридцать задержаний за бродяжничество; раз десять оказывал сопротивление представителям властей, а сколько раз он привлекался за хулиганство. Если Джордж не вмешается, нашему Джою не миновать каторги. Пусть Джордж упирает на то, что Джой — алкоголик, может, и выпустят. — Он помолчал. — Господи, если врачи доберутся до Джоя, бедняге конец. Пусть Джордж велит Джою помалкивать. Управишься с этим, Дик, снова обойди наших сторонников, попробуй собрать денег, вдруг Джоя выпустят под залог.

— А можно мне сперва поесть? — спросил Дик.

— Нет, сперва свяжись с Джорджем. Теперь дай мне десять долларов из тех двадцати. Завтра мы с Джимом едем в долину Торгас. Позвонишь Джорджу, вернешься, тогда и поешь. И сразу же иди по домам наших доброхотов. Дай бог, Джордж успеет сегодня вечером подготовить бумаги в суд.

— Ну, я пошел, — буркнул Дик и поспешно вышел. Мак повернулся к Джиму.

— Сдается мне, упрячут беднягу Джоя до конца его дней. Уж больно далеко зашел. Раньше нож в дело он не пускал.

Джим кивнул на стопку отпечатанных писем.

— Я почти закончил, Мак. Еще три штуки осталось. Куда, говоришь, мы поедем?

— В долину Торгас. Там тысячи акров яблоневых садов, урожай ждет богатый. Тысячи две бродяг-работяг соберутся. А Ассоциация садовладельцев уже объявила, что снижает сборщикам расценки. Это, конечно, удар ниже пояса. Если нам удастся поднять там бучу, не будет спокойной жизни и в Тандейле, где хлопок собирают. А это уже немало! Такого шороха можно навести! — он принялся. — Слушай-ка, а пахнет вкусно. Готово уже?

— Сейчас принесу. — Джим сходил на кухню и вернулся с двумя мисками: до половины в них был налит суп,

в середине островком — ломтики мяса, картофеля и моркови, репы, целые луковицы, исходившие паром.

Мак поставил миску на стол, попробовал.

— Ух ты! Горячо! Так вот, Джим, я держусь того, что новичков нельзя посылать туда, где беспокойно. Неопытные, много промашек. Можно прочитать тома по теории и тактике борьбы, а толку — шиш. Но мне вспомнились твои слова, тогда, в парке, и когда я получил это задание, — а задание, надо сказать, отличное, — то попросил, нельзя ли и тебя с собой взять, ну, вроде как дублера. Понял мою мысль? Я всему научу тебя, а ты потом будешь учить новеньких. Так обучают охотничьих собак: пускают молодых вместе со старыми. Увидишь все своими глазами, поймешь куда больше, чем из книг. Тебе доводилось бывать в долине Торгас?

Джим подул на картофелину.

— Я даже не знаю, где она, эта долина. Я за всю жизнь из города всего раз пять выезжал. Спасибо, Мак, что берешь меня с собой, — и маленькие серые глазки заблестели от волнения.

— Подожди, вот попадем там в переделку, ты ж еще мне и в глаза наплюешь. Учти, не на прогулку едем. Ассоциация садовладельцев — организация сплоченная.

Джим, наконец, перестал хватать обжигающие куски.

— Как же к ним подступиться? С чего начать? А, Мак?

Мак взглянул на парня, увидел, как тот возбужден, и рассмеялся.

— Понятия не имею, Джим. Вот в том-то и беда теории! Нам придется на ходу ориентироваться, каждую возможность обращать на пользу дела. Потому-то и не помогут нам никакие книжные тактики. В нашем деле каждый случай особый. — Он замолчал, сосредоточившись на еде, даже изо рта при выдохе шел пар. — А можно добавку, Джим? Я как волк голодный.

Джим сходил на кухню и снова наполнил тарелку Мака.

Тот продолжал:

— Картинка такова: Торгас — маленькая долина, утопает в яблоневых садах. Сады эти в большинстве принадлежат кучке воротил. Есть, конечно, и маленькие хозяйства, но их раз-два и обчелся. Яблоки поспели, сезонщики подались туда урожаем собирать. А дальше они через перевал — на юг, на хлопковые поля. Сладится у нас на яблоках, и на хлопке тогда дадим хозяевам прикурить. А хозя-

ева садов поступили так; дождались, пока к ним съехались сезонщики, потратив на дорогу последние гроши, разумеется. И объявили, что расценки в этом году низкие. Ну, наши голодранцы, допустим, повозмущались, а делать-то нечего, нужно работать, чтоб хоть на обратную дорогу наскрести.

Джим так и не притронулся к еде, лишь задумчивоковырял ложкой мясо с картошкой.

— Значит, мы должны убедить сборщиков начать забастовку? Верно я понимаю? — он подался вперед.

— Верно, может, и убеждать никого не придется, может, терпение у них на пределе и нужна лишь самая малость. Тогда останется их организовать, выставить пикеты во всех садах.

— Ну, а если хозяева повысят плату, лишь бы собрать урожай?

Мак оттолкнул тарелку — он управился и с добавкой.

— Не беспокойся, очень скоро сыщется для нас другое дело. Да и на черта нам лишь временные уступки хозяев? Приятно, конечно, что кто-то из бедолаг хоть прилично зарабатывает. Но мы замахиваемся на большее. Короткая мирная забастовка не сплотит людей, не научит действовать заодно. А вот тяжелая, изнурительная — научит. Нужно, чтобы люди осознали свои силы, когда они вместе.

— Ну, хорошо, — не унимался Джим, — а если хозяева все-таки удовлетворят их требования?

— Вряд ли. Заправляет всем в Торгасе маленькая кучка, и наглости у них хоть отбавляй. Стоит нам начать забастовку, как тут же власти округа объявят все собрания и сходки вне закона. А дальше вот что: мы все-таки собираем ребят, появляется шериф со своими людьми, старается всех разогнать, завязывается драка. Драка сплавивает лучше всего. Тогда хозяева организуют комитет «бдительных»: туда лезут всякие расфуфыренные дурачки-чиновники да мои давнишние знакомцы из Американского легиона — молодящиеся бодрячки, затянутся ремнем так, что ни охнуть, ни вздохнуть, и думают, что пузо спрятали. Ну, так вот. «Бдительные» постреливать начнут. Убьют кого из наших работяг — все на похороны выйдем, а уж потом всерьез возьмемся за дело. Может, им даже войска вызывать придется, — от волнения Мак задышал тяжело, прерывисто. — Вот это заварушка! С войсками нам, конечно, тягаться нечего! Но зато всякий раз, как солдат насадит на штык нашего парня, тысяча таких же работяг по

всей стране перейдут на нашу сторону. Только подумать! Будет здорово, если войска вызовут! — Он плюхнулся на койку. — Впрочем, что толку сейчас гадать. Наше дело маленькое: поднять парней на забастовку. Но, представляешь, Джим, если на усмирение вызовут части Национальной гвардии! И это сейчас, когда пора урожай собирать! Да мы тогда к весне весь округ на свою сторону перетянем!

Джим сидел на койке, напряжась, стиснув зубы. Глаза у него горели. Слушая, он несколько раз беспокойно поглаживал горло. А Мак продолжал:

— Придурки! Думают, солдатней можно задушить забастовку! — он даже рассмеялся. — Ну, я как оратор заговорил, только трибуны не хватает. Разошелся я, а это худо. Надо ясную голову сохранять. Да, чуть не забыл. Джим, а у тебя есть джинсы?

— Нет. Этот костюм — вот и вся моя одежда.

— Ладно, придется купить в лавке, где поношенным торгуют. Ведь ты едешь яблоки собирать. Ночевать придется в лагере, что наши бродяги-работяги разобьют. Десять часов в саду повкалываешь — и за партийную работу принимайся. Ты о таком, помнится, сам мечтал.

— Спасибо, Мак. Мой старик всю жизнь боролся в одиночку, оттого и бывал бит всякий раз.

Мак встал, подошел к Джиму.

— Заканчивай письма и пойдем тебе джинсы покупать.

4

Солнце едва выглянуло из-за домов, а Джим с Маком уже были на железнодорожной станции. Блестящие в лучах восхода махины сцеплялись, расцеплялись, расходились на запасные ветки, в сортировочный парк, где уже ожидали своей очереди длинные вереницы вагонов.

— В семь тридцать должен отправиться порожний товарняк, — сказал Мак. — Пойдем-ка поищем. — И заспешил меж запасных веток туда, где они выходили на основной путь.

— Будем садиться на ходу? — спросил Джим.

— Да он еще скорости не наберет. Я и забыл совсем, ведь ты на ходу в поезд ни разу не прыгал?

Джим зашагал пошире, стараясь наступать не на каждую шпалу, а через одну, однако не получилось.

— Я еще многого в жизни ни разу не делал, почти все мне в новинку, — признался он.

— Ничего, это пустяки. Сейчас проехать зайцем нетрудно. Не то что раньше. Проводники вылавливали и выбрасывали бродяг на полном ходу.

Подле путей громоздилась черная водокачка, водомерный кран торчал сбоку, точно гусак с вытянутой шеей. Лабиринт рельсов остался позади. Впереди — лишь до блеска отполированный главный путь.

— Посидим, обождем, — предложил Мак. — С минуты на минуту должен показаться. — Не успел он договорить, как послышался долгий, тоскливый гудок, и медленно задышал, запыхтел, выпуская пары, близящийся поезд. Джим и Мак поднялись с обочины, неспешно потянулись.

— Попутчики, наверное, будут, — определил Мак.

Из депо выполз длинный состав: красные товарные, желтые вагоны-холодильники, черные угольные вагоны, круглобокие цистерны. Состав двигался медленно, едва ли не шагом догнать можно. Машинист помахал им черной, промасленной рукавицей.

— За город собрались? — крикнул он и нарочно выпустил из-под колес паровоза струю пара.

Мак предупредил Джима.

— Прыгаем в товарняк. Вон в тот, там дверь приоткрыта. — Поравнявшись с вагоном, он на бегу толкнул дверь. — Помоги! — крикнул он.

Джим нажал на железную рукоятку, навалился всем телом. Дверь заскрежетала и отошла примерно на метр. Мак ухватился за порог, оттолкнулся от земли, перевернулся и приземлился на корточки на вагонный пол. Тут же вскочил на ноги, отступил от двери, и Джим последовал его примеру. На полу валялись обрывки обоев со стен. Мак сгреб их в кучу, подвинул к стене.

— Получше всякой подушки, — крикнул он Джиму. — Устраивайся так же.

Но Джим не успел. В дверном проеме обозначилась голова еще одного «зайца». Он влез в вагон, за ним — еще двое. Первый пошнырял глазами по полу и подошел к Маку.

— Никак, все себе забрал?

— Что — все? — словно не понимая, переспросил Мак.

— Бумагу! Все подчистил!

Мак изобразил добродушнейшую улыбку.

— Мы ж не знали, что к нам гости пожалуют. — Он поднялся. — Бери, сколько надо.

Мужчина вначале стоял и, разинув рот, глядел на Мака, потом сгреб всю бумагу.

Мак легонько тронул его за плечо.

— Вот что, клади-ка все на место,— ровным голосом сказал он.— Раз ты такая свинья, ни шиша не получишь.

Пришлый бросил бумагу на пол.

— Может, ты меня еще и прибьешь?

Мак ловко отступил, напружил ноги, руки свободно повисли по бокам.

— Ты когда-нибудь в Розанне ходил на стадион бокс смотреть? — спросил он.

— Ходил, ну и что?

— Врешь ты, как сивый мерин,— бросил Мак.— Если б ходил, запомнил бы меня и не лез бы на рожон.

На лице мужчины проглянула неуверенность. Он смущенно покосился на своих спутников — один стоял у двери и глядел на мелькавшие поля и сады. Второй уголком шейного платка сосредоточенно ковырял в носу и внимательно осматривал свой «улов». Спорщик снова перевел взгляд на Мака.

— А я и не лезу,— сказал он.— Просто хотел немного бумаги для подстилки взять.

Мак расслабил ноги.

— Ну что ж, бери. Только и мне оставь.

Мужчина взял на этот раз едва ли больше пригоршни.

— Да что ты, возьми побольше!

— Ничего, нам ехать недолго.— Он устроился подле двери, обхватил руками колени, положил на них голову.

Кончились железнодорожные блок-посты, и поезд набрал скорость. Стук колес гулко отдавался в пустом вагоне. Джим встал, подошел к двери, открыл пошире — пусть утреннее солнце заглянет к ним — и сел, свесив ноги. Засмотрелся на бегущую землю, закружилась голова. Подняв голову, он увидел поле, желтеющее стерней. Воздух напоен терпким ароматом и запахом паровозного дыма, который сегодня казался даже приятным.

Через минуту рядом сел Мак.

— Смотри не вывались,— крикнул он.— Знавал я одного, засмотрелся под ноги, голова закружилась, он и упал прямо лицом вниз.

Джим повел рукой — за рядами молодых эвкалиптов промелькнул красный амбар и белый фермерский дом.

— А там, куда мы едем, так же красиво?

— Еще красивее. На много миль окрест одни яблони, и все усыпаны, буквально усыпаны, яблоками. Прямо ветви ломаются, а в городе за каждое яблочко пятак плати!

— Я и сам не знаю, Мак, почему я раньше так редко за городом бывал. Удивительно: тянуло уехать, а не уезжал. Раз, еще в детстве, какая-то масонская организация устроила нам, ребятишкам, пикник, и на грузовиках человек пятьсот вывезли за город. Целый день гуляли. Там росли высокие деревья. А я, как взобрался на верхушку, так весь день и просидел. Думал: выпадет минутка свободная, буду сюда ездить. Да так и не съездил.

Мак прервал его.

— Поднимайся. Дверь нужно закрыть. К Уилсону приближаемся. Нечего зря дразнить станционную полицию.

Они потянули вдвоем, и дверь поддалась. В вагоне стало темно и душно, задрожали стены; все реже и реже стучат колеса на стыках рельсов — поезд замедлил ход, подъезжая к городку. Трое попутчиков поднялись на ноги.

— Нам вылезать,— бросил их старший и приоткрыл дверь. Его спутники проворно выскользнули из вагона, а сам он повернулся к Маку.— Ты, приятель, надеюсь, не в обиде.

— Ну, о чем ты!

— Бывай здоров! — и, выпрыгнув из вагона, прокричал: — Чтоб тебе пусто было, сукин сын!

Мак лишь рассмеялся и прикрыл дверь. Вскоре поезд снова стал набирать скорость, колеса застучали чаще. Мак пошире открыл дверь и уселся на солнце.

— Мозгляк паршивый! — сплюнул он.

— А ты и впрямь боксер, Мак? — спросил Джим.

— Куда там! С этим-то пара пустяков — его только припугни! Он думал, я сам ему с перепугу бумагу предложил. Конечно, нет правил без исключений, только чаще всего, если парень старается тебя напугать, то он сам трус.— И он обратил массивное добродушное лицо к Джиму.— Удивительно, почему-то, как с тобой заговорю, либо в ораторство ударюсь, либо наставлять начинаю.

— Да брось, Мак. Мне все на пользу.

— Дай бог, если так. Значит, выходим в Уивере и пересаживаемся на восточное направление. Километров сто ехать еще. Повезет, так ночью уже в Торгас приедем.— Он вытащил кисет, свернул самокрутку, прикрыв ее от встречного ветра.— Может, закуришь, Джим?

— Спасибо, не курю.

— Да, видно, пороки тебе незнакомы. Пить не пьешь, с девочками не гуляешь.

— Сейчас нет. Раньше, бывало, по пьяной лавочке, к шлюхам наведывался. Не поверишь, Мак, но с юных лет

я девчонок сторонился. Наверное, боялся, что быстро захомутают.

— Небось, красавчиком слыл?

— Не в том дело, просто у всех моих приятелей жизнь не сложилась. Уж где они только девчонок не пялили: и за афишными тумбами, и на складах, среди каких-нибудь досок. Рано или поздно у подружки пузо появляется и... одним словом, Мак, я боялся, что попаду в такую же мышеловку, как отец с матерью: двухкомнатная квартирка, деревянное отопление. Как перед богом клянусь, роскошь мне не нужна, просто не хотелось лямку тянуть, как дружки. Утром идут — в руках жестянка с обедом: кусок полусырого пирога да термос со вчерашним кофе.

— Ну, что ж, не хотел тянуть лямку, зато сейчас жизнь у тебя слаще сахара. Подожди, достанется еще тебе на орехи, вот только дело закончим.

— Сейчас совсем другое. Шибанут раз по зубам — это не беда. Главное, чтоб не заела до смерти унылая жизнь. Разница большая.

— Но не настолько, чтоб глаз всю дорогу не смыкать. Да и про шлюх слушать — удовольствие невеликое. — Мак зевнул, поднялся, собрал в кучу бумагу, улегся и быстро заснул.

А Джим еще долго сидел в дверном проеме, смотрел, как мимо бегут фермерские домики, поля, засаженные капустой, свеклой; грядки салата, моркови, с похожей на папоротник ботвой. Меж свекольных грядок блестела вода. Вот промелькнули поля люцерны, просторные здания молочных ферм, в нос ударил запах навоза. Потом поезд пошел меж холмами, и солнце скрылось. Чуть поодаль от насыпи на крутых склонах рос папоротник, ярко зеленели дубки. Ритмичный перестук колес убаюкал и Джима. Поначалу он сопротивлялся, мотал головой; хотелось увидеть как можно больше. Но, наконец, встал, прикрыл дверь и улегся на свою бумажную подстилку. Уснул он враз — словно провалился в ревущую бездонную черноту и, казалось, проспал целую вечность.

Мак едва растолкал его.

— Нам пора! — крикнул он.

Джим ошалело сел.

— Господи, неужто сотню километров уже отмахали?

— Почти что. Видать, и тебя стук да шум сморили. Я тоже в товарняке сразу спать заваливаюсь. Ну, как, проснулся? Еще пару минут — и пойдет медленнее.

Джим сдавил гудящую голову руками.

— Будто врезали крепко!

Мак распахнул дверь и крикнул:

— Прыгай по ходу поезда! И как прыгнешь, не останавливайся, вперед! — и исчез. Джим прыгнул следом.

Солнце было в зените, почти прямо над головой. Впереди, в тени садов, теснились домики. Поезд уходил все дальше, а Мак с Джимом задержались на путях.

— Здесь одна ветка уходит в сторону и пересекается с той, которая нам нужна, — к долине Торгас. Городком не пойдем. Полями напрямик и — к перекрестку путей.

Мак, а следом и Джим перебрались через ограду из колючей проволоки, пересекли поле со жнивьем, вышли на грунтовую дорогу. Оставили в стороне городок и через полмили вышли к железнодорожному разъезду.

Мак сел на железнодорожную платформу, кивнул Джиму — присаживайся!

— Здесь место хорошее. Поезда часто ходят. Может, и ждать долго не придется.

Он скатал бурую самокрутку,

— Тебе теперь тоже без курева не обойтись. Очень общению помогает. Со сколькими людьми переговорить придется. Предложишь человеку закурить или сам попросишь, он сразу сердцем потеплеет. А предложит тебе кто сигаретку, а ты откажешься — словно в душу плюнешь. Так что давай-ка закуривай.

— Попробую, пожалуй, — решил Джим. — Я ведь только в детстве баловался. Отвык, небось затошнит.

— Держи, я тебе уже скрутил.

Джим взял самокрутку, затянулся.

— А ничего вроде. Я уж и вкус позабыл.

— Если и не понравится, все одно — для дела польза. На таких мелочах у наших ребят вся работа держится... Никак, поезд идет. — Мак встал. — И, похоже, товарный.

Поезд медленно полз по пути.

— Надо ж! — воскликнул Мак. — Восемьдесят седьмой! Наш! А мне в городе говорили, что он на юг идет. Видно, кое-какие вагоны отцепил и — на восток.

— Давай отыщем вагон, в котором ехали. Мне в нем понравилось.

Состав поравнялся с ними, Мак и Джим вскочили в вагон, и Мак сразу же улегся на прежнее место.

— Могли б спать и никуда не вылезать!

Джим снова устроился подле двери. Поезд натужно полз меж круглыми холмами, попались даже два коротких

туннеля. Во рту у Джима еще оставался привкус табака, приятный привкус. Он порылся в кармане куртки.

— Слышь, Мак!

— Что?

— Я вчера две шоколадки купил.

Мак взял одну, развернул.

— Ну, ты, видать, в любой революции пригодишься.

Через час Джима снова стало клонить ко сну. Он неохотно закрыл дверь, забрался на бумажное ложе, и его тотчас же поглотила черная ревушая бездна. Потом его понесло в каком-то потоке, среди щепок, обломков. И самого тащило куда-то вниз, вниз, где кончался сон.

Он проснулся — Мак тряс его за плечо.

— Ты б, наверное, неделю дрыхнул, дай тебе только волю! Больше двенадцати часов сегодня проспал.

Джим потер глаза.

— Опять голова гудит!

— Ну-ка побыстрее просыпайся! Уже к Торгасу подъезжаем!

— Ну и ну! Который час?

— Около полуночи, должно быть. Ну, вот и приехали. Готов?

— Конечно.

— Пошел!

Поезд медленно потащился дальше. Впереди за красным глазком семафора виднелась станция. Дежурный махал фонарем. Справа тусклые лампочки на столбах скупо освещали городскую улочку, отбрасывая в ночное небо белесые ореолы. В воздухе похолодало.

— Есть хочется. Какие будут соображения на этот счет, Мак? — полюбопытствовал Джим.

— Подожди, сейчас на свет выйдем, посмотрим, кто-то у меня в списке значится.— И он скрылся во тьме. Джим чуть не вприпрыжку поспешил следом. Они вышли на городскую окраину, и на углу, под фонарем, Мак остановился, вытащил листок бумаги.

— Это славный городок, Джим. Здесь нас поддерживают человек пятьдесят. Есть на кого положиться, выручат в трудную минуту. Ага, вот кто мне нужен. Альфред Андерсон, меж Четвертой и Пятой улицами, держит передвижное кафе. Ну, что скажешь?

— А что это за список?

— Список тех, кого мы считаем сочувствующими. С помощью этого списка мы все, что хочешь, раздобудем, от вязаных носков до ружейных патронов. А фургончик Альфа

открыт всю ночь напролет. Пойдем, это я возьму на себя.

Скоро они свернули на главную улицу, прошли ею почти до конца, там попадались пустые лавки, дома стояли не так кучно. Передвижное кафе Альфа оказалось уютным фургончиком, в оконцах — красное витражное стекло, задвижная дверь. У стойки на табуретах расположились двое, за стойкой суетился полный молодой человек, голые руки массивны и белы.

— Эти двое не засидятся, — на чашку кофе с пирожным забежали, — определил Мак. — Подождем, пусть уйдут.

Они задержались у входа, и тут появился полицейский, стал приглядываться.

Мак нарочито громко сказал:

— Давай сначала по куску пирога съедим, а уж потом домой пойдем.

Джим понял с полуслова.

— Не хочу я пирога, у меня глаза слипаются, пошли домой.

Полицейский прошел мимо. Казалось, он даже принохивается.

Мак негромко произнес:

— Небось, думает, что мы решили эту забегаловку обчистить, да никак с духом не соберемся.

Полицейский развернулся и зашагал к ним.

Мак заговорил громче:

— Как хочешь, можешь идти домой, а я кусочек пирога перехвачу, — и, поднявшись по ступенькам, открыл дверь.

Хозяин улыбнулся.

— Добрый вечер, ребята. Никак похолодало на улице, а?

— Точно, — бросил Мак и прошел к дальнему от двоих посетителей концу стойки. По лицу Альфа пробежала догадливая тень.

— Вот что, ребята, если вам нечем платить, я угощу вас кофе с булочкой. Только, чур, не ловчить; наедитесь за мой счет, а потом скажете: валяй, мол, зови полицию. У меня дармоеды прямо в печенках сидят.

Мак усмехнулся.

— Кофе с булочкой — лучше и не придумать, Альфред.

Хозяин подозрительно покосился на него, снял высокий поварской колпак и почесал затылок.

Двое посетителей допили кофе.

— А что, Альф, ты всегда бродяг кормишь? — спросил один.

— Господи, да как иначе-то? Не откажешь ведь бедолаге в чашке кофе морозной ночью из-за того, что у него паршивого пятака нет.

Посетитель хмыкнул.

— А двадцать чашек кофе — это уже доллар. Ты так по миру скоро пойдешь. Ну, что, Уилл, в путь? — они поднялись, расплатились и вышли.

Альф выбрался из-за стойки, проводил их, плотно задвинул дверь, затем вернулся на привычное место и с таинственным видом наклонился к Маку.

— Кто вы, ребята?

Рукава у него были закатаны по локоть, руки белые, движения спокойные: он размеренно и непрерывно вытирал стойку тряпкой.

Мак подмигнул и ответил ему как настоящий заговорщик:

— Нас из города с заданием прислали.

От волнения щеки у Альфа вспыхнули.

— Я как вас увидел, именно так и подумал. А как вы догадались ко мне прийти?

— Ты по-доброму встречал наших людей, мы такого не забываем.

Альф гордо улыбнулся, будто его награждали, а не выманивали обед.

— Вы, ребята, поди и не ели сегодня толком. Дайте-ка я вам котлеты по-гамбургски приготовлю.

— Великолепно! — Мак не заставил себя упрашивать. — Мы и впрямь как волки голодные.

Альф подошел к холодильнику, достал две пригоршни фарша, проворно скатал котлеты, мазнул сковородку на газовой горелке маслом и бросил котлеты. Сверху посыпал мелко нарезанным луком. Тут же в кафе вкусно пахло.

— Э, прямо хоть сам на сковородку прыгай!

Масло зашипело, лук сделался золотистым. Альф снова перегнулся через стойку.

— А что у вас здесь за дело?

— Да в ваших краях больно много красивых яблок уродилось.

Альф выпрямился, упершись в стойку толстыми руками, в маленьких глазках мелькнула догадка.

— Так-так, ясно. Понял, — таинственно произнес он.

— Не пора ли переворачивать? — подсказал Мак.

Альф перевернул котлеты, прижал лопаточкой. Собрал рассыпавшийся лук, положил на котлеты сверху, примял.

Каждое движение нарочито замедленно, словно Альф погрузился в раздумья — так раздумчиво смотрят порой коровы.

— У моего старика тоже есть сад и клочок земли. Надеюсь, вы ему вреда не причините? Ведь я к вам по-доброму отношусь.

— Конечно, по-доброму, — согласился Мак. — Мелкие фермеры не пострадают. Передай отцу: мы его не тронем. А пустит к себе погостить, так мы весь урожай ему соберем.

— Спасибо. Я с ним поговорю. — Альф положил котлеты на тарелки, добавил картофельного пюре, примял сверху и в ложбинки плеснул бежевой подливки.

Мак и Джим с жадностью набросились на еду, запили все кофе, кусочками хлеба собрали с тарелок остатки, а Альф вновь наполнил их чашки.

— Обед на славу! — воскликнул Джим. — Я прямо умирал с голоду.

— Угощение — что надо, — подхватил Мак, — ты, Альф, славный парень.

— Не будь у меня этого кафе и не владей мой старик землей, я б, ребята, с вами пошел. Ведь стоит кому узнать, кого я привечаю, разнесут мой фургончик в щепы!

— Ну, от нас-то никто ничего не узнает, — заверил Мак.

— Не сомневаюсь, ребята.

— А много ли уже сборщиков появилось сюда?

— Да уж порядком. Многие у меня столуются. У меня за четвертак — отличный обед: суп, мясо, два вида овощей, хлеб, масло, пирог, две чашки кофе — и за все двадцать пять центов. Прибыль, конечно, грошовая, зато и продавать удастся больше.

— Молодец, — похвалил Мак, — а не называли ребята кого-нибудь из своих вожаков?

— Вожakov?

— Ну, кто-то же должен их направлять.

— Ага, понял, — кивнул Альф. — Нет, что-то не припоминаю.

— А где вся братия околачивается?

Альф потер жирный подбородок.

— Я-то знаю об их двух лагерях. Один — вдоль шоссе, другой — у реки. Там в ивняке бродяги испокон веков лагерь разбивали.

— То, что нужно. Как туда добраться?

Альф ткнул толстым пальцем.

— На перекрестке свернете, дойдете до окраины, увидите реку и мост. Чуть влево — тропинка в ивняке. Метров четыреста пройдете — там и лагерь. А вот сколько у них народу, сказать не берусь.

Мак поднялся, надел шляпу.

— Хороший ты парень, Альф. Нам пора. Спасибо, что накормил.

— У моего старика есть сарай с койкой, на тот случай, если надумаете у него переночевать, — предложил Альф.

— Не получится, Альф. Нам нужно дело делать, а значит, быть среди людей.

— Наведывайтесь, всегда подкормлю, только время выбирайте, как сегодня, — чтоб посетителей не было.

— Спасибо еще раз. Все ясно, непременно заглянем.

Мак пропустил Джима вперед и закрыл за собой дверь. Спустившись с крылечка, они пошли по указанной улице. На углу из подъезда вдруг вынырнул полицейский.

— Что задумали? Говорите! — рявкнул он.

Джим от неожиданности отпрянул, а Мак спокойно остановился.

— Мы, начальник, простые работяги. А задумали вот яблоки пособирать.

— Что ночью здесь делаете?

— Да мы прямо с поезда, на товарняке прикатили.

— И куда идете?

— К реке, вроде там ребята расположились.

Полицейский точно врос в землю.

— Деньги есть?

— Вы же видели, мы в кафе расплачивались. Мы не какие-то там бродяги-побирушки.

Полицейский наконец отошел в сторону.

— Проваливайте, да поживее, и чтоб по ночам не шастать по городу!

— Слушаемся, начальник.

И они спешно отошли.

— Ну и любезничал ты с ним, — удивился Джим.

— А почему б и не полюбезничать? Вот тебе первый урок: не спорь с легавым, тем более ночью. Получи мы сейчас по месяцу тюрьмы за бродяжничество, славно бы дело обернулось, а?

Они поплотнее запахнули легкие хлопчатые куртки и прибавили шаг. Все меньше и меньше фонарей попадалось им на улицах.

— А с чего ты думаешь начинать? — спросил Джим.

— Не знаю пока. Нужно каждую возможность использовать. Начинаем мы обычно с того, что разрабатываем план в целом, а частности определяются сообразно условиям. Нужно каждой зацепкой пользоваться. Иначе ничего не выйдет. Придем, посмотрим, какая там обстановка.

Джим зашагал шире и энергичнее.

— Мак, доверь мне настоящее дело. Не хочу всю жизнь быть на подхвате.

Мак рассмеялся.

— Подожди, еще надоест. Так надоест, что назад в город запросишься, где по восемь часов в день работают.

— Вряд ли, Мак. Сейчас мне как никогда хорошо. Прямо, того и гляди, лопну от радости. Разве у тебя не так?

— Изредка. Обычно я так занят, что некогда в своей душе копаться.

Стали попадаться ветхие дома, сварочные мастерские, стоянки старых автомашин, свалка их разрозненных и искалеченных частей. Фонари освещали черные окна брошенных домов; от кустов, переходящих в подлесок, бежали тени. Холодало. Джим и Мак пошли еще быстрее.

— Вон, по-моему, фонари у моста, с каждой стороны по три, видишь? — показал Джим.

— Вижу. От моста, кажется, налево свернуть?

— Да, налево.

Мост о двух пролетах перекрывал узенькую речушку, сейчас, летом она превратилась в маленький грязный ручеек, змеящийся по песчаному руслу.

Взяв от ската моста влево, Джим и Мак обнаружили вскоре бегущую по самой кромке старого русла тропу, она вводила в ивняк. Мак шел первым. Через минуту они окунулись в кромешную тьму, спереди, сзади и по бокам их обступили густые ивовые заросли. Лишь изредка над головой меж веток проглядывало вечернее небо, справа по самому берегу темной стеной высились тополя.

— Не вижу я тропы, — посетовал Мак. — Придется наощупь пробираться. — И медленно, осторожно шагнул вперед. — Джим, подними руки, чтоб ветками глаза не выколоть.

— Уже чуть не выколол. По губам только что хлестнуло.

Некоторое время шли молча, старательно держась утоптанной тропы.

— Дымом пахло. — заметил Джим. — Считай, добрались.

Вдруг Мак остановился.

— А вот и огоньки впереди. Значит, так, как и прежде, разговор завожу я.

— Идет.

Тропинка неожиданно вывела на большую поляну, посередине горел костер. На другом краю виднелись три грязные, некогда белые палатки. В одной горел свет и по стенам бродили огромные черные тени. На поляне было человек пятьдесят: кто спал прямо на земле, завернувшись в одеяло, кто сидел вокруг костра. Не успели Джим с Макком выйти на поляну, как услышали короткий вскрик из освещенной палатки. И сразу задергались, закопошились тени на брезентовой стене.

— Может, кто заболел, — тихо сказал Мак. — Но считай, что мы ничего не слышали. Очень неразумно совать нос не в свое дело.

Они подошли к костру, подле которого, обхватив колени руками, сидели в кружок мужчины.

— Можно ли к вам присоединиться? — спросил Мак. — Или ваше общество только для избранных?

Несколько небритых лиц повернулись к нему, в глазах бусинками отражалось пламя костра. Один из мужчин подвинулся.

— Садись, земли всем хватит.

Мак только крякнул.

— Может, где и хватит, да только не в моих краях.

Заговорил худолицый, освещенный костром мужчина, сидевший по другую сторону.

— Ты, брат, попал в замечательное место. Здесь всего хватает — жратвы, выпивки, автомобилей, домов. Присаживайся, у нас роскошный ужин.

Мак присел на корточки, кивнул и Джиму — садись. Вытащил кисет, аккуратно свернул изящную самокрутку. Затем, будто спохватившись, предложил:

— Ну, что, капиталисты, кому курить охота?

К нему потянулись несколько рук. Кисет пошел по кругу.

— Только что приехал? — спросил худолицый.

— Именно. Дай, думаю, пособираю яблочек, да обратно — свои миллионы считать.

Худолицый зло выкрикнул:

— А знаешь, сколько нам платить будут? Пятнадцать центов! Пятнадцать, чтоб им подавиться, собакам!

— А сколько ты, собственно, хочешь? — воскликнул Мак. — Имей совесть, парень! Или у тебя хватит наглости заявлять, что тебе, видите ли, хочется есть? Яблоки соби-

раешь, вот их и жуй. Они такие вкусные, красивые! — Тон его вдруг ужесточился. — А что, если мы эти яблоки не станем собирать?

Худолицый так и взвился.

— Придется! Никуда не денешься! Все до последнего гроша на дорогу сюда потратили!

— Не станем мы собирать, другие охотники найдутся!

— А если мы этих охотников — в шею? — крикнул Мак.

Люди у костра насторожились.

— Так ты чего ж... бастовать предлагаешь? — спросил худолицый.

Мак рассмеялся.

— Ничего я не предлагаю.

Коротышка, сидевший опершись подбородком о колени, сказал:

— Лондона чуть удар не хватил, когда сообщили, сколько платить будут. — И повернулся к соседу: — Ты, Джо, видел его. Правда, ведь его чуть удар не хватил?

— Аж позеленел весь, — подтвердил тот, — стоит, молчит, а сам весь зеленый. И деревяшку, что в руке держал, всю раскрошил.

Кисет наконец вернулся к владельцу, Мак помял его, убедился, что табаку осталось кот наплакал и сунул в карман.

— А кто такой Лондон?

Ответил ему худолицый.

— Лондон — мужик что надо, голова! Мы с ним всегда ездим. Что и говорить — голова!

— За старшего у вас?

— Да нет, просто хороший мужик. Мы с ним ездим. Послушал бы ты, как он с легавыми держится. Он...

Снова из палатки раздался крик, на этот раз долгий. Все повернули головы, потом снова безразлично уставились на огонь.

— Болеет, что ли, кто? — спросил Мак.

— Невестка Лондона рожает.

— Да, не самое удачное место для родов. А врач-то есть? — поинтересовался Мак.

— Откуда! Где ж его возьмешь?

— А почему ее в окружную больницу не свезут?

Худолицый глумливо бросил:

— Как же! Будут они цацкаться с бродягами залетными! В больнице нет мест. Вечно она забита до отказа. Будто сам не знаешь.

— Я-то знаю,— вздохнул Мак.— Видно, и тебе это не в новинку.

Джим поежился, подобрал ивовый прутик, сунул его в костер, прутик сначала задымил, потом заиграл пламенем. Мак протянул в темноте руку и незаметно пожал руку Джима. А вслух спросил:

— А есть там, с ними, кто в родах кумекает?

— Старуха одна,— ответил худолицый; вопрос показался ему странным, и взгляд сделался подозрительным.— А тебе-то что?

— Я кое-что в этом смыслю,— ответил Мак.— Учился немного. Мог бы сейчас помочь.

— Ну, так иди к Лондону! — Худолицему, видно, не хотелось самому принимать никакого решения.— А нам не след о нем языком трепать.

Мак словно бы и не заметил подозрительности собеседника.

— Пожалуй, и впрямь надо сходить.— Он поднялся.— Пойдем со мной, Джим. Где он, в той палатке, где свет?

— Да, там.

Сидевшие у костра проводили Мака и Джима внимательными взглядами, потом снова засмотрелись на костер. Двое друзей шли поляной, старательно обходя кучи тряпья — под ними спали люди.

Мак прошептал.

— Ну и повезло же нам! Если в грязь лицом не ударю, считай, что начали мы удачно.

— Я не совсем понимаю... Даже не знал, что ты медицине учился.

— Да никто на белом свете этого не знал! — усмехнулся Мак. Они подошли к палатке: за подсвеченной брезентовой стеной суетились черные силуэты людей. Мак встал у входа и позвал:

— Лондон!

Почти мгновенно взлетел палаточный полог и вышел высокий мужчина. В плечах не обхватить. Жесткие черные волосы обрамляли похожую на тонзуру лысину на макушке. По лицу пролегли волевые морщины; черные, налитые кровью, как у гориллы, глаза смотрели свирепо. Угадывалась в этом человеке властность. Вести за собой людей для него столь же естественно, как и дышать. Выйдя, он опустил за собой полог.

— Что нужно? — сказал — точно отрезал.

— Мы только что приехали,— объяснил Мак.— Ребята у костра говорят, здесь роженица.

«И ПРОИГРАЛИ БОЙ»

«И ПРОИГРАЛИ БОЙ»

— Ну и что с того?

— Вот я и подумал, может, чем помочь, раз у вас доктора нет.

Лондон приоткрыл полог — полоска света упала на лицо Маку.

— Ну, и чем ты можешь помочь?

— Я работал в больницах. Доводилось и роды принимать. Так почему б и сейчас не попробовать.

— Заходите, — уже спокойнее сказал великан. — Хоть старуха здесь и вертится, она, по-моему, малость чокнутая. Заходите, сами все увидите.

В палатке было тесно и душно. На блюде горела свеча. Посреди палатки стояла самодельная печурка — ее смастерили из керосинового бака, — рядом сидела сморщенная старуха; в углу стоял бледный парень. У дальней стены на земле разложен матрац, на нем лежала молодая женщина, лицо у нее побелело, по нему грязными ручейками стекал пот, волосы растрепались. Все трое разом взглянули на вновь пришедших. Старуха отвела взгляд и уставилась на раскаленную печку, поскребла ногтями ладонь.

Лондон подошел к матрацу, опустился на колени. Роженица перевела взгляд с Мака на свекра. Тот сказал:

— Теперь у нас есть доктор. Больше опасаться нечего.

Мак взглянул на молодую женщину и подмигнул: лицо у нее застыло от страха.

Парень подошел к Маку, тронул его за плечо.

— Все будет в порядке, док?

— Конечно, она у тебя молодец. — Мак повернулся к старухе. — А ты повитуха, что ли?

Та, продолжая скрести морщинистые ладони, лишь бессмысленно посмотрела на него и не ответила.

— Я спрашиваю: ты повитуха? — прокричал Мак.

— Нет, но раза два детей принимать доводилось.

Мак взял ее руку, поднес поближе к свече: ногти длинные, неровные, грязные, кожа серая с синевой.

— И они, конечно, родились мертвыми. Нужно много чистых тряпок, у вас что-нибудь есть?

Старуха показала на кучу газет.

— У Лизы схватки пока два раза только были, — проскрипела она. — А подтереть и газетами можно.

Лондон подался вперед, рот приоткрылся от напряженного внимания — он испытующе глядел Маку в лицо. В неярком свете тускло поблескивала лысина.

— У Лизы схватки два раза были, последний раз только что, — повторил он старухины слова.

Мак молча кивнул ему на палаточный полог и вышел, следом — Лондон и Джим.

— Слушайте, а вы видели ее руки? — спросил Мак. — Ребенок-то, может, и выживет, а снохе вашей ничего не светит. Давай-ка от старухи избавимся.

— А роды ты, что ли, будешь принимать? — набычился Лондон.

Чуть помолчав, Мак сказал:

— Я приму. Джим кое в чем поможет. Но его помощи мне мало.

— Ладно, я помогу, — сказал Лондон.

— И этого мало. Из ребят никто не подсобит?

Лондон усмехнулся.

— Коли позову — помогут, как же иначе?

— Так позови, — попросил Мак, — не тяни резину.

Он, а следом и Мак с Джимом, подошли к маленькому костру, вокруг которого сидели притихшие люди; они тут же подняли головы.

Худолицый кивнул:

— Привет, Лондон.

Тот громко заговорил:

— Послушайте-ка, ребята, что вам док скажет.

Подошли еще несколько человек, заслышав голос своего вожака, однако лица у них оставались безучастными.

Мак откашлялся.

— У Лондона тут невестка сейчас рожает. Он хотел ее в местную больницу определить, но ему отказали. Мест, говорят, нет, да еще и бродягами вшивыми нас всех обзвали. Что ж, помощи от них не дождешься. Придется самим управляться.

Люди вокруг посуровели, сдвинулись плотнее вокруг костра, безразличие отступало. А Мак продолжал:

— Мне случалось в больнице работать, так что сейчас я кое в чем помогу, но и ваша помощь, ребята, тоже нужна. Своих бросать нельзя.

Худолицый поднялся на ноги.

— Дело говоришь. В чем наша помощь?

В отблесках костра на лице Мака заиграла довольная, торжествующая улыбка.

— Молодцы, ребята! Понимаете, что такое сплоченность. Во-первых, поставьте греть воду, достаньте белое тряпье, прокипятите. Где и как будете доставать — дело ваше. — Он указал на троих: — Ты, ты и ты — разожгите большой костер, раздобудьте два больших котла. Поищите литров на пятнадцать — двадцать. Остальным — собирать

тряпье. Все сгодится: носовые платки, старые рубашки, все, что угодно, лишь бы белое. Когда вода закипит, бросьте тряпье в котел и полчаса кипятите. А пока мне нужен чайник горячей воды, да поскорее.

Люди вокруг засуетились, забегали. Мак прибавил: — И вот еще что. Нужна лампа, хорошая лампа. Хоть из-под земли мне ее достаньте. Не дадут — украдите. Без света не обойтись.

Как быстро все переменялось! Безразличия у людей как не бывало. Растолкали спящих, объяснили, что делать, зарядили всеобщим возбуждением; работалось всем в охотку. Быстро разложили костры, поставили четыре котла с водой, насобирали тряпье. Каждый хотел пособить. Один даже снял майку и бросил в котел, а рубашку надел на голое тело. Вдруг всем сделалось хорошо, люди смеялись, обменивались шутками-прибаутками, подбрасывая в костры тополиные ветви.

Джим стоял подле Мака и наблюдал за людьми.

— А мне что делать? — спросил он.

— Пошли со мной. Поможешь мне там, в палатке.

Тут же из палатки донесся вскрик. Мак протянул Джиму пузырек и на ходу бросил:

— Вот таблетки: бросишь по четыре штуки в каждый котел, остальные вернешь мне, потом набери ведро горячей воды — и бегом ко мне!

Мак поспешил в палатку, а Джим, разбросав таблетки по котлам, зачерпнул из одного ведро воды и пошел следом за Маком. Старуха, чтобы не мешать, забилась в угол. Она все чесала ладони и с подозрением глядела, как Мак опустил две таблетки в горячую воду и окунул руки.

— Руки у нас должны быть чистыми, — пояснил он.

— А что это за таблетки?

— Двухлористая ртуть. Всегда при себе ношу. Вымойка и ты, Джим, руки, а потом принеси еще воды.

Снаружи раздался голос:

— Док, вот лампы!

Мак поднял полотно: ему передали большую керосиновую лампу и газовый фонарь.

— Какому-то бедняге фермеру утром придется впотьмах коров доить, — усмехнулся Мак, прибавил давления в фонаре, включил, газокалильная сетка засветилась ярким белым светом, в фонаре мерно зашипело. А снаружи доносились голоса, треск сучьев для костров.

Мак установил фонарь рядом с матрацем.

— Все будет в наилучшем виде, Лиза, — подбодрил он

роженицу и стал осторожно снимать с нее грязное стеганое одеяло. Лондон и бледный парень не сводили с него глаз. Лиза вцепилась в край одеяла, стесняясь своей наготы.

— Ну, ну, мне же нужно тебя подготовить, — хотя Мак и говорил как мог убедительно, женщина не отпускала одеяла.

Подошел Лондон.

— Делай, что тебе говорят, — только и сказал он.

Лиза испуганно взглянула на него и разжала пальцы. Мак закатал одеяло ей на грудь, начал освобождать ее от исподнего.

— Джим, — попросил он, — принеси-ка тряпицу и мыло.

Джим вернулся с тряпичей, от которой еще шел пар, и с тоненьким обмылком. Мак обмыл роженице ноги, живот. Делал он все очень осторожно, и мало-помалу Лиза успокаивалась.

Принесли еще прокипяченных тряпок. Но начались роды лишь к рассвету. Раз палатку крепко тряхнуло. Мак оглянулся.

— Эй, Лондон, твоему парню дурно. Вынеси-ка его на свежий воздух.

Вконец смутившись, Лондон взвалил своего худосочного сына на плечи и вышел.

Вот показалась голова младенца. Мак осторожно подвел под нее руку. Лиза, обессилев, лишь застонала, и ее мучения кончились. Мак перерезал пуповину прокипяченным перочинным ножом. Сквозь брезентовую стену уже проникли первые солнечные лучи, а фонарь в изголовье все шипел и шипел. Мак обмыл маленькое, сморщенное тельце, потом дочиста отмыл руки старухе и лишь после этого передал ей новорожденного. Через час вышел послед, и Мак вновь бережно обмыл Лизу.

— Ну, а теперь все тряпье — вон и в костер! — скавал он Лондону.

— Даже то, что не пригодилось? — удивился тот.

— Да, все тряпки до единой. Больше они не нужны. — Мак устало оглядел палатку. Старуха держала запеленутого младенца. Лиза лежала, закрыв глаза, и дышала ровно. — Пойдем, Джим. И нам выспаться не грех.

На поляне еще спали. Солнце позолотило макушки ив. Мак с Джимом нашли ямку под кустом и улеглись.

— У меня словно песок в глазах, — сказал Джим. — Устал, видать. А я и не знал, Мак, что ты в больнице работал.

Мак подложил руки под голову.

— И не думал там работать.

— А где же ты научился роды принимать?

— Да нигде не учился, не видел даже ни разу, как рожают. Знал только, что чистота кругом не помешает. Слава Богу, все обошлось. Случись что не так — нам крышка! Старуха куда больше моего в таких делах смыслит. Да она и сама все прекрасно поняла.

— Но ты так уверенно действовал!

— Еще бы! Нужда заставила. Мы же должны каждую возможность использовать. Сейчас нам повезло. Что ж нам, от своей удачи бежать? Конечно, девчонке помогли — это тоже неплохо, но и случись с ней что, главное — чтоб мы не упустили возможность. — Он повернулся на бок, подперев щеку рукой. — Хоть устал как собака, зато на душе легко. Мы за ночь завоевали и доверие Лондона, и доверие мужиков. Да еще и поработать их заставили, они ж работали ради себя, отстаивали свои интересы, и работали сплоченно. Для этого-то мы сюда и приехали — научить их бороться сообща, а не просто выклянчить себе за работу лишний грош. Да ты и сам это понимаешь.

— Понимать-то я понимал, — ответил Джим, — но не представлял, с какого конца за дело браться.

— А правило у нас только одно: по обстоятельствам использовать любую возможность. Посторонних средств — оружия или солдат — у нас нет. Сегодня удачная ночь: возможность представилась — лучше не сыскать, да и мы лицом в грязь не ударили. Лондон теперь наш. Он прирожденный вожак. А куда вести — мы подскажем, особо стараться, думаю, и не придется. А вести людей должен всегда один из них. Мы лишь растолкуем Лондону, что и как делать, а действовать вожаки должны сами. Лондона мы уже сейчас обучать всем премудростям начнем, а он это учение до остальных донесет. Вот увидишь, о прошедшей ночи все в округе знать будут сегодня же. Ну, что ж, первый блин у нас отнюдь не комом. Конечно, потом нас могут за решетку упрятать, дескать, занимаетесь врачебной практикой без разрешения. Но люди за нас горой встанут.

— А как получилось, что все они вдруг так слаженно, так дружно заработали — прямо как часы, да и с охотой. Ведь ты им и сказал-то всего пару слов, а им все было в радость.

— А как же иначе? Людям нравится работать плечом к плечу. У них в этом потребность. Знаешь, десять человек могут поднять в двенадцать раз больше, чем один. Чтоб

их зажечь, нужна только искорка. Конечно, они недоверчивы, почти всякий раз, когда им предлагают делать что-то сообща, плоды их труда присваивает другой. Но взгляни на них, когда они работают на себя. Сегодня как раз такой случай, они старались не ради хозяина. Потому-то все у них и ладилось.

Джим заметил:

— Но тебе ведь так и не пригодились все тряпки. Зачем же ты велел Лондону их сжечь?

— Неужто не понимаешь? Каждый, кто хоть малую толику дал, признавал, что дает на общее дело, на его дело. Потому что ребенок этот появился на свет стараниями каждого. И отдай я кому тряпки, значит, его помощь не пригодилась, значит, обошлись без него. Они пожертвовали чем-то, оторвали что-то от себя — и нет вернее способа объединить людей, нацелить их на общее дело.

— А сегодня будем работать? — спросил Джим.

— Нет, пусть сначала весь лагерь узнает о том, что произошло ночью. А к завтрашнему дню это станет уже легендой. Вот и подождем до завтра. А сейчас нужно отоспаться. О лучшем заделе мы и мечтать не могли.

Шелестели ивы у них над головами, изредка роняя листья.

— Не помню уж, когда так уставал, — признался Джим, — а душа радуется.

Мак приоткрыл глаза.

— Ты держишься молодцом. Толк из тебя выйдет. Хорошо, что ты со мной поехал. Ты здорово помог мне ночью. А сейчас закрывай-ка глаза, хватит разговаривать, пора спать.

5

Полуденное солнце, обзрев верхушки яблонь, заглянуло под тяжелые кроны, раскидало косые лучи, отпечаталось светлыми полосами и пятнами на темной земле. Яблони, разделенные широкими междурядьями, выстроились в длинные, сливающиеся на горизонте шеренги. В огромном саду кипела работа. К яблоням приставлены длинные лестницы, меж рядами — штабеля новеньких желтых ящиков. Издали доносился скрежет сортировочных конвейеров да перестук молотков. Сборщики с большими ведрами на веревках через плечо проворно взбирались по лестницам, осторожно снимали крупные яблоки с веток, наполняли ведра доверху, так же проворно спускались, высыпали яблоки в ящик. Меж рядами деревьев разъезжали грузови-

ки, на них погружали полные ящики и отправляли на сортировку и упаковку. Подле каждой кучки ящиков стоял учетчик и помечал в блокноте, кто сколько ведер набрал. Яблони словно ожили: качали ветвями, напрягаясь под тяжелыми лестницами; сбрасывали переспелые плоды, и они глухо стукались о землю. Соловьем разливался какой-то свистун-виртуоз, скрытый от глаз кроной.

Джим быстро спустился с лестницы, подтащил ведро к ящикам, высыпал яблоки. Молодой русоголовый учетчик в белых джинсах пометил в блокноте, кивнул и предупредил:

— Аккуратнее яблоки вываливай, а то мякушки остаются.

— Ладно,— бросил на ходу Джим, при каждом шаге он поддавал ведро коленкой. Взобрался на дерево, повесил ведро на крепкую ветвь. И тут заметил еще одного сборщика, тот стоял на толстом суку и тянулся к ветке, на которой росло много яблок. Под тяжестью Джима дерево качнулось, и сборщик посмотрел вниз.

— Привет! А я, парень, и не знал, что ты на этом дереве собираешь.— Говоривший оказался тщедушным стариком с редкой, замусоленной бородашкой. На руках голубыми жгутами проступали вены. Ноги — точно спички — ровные и худые, не под стать огромным тяжелым башмакам.

— Да какая разница, кто где собирает,— ответил Джим.— Только мне кажется, ты не по годам резвый — ишь, точно обезьяна по веткам скачешь.

Старик сплюнул и внимательным взглядом проводил плевков. Водянистые голубые глаза зло заблестели.

— Мало ли, что тебе кажется! Вы, сопляки, все уже списать меня готовы. Да я вас еще за пояс заткну, за день больше яблок соберу, заруби себе на носу!

Он нарочито напружил ноги, дотянулся-таки до ветки с яблоками, обломил ее, снял яблоки, а ветку презрительно швырнул на землю.

— Эй, поосторожней там, яблонь не ломать! — крикнул снизу учетчик.

Старик лишь недобро оскалился, выставив большие, как у суслика, передние зубы,— по два сверху и снизу.

— Ишь, деловой какой! — пробурчал он.

— Студент, небось,— сказал Джим.— Куда ни сунься, непременно на студентов наткнешься.

Старик присел на толстый сук.

— А много ль они знают? Учатся-учатся в колледжах,

а толку — чуть. В блокноте чиркать умеет, а так — дурак дураком.

— Зато нос задирать мастера, — поддержал его Джим.

— Взять хотя бы нас, — продолжал старик, — может, мозгов у нас и впрямь маловато, зато что умеем — делаем исправно.

Джим попытался сыграть на достоинстве старика, так часто делал в беседах Мак.

— Ну, ты, к примеру, до семидесяти лет дожил, а только и умеешь, что по деревьям лазать. А я так даже в блокноте чиркать или белые штаны носить и то не дорос.

Старик взъярился.

— Волосатой лапы у нас нет! Без нее легкой работенки не видать! Потому-то и ездят на нас все, что лапы у нас нет.

— Ну и что же, по-твоему, делать?

И враз, словно выпустили из старика воздух, поник он. Пропала ярость. Взгляд сделался нерешительным, даже испуганным.

— А Бог его знает. Мириться — вот и все. Нас, как стадо свиней, гоняет пужда по всей стране, и такой вот молодчик студент еще и пинка даст!

— Он-то не виноват. Работа такая. Хочешь место сохранить — работай как велели.

Старик ухватил еще одну ветку с яблоками, споровисто обобрал ее и осторожно сложил яблоки в ведро.

— В молодости еще думал: можно что-то изменить, а сейчас мне уж семьдесят один, — устало вздохнул он.

Проехал грузовик с ящиками яблок.

Старик продолжал:

— Я на севере лес валил, а тут эти ИРМовцы¹ такого шороха навели! Я лесоруб что надо, лучше не сыскать. Да и сейчас, видишь, еще неплохо с деревьями управляюсь. А тогда надежд у меня было — хоть отбавляй. Конечно, ИРМовцы и хорошего кое-что сделали: до них, например, сортиров не было, только ямы понарыты; помыться негде было. Но плетью обуха не перешибешь. Построили нам и туалеты, и души, да только все потом прахом пошло, — рука старика безотчетно потянулась к следующей ветке. — Вступал я в профсоюзы, как же! Бывало, выберем председателя, не успеешь оглянуться,

¹ Члены профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира», сокращенно «ИРМ».

а он уж задницу хозяевам готов лизать, и начхать ему на наши интересы. Мы, знай, платим взносы, а казначей нас же еще и ругает. Не знаю, может, вы, молодые да ранние, лучше понимаете, что к чему. А мы что смогли, то и сделали.

— А сейчас, значит, готовы хозяевам уступить? — Джим в упор взглянул на старика.

Тот устроился поудобнее на толстом суку, держась лишь одной рукой, пальцы у него были большие, но костлявые.

— Нутром чувствую: что-то будет. Ты, небось, скажешь, что я совсем рехнулся, уж если раньше все хорошо продумывалось, и то без толку, чего же теперь ждать. И все ж я что-то нутром чую.

— Так что чуешь-то?

— Сразу и не скажешь. Знаешь, когда вода закипает, рябь идет, пузырьки. Вот и сейчас что-то вроде. Я ведь с бродягами-сезонниками бок о бок всю жизнь проработал. И сейчас вижу: задумки у них никакой. Просто само по себе все, как вода закипает. — Глаза у него затуманились. Он вскинул голову, так что разгладились складки кожи на дряблой шее. — Просто мы слишком долго голодали, слишком долго нами хозяева помыкали. Объяснить не берусь, а вот нутром чую.

— Так что ж это? — снова спросил Джим.

— Злоба! — выкрикнул старик. — Вот что! Знаешь ведь, как перед дракой сначала кровь в голову ударит, аж жарко станет, потом вроде как под ложечкой засосет, и внутри все задрожит. Вот и сейчас так же. Только не в одном человеке, а в целом миллионе. И этот миллион — как один великан, его и бьют, и голодом морят, и вот он приготовился к драке, и внутри аж все дрожит. Сами парни еще не понимают, что происходит, но лопнет у нашего великана терпение, и ни один в стороне не останется. Даже подумать страшно. Они всем глотки перегрызут, сожрут с потрохами. — Старик покачнулся и вцепился обеими руками в ветку. — Нутром чую, закипает-закипает вода. И так бывало повсюду.

— Но ведь нужно все продумать. — Джима даже бросило в дрожь от волнения. — Составить план и направить людей, чтоб на пользу им вышло.

Старик, похоже, выдохся после столь пламенной речи.

— Когда великан начнет все крушить, никакими планами его не сдержать — будет бросаться на все и, вся и рвать на части. Уж больно изголодался да и лиха натер-

пелся. А хуже всего то, что уж очень долго его унижали как могли.

— Но если найдется несколько предусмотрительных людей и они все же составят план...— не унимался Джим.

— Надеюсь, не доживу до этого дня,— покачал головой старик.— Они ведь друг другу горло перегрызут, перебьют друг друга. И не останется ни людей, ни сил, и все пойдет по-старому. Глаза б мои всего этого не видели, умереть бы до этого дня. Вы, сосунки, еще на что-то надеетесь.— И он полез с полным ведром вниз.— А у меня уже надежды никакой. Ну-ка, уйди с дороги. Болтовней много не заработаешь, пусть студенты языки чешут.

Джим переступил с лестницы на ветку и пропустил старика. Тот высыпал яблоки, и направился к другому дереву. Все так же шуршали конвейеры в сортировочной и стучали молотки. А по шоссе проносились грузовики. Джим взял полное ведро, отнес к ящикам. Учетчик снова сделал пометку в блокноте.

— Будешь баклуши бить — много не заработаешь, еще нам задолжаешь,— предупредил он.

Джим покраснел, набычился.

— Занимайся-ка лучше своей писаниной,— буркнул он.

— Ишь, какой сердитый!

Джим взял себя в руки и смущенно улыбнулся.

— Что-то устал я с непривычки,— примирительно сказал он.

Русоголовый усмехнулся.

— Известное дело, намаешься, так на всякого лаять станешь. Ты б на дерево залез да там и устроил перекур.

— Так и сделаю,— и Джим направился к яблоне. Поднявшись, повесил ведро на ветку и принялся собирать яблоки. А вслух произнес:

— Вот и я, как цепной пес, злой стал. Нельзя так. Хватит того, что отец в злобе жил.

Работал он теперь не спеша, каждое движение стало расчетливым и выверенным, как у машины. Солнце уже клонилось к закату, вот почти скрылось, лишь на верхушках деревьев догорали последние блики. Далеко в городке прозвучал гудок. Но Джим все работал и работал. Уже смеркалось, когда наконец остановился конвейер и учетчики объявили:

— Кончай работу! На сегодня все!

Джим спустился на землю, высыпал последнее ведро, поставил его в ряд с другими. Учетчик записал общее количество, подвел итоги. Сборщики некоторое время еще не

расходились, сворачивали самокрутки, негромко переговаривались. Потом не спеша пошли по яблонево́й аллее к дороге, за которой их ждал кров.

Впереди Джим увидел старика, прибавил шагу, догнал его. Шагал старик тяжело, худые ноги сгибались плохо.

— А, опять ты,— узнал он Джима.

— Не пойди ли вместе, думаю.

— Да кто ж тебе мешает? — старик, очевидно, был доволен.

— Родные-то у тебя здесь есть?

— Родные-то? Нет.

— Так если ты один-одинешенек, прилепился бы к какой богадельне, пусть местные власти тебя поят-кормят.

Старик ответил с холодным презрением.

— Я деревья валил, мне равных не было. Ты, сосунок, и леса-то, поди, не видел. Все равно ничего не поймешь. До моих лет никто из лесорубов не дотягивал. Такие, как ты, слабаки, в обморок падали, лишь глядя, как я работаю. А здесь по этим паршивым яблоням лазай! И богадельня не по мне! Я всю жизнь в опасности работал. Я на тридцатиметровой высоте был, и веткой мне сорвало спасательный пояс. Работал с ребятами, а их возьми, да деревом придави — только мокрое место осталось. А ты меня в богадельню! «Дан, иди похлебку есть!», и я хлебушек покрошу, и рад стариковской тюре. Да я скорее с яблони вниз головой прыгну! Я, брат, деревья валил.

Они медленно шли садом. Джим снял шапку, взял в руку.

— Ну, и что твоя работа дала? Состарился ты, тебя и выбросили.

Дан крепко, до боли, ухватил Джима за локоть.

— Давала мне работа немало, ох немало. Бывало, залезу на самую что ни на есть верхотуру, и душа радуется: ведь у хозяев моих кишка тонка сюда залезть. А я — наверху, и смотрю вниз, все такое маленькое, и люди — ровно муравьи, а я тут — наверху, во весь свой рост. Так что работа мне много давала.

— А наживались на ней другие,— вставил Джим.— Они разбогатели, а тебя — коленкой под зад, когда сил поубавилось.

— Ну и что. Да, уволили. Так я и впрямь уже сдавать начал. А впрочем, мне на них плевать.

Впереди обозначился приземистый беленый сарай метров пятьдесят в длину — его поставили хозяева для сбор-

щиков — двери и квадратики окон каждые десять метров. Кое-какие двери открыты, свет ламп и свечей падал на землю. Кое-кто сидел на пороге, вглядываясь в густеющие сумерки. Перед сараем торчала водопроводная колонка, вокруг собрался народ, каждый по очереди набирал в пригоршню воды, ополаскивал лицо, волосы, оттирал руки. Женщины наполняли ведра, котелки. У полутемного дома сновали детишки, непоседливые и озорные. Доносились обрывки вялого разговора — люди устали. Мужчины возвращались из сада, женщины — с сортировки и упаковки. Впритык к северному углу барака стоял магазин, окна его сейчас ярко горели. Там продавались в кредит по рабочим талонам продукты, одежда. У входа выстроилась очередь. А из магазина гуськом выходили мужчины и женщины с консервными банками, буханками хлеба.

Джим и Дан подошли к бараку.

— А вот и конура,— сказал Джим.— Тебе б не помешало старуху под боком иметь, чтоб хоть готовила.

— Схожу-ка я, пожалуй, в магазин, куплю банку фасоли. Вот дураки: платят по семнадцать центов за фунт. А сушеной фасоли за те же деньги можно целых четыре фунта купить. А сваришь — так, почитай, ее в два раза больше станет.

— А что ж ты сам тогда в банках фасоль покупаешь?

— Некогда мне возиться, готовить. Я прихожу усталый как собака и голодный.

— Так ведь и у остальных времени не больше. И женщины, и мужчины с утра до ночи работают. А бакалейщик еще и три цента сверху дерет, потому что, видите ли, продукты почти с доставкой на дом, не приходится измученным людям в город ходить.

Дан повернулся, нацелив жидкую бороденку на Джима.

— А тебе, малый, везде нужно нос сунуть, да? Ты как щенок с костью: мусолишь-мусолишь, а зубки-то слабые, не ровен час сломаешь.

— Если побольше ребят за эту кость возьмутся — разгрызем!

— Как знать! Я семьдесят один год прожил, и на людей, и на собак насмотрелся — все так и норовят кость друг у друга утащить, не видел я, чтоб две собаки одну кость грызли, зато горло друг дружке перегрызть за эту кость — сколько угодно.

— Что-то безнадегой от тебя несет,— заметил Джим.

Старик осклабился, снова выставились четыре огромных резца.

— Мне семьдесят один год,— примирительно сказал он.— Не обращай на меня внимания, грызи, давай, свою кость. Может, сейчас уж и люди, и собаки совсем переменялись.

Они поравнялись с водопроводной колонкой, земля вокруг уже превратилась в месиво. Вдруг от очереди отделился человек и пошел им навстречу.

— Это мой приятель, Мак. Славный парень.

Но старик ответил нелюбезно:

— Не хочу я ни с кем больше разговаривать. Ничего не хочу, даже фасоль на ужин подогревать.

Подошел Мак.

— Привет, Джим. Как день прошел?

— Неплохо. Знакомься, это Дан. Он на севере лес валил во времена ИРМовцев.

— Рад познакомиться,— уважительно произнес Мак.— Наслышан я о тех временах. Тогда забастовка всю работу парализовала.

Дан заговорил охотнее.

— Я-то сам в ихнем профсоюзе не состоял,— принялся объяснять он.— Я-то сам лес валил. А эти ИРМовцы — бестии продувные — все ж таки свое дело делали. Им лесопилку спалить — раз плюнуть.

Мак заговорил снова, все так же уважительно.

— Ну, раз они дело делали, чего ж от них еще и требовать?

— Им палец в рот не клади. И говорить-то с ними тошнехонько. Все им не так! Ладно, я в магазин за фасолью пошел,— и повернул направо.

Смеркалось. Джим взглянул на небо и увидел несущийся по нему клин.

— Мак, смотри, это что?

— Дикие утки. Что-то рано они в этом году улетают. Ты что, диких уток не видел?

— Нет, только читал о них,— признался Джим.

— Не возражаешь, если поужинаем хлебом с сардинами? Нам еще работать потом, так что готовить ужин некогда.

Джим, устало переставлявший ноги, подобрался, поднял голову.

— Что за работа, Мак?

— Дело вот в чем. Я днем работал рядом с Лондоном. Он — мужик мозговитый. Во многом успел уже сам разо-

браться. Говорит, парней можно расшевелить. У него по соседству, в самых больших садах — там сорок тысяч акров — приятель работает, он может своих людей сговорить. Сам-то Лондон зол как черт из-за этих расценок. На что угодно пойдет. Приятеля его фамилия — Дейкин. Вот сегодня мы с ним и потолкуем.

— Неужто пошло дело? — обрадовался Джим.

— Похоже. — Мак скрылся за одной из темных дверей, через минуту появился с банкой сардин и буханкой хлеба. Положил хлеб на порог, открыл банку.

— Ну, а ты прощупал народ, как я тебе говорил?

— Мало что удалось. Разве что с Даном поговорил. Мак застыл с банкой в руке.

— Это еще зачем? Зачем с ним говорить-то!

— Да мы на одном дереве оказались.

— И ты на другое не мог перебраться? Как же наши люди время разбазаривают! Джой, так тот и котят агитировать готов. Нечего тратить время на таких, как Дан, стариков. Толку от него нет. С таким поговоришь — сам во всем разуверишься, надежду потеряешь. У стариков уже пороку не осталось. Все в прошлом. — Он поставил открытую банку перед Джимом. — Возьми-ка рыбку-другую да на хлеб положи. Лондон сейчас тоже ужинает. Поест, и поедет, у него свой «форд».

Джим вытащил перочинный нож, достал из банки три сардины, положил на ломоть хлеба, прижал сверху, чуть сдобрил оливковым маслом из банки и сверху положил еще ломоть хлеба.

— Как дела у девчонки-то?

— У какой девчонки?

— Да у той, что родила.

— Все в порядке. Лондон меня до небес превозносил. Я сказал ему, что никакой я не врач, а он заладил — док да док, иначе и не называет. Уж очень он ко мне проникся. А бабенка-то ничего, если приодеть да подкрасить. Сделай-ка себе еще бутерброд.

Совсем стемнело. Почти все двери были уже закрыты, тусклый свет из окошек обозначил на земле желтые квадратики. Мак дожевывал бутерброд.

— В жизни своей столько уродливых баб не видел, — посетовал он. — Только на тринадцатилетних и можно смотреть. А за каждой уж, небось, восемнадцатилетний хмырь ухлестывает. Впрочем, и я еще не старик.

Джим усмехнулся.

— Ты, видно, привык вопросы постельные с политэкономическими заодно решать. Вот тебе сейчас и туго.

— Попробуй раздели их,— усмехнулся Мак.— Мужское естество всегда о себе напомним, стоит чуть солнышку меня приласкать. Это в порядке вещей.

Зажглись редкие звезды, словно острые алмазные иглы пронзили холодную тьму. В соседней клетушке вдруг загомонили, потом все стихло, лишь изредка слышались одиночные выкрики.

Джим обернулся на шум.

— Что там происходит, Мак?

— В кости играют. Это они в два счета организуют. На что ж они играют, денег-то нет. Может, просаживают следующую получку? А ведь кончится работа, большинство из них и цента не получит, после того, как с бакалейщиком расплатятся. Смотрю, один из магазина тащит две большущие банки колбасного фарша. Небось, в один присест все и съест, а завтра животом будет маяться. Как все истосковались по вкусной еде! Ты не замечал, Джим, когда наголодаешься, тогда о чем-то одном мечтаешь? Я, например, о картофельном пюре, да чтоб масла побольше. А этот парень, небось, не один месяц о мясе мечтал, вот и дорвался.

Вдоль дома шел большой человек, освещенные окна отбрасывали блики ему на лицо.

— А вот и Лондон,— определил Мак.

Тот, покачивая плечами, подошел. В обрамлении черных волос высвечивала лысина.

— Ну, все, я поел, пошли,— сказал он.— Мой «форд» за домом.

Он повернулся и зашагал обратно. Мак и Джим — следом. За домом они увидели прогулочную модель «форда» с откидным верхом. Клеенчатые сиденья обтрепались и порвались, из прорех торчали пружины, волосяная набивка. Лондон сел за руль, включил зажигание. Машина заурчала.

— Крутани-ка, Джим.— Мак подал ему заводную ручку.

Тому пришлось налегать всем телом на неподатливую ручку.

— Ну как? У меня уж руки отваливаются.

— Нет искры.

Лондон дал газ, Джим крутанул что есть мочи, мотор чихнул, своенравная ручка больно ударила Джима.

— Ух, черт, брыкается!

— Да, она у меня норовистая! — подтвердил Лондон. — Сейчас крутани и не отпускаяй.

Джим снова налег на ручку. Мотор взревел, зажглись маленькие тусклые фары. Джим уселся на заднее сиденье меж старых камер, шин, дерюжных мешков.

— Ворчит, но едет, — прокричал Лондон. Он развернулся и выехал по садовой аллее направо — к шоссе. В моторе стучало и скрежетало. Сквозь разбитое ветровое стекло со свистом врывался холодный ночной воздух. Джим съежился, спрятавшись за спинами сидящих впереди. Позади на фоне черного неба светили городские фонари. По обеим сторонам темной стеной стояли большие яблони, порой из-за них мигали огоньки домов. А «форд» обгонял и большие грузовики, и бензиновые цистерны, и серебристые молочные с голубыми светлячками подфарников. Вот от домика к шоссе бросилась сторожевая собака, и Лондону пришлось резко повернуть, чтобы не наехать на нее.

— Такой пес долго не прослужит, — крикнул Мак Лондону.

— Терпеть не могу давить собак, — отозвался тот. — А кошек — запросто. Пока из Радклиффа сюда ехал, трех задавил.

Машина, погромыхивая, ехала едва ли быстрее тридцати миль в час. Иногда два цилиндра враз отказывали, и тогда в моторе стучало и хрипело, пока ритм не отлаживался.

Проехав миль пять, Лондон сбавил скорость.

— Где-то здесь нам сворачивать.

Вереница серебристых почтовых ящиков верно указала поворот. На деревянной арке над дорогой значилось «Фруктовая компания братьев Хантер. Яблоки высшего сорта». Машина медленно ползла по дороге. Вдруг из тьмы выступил человек и поднял руку. Лондон остановил машину.

— Вы, ребята, здесь работаете? — спросил человек.

— Нет.

— А лишних рук нам не требуется. Все места заняты.

— Да мы приятелей повидать приехали, — объяснил Лондон. — Сами у Талбота работаем.

— Спиртного на продажу не везете?

— Да нет, конечно.

Незнакомец посветил фонариком на заднее сиденье, заваленное хламом.

— Проезжайте, ребята. Долго не задерживайтесь.

Лондон нажал на газ.

— Строит из себя невесть что, сукин сын! — проворчал он. — Из всех легавых частные сыщики самые дотошные. Во все дыры лезут.

Он резко повернул и остановил машину подле такого же длинного барака, разделенного на клетушки.

— Здесь работает уйма народу. Три таких сарая битком набиты. — Он подошел к ближней двери, постучал. Послышалось ворчанье, по комнатке тяжело затопали. Дверь чуть приоткрылась, выглянула косматая толстая женщина. Лондон бесцеремонно спросил:

— А где тут Дейкин живет?

На женщину подействовали властные нотки в его голосе.

— Третья дверь, мистер. Там он, с женой и двумя детишками.

— Спасибо, — бросил Лондон и, не дослушав женщину, повернулся и пошел дальше. А она, высунув голову, с любопытством оглядывала мужчин. Вот Лондон постучал в указанную дверь, ему открыли, и лишь тогда толстуха убралась восвояси.

— Кто это? — спросил ее из дома мужской голос.

— Понятия не имею. Видать, начальник какой. Дейкина спрашивал.

У Дейкина было узкое лицо, цепкие, но холодные глаза, плотно сжатые губы, резкий, но невыразительный голос.

— Проходи, сукин кот! Ведь как из Радклиффа уехали, не виделись! — приветствовал Лондона хозяин и впустил гостей в дом.

Лондон представил спутников.

— Вот это док, а это его друг. Знаешь, Дейкин, док здорово помог Лизе вчера ночью. Слыхал, небось?

Дейкин протянул Маку длинную белую руку.

— Как не слышать! Кое-кто из ребят вчера у вас был. Разговоров столько, можно подумать, Лиза слоненка родила. А вот хозяйка моя. Док, вон, извольте взглянуть, детишки, крепкие ребята.

Жена встала — красивая, с высокой грудью, с пятнами румян на щеках, верхние зубы — золотые, так и блестят на свету.

— Приятно познакомиться, — низким голосом произнесла она. — Вам, ребята, кофейку или чего покрепче?

Взгляд у Дейкина потеплел — он был горд за жену.

— Пока к вам добирались, продрогли, — намекнул Мак.

Блеснули в улыбке золотые зубы.

— Я так и думала. Значит, по глоточку виски.— Она поставила на стол бутылку, стаканчик.— Наливайте себе сами, ребята. Хоть до краев, лишь бы не через край.

Бутылка со стаканом пошла по кругу. Миссис Дейкин последней опрокинула стаканчик, заткнула пробкой бутылку и поставила в маленькую горку.

В комнате стояло три складных парусиновых стула и две раскладушки для детей. Для супругов — большая походная кровать у стены.

— А вы хорошо обжились,— сказал Мак.

— У меня маленький грузовичок, иногда подрабатываю перевозками, да и свой скарб есть на чем возить. А жена моя — рукодельница изрядная, в добрые времена тоже может заработать.

Миссис Дейкин улыбнулась похвале.

Тут Лондон прервал светскую беседу Дейкина.

— Где бы нам с тобой потолковать?

— А чем здесь плохо?

— Да лучше б без свидетелей.

Дейкин повернулся к жене, ровным, бесстрастным голосом сказал:

— Сходи-ка, Алла, с детьми в гости к миссис Шмидт.

На лице ее отобразилась досада. Губы отторбучились, спрятав золотые зубы. Она вопросительно взглянула на мужа — он ответил холодным, рыбьим взглядом, длинные белые руки нетерпеливо дернулись. Миссис Дейкин вдруг широко улыбнулась.

— Да вы сидите, толкуйте себе, я ведь и забыла, что обещала миссис Шмидт навестить. Генри, бери-ка братишку за руку, и пойдем.— Она надела короткий кроличий жакет, взбила золотистые волосы.— Ну, не скучайте, ребята.

Было слышно, как удалялись ее шаги, как постучала она в дверь.

Дейкин подтянул штаны, сел на широкую кровать, жестом указал остальным на парусиновые стулья. Взгляд опять сделался пустым и застывшим, как у боксера.

— Ну, с чем пришел, Лондон?

Тот почесал щеку.

— Как тебе нравится, что нам расценки снизили? Мы приехали, а нас и обрадовали.

У Дейкина дернулись уголки рта.

— А как мне может нравиться? Радоваться нечему.

Лондон подался вперед.

— Ну, и что думаешь делать?

Бесстрастные глаза чуть оживились.

— Ничего пока. А ты?

— А что, если нам объединиться и вместе что-нибудь предпринять? — Лондон искоса взглянул на Мака, и Дейкин это заметил. Он указал на Мака и Джима.

— Они — левые?

Мак раскатисто засмеялся.

— Выходит, всякий, кто хочет за свою работу деньги получать, — левый.

Дейкин быстро, но внимательно посмотрел на него.

— Против левых я ничего не имею. Но давайте говорить начистоту. Ни в какие фракции и группировки мне соваться некогда и незачем. Если вы в какой партии состоите, мне знать об этом ни к чему. У меня жена, дети, грузовичок. И ни в чьих черных списках мне числиться неохота, и в тюрьму за это отправляться — тем более. Ну, так говори, Лондон, с чем пришел?

— Урожай нужно собрать, Дейкин. А что, если нам удастся поднять людей на борьбу?

Глаза у Дейкина посветлели, — видно, почуял опасность, — но остались по-прежнему бесстрастными. Ровным голосом он произнес:

— Ну, хорошо. Поднимешь ты ребят, навешаешь им лапши на уши, пойдут они за тобой, проголосуют за стачку. А через полдня прикатит целый состав с теми, кто и за гроши работать готов. Что тогда?

Лондон снова почесал щеку.

— Тогда, скорее всего, мы выставим пикеты.

— А хозяева, — подхватил Дейкин, — соберут законодателей и издадут указ, запрещающий сборища, да выставят сотню молодчиков с ружьями, — из тех, кто шерифам помогает.

Лондон растерянно оглянулся на Мака — дескать, выручай, подскажи. Мак задумался и ответил:

— Мы просто хотели выяснить, мистер Дейкин, как вы ко всему этому относитесь. Представьте: забастовка на сталелитейном заводе, три тысячи рабочих выставляют пикеты. Завод, конечно, обнесут колючей проволокой, пропустят ток. Хозяева поставят охрану. А сколько, по-вашему, потребуется «молодчиков с ружьями», чтобы целую долину оцепить?

В глазах у Дейкина на миг вспыхнул огонек, но тут же погас.

— Вот именно — с ружьями. Ну, не пустим мы тех,

кто на нашу работу позарится, а помощники шерифа возьмут да и откроют огонь. Не выстоят наши бродяги-работяги, и думать нечего. Как ударят по ним не из дробовиков, а из винтовок, побегут наши ребята по кустам, словно кролики. И как тогда быть с пикетами?

Взгляд Джима перебегал с одного собеседника на другого. Но вот он вмешался в разговор.

— Но ведь тех, новых, кого привезут, почти всех можно на нашу сторону привлечь, стоит только поговорить.

— А остальных?

— Найдем ребят побойчее, они остальных прищучат,— сказал Мак.— Я ведь сам со сборщиками работаю, знаю, как они из-за расценок страдают. А яблоки, между прочим, все равно собирать надо. И сады — это не литейный завод, враз не закроешь.

Дейкин встал, подошел к горке, налил себе немного виски, кивнул и остальным, однако все трое отказались. Дейкин сказал:

— Говорят бастовать — это наше право, а вот пикеты — это уже противозаконно. А, значит, по сути дела, право у нас только одно: бросить все, отказаться от борьбы. Так вот, я ни в какую борьбу ввязываться не хочу. Мне есть что терять.

— А куда...— голос у Джима прервался, он прокашлялся и продолжал: — А куда вы отсюда поедете, мистер Дейкин?

— На хлопок,— ответил тот.

— Что ж, там поля побольше, чем здесь сады. И если нам здесь срезали плату, то уж там-то еще больше срежут.

Мак ободряюще улыбнулся — молодец!

— Вы и сами это прекрасно знаете,— поддержал он товарища.— Расценки срезали, срезают и будут срезать, пока у народа терпение не лопнет.

Дейкин осторожно поставил бутылку с виски, вернулся к широкой кровати и сел. Посмотрел на свои белые длинные пальцы, от мозолей их уберегали перчатки.

— Не хочется мне беду наклика́ть. Мы с хозяйкой да ребяташками с голоду пока не помираем. Но вы, конечно, правы, на хлопке нам тоже заработать не дадут. И что хозяевам неймется?

— Единственный для нас выход — бороться всем вместе, организованно,— сказал Мак.

Дейкин беспокойно поежился.

— Похоже, так. Хотя и не по мне это все. Что от меня-то требуется?

В разговор снова вступил Лондон.

— Ты должен своих ребят настроить, а я — своих, если получится.

Мак не утерпел:

— Чего настраивать, если у кого сердце к этому не лежит. Вы только потолкуйте с ребятами. А они меж собой разберутся. Пока они все недовольство в себе носят, так пусть выговорятся. Да так, чтоб и до других садов их слова долетели. Пусть завтра меж собой ребята поговорят, а потом устроим собрание. Дело быстро пойдет, терпение у всех уже на пределе.

— Вот что мне в голову пришло, — сказал Дейкин. — Скажем, подняли мы народ на забастовку. А ведь нам здесь оставаться никто не позволит. Все дороги, принадлежащие государству или штату, для нас закроют. Куда деваться?

— Я это учел, — ответил Мак. — И мысль у меня вот такая: если нам разрешат разбить лагерь на частной земле, тогда все в порядке.

— Как сказать. Знаешь, что в Вашингтоне получилось. Забастовщиков вышвырнули вон, сказали, что у них в лагере антисанитарные условия, а это угрожает местному населению. И пожгли все хибарки да палатки.

— Знаю, мистер Дейкин. Но будь у них настоящий врач, никто бы их и пальцем тронуть не посмел.

— А вы и вправду врач? — недоверчиво спросил Дейкин.

— Нет, но у меня есть друг врач, думаю, он нам поможет. Я, мистер Дейкин, все стараюсь учитывать. Сколько книг о забастовках прочитал!

Дейкин натянуто улыбнулся.

— Судя по всему, дело не только в книгах. Уж больно вы обо всем осведомлены. Но мне дела нет до того, кто вы. Не знаю и знать не хочу.

Лондон повернулся к Маку и спросил:

— Вы и вправду думаете, док, что нам по силам хозяевам мозги вправить?

— Даже если мы и не победим, то такую заваруху устроим, что хлопковые заправилы не посмеют расценки урезать. Все равно от нашей забастовки будет польза, даже если нам сейчас и не победить.

Дейкин согласно кивнул.

— Что ж, завтра с утра первым делом поговорю с ребятами. Вы правы, терпение у них вот-вот лопнет, в душе все так и кипит, да только выхода пока найти не может.

— Вот мы им выход и подсказем,— вставил Мак.— А если получится, то и с другими переговорите.— Он поднялся.— А нам, пожалуй, пора. Приятно было с вами познакомиться, мистер Дейкин.

Сомкнутые губы чуть разошлись, показались ровные белые вставные зубы.

— Окажись я владельцем яблоневого сада в три тысячи акров, знаете, что бы я сделал? Подкараулил бы вас да и подстрелил бы из-за куста. И никаких забот! Но я бедняк, у меня всего ничего, грузовичок да палатка со скарбом.

— Спокойной ночи, мистер Дейкин. До встречи,— попрощался Мак и вместе с Джимом вышел. До них донеслись слова Лондона.

— Ребята они — что надо. Может, и красные, но хорошей души.— Вот и сам он показался на пороге, закрыл за собой дверь. Почти тотчас же открылась другая дверь, чуть подалее, мелькнула полоска света — к мужчинам подошла миссис Дейкин с детьми.

— Спокойной вам ночи,— попрощалась она,— я смотрела в окно, поджидала, когда вы выйдете.

Старый «форд», скрежеща и покряхтывая, повез Лондона, Мака и Джима домой. У барака он остановился. Мак и Джим попрощались с Лондоном и пошли к себе. В темной клетушке Джим улегся прямо на пол, накрывшись ковровым лоскутом, обмотав шею шерстяным шарфом. Мак сел, прислонившись к стене, закурил. Помолчал, ватушил окурок — мигнули последние искорки в темноте.

— Спишь, Джим?

— Нет, конечно.

— А здорово все получилось. Когда ты про хлопок ввернул, вот тут все и встало на свои места. Здорово!

— Я хочу быть полезным! — едва не выкрикнул Джим.— Мак, у меня душа прямо поет! Даже спать не хочется. Вот прямо бы сейчас взяться за дело!

— Давай-ка лучше спать,— предложил Мак.— А «дел» по ночам у нас будет хоть отбавляй.

Назавтра выдалось ветреное утро, ветки яблонь раскачивались, на землю с глухим стуком падали яблоки. Ветер дышал холодом, а меж порывами, словно затаив дыхание, прислушивался к загадочной осенней тишине. Сборщики, наглухо застегнув куртки, суетились без меры —

подгонял холод. Грузовики вздымали в междурядьях облака пыли. Она долго не оседала, завихряясь на ветру.

Учетчик на погрузке, одетый в дубленку, притопывал, спрятав руки с карандашом и блокнотом в боковые карманы.

— Что, не привык к такому холоду? — полюбопытствовал Джим, выгружая очередное ведро.

— Еще холоднее будет, если ветер не переменится, — предупредил тот. — Окочуришься, будь хоть из железа.

Подошел угрюмый парень, вывалил из ведра яблоки. Черные брови насуплены, черные волосы над невысоким лбом вздыбились. В покрасневших глазах колыхалась злоба. Яблоки со стуком посыпались в ящик.

— Полегче, ты ж их побьешь, они гнить начнут, — заметил учетчик.

— Ах, вот как?

— Да, вот так, и слушай, что я говорю, — учетчик отчеркнул что-то в блокноте. — А это ведро я тебе не засчитываю. Иди давай.

Парень смерил учетчика тяжелым, недобрым взглядом.

— погоди, ты еще свое получишь. И очень скоро! Учетчик побагровел от ярости.

— Поговори у меня еще, поумничай! Здесь таких не держат, не нравится — отправляйся на все четыре стороны!

Парень злобно плюнул.

— До тебя в первую голову доберемся. Верно, приятель? — Он многозначительно посмотрел на Джима.

— Ты, давай, лучше за работу берись. А то ни шиша не зарабатываешь.

— Я на четвертой яблоне, — показал отходя парень.

— И что сегодня такое? — посетовал учетчик. — Никому слова не скажи — огрызаются.

— Ветер холодный, замерзли. Да, из-за ветра все. Мерзнут люди, оттого и злые.

Учетчик бегло взглянул на него и язвительно спросил:

— И ты тоже злой?

— И я.

— И что ж это за ветры такие? Что они несут?

— То есть, как — «что несут»?

— Сам прекрасно знаешь, о чем я.

Джим легонько постукивал ведром о колено. Мимо проехал грузовик, окутав его пылью.

— Ты, поди, из-за своего блокнотика ничего кругом и не видишь. А полистай-ка его повнимательнее, может, и поймешь, что к чему.

— Вот я и чую. Смуту затеваете, а? Ее нам ветром принесло?

— Ветром только пыль несет,— заметил Джим.

— Знаешь, Нолан, я такой «пыли» уже насмотрелся.

— Тогда ты лучше меня все знаешь,— и Джим пошел прочь.

— Подожди, Нолан! — Джим остановился, повернулся к учетчику.— Ты, Нолан, парень хороший, работаешь исправно. Так что же готовится?

— Не понимаю. Не понимаю, о чем речь.

— Смотри, в черный список занесу.

Джим решительно шагнул вперед.

— Заноси! И подавись своим черным списком! — выкрикнул он.— Я тебе ничего не говорил. Мальчишка тебе надерзил, вот ты и вообразил невесть что.

Учетчику стало неловко, он отвел взгляд.

— Да я так, пошутил малость. Знаешь, Нолан, а на северном краю вроде учетчик требуется. По-моему, ты пойдешь. Завтра бы и заступил. Там платят получше.

Глаза у Джима потемнели от гнева, но он сдержался, даже усмехнулся и подошел к учетчику.

— А что от меня надо? — вкрадчиво спросил он.

— Ловчить, Нолан, не буду. Что-то неладное у нас творится. Управляющий попросил меня выяснить, что да как. Ты разузнай все как есть, а я за тебя словечко замолвлю, чтоб тебя учетчиком назначили. Все-таки пятьдесят центов в час.

Джим, казалось, раздумывал.

— Да не знаю я ничего,— протянул он.— Конечно, я б мог кое-что разузнать, если мне от этого выгода будет.

— Пять долларов тебя устроят?

— Еще бы!

— Ну, вот и ладно. Ты тут походи, присмотрись. А я буду тебе ведра засчитывать, так что в убытке не останешься. Смотри, может, что важное и разнюхаешь.

— А вдруг ты меня ребятам продашь? Я тебе расскажу что-нибудь, а они узнают. Живьем меня съедят.

— Об этом, Нолан, не беспокойся. Если управляющий тебя на службу возьмет, в обиду не даст. Соберут урожай, глядишь, тебя на постоянную работу определят, механиком при насосе или куда еще.

Джим призадумался.

— Обещать ничего не берусь. Присматриваться, конечно, буду, узнаю что — расскажу.

— Ну и молодец. Получишь за это пятерку да и место хорошее.

— Пойду поговорю с тем задиристым, — сказал Джим, — по-моему, он что-то знает. — И пошел к указанному дереву. Парень как раз спускался с полным ведром.

— Ага, пришел. Сейчас ведро отнесу и вернусь.

Джим взобрался по лестнице на яблоню, уселся на толстую ветку. Ветер донес грохот сортировочного конвейера и запах свежего сока — не遠далеке был пресс. Издалека долетело шипенье и пыхтенье маневрового паровоза.

Парень ловко, по-обезьяньи вскарабкался на дерево и сурово бросил:

— Как до дела дойдет, возьму камень побольше да угощу эту сволочь!

Джим попробовал подход Мака.

— Такого славного парня? За что ж это? И когда это — «как до дела дойдет»?

Парень присел рядом.

— А ты не слышал, что ли?

— О чем?

— А не донесешь?

— Не донесу.

Парень выкрикнул:

— Мы забастовку затеваем, вот что!

— Забастовку? У нас же отличная работа! Чего бастовать-то?

— Так нас во всем надувают! В бараках полно вшей, хозяйский бакалейщик дерст пять процентов. И нам же еще плату урезают! Если сейчас им спустить, на хлопке они нас еще крепче прижмут! И там обдерут как липку! А ты будто сам не понимаешь!

— Говоришь складно, — согласился Джим, — ну, а кроме тебя, кто бастовать будет?

Парень недобро прищурился.

— Больно много знать хочешь.

— Не очень. Но кое-что выяснить надо, а ты не говоришь.

— Ничего я тебе и не скажу. Нельзя пока. Придет время — узнаешь. Мы людей хотим объединить. Уже все готово, скоро мы такую заваруху устроим! Сегодня кое-кто из нас на совещание соберется, а потом мы и остальных обо всем оповестим.

— А кто главный-то?

— Не скажу. А то все прахом пойти может.

— Ладно, не хочешь — не говори.

— Я бы сказал, да только обещал никому ни слова. Придет время — узнаешь. Ты ведь с нами выйдешь?

— Как сказать! Я уж не знаю ничего, как мне с вами выходить.

— Ну, смотри, кто нас заложит — тех не пощадим. Прямо тебе говорю.

— Мне жизнь дороже. — Джим повесил ведро на сук и не спеша принялся наполнять. — А к вам на совещание нельзя попасть?

— Никак нельзя. Там только верхушка соберется.

— Это ты — верхушка?

— Не последняя спица в колеснице.

— Ну и кто же еще в этой верхушке?

Парень подозрительно уставился на Джима.

— Не много ли знать хочешь. Все. Больше ни слова. Сдается мне, что ты — подсадная утка.

Джим наполнил ведро, опустил на землю.

— А что, ребята все свои дела прямо на деревьях и обсуждают?

— Еще чего! Где ты все утро-то пробыл?

— Здесь. Работал. На хлеб себе зарабатывал. И работа эта мне по душе.

Парень злобно сверкнул глазами.

— Ты мне зубы не заговаривай. Вот спустимся — тогда уж с тобой поговорю.

Джим добродушно подмигнул — он перенял это у Мака.

— Ладно, не кипятись. Конечно ж, я с вами буду, когда подниметесь.

Парень глуповато хихикнул.

— Ну и горазд ты голову морочить!

Джим отнес ведро, аккуратно выложил яблоки.

— Который час?

Учетчик взглянул на часы.

— Половина двенадцатого. Ну как, разузнал что?

— Как бы не так! Парень — трепач отчаянный. Все обо всем знает — прямо газета ходячая. После обеда покручусь возле других ребят, посмотрю.

— Побыстрее бы надо! Ты машину водить умеешь?

— Ну, допустим.

— Глядишь, удастся тебя водителем пристроить.

— Вот здорово! — И Джим зашагал к яблоням. Сидевшие на деревьях и лестницах люди беседовали. Джим

подшел к сгибающемуся под тяжестью яблок дереву, там уже собирали двое.

— Давай к нам.

— Спасибо.— И Джим принялся рвать яблоки.— Что-то разговоров сегодня поутру много,— отметил он.

— Еще бы. Да и мы толковали. О забастовке, как и все.

— Раз многие о забастовке толкуют, так тому и быть. Второй сборщик подал голос сверху, с дерева.

— А я тебе, Джерри, говорю, не к добру все это. Конечно, зарабатываем мы не ахти сколько, а забастуем — и того лишимся.

— Да какие это заработки! Зато потом больше выйдет. На яблоках долго не задержимся, на хлопке работы побольше. Так вот, я так рассуждаю: на хлопке хозяева сейчас очень к нам присматриваются. Дадим мы сейчас слабинку, они нас потом в бараний рог согнут. Я так рассуждаю.

— Что ж, разумно,— улыбнулся Джим.

Второй сборщик не сдавался.

— И все ж не по душе мне это. К чему свару затевать. Сколько людей пострадает! Смыслу в вашей забастовке нет. Если и прибавят сколько — так ненадолго.

Джерри спросил:

— Что ж, если все ребята забастуют, ты работы не бросишь?

— Нет, Джерри. Я, конечно, заодно с ребятами буду. Не только все это мне не нравится.

— А организация-то у них какая есть?

— Не слыхал,— ответил Джерри.— Собрания еще не было. В общем, пока отступать от своего нам не след, а поднимутся ребята — и я с ними, я так разумею.

На упаковочном пункте засипел гудок.

— Обед! — обрадовался Джерри.— У меня там под ящиками бутерброды припрятаны. Хочешь?

— Нет, спасибо! — отказался Джим,— мне надо с приятелем встретиться.

Он оставил ведро у учетчика и пошел на упаковочный пункт — высокое белое строение с платформой для погрузки. Сортировочный конвейер затих. Подойдя ближе, Джим увидел мужчин и женщин. Они сидели на платформе, свесив ноги, и обедали. На другом углу собралась группа человек в тридцать. В середине кто-то горячо говорил. Джим слышал лишь отдельные восклицания, слов разобрать он не мог.

Ветер унялся, солнце стало припекать. Когда Джим подошел к собравшимся, от группы отделился Мак, в руках он держал два свертка.

— Привет, Джим. Вот наш обед: булочки и ломтики ветчины.

— Отлично. Я проголодался.

— Да, от язвы желудка гибнет наших ребят больше, чем от пуль. Ну, а какие у тебя успехи?

— Головокружительные! С ума сойти! Я встретил парня, который все-все знает. Сегодня вечером, оказывается, «верхушка» соберется на совещание.

Мак рассмеялся.

— Что ж, кстати. А я-то уж беспокоиться стал, когда, думаю, «посвященные» начнут по секрету делиться «тайнами». Чем быстрее эти «тайны» станут достоянием всех, тем лучше. А как настроение у ребят, боевое?

— Во всяком случае, разговоров много. Да, чуть не забыл. Учетчик предложил мне пять долларов и постоянное место, если я разузнаю, что затевается. Я пообещал.

— Вот и ладно. Глядишь, немножко на стороне подработает.

— Так что же мне ему передать?

— Ну... скажем так: пока это стихийная вспышка, пронесет. Скажи, поводов для тревоги нет.— Он резко повернул голову: к ним неслышно подошел грузный человек в грязном комбинезоне, лицо у него было вымазано до черноты. Он подошел чуть не вплотную и воровато огляделся.

— Меня из комитета послали,— прошептал он,— ну, как дела?

Мак с изумлением воззрился на него.

— Не пойму, о чем это вы, мистер?

— Все вы понимаете. В комитете требуют отчет.

Мак недоуменно посмотрел на Джима.

— Псих, наверное, о каком-то комитете толкует.

— Вы знаете, о каком,— и едва слышно человек прибавил,— товарищ.

Мак резко шагнул вперед, лицо у него потемнело от гнева.

— Где это ты таких словечек поднабрался?! «Товарищ»! Если ты из красных, то не по адресу обратился. Катись-ка отсюда, да поживее, пока я ребят не позвал.

Незнакомец враз переменился.

— Осторожнее на поворотах, малый! — пригрозил он.— Мы тебя насквозь видим! — И медленно пошел прочь.

Мак вздохнул.

— Да, яблочные хозяйчики быстро работают. Не сказать, чтоб шибко умно, но быстро.

— Это провокатор? — спросил Джим.

— Конечно. Так, собирая яблоки, лицо не вымажешь, он переусердствовал. Но вычислили они нас быстро, ничего не скажешь. Садись-ка перекуси.

Они уселись прямо на землю, сделали бутерброды с ветчиной.

— Вот и накрылся твой «приработок», — вздохнул Мак, серьезно посмотрев на Джима. «Осторожнее на поворотах, малый!» — передразнил он. — Видишь, они открыто угрожают. Просто не забывай, что за пятерку здесь можно купить многих. Так вот: слушать слушай, а сам в разговор не встревай.

— А как они нас распознали? — спросил Джим.

— Не знаю. Наверное, какой-нибудь гад в городе нас заложил. Пожалуй, нужно, чтоб прислали кого-нибудь в помощь, вдруг кто-то из нас, так сказать, выйдет из строя. А забастовка — не сегодня-завтра, и ее нужно направлять. Да, зубки они показали.

— Могут в тюрьму посадить? — спросил Джим.

Мак дожевывал хлебную горбушку и лишь потом ответил.

— Сначала постараются запугать. Вот что: случись тебе быть одному, без меня, и кто-то начнет угрожать, дсс-кать, кишки тебе выпустим — не лезь в бутылку, кивай себе да поддакивай. Пусть видят, что тебя не запугать. Только ради бога не петушись, как Джой. А быстро они, сукины дети, зашевелились! Ничего, завтра мы тоже им покажем. Вчера я заказал плакаты. Завтра к утру должны быть здесь, если Дик баклуши бить перестал. Сегодня вечером жду от него письмецо.

— А мне какое задание? — спросил Джим. — Пока я только все слушаю, слушаю. А хотелось бы и делом заняться.

Мак поглядел по сторонам, усмехнулся.

— Подожди, мало-помалу втяну тебя в дело, всего, целиком втяну. Стачка затевается грандиозная, судя по всему. Очень кстати ты тогда насчет хлопка ввернул. Сегодня утром человек десять уже те же слова повторяли, только выдавали за свои.

— А куда сегодня вечером пойдём?

— Помнишь Альфа, того, что кафе передвижное держит? Он говорил, что у его отца есть сад. Не сходить ли нам проведать старика, а?

— Ты хочешь уговорить его, чтоб пустил нас на свою землю, когда забастовка начнется?

— Попробую, попытка не пытка. А забастовка может в любую минуту начаться. Это как с воздушным шариком: надуваешь, надуваешь, а когда лопнет — не угадать.

— А общее собрание ты рассчитываешь провести завтра вечером?

— Я-то рассчитываю, а как обернется — не знаю. Уж больно много накипело у ребят. Чуть что — и их не удержать. Разве тут считаешь? Но подготовиться неплохо бы. Как найду место для нашего лагеря, сразу пошлю за доком Бертоном. Он малый неплохой, но чудаковат. В партии не состоит, хотя все время нам помогает. Составит план лагеря, разметит участок и санитарные нормы все соблюдет, так что Красному Кресту нас не за что будет выгонять.

Джим растянулся прямо на земле, подложив руки под голову.

— А чего там, у конвейера, разгалделись?

— Не знаю. Ребятам нужно выговориться, вот и все. Может, сейчас спорят, кто прав: Дарвин или Ветхий Завет. Они и до драки дойти могут. Сейчас они так настроены, что из-за любой мелочи кулаки в ход пустят. Кстати, сам-то поостерегись. А то какой-нибудь молодчик отвесит тебе плюху просто так, от избытка чувств.

— Поскорее бы уж забастовка начиналась, — вздохнул Джим. — Мне прямо невтерпёж. Закрутится вся эта карусель, и уж тогда мне непременно дело найдется.

— Наберись терпения и не теряй головы, — посоветовал Мак.

В час дня сильный гудок коротко позвал вновь на работу. Прощаясь, Мак сказал:

— Кончишь работать — бегом ко мне. Путь у нас сегодня неблизкий. Как знать, вдруг Альф и на этот раз выручит.

Джим пошел обратно за оставленным около учетчика ведром. Заскрежетал и тронулся конвейер. Затарактели грузовики. Сборщики угрюмо брели меж деревьев к своим местам. Около учетчика собралось несколько человек. Джим подошел, но учетчик не обмолвился ни словом. Заговорил он лишь, когда Джим принес первое ведро с яблоками.

— Узнал что-нибудь, Нолан?

Джим наклонился над ящиком и стал аккуратно, по одному, выкладывать из ведра яблоки.

— По-моему, тучу пронесло. Ребята малость поостыли.

— С чего ты взял?

— А ты хоть знаешь, из-за чего сыр-бор разгорелся?

— Откуда? Я думал, из-за расценки.

— Ничего подобного. В саду Хантера какой-то бедолага купил в магазине рыбные консервы да и отравился. Ну, а ты сам знаешь, как рабочий люд к такому относится. Пошел ропот все дальше, все шире. Я с ребятами в обед поговорил. Вроде поутихло.

— И только в этом дело? — спросил учетчик.

— Конечно. Ну, так как насчет пяти долларов?

— Завтра получишь.

— Так ты вдобавок пообещал насчет стоящей работенки похлопотать.

— Похлопочу. Завтра все скажу.

— Эх, не догадался я деньги с тебя вперед взять!

— Да не бойся, не обману.

Джим пошел к яблоням. Не успел он ступить на лестницу, сверху раздался голос:

— Осторожно, она вот-вот развалится!

Наверху Джим увидел Дана. Тот узнал его.

— Это никак наш левачок!

Джим осторожно полез вверх. Ступеньки и впрямь едва держались.

— Как делишки, Дан? — спросил он, повесив ведро на сук.

— Лучше некуда! Только чувствую себя неважнецки. Наелся холодной фасоли на ночь — точно камней в желудок накидал.

— Да, тебе б горячего на ужин.

— Устал так, что и костра не разжечь. Да, годы, видать, свое берут. Сегодня утром замерз, даже вставать не хотелось.

— Тебе б в богадельню податься.

— Уж и не знаю. Сейчас все только о забастовке и говорят, ох, быть беде. А у меня сил никаких. Хватит мне бед. Куда податься, если бастовать начнут?

— Идти с ними. Идти во главе. — Джим попытался сыграть на гордости старика. — Ты — ветеран, тебе — почет и уважение. Возглавил бы пикеты.

— А что, я б не спасовал, — Дан вытер нос рукой, стряхнул с пальцев. — Только мне неохота. К вечеру похолодает. Эх, супу бы на ужин, да погорячее, чтоб обжи-

гал — да с мясом, да с грёнками. В суп окунись — объеденье! А еще я люблю яйца в мешочек. Приеду, бывало, из леса в город при деньгах, конечно, закажу сразу штук шесть, да чтоб в молоке сварили, а потом я их на грёнки намазывал. Бывало, и по восемь штук за раз съедал. Лесорубом-то я хорошо зарабатывал. Да и двадцать штук умял бы. Маслом бы грёнки намазал да перчиком присыпал.

— А я думал, тебе вкрутую больше по вкусу. Вчера-то ох, как круто разговаривал. И на работе крутился.

В глазах старика затеплилось воспоминание.

— Да я и сейчас за пояс заткну этих болтунов паршивых. — И он резко потянулся за яблоками, пошарил над головой. Другой, большой и костлявой рукой он уцепился за ветку.

Джим с улыбкой следил за ним.

— Смотри, отец, что-то ты разговорился!

— Не бойся! Ты попробуй меня обскакать!

— Какой нам смысл скачки устраивать? Кто б ни пришел первым, в выигрыше только хозяин.

Старик высыпал яблоки в ведро.

— Вы, сосунки, еще и работать-то толком не умеете. Вам еще учиться да учиться! А вы, как молодые жеребцы, к кормушке тянетесь, все вам мало. И, знай себе, ржете. Тошно смотреть. — Ведро у Дана наполнилось с верхом, старик поднял его, несколько крупных яблок, ударившись о ветви, упали на землю.

— Ну-ка, прочь с дороги, сосунок, — крикнул он. — С лестницы сойди, чучело гороховое!

— Ладно. Только не очень-то спеши. Суета до добра не доводит. — Джим перебрался с верхушки лестницы на толстую ветвь, повесил ведро и начал рвать яблоки. Вдруг внизу раздался треск, и что-то глухо стукнуло оземь. Джим взглянул вниз: под деревом на спине лежал Дан. В открытых глазах — оторопь. Лицо сделалось синевато-серым, на щеках резко обозначилась седая щетина. Рядом валялись две сломанные ступеньки от лестницы.

— Да, летел ты красиво! Не ушибся, отец?

Но старик не двигался. В глазах застыл недоуменный вопрос. Вот шевельнулись губы, старик облизнул их.

Джим соскочил вниз, склонился над упавшим.

— Что зашиб, отец?

Дан с натугой проговорил:

— Не знаю. Шевельнуться не могу. Наверное, ногу сломал, но пока не болит.

К ним уже сбегались люди. Один за другим прыгивали они с деревьев и спешили к месту происшествия. Учетчик тоже оставил свой пост у кучи ящиков и трусцой побежал к Джиму со стариком. Люди столпились вокруг.

— Больно ударился?

— Как это случилось?

— Что, ногу сломал?

— Да куда старику по деревьям лазать!

Сборщики все теснее и теснее обступали старика. Джим услышал голос учетчика.

— Пропустите!

Вокруг были и бесстрастные, и хмурые, и беспечные лица.

— Да отойдите же, не напирайте! — крикнул Джим. Толпа чуть подалась назад. Сзади заворчали. Кто-то крикнул:

— Посмотрите-ка. Ну и лестница!

Все разом повернули головы, уставясь на расщепленные, сломанные ступеньки.

— Только взгляните, на каких лестницах нас заставляют работать!

Люди все набегали. Джим поднялся, попытался руками оттолкнуть передних.

— Да отойдите же! Затопчете!

Дан закрыл глаза. Лицо застыло и побелело — никак не мог оправиться от шока. А припоздавшие тоже начали кричать про лестницу, толпа все больше и больше полнилась гневом. Глаза зажигались яростью. И через минуту гнев выплеснулся на учетчика. Он никак не мог добраться до старика и все повторял:

— Пропустите!

Вдруг кто-то визгливо, истерично вскрикнул.

— А тебе здесь делать нечего, сукин сын!

И тут же в толпе завязалась потасовка.

— Не лезь, Джо.

— Да держите вы его!

— Убьет ведь!

— За ноги, за ноги хватай!

— А ты, мистер, катись-ка отсюда подобру-поздорову!

Джим выпрямился и снова попросил:

— Расступитесь, ребята. Надо же беднягу отсюда унести.

В толпе сразу восторжеслись, будто пробудились ото сна. Люди подалась назад.

— Нужны две длинные палки и два пальто, тогда б мы

сделали носилки. Так, просовывайте палки в рукава, застегивайте. Осторожнее! По-моему, у старика нога сломана, — Джим снова посмотрел на застывшее бледное лицо. — Он, видно, сознание потерял. Осторожнее, осторожнее!

Дана подняли на самодельные носилки.

— Вот вы двое несите, а вы дорогу прокладываете, — распорядился он.

Вокруг собралось уже более ста человек. Вот носилки вынесли из окружения. Стоявшие с краю косились на сломанную лестницу, без конца повторяли:

— Надо ж, какое гнилье подсовывают!

Рядом с Джимом стоял, тупо засмотревшись на яблоню, парень.

— А что с учетчиком? — спросил его Джим.

— Чего? Да Джо Тейг его помял малость. Чуть вообще не прибил. Ребята не дали. Уж больно Джо разошелся.

— Хорошо, что до смерти не забил.

За носилками сейчас шла уже целая процессия, со всех концов сада подходили новые и новые люди. Даже конвейер на сортировке остановился, когда с ним поравнялась процессия. В дверях склада столпились рабочие. Толпа шла молча, страсти улеглись, держались все чинно, как на похоронах.

Из-за угла выскочил Мак, заметил Джима, подбежал.

— Что случилось? Давай-ка сам в сторонку, держись от толпы подальше.

А злобешая, притихшая толпа шла за носилками. Вновь пристающим поясняли шепотом: «Лестница гнилая. Вот и не выдержала». Мак и Джим чуть поотстали от основной массы.

— Ну, рассказывай, что случилось. В двух словах. Нужно ковать железо, пока горячо.

— Старый Дан все хвастал, какой он силач. Спускался с тяжелым ведром, ступеньки не выдержали, он упал. Говорит, что в бедре ногу сломал.

— Ну, вот. Все почти так, как я и думал. Ребята, как порох, спичку поднеси — вспыхнут. Малейшего повода хватит. Ну что ж, и старик не зря небо коптил.

— Это в каком смысле? — не понял Джим.

— В прямом. Его участь — всем в назидание. Теперь он нам пригодится.

Они прибавили шагу, поспешая за толпой. Бурая пыль, вздымаемая сотнями ног, облаком висела в воздухе. Со стороны городка доносилось равномерное пыхтенье маневрового паровоза. Слева и справа к процессии то и дело под-

бежали любопытные женщины. Но мужчины шли молча вслед за носилками к баракам.

— Поживей, Джим! Времени в обрез.

— А куда мы сейчас?

— Перво-наперво нужно Лондона разыскать, объяснить, что делать. Потом — послать телеграмму, да и к отцу Альфа надо сейчас же заглянуть. А вон и Лондон. Привет! — крикнул ему Мак и припустил бегом. Джим — следом. — Ну вот, заварилась каша! — не успев отдышаться, сообщил он. — Один старик, Дан, с дерева свалился. Теперь все пути к забастовке открыты.

— Вроде это нам на руку? — Лондон снял шляпу, почесал лысину.

— Так, да не совсем. Если ребят не обуздать, они взбесятся все. Вон, никак твой приятель, тот длинный да тощий. Кликни-ка его.

Лондон сложил ладони рупором и позвал.

— Сэм!

Джим узнал в нем худощавого собеседника в первую ночь у костра.

Мак сказал:

— Лондон и Сэм, слушайте внимательно. Времени у меня в обрез, поэтому коротко о самом главном. Пока ребята взбудоражены, ты, Сэм, скажи им, что нужно общее собрание провести. А потом предложи Лондона в председатели. За него проголосуют все. Они что угодно сейчас выполнят. Вот и вся твоя задача, Сэм. — Мак взял в пригоршню земли, растер, нетерпеливо постукивая и притопывая каблуком. — Теперь ты, Лондон. Как только выберут тебя председателем, скажи, что на самотек дело пускать нельзя. Предложи список — человек десять — в состав комитета, скажи, нужно их избрать, чтобы разработать план действий. Понял?

— Чего ж не понять?

— Дальше, если хочешь, чтоб ребята за что-то проголосовали, спроси вначале: «Ведь вы хотите этого?», а хочешь зарезать какое предложение, скажи: «А вот этого вы не хотите, верно?» И таким путем они у тебя за что хочешь проголосуют. Со всей готовностью.

Толпа тем временем остановилась у барака. На вид все были спокойны, люди сходились в группы, расходились, лишь жесты выдавали волнение; на лицах же полный покой, как у спящих.

— А вы куда сейчас торопитесь? — спросил Лондон у Мака с Джимом.

— Нам нужно договориться насчет места, где лагерь разбить, ведь забастовка вот-вот начнется. Есть тут одна маленькая ферма. Да, чуть не забыл: выбери нескольких самых боевых ребят, разошли их по окрестным садам, пусть поговорят с народом. Смотри, отправь тех, кто за словом в карман не полезет. Ну как, командир, готов командовать?

— Вполне.

— И еще: не одолжишь ли нам свой «форд»? Дорога у нас неблизкая.

— О чем речь! Берите, только он у меня с норовом, намучаетесь.

Мак повернулся к Сэму.

— Ну, тебе пора. Залезь на какой-нибудь ящик да крикни: «Ребята, нужно общее собрание провести!», а потом: «Предлагаю Лондона председателем! Иди, Сэм. Джим, поедешь со мной.

Сэм чуть не бегом припустил к баракам. Лондон не спеша последовал за ним. Мак с Джимом обошли барак, там у стены стоял развалюха-«форд».

— Садись за руль, Джим. Тебе этого зверя умирять.

Из-за барака раздался многоголосый выкрик. Джим включил зажигание. Мак крутанул заводную ручку раз, другой. Снова взревела толпа у барака. Мак крутанул по-сильнее, размашисто, от плеча. Мотор заработал, но его шум потонул в людской разноголосице. Мак прыгнул в машину и прокричал:

— Судя по всему, Лондон — наш новый председатель. Поехали!

Джим вывел машину на пустынное шоссе. Зеленые яблони, изнывающие под тяжестью плодов, отбрасывали косые тени — солнце близилось к закату. Машина, хлопая и щелкая поршнями в цилиндрах, катила вперед.

— Сначала на телеграф, потом на почту, — крикнул Мак.

Въехали в город. На центральной улице у телеграфа остановились.

— А почта в следующем квартале, видишь? — показал Джим.

— Пока я телеграмму отправляю, сходи-ка и спроси почту на имя Уильяма Дауди, — велел Мак.

Через минуту Джим вернулся с тремя письмами. Мак уже ждал в машине. Вскрыл конверты, прочитал.

Эх, незадача! Дик пишет: Джой убежал из тюрьмы, неизвестно, где искать. Его повезли в суд, а он конвоиру

смазал по морде и был таков. Я попросил помощи и чтоб приехал доктор Бертон, ему за санитарным состоянием лагеря следить. Ну, видно, доломаю я этот драндулет! Поехали к Альфу, прямо в кафе.

Джим подогнал машину к фургончику. В окошко видно было самого Альфа: облокотившись на пустую стойку, он смотрел на улицу. Джима с Маком он признал сразу, помахал им толстой рукой.

Мак толкнул в сторону раздвижную дверь.

— Привет, Альф. Как делишки?

Глаза у того загорелись любопытством.

— Неплохо вроде. Вчера целой толпой сборщики из садов заявили.

— Я им рассказал, что у тебя мясо — пальчики оближешь.

— Спасибо. Сами-то перекусите?

— Можно, — согласился Мак. — Мы при деньгах сегодня. Ты только подумай: едим за наличные!

— Ладно, вам и так полагается. За то, что клиентов прислали. — Альф открыл холодильник, быстро слепил две котлетки, бросил на сковородку. Накрошил сверху лука. — Как вы-то поживаете?

— У нас к тебе дело. — Мак доверительно наклонился над стойкой. — Ты парень свой, тебе можно верить. Ты у нас на хорошем счету. Ни разу не подвел.

Альф даже зарделся от похвалы.

— Да не будь у меня этого кафе, пошел бы с вами. Всякому, у кого голова на плечах, ясно, в каких мы условиях живем, какая кругом несправедливость и всякое такое.

— Еще бы, — подхватил Мак. — Тому, у кого голова на плечах, и растолковывать ничего не надо. Сам кумекает.

Альф еще больше расчувствовался и даже отвернулся. Примял лопаточкой котлеты с прижарившимся луком, лишний жир сгреб в мисочку подле плиты. И лишь когда снова сумел вернуть лицу серьезное выражение, повернулся к гостям:

— Конечно, ребята, можете мне верить. Не сомневайтесь. Так, что у вас за дело? — Он налил две чашки кофе и подвинул их к Маку и Джиму.

Мак легонько постучал лезвием ножа о стойку.

— Нами могут заинтересоваться легавые.

— Ясно, я о вас и знать ничего не знаю, — тут же сказал Альф.

— Все верно. А теперь слушай: долина на забастовку

поднимается. Там, где мы работаем, дело уже на мази. К утру, глядишь, и другие примкнут.

Альф пробормотал:

— Судя по тому, что ребята вчера говорили, они вот-вот должны забастовать. Какое задание для меня?

— Смотри, котлеты сгорят.

Альф, ловко держа в одной руке две тарелки, положил в каждую по котлете, добавил картофельного пюре, моркови, репы.

— Вам с подливкой, ребята?

— Капни чуток.

Альф добавил соуса в обе тарелки и поставил перед гостями.

— Принимайтесь!

Не успев прожевать, Мак обратился к Альфу, слова было трудно разобрать.

— Ты говорил, у твоего старика есть хозяйство.

— Да. Хотите там укрыться?

— Нет,— Мак ткнул вилкой в сторону Альфа.— Но больше ни одного яблока в долине не соберут.

— А... как же, мистер...

— Подожди. Сперва выслушай. А свободная земля у твоего отца есть?

— Да, акров пять луговины. Сейчас уж все скошил.

— Так вот,— продолжал Мак.— Тысяче, а то и двум, забастовщиков некуда податься. Из садовых барачков нас выгонят, при дороге лагерь разбить запретят. А вот если бы на этих пяти акрах палатки поставить, людей это бы выручило.

Лицо у Альфа сморщилось в страхе и сомнении.

— Ой, мистер, боюсь, мой старик на такое не пойдет.

Мак тут же вставил:

— Зато у него будут собраны яблоки, все до единого и даром. А раз других яблок не будет, он свои втридорога продаст.

— Ну да, а потом городские на нем отыграются!

— Кто?

— Ну, головорезы из Легиона и прочие. Заберутся к нему да изобьют до полусмерти.

— Никто его не тронет. Земля его собственная — кого хочет, того и пускает. Доктор по всем правилам разобьет там лагерь, за чистотой последит, а твоему старику задарма урожай соберут.

Альф покачал головой.

— Не знаю, право, не знаю.

— Так давай узнаем,— решил Мак.— Поехали, потолкуем с твоим стариком.

— Мне ж нельзя отлучаться. Не закрывать же кафе. Джим только сейчас заметил, что и не прикасался к котлете, и принялся есть.

Мак, прищурившись, пристально смотрел на Альфа. Сидел за стойкой, жевал и не отводил от него взгляда. Альфу стало не по себе.

— Вы, небось, решили, что я испугался? — начал он.

— Я ничего не решаю, пока собственными глазами не увижу,— перебил его Мак.— Мне только удивительно: почему это владелец кафе не может его на часок закрыть, раз ему самому нужно.

— Но через час придут те, кто рано ужинает.

— Через час ты уже вернешься.

Альф смущенно заерзал.

— Вряд ли отец согласится. За него и заступиться-то некому.

— А на него еще никто и не нападал. Откуда тебе знать, как все обернется? — уже с холодком, недружелюбно сказал Мак.

Альф взял тряпку, вытер стойку. Встретившись с Маком взглядом, не выдержал, сразу отвел беспокойные глаза, но потом нашел в себе силы — посмотрел в упор, даже шагнул навстречу.

— Хорошо, будь по-вашему. Оставляю записку на двери. Вряд ли отец согласится, но отвезти вас к нему отвезу. Мак широко улыбнулся.

— Славный ты парень. Мы этого не забудем. В следующий раз всякого бродяжку, у кого хоть грош есть в кармане, к тебе пошлю, пусть твоих котлет отведает.

— За деньги я хорошим обедом кормлю.— Альф снял высокий поварской колпак, опустил закатанные рукава, выключил газовую плиту.

Мак, наконец, покончил с едой.

— Вкусно, ничего не скажешь!

Джиму пришлось наскоро проглотить свою порцию, чтобы не отстать.

— У меня тут недалеко машина. Небольшая, правда. Так что, вы лучше поезжайте следом за мной на своей. И мне так безопаснее, а вам все равно.

Мак допил кофе.

— Правильно, Альф. Не водись с плохой компанией.

— Пойми меня...

— Да понял, понял. Пошли, Джим.

Альф написал объявление, приколот записку изнутри к стеклянной двери. С трудом всунул толстые руки в рукава пиджака, открыл дверь, пропуская Мака и Джима. Мак завел машину и прыгнул на сиденье, а Джиму пришлось долго дожидаться, пока Альф выведет свой «додж» со стоянки. Джим двинулся следом, в восточном направлении; пересекли бетонный мост через реку, и взору предстал приятный сельский пейзаж. Солнце почти зашло — красные отблески легли на еще теплую пыльную дорогу, а на пропыленные яблони у обочины уже опускались сумеречные тени.

Мак повернулся, провожая взглядом ряды яблонь.

— Не видно, чтобы кто-то работал, — заметил он. — Неужто все уже договорились не выходить? Ящики стоят, а сборщиков не видно.

Они свернули с шоссе на грунтовую дорогу, машина запрыгала на колдобинах. Проехав с милю, окутанная облаком пыли, машина Альфа въехала в воротца. Джим, не отставая, подогнал свою машину и поставил рядом с «доджем». Прямо перед ними стоял высокий бак, на котором крутились блестящие на солнце крылья ветряка — он приводил в движение басовитый и ворчливый насос. Место было весьма приятным. Вплотную к маленькой белой усадьбе подступал яблоневый сад. Под баком, в луже копошились дикие, но, очевидно, привыкшие к дому, утки. У большого сарая подле обнесенной проволокой конуры стояли два пойнтера и коротко, тоскливо лаяли на людей. Усадьба была окружена невысоким штакетным забором, за ним буйно разрослась красная герань, виргинский вьюнок, развесив красные листья, обрамлял крыльцо. По двору разгуливали крупные куры, сыто кудахтали и, скособочив головы, поглядывали на чужих.

Из машины вылез Альф.

— Полюбуйтесь на собак! Лучше пойнтеров в долине не сыскать. Отец их крепче, чем меня, любит.

— А где у него свободная земля?

— Вот там, за садом, еще дорогу перейти.

— Что ж, давай твоего старика разыщем. Так, говоришь, он собак своих любит?

Альф усмехнулся.

— А ты попробуй, погладь хоть одну, так он тебя живо сожрет.

Джим загляделся на дом, на свежепобеленный сарай.

— Хорошо здесь, — вздохнул он, — хочется остаться насовсем.

Альф покачал головой.

— А сколько труда надо, чтоб все в таком виде содержать. Отец с утра до ночи покоя не знает, и то всей работы ему не переделать.

Мак снова поинтересовался:

— Так где ж он сам? Пойдем поищем.

— Да вон он, садом идет,— показал Альф.

Мак вскинул голову, взглянул и повернул к конуре. Собаки припали к проволочной сетке, заскулили, прося ласки и внимания. Мак просунул пальцы и погладил собачьи морды.

— Ты любишь собак? — спросил Джим.

— Что нужно, то и люблю,— сердито отрезал Мак.

Подошел отец Альфа. Он совсем не походил на сына: маленький, подвижный. Казалось, неведомый источник энергии питает его руки и ноги — они ни секунды не знали покоя. Жесткие седые волосы, колючие усы, мохнатые брови. Карие глаза — точно две неугомонные пчелы. Ритмично прищелкивая пальцами, он обратился к сыну. Говорил быстро, отрывисто, беспокойно.

— Что? Беда какая? Неладно в твоём кафе?

Альф сразу же ушел в оборону.

— Извини... понимаешь... тут такое дело... — промямлил он.

— Ты ведь сам мечтал с фермы уехать, в городе дело завести. Городская жизнь, то да се. Небось, сарай победить тебя не заставишь. Ну, так что у тебя стряслось? — Взгляд его перебегал с одного приезжего на другого; он осмотрел их с головы до ног.

Мак не отрывал взгляда от собак, все гладил и гладил их по носам. Альф наконец пояснил:

— Тут двое ребят с тобой поговорить хотели, вот я их и привез.

— Ну, привез. А сам чего здесь околачиваешься? Возвращайся-ка в город, работа ждет.

Альф обиженно посмотрел на отца — точно собака, которую готовятся искупать,— но все же послушно забрался в машину и, приуныв, покатил в город.

— Давно я таких красавцев пойнтеров не видел,— заметил Мак.

— Да ты отродясь таких не видел,— уже смягчившись, сказал старик и подошел к Маку.

— Часто на охоту ходите?

— Ни одного сезона не пропускаю. На птицу тоже. Некоторые на птицу с сеттерами ходят. Недоумки. Сеттер

хорош, когда силки ставишь. А кто ж в наши дни силками птицу ловит? А из ружья птицу достанешь — тут пойнтер в самый раз.

— Мне вот тот, с бурой спиной, особенно по душе.

— Да, хорош. Но подружка у него хоть и невелика, а все лучше. Мэри ее зовут. Дома ласкунья и тихоня, а в поле носится сломя голову. Таких быстрых я еще не видел.

Мак погладил собачьи носы.

— Я смотрю, они под сарай подкопались. Вы их туда пускаете?

— Нет, просто они у самой стены спят. Там теплее.

— Если ваша сука приплод принесет, я бы не отказался от щенка.

— Чтоб всем желающим хватило, ей каждый день щениться надо, — усмехнулся старик.

Мак повернулся к нему и в упор взглянул в карие глаза.

— Фамилия моя — Маклауд, — представился он и протянул руку.

— А моя — Андерсон. Так что ж вам нужно?

— Прямо, без обиняков, потолковать с вами.

Солнце зашло, и кур точно ветром сдуло со двора. От деревьев уже веяло прохладой.

— Товар какой хотите предложить, мистер Маклауд? Так мне ничего не нужно.

— Товар у нас, конечно, есть, вам такого видеть не приходилось.

Было в голосе Мака нечто располагающее.

— Может, пройдем на кухню да выпьем по чашечке кофе?

— Не возражаю, — согласился Мак.

Кухня оказалась под стать всему хозяйству: все сверкало краской, чистотой, нигде ни пылинки. Никелированная окантовка плиты блестела точно зеркало.

— Один живете, мистер Андерсон?

— Иногда сын Альф приезжает, когда и переночует. Хороший он у меня.

Старик вытащил из бумажного пакета аккуратно нащепанную сосновую лучину, положил в плиту, на нее — пару смолистых ароматных веточек, а сверху несколько сухих яблоневых чурок. Так толково и ладно приготовил он растопку, что пламя занялось сразу, едва он поднес спичку. В плите затрещало, повеяло теплом. Старик поставил на

огонь кофейник, насыпал, тщательно отмерив, молотого кофе, добавил яичной скорлупы из пакета.

Стол, за которым сидели Мак с Джимом, был застелен новенькой желтой клеенкой. Вот Андерсон кончил колдовать над кофейником, подошел, сел, прямо, не горбясь, положил руки на стол. Они послушно застыли — так беспрекословно подчиняются собаки, даже когда им хочется совсем иного.

— Так какое же у вас дело, мистер Маклауд?

На волевое лицо Мака легла задумчивая тень.

— Видите ли, мистер Андерсон. Я, так сказать, готов выложить карты на стол, хотя мне это и невыгодно: картишки у меня не ахти какие, а сыграть мне нужно как можно лучше. Ну что ж, выгорит дело — хорошо, проиграю — разговор окончен.

— Ну, так выкладывайте, Маклауд.

— Значит, так: завтра две тысячи сборщиков яблок начинают забастовку, и урожай весь останется на деревьях.

Руки Андерсона встрепенились, напряжились, но вновь послушно замерли.

Мак продолжал:

— Бастуют они из-за того, что им срезали расценки. Хозяева, конечно, навезут поденщиков со стороны, тут-то и заварится каша. Бастующих много, хватит, чтобы выставить пикеты по всей долине. Вам ясна картинка?

— Отчасти. Но к чему вы клоните, пока не понимаю.

— Что ж, скажу еще, чтоб было и в целом ясно: конечно, правление вскорости издаст запрет на сборища на дорогах и на земле, принадлежащей округу. А хозяева не разрешат бастующим заходить в пределы их владений.

— Я один из «хозяев». Что ж вы от меня хотите?

— Альф сказал, что у вас есть пять акров луговины. — Руки Андерсона чуть вздрогнули и напряглись — как собаки в стойке. — Ваша земля — частная собственность. На ней можно было бы разместить людей.

Андерсон осторожно заметил:

— Что-то вы о своем товаре умалчиваете.

— Цена на яблоки подскочит, если не соберут урожай в долине Торгас, верно?

— Очевидно.

— Так вот, яблоки у вас в саду будут собраны и притом бесплатно.

Андерсон чуть ссутулился. Запыхтел кофейник на плите.

— От этой братии один только мусор да беспорядок.

— Это совсем не так. Избран комитет, он за порядок отвечает. На спиртное наложат запрет. Приедет врач — будет следить за санитарными условиями. Вырастет целый палаточный городок, ряд за рядом.

Андерсон коротко втянул воздух.

— Вот что, молодой человек. Это мои земли, рядом — мои соседи, и мне с ними ссориться не след. А послушай я вас, они меня со свету сживут.

— Но вы сами сказали, что это ваши земли. Ваши! Или они заложены?

— Да, заложены.

— А кто ваши соседи? — перебил его Мак. — Я вам сам скажу: Хантер, Гилрей, Мартин. А кому вы заложили землю? Местной финансовой компании? И принадлежит она тому же Хантеру, тому же Гилрею, тому же Мартину. И они вас выживают, в этом я не сомневаюсь. Долго ли вы продержитесь, с год? А потом земля ваша перейдет в собственность компании. Разве не так? Теперь, положим, вам уберут урожай и платить за это не придется. Положим, вы продадите яблоки по высокой цене. Может, и хватило бы денег заплатить по закладной?

Яркими бусинками блеснули глаза Андерсона. Щеки занялись сердитым румянцем. Руки зашевелились и спрятались под столом. Он замер, казалось, даже дыхание задержал. Наконец тихо произнес:

— Вы свои козыри не выложили, вы пытаетесь на них сыграть. Если я выкуплю землю, им это — ровно нож в бок.

— И всадить этот нож вам помогут две тысячи парней.

— Да, но соседи на мне отыграются.

— Пусть попробуют. Тогда в долине ни одного сарая не останется.

— А какая вам от этого выгода? — Андерсон стиснул зубы, выщелкнулся острый стариковский подбородок.

Мак усмехнулся.

— Что ж, таить не стану, скажу как есть. Не знаю, уж, право, поверите или нет. Так вот: мы с Джимом получаем по зубам время от времени; нас ждет два месяца тюрьмы за бродяжничество.

— Так вы из красных?

— Угадали! Мы, как вы изволили выразиться, красные.

— Ну, а забастовка вам на что?

— Поймите правильно, мистер Андерсон. Не мы эту

забастовку начали, а Гилрей, Мартин да Хантер. Ведь это они навязали низкие расценки, разве не так?

— Это Ассоциация садовладельцев. А они тоже зависят от финансовой компании.

— Ну что ж, не мы начали забастовку, но раз уж она вспыхнула, мы должны помочь, повести людей к победе, удержать их от бесчинств, научить работать совместно. Если поможете нам, в рабочей силе нуждаться не будет до конца.

— Вот уж не знаю, можно ли доверять красному,— усомнился Андерсон.

— Попробуйте. Пока что вы доверяли только Финансовой компании.

Андерсон холодно улыбнулся. Руки снова появились на столе, пальцы запрыгали, точно резвые щенки.

— Сдается мне, пойду я по миру с этой затеей, но, чем черт не шутит, попробую. Может, и удастся мне Крису Хантеру насолить. Все-таки приятно.

Кофе вскипел, поднялся, зашипел, попав на плиту, запахло горелым. Кустистые седые брови и жесткие волосы отливали серебром при электрическом свете. Старик снял кофейник, аккуратно вытер плиту газетой.

— Выпейте-ка кофе, господин Красный.

Но Мак уже поднялся.

— Спасибо, нам пора. Мы обещали, все будет честно, без обмана. А сейчас нас ждет еще тысяча дел. До завтра.— И, оставив старика с кофейником в руке, Мак и Джим торопливо вышли. Через двор Мак пустился бегом, на ходу бормоча:

— Ну и положеньице, все боялся — промашку дам. А с таким упрямым стариком это — конец! Охотник — одно слово!

— А мне он понравился,— заметил Джим.

— Чувствам волю не давай, нам некогда тратить время на чувства.

— А откуда ты узнал, что у него земля заложена?

— Из сегодняшнего письма. Ну, и с собаками, конечно, я угадал. Влезай, Джим, и я заведу нашу колымагу.

Ночь выдалась ясная. Машина, тарахтя, бежала по дороге, мигая фарами. Джим взглянул на небо.

— Какая красотища! Ты только посмотри, Мак, сколько звезд! Миллионы миллионов!

— Ты лучше на дорогу смотри,— буркнул Мак.— Знаешь, о чем я сейчас думал? Вспоминал того чумазого, что днем подходил к нам. Значит, нас раскрыли. Сейчас

будь предельно осторожным, в одиночку далеко не ходи. А собрался куда, бери с собой десяток ребят.

— Ты думаешь, с нами захотят расправиться?

— Конечно! Они считают, если нас уберут, то и забастовке конец.

— Мак, ну когда ж ты мне какое-нибудь задание дашь? А то я за тобой, как собачонка, бегаю.

— Ты же многому учишься, парень. Не беспокойся. Как увижу для тебя дело, резину тянуть не стану. Завтра — послезавтра начнешь пикеты организовывать. Сверни-ка налево, Джим. Нечего нам по городу разъезжать, глаза всем мозолить.

Машина запрыгала по ухабистым дорогам. Через час они подъехали к своему саду, «форд» покотил по темной тропе меж яблонь. Мак резко сбросил скорость, от чего едва не заглох мотор, фары замигали снова. Вдруг из темноты прямо в лицо Маку и Джиму ударил ослепительный луч света и двое в плащах вышли на тропу, преградив машине путь. Джим едва успел затормозить. Из темноты раздался голос:

— Это точно те самые.

Один из стоявших на дороге как бы нехотя подошел к машине, облокотился на дверцу. Мотор нетерпеливо покашливал. Незнакомец был почти неразличим — яркий луч не доставал до него. Вот он заговорил.

— Чтоб завтра к утру вас и в помине не было в долине Торгас. Ясно?

Мак незаметно тронул ступней ногу Джима. И подобострастно проныл:

— Что мы такого сделали, мистер? За что с нами так?

Незнакомец сердито ответил:

— Ты дурочку-то не валяй. Мы знаем, кто вы, и хотим, чтоб вы убрались отсюда!

Мак не переменил тона.

— Если вы из полиции, то у нас, простых граждан, тоже права есть. Мы в суд можем подать. Налоги-то не зря платим у себя дома.

— Вот домой и катитесь. Мы не из полиции, мы из комитета «бдительных». Вы, сволота красная, вообразили, будто вам везде, куда ни приедете, разрешат народ будоражить. Как бы не так! Либо вы на своей таратайке отсюда уберетесь, либо вас черный воронок увезет. Ясно?

Джим почувствовал, как нога Мака тянется к педали газа. Джим чуть подтолкнул приятеля, дескать, все понял

сам. Старенький мотор все порывивал. Порой отказывал один цилиндр, порой — два. Мак продолжал:

— Вы, мистер, нас неверно поняли. Никого будоражить мы не хотим. Мы простые бедняки-сборщики.

— Вы слышали — вон отсюда!

— Дайте хоть вещи собрать.

— Ладно, чтоб живо обернулись и марш отсюда!

— Труссы вы и больше ничего! — вдруг выкрикнул Мак. — Поди, у вас человек двадцать в засаде. Одно слово — трусы!

— Это мы — трусы?! Здесь нас всего трое. Но если к утру из долины не уберетесь, будет с полсотни.

— Давай, Джим, гони!

Мотор взревел. «Форд», точно застоявшаяся лошадь, вздыбился и рванул вперед. Стоявший у дверцы отпрыгнул в сторону, а светивший чудом не попал под колеса. «Форд» неся по дороге, внутри у него лязгало и скрежестало — того и гляди рассыплется.

Мак обернулся.

— Ишь, не светят больше! — крикнул он.

Джим подогнал машину к длинному барaku. Друзья бегом бросились ко входу. У дверей кучками стояли люди и тихо переговаривались. На порогах сидели женщины, то и дело поправляя юбки, чтобы не оголялись колени. Каждая кучка людей — точно маленький гудящий рой. Собралось с полтысячи человек, пришли из других садов.

Рядом оказался ершистый парень, с которым Джим разговаривал утром.

— То-то! Не верил мне? Ну, а теперь что скажешь?

Мак спросил парня:

— А Лондона ты видел?

— Ну а как же. Мы его в председатели выбрали. Он сейчас с комитетом совещается. А ты, небось, решил, что я совсем спятил, да? — опять обратился парень к Джиму. — Говорил же тебе, что я не последняя спица в колеснице.

Мак с Джимом пробрались меж гомонящих людей к двери Лондона. Она была закрыта, окно — тоже. Под ним столпились люди, и каждый старался подглядеть, что делается в освещенной комнате. Двое преградили Маку путь.

— Какого черта прешь?

— Нам нужно Лондона повидать.

— Вон оно что! А захочет ли он?

— Спросите, чего ж вы?

— Как зовут-то?

— Скажите Лондону, что док и Джим хотят его по-видать.

— Это ты, что ль, роды принимал?

— Кто же еще?!

— Ладно, доложу.— И он скрылся за дверью. Почти тут же снова появился на пороге и распахнул дверь.

— Заходите, ребята. Лондон вас ждет.

Клетушка Лондона была спешно переделана в «кабинет», то есть притащили несколько ящиков, чтоб было где сидеть. Сам Лондон восседал на кровати, наклонив вперед голову с круглой проплешиной. Семеро членов комитета, дымя сигаретами, расположились кто сидя, кто стоя. Все разом обернулись на Джима и Мака. Лондон, похоже, был не в духе.

— Привет, док. Привет, Джим. Рад вас видеть. Новости знаете?

— Ничего не знаем,— Мак плюхнулся на ящик.— Мы с Джимом все разъезжали. Так что случилось?

— Да все вроде бы в порядке. Ребята Дейкина тоже забастовали. И в садах Гилрея председателя выбрали, Бэрк его фамилия. Завтра намечаем всеобщее собрание.

— Отлично,— обрадовался Мак,—отлично сработано! Но много мы не сделаем, пока не выберем исполнительный комитет и единого руководителя.

— Ну, как вы съездили по своим делам? —спросил Лондон.— Я пока ребятам ничего не говорил, вдруг, думаю, не выйдет.

— Значит, так,— Мак повернулся к семерым.— Нам разрешили разбить лагерь на участке в пять акров. Земля эта частная, так что никто, кроме санитарного управления, нас оттуда не попреет. А у нас будет свой врач, ему и карты в руки.

Члены комитета чистосердечно обрадовались новости, заулыбались.

Мак продолжал:

— Я пообещал этому фермеру, что наши ребята ему бесплатно урожай соберут. В два счета управимся. Место удобное, посередине долины, воды много.

Один из комитетчиков, не утерпев, вскочил на ноги.

— Лондон, можно я сейчас всем ребятам расскажу?

— Конечно, валяй. А что это за ферма, док? Мы, может, там общее собрание завтра и проведем.

— Это ферма Андерсона, сразу за городом.

Вслед за первым членом комитета на улицу выскочили

еще двое. Поначалу было тихо, потом поднялся говор, шумный и взволнованный, но никто не кричал. Шум рос и ширился, казалось, он заполнил все вокруг.

— А что случилось со старым Даном? — спросил Джим. Лондон поднял голову.

— Его сначала хотели в больницу. Да что ему там без толку валяться. Врач у нас есть, проследит, как нога срастается. Здесь же, чуть дальше меня живет. А за стариком женщины приглядывают. Так что ему совсем неплохо. Отсюда его теперь и не выгонишь. Он сейчас всю команду, гоняет всех, и своих сиделок в том числе, почем зря.

Мак спросил:

— Ну, а от хозяев ничего не слышно?

— Как же, управляющий приезжал. Спрашивал, не собираемся ли вновь за работу браться. Мы ему — ни за что! Тогда, говорит, выметайтесь к утру. Говорит, целый поезд желающих работать утром приедет.

— Не приедет, — перебил его Мак. — Раньше после завтра он работников не соберет. Времени не хватит. Ну, а мы успеем к достойной встрече подготовиться. Кстати, Лондон, какие-то парни — назвались тоже комитетом — хотели нас с Джимом из долины убрать. Так что предупреди ребят, чтоб поодиночке не ходили. Пусть друзей за компанию берут.

— Займись этим, Сэм, скажи ребятам, — кивнул одному из комитетчиков Лондон, и тот вышел. Снова с улицы донеслись громкие голоса, словно волна прокатилась по галечному дну. На этот раз голоса звучали грозно и гневно.

Мак неторопливо скатал бурую самокрутку.

— Устал, — признался он. — А дел еще непочатый край. Ну, ничего, до завтра подождут.

— Ложись-ка спать, — посоветовал Лондон, — набегался за день-то.

— И верно. После рабочего дня особенно тяжело. Враги наши вооружены. Нам оружия держать нельзя. У них — деньги. Они могут наших ребят подкупить. Для наших изголодавшихся бродяг и пять долларов — богатство. Поэтому, Лондон, когда говоришь с ребятами, взвешивай каждое слово. Ведь тех, кто продается, и судить-то строго нельзя. Мы должны действовать умно, безжалостно и быстро, — говорил Мак невесело. — Не победим сейчас, придется все заново начинать. Как это ни прискорбно. Мы бы без труда победили, держись ребята сплоченно, заодно. В порошок бы всех хозяев стерли. И не надо нам ни ору-

жия, ни денег. Голыми руками душили бы, зубами бы грызли.—Мак упрямо вскинул голову. Лондон сочувственно и смущенно улыбнулся, как будто кто из друзей очень уж разоткровенничался.

Массивное лицо Мака залилось краской стыда.

— Устал я, ребята. Вы продолжайте, а мы с Джимом немножко вздремнем. Да, вот еще, Лондон. В завтрашней почте придет посылка на имя Алекса Литла. Там листовки. Почта приходит в восемь утра. Пошли кого-нибудь из ребят, ладно? И проследи, чтоб листовки быстро распространили. Они нам в помощь. Пошли, Джим. Пора и поспать.

Они легли, не зажигая света. За стеной сидели люди, им не до сна. Гул голосов проникал сквозь тонкие стены, распространялся, казалось, по всему миру. Со стороны городка доносился лязг буферов и пыхтение маневрового паровоза. Прогрохотали по шоссе грузовики-молоковозы. Затем нежданно-негаданно раздались звуки губной гармоник — голоса за стеной враз смолкли, люди прислушивались. Но лишь гармоника нарушала ночную тишину. Еще Джим слышал, как закукарекал петух, и крепко заснул.

7

Занималось холодное серое утро, Джима разбудили голоса за дверью.

— Здесь они, спят еще, наверное.

Дверь распахнулась. Мак резко сел на постели.

— Мак, ты дома? — слышал он знакомый голос.

— Дик! Как это ты умудрился в такую рань приехать?

— С доком Бертоном за компанию.

— И док здесь?

— Под дверью стоит.

Мак чиркнул спичкой, зажег свечу на щербатом блюде. Дик повернулся к Джиму.

— Здорово! Ну, как у тебя дела?

— Отлично! А чего ради ты так разоделся? Ишь, на брюках стрелка, рубашка свежая.

Дик улыбнулся, подавляя смущение.

— Должен же кто-то в этой дыре выглядеть прилично.

Мак объяснил:

— Дику предстоит «внедриться» в каждый дом Торгаса, где хоть мало-мальски нам сочувствуют. У меня есть список. В первую очередь нам нужны деньги, а еще — па-

латки, брезент, кровати. Запомни: палатки. Вот список. Адресов много. Как полезное знакомство завяжется, дашь знать, мы за барахлом машины придем. У многих наших ребят машины.

— Понял, Мак. Ну, а как забастовка?

— Набирает обороты. И мы как белки в колесе,— он завязал ботинок.— А где док? Чего ж ты его не позовешь? Заходите, док.

В комнату вошел молодой человек. Золотистые волосы, нежное, почти девичье лицо, во взгляде больших глаз — тихая печаль как у породистого пса. В одной руке он держал и докторский саквояж, и портфель.

— Здравствуйте, Мак. Дик получил вашу телеграмму и вот привез меня.

— Отлично, вы быстро приехали, док. Вы нам очень нужны. Познакомьтесь, это Джим Нолан.

Джим поднялся, наступив Бертону на ногу.

— Рад познакомиться, док.

— Берись-ка сразу за дело, Дик,— скомандовал Мак.— Перекусишь в кафе у Альфа, особенно его не объедай, позавтракай, и хватит с тебя. Нам его старик землю под лагерь уступил. Давай, Дик, двигай и запомни: нужны палатки, брезент, деньги, а в общем, ни от чего не отказывайся.

— Понял, Мак. А люди у тебя в списке надежные?

— Не знаю, сам проверишь. Или мне их для тебя сюда пригласить?

— Да пошел ты! — и Дик скрылся за дверью. Тусклая свеча и серый рассвет словно боролись — кто ярче, теряя в этой борьбе последние силы. В комнате было холодно.

— Из вашей телеграммы не очень-то понятно, что делать.

— Подождите чуток, доктор,— Мак вышел, но тут же вернулся с дымящимся котелком, аромат кофе смешивался с запахом дыма.— Там костер развели, вот кофейку сварили.

— Видно, что прямо с огня,— сказал Джим.

— Да и по запаху ясно, что на костре варили. Впрочем, док, это лучшее, что мне доводилось пить в последние дни. Сначала хотелось бы разработать план. Не пускать же нашу забастовку на самотек,— он отхлебнул кофе.— Садитесь, док, вон ящик. Итак, у нас есть пять акров частной земли. Во всем, док, наша помощь вам обеспечена. Можете ли вы разбить там лагерь, чтоб палатки рядами, выгребные ямы, чтоб все было чисто, чтоб

для отбросов — особые места? Продумайте, где и как людям помыться. И чтоб карболкой на милю кругом воняло, чтоб вся зараза прочь! Сможете, док, все организовать?

— Очевидно, смогу, если помощников побольше дадите. — Взгляд у него еще более погрузтел. — Достаньте пять галлонов карболки, и я на весь округ такого аромата напущу!

— Отлично. Сегодня мы перебираемся. Постарайтесь побыстрее осмотреть людей. Санитарное управление, конечно же, будет выискивать, к чему бы придраться. А уж если найдет, даст нам крепкого пинка. В этом вонючем бараке мы живем, как свиньи, и всем наплевать, а стоит нам забастовать, власти вдруг начинают из кожи лезть вон, вабоются о здоровье населения.

— Да, да, все верно.

— Расчирикался я уж больно, — смущенно сказал Мак. — Вы ведь, док, и сами прекрасно знаете, что делать. Пойдемте, я вас с Лондоном познакомлю.

На крылечке у двери Лондона сидели трое. Увидев Мака, подвинулись, пропуская. Лондон лежал на кровати, очевидно, гости разбудили его. Он приподнялся на локте.

— Что? Уже утро?

— Зима уже, а ты все спишь, — усмехнулся Мак. — Вот познакомься: док Бертон, наш главный врач. Ему нужны помощники. Сколько человек, док?

— А на сколько человек лагерь планировать?

— На тысячу, а то и на полторы.

— Тогда мне понадобится человек пятнадцать — двадцать.

— Эй, ребята, зайдите-ка кто-нибудь! — гаркнул Лондон. Один из охранников открыл дверь, заглянул.

— Разыщи-ка Сэма! — велел Лондон.

— Сейчас!

Лондон сказал:

— Сегодня на десять утра мы назначили общее собрание. Всех садов, значит. Я их оповестил, что Андерсон нам разрешил на его земле палатки поставить. Скоро уж собираться начнут.

Открылась дверь, вошел Сэм, от любопытства его худое лицо, казалось, заострилось еще больше.

— Сэм, это док Бертон. Будешь его правой рукой. Иди и скажи ребятам, что доку нужны помощники-добровольцы. Выбери человек двадцать понадежнее.

— Сделаю. Когда люди нужны?

— Прямо сейчас, — ответил Бертон. — Нужно съездить,

разметить все на местности. Человек восемь-девять влезут в мою машину. Найдите кого-нибудь с машиной, пусть довезет остальных.

Сэм переводил взгляд с Лондона на Бертон и обратно, пытаясь определить, большой ли Бертон начальник.

— Не сомневайся, Сэм,— угадал его взгляд Лондон.— Делай все, что док ни скажет.

Бертон поднялся.

— Помогу людей отбирать.

— Обождите,— задержал его Мак.— За вами в городе грешков не водится?

— Каких грешков? — не понял Бертон.

— Ну, нет ли у них повода обвинить вас в противозаконной практике?

— Насколько мне известно, нет. Конечно, если уж очень захотят, они этот повод хоть из пальца высосут.

— Что верно, то верно,— согласился Мак.— Но повозятся они с этим не день и не два. Что ж, до свидания, док.

Бертон и Сэм вышли. Мак повернулся к Лондону.

— Хороший парень. Посмотришь, вроде маменькин сынок, а на деле — твердый орешек. И работает всегда на совесть, основательно. Поесть что-нибудь найдется?

— Хлеб и сыр.

— Так что ж мы ждем? Мы с Джимом вчера поужинать позабыли.

— Я еще ночью об этом вспомнил, когда проснулся,— подхватил Джим.

Лондон нашарил в углу пакет, выложил из него буханку хлеба и круг сыра. Снаружи стали доноситься разные звуки: загудели примолкнувшие было на ночь голоса, захлопали двери, кто-то кашлял, кто-то сморкался. Наступал ясный день, красное солнце уже заглядывало в окна.

Мак, не прожевав, заговорил:

— Лондон, как думаешь, Дейкин потянет руководство всей стачкой, если его избрать председателем стачечного комитета?

— Дейкин — мужик стоящий,— чуть разочарованно ответил Лондон.— Я его давненько знаю.

Мак разгадал настроение Лондона.

— Буду с тобой откровенен. Лучше тебя председателя не найти, да уж больно ты вспыльчив. А Дейкин, похоже, из тех, кто никогда не вспылит. Ведь если наш вожак потеряет хладнокровие, мы пропали.

Мак бил наверняка. Лондон согласился.

— Да, я, конечно, завожусь быстро. Так порой разозлюсь, что блевать тянет. Насчет Дейкина ты тоже прав: он хитрый лис. Смотрит всегда спокойно, говорит ровно. И чем хуже дела, тем он меньше дергается.

Мак предложил:

— Вот на собрании ты и подкинь его кандидатуру, ладно?

— Хорошо.

— Насчет Бэрка я определенного ничего сказать не могу, но, скорее всего, наши ребята и парни Дейкина его усмирят, если не туда гнуть будет. А сейчас пора заняться переездом, путь неблизкий.

— А когда, по-твоему, навезут новых сборщиков?

— Не раньше завтрашнего дня. По-моему, хозяева еще не верят, что мы всерьез забастовали. И не меньше дня им понадобится, чтоб набрать тех, кто на нашу работу позарится.

— Ну, привезут их, а нам тогда что делать?

— Что ж,— усмехнулся Мак,— встретим поезд, вручим им ключи от города. Мне должны телеграмму послать — предупредить. Наши ребята на биржах труда дежурят,— он поднял руку, прислушиваясь, и посмотрел на дверь. Разноголосый гомон прекратился. И в тишине вдруг раздался свист, потом — крики. За стеной заспорили.

Лондон шагнул к двери и распахнул ее. Трое охранников по-прежнему стояли у крыльца, а перед ними он увидел управляющего в тяжелых сапогах и молескиновых штанах. Справа и слева — двое помощников шерифа (судя по знакам отличия), в каждой руке у них по дробовику.

Управляющий заметил Лондона и, не обращая более внимания на стражников, обратился к нему.

— Нужно поговорить с вами, Лондон.

— Что, оливковую ветвь принесли? — съязвил Лондон.

— Может, сначала к себе пригласите? Глядишь, и договоримся.

Лондон переглянулся с Маком, тот кивнул. Собравшаяся толпа напряженно вслушивалась. Управляющий шагнул вперед, его телохранители — следом. Охрана Лондона не шелохнулась. Один сказал:

— Шеф, вы б велели им свои пушки здесь оставить.

— Правильно! — поддержал Лондон. — Если хотите со мной поговорить, дробовики только помехой будут.

Управляющий беспокойно оглянулся на молчаливую грозную толпу.

— А где гарантии, что поведете честную игру?

— Мы же с вас гарантий не спрашиваем.

Управляющий решился и бросил спутникам:

— Оставайтесь здесь! Следите за порядком!

Только сейчас охранники Лондона расступились, пропустили гостя и снова сомкнулись. Телохранители управляющего чувствовали себя весьма неудобно. Они теребили ружья и бросали вокруг свирепые взгляды.

Лондон закрыл дверь.

— Не понимаю, почему бы нам не поговорить на улице, чтобы все ребята слышали.

Управляющий заметил Мака и Джима и сердито зыркнул на Лондона.

— Отошлите этих людей прочь!

— Не-е,— покачал головой тот.

— Вот что, Лондон. Вы сами не ведаете, что творите. Я дам вам возможность вернуться к работе, если вы выставите этих молодчиков!

— За что? Они ребята славные.

— Красные они! Баламутят сотни хороших людей. И им плевать на вас, на всех, им лишь бы кашу заварить! Гоните их, а сами возвращайтесь к работе.

— Ну, положим, прогоним мы их. Так что, нам денег за работу прибавят? Получим мы полную плату?

— Нет. Вы просто сможете вернуться к работе без каких-либо неприятных последствий. Владельцы садов готовы простить вам этот выпад.

— Зачем же тогда мы затевали эту забастовку?

Управляющий понизил голос.

— Кое-что я могу вам предложить: уговорите всех вернуться на работу, и я беру вас к себе в помощники. Место постоянное, пять долларов в день.

— А как насчет моих друзей?

— По пятьдесят долларов на нос и пусть убираются из долины.

Джим взглянул на Лондона: на массивном лице у того читалась задумчивость. Мак зловеще ухмылялся. Наконец Лондон заговорил:

— Мне б хотелось взвесить все «за» и «против». А что, если мы с друзьями не согласимся?

— Тогда через полчаса мы вас всех вышвырнем отсюда. И каждого занесем в черный список — тогда уж никуда вам не поехать, нигде никакой работы не найти. У шерифа в помощниках человек пятьсот — всех соберем, если понадобится. Ну, как, взвесили свои «за» и «против»? И рабо-

та вам разве что в преисподней найдется. И еще: дружков ваших мы за решетку упрячем и уж постараемся подольше продержать.

— Но ведь они при деньгах, так что нищенство или бродяжничество им не впаяешь.

Управляющий надвинулся на Лондона и еще выразительнее сказал:

— Не будьте дураком. Вы же знаете, каков закон. Все, что судье не по нраву, будет вам вменено как бродяжничество. А к вашему сведению, судьей у нас Хантер. Так что, давайте-ка, Лондон, ведите людей обратно в сады, и у вас будет постоянная хорошо оплачиваемая работа.

Лондон потупился. Искоса взглянул на Мака — как поступить? Но Мака томительная пауза, видно, не смущала.

— Ну, решайте, Лондон. Ваши красные дружки вам не помогут, вы и сами прекрасно знаете.

Джим поежился, наблюдая за разговором со стороны, но в широко открытых глазах не мелькнуло и тени беспокойства. Мак не сводил взгляда с Лондона и приметил больше, нежели управляющий: вот у Лондона расправились плечи, он чуть пригнул голову, напряжил сильную шею, руки изготавились, как у боксера, для удара, глаза грозно сверкнули, шея и лицо покраснели.

— Не дури, Лондон! — крикнул вдруг Мак.

Лондон вздрогнул и чуть заметно сник. А Мак продолжал уже спокойнее:

— Я знаю, что нужно делать. Пока этот господин здесь, давай-ка проведем общее собрание. Расскажем ребятам, что нам предложили за них взятку. Вот и проголосуем, соглашаться ли Лондону на постоянное место за пять долларов. Ну, а потом, наверное, постараемся удержать ребят, а то ведь растерзают этого господина.

Управляющий побагровел от злобы.

— Это мое последнее слово. Либо соглашайтесь, либо катитесь отсюда!

— Что мы и собирались делать, — подхватил Мак.

— В нашей долине вам не остаться! Выдворим!

— Вот уж не удастся. Нам предложили занять частную землю. Сам хозяин предложил.

— Ложь!

— Вот что, мистер, — сказал Мак, — нам и без того будет трудно вас с вашими телохранителями отсюда вывести, так что вы уж на рожон-то не лезьте.

— Ну, и куда ж вы думаете перебраться?

Мак сел на ящик и заговорил спокойно и чуть враждебно.

— А перебираться мы думаем, мистер, на участок Андерсона. Конечно, вам бы в первую голову от нас избавиться. Все верно. Но и мы не лыком шиты. Второе: вы, конечно, вздумаете на Андерсоне отыгаться. Так вот, если хоть один из вас тронет пальцем Андерсона или нашкочит ему, если хоть одна яблонька пострадает, знайте, у каждого из тысячи наших парней окажется по коробку спичек и спалим всех вас дотла. Ясно вам, мистер? Хотите, считайте мои слова угрозой. Тронете ферму Андерсона, мы во всей долине ни дома, ни амбара не оставим.— Гневные слезы стояли в глазах у Мака. Грудь часто вздымалась, будто он вот-вот разрыдается.

Управляющий резко повернулся к Лондону.

— Вы что, не видите, с кем связались? Знаете, сколько лет тюрьмы схлопочете за поджог?

Лондон с трудом подавил ярость.

— Катитесь-ка вы отсюда, а то я за себя не отвечаю! И побыстрее! Мак, выпроводи его, выпроводи, пока до беды не дошло!

Управляющий отпрянул от надвигающегося горой Лондона, стал судорожно нашаривать ручку двери.

— Так, угроза физической расправы,— прохрипел он. Дверь позади открылась.

— У вас свидетелей нет, чтоб угрозу подтвердить,— бросил напоследок Мак.

Приспешники управляющего заглядывали через плечи охранников.

— Дурачье! — ответил управляющий.— Да я, если нужно, десяток свидетелей найду, и они подтвердят все, что захочу. А с вами у меня разговор окончен.

Охранники расступились, пропустили управляющего и его свиту, которая держалась по бокам от него. В собравшейся толпе никто не проронил ни звука, лишь молча пропускали всю троицу да провожали кто сердитыми, а кто недоуменными взглядами. Управляющий и двое его спутников с деланным спокойствием дошли до машины, стоявшей у угла барака, и уехали восвояси. Лишь тогда взгляды в толпе стали постепенно обращаться к открытой двери лондоновой каморки. Лондон стоял, привалившись к дверному косяку, поникший и смурной.

Мак подошел к нему сзади, положил руку на плечо. Крылечко поднимало их на полметра над притихшей толпой.

— Ребята! Мы ничего не хотели вам говорить, пока гости не убрались, боялись, вы их тогда живыми не выпустите! — крикнул в толпу Мак. — Этот мордоворот приезжал, чтобы толкнуть Лондона на предательство. Лондону посулили постоянную работу, а вас бы еще раз оставили в дураках.

Толпа зароптала, зарычала по-звериному. Мак поднял руку.

— Обождите чуток, сейчас не время яриться. Просто крепко запомните: Лондона хотели подкупить, да не смогли. А теперь помолчите, дайте сказать. Отсюда нам пора выбираться. У нас есть место на одной ферме. И переехать нам нужно организованно. Только при строжайшей дисциплине можно чего-то добиться. И дисциплина эта для всех и каждого. У кого есть машины, сажайте женщин, детей, грузите то, что вручную не дотащить. Остальные пойдут пешком. Вести себя прилично, ничего на пути не ломать. Держаться всем вместе. Итак, собирайтесь в дорогу, а Лондон пока с комитетом потолкует.

Не успел он договорить, толпа заволновалась. Всколыхнулись крики, смех; люди забежали, засуетились. Какая-то бесовская, неумная страсть овладела ими. И смеялись они недобрым смехом. Разбежавшись по клетушкам, собирали пожитки, вытаскивали, бросали прямо на землю: котелки, чайники, одеяла, узлы с одеждой. Женщины выкатывали детские коляски. Шестеро комитетчиков с трудом протолкались к двери Лондона.

Солнце уже выглянуло из-за деревьев, и сразу потеплело. За бараком заурчали-закашляли старые машины. Застучал молоток — кое-кто грузил вещи в ящики. Суета была неописуемая: люди бегали туда-сюда, на бегу перебрасывались словом, вспыхивали быстрые споры, каждому не терпелось высказать и свое суждение.

Впустив шестерых, Лондон плотно прикрыл дверь, чтобы не мешал шум. Члены комитета держались молчаливо, с достоинством, сознавая свою важность. Они расселись на ящики и с серьезным видом уставились на стены. Начал Мак.

— Не возражаешь, Лондон, если я с ребятами потолкую?

— Валяй, чего там!

— Не подумайте, что я так и норовлю быть в каждой бочке затычкой, просто хотел кое-каким опытом поделиться. Доводилось в переделки попадать, мог бы рассказать,

где и когда не заладится, как лучше в трудные минуты держаться.

Один из шестерых кивнул.

— Говори, слушаем тебя.

— Ну, так вот. Сейчас вы загорелись, вам и удержу нет. Это беда всех нас, работяг: то кипим, прямо на части рвемся, а через минуту — глядь, уже остыли, ледком подернулись. Значит, кипеть нам ни к чему да и леденсть не след. И вот что я предлагаю. Вы над моим предложением покумекаете, захотите — на общее голосование поставьте. Почти все забастовки плохо кончаются из-за того, что нет дисциплины. А если разбить всех на отряды, в каждом выбрать командира и чтоб он за своих людей отвечал, тогда б нам работалось легче.

Один из комитетчиков сказал:

— Многие армию прошли. И армейские порядки им вряд ли по душе.

— Их можно понять! На войне они бились за чужие интересы. Да и офицеры им обуза. А вот если б они их сами выбирали да за свое дело сражались, по-другому бы относились.

— Да они вообще ни о каких командирах и слышать не захотят!

— И все ж без командиров не обойтись. С нами в два счета разделаются, если у нас не будет дисциплины. А не понравится один командир, пусть «разжалуют» его и выберут другого. Им это придется по душе. Потом над каждой сотней должен стоять начальник, а над ними всеми — вроде как главнокомандующий. Обмозгуйте, ребята, мое предложение. Часа через два будет большое собрание, и у нас уже должен быть план действий.

Лондон поскреб лысину.

— На словах вроде хорошо получается. Увижу Дейкина — потолкуем с ним об этом.

— Вот и ладно, — заключил Мак. — А сейчас за работу. Джим, ты остаешься при мне.

— Так дай и мне какую-нибудь работу.

— Будешь при мне, сказал! В любую минуту можешь понадобиться.

С трех сторон участок в пять акров на ферме Андерсона был окружен старыми тенистыми яблонями. С четвертой он примыкал к узкой и пыльной проселочной доро-

ге. Люди прибывали группами, смеясь, перекликаясь, их уже ждала размеченная для лагеря площадка. Воткнутые в рыхлую землю колышки обозначали будущие палаточные «улицы». Всего таких улиц пять, вдоль дороги, в конце каждой вырыта глубокая яма для уборной.

Перед тем, как разбивать палатки, провели собрание: избрали Дейкина председателем, утвердили комитет. Предложили людям образовать отряды, и мысль эта понравилась.

Едва-едва начали работать, как появились пять полицейских мотоциклов, остановились на дороге. Полицейские вышли и, привалившись к своим машинам, стали наблюдать за происходящим: как ставили палатки, натягивали тенты. Командовал вездесущий грустноглазый доктор Бертон. На обочине стояло не меньше сотни допотопных машин, грозно нацелив фары на дорогу: и старинные «форды» с проплешинами на сиденьях; и дряхлые «гудзоны», стреляющие точно пулемет, когда их заводили. Они выстроились как солдаты-ветераны, встретившиеся после разлуки. На фланге командиром высился грузовик-«шевроле» Дейкина, сияющий чистотой и новизной. Из всех машин лишь он был в хорошем состоянии. И всякий раз, обходя лагерь в окружении комитетчиков, хозяин старался не выпускать из поля зрения свое сокровище. Говорил ли он, выслушивал ли кого, холодный, уклончивый взгляд неизменно нашаривал сверкающий зеленой краской грузовичок.

Натянули старые брезентовые палатки, Бертон распорядился, чтобы их вымыли с мылом. На грузовичке Дейкина съездили за водой из большого бака Андерсона. И женщины принялись орудовать старыми швабрами.

Андерсон выходил из дома и с беспокойством следил, как преображается его участок. К полудню лагерь был готов, и девятьсот сборщиков принялись за работу в саду: яблоки собирали в котелки, в шляпы, в дерюжные мешки. Не хватало лестниц — взбирались на деревья прямо по стволам. К вечеру собрали весь урожай, разложили яблоки по ящикам и свезли в амбар.

Расторопный Дик тем временем прислал в лагерь гонца-мальчонку, попросил дать ему людей и грузовик и встретить в городе. Посланный грузовик привез палатки. Каких там только не было: и круглые, шатровые из бурого брезента; и маленькие одноместные; приземистые и островерхие; большие армейские на десять человек. А еще в грузовике оказалось два мешка плющеного овса, мешки

с мукой, картофелем, луком, коробки консервов и даже целая коровья туша.

Палатки быстро разошлись по городку. Доктор Бертон взялся налаживать кухни. С городской свалки привезли три ржавые плиты, вместо конфорок — жестяные блины. Назначили поваров, наполнили водой большие котлы, разделали тушу, приготовили картофель и лук для обеда на тысячу человек. Сварили фасоль. Сборщики, вернувшись из сада, обнаружили, что их ждут огромные лохани с едой. Расселись прямо на земле, кто ел прямо из лохани, кто накладывал в кружку, кто — в котелок.

К ночи моторизованную полицию сменили помощники шерифа с ружьями. Поначалу они по-солдатски, строем ходили взад-вперед по дороге, потом уселись на обочине, не спуская глаз с лагеря. Там загорелись редкие огоньки — кое-где в палатках зажгли керосиновые фонари, от неровного пламени по стенам прыгали тени. В конце первой улицы, за зеленым грузовичком, стояла палатка Дейкина — большая, первоклассная, разделенная пологом надвое, внутри — складные стол и стулья. Пол застелен брезентом, в середине под потолком на шесте висел неумолчно шипящий газовый фонарь. Дейкин жил на широкую ногу и даже в дороге не отказывал себе в удобствах. Страстей и страстишек Дейкин не имел, поэтому каждый заработанный цент тратился на дом, грузовик, новое походное снаряжение.

Стемнело, и Лондон с Маком и Джимом направились к его палатке. У Дейкина они застали Бэрка — угрюмого ирландца — и как две капли воды похожих друг на друга коротышек-итальянцев. Миссис Дейкин удалилась на другую половину «дома». Под слепящим светом газового фонаря сквозь светлые волосы у Дейкина просвечивал розоватый череп. Уклончивый взгляд был сегодня беспокоен.

— Привет, ребята, присаживайтесь, где найдете.

Лондон облюбовал единственный свободный стул. Мак с Джимом расположились прямо на полу. Мак достал кiset, свернул самокрутку.

— Похоже, все складывается пока как нельзя лучше, — заметил он.

Дейкин бросил на него быстрый взгляд и тут же отвел глаза.

— Да, и впрямь похоже.

— А легавые быстро явились — не запылились, — вставил Бэрк. — Эх, попортить бы кому из них вывеску.

Дейкин спокойно осадил его.

— Легавых пока оставь в покое, потерпи чуток. Они ведь никого не трогают.

— А как наши отряды? — поинтересовался Мак.

— Вроде полный порядок. Командиров выбрали, а кое-где уж и не один раз. Слушай, а молодец твой док Бертон.

— Да, он — парень что надо! — кивнул Мак. — Где он сейчас-то? Надо б к нему охрану приставить. Лишимся его — нас отсюда выпрут в два счета, скажут, что наш лагерь угрожает здоровью местного населения.

Дейкин тут же повернулся к Бэрку.

— Ты уж займись этим. Выбери ребят понадежнее, пусть стерегут дока. Он, кажется, всем пришелся по душе.

Бэрк тотчас же поднялся и вышел из палатки. Лондон попросил Мака:

— Расскажи-ка теперь и Дейкину, о чем мне рассказал.

— Дейкин, ребята, похоже, думают, что мы на пикник их вывезли. Но это еще цветочки, а вот ягодки впереди — завтра.

— Что, нашли все-таки нам замену?

— Да целый состав работничков приедет. У меня в городе знакомец. Он мне и телеграмму отбил. Сегодня вечером получил. Из города идет битком набитый голытьбой товарняк. В долине ожидается завтра утром.

— Что ж, — решил Лондон, — встретим поезд, поговорим с новенькими, может, и выйдет толк. Если нет — разгоним.

— Вот и я подумал, — вставил Мак. — Раз, помню, целую армию таких субчиков вспять повернуть удалось. Объяснили им по-хорошему, что к чему.

— Мы тоже все им объясним.

— Вот что, — продолжал Мак. — Полиция нам, конечно, постарается помешать. Нельзя ли как-нибудь пораньше из лагеря улизнуть, и пусть себе легавые пустые палатки караулят.

Дейкин заморгал, хотя взгляд нимало не оживился.

— Думаете, оставим их с носом? — он даже хохотнул от радости, его поддержали и остальные. — Что ж, пойдите расскажите ребятам.

Мак возразил:

— Подождите, Дейкин. Расскажем им сегодня, до завтра об этом всякая собака узнает.

— Что вы хотите сказать?

— Неужто, думаете, у нас в лагере стукачей нет? Человек пять наберется только подсадных уток, а болтунов,

кто за доллар расколется, не счесть. Всегда так. Перед самым уходом и скажем.

— Что ж, ребятам не доверяется?

— Ну, расскажите, если хотите рискнуть. Не сомнегаюсь, что тогда мы пойдем на вокзал под полицейским конвоем.

— Ну, а вы что думаете? — обратился Дейкин к остальным.

— По-моему, он прав, — сказал один из мальнсий-итальянцев.

— Ладно. Тогда придется в лагере охрану оставить.

— Человек сто, не меньше, — согласился Мак. — Оставим без присмотра — все спалят.

— А ребята быстро управились с урожаем.

— Да и сейчас еще человек двести в соседнем саду работают. У Андерсона богатый урожай, он даже не ожидал.

— Пока идет без помех. Все еще впереди, — вздохнул Мак.

— А сколько народу-то приедет? Не узнавал?

— Завтра — с полтысячи. А потом, наверное, еще. Не забудьте ребят предупредить, чтоб камнями завтра запаслись.

— Непременно.

Вернулся Бэрк.

— Мы пока поместили в большую палатку. Там с ним ночью еще десятеро будут спать.

— А где он сейчас?

— Да нашел у одного парня лишай, вот и обрабатывает его у кухни.

В этот миг разом донеслось несколько выкриков, а потом — один, сердитый и пронзительный. Дейкин, а следом и гости выскочили наружу. У первого от дороги ряда палаток собрались люди.

Дейкин протолкался на середину.

— Что здесь происходит, черт возьми?

— А то, что ваши люди камнями швыряются, — выкрикнул все тот же пронзительный голос. — Не прекратят, мы откроем огонь, и пеняйте на себя, если кого пристрелим.

Мак повернулся к Джиму и прошептал:

— Открой они огонь, было б даже кстати. Наших ребят удерживать все труднее, до беды недалеко. Того и гляди, меж собой драку затеют, боевого духа у них хоть отбавляй.

Лондон решительно пошел прямо на толпу.

— Вот что, ребята,— крикнул он.— Вы что, дети малые? Вам что, заняться нечем? Ну-ка, живо все по палаткам! — Грозный тон подействовал, люди стали неохотно, ворча, расходиться.

— Держи их в узде, иначе мы их обуздаем! — помахал «винчестером» крикливый.

Дейкин презрительно бросил:

— Сбавь-ка обороты и отправляйся спать!

Мак пробормотал:

— Видать, легавые трусят, как бабы. От них ссйчас всего можно ожидать! Как змея гремучая: со страху на что угодно бросится!

Люди разбрелись по палаткам.

— Давай-ка заглянем к доку,— предложил Мак.— Он где-то у кухни.

Доктор Бертон сидел на ящике и бинтовал руку какому-то мужчине при тусклом свете керосиновой лампы, свечивавшей маленький пяточок. Он скрепил повязку липким пластырем.

— Ну, вот и все. Больше так рану не запускай, не то без руки в один прекрасный день останешься.

Мужчина поблагодарил, опустил рукав и пошел прочь.

— Привет Мак, привет Джим, вот я, кажется, и освободился.

— У него и впрямь лишай?

— Да нет, поранил где-то руку, попала инфекция, вот и все. Они на царапины да порезы и внимания не обращают.

— Найди у нас доктор оспу, сразу бы открыл особую палату, установил бы карантин — и был бы рад-радешенек. Чем будете сейчас заниматься, док?

Док взглянул на Мака, в карих грустных глазах — усталость.

— Похоже, на сегодня все; нет, нужно еще сходить проверить, как продезинфицировали туалеты. Я им все объяснил.

— По запаху судя — продезинфицированы что надо! А не лучше ли вам, док, соснуть? Ночью-то прошлой вы и глаз не сомкнули.

— Устал я, это верно, но спать не хочется. Мне вот что-то так захотелось пойти в сад, просто посидеть под яблоней.

— Нас с Джимом возьмете?

— С удоеольствием,— Бертон поднялся.— Подождите, сейчас вымою руки.— Он тщательно намылил их зеленым

мылом и долго оттирал в тазике с теплой водой.— Ну, теперь можно и в путь,— сказал он наконец, и втроем они не спеша пошли прочь от палаточного городка к темному саду. Под ногами шуршали, рассыпаясь, комочки сухой земли.

— Вы, Мак, для меня загадка,— устало заговорил Бертон.— Вы умело подделываетесь под речь собеседника. С Лондоном и Дейкином вы говорите под стать им самим. Вы актер.

— Нет, никакой я не актер. Просто каждый собеседник создает неповторимую атмосферу, я ее чувствую и отвечаю, все происходит само собой. Я не подделываюсь нарочно, я просто не могу иначе. Вы ведь, док, знаете, люди не очень доверяют тем, кто говорит не на их языке. Можно обидеть человека, даже употребив незнакомое ему слово. Он, вероятно, промолчит, а в душе возненавидит вас. То есть я не про вас лично это говорю, док. С вами все наоборот, док, вы и должны отличаться от нас, как небо от земли, иначе вам доверия не будет.

Они вступили на темную аллею, высоко над головой чернели ветви, густо обсыпанные яблоками. Стихли шорохи сонного лагеря. Вдруг над головой кто-то надсадно, скрипуче вскрикнул. Мак, Джим и Бертон вздрогнули — то пролетела сипуха.

— Это сова, Джим,— пояснил Мак,— на мышей охотится.— И тут же повернулся к Бертону: — Джим житель городской, ему многое в новинку, а нам-то привычно. Давайте-ка присядем здесь.

Мак с доктором расположились прямо на земле, под раскидистой старой яблоней. Джим, скрестив ноги, сел напротив. Тихая выдалась ночь, ни ветерка; застыли черные листья в недвижном воздухе.

Мак говорил очень тихо, словно опасаясь чуткой, затаившей дыхание ночи.

— И вы для меня загадка, док.

— Я? Загадка?

— Да, да. В партии вы не состоите, а все время нам помогаете, хотя выгоды вам никакой. Не знаю, верите ли вы в наше дело, вы об этом ни разу не обмолвились, вы просто работаете на нас. Мы не первый раз встречаемся, но я что-то сомневаюсь, заодно ли вы с нами.

Доктор Бертон тихо рассмеялся.

— Право, не знаю, что и сказать. Кое-какими мыслями мог бы и поделиться, да боюсь, они вам придутся не по вкусу. Я почти уверен.

— И все же поделитесь.

— Вот вы говорите, я не верю в ваше дело. Легче не поверить, что на небе есть луна. Коммуны были и до вас и будут впредь. Но вы почему-то вообразили, что достаточно заложить фундамент, а здание вырастет само собой. Но все так переменчиво, Мак. Допустим, завтра вам удастся осуществить свой замысел, но сразу же он начнет претерпевать кое-какие изменения. Скажем, организуете вы коммуну, но постепенно она все меньше и меньше будет соответствовать вашей задумке.

— Значит, вы считаете наше дело несостоящим?

Бертон вздохнул.

— Извечный камень преткновения, все доводы о него разбиваются. Потому-то я и не люблю часто высказываться. Поймите меня, Мак, упрекаю я вас потому, что не способен многого увидеть и услышать, впрочем, выше головы не прыгнешь. Увидеть бы все дело ваших рук целиком, вот чего мне хочется. И не лепить всяких ярлыков вроде «стоящий» или «несостоящий», это — шоры, за ними не увидеть полную картину. Скажем, назову я какое-либо дело стоящим и сразу лишаю себя возможности как следует разобраться в этом деле, не дай бог в нем окажется нечто «несостоящее». Понимаете? Я хочу непредвзято рассмотреть полную картину.

Мак горячо возразил:

— А как же с социальной несправедливостью? Одни наживаются за счет других. Тут уж без оценки не обойтись!

Доктор Бертон запрокинул голову, посмотрел на небо.

— Мак, а вы обратите внимание, какая несправедливость царит в физиологии. Засилье болезней: столбняк, сифилис, а амёбная дизентерия — да она похлеще любого гангстера орудует! Вот так обстоят дела в моей области.

— Революция и коммунизм искоренят социальную несправедливость!

— Так же как дезинфекция и профилактика искоренят болезни.

— Нельзя смешивать деятельность людей и микробов. Есть большая разница.

— А я вот большой разницы, Мак, не вижу.

— Какого черта, док! — вспыхнул Мак. — Болезни на каждом шагу. Сифилис и в самых роскошных районах гнездится. Чего ж вы тогда здесь оживаетесь, если вы в душе не с нами.

— Хочу разобраться, — ответил Бертон. — Вот вы поре-

зали палец, в рану проникли стрептококки, рука распухла, болит. Что такое опухоль? — Поле битвы, а боль? — Сама борьба. Кто победит — трудно сказать, но первое сражение — как раз в ранке. Победят стрептококки, пойдут дальше, и поле битвы охватит уже всю руку. И ваши мелкие забастовки, Мак, тоже инфекция. Она поразила людей, их будто лихорадит. И я хочу в этом разобраться, поэтому я там, куда поначалу проникла инфекция.

— Значит, по-вашему, забастовка — это как рана?

— Именно. Вашего «коллективного человека» вечно лихорадит. А сейчас случай тяжелый. И я хочу разобраться. Хочу присмотреться к «коллективному человеку», это какое-то новообразование, отличное от человеческой особи. Коллективный человек несет уже не свои черты, а черты организма, клеточкой которого является. И организм этот похож на вас не больше, чем, скажем, клетки вашего тела. И вот этот организм мне хотелось бы понаблюдать, понять что к чему. Недаром говорят: толпа безумна и непредсказуема. Почему ж толпу рассматривают как целое, а не как общность разных личностей? И с точки зрения толпы, она всегда разумна.

— А какое отношение это имеет к нашему делу?

— Возможно, вот какое: когда «коллективный человек» готовится к действию, он выдвигает лозунг, например, «Господь повелевает нам освободить Святую Землю», или «Мы боремся за торжество демократии в мире», или «Коммунизм уничтожит социальную несправедливость». Но самому коллективу, толпе наплевать на землю обетованную, и на демократию и на коммунизм. Толпе главное — действовать, бороться, а лозунги — для успокоения личностей. Впрочем, это лишь мое предположение, Мак.

— К нашему делу оно не применимо! — воскликнул Мак.

— Я и не утверждаю, высказываю свое мнение, и только.

— Ваша беда, док, в том, — продолжал Мак, — что вы по взглядам даже левее, чем коммунисты. Намудрили вы с «коллективным человеком». А кто такие мы, те, кто организует, направляет? Так что неувязка у вас получается.

— В вашем случае причина и следствие тесно переплетаются. Вы, с одной стороны, выражаете взгляды «коллективного человека», то есть являетесь особо важной клеточкой этого организма, вы черпаете силу у него же, с другой стороны, вы направляет «коллективного челове-

ка». Как глаз: он и получает приказы мозга и посылает их ему сам.

— Это все теории! — раздраженно бросил Мак. — Какое отношение наш разговор имеет к голодающим, незаслуженно уволенным и тем, кто вообще не может найти работу?

— Имеет и, возможно, немалое. Ведь совсем недавно и между разными болезнями связи не видели. Невежество сильно: наверное, и сейчас найдутся люди, которые не знают, как дети получаются. Потому-то мне и хочется побольше узнать о «коллективном человеке», понять его природу, намерения, запросы. Они совсем не такие, как у нас. Мы испытываем зуд и начинаем чесать, нам приятно, а меж тем гибнут миллионы клеток. Может, и «коллективный человек» тоже получает удовольствие, когда миллионы человеческих особей гибнут в войне. Поймите, Мак, мне хочется как можно больше увидеть и понять, используя доступные мне средства.

Мак встал, отряхнул штаны.

— Некогда смотреть да рассуждать. Дело делать надо. Бертон встал следом, беззлобно усмехнулся.

— Может, со временем... впрочем, хватит, что-то я разболтался. Хотя, чтобы прояснить мысль, ее нужно высказать, даже если и слушать некому.

Они пошли к лагерю, сухие комья земли рассыпались под ногами.

— Док, нельзя нам стоять и глазеть по сторонам. Утром нужно будет пришлых ретивых работничков окоротить.

— *Deus vult*¹, — изрек Бертон. — А вы обратили внимание на андерсоновых пойнтеров? Великолепные собаки! Я глаз от них оторвать не мог — не всякой женщиной так залюбуешься!

В палатке у Дейкина еще горел свет. А кругом в лагере спали. В затухающих кострах помигивали уголья. У обочины выстроились выдавшие виды машины, а на дороге светляками высвечивали огоньки сигарет: шерифовы помощники не дремали.

— Ты слышал, Джим? Вот в этом вся суть Бертон. Видит хороших собак, всего лишь пару охотничьих собак, но для него они больше, чем просто собаки. Они будят в нем высокие чувства. А для меня собаки — и все. Зато те, кто сейчас здесь спит, — люди, им есть-пить подавай.

¹ Будь на то Божья воля (лат.).

А для доктора они — коллективный организм. Окажись у дока другая профессия — не быть бы ему с нами. Без его знаний и опыта не обойтись, а с его рассуждениями одна морока.

Бертон виновато улыбнулся.

— Сам удивляюсь, с чего это меня на рассуждения потянуло. Вы — люди практические и таких же, кому только есть-пить подавай, ведете. Но всякий раз что-то у вас не срабатывает, всякий раз люди не подчиняются вашей логике, поступают, казалось бы, вопреки здравому смыслу, а вы, вожаки, либо отрицаете это, либо просто не задумываетесь, почему так происходит. Но случись кому задать этот вопрос, дескать, что же понуждает людей, которым лишь есть-пить подавай, выходить за рамки ваших канонов, вы поднимаете крик: «Утопист! Мистик! Метафизик!» Впрочем, зачем я все это говорю вам, человеку практическому? Но именно такие, как вы, вовлекали простых людей, кому лишь есть-пить подавай, в самые страшные смуты, какие только помнит история.

— Нас ждет работа,— прервал его Мак.— Нам некогда всякую заумь выслушивать.

— Вот-вот, вы и беретесь за работу, понятия не имея о тех, для кого работаете. И каждый раз из-за этого впросак попадаете.

Палатки были уже совсем рядом.

— Обратись вы с такой речью к ребятам, вас бы отсюда вышвырнули,— буркнул Мак.

Вдруг словно из-под земли перед ними выросла темная фигура.

— Кто идет? Ах, это вы. А я сразу-то и не признал.

— Дейкин охрану выставил? — спросил Мак.

— Ага.

— Молодец Дейкин. Молодец, нравится он мне, никогда головы не теряет.

Они остановились около большой островерхой палатки.

— Мне, пожалуй, пора,— сказал док.— Моя охрана здесь спит.

— Конечно, выспаться надо,— поддержал Мак.— Завтра, возможно, придется раненых перевязывать.

Док скрылся в палатке. Мак обратился к Джиму.

— Тебе, между прочим, тоже неплохо бы на боковую.

— А ты куда?

— Я-то? Пройдусь еще, посмотрю, все ли в порядке.

— И я с тобой. А то ничего не делаю.

— Ш-ш-ш, тише ты.— Мак медленно прошел к веренице

машин.— Ты мне во многом помогаешь. Может, я уже постарушечьи сентиментален, но когда ты рядом, мне спокойнее.

— Но я же только хвостом за тобой хожу! — воскликнул Джим.

— Наверное, у страха глаза велики, но порой я боюсь, как бы с тобой чего не случилось. Мне бы вообще тебя не брать сюда. А то теперь привык, что ты всегда рядом.

— Так чем мы займемся сейчас, Мак?

— Тебе самое лучшее — идти спать. А я попробую потолковать с легавыми, которые нас караулят.

— Зачем?

— А скажи-ка, слова дока тебя не зацепили?

— Я не вслушивался.

— Чушь он порол в общем-то, хотя кое-что и по делу говорил. Для того, чтоб забастовка удалась, нужны два условия: сил в борьбе не жалеть, и население привлечь на свою сторону. Почти вся земля в долине сейчас принадлежит горстке воротил. Значит, остальной люд, считай, немущий. И воротилам их приходится либо подкупать, либо обманывать. Ведь у этих парней на дороге хоть и должность полномочных помощников шерифа, на деле они обычные работяги, дали им шерифскую звезду, сунули ружье в руки, заплатили за две недели. Вот я и думаю, не пойти ли потолковать с ними, прощупать, как они насчет забастовки настроены. Конечно, они с хозяйского голоса петть будут, но, как знать, может, удастся к ним подобрать ключик?

— А что если тебя арестуют? Помнишь, что нам вчера ночью наобещали?

— Ты переоцениваешь их, Джим. Они не настоящие легавые, они меня и не узнают.

— Все-таки я пойду с тобой.

— Ладно, но как только почувешь, что жареным пахнет, бегом в лагерь и ори что есть мочи.

В палатке позади них кто-то закричал во сне. Тут же его окликнули несколько голосов, разбудили. Мак с Джимом неслышно протиснулись меж двух машин. Мерцающие огоньки сигарет оказались совсем рядом, заметались, изошли искрами — их спешно тушили, заслышав незнакомых людей.

Мак первым подал голос.

— Эй, ребята, выйти-то можно?

— А сколько вас? — спросил кто-то.

— Двое.

— Валяйте, выходите.

На мгновение луч фонарика высветил их лица. Сидевшие на дороге зашевелились, поднялись на ноги.

— А что вам нужно-то? — спросил один.

— Да вот не спится. Дай, думаем, пройдемся, словом с кем перекинемся.

Спрашивавший рассмеялся.

— Везет нам на собеседников сегодня ночью.

Мак в темноте на ощупь вытащил свой знаменитый кисет.

— Хочет кто закурить?

— Свой табачок держим... Так чего тебе надо-то?

— Да вот, многие из наших интересуются, как вы к забастовке относитесь, прислали узнать. Ведь вы такие же рабочие парни, как и они. Вот наши и думают, неужто вы своим не поможете?

Слова его были встречены молчанием. Мак тревожно оглянулся.

Кто-то тихо произнес:

— Ну вот что, хватит нам мозги пудрить. Допрыгались, голубчики. Еще пикнете раз, пулю в лоб схлопочете.

— Да вы что, ребята? Что еще за шутки?

— Джек, Эд, отведите-ка этих субчиков. Чуть что — стреляйте. Ну-ка, вперед, живо!

И, подталкивая Мака с Джимом ружьями в спину, конвоиры повели их, из тьмы им вдогонку крикнули:

— Что, думали, вы так запросто всех вокруг пальца обведете? Да нам еще днем полицейские на вас указали.

Мак с Джимом под дулами ружей пересекли дорогу, спустились на обочину. Вслед им неслось:

— Просчитались, умники! Хотели втихую всех из лагеря до утра вывести, а мы — пустые палатки карауль! Да мы сразу о ваших планах узнали. Нас на мякине не проведешь!

— От кого узнали-то?

— Ишь чего захотел!

Конвоиры не отставали ни на шаг, тыча ружьями в спины Мака и Джима.

— Вы нас в тюрьму ведете?

— Как бы не так! Мы вас, краснопузых, в комитет «бдительных» доставим. Они из вас дурь-то повышибают да вышвырнут из нашего округа — тогда, считай, вам повезло. А не повезет — вздернут на первом суку. Нам в долине красные ни к чему.

— Раз вы из полиции, то должны нас в тюрьму вести.

— Эх, размечтался! Тут неподалеку домик есть один, вот туда и путь держим.

За густыми кронами не видно было ни звездочки.

— Хватит, кончай разговоры!

— Беги, Мак,— крикнул Джим и рухнул наземь. Его конвоир, споткнувшись, тоже не удержался на ногах. Джим откатился за дерево, вскочил и бросился бежать. Уже во второй яблоне-вой аллее он проворно вскарабкался на дерево и затаился высоко в листве. Внизу слышалась возня, кто-то застонал. По яблоням запрыгал луч фонаря, потом фонарь упал на землю, выхватив из мрака гнилое яблоко. Затрещала, разрываясь, ткань, затопали тяжелые шаги. Кто-то нагнулся, подобрал фонарь, выключил. С места драки донеслись приглушенные голоса, там о чем-то спорили.

Джим неслышно слез с дерева. Всякий раз, когда колыхалась листва, он задерживал дыхание. Осторожно ступая, дошел до дороги, перебрался на другую сторону. Вот и выстроившиеся в ряд машины. Из-за них выступил патрульный.

— Уже второй раз за ночь здесь тебя вижу, парень. И чего тебе не спится?

— А Мак не возвратился? — спросил Джим.

— Как же! Пулей пролетел! Он сейчас у Дейкина.

Джим поспешил к палатке, поднял коричневый полог и вошел. Дейкин и Бэрк слушали Мака, а тот возбужденно рассказывал. Заметив Джима, осекся.

— Ух, как я рад! — придя в себя, воскликнул он. — А мы уж собирались ребят на выручку посылать. Какого ж дурака я сваял! Это надо ж! Представляете, Дейкин, они нас под дулом ружья вели. Конечно, вряд ли бы стали стрелять, но кто знает. Джим, как тебе оторваться от них удалось?

— Я просто упал ему под ноги, он — на меня, ружье дулом в землю. Я так еще в школе над ребятами подшучивал.

Мак вымученно улыбнулся.

— А я, как почуял, что ружье мне в спину не целит, рванул в сторону и конвоиру — ногой в живот. Они, наверное, друг дружку боялись подстрелить, оттого и огонь не открыли.

Бэрк стоял позади Мака и не заметил, как тот подмигнул Дейкину, но от Джима это не ускользнуло. Дейкин дал знак, что понял: прикрыл бесстрастные глаза, ресницы у него были светлые-светлые.

— Бэрк, сходи-ка проверь часовых, не заснул ли кто,— попросил он.

— Да чего их проверять,— недовольно пробормотал тот.

— Сходи, сходи. Мало ли что. Хватит с нас налетчиков. Чем парни вооружены?

— Дубинками крепкими, вот чем.

— Сходи, сходи, проверь.

Бэрк вышел. Мак шагнул к Дейкину.

— И у стен есть уши. А мне бы хотелось поговорить с вами без свидетелей. Не хотите прогуляться?

Дейкин дважды кивнул, все трое вышли и медленно двинулись в том же направлении, где растворился в ночной мгле Бэрк.

— У нас уже завелся стукач,— сказал Мак.— Легавые пронюхали, что мы собираемся до рассвета из лагеря смыться.

— Вы подозреваете Бэрка? — холодно спросил Дейкин.— Его и при разговоре-то не было.

— Никого пока назвать не могу. Случайно кто-то у палатки мог оказаться и услышать.

— Ну, и что будем делать? Вы ведь в таких делах собаку съели,— все так же холодно и бесстрастно продолжал Дейкин.— Правда, мне кажется, вы, красные, нам только в обузу. Сегодня вечером приходил один малый, обещал — если мы вас выдворим — то хозяева на серьезные переговоры пойдут.

— И вы верите? Не забывают, расценки они срезали, когда нас еще и в помине не было. Что ж, по-вашему, мы эту забастовку начали?! Сами знаете,— не мы! Мы лишь помогаем, чем можем, чтоб дело наладить, а не пускаться в авантюры.

Ровным, бесстрастным голосом Дейкин спросил:

— А вам-то какая от всего этого выгода?

— Никакой, ровным счетом! — запальчиво бросил Мак.

— А чем докажете?

— Если не верите, то и доказательства не помогут. Да и как доказать-то?

Голос у Дейкина чуть смягчился.

— Если б вам никакой выгоды не было, вот тогда бы я точно не поверил. Когда выгода — дело ясное: либо с чужого голоса поете, либо сами готовы ножку подставить. А когда нет личной выгоды, не знаешь, чего и ждать!

— Ну, ладно,—раздраженно оборвал его Мак.— К чему философию разводить! Если ребята захотят нас выбросить отсюда, пусть на собрании за это проголосуют. Вот тогда уж нам свою правоту придется доказывать. Но какой толк нам друг с другом сражаться!

— Так что ж нам делать? Ускользнуть на заре от легавых не удастся, раз они обо всем пронюхали.

— И пробовать не стоит. Пойдем открыто, не таясь, рискнем. Посмотрим, что за народец привезли, может, без драки обойдется, уговорить их удастся.

— Ну, а что вы от меня хотите? — Дейкин остановился и принялся чертить ногой на земле.

— Я просто хотел предупредить, кто-то стучит на нас. Так что берегите свои секреты, ни с кем не делитесь.

— Это я давно понял. Секретов ни от кого никаких не держу. А сейчас иду спать. А вы, ребята, хоть до утра на рожон не лезьте.

Мак с Джимом разместились в маленькой палатке прямо на земле, укутавшись старыми шерстяными шарфами. Мак прошептал:

— Дейкин не стукач, по-моему. Но уж больно упрям и слушать никого не хочет.

— А не погонит ли он нас?

— Как знать. Впрочем, вряд ли. Завтра вечером у нас будет куда больше сторонников: те, кто синяков нахватает, сложа руки сидеть не захотят. Нам, Джим, никак нельзя их пыл гасить. Так здорово все началось!

— Слышь, Мак?

— Что?

— А вдруг легавые сюда заявятся да нас заберут?

— Кишка у них тонка. Побоятся, как бы ребята не разъярились. Как тогда, с Даном. Легавые не дураки, чувствуют, когда нашего брата лучше в покое оставить. Давай-ка спать.

— А скажи-ка, Мак, как тебе удалось там, в саду, удрать. Ты, никак, дрался?

— Не без этого. Но в темноте они и не разобрали, кого молотили. Я точно кому-то крепко вмазал.

Джим помолчал, потом снова заговорил:

— А тебе страшно было, когда нас под дулом ружья вели?

— Еще бы! Я, правда, с этими субчиками — «бдительными» — не впервой сталкиваюсь, как и бедняга Джой. Они храбрецы: вдесятером на одного навалятся и коло-

шматят. А чтоб их не узнали потом, маски надевают. Конечно, мне страшно было. А тебе?

— Да, особенно поначалу. А когда повели, так прямо холодный пот прошиб: представил, что будет, если я наземь брошусь. Представил четко-четко, все так потом и случилось. Но страшнее всего за тебя было — вдруг подстрелят.

— Интересная штука, Джим: чем опаснее заваруха, тем меньше страха. Когда нас уже повели, страх у меня прошел. Но ружье до сих пор спиной чувствую.

Джим выглянул из палатки. Снаружи, казалось, было даже светлее, чем внутри. Прошуршали чьи-то шаги.

— Думаешь, победим, а Мак?

— Спать давай... Ладно, отвечу, после нашего сегодняшнего приключения вижу: забастовке нашей не победить, уж больно организованно действуют хозяева. Они и огонь могут открыть, им и это с рук сойдет. Победа нам не светит. Боюсь, наши ребята драпанут, как только жареным запахнет. Но ты, Джим, об этом не печалься. Забастовка не заглохнет. Все дальше и дальше пойдет. А там, в один прекрасный день, глядишь, и победим. Нужно только верить.— Мак приподнялся на локте.— А без веры нас здесь бы не было. Док правильно насчет инфекции говорил. Только идет вся зараза от капитала, он везде щупальца пустил, и пока он нас не задушил, нам его нужно скинуть. А ты, Джим, надежный парень. Не подведешь. У меня вроде даже сил прибавляется.

— Гарри предупреждал меня, к чему готовиться. Говорил, что нас невзлюбят.

— Да, тяжелее ничего не придумать: и свои ненавидят, и враги. А случись нам победить, свои же и убьют. Ради чего же мы стараемся?! А, ладно, давай-ка лучше спать.

9

Не успело рассвети, а лагерь уже пробудился: слышались голоса, кто-то колот дрова, кто-то скрежетал задвижками ржавых плит. Еще минута, и вкусно запахло костром — жгли сосновые и яблоневые чурки. Поварская команда работала вовсю. В плитах уже рокотало пламя, наготове стояли ведра с кофе, в корытах разогревалась фасоль. Из палаток вылезали люди, собирались подле плит, подступали все ближе и ближе к поварам, так что тем уже негде было повернуться.

На грузовичке Дейкина привезли от Андерсона три бочки с водой. «Дейкин собирает отрядных командиров»,—

полетело меж людьми распоряжение. «Велел тотчас явиться». И командиры, исполнившись важности, направились к палатке Дейкина.

Небо посветлело, отчетливо проступили черные верхушки деревьев. Вереница машин растворилась в утренней дымке.

Закипал кофе в ведрах, дразняще-аппетитно потянуло от корыт с фасолью. Люди подходили кто с чем: со сковородами, банками, котелками, жестяными тарелками, и повара оделяли каждого половником варева. Люди садились прямо на землю, перочинными ножами выстругивали себе палочку с широким концом и принимались за еду. Черный, горький кофе помог продрогшим, молчаливым с ночи людям: слышался говор, смех, приветствия. Небо над деревьями уже порозовело, землю рассвет окрасил в голубовато-серые тона. Высоко-высоко шли гусиные косяки.

Дейкин вышел из палатки, справа держался Лондон, слева — Бэрк. Командиры уже дожидались, среди них были и Мак с Джимом. Мак пояснил:

— Нам нужно действовать осторожно. Негоже будет, если нас сейчас вышвырнут из лагеря.

На Дейкине была короткая хлопчатая куртка и шерстяная шапка. Бесцветные глаза шарили по лицам стоявших перед ним.

— Я скажу вам, ребята, как дела обстоят, а вы, если захотите, можете с нами не ходить. Пойдут только желающие. Мы встречаем поезд, хозяева набрали людей, чтоб вместо нас на работу поставить. Мы этих «подменщиков» не пустим! Встретимся, потолкуем сперва, а там, как знать, может, и драться придется. Ну что?

Собравшиеся одобрительно загудели.

— Что ж, отлично! Тогда в путь! Ребят своих не распускать! Идти спокойно, держаться ближе к обочине.— Дейкин бесстрастно улыбнулся.— А если кто вздумает камнями карманы набить, что ж, большой беды в этом не вижу.

В толпе засмеялись.

— Ну, я вижу, вы все поняли, идите к своим ребятам и растолкуйте им, что да как. Если кто заартачится, так лучше сейчас, пока мы не выступили. Сотню ребят оставляю лагерь охранять. Идите поешьте.

Все разошлись, многие потянулись к кухне. Мак с Джимом подошли к вожакам. До них донеслись слова Лондона:

— ...по-моему, очень большой драки не затеют. Злобы в ребятах еще не скопилось.

— Больно час ранний,— вступил Мак.— Вот попьют кофе, позавтракают, и вы их не узнаете.

Дейкин строго спросил:

— Вы с нами идете?

— Ну, а как же! Да, и вот еще что,— вспомнил Мак,— наши люди сейчас достают жратву, кое-что для лагеря. Как дадут знать — выделите несколько машин, пусть все добро привезут.

— Очень кстати. На ужин фасоли уже не хватит. На такую ораву жратвы не напасешься.

Заговорил Бэрк:

— А я за то, чтоб сразу незванным гостям всыпать! Как только из вагонов повылезут. Чтоб неповадно соваться было!

— Сначала попробуем договориться,— возразил Мак.— Помню, как-то полсостава таких вот субчиков на сторону забастовщиков перешло — так с ними поговорили. А наброситесь на них, кто испугается, а кто ведь и сдачи даст.

Дейкин не сводил с Мака недоверчивого взгляда.

— Ладно, пора собираться,— подытожил он.— Мне еще охрану лагеря выбирать. Док с ними хоть порядок наведет. Я поеду на своем грузовике, Лондон и Бэрк — со мной. А с этими развалюхами-легковушками лучше не связываться.

Солнце еще только-только поднималось, а неровная длинная колонна уже двинулась в путь. Люди, направляемые командирами, держались обочины. Джим услышал, как кто-то из старших советовал товарищам: «Комья земли не подбирайте. Вот подойдем к станции, там на насыпи гранитные камушки — лучше не придумать!»

В колонне нестройно затянули песню. Впереди на самой малой скорости ехал зеленый «шевроле» Дейкина. Позади остался лагерь, стихли прощальные возгласы женщин.

Едва они тронулись, как сбоку к ним пристроились, растянувшись вдоль всей колонны, десять полицейских на мотоциклах. Прошли с полмили, их обогнала большая открытая машина, битком набитая людьми. Она резко затормозила посреди дороги. У сидевших в ней были в руках ружья, у каждого красовался знак — «помощник шерифа». Водитель взобрался на сиденье и обратился к колонне.

— Смотрите, чтоб порядка не нарушать! Шагайте сколько вашей душеньке угодно, только движению не ме-

шайте! — прокричал он. — Драк не затевать! Ясно? — он снова уселся за руль, обогнал зеленый грузовик и возглавил шествие.

Джим с Маком шли метрах в пятидесяти позади. Мак усмехнулся.

— Видишь, какую встречу нам устроили? Все честь по чести.

Кое-кто вокруг заулыбался, а Мак продолжал:

— Право бастовать у нас вроде бы есть, а вот пикеты выставлять запрещено, хотя яснее ясного, что забастовка без пикетов бессмысленна.

Настроение у слушающих переменилось, поднялась воркотня, правда, пока довольно беззлобная. Мак тревожно взглянул на Джима.

— Не нравятся мне они! — тихо бросил он. — Какие-то вареные. Молю бога, чтоб они встряхнулись, чтоб злоба проснулась. Если нам случай не поможет, считай, все впустую.

Нестройными рядами вступили забастовщики в городок, держась тротуаров. Враз притихли, многие стыдливо потупились. Из окон домов их провожали долгими взглядами, детишки на лужайках заворожено смотрели на них, родители хватали их за руку и уводили домой, крепко-накрепко заперев за собой дверь. Прохожих можно было сосчитать по пальцам. Мотоциклы ехали так медленно, что ездокам-полицейским приходилось то и дело выставлять ногу и отталкиваться от земли, чтобы сохранить равновесие. Так, ведомые шерифской машиной, шеренги бастующих окраинными улицами добрались до станции. Остановиться пришлось чуть поодаль от путей, так как их сторожило человек двадцать с ружьями и гранатами со слезоточивым газом.

Дейкин поставил грузовичок на обочине. Шеренги рабочих смешались, они стеной надвинулись на полицейских. Дейкин и Лондон прошли перед ними, на ходу давая указания: по возможности стычек с полицией не затевать. А с приезжими сперва нужно поговорить, и не больше.

На дальних путях стояли два состава с вагонами-холодильниками.

Джим повернулся к Маку и, чтобы не слышали другие, сказал:

— А что, если наших «подменщиков» до станции не довезут, а высадят поблизости? Тогда наша затея — на-смарку.

Мак лишь покрутил головой.

— Сейчас они так не поступят. Им важно показать, сколь они сильны, запугать хотят. Только бы поезд пришел! Пока ребята ждут, изведутся. Появится неуверенность, страх.

Кое-кто из забастовщиков присел у насыпи. Разговаривали все тихо, сбившись тесной кучей: с одной стороны — станционная охрана, с другой — шерифские приспешники. Неуютно и беспокойно людям в таком соседстве. Сидевшие в машинах не выпускали из рук ружей, прижимая их к груди.

— Похоже, легавым тоже не по себе, — заметил Мак.

А Лондон тем временем успокаивал кого-то из своих.

— Не будут они стрелять, ни за что не будут. Не посмеют.

Его прервал возглас:

— Едет!

Далеко впереди поднялось крыло семафора. Над кронами яблонь за клубился дым, донесся перестук вагонных колес. Все повскакали на ноги и напряженно, вытянув шеи, стали всматриваться: не появится ли поезд.

— Ребят близко не подпускать! — крикнул Лондон.

Медленно вполз на станцию состав: черный локомотив, за ним цепочка товарных вагонов, в открытых дверях сидели, свесив ноги, люди. С лязганьем и шипеньем, обдав всех паром из-под колес, локомотив затормозил. Вагоны дернуло, в составе заскрежетало, запыхтело, и он остановился.

За шлагбаумом на пристанционной улочке на первых этажах домов размещались лавки и рестораны, на верхних — меблированные комнаты. Мак бросил взгляд через плечо: из окон выглядывало множество любопытных.

— Не нравятся мне эти рыла, — пробормотал он.

— С чего это? — спросил Джим.

— Не знаю. Обрати внимание: только мужчины. Ни одной женщины не видно.

«Подменщики», сидевшие в дверях вагонов и стоявшие у них за спинами, не торопились вылезать, тревожно поглядывая на собравшихся.

Вперед вышел Лондон. Он подошел почти вплотную к охраннику, тому пришлось даже попятиться, уперев в живот Лондону ружейное дуло. Локомотив, словно огромный, загнанный зверь, тяжело пыхтел, стараясь отдышаться.

Лондон сложил ладони рупором и пророкотал:

— Вот что, ребята! Вам с нами воевать не след! И легавым незачем помогать! — Машинист выпустил пар,

заглушая его голос, сбоку из локомотива вырвалось белое облако, свистом и шипеньем своим поглотив все остальные звуки.

Толпу забастовщиков вспучило, повлекло прямо на охрану. Дула ружей нацелились на рабочих со всех сторон. Лица у охранников напряженно застыли, но угроза подействовала: толпа остановилась. А пар не унимался: клубами разлетался по сторонам, заглушал все и вся.

Вот у двери одного из вагонов поднялась возня—словно муравейник разорили. Вперед протолкался плюгавый человечек и спрыгнул наземь.

— Ты только посмотри! Это же Джой! — прокричал Мак прямо в ухо Джиму.

Маленький нелепый человечек обратился лицом к сидевшим в дверях, судорожно взмахнул руками. За неистовым свистом и шипеньем не понять, говорил он или нет. Сидевшие в дверях попрыгали на землю, окружили Джоя — тот все отчаянно жестикулировал. Изуродованное шрамами лицо еще больше исказилось. Он собрал пять-шесть человек и повел к толпе забастовщиков. Охранники беспокойно озирались, трудно уследить за теми и за другими.

И вдруг, перекрывая шум, ударили три резких хлопка. Мак обернулся — в окна домов враз исчезли ружейные стволы и лица, тут же опустились шторы.

Джой стоял как вкопанный, глаза у него выпучились. Рот широко открылся, по подбородку побежала струйка крови. Бессмысленным взглядом обвел он толпу и рухнул лицом вниз, рукой заскреб по земле. Охранники уставились на бьющееся в судорогах тело — они не верили своим глазам. Шум и свист стихли, теперь на людей так же страшно давила тишина. Забастовщики стояли не шелохнувшись, оцепенело уставясь на умирающего. Вот Джой приподнялся на руках — точно огромная ящерица — и снова рухнул на землю. По щебеночной насыпи расползлась лужица крови.

Толпа тяжело заколыхалась. Лондон, как в полусне, выступил вперед, и толпа двинулась следом: застывшие лица, оцепенелый взор. Охранники вскинули ружья, но забастовщики все надвигались, надвигались. Охранникам пришлось спешно расступиться: с другой стороны из дверей вагонов потоком хлынули люди. Шеренга забастовщиков изогнулась по краям, сомкнулась с набежавшими из вагонов, и вокруг убитого образовался круг, — так собирается паства вокруг пастыря.

Джим, не в силах унять дрожь, крепко вцепился Маку в рукав. Мак повернулся к нему.

— Бедняга Джой! Все ж и ему выпало кое-какую пользу принести. Знай он об этом, обрадовался бы. Ты, Джим, полюбуйся-ка на легавых! Да отпусти, наконец, рукав! Посмотри-ка, сдрейфили блюстители порядка!

И верно: шерифова свита растерялась. Подавить мятеж, разнять драку — дела привычные. А здесь на них движется стеной множество людей, и глаза у них невидящие, как у лунатиков, — есть чего испугаться. Но позиции сдали не сразу, хотя шериф уже завел машину, да и полицейские мало-помалу отступали к своим мотоциклам.

А те, кого привезли сюда, чтобы сломить забастовку, уже выбрались из вагонов. Кое-кто тишком пробрался под вагонами на другую сторону, большинство же стояло, скучившись, подле Джоя.

Мак заметил у края толпы Дейкина, маленькие блеклые глазки на этот раз не бегали, смотрел он прямо, не мигая. Мак подошел к нему.

— Надо б убитого к вам на грузовичок — и в лагерь. Дейкин медленно повернулся.

— Нам его трогать нельзя. Его увезет полиция.

Мак не выдержал:

— А что ж полиция мешкала, не схватила тех, кто из окна стрелял? Да посмотрите, стражи порядка сами напуганы до смерти. Давайте увезем тело. Он еще поможет нам сплотить ребят, поднять их на борьбу. А все вместе они почувствуют свою силу, будут до последнего сражаться.

Дейкина передернуло.

— Сердца у вас нет! Одни забастовки на уме.

— Дейкин, этот человек жизнь отдал, чтобы помочь нам, — вмешался Джим. — Так не отказывайтесь от его помощи!

Дейкин медленно перевел взгляд на Джима, потом — снова на Мака.

— А откуда вы знаете, что он собирался делать? Из-за этого проклятого шума ничего не слышать.

— Мы его знаем, — ответил Мак, — он наш приятель. Взгляд у Дейкина сделался неприязненным.

— Ваш приятель! И вы даже сейчас его в покое не оставляете, даже из мертвого пользу извлечь хотите. Сукины дети! Сердца у вас нет!

— Да что вы о Джое знаете?! — вскипел Мак. — Плевать он хотел на покой! Ему дело подавай, он только че

всегда умел правильно за него взяться! — И совсем уже вне себя прокричал: — А теперь он может нам помочь, а вы отказываетесь!

Кое-кто обернулся на крик, но равнодушно, почти без любопытства. Дейкин внимательно и долго смотрел на Мака.

— Ладно, не буду мешать, — только и сказал он. Мак с Джимом немедля стали проталкиваться сквозь плотную толпу, расступались перед ними не враз и неохотно.

— Ну-ка, пропустите, ребята! — прикрикнул Мак. — Надо ж нашего товарища унести.

С трудом подавшись назад, люди чуть расступились.

К Джиму с Маком протискался Лондон, сам принялся прокладывать путь. Джой больше не шевелился. Чуть отодвинув людей, Лондон перевернул Джоя, смахнул с его губ налипшую землю. В глазах убитого еще таилось лисье лукавство, на губах застыла страшная улыбка.

— Не трогай его, Лондон, — попросил Мак. — Оставь как есть.

Лондон взял Джоя на руки. В могучих руках тело казалось особенно невидным. На этот раз перед Лондоном расступились сразу, нестройной колонной двинулись следом.

У зеленой машины Дейкина стоял шериф в окружении свиты. Лондон остановился, за ним — все остальные.

— Мы заберем тело, — сказал шериф.

— Нет, его вам никто не отдаст.

— Вы, забастовщики, застрелили своего противника. Мы возбудим против вас дело, а труп я отвезу следователю.

В глазах у Лондона полыхнул огонь.

— Вы что, не поняли, мистер?! Не уберетесь подбрюшью, убьют вас, убьют, понятно? И больше ни слова! Ясно?!

Толпа, казалось, разом вздохнула.

— Ладно. Я с вами еще разберусь! — пригрозил шериф. Однако и он, и его свита отступили. По толпе прошел легкий ропот, словно стон. Лондон поднял тело Джоя в кузов машины, залез сам, подвинул мертвеца, прислонив его к кабине.

Дейкин завел мотор, развернул грузовик, вывел на улицу, угрюмая и грозная толпа — следом. Шли молча, тяжело, слышалось лишь шарканье ног.

На этот раз мотоциклисты их не сопровождали. Так и двигалась процессия по пустынным улицам. Мак с Джимом шагали чуть сбоку.

— Его убили «бдительные»? — спросил Джим.

— Да. Но они перестарались. Пустили пар, народ выстрелов не слышал — иначе, наверное бы, разбежались. А тут — шумит, свистит. Да и произошло все в одно мгновение, люди просто не успели испугаться. Одним словом, маху дали «бдительные».

Они брели по дороге чуть в стороне от толпы.

— А кто такие «бдительные», Мак? Что вообще за люди?

— В любом городе это самый дерьмовый народ. Такие вот сжигали дома стариков немцев во время войны. Такие, как они, линчуют негров. Зверства им по душе. Терзать людей для них удовольствие, причем всякий раз они прикрываются красивыми фразами: то ими движет патриотизм, то стремление отстоять конституцию. А на деле — душегубы и мучители! Хозяева их ловко используют, говорят, к примеру, «народ нужно защитить от красных». И «бдительные» начинают безнаказанно жечь дома, избивать людей. Ничего другого им и не надо. Сами они — подлые трусы: стреляют из-за угла, на одного вдесятером наваливаются. По-моему, на всем белом свете таких подонков не сыскать. — Взгляд Мака скользнул по грузовику, задержался на теле Джоя. — Во время войны у нас в городке жил маленький толстячок немец, портной. Так вот, человек пятьдесят «патриотов» собрались у его дома, подожгли, а самого избили так, что живого места не осталось. «Бдительные» — молодцы против овцы!

Недавно прострелили трассирующими пулями бак с керосином — загорелся склад. У них даже смелости не хватило подойти и спичкой чиркнуть!

Процессия свернула на грунтовую дорогу, подняв облако пыли. Мало-помалу оцепенение отпускало людей, кое-где занялся тихий разговор. Тяжело ступали натруженные ноги.

— Бедняга Джой! Такой был славный малый. Сколько ж ему в жизни тумачков досталось! — вздохнул Джим. — Как и мой отец, такой же неумный.

— Не к чему Джоя жалеть! — сурово бросил Мак. — Знай он, что делу послужил, был бы горд. Ему всегда хотелось вести людей за собой. Так вот, люди за ним пойдут, хотя он уже будет в гробу.

— А как насчет приезжих, Мак? Кое-кто из них с нами увязался.

— Конечно, кто-то сразу к нам примкнул, а остальные предпочли смыться поскорее. Да и из наших не все возвращаются. Так что, сколько нас было, столько, примерно,

и осталось. А разве ты сам не видел, как некоторые — шмыг под вагон и наутек? А теперь посмотри на тех, кто с нами. Их будто сперва сонным газом одурманили, а сейчас вот просыпаются. Очнутся — и их не удержать, все сметут.

— Похоже, легавые это почуяли, — согласился Джим.

— Еще бы! Раз толпа идет тихо, раз морды у всех злые, полиции самое время сматываться.

Они уже подходили к ферме Андерсона.

— Что будем сейчас делать, Мак?

— Сначала надо устроить похороны, потом выставим пикеты в садах. Сейчас все ясно: наших «подменщиков» впредь на грузовиках будут доставлять.

— Мак, ты по-прежнему считаешь, что нам не победить?

— Да кто его знает. Уж больно в этой долине у хозяев организация хороша. Кучка людей почти все к рукам прибрала: и землю, и суд, и банки — попробуй подступись. Они сразу все рычаги в ход пустят: кому в кредите откажут, кого за решетку упрячут, а остальных подкупят.

Грузовик Дейкина подъехал к стоявшим при дороге машинам и затормозил. Набежали охранявшие лагерь, толпа смешалась. Около очевидцев собирались люди послушать, как было дело. К машине спешил доктор Бертон. Лондон, ехавший в кузове, встал во весь рост. Голубая рубашка спереди окрасилась кровью Джоя. Бертон взглянул на тело.

— Мертв?

— Да, его пристрелили.

— Перенесите тело ко мне в палатку, — распорядился Бертон. — Я его осмотрю.

Вдруг из-за палаток раздался неистовый визг, потом что-то забулькало. Все как один обернулись на крик и замерли.

— Свинью режут, — пояснил Бертон. — Сегодня из города живую свинью привезли. Тело несите ко мне в палатку, — повторил он.

Лондон устало нагнулся, снова взял Джоя на руки. За ним направилось множество людей. У большой армейской палатки доктора они остановились, а Мак с Джимом последовали за Бертоном. Молча глядели они, как растягивал он окровавленную рубашку на застывшем теле, как осматривал рану на груди.

— Так, все понятно.

— Док, вы его не узнали?

Бертон всмотрелся в искаженное лицо.

— Я встречал его раньше.

— Конечно. Это же Джой. Вы едва ли не каждую косточку ему вправляли.

— Ну, вот и отмучился. Настырный был малый. В город тело отвезти все же придется. Следовательно должен дать заключение.

— Отвезти-то мы отвезем, а что если они его тишком и захоронят? — усомнился Лондон.

— Пошлем сопровождающих, чтоб обратно его привезли. Пусть оцепят морг, и пока тело не отдадут, никого не впускают. Дураки эти «бдительные», небось и сами видят теперь, что просчитались.

Приподняв полог, в палатку вошел Дейкин.

— Быстренько они со свиньей управились. Уже жарят.

— Дейкин, попросите ребят, пусть сколотят помост. Нужно на него гроб поставить и с речью к людям обратиться.

— Представление хотите устроить, да?

— Как же, представление! Вы неверно поняли меня, Дейкин. Подумайте сами, чем нам воевать? Камнями да дубинками. У индейцев и то были луки да стрелы. А возьми мы хоть ружьишко, чтоб за себя постоять, тут же войска вызовут. Закричат — революция! У нас почти нечем воевать, потому и приходится использовать все средства. Погибший был моим другом. Поверьте, он бы церемониться не стал, в любом качестве помочь был бы рад. И выбора сейчас у нас нет — без его помощи не обойтись. — Он немного помолчал. — Неужели вы, Дейкин, не понимаете? Мы привлечем на свою сторону множество народа, если на людях Джоя похороним. Нам важно их мнение.

Лондон медленно кивал тяжелой головой.

— Ребята дело говорят.

— Что ж, Лондон, коли и ты с ними, решай сам. Кому-то придется выступить с речью, только на меня не рассчитывайте.

— Ничего, я сам выступаю! — повысил голос Лондон. — Я видел, как этот малый к нам направлялся. Я видел, как его подстрелили. Так что найду что сказать, если ты не хочешь!

— «Я видел, кто убил дрозда», — декламировал Бертон.

— Чего?

— Да так. Стишок детский вспомнил. Давайте-ка тело поскорее к следователю.

— Ребят с ним пошлю, чтоб ни на минуту не оставляли без присмотра.

Снаружи позвал Джим:

— Мак, выходи. С тобой Андерсон хочет поговорить.

Мак спешно вышел из палатки. Андерсон стоял рядом с Джимом поникший и состарившийся.

— Что вы натворили! — яростно заговорил он.

— А что случилось, мистер Андерсон?

— Так-то вы нас защищаете?

— Как? Наши ребята вас в обиду не дадут. Так что же случилось?

— Случилось! Сожгли у моего Альфа фургончик вчера вечером! Несколько человек на него набросилось, руку сломали да шесть ребер. А кафе дотла спалили!

— Надо ж! — воскликнул Мак. — Я думал, они на это не пойдут!

— Пока вы думали, они дело делали.

— А где Альф сейчас?

— Дома лежит. Мне пришлось его из больницы забрать.

— Доктора мы дадим. Сходим проведаем.

— Почти две тысячи долларов! — воскликнул старик. — Альф копил-копил, да и я ему помог. И тут вы заявились! И вот он — нищий!

— Я вам очень сочувствую, — сказал Мак.

— Толку-то от вашего сочувствия! Альфу кафе не вернешь! Руку да ребра ему новые не поставишь! И где ж ваша защита? Ведь они в следующий раз мой дом спалят.

— Мы выставим охрану.

— Охрану? Да на шиша мне ваши голодранцы! И зачем я только вас пустил. Я из-за вас по миру пойду! — закончил он на высокой фальцетной ноте, в глазах старика стояли слезы. — Что вы натворили! Вот как мы расплачиваемся за то, что с красной поганью стакнулись!

Мак попытался успокоить его.

— Пойдемте проведаем Альфа, — предложил он. — Альф — отличный парень, мне хотелось бы его навестить.

— Да на нем живого места нет! Ему и голову-то всю разбили!

Мак мало-помалу оттеснял старика в сторону — на громкие крики стал собираться народ.

— В чем вы нас-то вините? — спросил Мак. — Не мы ж вам зло причинили, а ваши разлюбезные соседи.

— Да никакой беды б не случилось, не свяжись мы с вами!

Терпение у Мака лопнуло.

— Вот что, мистер! Нам жалко, конечно, что вам так крепко досталось! Но маленьким людям вроде нас с вами всегда достаётся. Так мы и боремся за то, чтобы больше не страдать.

— Кафе Альфа стоило тысячу восемьсот долларов! Да мне теперь и в городе-то не показаться — ребяташки камнями забрасывают. Вы нас по миру пустили, вот что!

— А что Альф об этом думает? — спросил Мак.

— Да Альф такой же, как и вы, красный! Винит во всем лишь тех, кто с ним расправился.

— У Альфа светлая голова, — заметил Мак. — Он видит в частностях закономерность. Вам, конечно, нелегко на своих плечах беду такую вынести. Во всяком случае, сейчас вас не тронут, за вами — сотни наших ребят. И они не забудут, что вы для них сделали. Сегодня же ночью выставим охрану около вашего дома. А доктору я скажу, он скоро заглянет к вам, осмотрит Альфа.

Старик повернулся и понуро зашагал прочь.

Низко над землей стелился дым от плит. Запахло жареной свининой, стали собираться люди. Мак все глядел вслед Андерсону.

— Ну как, Джим, понял, каково быть партийным? Об этом только в книгах красиво пишут — романтика. Дамочки щебечут о «правлящем классе», который «попирает интересы рабочих». А быть партийным — тяжкая ноша. Ведь для этого несчастного старика тот фургончик милее всего на свете. А спрос с меня! Я-то думал, что привезу тебя сюда, обучу кое-чему, чтоб ты уверенности набрался, а сам, видишь, только жалуюсь, ною без конца. Вместо того, чтоб тебя подбадривать, наоборот... Что за черт! За малыми заботами так трудно главное не потерять. Ну, чего ты все молчишь да молчишь?

— Да ты мне и слова сказать не даешь.

— И верно. Ну, говори! Пока у меня все мысли о бедняге Джое, о том, как его подстрелили. Он, конечно, не ахти какой умник, но уж отваги хоть отбавляй.

— Славный мужичок был.

— Помнишь, как он говорил? «Меня бьют, а я им все одно: суки вы!» Ох, Джим, как паршиво, пусто на душе, не дай тебе бог это испытать.

— Может, подкрепишься жареной свининой и полегчает.

— Пожалуй, ты прав. Утром-то я толком и не поел. Пойдем перекусим.

От шоссе к веренице машин подъехал большой грузовой фургон. Из кабины суетливо выскочил человечек и направился к лагерю.

— Кто у вас здесь главный? — начальственным тоном спросил он у Мака.

— Дейкин. Вон он, там, в большой палатке.

— Я — следователь. Приехал за телом.

— А где ж ваша охрана?

Человечек лишь фыркнул.

— На что мне охрана? Я следователь. Так где покойный?

— Вон в той белой палатке. Вас дожидается.

— Что ж сразу не сказал? — И, фыркая и пыхтя, точно паровоз, он отошел.

— Слава богу, что среди наших противников таких мало, — вздохнул Мак. — Этот недомерок не трус. Один приехал. Даже на Джоя чем-то смахивает.

Они подошли к кухне. Двое мужчин пронесли мимо них тело Джоя, позади важно вышагивал следователь.

У плит каждому прямо в руки давали кусок жирной свинины. Поевшие обтирали губы рукавом. На плитах еще шипели, дожариваясь, куски мяса.

— Пахнет аппетитно! — сказал Мак. — Давай-ка отведаем. Я голодный как волк.

Повара сунули им по куску непрожаренной свинины, и друзья отошли, мясо оказалось не таким уж жестким.

— То, что не прожарилось, не ешь, — предупредил Мак. — Доку бы сказать: пусть запретит сырую свинину есть. Заболеют же люди.

— Изголодались, ждать им уже не вмоготу, — ответил Джим.

10

Полное безразличие овладело людьми. Они безучастно глядели прямо перед собой. Казалось, нет сил даже говорить. Хмурые оборванные женщины вяло и равнодушно жевали мясо, и поев, вытирали руки о платя. Их мрачным безразличием напился сам воздух окрест.

Мак с Джимом обошли лагерь, и Мак тоже помрачнел.

— Их нужно чем-то занять, неважно чем. Нельзя, чтоб они вот так сидели. Тогда забастовке, считай, конец. Эх! Ну что ж это с ними, а?! Ведь утром убили их товарища, и решимости должно прибавиться. А сейчас уже к вечеру идет, а они точно вареные. Надо делом их занять. Ты посмотри, Джим, какие у них глаза!

— Да, пустые и равнодушные.

— И у каждого только за себя душа болит, каждый только и думает, как ему плохо, вспоминает небось, сколько денег на войне загребал. Вроде Андерсона. Каждый сам по себе.

— Надо что-то делать, чтоб расшевелить их. Ну что бы придумать?

— Уж и не знаю. Хоть яму заставляй всех рыть — чем не дело? Главное, чтоб все вместе — тянули, поднимали, тащили или просто шли плечом к плечу; а само дело не так уж и важно. Если их не расшевелить сейчас, они примутся друг друга колошматить. Скоро в них злоба закипит.

Проходивший мимо Лондон подхватил конец фразы.

— В ком это злоба закипит?

Мак обернулся.

— Привет, Лондон. Это мы о ребятах. Сейчас их ни на что не настроить — всяк сам по себе.

— Знаю. Я уж с этими бедолагами не первый день.

— Я к тому, что если мы их делом не займем, они передерутся.

— Уже дерутся. Те, что остались в лагере, утром затеяли потасовку. Один парень стал приставать к жене приятеля. Ну а тот — возьми и пырни наглеца ножницами. Доктору пришлось с ним повозиться, а то, поди, кровью б изошел.

— Видишь, Джим, я же говорил. Слышь, Лондон, Дейкин на меня сердит. Говорить со мной не станет. Ребят надо занять делом, пока бед не натворили. Пусть по кругу ходят, пусть хоть копают яму, а потом засыпают — что угодно, это неважно.

— Я все понимаю. А что, если составить из них сторожевые отряды, вроде пикетов?

— Мысль хорошая. Но суть ее мы до ребят еще не донесли.

— Ну и что, лишь бы их растрясти!

— Ты, Лондон — голова! Попробуй уговорить Дейкина, чтоб выслал в разные концы отряды человек по пятьдесят. Пошастают по дорогам, увидят где сборщиков яблок — пусть гонят в шею.

— Сейчас же и поговорю. — Лондон повернулся и зашагал к палатке Дейкина.

— Мак, я, пожалуй, пойду с пикетчиками, — предложил Джим.

— Нет, оставайся-ка при мне.

— Но, Мак, и мне нужно понюхать пороху.

— Ладно, иди с каким-нибудь отрядом. Но не отходи от ребят ни на шаг. Нас ведь уже здесь засекли, так хоть сам на рожон не лезь.

Вот Лондон и Дейкин вышли из палатки. Лондон что-то быстро говорил.

— А знаешь, мы, пожалуй, дали маху, выбрав Дейкина вожакom. Уж очень крепко любит он свой грузовичок, свою палатку, детишек. Такой рисковать не станет. Лондона надо было главным. Ему терять нечего. Да только попробуй теперь уговори ребят сместить Дейкина и поставить Лондона. Правда, он им ближе, по-моему. А у Дейкина барахлишка многовато. Видишь, у него походная плита? Дейкин даже есть со своими людьми не садится. Давай-ка начнем с ребятами толковать, может, и удастся Лондона выдвинуть. А у Дейкина душа за дело, видать, не болит. Нам же нужен человек, чтоб всех зажечь сумел.

— Мне пора,— сказал Джим,— вон Дейкин уже строит людей.

И он примкнул к группе человек в пятьдесят, отряд двинулся по дороге в противоположную от городка сторону. И враз пропала мрачность и безучастность. Бодро, хотя и не в ногу, шагал отряд.

Во главе шел худощавый Сэм, на ходу он поучал своих людей.

— Запасайтесь камнями. Чтоб карманы не пустовали. С яблонь глаз не спускайте: нет ли кого меж деревьями.

Но в садах не было ни души. В отряде нестройно затянули песню.

Рождество пришло на наши острова.

А на островах — одни лишь острога.

Люди подтянулись, зашагали ровнее. Миновали перекресток, взметнув бурое пыльное облако.

— Как во Франции,— заметил кто-то.— Там тоже пылица, да грязища, ну точь-в-точь Франция.

— Да ты небось и во Франции-то не был.

— Был. Целых пять месяцев.

— На солдата не очень-то смахиваешь.

— А я и смахивать не хочу, хватит, нашагался строем-то. Да и ранен шрапнелью был.

— Так где ж вся эта сволота? Ни души в садах не видно!

— Похоже, с ними покончено. Никто работать не вышел. И забастовке нашей скоро конец.

— Ты, никак, уж победителем себя видишь? Задницу от земли не оторвешь, а победить хочешь? Дурак ты

дураком! — А что, утром мы и блюстителям порядка страху нагнали. Видишь, ни одного кругом не видно.

— Подожди, приятель, еще насмотришься, пока баствуем,— усмехнулся Сэм.— Вся голытьба на один лад, и ты туда же: сейчас тебе море по колено; глазом моргнуть не успеешь — а ты уж со страху в штаны наложил; а там глядишь — тебя уж и след простыл.

Нестройным хором всколыхнулись сердитые голоса:

— Ты нам мозги не пудри, скажи лучше, что делать?

— А кто ты такой, чтоб нас попрекать? Лучше о своем геройстве расскажи.

Сэм сплюнул на дорогу.

— Ну что ж, и расскажу. Я как раз был во Фриско в Кровавый Четверг. Двинул одному легавому так, что с лошади сшиб. Я был среди тех, кто стащил полицейские дубинки из столярной мастерской. Одну прихватил на память.

— Врешь ты, как сивый мерин! Никогда ты в порту не работал, всю жизнь бродяжничал да фрукты собирал.

— Да, бродяжничал, да, фрукты собирал. А знаешь, почему? Меня на всех судоверфях в черный список внесли. Вот так вот,— заносчиво бросил Сэм. Спорить с его последним заявлением никто не стал, и Сэм продолжал: — Да я столько раз в переделки попадал, что вам, бродягам голозадым, и не снилось! — Его презрение подействовало: скептики присмирели. — А сейчас кончайте болтовню да смотрите в оба!

Некоторое время шагали молча.

— Глянь! Вон ящики.

— Где?

— Во-он там. У черта на рогах. В дальнем ряду.

Джим взглянул, куда указывали.

— Э-э, да там кто-то копошится! — воскликнул он.

— Ну, портовик, давай, покажи, на что ты способен! — бросил кто-то.

Сэм остановился.

— Так как, ребята, будете слушать мою команду?

— Будем-будем, был бы толк.

— Ну что ж. Сейчас главное — спокойствие. Первыми не лезть, а то, случись подвох какой, вы сразу — деру! Пошли, ну-ка, не отставать!

Они свернули с дороги, перебрались через канаву и зашагали меж яблоневых рядов. Подошли к куче ящиков; с яблонь уже слезали сборщики, пугливо жались друг к другу.

У ящиков стоял учетчик. Когда пикетчики приблизи-

лись, он достал из ящика двустволку-дробовик и шагнул навстречу.

— Что, ребята, поработать захотелось? — крикнул он.

В ответ — лишь презрительные выкрики. Кто-то, сунув в рот два пальца, пронзительно свистнул.

— Уходите-ка вы отсюда подобру-поздорову, — предупредил учетчик. — На этой земле вам находиться недозволено.

Пикетчики неспешно надвигались все ближе и ближе. Учетчик попятился к груде ящиков, там же столпились и сборщики, лица у них были обеспокоенные и испуганные.

Сэм бросил через плечо:

— Стой, ребята, дальше не надо. — Сам же выступил вперед. — Вот что, работяги, — обратился он к сборщикам, — переходите на нашу сторону. А то выходит, что вы, как последние предатели, исподтишка бьете. Идите к нам, будем вместе отстаивать свои права!

Учетчик не унимался:

— Уведи людей, пока я всю вашу шайку за решетку не упрятал.

Снова в рядах возмущенно закричали, засвистели. Сэм резко повернулся.

— Кончай базарить! Молчок, дурьи головы!

Сборщики пугливо озирались, готовясь к бегству. Учетчик старался их успокоить.

— Ребята, не поддавайтесь, они вас просто запугивают. У вас полное право здесь работать, коли охота есть.

Сэм заговорил снова:

— Послушайте, ребята, мы вас зовем с собой, не упускайте возможность!

— Ребята, он вас запугивает! — крикнул учетчик. — Кто они такие, чтоб за вас решать.

Сборщики стояли молча.

— Ну так как? — спросил Сэм.

Те промолчали. Сэм медленно пошел в их сторону.

Дорогу ему преградил учетчик.

— Ружье у меня заряжено крупной дробью. Если не уберешься подобру-поздорову, пристрелю.

Сэм, не останавливаясь, спокойно проговорил:

— Никого ты не пристрелишь. Ну, пальнешь в одного, а остальные тебя в лепешку раскатают! — голос звучал ровно и бесстрастно.

Пикетчики, держась метрах в трех от Сэма, медленно наступали на учетчика. Вот Сэм подошел едва ли не вплотную, в грудь ему уперлось ходившее ходуном ружейное дуло.

— Мы просто хотим потолковать, — сказал он и вдруг резко нырнул вниз и в сторону, в ноги учетчику. Ахнул выстрел, заряд ударил в землю. Сэм ловко перевернулся, саданул учетчика коленом в пах и вскочил на ноги — его противник хрипло стонал от боли и катался по земле.

На мгновение пикетчики и сборщики замерли друг перед другом, потом последние пустились наутек, но слишком поздно: ребята Сэма с криками и руганью налетели на них, быстро сломили сопротивление и, не скупясь на удары, погнались прочь.

Джим стоял чуть поодаль. Вот он увидел, что один из сборщиков собирается улизнуть, поднял с земли твердый ком, запустил в беглеца и угодил тому прямо в крестец. Человек упал, его тут же окружили пикетчики, принялись бить ногами, топтать, слышались лишь крики поверженного. А Джим равнодушно созерцал учетчика: лицо у того побелело от боли, покрылось испариной.

Сэм выбрался из толпы дерущихся и подбежал к тем, кто затапывал упавшего.

— Кончай, ребята, вы что, спятили?! — заорал он.

А они все били и били, и из глоток их вырывался рык, на губах выступила пена, Сэм схватил пустой ящик, двинул кому-то по голове.

— До смерти не бейте! — крикнул он. — Не бить до смерти!

Слепая ярость как нахлынула, так и схлынула — враз. Пикетчики, тяжело дыша, отошли от своих жертв. Джим с холодным сердцем посмотрел на лежавших и стонавших, их было человек десять, лица у всех расквашены. У одного разорвана губа, видны окровавленные десны и зубы; другой горько, по-детски плакал — ему вывихнули руку в локте. Сейчас злоба спала и пикетчикам было тошно смотреть, что натворили они, точно ядом, налитанные гневом. И силы оставили их: вот один схватился за голову, будто от нестерпимой мигрени. А другой неожиданно завертелся волчком и захрипел. С дальнего конца яблоневой аллеи хлопнул ружейный выстрел. Оттуда бежали пятеро, приостанавливались, стреляли и бежали дальше, вперед.

Пикетчики бросились врассыпную, стараясь меж яблонями скрыться от пуль.

Джим побежал вместе со всеми. В душе у него поднимался крик: «Против ружей нам не выстоять!» — Слезы застили глаза. Вот что-то крепко ударило в плечо, он едва не упал.

Пикетчики добежали до дороги, перескочили за обочину, то и дело оглядываясь.

Последним бежал Сэм, рядом — Джим.

— Все! Они отстали! — крикнул он.

Однако, поддавшись слепому страху, многие пикетчики бежали дальше, искали спасение за поворотом. Сэм догнал основную группу.

— Да остановитесь же вы! Успокойтесь! Никто больше за вами не гонится!

Они остановились на обочине, перевели дух.

— Кто из наших пострадал? — спросил Сэм.

Пикетчики лишь переглядывались. Джим сказал:

— Я видел, как одного подстрелили.

— Ну, ничего, авось оправится. Его в грудь ранили. — Сэм пристально взглянул на Джима. — А с тобой-то что, парень? Вон кровищи сколько.

— Где?

— Да вся спина в крови.

— Может, на сук напоролся?

— Как бы не так! — Сэм стянул голубую куртку с плеч Джима. — Тебя кое-что пострашней оцарапало. Рукой двинуть можешь?

— Могу, только онемела чуток.

— Значит, кость не задета. Только сухожилие. Крепкая у тебя броня, парень. И крови, видно, не так уж много потерял. Ну, что, ребята, возвращаемся? Сейчас легавых целая стая налетит.

Пикетчики быстро зашагали вдоль дороги. Сэм обратился к Джиму:

— Если сил маловато, давай помогу.

— У меня-то сил хватит. А вот у всех у нас маловато.

Сэм горько вздохнул.

— Да, мы смельчаки, когда нас в пять раз больше: отбивных понаделали из предателей.

Джим спросил:

— Убили кого?

— Вроде нет. Хотя кое-кто долго себя не узнает.

— Господи! Страшно смотреть! Ты видел того, что с порванной губой?

— Не беда, зашьют. А что нам оставалось делать? Что? Если «незваные гости» на нашу сторону не перейдут, так надо их хоть попугать.

— Понятно, я вовсе о них и не беспокоюсь, — бросил Джим.

Далеко впереди завывала сирена. Сэм приказал:

— Прыгайте в канаву, ребята! Всем живо в канаву! Легавые едут! — и оглянулся, проверяя, все ли затаились в глубокой придорожной канаве. Мимо пророкотали полицейские мотоциклы, скрылись за поворотом, следом проехала машина «скорой помощи». Никто не поднял головы, пока за поворотом не смолк шум моторов. Сэм вскочил первым.

— Вставай, ребята! Сматываемся!

Быстро, едва ли не бегом, продолжали путь. Близился закат, и на дороге обозначились голубоватые сумеречные тени. Тяжелая туча наползала на солнце носом огромного корабля, на котором играли пурпурные блики. Протарахтела, возвращаясь, «скорая помощь», и пикетчикам вновь пришлось нырнуть в канаву. Потом проехали мотоциклы, медленнее на этот раз, полицейские осматривали межрядья, в придорожную канаву они не заглянули.

К вечеру пикетчики возвратились в лагерь. Джим едва держался на ногах. Плечо жгло огнем — казалось, в ране обнажился каждый нерв. Люди разбрелись по палаткам.

К Джиму направился Мак, заметив, что тот бледен, прибавил шагу.

— Что стряслось, Джим? Тебя ранили?

— Так, пустяки. Сэм говорит, плечо прострелили. Мне-то не видно. Ничего, терпеть можно.

Мак потемнел лицом.

— Не нужно было тебя посылать, словно предчувствовал.

— Это почему же? Что ж, сидеть сложа руки?

— Да как бы лежать сложа руки не пришлось! За тобой глаз да глаз нужен. Пошли, доктор тебя осмотрит. Только что здесь был. А, вон он. Эй, док!

И они отвели Джима в белую палатку.

— Мы ее только что получили. Решили под госпиталь определить, — пояснил Мак.

Быстро надвинулась осенняя ночь, да к тому же небо на западе заволокла огромная туча. Мак держал фонарь, а Бертон, закатав рукав рубашки раненого, промыл рану теплой водой с марганцовкой.

— Повезло вам, — сказал он. — Попади пуля в кость, все плечо бы разнесло. А так она насквозь прошла, только мышцу пробуровила. Конечно, пока рукой не очень-то пошевелишь.

Он сноровисто прочистил рану с помощью зонда, перевязал, залепил сверху пластырем.

— Здоровее здорового будете. Денька два потерпите.

Я, Мак, собираюсь проведать Альфа Андерсона. Пойдете со мной?

— О чем речь, конечно! А Джим пусть кофе выпьет, — и сунул тому в руку жестяную кружку с черным, скверным кофе. — Садись, — предложил он. Придвинул ящик и усадил Джима, сам устроился подле него на земле. — Ну, так что у вас там случилось?

— Мы на этих пришлых иуд наткнулись, ну и ребята давай их лупить. Удержу не знали. Сколько морд расквасили.

— Знаю, — тихо проговорил Мак. — Ужасно, но что поделать, они к нам переходить не хотели. Мы вынуждены так поступать. Конечно, неприятно смотреть, когда режут овцу, но ведь нам нужна баранина... Ну, а дальше что?

— Потом прибежали пятеро и открыли стрельбу. Наши — деру, только пятки засверкали. Не устояли.

— Да и как им устоять, Джим? Против ружей голыми руками не повоюешь.

— Я и не заметил, как меня ранило. Видел, как один из наших упал. Не знаю, убит или ранен.

— Да, картинка что надо. Другие пикеты удачливее: привели с собой человек тридцать из «подменщиков», что на нашу работу позарились. Просто позвали с собой, те и пошли. — Мак тронул Джима за ногу. — Ну, как плечо-то, болит?

— Немного.

— Да, чуть не забыл. Похоже, у нас вожак сменится.

— Что, Дейкина сместили?

— Нет, но считай, его уже нет. Дик сообщил, кто достал одеяла. Ну, отрядил Дейкин шестерых и поехал с ними на своем новехоньком грузовичке. Один из этих шестерых потом вернулся и рассказал, как дело было. Погрузили, значит, они эти одеяла и обратно. Не успели из города выехать, шину прокололи — на дороге кто-то гвоздей понатыкал. Остановились шину сменить. Тут откуда ни возьмись — дюжина молодчиков с винтовками, одни их окружили, не пускают, а другие в пух и прах разнесли грузовик, даже остов сожгли. А Дейкин стоит, — на него ружье нацелено, — сначала побледнел, как смерть, потом посинел, да как завоет — ни дать, ни взять — волк, — да как бросится на своих обидчиков; его в ногу ранили, а ему хоть бы что! Бежать не может, так пополз, на губах — пена, как у бешеной собаки, в общем, свихнулся мужик, понимаешь, свихнулся! Видать, он этот грузовик пуще жизни любил. Парень тот, что вернулся, говорит,

смотреть на это нет сил: как он полз за ними, хотел уку-
сать. Рычал — ну, точно, бешеный. Потом полиция появи-
лась, и молодчиков этих, «бдительных», как корова язы-
ком слизнула. Подняли Дейкина, потащили с собой. Парень, что рассказывал, сам за эвкалиптом схоронился. Говорит, Дейкин как вцепится зубами легавому в руку — точно клещами, намертво, пришлось отверткой ему в зубы ткнуть, чтобы отпустил. Да, а я еще про него говорил, вот, дескать, железный человек, не дрогнет. Сейчас он в тюрьме. Я думаю, на его место Лондона выберут.

— Да, Дейкин и мне казался волевым человеком. Слава богу, я до его грузовика и пальцем не дотронулся.

Мак наскреб рукой кучку земли, прилепнул сверху.

— Беспокоюсь я, Джим. Дик сегодня продуктов не прислал. И весточки никакой, одни только одеяла. Сегодня еще сварят остатки фасоли со свиными костями, а завтра — лишь немного майсовой каши.

— Ты думаешь, он попался?

Мак похлопал рукой по земляной пирамидке.

— Дик — парень не промах. Вряд ли его схватили. Что случилось — не знаю. А жратву раздобыть надо. Если ребят вовремя не покормишь — пиши пропало.

— Может, он ничего не сумел набрать. Прислал утром свинью — и все.

— Да, и ее уже съели с фасолью. Дик знает, как много нужно, чтобы прокормить такую ораву. Он уже должен был собрать на подмогу наших сторонников.

— Ну, а как настроение у ребят?

— Сейчас лучше. Сегодня они получили хорошую встряску. Конечно, боевого запала надолго не хватит, но завтра похороны убитого товарища — тоже на время их дух поднимет, — он выглянул из палатки. — Ты только посмотри, какая тучища! — Выбрался наружу, задрал голову. Огромная черная туча заполонила небо. Набежал колючий ветер, погнал пыль, дым костров, захлопал брезентом палаток, всколыхнул кроны яблонь окрест.

— Похоже, не обойдется без дождя, — заметил Мак. — Эх, до чего ж некстати! Зальет наш лагерь как крыси-
ную нору.

— Мак, что ты все волнуешься: то ли будет, то ли нет. Чего беспокоиться? Ребята и под открытым небом ночевали, не привыкать. И от дождя не размокнут. Ты напрасно дергаешься.

Мак снова уселся на землю.

— Может, и напрасно. Ты прав, Джим. Может, мне

уже мерещится, только я очень боюсь за нашу забастовку. Столько раз наши труды шли насмарку.

— Ну и что? Ну и что ж, что насмарку? Ты сам говорил, главное, чтоб волнения не затухали.

— Да помню. Не в том дело, продержимся мы еще день-другой или нет. Главное, ребята не забудут, как убили Джоя, как разбили грузовик Дейкина.

— Ты, Мак, прямо как старуха причитаешь.

— Понимаешь, это моя забастовка, вроде как детище. И вот сейчас на моих глазах оно гибнет.

— Да не придумывай!

— Не тебе судить!

— Я как раз думал об этом утром. Ты хорошо знаешь историю?

— Так, чуть-чуть. Чему в школе научили. А что?

— Помнишь, как греки победили при Саламине?

— Учил, наверное, но не помню.

— Так вот, греческий флот оказался заперт в тесной бухте. Охота на край света сбежать. А тут на них персидская армада прет. Ну, командир греков видит, что настроение у людей совсем не боевое, и шлет персам совет, чтоб те все пути к отступлению им, грекам, отрезали. Смотрят греки утром: без боя не убежать, не увильнуть. И дали персам бой. Разбили их флот наголову.— Джим замолчал.

Мимо стали проходить люди — на плитах разогревалась еда.

Мак похлопал ладонью по земле.

— Я понял тебя, Джим. Пока еще не время, но, как знать, вдруг и твой совет пригодится. Мысль хорошая,— и грустно добавил: — Я взял тебя сюда, чтобы учить, а, выходит, сам учусь у тебя.

— Чушь!

— Ну, чушь, так чушь! Любопытно, как это люди всегда точно определяют, когда еда готова. Прямо телепатия какая-то. А может, и у людей такое же, как у стервятников, чутье? Видишь, потянулись. Пойдем-ка и мы с тобой, Джим, перекусим.

11

Их ждала фасоль, сваренная в свином сале. Захватив в палатке котелки, Мак и Джим встали в очередь; им плеснули немного варева, они отошли. Джим достал из кармана деревянную лопаточку, ткнул в котелок, попробовал.

— Это невозможно есть.

— Раньше тебя лучше кормили, а? Хочешь — не хочешь, а съешь, — сказал Мак, попробовал из своего котелка и тут же выплеснул все наземь. — Выбрось, Джим, от этого наизнанку вывернет, один жир. Да, ребята шум поднимут.

Они посмотрели на сидящих подле палаток — люди давились, но ели. Грозовая туча поглотила зажегшиеся звезды.

— Ну и достанется нашим поварам. Пойдем-ка в палатку к Лондону.

— А где палатка Дейкина, что-то не видно.

— И не увидишь. Его жена забрала все вещи и вернулась в город. И палатку захватила. Чудной парень этот Дейкин: еле-еле душа в теле, а о добре не забывает. Идем разыщем Лондона.

Они пошли вдоль палаточной улочки. Вот и серая палатка Лондона. У него горел свет. Откинув полог, Мак вошел. Лондон сидел на ящике и держал в руке открытую банку сардин. Его невестка, смуглянка Лиза сидела на циновке и кормила малыша. Увидев Джима и Мака, она прикрыла его и грудь лоскутом одеяла, улыбнулась гостям и вновь занялась ребенком.

— Вовремя пришли, прямо к обеду! — усмехнулся Мак. Лондон смутился.

— У меня кое-что осталось...

— Ты пробовал, что нам приготовили?

— Ага.

— Надеюсь, что и у ребят тоже кое-что осталось. Их надо лучше кормить, иначе они на нас бочку покатают.

— А кормить-то их, похоже, больше нечем. У меня есть еще банка сардин. Хотите?

— Не откажемся. — Мак проворно выхватил протянутую банку и мигом открыл. — Доставай-ка нож, Джим. Уговорим на пару эту баночку.

— Как у тебя рука? — спросил Лондон.

— Ничего не чувствует, — ответил Джим.

Снаружи слышались голоса.

— Вот здесь, где свет горит.

Полог приподнялся, и вошел Дик. Волосы аккуратно расчесаны, в руках — серая кепка. Серый костюм — без пятнышка, только слегка помят. И лишь по запыленным башмакам можно догадаться, что он немало прошел по сельским дорогам. Он постоял у входа, огляделся.

— Привет, Мак. Привет, Джим, — потом повернулся к кормящей. — Как дела, крошка?

У той сразу потеплели глаза, зарумянились щеки. Она кокетливо накинула одеяльный лоскут на плечи.

Мак повел рукой.

— Знакомьтесь, это — Лондон, это — Дик.

— Привет,— бросил Дик и приподнял руку.— А в городе все ж таки смекнули, что к чему.

— Не понимаю. Ты-то что здесь делаешь?

Дик вытащил из нагрудного кармана газету, протянул Маку. Тот развернул ее, и Лондон с Джимом вперились в страницу.

— Это утренний выпуск,— пояснил Дик.

— Ишь, пострел, везде поспел! — воскликнул Мак. Заголовок гласил: «Администрация поддерживает забастовку! На общем собрании окружного Совета было единогласно принято решение — обеспечить продовольствием бастующих сборщиков яблок».

— Да, похоже, смекнули, это точно! Ну и как, Дик, есть уже результаты?

— Еще бы!

Вмешался Лондон:

— Думаю, нам брыкаться не след. Хотят нас ветчиной да яйцами кормить — я не возражаю.

— Было бы чему возражать! — язвительно бросил Мак.— Они, видите ли, хотят! А не пишут в газете, что часом позже собрались снова и отменили первое решение.

— Что еще за шутки? — рыкнул Лондон.— Какого черта тогда вся болтовня?

— Знаешь, Лондон,— обратился к нему Мак,— это старый проверенный трюк. Дик бросил клич среди тех, кто нам сочувствует. И стали нам присылать еду, одеяла, деньги. А тут — эта газета. Дик, по привычке — с шапкой по кругу, а ему и говорят: «А с какой стати мы? Вон, округ вас кормит». Дик им: «Вранье все». А ему газету в нос тычут, да упрекают, дескать, ты и сам, небось, на этом руки греешь. Вот как это делается. Лондон, сегодня нам какие-нибудь продукты от округа привозили?

— Нет.

— Ну, вот, и Дик с пустыми руками пришел. Теперь понимаешь? Нас хотят взять измором. И поверь, им это — раз плюнуть, если только нам не помогут.— Он повернулся к Дику.— Надеюсь, ты хорошо поработал с нашими доброхотами.

— Лучше некуда,— кивнул Дик.— Работа — легче легкого. Чуток бы еще поднажать. Мне от вас, ребята, нужна

бумаженция, удостоверяющая, что никаких продуктов вы не получаете. И чтоб подписал самый главный.

— Идет! — согласился Лондон.

— У нас много сторонников в Торгасе. Конечно, ассоциация садовладельцев так настроила местных, что наши радители и пикнуть в открытую боятся — попрятались, как мыши в норы. Но я до их кладовок доберусь.

— До сих пор у тебя как по маслу все шло.

— Еще бы! Правда, с одной старой девой заминка вышла. Уж очень ей хотелось помочь нашему делу, а помощь — не приведи господь!

Мак рассмеялся.

— Да тебе стоит до съестного добраться — ничто и никто не остановит, куда ж там бедной старой деве. Может, и впрямь она решила последнее отдать для нашего дела?

Дик поежился.

— Ну да, «последнее» у нее оказалось — шестнадцать топорищ.

— Вот что, сейчас получишь бумажку, что просил, и — в путь. На дорогах тебя не засекли?

— Не знаю, может, и засекли. Я на всякий случай вызвал Боба Шварца. Если меня за бродяжничество схватят — а дело, похоже, к этому идет, — Боб меня заменит.

Лондон порывшись в ящике, достал бумагу, карандаш, протянул Маку, и тот написал «справку».

— Красиво у тебя получается! — восхищенно заметил Лондон.

— Правда? Ну, то-то. Может, мне и подписать за тебя, а, Лондон?

— Валяй!

— Ну и дела! — крикнул Дик. — Я и без вас мог не хуже написать! — Он взял листок, тщательно сложил. — Послушай-ка, Мак, говорят, одного парня кокнули?

— А ты и не знал? Джоя убили.

— Не может быть!

— Ей-богу. Он приехал с этими подонками — «подменщиками», решил было их на нашу сторону перетащить.

— Бедняга!

— Его сразу — наповал. Он и минуты не мучился.

Дик вздохнул.

— Да, от судьбы не убежишь. А Джою рано или поздно пули было не миновать. Похороны-то устройте?

— Завтра.

— Все выйдут?

Мак взглянул на Лондона.

— Какие могут быть сомнения! — фыркнул тот. — Глядишь, и в городке нам посочувствуют.

— Да, Джой был бы доволен. Еще как доволен! Жаль, что он уж не увидит! Ну, мне пора. До встречи! — И, повернувшись, направился к выходу. Лиза подняла на него глаза. — До свидания, крошка. Может, и встретимся еще.

Лиза снова зарумянилась, рот чуть приоткрылся. Дик уже скрылся за пологом, а Лиза все смотрела ему вслед.

Мак снова заволновался.

— Господи! Да у них здесь круговая порука. Дик — малый не промах, но если он еду не раздобудет, нам ее ждать неоткуда.

— Ну что, будем помост строить к завтрашним выступлениям? — спросил Джим.

Мак повернулся к Лондону:

— Ты уже распорядился?

— Завтра утром ребята его сколотят. Досок нет. Раздобыли пока только штакетины от забора. Большого помоста не выйдет.

— Не беда. Главное, чтоб всем ребятам Джоя было видно.

По лицу Лондона скользнула тревога.

— А что мне завтра говорить? Ты ж хочешь, чтоб я с речью выступал.

— К завтрашнему дню у тебя настрой будет самый боевой. Скажешь, что этот парень умер ради них всех. А если уж он жизни не пожалел, им и подавно сил щадить не надо — за себя же сражаются.

— Я речи держать не мастак, — посетовал Лондон.

— Ладно, пусть не речь. Просто поговори с ребятами. Не впервой. Просто поговори, лучше всякой речи получится.

— Ну, попробую.

Мак повернулся к молодой матери.

— Как там малыш?

Лиза покраснела, плотнее закуталась в одеяло. От длинных ресниц на щеки упала тень.

— Лучше некуда, — прошептала она. — Почти совсем и не плачет.

Полог палатки резко вздернулся, и вошел доктор, двигался он быстро и решительно, что никак не вязалось с печальным собачьим взглядом.

— Пойдете со мной, Мак? Я собираюсь проведать Андерсона-младшего.

— Непременно, док! — воскликнул Мак и бросил Лондону: — Охрану у дома Андерсона выставили?

— Выставить-то выставили, да добровольцев не нашлось, чуть не силой заставлял.

— Ничего не поделаешь. Пошли, док, и ты, Джим, если сил хватит.

— Да я уже здоров!

Бертон пристально взглянул на Джима.

— Вам бы сейчас в постели лежать.

Мак усмехнулся.

— Я уж боюсь его одного оставлять, не успеешь глазом моргнуть, он таких дел натворит. Пока, Лондон.

Ночь выдалась темная — ни звездочки — все небо заволокла огромная туча. В лагере тихо, лишь перешептываются мужчины подле небольших костров. Теплый недвижный воздух напитан влагой. Бертон и Мак с Джимом, не привлекая внимания, выбрались из лагеря и скрылись в ночной мгле.

— Боюсь, дождь пойдет, — вздохнул Мак. — И будут наши парни ровно мокрые курицы. Под дождем быстрее, чем под огнем, боевой дух исчезает. Палатки-то, поди, все протекают.

— Это уж точно, — подтвердил Бертон.

Они дошли до сада и зашагали меж рядами яблонь. Было так темно, что приходилось идти, вытянув вперед руки.

— Вы по-прежнему довольны забастовкой? — спросил доктор.

— Сейчас чуть меньше. Тут в долине людишки крепко друг за дружку держатся. Сейчас мы без пищи остались. Не раздобудем — наше дело труба. Ливанет дождь, и завтра же наша братия нас продаст ни за грош. Устали они просто. Чудно получается, док. Вот вы в наше дело не верите, а, похоже, до последнего с нами. Не понимаю я вас.

— Да я и сам себя не понимаю, — пробормотал доктор. — Я не верю в ваше дело, а вот в людей верю.

— Это как понимать?

— Трудно объяснить. Просто я верю, что они люди, а не скоты. Случись я на псарне, где собаки голодные, больные, неухоженные, я б им непременно помог, будь в силах. Ведь они ж не виноваты в том, что им плохо. Вы ж не попрекнете их, дескать, потому им так живется, что честолюбия ни на грош, осмотнительности — никакой, собаки и есть собаки. Не попрекнете же, верно? А поста-

раетесь накормить, отмыть. Вот и я так. Кое в чем научился помогать людям, и как вижу обездоленного — помогаю, особенно не раздумываю. Увидит художник холст, краски под рукой, и ему захочется рисовать; не станет он голову ломать, докапываться, откуда у него такое желание.

— Ага, ну теперь, вроде, понятно. Хотя надо уж очень бесчувственным быть, чтоб вот так стоять в стороне и только смотреть на людишек, а не жить с ними одной жизнью. Но, с другой стороны, док, чертовски умно придумано, рук не замараете.

— Кстати, Мак, у меня карболка кончается. Если не достанете, в лагере не больницей будет пахнуть, а кое-чем похуже.

— Постараюсь.

Метрах в ста засветил желтый огонек.

— Это и есть дом Андерсона? — спросил Джим.

— Похоже. Сейчас, наверное, на охрану наткнемся.

Но они дошли до калитки дома, а их так никто и не окликнул.

Мак вскипел:

— Черт побери, где же ребята? Вы, док, в дом идите, а я пока похожу, поищу этих охранничков.

Бертон направился по тропинке к дому и вошел в ярко освещенную кухню. А Мак с Джимом пошли к сараю. Там они и застали охрану: мужики курили, развалясь на охапках сена. С крюка на стене свисала керосиновая лампа, тускло освещая пустые отсеки да множество ящиков с яблоками — урожай Андерсона готов к отправке.

Мак вскипел было, но быстро унял гнев, заговорил спокойно и доброжелательно:

— Ребята, вас ведь не шутки ради послали. Мы узнали, что «бдительные» затевают кое-что против Андерсона, вроде, отомстить хотят за то, что он нас на свою землю пустил. А представьте, если б не пустил? Гоняли бы нас сейчас по всему округу. Андерсон — славный старик, и мы его в обиду не должны давать.

— Да вокруг — ни души, — заговорил один из охраны. — Что ж нам всю ночь на ногах? Мы уж сегодня в пикетах нашатались.

— Ну, что ж, валяйте! — в сердцах крикнул Мак. — Пусть усадьбу хоть с землей сравняют. Тогда уж Андерсон вышвырнет нас вон. Куда вы только денетесь?

— У реки лагерь разобьем.

— Черта с два! Да вас мигом за пределы округа выдворят! Будто сами не знаете!

Один из мужиков поднялся.

— Парень дело говорит,— проворчал он.— Пойдемте-ка отсюда. У меня в лагере старуха осталась, и я не хочу ей зла.

— Оцепите дом и никого не пропускайте. Знаете, что они с сыном Андерсона сотворили? Сожгли его передвижное кафе, а самого избили до полусмерти.

— Альф всегда вкусно кормил,— припомнил кто-то. Мужчины устало поднялись и вышли из сарая. Мак задул лампу.

— «Бдительные» любят по огоньку палить,— пояснил он.— Таких подставок они не упускают. Надо б и Андерсону сказать, пусть шторы опустит.

Охранники один за другим растаяли в темноте.

— Думаешь, они и впрямь будут сторожить? — спросил Джим.

— Эх, если бы! Минут через десять снова сюда припрутся. В армии расстреливают, если заснешь на посту. Мы ж так не можем. А без наказаний дисциплину неохранишь.

Вот затихли и шаги охраны.

— Я их еще разок прищучу, когда обратно пойдем,— пообещал Мак.

Они взошли на крыльцо, постучали в кухонную дверь. В ответ залаяли, запрыгали собаки. Слышно было, как они бросаются на дверь и как Андерсон успокаивает их. Вот дверь чуть приоткрылась.

— Это мы, мистер Андерсон.

— Заходите,— угрюмо бросил тот.

Собаки волчком закрутились подле гостей, замолотили длинными, твердыми хвостами, повизгивая от радости. Мак потрепал каждую за ушами, взялся за поводки.

— Вам бы их у дома держать, они б хорошо сторожили. Нашей-то охране никого не разглядеть — тьма крошечная, а собаки сразу почуют, если кто идет.

На кровати у плиты лежал Альф. Бледный, изможденный, казалось, он даже похудел: щеки обвисли. Он лежал на спине, одна рука у него покоилась на груди, на перевязи. На стуле рядом сидел док.

— Привет, Альф! — тихо поздоровался Мак.— Ну, как житуха?

Взгляд у того прояснился.

— Да нормально. Только болит все. Док говорит, придется мне в постели поваляться.

Мак наклонился и пожал Альфу здоровую руку.

— Полегче, полегче,— попросил тот.— С этого бока у меня ребра поломаны.

Подошел Андерсон-старший, глаза у него горели.

— Теперь сами убедились! Убедились, чем все кончилось! Фургон спалили, Альфа изувечили! Убедились теперь?

— Ради бога, перестань, отец,— невнятно пробормотал Альф.— К чему все снова ворошить? А тебя, вроде, зовут Мак?

— Верно.

— Так вот, Мак, как по-твоему, примут меня в партию?

— Ты, никак, хочешь бороться по-настоящему?

— Да. Как думаешь — примут?

— Думаю, примут,— медленно проговорил Мак.— Я дам тебе бланк, напишешь заявление. Ради чего ты вступаешь, Альф?

Массивное лицо исказилось. Альф покрутил головой.

— Я все думаю и думаю,— начал он.— С той минуты, как меня поколотили. Думаю об этих парнях, никак мне их не забыть: дотла сожгли мой фургончик, меня ногами топтали, а на углу двое полицейских, стоят и смотрят. И пальцем не шевельнут. Нет, мне их не забыть.

— И поэтому ты хочешь вступить в партию?

— Я хочу бороться с ними. Готов до последнего дня сражаться. Хочу быть с теми, кто против них.

— Сразу тебя предупреждаю, Альф, синяков и зуботычин ты схлопочешь куда больше. Тебя будут бить так, что живого места не останется.

— Что ж, пусть, но и им от меня пощады не будет. Бороться — так бороться. До сих пор я жил тихо-мирно, держал маленькое кафе, подкармливал босяков от случая к случаю...— Голос у него прервался. На глазах показались слезы.

Доктор Бертон легонько коснулся его щеки.

— Вам, Альф, много разговаривать вредно.

— Я достану тебе бланк заявления,— пообещал Мак.— Чудно все-таки. Кого ни возьми из тех, кто к нам приходит, всех «благословила» полицейская дубинка. Стоит легавым отдубасить дюжину ребят, у нас сразу пачка заявлений о приеме. Да, нашим агитаторам за полицией не угнаться, а в Лос-Анджелесе прямо «красная» полицейская бригада орудует — такое они нам пополнение дали. Не знаю, примут ли тебя, но я постараюсь, чтоб приняли.— Мак похлопал Альфа по здоровому плечу.— Надеюсь, все будет, как надо. Ты парень славный. И не ви-и меня за фургончик.

— Ну что ты, Мак! Я знаю, кого винить.

Снова вмешался Бертон.

— Альф, тебе нельзя волноваться. Тебе нужен покой.

А старик Андерсон все не находил себе места. Собаки не отставали ни на шаг, подняв коричневые носы, принюхивались, помахивали упругими, точно хлысты, хвостами.

— Ну, теперь-то вы довольны? — в отчаянье бросил он. — Порушили все, что я нажил! Даже Альфа у меня отнимают! Ну, рады-радешеньки небось?

— Не беспокойтесь, мистер Андерсон, — вступил Джим, — дом ваш охраняется; во всей долине только у вас собраны яблоки.

Мак спросил:

— Когда думаете вывозить?

— Послезавтра.

— Охрану с грузовиками послать?

— Как хотите, — смущенно пробормотал Андерсон.

— Думаю, с охраной надежнее, — решил Мак, — мало ли кому взбредет в голову вас от урожая избавить. Ну, а сейчас нам пора. Спокойной ночи, мистер Андерсон. Пока, Альф. Может, и не совсем плохо, что все так обернулось.

Альф улыбнулся.

— Спокойной ночи, ребята. Мак, не забудь бланк раздобыть.

— Не забуду. Мистер Андерсон, вам лучше опустить шторы. Вряд ли, конечно, они отважатся стрелять, но чем черт не шутит. Кое-где ружьишками баловались.

Дверь за гостями захлопнулась. Светлый квадрат на земле под кухонным окном исчез — в доме опустили шторы. Мак вслепую добрался до калитки, вывел спутников, вышел сам, закрыл.

— Подождите меня здесь, — попросил он, — пойду проверю охранников. — И растворился во тьме.

Джим с доктором стояли рядом.

— Берегите плечо, — посоветовал Бертон, — а то бед с ним не оберетесь.

— Я бед не боюсь. Они только на пользу.

— Да, я и предполагал, что вы из таких.

— Из каких — таких?

— А у вас, Джим, глаза, как у очень религиозного человека. Я и раньше среди ваших ребят таких встречал.

Джим вспыхнул.

— Какой же из меня религиозный человек! На что мне эта религия сдалась!

— Вы, пожалуй, правы, простите, что морочу вам голову, играю словами. Неважно, какой вы свою жизнь назовете, главное — она у вас достойная.

— И счастливая,— подхватил Джим.— Впервые я счастлив. Душа поет!

— Понимаю. Сохраните это чувство. Это дар господень.

— Не верю я в бога! И в религию вашу не верю!

— Ладно, ладно, спорить больше не буду. Не думайте, что я очень уж завидую вам. И я порой люблю людей не меньше вашего, только выражаю по-иному.

— У вас такое было, док? Вроде как целые полки идут и идут, прямо к вам в сердце. И всех нужно принять, приветить.

— Нечто похожее. Особенно, когда глупостей надевают, а потом за свои же ошибки жизнью расплачиваются... Да, Джим, я такое испытывал. И не раз.

Из тьмы донесся оклик Мака:

— Эй, ребята, где вы? Ни черта не видно.

— Здесь.

Мак подошел, и все трое нырнули под темные кроны яблонь.

— В сарае наших сторожей нет,— сказал Мак.— Видно, и впрямь караулят. Может, не сбегут.

Далеко по дороге ехал, урча мотором, грузовик.

— Жаль мне Андерсона,— тихо обронил доктор.— Сейчас все против него: и то, что он привык ценить, и то, чего он страшится. Не знаю, что ему делать. Ведь его непременно выживут из этих мест.

— Мы тут ни при чем! — сердито бросил Мак.— Просто Андерсону выпало пожертвовать своим благополучием ради других. Когда стадо вырывается с бойни, кому-то и рога посшибает. Но горевать об одном обиженном мы не можем, это суровая необходимость, док.

— Да я ведь сейчас не о ваших побуждениях или целях говорю. Просто жалко старика. Ударили по его достоинству. Разве это не больно, Мак?

— Мне некогда рассуждать о чувствах отдельных людей. На мне — судьбы сотен и тысяч,— отрезал Мак.

— С тем плюгавым человечком, которого убили, совсем иное дело,— задумчиво произнес доктор,— ему то занятие было по душе. И по-другому он ни жить, ни умереть не мог.

— Док, вы, того гляди, меня разжалобите,— Мак уже сердился не на шутку.— Несете сентиментальную чушь

без разбора. У нас есть настоящая цель, и ваша болтовня о человеческом достоинстве тут ни при чем. Нам надо накормить людей. Понимаете: накормить. Это не просто болтовня о высоких материях, это насущная забота. А как дела у старика, который ногу сломал?

— Да, переменить тему не мешает. Старик ярится, поносит всех и вся. Его можно понять: поначалу с ним носились как с писаной торбой, он и заважничал, а сейчас никто не навещает, его рассказы не слушают.

— Схожу утром, проведу, — пообещал Джим, — неплохой старикашка.

Мак прислушался.

— Тише! Никак грузовик остановился!

— Верно, и похоже, около нашего лагеря.

— С чего бы? Пойдем-ка поживее, посмотрим. Осторожно, на дерево не наткнись.

Они прошли совсем немного, как мотор рыкнул, что-то скрипнуло, клацнуло, и грузовик тронулся. Вот уже и не слышно его, канул в ночную тишину.

— Ну, кажись, пронесло, — вздохнул Мак.

Они быстро прошли сад, миновали большую поляну. В палатке Лондона еще горел свет, у входа копошились люди. Мак подбежал, откинул полог, вошел. На земле стоял грубо сколоченный из сосновых досок продолговатый ящик. На нем восседал Лондон и угрюмо взирал на пришельцев. Невестка его съежилась на матраце, подле нее сидел чернявый сын Лондона и гладил жену по голове. Лицо у него было бледное. Лондон ткнул большим пальцем в ящик.

— Что мне с этим делать прикажете? — спросил он. — Девка, вон, ни жива ни мертва от страха. Здесь я его держать не стану.

— Привезли Джоя, — догадался Мак.

— Ну да. Только что.

Мак вытянул губы трубочкой и задумчиво посмотрел на гроб.

— Можно и вынести на ночь. Или ваших ребят в больничную палатку пока переселить, а гроб пусть здесь стоит. Если, конечно, вам, Лондон, самому не страшно.

— Мне-то что! Мертвецов я за свою жизнь повидал.

— Ну, тогда пусть остается. Мы с Джимом у вас заночуем, ведь Джой был нашим другом.

За его спиной кашлянул доктор. Мак покраснел и обернулся.

— Допустим, док, правда на вашей стороне? Ну и что с того? Я с Джоем давно знаком.

— Да я вам и слова не сказал,— удивился Бертон.

Лондон что-то бросил невестке и чернявому сыну, и тех словно ветром сдуло. Молодая мать все куталась в одеяло и крепко прижимала к груди младенца.

Мак тоже присел на край ящика, поковырял пальцем шершавую доску. По ней ручейками бежали прожилки. Джим выглядывал из-за спины друга. Лондон беспокойно ходил по палатке, отводил взгляд от гроба. Мак сказал:

— Неважный товар поставляет нам государство.

— А что бы ты хотел задарма? — хмыкнул Лондон.

— Для себя мне ничего не надо,— ответил Мак,— хоть на костре мой труп сожгите, чтоб не смердел подле вас, и дело с концом.

Он встал и пошарил в карманах джинсов, вытащил большой складной нож с отверткой и принялся откручивать шуруп на крышке гроба.

Лондон крикнул:

— Зачем открываешь? Ради чего? Оставь!

— Хочу взглянуть.

— Зачем? Он мертв... просто куча праха.

Доктор тихо заметил:

— Порой мне кажется, что сентиментальнее вас, реалистов, не сыскать людей на белом свете.

Мак хмыкнул и осторожно положил отвертку на земляной пол.

— Если по-вашему, док, я сентиментален, вы ни черта не смыслите. Я должен убедиться, полезно ли будет завтра ребятам взглянуть на него. Их надо хорошенько встряхнуть, а то они прямо на ходу засыпают.

— Порезвиться у тела захотелось? — вставил Бертон.

— Нужно каждую возможность использовать, все в орудие пропаганды обращать,— сурово пояснил Джим.

Мак одобрительно взглянул на товарища.

— Верная мысль! Так и есть. Если Джой нам и после смерти послужить может, пусть послужит. У толпы личных привязанностей нет. И быть не может. Как нет и понятия о всяких там приличиях, не забывайте!

Лондон стоял, слушал и одобрительно кивал большой головой.

— Точно, ребята! Вот и Дейкин, к примеру, голову потерял совсем из-за своего любимого грузовика. Говорят, завтра его судить будут за «нападение на должностное лицо».

Мак проворно отвернул болты, бережно сложил на

землю. Крышка не открывалась. Тогда он наподдал каблуком.

Джой лежал усохший, маленький, жалостливо прибранный: в чистой голубой рубашке, промасленных голубых джинсах. Стылые руки замерли на груди.

— Ему всего-навсего формальдегид вкололи,— сказал Мак.

На серых, точно восковых щеках Джоя проросла щетина, она казалась иссиня-черной. Лицо спокойное, умиротворенное, извечное недовольство исчезло.

— Уж очень смирный на вид,— посетовал Джим.

— Да, в этом-то и беда,— согласился Мак.— Какой толк его ребятам показывать. Лежит себе, довольнешенек, глядишь, и остальным за ним захочется.

Подошел доктор, мельком посмотрел, отошел к ящику, сел. Большие печальные глаза вперились в Мака. А тот не сводил взгляда с Джоя.

— Славный был малый. Бескорыстный. Ума не ахти какого, однако докумекал, что в жизни много несправедливости. Не мог взять в толк, почему продукты выбрасывают на свалку, вместо того чтоб голодных накормить. Глупыш, ему было невдомек. Решил, что может чем-то помочь. А велика ль его помощь? Сейчас и не скажешь. Может — никакой, может — велика. Точно не определить,— голос у Мака задрожал. Доктор все смотрел на Мака, и губы скривились в улыбке: в ней и язвительность, и сочувствие.

— Джой ничего не боялся,— добавил Джим.

Мак поднял крышку и накрыл гроб.

— Не понимаю, почему мы его «бедным малым» называем. И в маленьких людях бывает величие. Только он этого не знал, да и не задавался таким вопросом. Он никогда не жалел себя, даже если его дубасили.— Мак поднял и завернул болт.

— Ты прямо речь говоришь,— похвалил Лондон.— Может, и завтра скажешь? Я-то и двух слов не свяжу. А у тебя складно получилось. Заслушаешься.

Мак смущенно взглянул на Лондона — небось тот смеется,— но Лондон был серьезен.

— Какая ж это речь?— тихо возразил он.— Можно, конечно, и речь. Но я лишь хотел сказать Джою, что умер он не напрасно.

— Так вот и сказал бы завтра речь. Ты говорить мастак.

— Не выйдет. Ты — главный. Ребята меня и слушать не станут, им твое слово важно.

— А что ж мне говорить?

Мак закрутил все болты.

— Ну, как обычно. Что Джой погиб ради них, что хотел им помочь. И что сейчас нужно сплотиться — этим мы лучше всего почтим его память.

— Так, ясно.

Мак поднялся, еще раз оглядел неструганую крышку.

— Вот бы встал кто завтра у нас на пути! Может, «бдительные» сунутся, не захотят нас через город пропустить.

— Так, ясно,— повторил Лондон.

Глаза у Джима сверкнули. Он подхватил слова Мака:

— Вот бы сунулись!

— Ребята им спуска не дадут,— продолжал Мак.— У них вся душа к тому времени изболит. И нужно будет разрядиться. А у «бдительных» ума-то — кот наплакал, непременно сунутся завтра, дурачье.

Бертон устало поднялся со своего ящика, подошел к Маку, тронул за плечо.

— Как причудливо сочетаются в вас жестокость и бюргерская сентиментальность, трезвость и запредельный оптимизм. Такого я еще не видел. И как вам только удастся столько в себе сочетать?!

— Чушь! — бросил Мак.

— Ну, ладно, сойдемся на том, что чушь, и оставим это,— доктор зевнул.— Я отправляюсь спать. Вы знаете, где меня искать, хотя и надеюсь, что не понадобится.

Мак вскинул голову. С брезентового потолка лениво упала капля, другая и вот уже посыпал барабанной дробью дождь. Мак вздохнул.

— Эх, не оправдались мои надежды. Завтра к утру ребята промокнут до нитки. Боевого настроения у них будет столько же, сколько и у морской свинки.

— А я все-таки отправляюсь спать,— повторил доктор и вышел, резко откинув полог.

Мак понуро уселся на гроб. Дождь забарабанил сильнее. Из палаток понеслись возгласы, но из-за дождя слов не разобрать.

— Вряд ли найдется в лагере хоть одна крепкая палатка,— проворчал Мак,— разок бы передохнуть, так нет! И почему нам всегда невзгоды выпадают?

Джим присел на продолговатый ящик подле приятеля.

— Не сокрушайся ты так! Иной раз беда припрет, и дерешься до конца. Со мной так было, Мак. Умирала моя мать, а мне — ни слова. И до того мне горько стало,

в те минуты я на все был готов. Так что не очень-то сокрушайся.

Мак напустился на него.

— Опять подлавливаешь, да? Я ведь и вправду рассержусь, если ты меня без конца дураком выставлять будешь. Иди-ка ложись на девчонкин матрац. У тебя же рука больная. Небось покоя не дает?

— Немного жжет, а так ничего.

— Давай, ложись. Попробуй заснуть.

Джим сначала было возразил, но все же направился к матрацу, расстеленному на полу, улегся. Раненую руку дергало, боль отдавала в плечо. Дождь пошел еще сильнее, потом полил как из ведра. На брезентовом потолке набралась лужа, и капли забарабанили по крышке гроба.

Мак все сидел около него, обхватив голову руками. Острые рысьи глаза Лондона не мигая смотрели на лампу. Лагерь затих, в безветренной ночи слышался лишь шум дождя. Скоро Джим заснул тревожным горячечным сном. А дождь все не унимался. Вот мигнула и догорела лампа на столбе посреди палатки. Последняя голубоватая вспышка и — мрак.

12

Джим пробудился, ему показалось, что он спал в тесном ящике: плечо и бок онемели и болели. Он открыл глаза, огляделся. За окном — скучный серый рассвет. Гроб стоял на прежнем месте. Лондона и Мака в палатке не было. Снаружи кто-то колотил молотком по дереву, наверное, от этого стука он и проснулся. Он немного полежал, осматриваясь, попытался сесть. Но боль держала крепкими тисками. Он перевернулся на живот, поднялся на колени, встал во весь рост, стараясь не двигать больным плечом.

Полог приподнялся, и вошел Мак. Голубая куртка мокро блестела.

— Доброе утро. Соснул немножко? Как рука?

— Онемела. А что, дождь все идет?

— Моросит проклятый. Сейчас придет док, посмотрит твоё плечо! Ну и развезло на дворе! А ходить по лагерю начнут, намесят грязищи еще больше.

— А что за стук?

— Помост для Джоя строили. Даже флаг вот раздобыли, как героя накроем,— и он вытащил замызганную свернутую тряпку, развернул — потрепанный и засален-

ный американский флаг. Бережно разложил на крышке гроба.— Нет, пожалуй, звезды должны быть слева.

— В какой помойке ты его откопал? — спросил Джим.

— Ничего, эффект будет что надо. Что ж доктор не идет?

— Я голодный как волк,— признался Джим.

— А кто, по-твоему, сыт? На завтрак нас ждет только овсянка, ни сахара, ни молока нет, голая овсянка.

— Да я и на овсянку согласен. А ты, Мак, вроде по-бодрее сегодня.

— Да не во мне дело. Просто я думал, что ребята совсем расклеятся, а нет. Женщины, конечно, ругают их на чем свет стоит, а мужчины в основном держатся молодцом.

В палатку завернул Бертон.

— Как рука, Джим?

— Болит, покоя не дает.

— Присядь-ка, я сменю повязку.

Джим уселся на ящик и приготовился терпеть, однако доктор очень сноровисто снял старую тряпицу, перевязал чистой, и Джим даже не почувствовал боли.

— Старый Дан расстроился,— говорил меж тем доктор,— боится, что на похороны Джоя не попадет. Ворчит, дескать, я забастовку затеял, а теперь меня все забыли.

Мак предложил:

— А может, посадить старика на грузовик, и будет он вместе со всеми. Что скажете, Док? Да и для всего дела польза огромная.

— Так-то оно так, но для старика это может плохо кончиться. Мало ли, всякие осложнения. Ведь лет-то ему немало... Не ерзайте, Джим, я уже заканчиваю... Может, лучше так сделать: скажем, что берем с собой, а как начнем с постели поднимать, он сам откажется. Ведь у него лишь самолюбие уязвлено. Как же: все внимание сейчас Джою.— Док похлопал по перевязанной руке.— Ну вот и все, Джим. Полегчало?

Джим осторожно подвигал плечом.

— Еще бы. Конечно, полегчало.

— Слушай, а что бы тебе проведать старика, а Джим? Поешь и иди. Ведь он же твой знакомец.

— Ладно, схожу.

— Он чуток не в себе,— предупредил Бертон.— Волновать его не следует. Он и без того перевозбужден.

Джим кивнул.

— Понял, буду лишь кивать да поддакивать,— он поднялся.— Ну, сейчас почти и не болит.

— Поешь каши,— предложил Мак.— Хоронить мы пойдем к полудню, как и собирались, если удастся, все движение в городке остановим.

Доктор хмыкнул.

— Так-то вы печетесь о людях! Сколько же в вас злобы! Будь я вожаком ваших врагов, выследил бы вас и пристрелил!

— Думаю, они именно так и поступят в один прекрасный день,— ответил Мак.— Они уж по-всякому пробовали со мной разделаться.

Друг за другом вышли из палатки. Серой дымкой висела изморось — дождь все не унимался,—словно кисеей окутывая сад. Джим оглядел ряды замызганных палаток, проходы меж ними — грязное месиво, взбитое сотнями ног: люди беспрестанно сновали взад и вперед — не найти сухого пятка, чтобы присесть. В конце каждого палаточного ряда около уборных выстроились очереди.

Бертон и Мак с Джимом направились к кухне. Из труб валил голубой дым, видно, топили сырыми дровами. На плитах стояли прачечные чаны, и в них булькала каша. Повара размешивали ее длинными палками. Холодные дождевые капли скатывались Джиму за шиворот. Он плотнее запахнул куртку и застегнул все пуговицы.

— Помыться бы неплохо,—вздыхнул он.

— Мокрой губкой оботрешься — и хватит с тебя. Больше предложить не могу. Держи, я твой котелок прихватил.

Они встали в очередь у плиты. Повара едва успевали наполнять протянутые посудыны. Джим подцепил на палочку, служившую ложкой, каши и подул, остужая.

— Вполне съедобно,—похвалил он.— Я сейчас голодный как волк.

— Неудивительно. Вон, Лондон помост осматривает. Пойдем-ка и мы! — и они зашагали по грязи, стараясь не попадать в чужие следы. За кухонными плитами высился помост метра в полтора высотой, сколоченный из штакетин и досок из дренажных штолен. Лондон прибавал перила.

— Привет! — кивнул он.— Ну, как позавтракали?

— Да сегодня хоть из грязи блины пеки, все одно съедим за милую душу,—ответил Мак.— Больше ничего у нас не осталось?

— Ни крошечки. Все до крупинки сварили.

— Может, Дику хоть сегодня удача улыбнется,—с надеждой сказал Джим.— Мак, отпустил бы ты меня, глядишь, я б чего и раздобыл. Все равно без дела сижу.

— Оставайся здесь,— бросил Мак и пояснил Лондону: — Этого парня уже взяли на заметку. Дважды чуть не сцапали, а он — на тебе! — хочет в одиночку в городе объявиться.

— Не валяй дурака. Мы тебя на грузовик посадим, рядом с гробом. Куда тебе с больной рукой? Поедешь на грузовике,— решил Лондон.

— И не подумаю! — взъерепенился Джим.

Лондон лишь зыркнул на него.

— Ты, парень, со мной не очень-то своевольничай. Главный здесь я! Придет твой черед, буду твои команды слушать. А пока командую я.

В глазах у Джима мелькнули бунтарские искорки. Он бросил взгляд на Мака, тот выжидающе улыбался.

— Что ж, будь по-твоему! Подчиняюсь.

— И для тебя, Джим, есть дело,— сказал Мак,— если ты, Лондон, конечно, не против. Пусть Джим повернется меж ребят, потолкует с ними, прикинет, как они настроены. Нам нужно знать, на что рассчитывать в забастовке. По-моему, ребята Джиму доверятся.

— Так что ж ты хочешь узнать? — не понял Лондон.

— Как ребята относятся к забастовке теперь.

— Не возражаю,— согласился Лондон.

Мак повернулся к Джиму.

— Сходи, проведай старого Дана и начинай с ребятами говорить. Где кучка соберется, туда и иди. Никаких идей им не толкай. Кивай да поддакивай, а сам на ус мотай, как они настроены. Справишься, Джим?

— Справляюсь. А куда старого Дана упрятали?

— Значит, так. Во втором ряду видишь палатку, что посвежее других? Доктор там больницу устроил. Скорее всего, Дана там отыщешь.

— Что ж, пошел.— Джим соскреб остатки каши деревянной лопаточкой и отправил в рот. Зачерпнул на ходу воды в бочке, ополоснул котелок и, проходя мимо своей крошечной палатки, забросил его туда. В палатке послышался шорох. Джим опустился на колени и вполз в палатку. Там он увидел Лизу — она, видно, кормила младенца, но сразу же прикрыла грудь.

— Привет.

Лиза покраснела и прошептала:

— Привет.

— Я думал, ты в больничной палатке ночуешь.

— Там мужчины.

— Не промокла ночью-то у нас?

Лиза еще плотнее прикрыла грудь, спустив одеяло с плеч.

— Нет, у вас не протекает.

— Чего ты боишься? Не обижу. Ведь однажды даже помог тебе вместе с Маком.

— Я помню. Поэтому и боюсь.

— Что-то не пойму я тебя.

Она опустила голову, уткнув нос в одеяло.

— Ты же меня видел, ну, без всего,— едва слышно проронила она.

Джим засмеялся было, но быстро осекся.

— Ну и что же? Ничего в этом стыдного нет. Просто нужно было тебе помочь.

— Понимаю,— на миг она взглянула на Джима.— Только мне все равно не по себе.

— Выбрось ты это из головы! Как малыш?

— Хорошо.

— Кормить не тяжело?

— Ничуть,— Лиза покраснела и пробормотала.— Мне нравится кормить грудью.

— Что ж удивительного!

— Мне нравится, приятно так.— Она опустила голову.— И с чего это я тебе все рассказываю?

— Почему б и не рассказать?

— Не знаю, не нужно, наверное... неприлично, а? Никому не говори, ладно?

— Само собой,— Джим отвернулся, посмотрел за низкий полог. Мало-помалу дымка рассеивалась. С полога ниткой прозрачных бус свисали крупные капли. Джим намеренно не переводил взгляда, он чувствовал, что Лизе хочется взглянуть ему в лицо, но пока не удастся.

Ей виден был лишь его темный профиль в свете занимающегося дня да неуклюже перевязанное плечо.

— А что у тебя с рукой? — спросила она.

Он повернулся, и их взгляды встретились.

— Ранили вчера..

— Да ты что! Болит?

— Чуть-чуть.

— Странно — ранили! Вот так, ни с того, ни с сего — ранили?

— Мы с изменниками драку затеяли. А один из хозяев возьми да и пальни из ружья.

— Ты — дрался? Ты?

— А что тут такого?

Она смотрела на него во все глаза, зачарованно следила за его лицом.

— И у тебя не было ружья?

— Не было.

Она тяжело вздохнула.

— А что за парень приходил вчера вечером?

— Молодой такой? Это Дик, мой приятель.

— Очень славный.

— Еще бы! — усмехнулся Джим.

— Только уж очень дерзок. Моему мужу, Джо, такие не по душе. А мне понравился.

Джим снова опустился на колени и пополз к выходу.

— А ты завтракала?

— Джо сейчас принесет, — взгляд Лизы осмелел. — Идешь на похороны?

— Конечно.

— А мне нельзя. Джо не велит.

— Погода мерзкая, сыро, — Джим выбрался наружу. — Ну, пока. Будь здорова.

— До свидания, — она немного помолчала. — Ты уж никому только не говори, ладно?

— Чего — не говори? — Джим снова просунул голову в палатку. — О родах, что ли? Не скажу, конечно.

— Ты ж меня такой видел! Я же говорила, мне стыдно. Сама не знаю, почему.

— И я не знаю. Ну, пока.

Джим поднялся на ноги и зашагал прочь. В туманной дымке ему попало не так уж много людей. Большинство, получив кашу, разбрелось по своим палаткам. Дым от плит стлался по земле. Налетел ветерок и неспешно погнал мелкий и редкий дождь наискось. Проходя мимо палатки Лондона, Джим заглянул и увидел, что вокруг гроба стоят, потупившись, человек десять. Джим хотел было подойти, но вспомнил о задании и зашагал к белой больницы палатке в конце ряда. Внутри — непривычная, но столь необходимая чистота; кое-какие медицинские инструменты, бинты, пузырьки с йодом, большая банка лечебной соли, докторский саквояж — все аккуратно разложено на большом ящике.

Старик полулежал на койке, рядом стояла широкогорлая бутылка — туда он мочился — и допотопный ночной горшок. Борода у Дана отросла и свирепо топорщилась, щеки еще больше запали. И на Джима старик зыркнул свирепо.

— Наконец-то! Пришел! Чертовы молокососы, я вам все устроил, а теперь чихать вы на меня хотели!

— Как чувствуешь себя? — примирительно спросил Джим.

— А, да не все ли тебе равно! Доктор — единственный приличный человек в вашем клоповнике!

— Ну, не сердись, Дан! Видишь, мне тоже досталось: плечо прострелили.

— И поделом! Вы, сукины дети, даже себя уберечь не можете! Чудо еще, что вас всех не уколошили!

Джим промолчал.

— Бросили меня здесь! — не унимался старик. — Думаешь, я все забыл? И как ты на яблоне сидел, и все разговоры у тебя только о стачке. Но черта лысого ты ее начал! Как бы не так! Я почин дал! Думаешь, не понимаю? Упал я с дерева, ногу сломал. Вот откуда все и началось. А вы бросили меня! Одного!

— Мы все помним, Дан. Никто тебя не забыл.

— А чего ж тогда со мной не считаются? Как с несмышленым разговаривают, — он неистово замахал руками, но вдруг сморщился. — Надо ж, бросили меня здесь, а сами все на похороны пошли! Никому до меня дела нет!

— Все совсем не так, Дан, — прервал его Джим. — Мы посадим тебя на грузовик, и ты поедешь рядом со всеми, даже впереди всех.

От изумления у старика раззявился рот, обнажились четыре крупных резца. Руки, наконец, спокойно улеглись на одеяло.

— Не врешь? На грузовик посадите?

— Так наш старший решил. Он сказал, Дан — истинный зачинщик, без него не обойтись.

Старик напыжился. Губы поджались, подбородок воинственно выпятился.

— Иначе он и не мог решить. Уж он-то помнит, — и перевел взгляд на руки, враз смягчился, стал похож на ребенка. — Я поведу ребят, — прошептал он. — Уж сколько веков бьется рабочий человек, а повести его некому. Я их выведу из тьмы к солнцу. Только бы слушались. Скажу: «Делать так-то!» — и они сделают. Скажу: «Идите туда-то» — и пойдут, пойдут как миленькие. Неслухов да лентяев не потерплю. Навытяжку должны стоять, когда я говорю, — и неожиданно добродушно улыбнулся. — Бедные глупые мышата. Никто-то никогда им не говорил, что делать да как. Вожака хорошего не было.

— Это верно, — согласился Джим.

— Ничего, сейчас все по-другому пойдет! — снова разгорячился Дан. — Ты им скажи, я план разрабатываю.

Через денек-другой на ноги встану, пусть уж потерпят немножко, а там я их поведу!

— Непременно скажу,— кивнул Джим.

В палатку вошел Бертон.

— Доброе утро, Дан. Привет, Джим. А где, Дан, тот парень, кому я велел присматривать за тобой?

— Ушел,— жалостливо протянул старик.— Ушел за завтраком, да так и не вернулся.

— На горшок хочешь?

— Нет.

— Клизму он тебе ставил?

— Нет.

— Придется, Дан, другую сиделку подыскать.

— Слышь, док, этот щенок говорит, меня на похороны возьмут, на грузовике поеду. Правда, что ли?

— Конечно, правда. Захочешь — поедешь.

Дан откинулся на спинку кровати, довольно улыбнулся.

— Наконец-то и обо мне вспомнили.

Джим поднялся.

— До скорого, Дан.

Бертон вышел вместе с ним.

Джим спросил:

— Он что, чуток тронулся?

— Да нет. Просто старик. Перенес сильное потрясение. Кости плохо срастаются.

— Но он болтает как умалишенный.

— Я поручил тут одному приглядеть за ним, а он, видишь, даже клизмы ему не сделал. А от запора, порой, и ум помрачиться может. Впрочем, Дан — обыкновенный старик. Вы крепко его порадовали. Заходите почаще!

— По-вашему, он поедет на похороны?

— Нет. Его в грузовике растрясет, только разбередит ногу. Придется что-то иное придумать. Как рука?

— Да я уж о ней и забыл.

— Вот и отлично. Старайтесь не студить. Застудите — намучаетесь. Ну, до встречи. У нас карболка кончилась. Хоть из-под земли, а надо достать. А то ребята уборные чистить откажутся.— И он заторопился прочь, на ходу что-то бормоча себе под нос.

Джим огляделся: с кем бы поговорить. Но те, кто попадались на глаза, не задерживались под дождем, перебежали от палатки к палатке по вконец раскисшей черной земле. Рядом в просторной армейской палатке слышались голоса. Джим вошел. В тусклом свете заметил он с де-

сяток мужчин, сидевших на одеялах. Все разом замолчали и выжидающе уставились на вошедшего. Джим достал из кармана кисет, подаренный Маком.

— Здорово, ребята. У меня вот рука не работает. Не свернет ли кто самокрутку?

Все по-прежнему настороженно молчали. Мужчина, сидевший у входа, протянул руку за кисетом и проворно скатал самокрутку. Джим взял ее и кивнул на кисет.

— Пусти-ка по кругу. Как знать, может, и табачок у нас в лагере на исходе.

Кисет пошел по рукам. Толстяк с маленькими усиками предложил:

— Присаживайся-ка, паренек, ко мне. Это не тебя вчера подстрелили?

— Подстрелили, но не пристрелили,— усмехнулся Джим.— Нас двое подстреленных. Только я, видишь, легко отделался.

Сидевшие одобрительно заулыбались. Мужчина со впалыми щеками даже засмеялся в голос.

— А к чему это надумали того плюгавого сегодня хоронить?

— А почему б и не похоронить?

— Да у всех людей на третий день хоронят.

Толстяк затаился и выпустил клубы дыма.

— Мертвяк и есть мертвяк, ему без разницы.

Худосочный мужчина со впалыми щеками мрачно возразил:

— А вдруг он не умер? Вдруг вроде как отключился? А мы его заживо — в землю. По-моему, надо три дня обождать, как у всех делается.

Ответил ему ровный, насмешливый голос. Джим взглянул в ту сторону: говорил высокий мужчина, лоб у него был белый и гладкий, без морщин.

— Не бойся, не спит он, будь уверен. Знал бы ты, что с трупами в морге делают, сомневаться бы не стал.

— Мало ли что! А вдруг? — не сдавался худосочный.— Если обождем чуток, хуже не будет.

Белолобый фыркнул.

— Парню в вены чего только не накачали, чтоб не протух, а он, по-твоему, все спит. На зависть крепкий сон!

— Неужто накачали?

— А то как же! У меня знакомый в морге работал, такое рассказывал — уши вянут.

— Лучше и вовсе не слушать,— решил худосочный,— одна только срамота.

— А кто он, ну тот, плюгавый, которого убили? — спросил толстяк. — Он, по-моему, хотел этих субчиков, что приехали у нас хлеб отнимать, сагитировать, дескать, нам палки в колеса не вставляйте. Уж и говорить начал, да тут — бах! — смотрю, уж он на земле лежит.

Джим собирался было закурить, но так и не зажег самокрутку.

— Я знал его, — ответил он. — Хороший был малый. Вроде как рабочий вожак.

Белолобый заметил:

— За головы вожаков государство неплохо платит. Так что долго они не живут. Взять хотя бы этого Сэма, тощий, ровно змеюка. Говорит, в порту работал. А я спорю, что он и полугода не протянет — кокнут.

Смуглый парень спросил:

— А как же с Лондоном? С ним, как с Дейкином, могут расправиться.

— Ну, уж нет, Лондона голыми руками не возьмешь. У него голова на плечах есть, — вступил худосочный.

— А если у него голова на плечах, чего ж мы сидим сложа руки?! — взъерепенился белолобый. — С этой забастовкой одна морока. А кто-то на этом денежки зарабатывает. Как туго придется, так непременно кто-нибудь нас заложит, сам — в кусты, а нам — расхлебывать всю эту кашу.

Крепкий, плечистый мужчина встал на колени, надвинулся на говорившего, по-волчьи ощерившись. Глаза недобро заблестели.

— Ну, вот что, умник, послушали тебя, и хватит. Я Лондона давно знаю. Если ведешь к тому, что он нас заложит, давай выйдем. Я тебе объясню, что к чему. Я мало что в этой забастовке смыслю. Но раз Лондон сказал: «Дело стоящее», — я делаю, как он велит. И ты свои штучки брось!

Белолобый неприязненно смерил его взглядом.

— Грозный ты больно.

— Грозный не грозный, а тебя вздуть сумею.

— Кончай, ребята, — вмешался Джим. — Чего нам друг с другом-то воевать? Не терпится кулаки почесать, подождите чуток, еще надоест.

Плечистый пробурчал что-то, но сел обратно, на свое одеяло.

— Чтоб я ни словечка больше о Лондоне за его спиной не слышал!

Толстяк взглянул на Джима.

— А как тебя, сынок, подстрелили-то?

— На бегу. Побежал, а меня — на мушку.

— Говорят, вы дали прикурить нашим «подменщикам».

— Верно.

— А еще говорят, их теперь не на поезде, а в грузовиках привезут,— заговорил сразу белолобый.— И вроде каждому дали по гранате со слезоточивым газом.

— Вранье! — оборвал его Джим.— Чтоб нас запугать, чего только не придумают.

Белолобый угрюмо продолжал:

— Хозяева, кажись, Лондона предупредили, что, пока у нас в лагере красные, никаких переговоров не будет.

— Ну, и где ж эти красные? — зашевелился плечистый.— Уж не ты ли сам, по разговору похоже.

— Сдается мне, что доктор из красных,— говорил белолобый.— Чего ему здесь надо? Он же ведь ни гроша не получает. Кто ж ему платит? Он-то уж небось не прогадает,— белолобый хитро прищурился.— А, может, ему Москва платит.

Джим, побледнев, сплюнул на землю и, как мог спокойно, сказал:

— Таких сволочей, как ты, я отродясь не встречал! И в каждом ты такого же подонка видишь!

Плечистый снова подался вперед.

— Парень дело говорит! Он-то тебя «причесать» не сможет, а уж я постараюсь, если хлебало не заткнешь.

Белолобый медленно поднялся и пошел к выходу. Обернулся.

— Смотрите, ребята, вспомните мои слова. Не сегодня-завтра скажет вам Лондон: «Кончай бастовать!» А у самого, глядишь, новая машина появится, работа постоянная. Помянете мое слово!

Плечистый резко приподнялся, но белолобый уже выскользнул из палатки.

— Что это за парень? — спросил Джим.— Спит с вами в одной палатке?

— Нет, совсем недавно только объявился.

— А раньше вы его видели?

Каждый лишь покачал головой.

— Не видел.

— И мне не доводилось.

— Так его ж подослали! — догадался Джим.

— Кто? — не понял толстяк.

— Хозяева. Велели Лондона оговорить, чтоб вы, ре-

бята, ему верить перестали. Неужто не ясно? Пойдет раскол. Так что хорошо б этого хмыря из лагеря выставить.

Плечистый вскочил на ноги.

— Сам этим займись! Лучше развлечения не придумать! — и вышел из палатки.

— А вы, ребята, бдительность не теряйте. Такие вот субчики наговорают вам, что забастовка, дескать, выдохлась. Вранье это все, и слушать нечего.

Толстяк выглянул из палатки.

— А то, что жратва кончилась, это не вранье. И что кормить ребят одной травой, как коров, нельзя — тоже правда. Каждый это видит, и подсылать никого не надо.

— Сейчас нам важно единство! — воскликнул Джим. — Просто необходимо! Не будет единства, и мы пропали. И не только мы. Ни одному работяге в стране не станет легче.

Толстяк кивнул.

— Мы все одной веревочкой связаны, а не всяк сам по себе. Вот хотят наши ребята получше жить, но ведь только для них одних лучшей жизни не получится, пока все лучше не заживут.

В дальнем углу палатки приподнялся мужчина средних лет.

— Знаете, в чем беда рабочего человека? — спросил он. — Так вот я вам скажу. Языком почесать любит наш брат. Кабы больше дел, да меньше слов, глядишь, что-нибудь вышло бы, — он замолчал. Все в палатке вдруг насторожились, прислушиваясь.

Снаружи слышалась какая-то возня, приглушенные быстрые шаги, тихие голоса — словно запахи, проникли они в палатку. Никто из сидящих не шелохнулся, каждый прислушивался. Звуки близились, надвигались: шлепали по грязи ноги. Вот люди миновали палатку.

Джим встал, подошел к выходу, и в этот миг раздвинулся полог и снаружи сунулась чья-то голова.

— Сейчас гроб будут выносить. Пойдемте, ребята.

Джим вышел из палатки. Утренняя дымка, точно облако бесплотных снежинок, расходилась по сторонам. Кое-где ветром трепало пологи палаток. Джим взглянул в конец ряда — из палаток вылезали мужчины и женщины, видно, известие облетело всех быстро. Людские ручейки стекались к помосту. Все плотнее и плотнее смыкались люди вокруг помоста, их гомон сливался в единый глас, топот и шарканье — в шумливую суету. В глазах, отметил Джим, — пустота и отрешенность. Головы запрокинуты,

люди точно принюхивались или прислушивались. Плотным кольцом окружили они помост.

Из палатки Лондона вышли шестеро и вынесли гроб. Ручек не было, поэтому, попарно сцепив руки под гробом, люди придерживали его плечами. Затаптались на месте, стараясь шагать в ногу и не раскачивать свой груз. Двинулись по раскисшей земле к помосту. Шли они с непокрытыми головами, на волосах жемчужинками застыли капли. Легкий ветерок принялся играть краем замызганного флага. Люди расступились, оставив узкий проход к помосту. Лица у всех посерьезнели, головы чуть опустились — обязывала церемония. Те, кто стоял ближе к проходу, неотрывно смотрели на гроб, враз присмирив, а когда гроб миновал их, начинали перешептываться. Кое-кто крестился. Вот гроб уже у помоста, опустили изголовье, сзади подтолкнули.

Джим торопливо зашагал к палатке Лондона. Там он застал и Мака.

— Слушай, может, ты говорить будешь? У меня язык к нёбу прилип.

— Ничего, справишься. Помни, что я тебе советовал. Постарайся завязать с ними беседу. Если хоть один раз тебе ответят, дальше все как по маслу пойдет. Этот прием не новый на таких собраниях, но результаты отличные, когда народа много.

Лондон, похоже, немного робел.

— Лучше тебе, Мак, выступить. Ей-богу, не получится у меня. Да я и покойного-то не знал.

Мак насупился.

— Ты все-таки залезь на помост, скажи хоть пару слов. А если уж не удержишься, вниз потянет, так я подсоблю.

Лондон застегнул ворот голубой рубашки, поднял отвороты. Застегнул и оправил старый черный пиджак. Пятерней пригладил волосы сзади и по бокам круглой проплешины. Да и сам, казалось, переменялся, посуровел, посерьезнел, набычился. Худолицый Сэм встал рядом, готовый сопровождать командира. Лондон, исполненный сознания собственной власти, вышел, следом — Мак, Джим и Сэм. Так и шлепали они по грязи: впереди, в гордом одиночестве, Лондон, чуть позади — маленькая свита. Собравшиеся у помоста поворачивали головы, приметив своего вожака. Шумок голосов, стлавшийся над толпой, стих. Тут же образовался проход для Лондона, к помосту его провожали многочисленные взгляды.

Лондон взобрался на помост, замер, одиноко высясь над толпой. На него уставились пустые, бесстрастные, словно стеклянные, глаза.

Лондон взглянул на дощатый гроб, расправил плечи. Как трудно ему было заговорить в напряженной тишине, лишь дыхание сотен людей нарушало ее. Начал он негромко и с достоинством.

— Я сюда пришел, чтобы речь говорить, но в речах я мало что смыслю.— Он помолчал, оглядел нацеленные на него лица.— Вчера убили этого малого, вы все видели. Он хотел перейти на нашу сторону, тут его и уколошили. Никому зла этот парень не причинил.— Лондон снова замолчал, на лице отобразилось замешательство.— Ну, что еще-то сказать? Вот мы собрались его похоронить, он наш товарищ, убили вот его. Ну, что еще-то? Пройдем процессией по городу, все вместе, и похороним его, ведь он один из нас. Такой же, как и мы. И каждый из вас мог так же голову сложить,— Лондон умолк, открыл рот, собираясь еще что-то сказать.— Я... я мало что смыслю в речах,— смущенно повторил он.— Но тут есть парень, друг убитого. Пусть он еще скажет.— Он медленно повернул голову в сторону Мака.— Давай, Мак. Расскажи им об этом малом.

Мак стряхнул с себя оцепенение, мигом взлетел на помост. Плечи заходили, как у боксера.

— Что ж! И расскажу! — выкрикнул он неистово.— Звали его Джой. И был он из левых. Из самых что ни на есть левых! Ясно? Он мечтал, чтоб каждый из вас досыта ел, имел крышу над головой, чтоб не страшиться дождя. Он старался не ради себя. Вот такой он — левый! Ясно? Власти таких как огня боятся, ругают почему зря! Вы сейчас, поди, и лица-то его не разглядели. А на нем живого места нет — все в шрамах. Это ему от полиции в подарок за то, что он левый. Руки переломаны, челюсть свернута — сломали, когда он в пикетах ходил. Тогда и за решетку угодил. А тюремный врач посмотрел и говорит: «Я красную сволочь лечить не стану». Так и валялся Джой со сломанной челюстью. Да, власти его не напрасно боялись, ведь он хотел накормить досыта таких, как вы,— начав с крика, Мак говорил все тише и тише, глаза пытливо шарили по лицам, люди ожили, напряглись, стараясь не пропустить ни слова, подались вперед.— Да, я знал его.— И вдруг снова взорвался.— А вы, что вы будете делать сейчас?! Опустите его в яму, забросаете землей! И забудете!

Кто-то из женщин разрыдался.

— Он сражался за вас,— прокричал Мак.— Вы и об этом забудете?!

— Ни за что! — раздался возглас из толпы.

А Мак безжалостно бил словами:

— Значит, пусть его убивают, а вы смиритесь и шею в ярмо?

— Не бывать такому! — отозвалось уже несколько голосов.

Мак перешел с резких выкриков на плавную речь.

— Значит, в яму его, и дело с концом?

— Нет! — пронеслось по рядам, и народ заколыхался.

— Он сражался за вас! А вы о нем и не вспомните!

— Не-е-т!

— Мы пойдем через весь городок. Позволим легавым нас задержать?

— Нет! — мощно пророкотала толпа и дружно качнулась в сторону, ожидая следующего вопроса.

Но Мак этот ритм нарушил, спокойно сказав:

— В этом тщедушном человечке — дух нашей борьбы. Но молиться на него мы не станем! Не нужны ему молитвы. Да и нам тоже. А нужны нам сейчас дубинки!

И снова закачалась, заволновалась толпа.

— Ду-бинки! Ду-бин-ки! — скандировали люди. Потом выжидающе примолкли.

— Что ж,— бросил Мак.— Зароем этого красного, но все одно: он останется с нами. И не дай бог кому становиться у нас сейчас на пути! — Он неожиданно спрыгнул с помоста, хотя люди ждали большего и остались недовольны. Они переглядывались, словно ища недоговоренного ответа.

Слез с помоста и Лондон. Тем, кто нес гроб, он сказал:

— Положите его на грузовик Альберта Джонсона. Минута-две, и мы поедem.— И пошел за Маком, тот с трудом прокладывал путь в толпе. Не успел он выбраться, как рядом замаячил Бертон.

— Да, Мак, умеете вы народ дрессировать,— тихо заметил он.— Любой проповедник позавидует, в два счета из людей сострадание и скорбь выжали. Еще бы минутку поговорили, глядишь, на них бы и дух святой сошел, они б пророчествовать начали.

Мак огрызнулся:

— Хватит, док, покусывать меня исподтишка. Мне дело делать, и для этого я всякую возможность использую.

— А где вы этому научились?

— Чему?

— Да всем этим хитростям.

— Не все ли равно, док? — устало проговорил Мак. — Мне нужно было их встряхнуть. Вот я и встряхнул. Теперь они горы свернут. И неважно, как я этого добился.

— Я-то знаю, как, — ответил доктор, — мне просто любопытно, как вы этому научились. Да, чуть не забыл: старый Дан сам отказался ехать на похороны. Мы его уже подняли, а ему, видать, не под силу.

Их догнали Лондон и Джим. Мак обратился к Лондону.

— В лагере нужно бы оставить большую охрану.

— Хорошо. Я оставляю Сэма, а с ним сотню ребят. Ты, Мак, здорово говорил!

— У меня времени не было все продумать загодя. А выступить нам неплохо бы поскорее, пока у ребят запал не кончился. Главное — выступить, а в пути они боевой настрой не растеряют. Промедлим, они остынут.

Все четверо обернулись. Гроб уже выносили из толпы, несли тяжело, покачиваясь, поддерживая плечами. Толпа потянулась следом. Утренняя дымка уже рассеивалась. На западе проглянул лоскутик голубого неба, а ветер где-то там, в вышине, рвал тучи и расшвыривал их в стороны.

— Погода сегодня разгуляется, — определил, глядя на небо, Мак и повернулся к Джиму: — Едва не забыл о тебе. Как рука-то?

— Отлично!

— Вот что, я все же думаю, пешком тебе идти не следует. Садись-ка на грузовик.

— Нет, пойду на своих двоих. Как-то ребята посмотрят, если я на грузовике поеду?

— Я все учел. Те, кто гроб нес, тоже в кузове сядут, так что все в порядке. Ну что, Лондон, выступаем?

— Выступаем!

Гроб поставили в кузов «доджа», борта опустили; по бокам, свесив ноги, уселись те, кто нес гроб, и Джим. Мотор задышался и кашлял. Альберт Джонсон вывел машину со стоянки на дорогу, дождался, пока за ним выстроится колонна по восемь человек в ряд, включил малую скорость и медленно поехал вперед. Следом, шаркая, двинулись люди. А сотня оставшихся охранять лагерь взглядом провожала процессию.

Поначалу старались идти в ногу, ритмично отбивая: «Левой! Левой!», но скоро всем надоело. Шаркая и споты-

«И ПРОИГРАЛИ БОИ»

«И ПРОИГРАЛИ БОЙ»

каясь, двигались они по гравиевой дороге, тихий гул летел над толпой — говорить все старались тихо, как-никак похороны. На бетонном — собственности штата — шоссе их уже поджидала дюжина полицейских на мотоциклах. Их командир крикнул с машины:

— Мы вам, ребята, не мешаем! Просто положено процессии сопровождать!

Затопали, застучали каблуки по бетону. Шеренги смешались и лишь на подступах к городу подровнялись. С тротуаров и из-за заборов на них глазели обыватели. Многие, увидев гроб, обнажали головы. Мак просчитался: на пути процессии по перекресткам были выставлены полицейские, они останавливали движение или направляли машины в обход, пропуская похоронное шествие. Вышли к деловым кварталам, солнце уже светило вовсю, отражаясь в лужах. Потеплело, и от промокшей одежды шел пар. Любопытных на тротуарах прибавилось: они глазели на гроб и на подтянувшихся людей, те шагали ровнее, в ногу, лица сделались важными. Никто не попадался им на пути, ни прохожие, ни машины.

Так вслед за грузовиком и прошагали через центр городка, миновали окраины, направляясь к окружному кладбищу. Идти пришлось еще с милю. Маленькое кладбище потонуло в траве. Над недавними могилами высились блестящие металлические столбики с именами и датами. На задах у свежерытой ямы высилась куча не просохшей еще земли. Грузовик остановился у ворот. Сидевшие в кузове соскочили наземь, вновь взяли гроб на руки. Полицейские на мотоциклах выжидательно остановились на дороге.

Альберт Джонсон достал из-под водительского сиденья моток буксировочного троса и пошел к могиле. Толпа, смешав ряды, двинулась следом. Джим выпрыгнул из кузова и хотел было присоединиться к остальным, но его остановил Мак.

— Там они и без нас разберутся. Главное мы сделали — шествие организовали. Подождем здесь.

Рыжий парень, миновав кладбищенские ворота, подошел к Маку.

— Не знаешь тут такого, Маком зовут?

— Ну, положим, меня Маком зовут.

— А приятель — Диком зовут — у тебя есть?

— Конечно.

— А как его фамилия?

— Холсинг. Что случилось-то?

— Ничего. Он вот записку просил передать.

Мак развернул листок, прочитал.

— Чудеса в решете! — воскликнул он. — Прочти-ка, Джим.

Джим взял записку. В ней говорилось:

«Не смог отказать даме-благотельнице. У нее дешевенький домик, № 212, Салинасская дорога. Высылайте грузовик незамедлительно: она дает двух коров, бычка, десять мешков лимской фасоли. Пришлите ребят, чтоб забивали коров.

Дик.

Р. S. Вчера вечером едва не попался.

Р. Р. S. Топорищ оказалось лишь двенадцать.

Мак рассмеялся.

— Ну, надо ж! Только подумать! Две коровы, бычок и фасоль! Живем! Беги-ка, Джим, разыщи Лондона, пусть скорее сюда идет.

Джим нырнул в толпу и уже через минуту вернулся, за ним торопливо шагал Лондон.

— Он, Лондон, уже рассказал? Или нет еще? — с ходу крикнул Мак.

— Сказал только, что теперь у нас жратва есть.

— И немало! Две коровы и теленок. Десять мешков фасоли! Пусть ребята прямо сейчас на грузовике и едут за всем добром.

Слышно было, как застучали комья земли по крышке соснового гроба.

— У ребят сразу настроение поднимется, если их мясом да фасолью накормить.

— Да и я б от кусочка мяса не отказался.

— На грузовике, Лондон, поеду я сам. Дай мне человек десять на охрану. Хочешь, Джим, поедем вместе. — Мак призадумался. — Нам же дров нужно раздобыть. В лагере почти ничего не осталось. Вот что, Лондон, пусть каждый из ребят прихватит хоть щепку, хоть ветку, хоть доску от забора или дренажной штольни — что угодно. Растолкуй, зачем это. Приедете в лагерь, выройте яму, на дне костер разложите. Ну, а большой жестяной лист мы где-нибудь в хламе отыщем. Чтоб к нашему приходу костер всю горел. — Повернулся к рыжему парню и спросил: — А где эта Салинасская дорога?

— С милю отсюда. И меня подбросите — нам по пути.

— Схожу-ка за Альбертом Джонсоном и ребятами, — решил Лондон и тут же исчез в толпе.

А Мак все не мог нарадоваться.

— Вот уж повезло, так повезло! — приговаривал он. — Теперь хоть с голоду не умрем! Ай да Дик, молодчага! Чудо-парень!

Джим заметил, что толпа оживилась, заволновалась, засуетилась. Люди вразнобой двинулись обратно. Впереди шагал Лондон и указывал, кому ехать с Маком. Люди, смеясь, перекликиваясь, окружили грузовик. Альберт Джонсон положил грязный трос обратно под сиденье, взобрался в кабину сам. Мак сел рядом, помог залезть и Джиму.

— Лондон, пусть люди не расходятся, — крикнул Мак. Его сопровождающие запрыгнули в кузов.

И тут в толпе принялись куражиться. Ухватили все разом машину за борта и она не смогла двинуться с места, лишь беспомощно пробуксовывали колеса; швыряли катышками мокрой земли в кузов. А полицейские на дороге бесстрастно наблюдали за происходящим.

Альберт Джонсон поддал газу и вырвался с машиной из толпы. Мотор надсадно гудел; вот грузовик выскочил на дорогу. Двое полицейских тут же оседлали мотоциклы и поехали следом. Мак обернулся и посмотрел в заднее окошечко. Толпа бурливой волной выкатилась с кладбища и быстро заполонила дорогу. Полицейские напрасно пытались освободить проезжую часть. Ликующие люди лишь посмеивались над ними, подталкивали их, прыгали вокруг точно дети. Грузовик вместе с эскортом завернул за угол и вмиг исчез из виду.

Альберт безнадежно взглянул на спидометр.

— Чего доброго, эти молодчики нам превышение скорости припаяют.

— И то правда, — согласился Мак и повернулся к Джиму. — Если кто попадется навстречу, Джим, пригнись, — и снова обратился к Альберту: — А если нас кто вздумает остановить, гони, не сбавляя скорости. Не забывай, что стало с грузовиком Дейкина.

Альберт кивнул и сбавил скорость до сорока миль.

— Меня не остановишь, я баранку кручу сызмальства; была б только машина.

Поехали они не центром города, а окраиной, перебрались через речушку по деревянному мосту и выехали на Салинасскую дорогу. Альберт замедлил ход, высадил рыжего парня, тот весело помахал им, и машина поехала дальше. Мили через три, уже у подножия холмов, сады стали редеть, уступая полям со жнивьем. Джим засмотрелся на вереницу блестящих почтовых ящиков у обочины.

— Тут уже номер двести восемнадцатый. Скоро приедем.

Один из полицейских повернул и поехал к городу, второй же неотступно следовал за грузовиком.

— Ну, вот, приехали. Вон и большие белые ворота,— определил Джим.

Альберт остановил машину, один из провожатых соскочил на землю, открыл ворота. Полицейский заглушил мотор и поставил мотоцикл, прислонив к воротам.

— Эй, это частная собственность! — крикнул ему Мак.

— Не бойся, я на дороге побуду, просто рядом постою и все.

Впереди метрах в ста под раскидистым деревом виднелся белый домик, а за ним высился большой белый сарай.

Из дома сутулясь вышел фермер с пшеничными усами, остановился, поджидая гостей. Альберт подъехал ближе. Мак заговорил с фермером.

— Добрый день, мистер. Хозяйка разрешила кое-что забрать.

— Знаю,— кивнул фермер.— Она предупредила. Две старые дойные коровы да телок.

— А можно ли их здесь же и забить?

— Валяйте. Но занимайтесь этим сами, а потом приберите, чтоб все чисто было.

— А где они, мистер?

— В сарае. Только там не забивайте — грязищу развезете.

— Ясное дело! Поставь-ка машину к сараю.

Грузовик подъехал, и Мак подошел к кузову.

— Ребята, кому-нибудь из вас доводилось забивать корову?

Ответил ему Джим.

— У меня ж отец на бойне работал. Могу показать, что и как. Самому-то не справиться — рука болит.

— Давай, давай,— кивнул Мак.

К ним подошел фермер.

— А кувалда у вас найдется? — спросил Джим.

Фермер ткнул пальцем в сторону маленькой пристройки к сараю.

— А нож?

— Найдется и нож. Хороший нож. Только вернуть не забудьте.— И он зашагал к дому.

Джим повернулся к товарищам.

— Двое идите в сарай, выводите сперва теленка. Он, должно быть, самый резвый.

Вернулся поспешая фермер. В одной руке он нес тяжелый молот на короткой ручке, в другой — нож. Джим взял его, осмотрел. Лезвие сточено: тонкое, узкое, конец заострился, как игла. Он потрогал его пальцем.

— Острый, острый, некогда ему тупиться, — проворчал фермер, забрал нож, обтер о рукав, поймал лучик света, поиграл им. — Сталь отменная, германская.

Четверо мужчин выволокли из сарая теленка, едва поспевая за ним, придерживая за веревку на шее, то подталкивали его боками и плечами, осаживали — он все норовил вырваться.

— Вот здесь забивайте, — указал фермер. — Тут кровь в землю впитается.

Мак возразил:

— Нет, кровь нам пригодится. Это ж питательный продукт. В чем бы только ее довести?

— Отец ее пил, — вставил Джим. — А я не могу, тошнит. Бери, Мак, кувалду и бей вот сюда, да посильнее. — Нож он протянул Альберту Джонсону. — Последите за моей рукой. Вот здесь, как только Мак кувалдой огреет, вы ножом и полоснете. Здесь большая артерия, ее нужно вскрыть.

— А как узнать, вскрыл ты ее или нет?

— И узнавать нечего, кровь фонтаном ударит. А вы, ребята, чуть в сторону отойдите.

Двое встали по бокам, придерживая бычка. Мак ахнул молотом ему по голове, бычок припал на передние ноги. Альберт резанул ножом и отпрыгнул в сторону — из артерии хлынула кровь. Теленок подпрыгнул и медленно осел. Мордой он ткнулся в землю, ноги подкосились. По сырой земле растекалась лужа густой алой крови.

— Какая досада, что ссудить не во что, — посетовал Мак. — Будь у нас бочонок...

— С этим все! — крикнул Джим. — Выводите следующую! Сюда давай!

Помощникам его было в диковинку, как забивают бычка, но разделались они с двумя коровами, и любопытства у них поубавилось. Коровы лежали на земле, из голов сочилась кровь, Альберт вытер липкий нож куском мешковины и протянул его фермеру. Потом подогнал грузовик к тушам, помощники с натугой втащили их в кузов, свесив вялые коровьи головы за борт, чтобы кровь стекала на землю. В последнюю очередь погрузили десять мешков фасоли, сгрудив у кабины, сами уселись сверху.

Мак повернулся к фермеру.

— Спасибо, мистер.

— Это не моя ферма. И корова не моя. Я здесь издольщиком.

— Все равно спасибо. За то, что нож одолжили.— Мак помог Джиму взобраться в кабину, и тот сел рядом с водителем. Рукав рубашки у Альберта Джонсона до самого плеча побурел от крови. Альберт завел мотор, и, тяжело пыхтя, машина двинулась по проселочной дороге. Полицейский у ворот фермы поджидал их, и как только они выехали на дорогу, пристроился сзади.

Сидевшие на мешках в кузове затянули песню.

Лишь супа просим на обед даты!
Лишь супа мы хотим отведаты!

Полицейский лишь усмехнулся, а из кузова уже пропели и ему:

Слезы лить тебе весь век,
Твой начальник — гомосек!

Мак, перегнувшись через Джима, бросил Альберту:

— Городом не поедem. Нам нужно груз в целости и сохранности в лагерь доставить. Не беда, если придется круг дать.

Альберт угрюмо кивнул.

Небо очистилось, но высокое солнце не грело.

— То-то ребята обрадуются! — сказал Джим.

Альберт снова кивнул.

— Дай им вволю мяса нажраться, так они тут же спать завалятся.

Мак рассмеялся.

— Удивляюсь тебе, Альберт. У тебя что же, нет высоких представлений о благородстве рабочего класса?

— У меня вообще ничего нет, ни представлений, ни чего понасушнее.

— И терять нечего, кроме цепей,— вставил Джим.

— Как это нечего? Вон, волосы еще остались.

— Да и грузовик еще,— напомнил Мак.— Без грузовика мы б ни за что не управились.

— Доконал меня этот грузовик,— с сердцем сказал Альберт.— Чтоб ему пусто было, я с ним по миру пойду! — Альберт не сводил взгляда с дороги, но глаза у него погрустнели. Сквозь зубы он процедил: — Когда работенка есть, зарабатываешь, бывало, три доллара, ну, думаешь, сейчас девочку какую-никакую подцеплю. И всякий раз, как нарочно, упрется мой тарантас, закапризничает. И починка ровно в три доллара обходится. Этот чертов драндулет почище ревнивой жены.

— Живи мы в справедливом обществе, была б у тебя хорошая машина,— без тени шутливости сказал Джим.

— Да живи я в справедливом обществе, у меня б девчонка была. Я ведь не Дейкин. Это он на своем грузовике помешался, больше ничего в жизни ему не надо.

Мак повернулся к Джиму.

— Да, сразу видно, этот парень знает, чего хочет. Вовсе не машина ему нужна.

— Это ты верно подметил! — сказал Альберт.— Насмотрелся, как коров кончают, так сразу и прозрел.

Они уже ехали безбрежными садами. Листья яблонь потемнели после дождя, почернела и земля. По придорожным канавам бежали бурливые мутные ручейки. Полицейский не отставал, он повернул вслед за Альбертом раз, другой — грузовик дал крюк, объезжая город. За деревьями мелькали дома, там хозяйничали либо сами фермеры, либо издольщики.

— Кабы у ребят от дождя не портилось настроение, я б не возражал, чтоб и дальше лило как из ведра. То-то яблочки на деревьях погниют.

— И наши одеяла заодно,— угрюмо ввернул Альберт. А в кузове затянули новую песню.

Честь и слава добрым людям!
Мы вовек их не забудем!

Альберт резко повернул и выехал на дорогу к ферме Андерсона.

— Отлично! Городок за милю объехали. Вдруг бы нас задержали — немного б мы тогда привезли! Даже подумать страшно!

— Смотри, дымят,— указал Джим,— видно костер уже разожгли.— Меж яблонями вился, не поднимаясь выше крон, голубой дымок.

— Ставь машину в самом конце, у деревьев,— посоветовал Мак.— Ведь туши-то придется разделать, а куски развешивать негде, разве что на ветках.

Их уже поджидали. Сидевшие в кузове на мешках махали шляпами, вскакивали, отвешивали поклоны. Альберт сбавил скорость и медленно повел машину через толпу в конец лагеря, там уже начинались яблони.

Лондон, а за ним и Сэм пытались протолкаться к машине. Люди вокруг заходились в радостном крике.

— Туши повесить! — скомандовал Мак.— Лондон, скажи поварам, пусть мясо потоньше нарезают — быстрее изжарится. А то ребята проголодались

Глаза у Лондона блестели так же радостно, как и у всех вокруг.

— Господи, неужели поедим досыта! — приговаривал он. — Мы уж было вас и ждать перестали.

Сквозь толпу пробрались повара. Туши повесили на нижних ветках, освеживали, выпотрошили.

Мак крикнул:

— Лондон, надо чтобы все в дело пошло. Кости, головы и ноги пригодятся для супа.

На большой противень нарубили мяса, понесли к земляной жаровне, и вся толпа двинулась следом, освободив поварам место. Мак стоял на подножке грузовика и созерцал всеобщую суету. Джим все еще сидел в кабине, рычаг передач приходился ему меж ног.

Мак тревожно заглянул в кабину.

— Ты чего, Джим? Плохо себя чувствуешь?

— Да нет, все в порядке. Правда, плечо совсем затекло, не пошевелить.

— Тебя, небось, просквозило. Может, док чем подсобит. — Он помог Джиму выбраться, поддерживая под руку, повел к жаровне. Запах жарившегося мяса разносился по всему лагерю. С противня на угли капал жир, маленькие язычки-всполохи враз слизывали его. Толпа так тесно окружила жаровню, что поварам — а они переворачивали мясо длинными лучинами — приходилось проталкиваться к противню. Мак дошел с Джимом до палатки Лондона.

— Ты посиди здесь, а я за доком схожу. А приготовят мясо — принесу.

В палатке было сумрачно. Брезентовые стены почти не пропускали света. Глаза у Джима постепенно привыкли к полумраку, и он увидел, что на матраце, накинув на плечи одеяло и закутав им младенца, сидит черноглазая Лиза и открыто, без любопытства, смотрит на него.

— Привет! Как дела?

— Хорошо.

— Можно к тебе на матрац присесть? Мне чуток нездоровится.

Она подобрала ноги и отодвинулась. Джим сел рядом.

— Чем это так вкусно пахнет? — спросила она.

— Мясом. У нас столько мяса, ешь — не хочу!

— Я мясо люблю! Одним бы мясом кормилась!

Вошел, откинув полог палатки, темноволосый худой сын Лондона. Остановился, уставясь на Лизу с Джимом.

— Он чувствует себя плохо, — поспешила объяснить Лиза. — Он ничего такого не делает. Его в плечо ранили.

— А-а, вон что,— протянул парень.— А я «ничего такого» и не подумал,— обратился он уже к Джиму.— Жене все время кажется, что я ее ревную, а этого и в помине нет.— И назидательно добавил: — Не веришь женщине, так смотри за ней, не смотри — все без толку. Гулящая гулящей и останется. А Лиза у меня — жена верная. С чего бы ей не доверять.— Он помолчал.— Там мясо жарят, много мяса. А еще фасоль привезли. Но ее, наверное, потом будем есть.

— Я и фасоль люблю,— вздохнула Лиза.

— А ребятам не терпится,— продолжал ее муж.— Так и норовят недожаренный кусок ухватить. Ведь заболеют же.

Полог взлетел вверх, и в палатку вошел доктор Бертон. В руках он держал кастрюлю с кипятком.

— Прямо святое семейство,— улыбнулся он.— Мак сказал, ты, Джим, плечо застудил.

— Болит очень,— кивнул Джим.

Док взглянул на Лизу.

— А что, если ты малыша на минутку положишь и сделаешь нашему больному согревающий компресс.

— Я?

— Ты, ты. Мне некогда. Снимешь с него куртку, наложишь на плечо горячую тряпку. Старайся, чтоб вода в рану не попала.

— Да я, наверное, не смогу.

— Отчего же? Ведь он тебе помогал. Давай, снимай с него куртку, потом рубашку. А я попозже приду и наложу свежую повязку.— И он вышел.

Лиза несмело спросила:

— А ты сам-то хочешь, чтоб я...

— Конечно! Давай, все у тебя получится.

Она передала малыша Джо, помогла Джиму снять голубую куртку, стянула с него рубашку.

— А майку ты не носишь?

— Нет.

Она молча намочила тряпку, приложила к ноющему плечу. Мало-помалу боль отпустила. Лиза прижимала тряпку, разглаживала ее на плече, а муж не сводил с нее глаз. Вскоро вернулся доктор Бертон, а с ним и Мак — он принес насаженный на щепку большой кус подгоревшего мяса.

— Ну, как, полегчало?

— Намного! Лиза все как надо сделала.

Молодая женщина отодвинулась и смущенно потупи-

лась. Бертон наскоро перевязал плечо, и Мак протянул Джиму кусок мяса.

— Я его уже посолил. Док вот говорит, тебе б сегодня отдохнуть не мешало.

Бертон кивнул.

— Простудитесь — начнется лихорадка, — предупредил он. — Тогда вообще сляжете.

Джим набил рот жестким мясом и никак не мог прожевать.

— А ребятам нравится? — наконец спросил он.

— На седьмом небе! — ответил Мак. — Теперь им море по колено. Дай им волю, кого угодно под орех разделают. Я это предвидел.

— А пикеты сегодня выставлять будут?

Мак призадумался.

— Если и будут, то без тебя. Ты посидишь здесь, в тепле.

Джо передал малыша жене.

— Там много мяса, мистер?

— Полно!

— Схожу, принесу нам с Лизой.

— Валяй. Вот что, Джим, хватит канючить. Сегодня много дел не наделаешь. Уже за полдень. Лондон вышлет ребят на машинах, пусть разведают, сколько предателей-«подменщиков» все-таки вышло на работу. А уж завтра что-нибудь насчет них придумаем. Еды нам всем на два дня хватит. Погода вроде разгулялась: будет ясно и прохладно. Надоел уж дождь-то.

— А ты что-нибудь слышал о тех, кто сейчас работает? — спросил Джим.

— Так, кое-что. Ребята говорят, их привозят на грузовиках под охраной, но это лишь слухи, — в нашем лагере они кишмя кишат, поди проверь!

— Ребята сейчас успокоились, притихли.

— А как же иначе?! Животы набили, и ладно. Вот завтра нужно бы их на дело поднимать. Долго мы не продержимся, а вот покрепче ударить можем.

На дороге затарахтел мотор, смолк, за палаткой вдруг закричали, загалдели и вновь все стихло.

— Лондон здесь? — В палатку просунулась голова Сэма.

— Нет. А в чем дело?

— Там какой-то расфуфыренный господинчик приказал, главного спрашивает.

— Зачем ему главный?

— Понятия не имею. Говорит, хочу потолковать с главой забастовщиков.

— Около жаровни Лондона найдешь. Скажи, чтоб сюда сначала зашел. Небось, на переговоры этот господин приехал.

— Хорошо. Так Лондону и передам.

Лондон не заставил себя ждать. Вслед за ним в палатку вошел коренастый мужчина располагающей внешности. Гладко выбритые румяные щеки, седые, почти белые волосы, в уголках глаз — добродушные морщинки. Всякий раз, когда он заговаривал, на губах появлялась открытая приветливая улыбка.

— Вы начальник этого лагеря? — обратился он к Лондону.

— Ну, положим, — недоверчиво проронил Лондон. — Меня избрали главным.

Вошел угрюмый Сэм, сел позади Лондона, Мак присел на корточки, рукой чуть опираясь об пол. Незнакомец улыбнулся, зубы у него оказались белые, один к одному.

— Моя фамилия Боултер, — без церемоний представился он. — Я новый президент Ассоциации садовладельцев в этой долине.

— Ну и что? — хмыкнул Лондон. — Готовы мне теплое местечко предложить, если я ребят предам?

Лишь чуть опустились по бокам ухоженные розовые ладони Боултера, однако улыбался он как и прежде.

— Может, нам стоит начать разговор поспокойнее? — попросил он. — Повторяю, я новый президент, а значит, и в наших отношениях будут перемены. Я не согласен с политикой нашего прежнего руководства.

Мак в это время глядел не на Боултера, а на Лондона. Лицо у того немного прояснилось.

— Что ж, выкладывайте, с чем пришли.

Боултер посмотрел по сторонам, видимо, искал, куда бы присесть, но так и не нашел.

— Если мы будем рычать и огрызаться друг на друга, каши нам с вами не сварить. Это мое твердое убеждение. Я также считаю, всегда можно найти общий язык за столом переговоров и решить дело по-доброму.

— У нас нет стола, — ухмыльнулся Лондон.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я, — продолжал Боултер. — В Ассоциации все полагают, что вы не станете прислушиваться к голосу разума, но я постарался их разубедить: если американскому рабочему предложить что-то толковое, он прислушается.

— Ну, так и предлагайте «что-то толковое». — Сэм даже сплюнул. — Мы ведь слушаем.

Белозубая улыбка Боултера стала еще шире. Он одобритительно оглядел собравшихся.

— Вот видите? И я им то же самое говорил. Выложим карты на стол, и мы, и вы, посмотрим, может, ни одна из сторон и не проиграет. Ведь не звери же американские труженики!

— Говорите складно, вам бы в Конгрессе выступать, — буркнул Мак.

— Простите, не расслышал?

— Да нет, это я не вам, — ответил Мак.

Лицо у Лондона снова посуровело.

А Боултер продолжал:

— И приехал я ради того, чтобы выложить карты на стол. У меня и у самого, как вы знаете, есть сад, но из этого не следует, что мне чужды ваши интересы. Все понимаем: не ублажишь рабочего человека — сам не заработаешь, — он замолчал, видимо, ожидая ответа, но никто не проронил ни слова. И продолжал: — Во всяком случае, я себе это так представляю. А пока мы с вами рычим да огрызаемся друг на друга, мы все в проигрыше. Предлагаю вам вернуться на работу. Вы получите то, что заработаете, мы — собранный урожай. И обе стороны довольны. Ну так как, возвращаетесь? И чтоб без претензий, без взаимных укоров, а как два разумных человека.

— Конечно, мистер, мы вернемся на работу, что ж, разве мы не американские работяги! Повысьте расценки, как мы просили, да прогоните всю сволоту, что за наш счет поживиться приехала. И завтра же с утра мы приступим к работе.

Боултер оглядел собравшихся. Улыбнулся каждому по очереди.

— Что ж, я считаю, расценки надо бы повысить. Я своим коллегам так прямо и сказал. Возможно, я плохой хозяин, в чем меня и упрекнула Ассоциация. Нынешние расценки — максимальные, выше мы просто не можем себе позволить, иначе останемся в убытке.

Мак ухмыльнулся.

— Мы все-таки, наверное, не настоящие американские труженики. Все, что вы говорили, толковым не назовешь. По мне, так вы нам суете пустую обертку без конфеты.

— Повысь они расценки, это все равно, что признать нашу победу, — вставил Джим. — А победи мы, тысячи бедолаг поднимутся. Верно я говорю, мистер?

Боултер ответил с неизменной улыбкой.

— Я давно уже подумывал, чтобы повысить расценки. Но раньше у меня не было власти. Мнение мое и сейчас не изменилось, а положение — изрядно: я президент Ассоциации. И я огласил свое решение, кое-кому оно пришлось не по вкусу: я настоял, чтобы расценки вам повысили до двадцати центов. И хватит взаимных претензий и укоров. Завтра утром мы ждем вас на работу.

Лондон покосился на Сэма. Тот все еще был мрачнее тучи. Лондон засмеялся, хлопнул его по костлявому плечу.

— Мистер Боултер, — ответил он, — Мак тут верно сказал: мы, наверное, не настоящие американские труженики. Вы хотели выложить карты, а свои-то выложили «рубашками» вверх. А наши, клянусь богом, все козыри. Ваши яблоки мы и не подумаем собирать, пока денег не прибавите. И никому другому их собирать не позволим. Ну, что скажете, мистер Боултер?

Улыбка, наконец, сползла с лица президента, и он серьезно проговорил:

— Американский народ потому и стал великим, что всегда брался за дело споро и дружно. Американскому труженику равных на всем белом свете не сыскать, как и его заработной плате!

Лондон сердито оборвал его.

— Может, китаец и полцента не получает в день, да на жратву хватает. А мы, может, в сто раз больше получаем, да что толку — голодными ходим.

Боултер снова нацепил улыбку.

— И у меня есть дом, дети. И я работаю не покладая рук. Поверьте, я такой же, как и вы, такой же труженик. Все, что у меня есть, заработал своими руками. Судя по слухам, вас красные на смуту подбивают. Я не верю. Не верю, чтобы американцы, взращенные на наших идеалах, слушали красных. Мы все, так сказать, в одной упряжке. И в эти трудные времена нам нужно все равно идти вперед и помогать друг другу.

— Кончай мозги пудрить! — выкрикнул вдруг Сэм. — Если есть что предложить, выкладывай, а болтовни с нас хватит!

Боултер враз сник.

— Согласны на половинную прибавку?

— Нет! — отрезал Лондон. — Видать, крепко вас прижало, иначе вы б и на эту малость не согласились.

— А почему вы решаете за остальных, вдруг они проголосовали бы против вас?

— Вот что, мистер, ребята у нас горячие, не дай бог вы к ним сунетесь, они костюмчик-то ваш и память могут. Мы бастуем, потому что нам мало платят. В садах выставим пикеты и ни одного из ваших молодчиков, которых вы навезли, и близко не подпустим. Ну, а теперь, наконец, выкладывайте ваши карты. Что будете делать, если мы не станем работать?

— Натравят «бдительных»,— подсказал Мак.

— Ни о каких «бдительных» мы понятия не имеем,— поспешно сказал Боултер.— Но если возмущенные горожане объединятся, чтобы восстановить покой и порядок, это их дело. Об их планах Ассоциации неизвестно.— И он снова улыбнулся.— Разве вы не понимаете: если наши дома, наши дети окажутся в опасности, мы, конечно, будем их защищать. Разве вы бы не стали защищать своих детей?

— Что мы и пытаемся делать! — воскликнул Лондон.— Пытаемся спасти их от голодной смерти. И средство у нас, у рабочего люда, только одно. Так что вам лучше и не заикаться о детях, не то...

— Мы всего лишь хотим решить спор мирно,— сказал Боултер.— Американские граждане требуют порядка, и заверяю вас, мы порядка добьемся, даже если придется просить войска у губернатора штата.

— Да, вы наводите порядок,— клопоча негодованием, выкрикнул Сэм.— Из окон, паскуды трусливые, по людям стреляете. В Фриско женщин затаптывали — тоже порядок наводили. А в газете пишут: «Сегодня, напоровшись на штык, погиб забастовщик». Ишь, как вывернули — «напоровшись» на штык.

Лондон одной рукой обхватил разошедшегося Сэма и отстранил его от Боултера.

— Тише, Сэм, тише! Успокойся!

— Пошел к черту! — не унимался тот.— Ишь, уши-то развесил, слушаешь брехню всякую.

Лондон на мгновение застыл, и тут же увесистый кулак его расквасил Сэму нос. Сэм упал. Лондон лишь взглянул на него.

— Забастовщик напоролся на кулак! — Мак истерично рассмеялся.

Сэм приподнялся, сел.

— Что ж, Лондон, сила соломѹ ломит. Я больше и слова не скажу, жаль только, что в Кровавый четверг тебя в Фриско не было.

Боултер даже не шелохнулся.

— Я надеялся, вы не останетесь глухи к здравому смыслу,— сказал он.— У нас есть сведения, что вас баламутят красные, специально подосланные их организацией. Они вводят вас в заблуждение, обманывают вас. Им бы только смуту затеять. Это, если хотите, их профессия, они за это деньги получают.

Мак не выдержал, поднялся на ноги.

— Так, значит, они поганцы, американских тружеников только в заблуждение вводят? Может, и деньги-то они из России получают, а, мистер Боултер?

Тот смерил Мака долгим взглядом, румянец схлынул.

— Ну, что ж, вы вынуждаете нас на крайние меры. Жаль. Я хотел решить дело миром. Мы знаем, кто среди вас красные, с ними мы разделаемся.— Он повернулся к Лондону и едва ли не умоляюще произнес: — Не поддавайтесь на уловки! Возвращайтесь на работу. Мы хотим решить дело миром.

Лондон насупился.

— Хватит, сыт вашими речами по горло! Миром хотите дело решить! Мы-то на вас не нападали, лишь дважды с демонстрацией прошли. А вы? Одного убили, двоих ранили, сожгли грузовик и передвижное кафе, попытались голодом задушить. Тошнехонько, мистер, от вашей лжи. Давайте я вас провожу, а не то Сэм до вас доберется и, ради бога, никого больше не присылайте, пока не решите честный разговор вести.

Боултер печально покачал головой.

— Мы не хотим с вами воевать. Мы хотим лишь, чтоб вы к работе вернулись. Но уж если дойдет до схватки, чем воевать у нас найдется. Органы здравоохранения уже косятся на ваш лагерь. Властям не нравится, что в округ поступает непроверенное мясо. Местным жителям тоже надоели беспорядки. И, если понадобится, мы вправе вызвать войска.

Мак подошел к выходу, откинул полог. Уже вечерело. В лагере стояла тишина, люди не спускали глаз с палатки Лондона, их лица белели в сумеречной дымке. Мак крикнул:

— Все в порядке, ребята! Мы вас не предадим! — и бросил Лондону: — Зажги-ка свет. Я хочу пару слов сказать этому «другу человека».

Лондон поднес спичку к жестяному фонарю, повесил его на шест в середине палатки, фонарь светил тускло, но ровно. Мак встал прямо против Боултера, на губах появилась презрительная улыбка.

— Ты, папаша, говорил хорошо, хотя я-то знаю: со страху, небось, не раз в штаны напустил. Верно, все угрозы ты, пожалуй, исполнишь, но посмотри, к чему это приводит. Стоило в Вашингтоне санитарному управлению сжечь палатки забастовщиков, как Гувер лишился на выборах голосов, рабочих голосов. Вы вызвали войска в Фриско, и почти весь город перешел на сторону забастовщиков. С помощью полиции вы не пропускаете продовольствие бастующим, и все для того, чтобы настроить против них общественное мнение. Я, мистер, сейчас не взываю к вашей совести, я лишь напоминаю, к чему приводили крутые меры.— Мак отступил на шаг от выхода.— Откуда, по-вашему, мы достаем пищу, одеяла, лекарства, деньги? Вы и сами прекрасно знаете — у вас в долине нас многие поддерживают. А ваши «возмущенные граждане» возмущены-то вами, и вам это хорошо известно. А перегнуть палку боитесь — против вас тогда профсоюзы ополчатся. И водители, и официанты, и те, кто на ферме спину гнет,— одним словом, все. И вы, предвидя все это, идете на хитрость. Увы, не вышло! Лагерь этот чище, чем те бараки, которые вы сборщикам построили. Теперь вы хотите нас запугать. И это не выйдет.

Боултер побледнел, отвернулся от Мака и обратился к Лондону:

— Я ехал мириться. Вы хоть знаете, что этого человека заслал к вам штаб красных, чтоб он забастовку затеял? Смотрите, как бы и вам не оказаться по соседству с ним за решеткой. У нас есть право защищать свою собственность, и мы этим правом воспользуемся. Я хотел откровенно поговорить с вами, предложил выгодные условия. Вы не согласились. Отныне дороги для вас закрыты. С сегодняшнего вечера запрещаются демонстрации на дорогах, принадлежащих округу, и прочие сборища. А шерифу даны полномочия набирать хоть тысячу помощников, если сочтет нужным.

Лондон взглянул на Мака, тот подмигнул.

— Дай бог, мистер, если удастся вас в целости-сохранности отсюда препроводить,— вздохнул Лондон.— Услышь ребята ваши слова, на части вас разорвут.

Боултер стиснул зубы, прикрыл глаза, расправил плечи.

— Не думайте, что вам удастся меня запугать. Я сумею защитить свой дом и своих детей, а, если придется, то и ценой жизни. А хоть пальцем меня тронете, от всего вашего лагеря к утру мокрое место останется.

«И ПРОИГРАЛИ БОИ»

«И ПРОИГРАЛИ БОЙ»

Лондон сжал кулаки, шагнул вперед, но Мак проворно преградил ему путь.

— Он и впрямь не из пугливых, Лондон. Не чета другим.— И, круто повернувшись, обратился к Боултеру: — Мистер Боултер, мы проводим вас. Друг друга мы поняли. Теперь ясно, чего от вас ожидать. Ясно нам и другое: вам придется ой как крепко подумать, прежде чем применять против нас силу. Не забывайте, тысячи людей шлют нам продукты и деньги. Будет нужно, и другим чем помогут. До сих пор мы вели себя тихо-смирно, мистер Боултер, но если вы начнете подличать, мы все вверх дном перевернем — век помнить будете.

— На этом можно поставить точку,— холодно подытожил Боултер.— Жаль, но мне придется доложить, что вы не согласны на компромисс.

— Компромисс?! — воскликнул Мак.— Да вы нас в угол загоняете, какой же это компромисс?! — Взяв себя в руки, он продолжал уже спокойнее: — Лондон, иди слева, ты, Сэм,— справа, постараемся вывести этого господина целым-невредимым. А потом расскажете ребятам, что он предлагал. Только чтоб все тихо-мирно. И пусть каждый отряд готовится к борьбе.

Окружив Боултера, они провели его через плотную молчаливую толпу, посадили в машину и долго смотрели ей вслед. Когда она исчезла из виду, Лондон обратился к людям:

— Если кто хочет послушать, о чем мы толковали с этим сукиным сыном, пойдемте к помосту, оттуда говорить удобнее,— и направился к нему первым, за ним и вся взбудораженная толпа. Повара даже оставили плиты,— там варился фасолевый суп с мясом. Мышками выскальзывали из палаток женщины и тоже спешили к помосту. Его окружили тесным кольцом, все вглядывались в лицо Лондона, почти неразличимое в сумерках.

В присутствии Боултера доктор Бертон не вымолвил ни слова, его словно и не было в палатке, но вот гость и провожатые удалились, остались лишь сидевшие на матраце Джим и Лиза; доктор подошел к ним, присел на краешек. Лицо у него было встревоженное.

— Не иначе — ждать беды,— сказал он.

— А нам этого и надо, Док,— воскликнул Джим.— Чем хуже все обернется, тем больший получится отклик.

Бертон грустно взглянул на него.

— Вы хоть видите какой-то выход. А я не вижу. И мне все кажется бессмыслицей, жестокой бессмыслицей.

— Нельзя останавливаться на полпути,— продолжал Джим.— Вот станут рабочие трудиться не на дядю, а на себя, тогда можно сказать, что дело сделано.

— Как у вас все просто,— вздохнул Бертон.— Вот если б и мне все казалось столь же простым...— Он повернулся к Лизе.— А ты как бы нашу задачу решила?

Она вздрогнула.

— Чего?!

— Говорю, чего б тебе хотелось для счастья?

Молодая мать смущенно потупилась, поглядела на ребенка.

— Корову бы хотелось,— сказала она.— Хочу масла и сыра.

— Значит, будешь эксплуатировать корову?

— Чего?

— Прости, это я сдуру. А у тебя, Лиза, была когда-нибудь корова?

— Была. Я тогда под стол пешком ходила, Парное молоко помню. Надоит отец немножко и дает. Теплое. Вкусное! И маленькому польза была б.

Бертон уже отвернулся от нее, но она продолжала:

— Коровы едят траву, иногда сено. Подоить не каждый сумеет. Они брыкаются.

Бертон заговорил с Джимом:

— А у вас была корова?

— Нет.

Бертон усмехнулся.

— Вот уж не думал, что революционерам коров не полагается.

— К чему это вы, док, клоните?

— Да так, ни к чему. Просто что-то взгрустнулось. В войну я прямо со школьной скамьи в армию попал. На моих глазах одному из наших солдат разворотило грудь; как-то раз притащили немца: глаза выпучены, вместо ног — кровавые култышки. Мне их точно лучину щепать пришлось. Но кончилась война, кончились ужасы, а на меня нет-нет, да и найдет тоска, пусто на душе делается.

— А вы, док, почаще о будущем думайте. Ведь наша борьба породит что-то новое, хорошее. В том и ценность этой борьбы.

— Увериться бы в этом! Мой недолгий опыт подсказывает, что какова цель, таковы и средства. Неужели, Джим, вы не понимаете, что насилие породит лишь насилие?

— Не верю,— откликнулся Джим.— Все великие дела с насилия начинались.

— Ни в чем не сыскать начала или конца. Мне иной раз кажется, человек занят страшной яростной борьбой, которая тянется из забытого прошлого в неведомое и непонятное будущее. И человек упрямо преодолевает все препятствия, побеждает всех врагов, кроме одного. Он не в силах победить себя. До чего же человечество себя ненавидит!

— Мы не себя ненавидим, а частный капитал, он всех нас на колени поставил,— заметил Джим.

— Но ваши противники такие же люди, как и вы. Человек сам себя ненавидит. Психологи утверждают: любовь человека к самому себе полностью уравнивается ненавистью к самому себе. И для всего человечества тот же закон справедлив. Мы сами с собой воюем, а победить можно, лишь всех людей до единого перебив. Я сам по себе, и мне нечего ненавидеть. А вот что вам все это сулит, Джим?

— Мне лично? — Джим ошалело ткнул себя пальцем в грудь.

— Да вам. Что вам сулит весь этот шабаш?

— Не знаю, да и не хочу знать.

— Ну, допустим, у вас случится заражение крови или вы умрете от столбняка, а забастовка кончится неудачно? Что тогда?

— Это неважно, док,— упорно повторил Джим.— Совсем неважно. А ведь недавно и у меня были такие же мысли, как и у вас.

— И как же вы переменились? — спросил Бертон.— Точнее, как менялись?

— Не знаю. Ведь и я жил сам по себе, а теперь все по-иному. И случись мне сейчас умереть, дело наше не застынет — ведь я в нем всего лишь крупинка,— а будет расти, крепнуть. Мне ранение и то в радость, и Джой перед смертью, честное слово, хоть секунду, но порадовался. Подстрелили его, и он наверняка успел сообразить, что умирает ради общего дела, и — обрадовался. Я уверен в этом.

Снаружи кто-то заговорил ровным низким голосом. Потом раздались несколько криков, потом — рев толпы, словно рык разъяренных зверей.

— Лондон речь держит,— определил Джим.— А ребята уже распалились, так злобой и кипят. Надо ж, людская злоба прямо по воздуху передается. Вам не понять, док. Мой старик все тоже — сам по себе. Избивали его, и он едва домой приползал. Один-одинешенек всегда, я это от-

лично помню. А я сейчас не один. И меня сейчас избить непросто — сил у меня побольше, чем у прежнего Джима Нолана.

— Это как раз мне понятно. Чистейший религиозный экстаз. Вы, проливая свою кровь, чувствуете себя причастными невинному агнцу.

— О каком религиозном экстазе речь! — воскликнул Джим. — Это люди, а не Бог. Они познаваемы!

— Ну, а разве общность людей нельзя считать Богом? Джим так и вскинулся.

— Док, у вас все слова, слова, слова. Вы строите из них западню, но сами же в нее и попадете. Меня вам не поймать. Ваши слова для меня — ничто! Я знаю, что делаю. И никакими доводами меня не свернуть.

— Успокойтесь, — мягко проговорил Бертон. — К чему так волноваться. Спорить я и не собирался. Просто хотел кое-что уяснить. А вы — что один, что другой — почему-то яритесь, когда вам вопросы задают.

Сумерки сменились ночью, фонарь, казалось, горел ярче, свет доставал до самых укромных уголков. Неслышно вошел Мак, он словно хотел отстраниться от шума и криков на улице.

— Ребята вошли в раж, — сообщил он. — Мясом с фасолью пообедали, теперь у них иной голод проснулся, я это предвидел. Пусти их — весь городок спалят.

— Как там небо? — спросил Бертон. — Ждать завтра дождя?

— Ночь ясная, звездная. Завтра распогодится.

— И вот еще что, Мак. У меня карболка кончилась. Еще некоторое время перебьемся, но случись эпидемия какая, тогда дела плохи.

— Знаю, — кивнул Мак. — Я уже оповестил наших в городе. Они сейчас деньги собирают. За Дейкина нужно залог внести, чтоб его выпустили. Как его посадили, я сразу за дело взялся.

— Ничего, вы и Лондона командовать научите, — Бертон резко поднялся с матраца, — незаменимых нет.

Мак пристально посмотрел на доктора.

— Что с вами? Нездоровится?

— С чего вы взяли?

— Да взвинчены вы очень. Устали, наверное.

Бертон сунул руки в карманы.

— Может быть. А может, мне просто одиноко. Чертовски одиноко. Работаю в одиночку, а к чему все? У вас преимущество: я у людей сердце стетоскопом прослушиваю,

а вы чувствуете его на расстоянии.— Он вдруг нагнулся, взял Лизу за подбородок, повернул лицом к себе, заглянул в сощурившиеся глаза. Молодая женщина легонько тронула доктора за запястье. Он тут же убрал руку в карман.

— Жаль, док, у меня ни одной знакомой здесь нет, не мешало б вам сейчас побыть с женщиной. В городе-то Дик вас быстро направил бы к кому нужно, у него там подружек — не счесть. Но вас там могут схватить и за решетку упрятать. А без вашего санитарного надзора нас отсюда в два счета выкинут.

— Порой, Мак, вы чрезвычайно догадливы, а порой — наоборот. Пойду-ка я проведу Альфа Андерсона, сегодня так и не удосужился к нему заглянуть.

— Идите, док, глядишь, на душе и полегчает. Ну, а за Джимом я присмотрю.

Док еще раз бросил взгляд на Лизу и вышел.

Крики за стеной утихли, голоса теперь были едва слышны. Казалось, сама ночь нашептывала что-то за палаткой.

— Док ничего не ест,— сказал Мак,— и никто не видел, чтоб он спал. Ох, боюсь, не выдержит он. Раньше-то ему все было нипочем. Женщина ему позарез нужна, хотя бы на ночь, чтоб пригрела, приласкала. Да и мне того же недостает. Тебе, Лиза, повезло — у тебя вон малыш: а то я б дело так не оставил.

— Чего?

— Как малыш, спрашиваю?

— Хорошо.

Мак серьезно покачал головой и сказал Джиму:

— Люблю не болтливых девчонок.

— Что там на улице происходит? Мне уж тут невтерпех сидеть,— пожаловался Джим.

— Да так, Лондон передал ребятам слова нашего гостя-щеголя и попросил проголосовать, доверяют ему или нет. Конечно, все его поддержали. А сейчас он с командирами насчет завтра толкует.

— А что — завтра?

— Да гость-то наш правду говорил: завтра все дороги в округе для наших ребят закроются. Не знаю, может, они забыли, что у нас еще машины есть. Так что завтра оцеплять сады мы не пойдем, а вышлем «летучие отряды». Разгоним одну кучу сборщиков, мигом — по машинам, и к следующей. По-моему, должно сработать.

— А где горючее возьмем?

— Со всех машин соберем для наших «боевых». А послезавтра еще что-нибудь придумаем. Да, может, завтра так

этих подлюг продажных запугаем, что они потом и в сады-то не сунутся, а мы передохнем, пока новая партия «подменщиков» не прибудет.

Джим спросил:

— Мне можно завтра поехать, а?

— Да какой от тебя толк! — крикнул Мак. — Там нужны крепкие кулаки. Ты только место в машине будешь занимать. Подумай сам, куда тебе с больной-то рукой?

Откинув полог, вошел Лондон, довольный и раскрасневшийся.

— Да, ребята, похоже, настроены по-боевому. Так разошлись, что ни за понюшку табаку в Торгасе камня на камне не оставят.

— Держите их построже, — посоветовал Мак. — У них сейчас на сытый желудок кровь възграла. Точно жеребцы необъезженные: выпусти их — не поймашь.

Лондон пододвинул ящик, сел.

— Сейчас и ужин поспеет. Слышь, Мак, я все хотел спросить: поговаривают, будто ты — красный. И те, что приезжали, то же самое твердят. Похоже, все о тебе разнюхали.

— Вон оно что!

— Ответь мне честно: вы с Джимом — красные?

— А как по-твоему?

Глаза у Лондона сердито сверкнули, но он сдержался.

— Не юли, Мак. Мне не по нраву, что наши враги знают о тебе больше, чем я. Да я, черт возьми, вообще ничего не знаю. Явился к нам в лагерь, подсобил. Я ни разу тебя ни о чем не спросил. Ни разу. И сейчас бы об этом разговор не завел, кабы знал, чего от тебя ждать.

Мак замялся, Вопросительно взглянул на Джима. Тот кивнул: говори, мол, я не против.

— Видишь ли, Лондон, — начал Мак. — Люди к тебе привязываются, и привязываются крепко. Сэм любому, кто на тебя косо посмотрит, горло перегрызет.

— Верно, друзья у меня хорошие, — согласился Лондон.

— Вот и я о том же. Я ведь тоже к тебе привязался. Ну, допустим, я — красный, что тогда?

— Ты останешься мне другом.

— Ну, вот и славно. Я и впрямь красный. И никакой тайны из этого не делаю. Говорят, дескать, я эту стачку затеял. Но пойми же: рад бы я ее затеять, да одному не под силу. А здесь и сил-то прикладывать не пришлось. Все само собой закрутилось.

Лондон глядел на него внимательно и настороженно,

словно боялся вспугнуть мысль Мака, которую он, Лондон, медленно пережевывал.

— А что вы с этого имеете? — спросил он.

— Ты о чем, о деньгах, что ли? Да ни гроша не имеем.

— Тогда зачем вам все это надо?

— Трудно объяснить... Ну, вот, скажем, ты горой стоишь за Сэма, за всех, кто с тобой колесит по стране. А я — за каждого американского работягу душой болею.

— И даже за тех, кого не знаешь?

— Даже за тех! Да и Джим такой же, как и я.

— Ну и ну! Прямо чертовщина какая-то! Не дурачишь меня, парень? Неужто ни гроша за свою работу не получаете?

— А мы разве сюда на «роллс-ройсах» прикатили?

— Ну, может, потом?

— Когда — потом?

— Потом, когда забастовка кончится, тогда и огребете.

— А этого «потом» у нас просто не будет. Кончим работу здесь, нас следующая забастовка дожидается.

Лондон смотрел на Мака прищурившись, словно хотел прочесть мысли.

— Что ж, поверю, — раздумчиво произнес он. — Пока ты меня еще не пробрасывал.

Мак крепко хлопнул его по плечу.

— Спросил бы раньше, я бы таиться не стал.

— Ничего против красных я не имею, — сказал Лондон. — Хотя только и слышишь, как их поносят. Сэм, конечно, и зол бывает и вспыльчив, но о нем и слова плохого никто не скажет. Пойдемте-ка, поедим.

Мак поднялся.

— Я, Джим, вам с Лизой ужин принесу.

Уже выходя, Лондон сказал:

— Эх, ночь-то какая светлая! Я и не знал, что сегодня полнолуние.

— Ничего подобного!

— Да ты взгляни! Видишь, какая луна выкатывает!

— А почему ж не с востока? Да это ж... Господи! Это ж у Андерсона полыхает! Его дом подожгли! Собирай ребят! Где ж наши охранники были?! Быстрее ребят собирай! — И он бросился к деревьям, за которыми занималось красное зарево.

Джим соскочил с матраца и бросился вслед за Маком. Он и не чувствовал боли в плече. Вот что-то пророкотал Лондон, затопало множество торопливых ног. Около деревьев Джим припустил быстрее — из-за вершин уже пока-

зался дымный гриб, в красных бликах мелькали языки пламени. За топотом ног слышался зловещий треск. С пожарища доносились отчаянные крики, приглушенный собачий вой. От деревьев побежали длинные тени. На задах в саду тоже хозяйничал огонь, там сутились темные фигуры. Впереди Джима, тяжело топая, бежал Мак. Все ближе жаркое дыхание пожара. Джим догнал друга.

— Горит сарай,— выдохнул он.— Яблоки успели вывезти?

— Джим! Ты-то какого черта увязался! Яблоки там, в сарае. А вот где наши охраннички, хотел бы я знать! Ни на кого положиться нельзя!

Сад кончился. На открытом месте их сразу опалило жаром. Все четыре стены сарая были охвачены пламенем, золотистые языки уже жадно лизали крышу. Охрана столпилась у маленького дома Андерсона, притихшие люди смотрели на пожар, а перед ними прыгал и корчился Андерсон.

Мак остановился.

— Мы уже ничем не поможем. Наверное, газOLIном облили.

Мимо пронесся Лондон, страшным было его лицо. Подбежав к охранникам, он закричал:

— Где вас черт носил! Проворонили все на свете!

Один из охранников крикнул, перекрывая шум и треск:

— Ты же сам за нами человека прислал! Мы полпути прошли, тогда и увидели, как амбар занялся.

Ярость в Лондоне враз утихла, разжались кулаки. Словно взывая о помощи, повернулся он к Маку с Джимом, в глазах у тех играли блики пламени. К ним подскочил Андерсон, он неистово тряся, дергался. Приблизившись к Маку, вскинул голову и бросил ему в лицо:

— Тварь ты подлая! — Голос у него сорвался, старик зарыдал и повернулся к пылавшему факелом сараю. Мак обнял было старика, но тот сбросил его руку. С пожарища сладковато тянуло горелыми яблоками.

Мак устало и безнадежно поник.

— Видит бог, я такого исхода не хотел,— сказал он Лондону.— Бедный старик, всего урожая лишился! — Он умолк, пораженный какой-то догадкой.— Господи! А ты, Лондон, охрану в лагере оставил?

— Нет, мне и в голову не пришло...

Мак так и взвился.

— Пойдемте же все вместе, да поскорее. Вдруг они нас нарочно из лагеря выманили. Оставь людей здесь, чтоб хоть дом сберегли.— И он припустил обратно, наперегонки

со своей же длинной тенью. Пытался бежать вровень и Джим, но его замутило, ноги сделались ватными. Его обгоняли, обгоняли, обгоняли. Вот он и один, едва волочит ноги, шатается, словно пьяный, чуть не падает, когда нога попадает в рытвину. Не видно зарева над палаточным лагерьем. Джим побрел по тропинке меж яблоневых рядов. Вот позади с треском обрушились амбарные стены. Джим даже не обернулся. Он не прошел и половины, как ноги сами собой подогнулись, и он рухнул наземь. Над головой в небе он увидел сполохи пожара, а с другой стороны — холодно мерцавшие звезды.

Там и наткнулся на него Мак, пустившийся разыскивать друга.

— Что с тобой, Джим?

— Да ноги подустали малость. Я сейчас отдохнул и дальше пойду. В лагере все в порядке?

— К счастью. Не добрались до нас пока. У нас один покалечился. Упал да ногу вывихнул. Нужно дока разыскать. Какие ж мы дураки, как нас запросто вокруг пальца обвели: один отвлек охрану, а остальные газOLIном сарай облили, да спичкой чиркнули и глазом моргнуть не успели — все прибрал огонь. Теперь уж Андерсон спуску не даст. Выгонит, наверное, завтра.

— И куда ж мы тогда?

— Не твоя забота! У тебя и так еле-еле душа в теле. Дай-ка руку, один не доберешься. А дока ты, случаем, на пожаре не видел?

— Нет.

— Он собирался проведать Альфа. А вот вернулся ли — я не заметил. Так, поднимайся, поднимайся. Придется тебе постельный режим прописать.

Огонь пошел на убыль. Он уже не тянулся жадными языками к небу, а все больше припадал к земле.

— Держись за меня крепче. Ну и разошелся же Андерсон! Слава богу, хоть дом его цел.

Их нагнали Лондон и Сэм.

— Ну, как там в лагере?

— Все в порядке. Никто пока не трогал.

— А что с парнем?

— Да после ранения ослабел малость. Поддержите-ка его с другого бока.

Так втроем они доволокли Джима до лагеря, уложили в палатке Лондона на матрац.

— Не видел ли кто дока? — снова спросил Мак. — Там один из наших ногу вывихнул.

— Да нет, он мне вообще не попадался.

— Куда ж он запропал?

Молча в палатку вошел Сэм. На худом лице ходили желваки. Неуклюже переступая, шагнул к Маку.

— Помнишь, к нам тогда этот тип приезжал, кричал, что они примут меры...

— Какой тип?

— Да тот, первый, а ты ему еще сказал...

— Что сказал-то?

— Said, что мы тоже примем меры.

— Видишь ли, Сэм, так легче показать людям, кто есть кто.— Мак бросил взгляд на Лондона.— И сейчас они на нашей стороне. Стоит ли этим пренебрегать?

— Нельзя, чтоб все этим сволочам сходило с рук! — задыхаясь от злобы, произнес Сэм.— Нельзя, чтоб они безнаказанно сжигали все дотла.

— Ты, Сэм, давай ближе к делу,— прервал его Лондон.— Что ты, собственно, предлагаешь?

— Возьму пару наших и чуток побалуемся со спичками.— Мак с Лондоном насторожились.— И плевать я хотел! Как решил, так и сделаю. Есть тут один по фамилии Хантер. Дом у него белый, большущий. Я на него канистры газа не пожалею.

Мак усмехнулся.

— Взгляни-ка на этого парня, Лондон. Что-то я такого не припомню. Не знаешь ли, кто это?

Лондон подхватил шутку.

— Нет, вроде не встречал.

— Я тоже его и в глаза не видывал. Да он вроде и не из нашего лагеря.

— Верно! Он, поди, из тех, кому бы только зло сорвать. Нас из-за таких вот субчиков в каких только грехах не обвиняли.

Мак наклонился к Сэму.

— Если поймают, тебе все придется брать на себя.

— И возьму,— хмуро пробурчал тот.— Никогда с больной головы на здоровую не сваливал. И никого из ребят с собой не поведу, у меня уже другая задумка.

— А мы тебя знать не знаем. Ты просто озлобился.

— Как не озлобиться, если тот хозяйчик меня по миру пустил! — гнул свое Сэм.

Мак крепко стиснул ему плечо.

— Спали сукина сына дотла! — яростно проговорил он.— Чтоб ни досточки от дома не осталось! Ох, как бы мне хотелось с тобой пойти!

— Тебе здесь надо быть,— сказал Сэм.— Тебе с ним счета сводить нечего. Он меня обобрал, а я страсть как красного петуха пускать люблю! С детства со спичками баловался!

— Ну что ж, Сэм. Счастливого пути. Встретимся еще.

Сэм неслышно выскользнул из палатки и растворился во тьме. Лондон и Мак с минуту молча смотрели на еще колыхавшийся полог.

— Сдается мне, не придет он обратно,— вздохнул Лондон.— Сам себе удивляюсь, за что можно любить такого: злой, как пес. Вечно на рожон лезет.

Джим молча сидел на матраце, лицо у него было встревоженное. По стенам палатки еще прыгали розоватые отблески далекого, убывающего пожара. Вот, разорвав тишину, завывли пожарные сирены, завывли неистово и тоскливо.

— Подождали, пока разгорится, тогда и пожарников послали,— горько усмехнулся Мак.— Слушай, Лондон, а ведь мы с тобой так ничего и не ели. Пойдем-ка, Джим, я тебе что-нибудь принесу.

Джиму осталось только дожидаться друзей. Лиза, тихонько закутав малыша одеялом, совала ему грудь.

— Ты хоть по лагерю-то ходишь? — спросил Джим.

— Чего?

— Да сидишь, говорю, сиднем. Вокруг такое творится, а ты и не замечаешь. И слышать даже не слышишь.

— Поскорее б все кончилось. Хочу в доме жить, чтоб не земляной пол был, а настоящий. Чтоб уборная рядом. Не по душе мне ваша «борьба».

— Без этого не обойдешься. Может, со временем все образуется, да уж мы, наверное, не доживем.

Вошел Мак, принес два дымящихся котелка.

— Пожарные явились на пепелище. Держи, Джим, здесь говядина с фасолью. А это, Лиза, тебе.

— Напрасно ты Сэма отпустил,— сказал Джим.

— Это почему ж?

— Потому что дело неправое. Ты сам прекрасно чувствуешь. Ты дал волю собственной злобе.

— Вон оно что! Значит, тебе наплевать, что старик Андерсон амбара со всем урожаем лишился?!

— Конечно, не наплевать. Может, и стóит дом Хантера спалить. Только волю чувствам все равно давать не след.

— Ишь как заговорил! Ты, поди, жалобу на меня в комитет напишешь. Я тебя сюда привез ума-разума набираться, а ты как зануда-учителишка, мне же и мораль читаешь.

Да кто ты такой в самом деле! Ты под стол пешком ходил, а я уж партийной работой занимался!

— Подожди, Мак, не горячись. Я думаю, мозгами шевелю, толку от меня немного, верно. Ребята дело делают, а я сижу тут, жду, пока рана заживет. Я всего лишь посоветовал тебе держать себя в руках. Злоба трезво мыслить мешает.

— Спасибо скажи, что по морде не заработал за свою правоту. Те, кто вечно правы,— такие зануды.— Он неожиданно улыбнулся.— Ладно, хватит об этом. Проехали. Быстро же ты оперился, Джим. Для партии такой работник в самый раз, а простой люд очень уж правильных не любит. Знаю, что злоба плохой помощник. Да поделаться ничего не могу. Непокойно мне, Джим. Все что-то у нас вкривь и вкось получается. Куда, по-твоему, док запропастился?

— До сих пор ни слуху, ни духу? А что он напоследок говорил?

— Что пойдет Альфа проведать.

— Да, а перед этим — что ему одиноко. Вроде не в себе был, немудрено, работы ему много выпало. Может, сдвинулся чуток. А может, просто смотался, ведь в наше дело он никогда не верил.

— Такого он не сделает,— покачал головой Мак.— Я с ним не первый день. Док никогда никого не подводил. Что-то неладное, похоже. Значит, док пошел к Андерсону. А что, если он поджигателей встретил да за нашу охрану принял? Они, разумеется, его не отпустили.

— Может, еще вернется?

— Вот что: если санитарное управление завтра предпишет нам убраться отсюда, значит сцапали дока. Бедняга! А что делать с тем, кто ногу вывихнул,— понятия не имею. Ему, кажись, ее вправили, да кто знает, может, что не так. Впрочем, чего это я, вдруг док просто гуляет сейчас по саду. Дурак я, что сразу к доку охраны не приставил. Лондон — молодец, старается изо всех сил, а я то одно, то другое из внимания упущу. И все больше и больше на мне вины. Вот и сейчас андерсонов амбар с яблоками добавился.

— Ты за деревьями леса не видишь,— обронил Джим. Мак вздохнул.

— Я считал, что у меня характер — кремень, а ты, пожалуй, подтверже. Дай бог, чтоб на наших отношениях это не сказалось. А ночевать иди-ка ты в больничную палатку, там свободная койка. Все лучше, чем на земле валяться, быстрее выздоровеешь. Ты почему не ешь?

Джим посмотрел на котелок.

— Забыл совсем, а есть-то хочется,— он выудил из фасоли кусок говядины и принялся жадно жевать.— Ты и о себе не забывай.

— Ну что ты! Сейчас пойду поем.

Джим в два счета умял крупную золотистую фасоль, ловко накалывая по три продолговатых фасолины на острую палочку, наклонил котелок, выпил жижу.

— Ужин на славу!

— Ага,— отозвалась Лиза.— Я люблю лимскую фасоль. И мясо. Вот только б соли добавить.

— Что-то притих наш лагерь, совсем притих.

— Сыты все, а на полный желудок и говорить-то не тянет. А то говорят, говорят. Уж бороться так бороться, чтоб враз все кончить, а что без толку языком молоть?

— Мы же бастуем,— словно оправдываясь, сказал Джим.

— Ты тоже только болтаешь. Одними словами дела не сдвинешь.

— Но слова, Лиза, порой поднимают дух людей, и тогда им любое дело по плечу.

Вошел Лондон, постоял, поковырял в зубах заостренной спичкой. В свете лампы тускло высвечивала лысина.

— Я окрест посмотрел — огня не видно нигде. Поди, поймали Сэма.

— Да он малый не промах,— сказал Джим.— Позавчера так учетчику врезал, хоть тот и при ружье был.

— Чего-чего, а смекалка у него есть, умный, как гремучая змея. Только Сэм греметь не любит, все больше втихаря. Один пошел, никого с собой не взял.

— Оно и к лучшему. Попадись он один — чокнутый, скажут, а если хоть втроем — это уже заговор.

— Надеюсь, Джим, он не попадется. Парень что надо. Мне такие по душе.

— Вижу.

Вернулся, жуя на ходу, Мак с котелком.

— Надо ж, сам не заметил, до чего проголодался, пока есть не начал. Ты, Джим, сыт?

— Еще бы! А почему ребята костров не разжигают, как вчера?

— Дров нет,— отрезал Лондон.— Я каждую щепочку заставил поварам отдать.

— А почему притихли? — не унимался Джим.— Ни звука не слышно, словно вымерли все.

Мак задумчиво заговорил.

— Никогда не угадаешь, как поведет себя толпа. Она не-

предсказуема. Я раньше думал: стоит повнимательнее приглядеться, непременно определишь, что люди собираются делать. Вот, вроде бы из них отвага так и прет, а глядь, через минуту хвосты поджали, трясутся от страха. Так вот, по-моему, сейчас весь лагерь страхом охвачен. Пустил кто-то слухок, что дока у нас похитили, а без него — какая уверенность? По очереди заходят к парню, что ногу вывихнул. Поглядят, поглядят, да и прочь идут, потом — еще раз. Он, бедняга, аж мокрый от пота, болит нога, мочи никакой нет. — Мак с ожесточением принялся обглаживать кость.

— Ну, а кто-нибудь знает? — спросил Джим.

— О чем знает-то?

— Да о том, как толпа себя ведет.

— Вон, Лондон, небось, знает. Он всю жизнь вожаком. Что скажешь, Лондон?

Тот помотал головой.

— Да нечего сказать-то. Иной раз мотор у грузовика чихнет, а ребята — точно кролики — врассыпную. А иной раз ничем их не застрашаешь. Впрочем, порой и можно угадать, как они себя поведут.

— Точно, — кивнул Мак. — Прямо чуешь, словно по запаху. Однажды при мне негра линчевать собрались. Потащили его к железнодорожному мосту. По дороге собачонку насмерть камнями забили. Все камней понахватали — ну, чую, пахнет кровушкой. Так и есть. Мало им было того черномазого вздернуть, так они еще и по трупку стреляли, а потом сожгли.

— Ну у нас в лагере я такого не допущу, — пообещал Лондон.

— Да уж если такая каша заварится, на дороге у ребят лучше не стоять. Слышь, никак к нам кто-то идет.

За стеной послышался ритмичный топот, словно шагал взвод солдат.

— Лондон у себя?

— Да. А что нужно?

— Да вот, привели тут одного.

— Кого еще?

Вошел мужчина с карабином в руке.

— Это не тебя ли я отрядил с ребятами сторожить усадьбу? — спросил Лондон.

— Меня. Нас трое всего было. Смотрим, парень там крутится, ну мы его схватили, да привели.

— Кто такой?

— Не знаю. У него вот ружье. Ребята сперва хотели

ему всыпать хорошенько, а я говорю, давайте его к Лондону доставим. Связали, привели.

Лондон взглянул на Мака, тот понимающе кивнул и обратился к Лизе:

— Тебе б отсюда лучше уйти.

— А куда? — Она медленно поднялась на ноги.

— Не знаю. Где у тебя муж-то?

— Он с одним парнем разговаривает. Тот со школой списался, и его берут почту разносить. Мой Джо о такой же работе мечтает. Вот и решил потолковать.

— Ладно, тогда найди какую-нибудь женщину и побудь с ней.

Взяв малыша на руки, Лиза вышла.

Лондон повертел в руках карабин, щелкнул затвором, вытащил патрон.

— Тридцать третьего калибра, — определил он. — Давай-ка сюда этого молодчика.

— Веди его, ребята!

Двое конвоиров втокнули в палатку пленника. Он споткнулся, но устоял на ногах. Руки, заломленные за спину, были в локтях перехвачены ремнем, а кисти стянуты упаковочной проволокой. Был он юн, щеделушен, узкоплеч. В плисовых штанах, синей рубашке, короткой кожаной куртке. В голубых глазах застыл ужас.

— Тьфу, черт! — выругался Лондон. — С мальцом связались!

— С мальцом-то, с мальцом, да малец с ружьем, — поддел Мак. — Можно я с ним потолкую?

— Валяй, — согласился Лондон.

Мак встал перед пленником.

— Чего вынюхивал?

Мальчишка натужно сглотнул.

— Ничего я не вынюхивал, — прошептал он.

— Кто тебя подослал?

— Никто.

Мак отвесил ему оплеуху, голова у паренька дернулась, на белой, еще безбородой щеке, вспыхнуло алое пятно.

— Так кто тебя подослал?

— Никто.

Вторая оплеуха была увесистее первой. Мальчишка пошатнулся, не удержался на ногах и свалился набок.

Мак нагнулся, поднял его.

— Кто тебя подослал?

Слезы покатались градом по щекам и окровавленным губам пленного.

— Ребята в школе сказали, что нельзя сидеть сложа руки.

— Старшекласники?

— Да. И взрослые тоже: нельзя сидеть сложа руки.

— Сколько вас всего было?

— Шестеро.

— Куда остальные пошли?

— Не знаю, мистер. Честное слово, не знаю.

— Кто поджег сарай? — ровным голосом спросил Мак.

— Не знаю.

На этот раз Мак ударил кулаком. Мальчишка отлетел в сторону, ударился спиной о шест посреди палатки. Мак рывком поставил его на ноги. Бровь у парня была рассечена, глаз заплыл.

— Смотри, «не знаю» тебе дорого обойдется. Так кто поджег сарай?

Говорить тот не мог, лишь то и дело всхлипывал.

— Не бейте, мистер! Ребята в бильярдной сказали, хорошо б проучить Андерсона, ведь он красный.

— Ну что ж. Видел ли кто из вас нашего доктора? Мальчишка умоляюще воззрился на Мака.

— Только не бейте, мистер! Я не знаю. Мы никого не видели.

— В кого собирался стрелять?

— Н-н-ни в кого. Просто по палаткам, чтоб напугать.

Мак зловеще улыбнулся и повернулся к Лондону.

— Что, по-твоему, с ним делать?

— Полегче бы! Ведь дите совсем.

— Дите с карабином. Можно мне его еще на пару минут?

— А что ты собираешься делать?

— Отправляю его обратно, чтоб дружки посмотрели и неповадно им было б с ружьями разгуливать.

Джим сидел на матраце и молча наблюдал.

— Ты вот только что говорил, что я голову теряю, — обратился к нему Мак. — Так сейчас, как видишь, я совершенно спокоен.

— И это только на пользу, — сказал Джим.

— Бью я без промаха. Тебе, небось, жалко мальчишку?

— Нет, это хороший урок остальным.

— Вот и я так думаю. А ты, парень, послушай, что я скажу: или выпустим тебя сейчас к нашим ребятам, убьют, ей-богу убьют. Или останешься здесь, и мы по-свойски разберемся.

Здоровый глаз мальчишки вытаращился от ужаса.

— Что, Лондон, даешь «добро»?

— Только уж не калечь совсем.

— Мне нужен не труп, а живой рекламный щит. Ты, парень, видно, тоже второй путь выбрал, а?

Мальчишка отпрянул, пригнулся, надеясь увернуться от удара, но Мак крепко ухватил его за плечо и замолотил кулаком по лицу парня. Хрустнул нос, заплыл и второй глаз, почернели и вспухли скулы. Мальчишка неистово бился, но короткие хлесткие удары достигали цели. Вдруг пытка прекратилась.

— Развяжите его,— бросил Мак и вытер окровавленный кулак о куртку парня.— Не так уж и больно, а? Зато старшеклассникам будет на что полюбоваться. Реветь прекрати! И друзьям в городе скажи, что их ждет.

— Может, его умыть? — спросил Лондон.

— Да ты что! Я старался, разукрашивал, а ты мне все хочешь испортить. Ты думаешь, хирургу приятно резать людей?

— Не знаю,— бросил Лондон.

Пленного развязали, он беззвучно плакал.

— Вот что, парень,— обратился к нему Мак.— Не очень-то тебе и досталось. Подумаешь, нос расквасили! Попади ты в другие руки, а не ко мне — изуродовали бы! Так вот, передай своим приятелям: кто сунется — тому ногу сломаем, а следующему — обе. Понял? Я спрашиваю, понял?

— Понял.

— Ну то-то. Отведите его к дороге и пусть домой чешет.

Двое мужчин взяли мальчишку под руки, выволокли из палатки.

— Не выставить ли нам, Лондон, патрули, чтоб такие вот мальчишки с ружьишками не шатались?

— Я этим займусь,— пообещал Лондон, а сам все смотрел и смотрел на Мака, и глаза его выражали ужас.— Тебе жестокости не занимать. Понятно, когда в раж войдешь, но ты-то был спокойнешенек.

— Вот именно. Это труднее всего дается,— устало сказал Мак. На губах еще играла холодная усмешка. Он стоял не шелохнувшись, пока Лондон не вышел, а потом сел на матрац, обхватил колени руками. По всему телу у него прошла дрожь. И без того бледное лицо посерело. Джим здоровой рукой взял друга за запястье.

— Не будь тебя рядом, я б не смог так,— устало про-

изнес Мак.— А ты, похоже, вообще без нервов. Стоял, смотрел. И хоть бы что.

Пальцы на запястье Мака сжались.

— Не терзай ты себя,— тихо сказал Джим.— Ты не перепуганного мальчишку бил, ты дело наше спасал. Надо было опасность ликвидировать, и ты прекрасно справился. Спокойно и хладнокровно. Как и с любым другим заданием. Так что не терзай себя.

— Надо было б ему хоть руки развязать, прикрылся б малость или двинул бы меня разок-другой.

— Хватит об этом! — повторил Джим.— Это лишь звено в цепи. А сочувствие врагу еще хуже страха. Ты и вправду был, как хирург. Провел операцию, только и всего. Если б не рана, я б вместо тебя все проделал. А выпусти мы его к ребятам...

— На клочки б разорвали,— признал Мак.— Надеюсь, больше они никого не поймают. Второй раз у меня рука не поднимется.

— Поднимется, и еще не раз! — уверил его Джим.

— Ну, Джим, ты целишь дальше меня. Боюсь я таких людей, встречал раньше. Господи, как же я их боюсь. А ты, Джим, меняешься на глазах. Ты прав, лишь холодное сердце победит злобу. Так уж считается. Я знаю. И все же, боже милостивый! Людям это не присуще, поэтому я и боюсь тебя.

— Я хотел помогать тебе. А ты, из добрых чувств, меня все берег,— негромко заговорил Джим. Он встал, подошел к ящику, уселся.— Неправильно это. Ну, а потом меня ранило. И пока я болтался без дела, я вдруг осознал свою силу. Я сильнее тебя, Мак. Сильнее всех на свете. Потому что двигаюсь к цели по прямой, а вам мешают женщины, курево, выпивка, приходится думать о крове и пище,— глаза у Джима холодно блестели, точно камушки в воде.— Я хотел помогать тебе, Мак. Но теперь наоборот: ты будешь помогать мне. Нужно объединить силы. В себе силы я уже чувствую.

— Спятил ты! — бросил Мак.— Рука болит? Может, распухла? Может, заражение началось, вот и заговариваешься.

— Не выдумывай, Мак,— спокойно остановил его Джим.— Я вовсе не спятил, в здравом уме. Пойди позови Лондона, мне нужно с ним поговорить. Озлоблять его не стану, но ему придется выполнить кое-какие указания.

— Может, ты и не спятил, Джим. Но не забывай, что Лондона выбрали главным. Он всю жизнь в жожаках. Нач-

нешь ему указывать, он тебя растерзает.— Мак с сомнением взглянул на Джима.

— Иди и передай мою просьбу.

— Ну, вот что...

— Мак, делай, как сказано. Тебе же лучше.

Они услышали басовитый рык, который перерос в высокий истошный вой — пожарная сирена. Тут же к ней присоединилась еще одна, потом еще. Сирены то стихали, то взывали вновь.

— Это Сэм! — воскликнул Мак. — Сумел-таки!

Джим с трудом поднялся.

— Сиди-ка здесь, — посоветовал Мак. — Ты еще очень слаб.

— Сейчас увидишь, как я слаб! — недобро усмехнулся Джим, вышел из палатки, Мак последовал за ним.

К северу над верхушками деревьев чернело усыпанное звездами небо. Чем ближе к Торгасу, тем все больше оно светлело от городских огней. А влево от города над стеной деревьев высился красный купол нового пожарища. Вой сирен то сливался, то разделялся: одна не успевала затихнуть, как вступала другая.

— Сейчас-то мигом приехали, — заметил Мак.

Из палаток вылезали люди, таращились на зарево. Над кронами деревьев уже показались языки пламени, зарево росло, ширилось.

— Хорошо занялось, — кивнул Мак. — Даже если и потушат, дом уже не спасти. Водой такое пламя не залить, без огнетушителей не обойтись!

К ним торопливо подошел Лондон.

— Поджег-таки! — крикнул он. — До чего ж злобный человек! Я не сомневался — подожжет, непременно подожжет! Ничего, черт, не боится!

— Что ж, если вернется, он нам пригодится, — спокойно сказал Джим.

— Как это — пригодится? — удивился Лондон.

— А так: раз человек способен такой пожар устроить, он и на другое способен. Эх, как весело горит. Пойдемте-ка в палатку, Лондон, кое о чем нужно потолковать.

— Он хочет сказать... — вступил было Мак.

— Я сам скажу то, что хочу. Заходите, Лондон. — Джим прошел первым, уселся на ящик.

— Что еще за фокусы? — рявкнул Лондон. — О чем это нам толковать?

— Мы терпим поражение, и все потому, что нет твердой руки. Почему спалили сарай у Андерсона? Потому что

стража ненадежная, им на приказ наплевать. Почему дока умыкнули? Потому что его телохранителя не оказалось рядом.

— Верно. Ну что ж нам делать?

— Нужна настоящая власть, чтобы все приказы неукоснительно выполнялись,— продолжал Джим.— Люди ведь сами вас выбрали, верно? Так что хотят они того или нет, а распоряжения должны выполнять безропотно!

— Джим! Но это ж нереально! Да народ попросту по другим округам разбежится.

— Вернем силой. Где ружье?

— Вон лежит. На что оно тебе?

— Это и есть власть! — отрезал Джим.— Хватит повторять ошибки! Пора их исправлять!

Лондон подошел к нему вплотную.

— Что значит «пора исправлять»? Смотри, парень, доиграешься!

Джим не шелохнулся. Молодое лицо застыло резной маской, лишь насмешливо подрагивали уголки губ. Самоуверенный взгляд остановился на Лондоне.

— Садитесь, Лондон. Наденьте рубашку,— мягко проговорил он.

Лондон недоуменно взглянул на Мака.

— Он что — рехнулся?

Мак отвел взгляд.

— Не знаю.

— Ты тоже сел бы,— предложил Джим.— Минутой раньше, минутой позже — не все ли равно.

— Что ж, сяду.

— Ну вот и ладно. Хотите — гоните меня в шею из лагеря, ваше право. В тюрьме мне место всегда найдется. А хотите — я останусь, только дайте мне сдвинуть забастовку с мертвой точки.

Лондон вздохнул.

— Как мне все осточертело! Со всех сторон только беды и жди. Сейчас я тебе покажу, где раки зимуют, от горшка два вершка, а туда же... Пока здесь главный я.

— Именно поэтому я буду передавать приказы через вас,— подхватил Джим.— Поймите меня, Лондон, мне не власти охота, а дела. Я хочу лишь сдвинуть забастовку с мертвой точки.

Лондон безнадежно покосился на Мака.

— Что скажешь? Куда этот парень надумал забастовку двинуть?

— Не знаю. Это у него, может, заражение крови нача-

лось, бредит — так я считал раньше. А теперь вижу — дело говорит! — Мак даже рассмеялся, но натужно, его никто не поддержал.

— Джим рассуждает как русский большевик, — сказал Лондон.

— Неважно, как рассуждаю, важно, как поступаю, — парировал Джим. — Ну, вы меня выслушаете?

— Да что с тобой поделаешь, валяй.

— Так вот, завтра мы в пух и прах разнесем предателей-«подменщиков». Выберите самых боевых ребят. Дайте им дубинки. Поедем в машинах, по две в ряд. Легавые, возможно, выставят патрули на дорогах, возможно, перегородят дороги. Нельзя, чтоб нас остановили. Если будут заграждения, первая машина сшибает их, люди пересекаются во вторую и едут дальше. Ясно? Все должно у нас получиться. Не выйдет — считай, что мы и не начинали никакой забастовки.

— Ты будешь командовать, а мне каково ребятам в глаза смотреть? — спросил Лондон.

— Не хочу я командовать, не хочу на виду быть. Ребята ничего и не заподозрят. Я шепну, а вы уж и скомандуете. А сейчас первым делом надо послать людей на пожарище, пусть разведают, что и как. Завтра, боюсь, нам придется туго. И зачем только Сэм все это затеял! Впрочем, после драки кулаками не машут. Сегодня ночью придется усилить охрану лагеря. Они непременно постараются отомстить, учтите. Охрану выставить в две цепи и чтоб общались друг с другом. Потом в нашу стачечную «полицию» мне потребуется человек пять. Они вправят мозги тем, кто либо уснет на посту, либо удрать захочет. Выберите мне самых отчаянных.

Лондон с сомнением покачал головой.

— То ли по шее тебе надавать, то ли послушать — сам не знаю. С этой забастовкой хлопот полон рот.

— Пока размышляете, выставили бы охрану. Думается, уже ночью «хлопоты» начнутся.

— Что ж, парень, я, пожалуй, рискну.

Он вышел. Мак все не отходил от сидящего на ящике Джима.

— Как у тебя рука?

— Наверное, зажила. Больше не болит.

— И что это на тебя нашло? — продолжал Мак. — Я чувствовал, что-то неладно.

— В такой заварухе, как наша, многому учишься. Видишь вдруг, сколь велики у нас силы и сколь мала отдача.

Наша забастовка тому пример! И уже не усидишь спокойно, засучиваешь рукава и сам берешься за дело. В такие-то минуты и хочется власти,— глаза у Джима вдруг закатились.

— Что с тобой? — крикнул Мак.

— Голова кружится,— пробормотал Джим и мешком свалился с ящика.

Мак втоптал его на матрац, под ноги подложил ящик. По лагерю переливчатым ручейком бежал разноголосый и неумолчный говор. Мимо палатки спешили люди. Снова завывали сирены, волной набежали голоса за стеной, но волной спокойной, ленивой — пожарные машины отбывали во-свояси. Мак расстегнул Джиму рубашку, принес ведро с водой — оно стояло в углу палатки,— побрызгал приятелю на лицо и шею.

Джим открыл глаза, уставился на Мака.

— Голова кружится,— грустно повторил он.— Жаль, дока нет, он бы таблетку какую дал. Как, по-твоему, Мак, он вернется?

— Не знаю. Тебе полегчало?

— Да просто голова кружится, и все. Но, похоже, на сегодня я отстрелялся. Пора отдохнуть малость.

— Конечно. Тебе поспать бы не мешало. А я схожу на кухню, может, бульона раздобуду. Бульон тебе сейчас в самый раз. Ты лежи пока, я мигом.

Джим, нахмурившись, созерцал палаточный купол. Подумал вслух: «Неужели, кончилось? По-моему, нет. Хотя кто знает». Глаза сами собой закрылись, и он уснул.

Пришел Мак, принес бульон, поставил миску прямо на землю. Убрал ящик из-под ног Джима, сел на край матраца, глядя на беспокойное лицо спящего.

Выражение его то и дело менялось. Вот Джим ощерился, видно, во рту у него пересохло. Сомкнул губы. Нервно задергалась щека. Снова с великим трудом разлепились губы, Джим пытался заговорить, но лишь промычал. Мак накрыл друга старыми одеялами.

Вдруг огонек в лампе нырнул с фитиля вниз и тьма враз заполонила жилище. Мак вскочил, отыскал узкогорлую бутылку с керосином. Отвинтил колпачок на боку лампы, залил керосин, и вновь замаячил желтый язычок, потом раздвоился, словно раскрыла крылья огненная бабочка.

Снаружи неспешно прошагал патруль. Далеко на шоссе прогрохотали грузовики, спешащие в дальний рейс. Мак снял лампу с шеста, поставил на землю подле матраца. Из кармана брюк извлек пачку сложенных вдвое листов, по-

мятый конверт с маркой и огрызок карандаша. Разложив листки на коленях, он медленно, крупным детским почерком начал:

«Дорогой Гарри!

Ради бога, помоги. Вчера ночью умыкнули нашего дока, я уверен, сам бы он не ушел, не из тех. Однако его нет. В этой долине хозяйчики держатся друг за дружку. «Бдительные» бдят денно и нощно. Нам нужны еда, лекарства, деньги. Дик — молодчина, очень много делает, но если не получим дополнительной помощи, наше дело — труба. В жизни еще не встречал такого единства у хозяев. Человека три заправляют в округе буквально всем. Не исключено, что Дик сейчас за решеткой.

Джим растет не по дням, а по часам. Я по сравнению с ним козявка. Завтра, наверное, нас попрут с этого участка. Эти Б. сожгли хозяйский амбар, и хозяин, конечно, ярится. Без дока Бертон санитарное управление вышвырнет нас отсюда в два счета. Придумай что-нибудь! За нами с Джимом настоящую охоту устроили. На всякий случай нужно подыскать нам замену.

Я не прошу, я вопию о помощи. Наши сторонники боятся и нос высунуть, но это еще не самое страшное...»

Он достал еще один листок.

«Ребята начинают огрызаться. Ты знаешь, как переменчиво у них настроение. Завтра поутру они могут пойти и спалить городскую управу, а могут удрать в горы и отсиживаться там с полгода. Ради всего святого, Гарри, оповести всех, что срочно нужна помощь. Выгонят нас отсюда, и нам негде будет приткнуться. Собираемся пикетировать долину на машинах. Иначе не поймешь, что и где творится.

Ну, прощаюсь. Письмо это передаст Джек. Ради бога, помоги нам.

Мак».

Он перечитал письмо, подправил буковку, сложил листки, сунул в замусоленный конверт. Адресовал письмо «господину Джону Г. Уиверу».

Снаружи раздался оклик часового:

— Кто идет?

— Лондон.

— Проходите.

В палатку вошел Лондон. Посмотрел на Мака, на спящего Джима.

— Я, как он сказал, выставил охрану.

— Вот и славно. А он вконец умучился. Жаль, дока нет. Что-то не нравится мне у Джима плечо. Говорит, не болит, дурачок, сам всегда на рожон лезет.— Мак снова повесил лампу на шест в середине палатки.

Лондон уселся на ящик.

— Какая его муха укусила? — беззлобно спросил он.— То, знай себе, болтает впустую, то вдруг — раз, меня пинком под задницу, сам распоряжаться начал.

Глаза у Мака засветились гордостью.

— Никак не возьму в толк. Уж кого только не повидал, всяк по-своему с ума сходил, а такого не видывал. Ведь тебе, Лондон, пришлось подчиниться. Я подумал было сначала, что парень просто рехнулся. Может, так оно и есть. А где твоя невестка?

— Я их с сыном в свободную палатку определил.

— А где ж ты нашел свободную? — вперил в него взгляд Мак.

— Ночью, видно, кто-то из ребят деру дал.

— А вдруг это палатка тех, кто в охране?

— Нет. Я прикинул, вроде беглые есть.

Мак потер кулаками глаза.

— Пора, самая пора. Трудно нашу жизнь выносить. Вот что, Лондон, мне нужно письмецо отправить, так я тишком туда и обратно, заодно разведая, что да как.

— А почему б тебе из ребят кого-нибудь не послать?

— Видишь ли, это письмо непременно должно дойти. Надежнее самому отправить. Не бойся, не поймают, не впервой от слезки уходить.

Лондон сосредоточенно разглядывал свои большущие ладони.

— Это письмо... к твоим красным друзьям? — спросил он.

— Да, ты угадал. Прошу помощи, чтоб наша забастовка не захлебнулась.

Лондон смущенно продолжал:

— Мак... вот... о красных всегда говорят, что они сволочи... Мне что-то не верится, а Мак?

Мак тихо засмеялся.

— А это уж как посмотреть. Если у тебя тридцать тысяч акров земли и миллион долларов, красные для тебя, конечно, сволочи. А если ты простой рабочий парень, то для тебя это ребята, которые хотят, чтоб ты по-человечески, а не по-свински жил. Ты ведь все сведения из газет черпашь, а газеты — в руках тех, у кого и земля, и деньги. По-

тому-то мы и сволочи, ясно? Вот встретил ты нас, сам видишь, кто мы. Голова на плечах есть, вот и решай.

— Хоть вы и красные, я ж с вами сработался. А ведь и до вас я нашего брата собирал и вел.

— Вот именно! — загорелся Мак. — Вот именно! Ты всегда их вел. Ты сам из работяг, но в тебе есть жилка вожака.

На что Лондон просто ответил:

— Что я говорил, то ребята и делали. Никогда поперек не шли.

Мак придвинулся ближе, положил руку Лондону на колено и тихо заговорил.

— Вот что. Похоже, на этот раз мы проиграли. Но забастовка наша шуму наделала, может, на хлопке все тихомирно сладится. Газеты сейчас пишут, что мы только сеем смуту. Но мы лишь учим работяг действовать заодно, чтобы все больше и больше их спланивалось. И неважно, победим ли мы сейчас или проиграем. Зато почти тысяча людей научилась бороться. А когда этих тысяч наберется много, когда все они будут бороться вместе, тогда уж трем хозяйчикам не удержать в руках всю долину Торгас. Тогда можно будет, не боясь угодить за решетку, и яблочко съесть. Тогда не станут вываливать яблоки в реку, чтобы поддержать цену. И это в то время, когда такие, как мы с тобой, яблок вдоволь не едим. Смотри шире, Лондон, не замыкайся в нашей забастовке.

Лондон страдальчески следил, как Мак говорит, точно хотел увидеть слова, слетавшие с губ.

— Так это же леворю... революция?

— Ну, конечно. Против голода и холода. Ведь те трое, что заправляют всем в долине, ни перед чем не остановятся, чтоб сохранить власть, чтоб по-прежнему выбрасывать яблоки ради рыночных цен. Конечно, всякий, кто думает, что пиццу должно есть, — красный. Понятно?

В широко открытых глазах Лондона читалась задумчивость.

— Я часто слушал левых. Да не особо прислушивался. Уж очень они все горячие. А я горячим не шибко верю. Но так, как ты, никто из них не говорил.

— Значит, смотри зорче, больше поймешь. Говорят, мы ведем нечестную игру, работаем подпольно. Рассуди сам, Лондон. Оружия у нас нет. Случись с нами что — в газетах и строчки не напишут. Зато, не дай бог, пострадают хозяева, тут уж щелкоперы чернил не пожалеют. У нас нет ни денег, ни оружия, поневоле приходится мозгами шеве-

лить. Все равно что с дубинкой против пулеметов идти, понимаешь, Лондон? Вот и остается только прокрасться в тыл, да оглушить пулеметчиков. Может, это и нечестная игра. Но мы ведь не в футбол играем. И правил для голодного человека не существует.

— Я этого не понимаю,— медленно проговорил Лондон.— Ни у кого времени не хватило все растолковать. Умные да спокойные речи любо-дорого слушать. Не чета тем, лихим головам. «К черту легавых!» «Долой правительство!» Того и гляди, все государственные конторы дотла сожгут. Такое мне не по душе, дома́-то все красивые. А вот как ты, со мной никто не говорил.

— Безмозглые, значит, тебе собеседники попадались.

— Слышь, Мак, ты вот говоришь, мы проиграли. С чего ты взял?

Мак призадумался.

— Нет...— словно отвечая сам себе, пробормотал он.— Не вытянем мы сейчас. Объясню, почему. Власть в долине у малой кучки людей. Тот, что вчера приезжал, уговаривал нас прекратить забастовку. Теперь они знают: мы будем бороться. Значит, выход таков: или разогнать, или перебить нас всех. Будь у нас врач, продукты, да если б и Андерсон нас поддерживал — глядишь, и продержались бы какое-то время. Но Андерсон на нас зол. И нас отсюда вышвырнут; понадобится — они и пушки приволокут. Главное — через суд провести решение, чтоб нас выгнать, а за остальным дело не станет. Куда нам тогда податься? Нигде уже лагерь не разобьешь — запрещено. Пойдет у нас раскол, недовольство, вот и проиграли. Не так мы сильны, как кажется. Боюсь, даже еды нам и то больше не раздобыть.

— Так, может, сказать ребятам, что забастовке конец, и всех распустить?

— Тише, Лондон, тише, разбудишь Джима. Ничего пока говорить не надо. Они нас поугадили, а теперь мы их поугаедем. В последний разочек. Сколько хватит сил. Если кого из наших убьют, в округе тут же известно станет, даже если газеты умолчат. А остальные наши еще отчаяннее сражаться станут. Понимаешь, у нас есть враг. Вот тут-то ребята сплотятся — врага единым фронтом встретят. Амбар у Андерсона спалили наверняка такие же бедолаги, как и мы, только они газет начитались. А мы их должны на свою сторону привлечь и как можно скорее.— Мак вытащил из-рядно отощавший кисет.

— Это я про запас оставил. А сейчас в самый раз закурить. Будешь, Лондон?

— Нет, я не курю, а табак, когда заведется, жую.

Мак свернул тонкую самокрутку из оберточной бумаги, приподнял колпак лампы, прикурил.

— Тебе неплохо бы вздремнуть, Лондон. Мало ли что ночью случиться может. А я пока в город схожу, письмо опустить нужно.

— А если схватят?

— Не схватят. Я садами пойду. Никто меня и не заметит.— Он вдруг настороженно взглянул за спину Лондону. Лондон обернулся. Край палатки вздыбился, в щель червяком пролез Сэм, поднялся на ноги — весь в грязи, одежда порвана. Длинная царапина прочертила впалую щеку. Он, видно, очень устал: рот раззявился, глаза ввалились.

— Я на минутку,— прошептал он.— Ну и дела! Вы наставили везде охраны, а я хотел незаметно. В общем, среди нас — стукач. Это точно.

— Ты отлично сработал! Мы видели зарево.

— Еще бы! Весь дом — к чертовой матери! Но дело не в этом,— он тревожно оглянулся на спящего Джима.— Меня сцапали!

— Да ты что!

— Теперь они меня в лицо знают!

— Здесь тебе находиться не след! — сурово постановил Лондон.

— Знаю. Хотел только вас предупредить: вы меня не знаете, не видели, не слышали. Мне пришлось... в общем, крепко я вложил там одному. Все, пошел. Если снова попадусь, то никакой я не забастовщик. Просто псих. Чокнутый. И дом спалил по наущению господнему. Вот и все, что хотел вам сказать. Вам из-за меня рисковать не стоит. Я сам этого не хочу.

Лондон подошел к нему, пожал руку.

— Ты, Сэм, хороший парень. Отличный, можно сказать. Ну, до встречи.

Мак, глядя на палаточный полог, негромко бросил через плечо:

— Будешь в городе, зайди на Центральный проспект, дом сорок два. Скажешь, ты от Мейбл. Тебя накормят. И больше там не появляйся.

— Спасибо, Мак. До свидания! — Сэм стал на колени, приподнял край палатки, выглянул, изогнувшись шмыгнул во тьму — брезентовый край опустился на землю.

Лондон вздохнул.

— Дай бог ему выкрутиться. Парень он неплохой. Отличный, можно сказать!

— Забудь о нем,— посоветовал Мак.— Кончит он в один прекрасный день так же, как и малыш Джой. От судьбы не уйдешь. И нас с Джимом рано или поздно та же участь ожидает. Это почти неизбежно, впрочем, какая разница!

Лондон изумленно открыл рот.

— Ну и веселенькую же картинку ты показал! Неужто вы, ребята, радости в жизни не видите?

— Еще как видим! Больше, чем остальные. У нас работа важная. Нет ничего приятнее на свете, чем сознавать свою нужность. Другое дело, когда работа бесцельная — вот тогда человек всякую уверенность в себе потеряет. Наше дело поспешает медленно, но верно цели держится. Господи, что ж я здесь торчу да лясы точу. Мне ж идти надо!

— Будь только осторожен.

— Постараюсь. Хотя многое б отдали хозяйчики, чтоб нас с Джимом убрать. Я-то поберегусь, а ты оставайся здесь и смотри, чтоб с Джимом ничего не случилось. Ладно?

— Договорились! С места не сойду.

— Ты все ж таки приляг на матрац с краешку и вздремни чуток. Но Джима сбереги. Он нам нужен. Ему цены нет.

— Понял.

— Ну, тогда до встречи. Постараюсь вернуться побыстрее. Хорошо б обстановку в городе разведать. Может, газету удастся раздобыть.

— До встречи.

Мак вышел. Заговорил с одним часовым, чуть прошел — с другим. Стихли его шаги, а Лондон еще прислушивался к ночным шорохам. Вроде все спокойно, но не похоже, чтоб в лагере спали. Ходят взад-вперед часовые, встретятся — перекинутся словом. Закукарекали петухи: один — совсем рядом, другой — судя по голосу, старый, опытный петух — в отдалении; зазвонил станционный колокол, зашипел, запыхтел и двинулся поезд, все быстрее и быстрее застучали колеса. Лондон присел на матрац подле Джима, вытянул одну ногу, на другой — согнутой в колене — скрестил руки. Потом положил на колено голову и испытующе посмотрел на Джима.

Тот спал беспокойно. Вот вскинул руку, снова уронил. Пробормотал: «Ох... и воды». Тяжело задышал. «Все дегтем залили». Открыл глаза, заморгал, еще находясь во власти сна. Лондон опустил руки, будто собирался поддержать Джима, но не стал трогать — глаза у того закрылись, и он затих. По шоссе прогрохотал грузовик. Кто-то приглушенно вскрикнул чуть поодаль от палатки.

— Что там еще? — негромко спросил Лондон.

— Звали, командир? — в палатку просунулся часовой.

— Кто кричал?

— Сейчас-то? Вы разве только что слышали? Да это старик, тот, что ногу сломал. Совсем спятил. Дерется, кусается — ребята едва удерживают. Сейчас, наверное, рот заткнули.

— Ты, никак, Джейк Педрони? Да, похоже. Вот что, Джейк. Док говорил, если старику время от времени не ставить клизму, он свихнется. Я к нему пойти сейчас не могу. Сходи-ка ты, скажи, чтоб сделали все как надо.

— Понял.

— Ну вот и хорошо. Ступай. Куда ему драться со сломанной ногой! А как тот парень, что ногу вывихнул?

— Его кто-то угостил виски. Так что с ним полный порядок.

— Если что — зови меня, Джейк.

— Лады!

Лондон растянулся на матраце рядом с Джимом. Далекий поезд все набирал скорость. Снова затеяли перекличку петухи: теперь начал старый, а молодой подхватил. Лондон почувствовал, как сон тугой пеленой обволакивает его. Но он все же приподнялся на локте, взглянул еще раз на Джима и лишь после этого окунулся в тяжелый сон.

14

Только-только начала рассеиваться ночная мгла. В палатку заглянул Мак. Лампа на шесте посередине все горела. На матраце рядом спали Лондон и Джим. Как только Мак вошел, Лондон дернулся, резко привстал, сощурился, вглядываясь.

— Кто это?

— Я. Только что пришел. Как Джим?

— Заснул я, — признался Лондон. Зевнул, почесал лысину.

Мак подошел, наклонился над Джимом. Усталые морщинки на лице разгладились, напряженность и озабоченность исчезли.

— Выглядит он много лучше. Отдых ему на пользу. Лондон поднялся с матраца.

— Который час?

— Не знаю. Уже светает.

— Костры еще не разводят?

— Кто-то там крутился. Вроде и дымом пахнуло. А может, это с андерсонова пепелища ветром принесло.

— Ни на минуту его не оставлял,— кивнул на Джима Лондон.

— Молодец.

— А ты сам-то когда спать ляжешь?

— Бог его знает. Пока вроде и не хочется. Вчера ото-спался, точнее, позавчера. А кажется, будто неделю назад. И Джоя только вчера похоронили, ведь только вчера.

Лондон снова зевнул.

— Небось, на завтрак опять говядина с фасолью. Эх, вот бы чашечку кофе сейчас!

— Иди в город. Там тебя и кофе, и яичницей с ветчи-ной угостят.

— Брось шутки-то шутить! Ладно, пойду поваров по-тороплю.— И, пошатываясь со сна, он вышел.

Мак подвинул ящик под самую лампу, достал из кар-мана газету, развернул.

— Я уже не сплю,— услышал он голос Джима.— Куда ты ходил?

— Письмо нужно было опустить. Вот, на газоне подо-брал газету. Посмотрим, как события разворачиваются.

— Мак, вчера вечером я себя небось последним идио-том выставил.

— Ничего подобного, Джим. Ты такого шороха навел! Мы с Лондоном перед тобой щенками себя чувствовали.

— На меня что-то нашло. Никогда такого не было.

— А сегодня-то как самочувствие?

— Отлично. Но той внутренней силы, что вчера, уже нет. Вчера я бы и корову на руках вынес.

— Нас-то ты «вынес» чисто! И неплохо с па́рами ма-шин придумал. Только вот понравится ли затея хозяину той машины, что должна заграждение разнести. Ну, посмот-рим, что новенького в городе. Ух ты, заголовки такие, что вырезать да оставить на долгую память.

ЗАБАСТОВЩИКИ ЖГУТ ДОМА, УБИВАЮТ ЛЮДЕЙ

«Вчера в десять часов вечера пожар уничтожил дом на окраине, принадлежащий Уильяму Хантеру. Полиция ут-верждает, что это — дело рук бастующих садовых рабочих. Заподозренный в преступлении был схвачен, но, ранив за-державшего его, бежал. Пострадавший — помощник шери-фа по особым делам Олаф Бингем — находится при смерти».

А дальше вон еще:

«Несколькими часами раньше по недосмотру или по злому умыслу забастовщиков сгорел амбар на ферме Андерсона. Некоторое время тому назад Андерсон дал забастовщикам разрешение разбить палаточный лагерь на своей земле».

— Тут, Джим, много понаписано. Хочешь — почитай, — он перевернул страницу. — Это надо ж! Слушай редакционную статью!

«Мы полагаем, настало время действовать. Пришлые сезонные рабочие парализовали важнейшую отрасль экономики в округе. Бездомные бродяги, которых ведут и науськивают платные агитаторы из-за рубежа (это мы с тобой, Джим), сжигают дома, совершают акты вандализма, внедряют нравы красной России в тихой, мирной Америке. Наши граждане уже опасаются ездить по дорогам, боятся, как бы и их дома не запылали от рук смутьянов. И поэтому мы считаем, что нельзя более сидеть сложа руки.

В нашем округе заботятся о людях, но забастовщики здесь чужие. Они попирают законы, покушаются на жизнь людей и их собственность. Сами как сыр в масле катаются благодаря поддержке тайных доброхотов. Наша газета никогда не уповала и не уповает на жестокость, но коль скоро закон не в силах обуздать мятежников и убийц, мы призываем граждан самих взяться за дело. Головорезам — никакой пощады! Изгнать из наших краев продажных смутьянов! Наша газета призывает граждан разобраться, из каких источников поступают забастовщикам всяческие разносолы. По сообщениям, вчера в лагере забастовщиков были забиты три племенных быка».

Мак швырнул газету на землю.

— А призыв газеты обернется так; сегодня вечером ватага местных обывателей — обычно они в бильярдной просиживают — забросает камнями окна тех, кто хочет перемен к лучшей жизни.

Джим резко сел на матраце.

— Господи, Мак! Неужто вся вина на нас ложится!

— А то как же!

— Я не понял, кого там видели убитым,

— Это работа Сэма. Его схватили. Как убежать-то? У них ружья. А у него только ноги.

Джим снова лег.

— Да, видел я днями, как он ногами орудует. Но все равно страшно слушать! Страшно!

— Еще бы. Редакция лихо закрутила, ишь какие яркие ярлыки, не поскупилась. «Платные агитаторы из-за рубежа». Это я-то! Родился в Миннеаполисе. Дед мой еще при Бычьей тропе¹ сражался. Он на бой как на корриду вышел — сам рассказывал, — очухался, лишь когда враг огонь открыл. Да и ты, Джим, такой же «иностранец», как наше правительство. А-а, наплюй ты на это. Вечно хай поднимают. Только на этот раз, — он снова вытащил кiset с остатками табака, — похоже, дело к концу идет. Петля затягивается. Напрасно Сэм пожар устроил.

— Ты ж сам ему «добро» дал.

— Знаю. Амбар у Андерсона спалили, я зол как черт был.

— Ну, и что же теперь делать?

— Бороться, только бороться. Сядем на машины, поедem, разгоним новых работничков. Будем драться, сколько хватит сил, а потом, если удастся, смоемся. Страшно, Джим?

— Н-н-нет.

— Затягивается, затягивается петля. Нутром чую, — он поднялся с ящика, подошел к матрацу, — сел. — Может, с недосыпу, только пока из города шел, мне мерещилась засада под каждым деревом. Такой вдруг страх напал, прощури где мышь — я бы бежать ударился.

— Ты просто устал, — успокоил его Джим. — Будь я здоров, глядишь, пригодился бы. А так, лежу чушкой и только всем мешаю.

— Неправда! Стоит мне приунуть, ты всякий раз поддерживаешь, а сегодня мне поддержка ох как нужна. Решимости — кот наплакал. Эх, выпить бы сейчас!

— Поесть тебе надо, тогда и решимость появится!

— Я написал Гарри Нилсону: нужно помочь людьми, продовольствием. Боюсь, запоздало мое письмо, — Мак как-то необычно взглянул на приятеля. — Ночью я Дика видел. Слушай внимательно. Помнишь ту ночь, когда сюда приехали?

— Конечно.

— Помнишь, от моста налево свернули к палаточному лагерю?

— Ну, помню.

— Так вот. Слушай внимательно. Случись беда, и мы разлучимся — иди к мосту. Залезешь под арку с дальнего

¹ Битва при Бычьей тропе произошла во время Гражданской войны, 21 июля 1861 года.

от города конца, увидишь ворох ивового сушняка, под ним — глубокая нора. Залезешь, прикроешь лаз хворостом. Нора глубокая, метров пять. Дик туда сейчас носит одеяла, консервы. Ты сможешь там отсидеться денька два, если нас раскидает в разные стороны. Не приду, значит, со мной что-то случилось. Тогда пробирайся в город. Иди ночью, чтобы к утру из округа убраться. Обвинений против нас никаких, разве что полгода за бродяжничество впаяют. Ну и, наверное, постараются нам причастность ко вчерашнему убийству приписать. Впрочем, может, и побоятся шум поднимать. Ведь тогда наш юрист напомним, как Джоя хлопнули. Все понял, Джим? Найдешь убежище под мостом, подождешь меня два дня. Там вряд ли тебя отыщут.

— Мак, ты что-то скрываешь. Тебе что-то еще известно.

— Ничего мне не известно. Просто сердцем чую, в этой дыре ждет нас западня. Чую, понимаешь! Сегодня ночью из лагеря сбежало много людей, в основном семейные. Лондон держится молодцом. Не сегодня-завтра вступит в партию. Но остальным этим говнюкам я ни на грош не верю. Они напуганы, мечутся и в любую минуту нас прирезать могут.

— Ты сам мечешься, Мак. Успокойся.— Джим поднялся сначала на колени, потом встал на ноги, поднял голову, словно прислушивался к боли внутри. Мак тревожно посмотрел на него.

— Полный порядок,— сказал Джим.— Двигать рукой еще трудновато, но в остальном полный порядок. Даже голова не кружится. Сегодня можно и прогуляться.

— Повязку бы тебе сменить.

— Неплохо бы. А док вернулся?

— Нет. Похоже, его схватили. Славный был парень.

— Почему — был?

— Да так, сорвалось. Может, они его только отлупили, и все. Хотя сколько наших ребят бесследно пропадали, и ни слуху ни духу.

— И ты всему виной.

— Без тебя знаю. Но ты все правильно понимаешь, потому и говорю. Мне бы помолчать, аи нет, когда выговоришься, вроде легче. До чего ж кофе хочется, прямо хоть плачь. А в городе кофе, пей — не хочу. Чашки три зараз уговаривал. Больше и не требуется.

Джим сурово заговорил.

— Может, кофе сейчас и не повредит. Но, возьми-ка себя в руки, а то начнешь себя жалеть.

Скучное лицо Мака ужесточилось.

— Что ж, парень. Ты прав. Беру себя в руки. Хочешь прогуляться? Идти-то не тяжело?

— Нет, все в порядке.

— потуши лампу. Нам нужно раздобыть говядины и фасоли.

Со скрипом подался колпак лампы, огонек потух, и серый, точно размытые чернила, рассвет просочился в палатку.

Джим поднял полог, закрепил его наверху.

— Пусть проветрится. А то не продохнуть. Нам бы всем помыться не мешало.

Мак кивнул.

— Вот поедим, достану ведро теплой воды. Хоть губкой оботремся.

Посветлело небо на востоке, обозначились черные контуры деревьев, стая ворон — они снялись с деревьев и взяли на восток. Земаю под кронами еще покрывала мгла, она словно манила, притягивала первые рассветные лучи. Ночные стражники уже не обходили лагерь, они, устало понурившись, стояли кружками, подняв воротники, застегнувшись под горло, спрятав руки в карманы. Говорили тихо и вяло — лишь бы не уснуть.

Мак с Джимом по дороге к кухне подошли к одной группе.

— Ночью были происшествия? — спросил Мак.

Разговор прервался. Несколько пар усталых, покрасневших от бессонницы глаз обратились на Мака.

— Ничегошеньки, приятель. Вот Фрэнк говорит, ему казалось, что всю ночь вокруг люди бродили. И мне чудилось: кто-то все ползает. Но тихо, ни звука! Мы по двое ходили.

Мак рассмеялся, смех его так и вонзался в рассветную дымку.

— Я армейскую службу в Техасе нес, и надо ж, как выпадет в карауле стоять, прямо слышу: немцы вокруг кишат, лопочут что-то по-своему.

Стоявшие рядом заулыбались, но не очень-то весело.

— Лондон разрешил нам сегодня отсыпаться, — сказал один. — До кормежки. Так я на боковую.

— И я на боковую. Окоченел совсем, да и чешется все, аж мурашки, как у наркомана, что чесотку подхватил. На них посмотреть — смех!

— Пошли б к плитам, погрелись.

— О том и речь ведем.

— Так, Мак, иди, я сейчас тебя догоню, только в сортир сбегая, — и Джим быстро пошел вдоль палаток, в каж-

дой — маленький островок ночи. Кое-откуда раздавался храп, кое-где пологи приподняты, видны люди: они лежали на животе, сонными глазами смотрели на занимающееся утро. Кое-кто уже выполз наружу, поеживаясь, пряча голову в плечи. Вот сердитым и хриплым спросонья голосом какая-то женщина докладывала о своем настроении.

— Надоело торчать в этом лагере! Какой толк здесь сидеть? У меня вон в животе опухоль с кулак, рак, наверное. Мне еще года два назад на картах нагадали, чтоб я рака остерегалась. Гадалка говорит, у меня предрасположенность. А тут сплю на земле, жру отбросы.

Ей что-то пробурчали в ответ. Из другой палатки высунулась всклокоченная голова.

— Давай залезай скорее. Его нет.

— Некогда, — отмахнулся Джим.

Миновав еще две палатки, он увидел мужчину, тот стоял на коленях на одеяле.

— Время не скажешь, парень?

— Точно не знаю. По-моему, уже седьмой час.

— Я слышал, как она тебя зазывала. Правильно сделал, что не пошел. Она нам в лагере насолила почище врагов. Гнать бы ее в шею. Из-за нее столько мужиков передралось. Как там, костер разожгли?

— Разожгли, — кивнул Джим.

Палаточный ряд кончился, метрах в пяти красовалась брезентовая занавеска, за ней низенький помост с тремя дырками. Джим взял коробку хлорной извести, встряхнул, но она оказалась пустой. Сидевший на помосте мужчина сказал:

— Порядок в сортире пора навести. Куда доктор-то запропастился? Со вчерашних пор карболкой не брызгал.

— Может, землей забросаем, — предложил Джим. — Все-таки лучше, чем ничего.

— Это не мое дело. Доктор должен обо всем позаботиться. А то вдруг ребята какую заразу подцепят.

Джим рассердился.

— Да такие, как ты, палец о палец не ударят, хуже всякой заразы, — и принялся носком башмака сбрасывать в яму землю.

— Думаешь, умнее всех? — усмехнулся мужчина. — Еще молоко на губах не обсохло, а туда же, других учить.

— Во всяком случае, хватит ума, чтобы понять, какой ты лентяй.

— погоди, сейчас штаны застегну, покажу тебе, кто лентяй! — но сам и не шелохнулся.

— Жаль, что я поднять тебя не могу — рука прострелена.— Джим смерил его презрительным взглядом.

— Ну вот, пользуешься тем, что никто тебе сдачи не даст, и изгиляешься. Ну, подождите, гады, вы еще наплачетесь.

Джим, как мог спокойно, сказал:

— Никто тут не изгилялся. И драться я с тобой не собираюсь. Нам не друг с другом воевать надо, а бороться с врагом.

— Ну то-то, другое дело,— хмыкнул мужчина.— Сейчас я тебе помогу. Чем сегодня будем заниматься? Не знаешь?

— Да мы...— начал было Джим, но осекся.— Не знаю. Лондон все скажет.

— Лондон пока ни шиша не сделал,— сказал мужчина.— Эй, к середине близко не садись — провалишься. К краю двигайся. Ни шиша твой Лондон пока не сделал. Ходит король королем. Знаешь, что мне один парень сказал? Что у Лондона в палатке ящики с консервами, чего только нет: и тушонка, и сардины, и персиковый компот. Ведь он к нашей жратве и не прикасается. Он нас и за людей-то не считает!

— А вот это уже гнусная ложь! — не утерпел Джим.

— Экий ты упрямец! Да сколько людей видели ящики с консервами! Почему ты знаешь, что это ложь?

— Да я живу у него в палатке. Он разрешил мне переночевать, потому что я нездоров. Матрац и два пустых ящика — и больше ничегошеньки там нет.

— А вот многие ребята говорят, у него там ящики сардин и персикового компота. Кое-кто вчера даже собирался пойти и поживиться.

Джим лишь рассмеялся.

— Свиньи! Стадо свиней! Попался вам хороший человек, так его надо в грязь затоптать.

— Опять обзываешься! погоди, вот рука у тебя заживет, ребята тебе насуют, чтоб не умничал.

Джим поднялся, застегнул джинсы и вышел из сортира. Над короткими трубами плит поднимался серый дым, а на высоте метров десяти расплзался широкой грибной шляпкой и медленно растворялся в воздухе. На востоке небо уже сделалось шафранным, а над головой — белесоголубым. Из палаток поспешно выходили люди. Прескученная тишина сменилась шарканьем ног, разноголосым гамом.

Темноволосая женщина, закинув голову, стояла у палатки, томно поглаживая волосы, рассыпавшиеся по белой

шее. Она со значением улыбнулась Джиму и, не переставая поглаживать волосы, поздоровалась. Джим остановился.

— Нет, нет. Хватит с тебя и «доброго утра»,— бросила она.

— А мне с тобой приятно! — он задержался взглядом на длинной белой шее, на точеном подбородке.— Утро и впрямь доброе.

Губы у женщины чувственно и с пониманием дрогнули. Он пошел дальше, и, когда из одной палатки высунулась всклокоченная голова и хриплый голос снова позвал: «Давай, залезай скорее, его нет» — Джим лишь мельком взглянул на звавшую и, не отвечая, пошел дальше.

У старых плит собирались люди, тянули к теплу руки, терпеливо дожидаясь, когда в больших прачечных чанах разогреется говядина с фасолью. Джим подошел к бочке с водой, зачерпнул в жестянку. Плеснул холодной водой в лицо, на голову, тщательно, хотя и без мыла, вымыл руки. Лицо вытирать не стал, на нем так и застыли капли.

Завидев его, подошел Мак, протянул котелок.

— Я его сполоснул. Что с тобой, Джим? Облизываешься, точно кот на сметану.

— Женщину увидел...

— Не может быть! Когда ж ты успел?

— Да я только взглянул на нее, она причесывалась. Интересно, иной раз за самым будничным делом человек таким красивым покажется, что на всю жизнь запомнишь.

— Я б рехнулся, случись мне пристойную женщину увидеть,— признался Мак.

Джим заглянул в пустой котелок.

— Она голову откинула, волосы расчесывает и странно так улыбается. Знаешь, Мак, мать у меня была католичкой, а в церковь по воскресеньям не ходила, потому что отец так же, как и мы, церкви терпеть не мог. Но в будний день, когда отец на работе, она нет-нет, да и сбегает в церковь. А иной раз и меня, малыша, с собой прихватит. И в церкви меня поражала тоже улыбка одной женщины — потому-то я все это и рассказываю — Марии, она улыбалась мудро, спокойно, обнадеживающе. Однажды я спросил мать, почему Мария так улыбается. А мать и говорит: «Она на небесах, чего ж ей не улыбаться». По-моему, мать ей немножко завидовала.— Голос у Джима упал.— Как-то раз я стоял и смотрел на Марию и вдруг вижу вокруг ее головы — в воздухе — венчик звездный, словно птички хороводят. Я видел это собственными глазами, Мак, не смей-

ся. И дело тут не в религии, в книгах по психологии такое называется осуществлением желаний. Честное слово, я видел этот звездный венец, и мне стало очень-очень хорошо. Узнай мой старик, огорчился бы. Он у меня как перекатипole. Ни на одной работе долго не задерживался.

— Ну, Джим, из тебя со временем выйдет великий оратор. Убедительно говоришь. Представляешь, мне сейчас и впрямь поверилось, что в церкви хорошо. Хорошо! И все из-за твоих речей! Если так же сможешь и ребят на нашу сторону привлечь, похвалю.— Он снял с гвоздя на бочке чистую жестянку, зачерпнул воды, напился.— Пойдем посмотрим, может, жратва готова.

У плит выстроилась очередь, повара половниками зачерпывали фасоль с мясом и раскладывали по посудинам. Подошел черед и Джима с Маком.

— Это остатки? — спросил Мак.

— Еще на обед хватит и мяса, и фасоли,— сказал повар.— А соль уже кончилась, надо доставать.

Мак с Джимом отошли, жуя на ходу. Солнечный луч прорвался сквозь кроны, осветил поляну, принарядил палатки. Около машин стоял Лондон и о чем-то толковал с мужчинами.

— Пойдем, послушаем,— предложил Мак, и они направились к дороге.

На радиаторах повидавших виды машин появилась ржавчина, кое-где с колес сняты шины. Казалось, машины стоят здесь с незапамятных времен.

Лондон, заметив друзей, махнул им рукой.

— Доброе утро, Мак! Как здоровье, Джим?

— Отлично,— отозвался Джим.

— А мы вот с ребятами наши развалюхи осматриваем. Надо выбрать, какие в дело годятся. Хотя им всем грош цена в базарный день!

— Сколько машин поедет?

— Пять пар. Случись что с одной, та, что рядом, работяг подберет — и дальше! Вот этот старик «Гудзон» подойдет,— ткнул пальцем он.— Еще у нас есть четыре пятицилиндровых «Доджа». Правда, покрышки ненадежные, чуть что — и машины на брюхе покаты. Ну и моя колымага еще на ходу. Так, от закрытых машин сразу отказываемся: в них ни размахнуться, ни камня швырнуть. А это что за утконос такой?

Выступил владелец машины.

— Да она у меня почти новенькая. Прошлой зимой из Луизианы пригнал. Она и по горам бегала — ничего, жива.

Так и шли они вдоль шеренги допотопных машин, выбирая пригодные.

— Эти ребята — командиры отрядов, — пояснил Лондон. — Каждый отберет человек пять самых боевых ребят, вот экипаж и готов. Нам нужны надежные парни и крепкие кулаки.

— Любо-дорого слушать: такую силу никому не остановить.

— Пусть попробуют, сунутся! Да никто и близко не подойдет! — сердито бросил один из командиров.

— Значит, настроение боевое?

— Дай нам только развернуться — увидишь сам.

— Мы чуток прогуляемся, — сказал Мак Лондону.

— Обождите. Ребята только что от Андерсона пришли. Говорят, он глаз не сомкнул, всю ночь нас ругал последними словами. А утром укатил в город и все не утихал.

— Что ж, этого следовало ожидать. А как у Альфа дела?

— У какого Альфа?

— Да у сына Андерсона, ну, у того, что избили.

— А-а, ребята его навестили. Он сюда просился, но ребята его решили не тормозить. Даже при нем дежурить остались.

Лондон подошел ближе и зашептал, чтоб не слышали остальные:

— Как, по-твоему, Мак, куда это Андерсон укатил?

— В город, наверное, жалобу подавать, чтоб нас вышвырнули. Может, и поджог сарая нам припишет. Напугали его, он сейчас на все пойдет, чтоб с ними поладить.

— Ясно. Думаешь, нам здесь придется драться?

— Мне кажется, — сказал Мак, — что дело вот как пойдет: они поначалу пришлют нескольких мордоворотов, чтоб нас попугать. А мы возьмем и не испугаемся! Потом они уж целой кодлой полезут. Все будет от наших ребят зависеть: накипело у них, наболело — будут драться. Дрогнут — и нас через минуту здесь не будет, если, конечно, дадут уйти, — он похлопал Лондона по плечу. — Тогда нам с тобой и Джимом придется смываться побыстрее и подальше. Их кодла будет искать козла отпущения, и церемониться они не станут.

Лондон позвал командиров.

— Слейте бензин из всех машин в те, что мы выбрали. Заведите моторы, проверьте, все ли в порядке, горючее экономьте, — он повернулся к друзьям. — Пройдусь с вами.

Обо всем нужно договориться. Как вы, на ребят наших рассчитываете? Те, что на машинах поедут, будут драться до последнего. А вот как насчет остальных?

— Знай я заранее, что будет делать толпа, был бы президентом,— ответил Мак.— Конечно, уже кое-что сказать можно. Запах крови будоражит. Случись им сейчас хоть кошку убить, пойдут крушить все и вся. Если уж и придется нам биться, хорошо б наш кому-нибудь из них первым нос расквасил. Тогда ребята будут как львы. А если мы первыми потери понесем, не удивлюсь, если наши драпанут, разбегутся по садам.

— Пожалуй,— согласился Лондон.— Возьмешь одного, вроде знаешь его как облупленного, а возьмешь десяток таких же, и ни за что не угадаешь, что они вытворят. А сами-то что думаете делать? Сидеть у моря и ждать погоды?

— Вот именно,— кивнул Мак.— Когда привык к толпе, уже немного ее чувствуешь и кое-что знаешь наперед. Носом чуешь. Запомни одно: сломаются наши парни, ты сразу затаись где-нибудь, пережди. Вот что: под мостом через реку Торгас есть укрытие, ивняком завалено. Там еда, одеяла. Туда и беги. Толпа быстро утихомирится. Доберешься до города, иди на Центральный проспект, дом сорок два, скажи, что от меня.

— Мне б еще Лизу с сыном как-нибудь вызволить. Зачем им страдать?

— Не рано ли тревогу забили? — в сердцах бросил Джим.— Ничего еще не случилось и, как знать, может, и не случится. Может, Андерсон поехал погостить к кому.

— Похоже, будто я беду накликаю,— виновато проговорил Мак.— Может, все и обойдется. Но Лондон — человек ценный. Он нам нужен. Конечно, не хотелось бы, чтоб и этих наших ребят поубивали, они ребята славные. Но Лондон нам нужен. Перейдет Лондон на нашу сторону, значит, забастовка себя оправдала.

Лондону польстили такие слова.

— Вот ты, Мак, на разных забастовках бывал. Все так проходят?

— Ну, что ты! Я ж говорю, здесь все хозяйчики друг за дружку держатся. Они нас голодом душат. И случись, наш поход сегодня не удастся, вот тогда мы запоем. Ты, Лондон, хотел бы остаться?

— Да. Я в больших драках не бывал.

— И я думаю, тебе лучше остаться,— поддержал Мак.— Ты в лагере нужен. Сегодня нас будут отсюда «выкуривать». Без тебя ребята струсят и разбегутся. Ты же

божак, Лондон! А вожак должен быть посреди своего воинства до последней минуты! Ну, что, по машинам — и в путь? В садах уж небось работа кипит, стараются, иуды проклятые.

Лондон поспешил к машинам.

— Поторапливайся, ребята. Время не ждет! Пора ехать!

Командиры побежали к палаткам, вывели вооруженных камнями и палками людей; кое у кого блестели ножи. Весь лагерь вышел их провожать, люди бойко перекликались, напутствовали уезжавших.

— Покажи им, Джо, где раки зимуют!

— Задайте им хорошую трепку, ребята!

Затарактели, запыхтели, зачихали престарелые моторы, люди расселись, Лондон поднял руки, призывая к тишине и крикнул:

— Три пары едут направо, две — налево!

Машины двинулись, переползли с обочины на шоссе, выстроились на дороге. Сидевшие в них поднялись, неистово замахали шляпами, стали потрясать кулаками, размахивать дубинками, кося направо и налево воображаемых врагов. Но вот машины разъехались; оставшиеся в лагере проводили их криками.

Крики унялись внезапно. Похоже, мужчинам враз стало неловко. Они молча провожали взглядом уже далекие машины.

Мак, Джим и Лондон зашагали плечом к плечу обратно в лагерь.

— Ох, хорошо б они им показали! А если те верх возьмут, наше дело долго не протянет! Пошли-ка, Джим, навестим старика. А потом, если удастся, соберем ребят да к Альфу наведемся. Ведь я ему кое-что обещал. Ему поддержка сейчас очень нужна.

— А я пока за водой пошлю, — решил Лондон. — В бочке почти пусто.

Джим первым направился к больничной палатке. Полог был поднят, дабы рассветные лучи разогнали тьму. На самом видном месте лежал Дан. Лицо точно восковое; тонкая, почти прозрачная кожа; темными жгутами проступали вены на щеках.

— Как чувствуешь себя, Дан? — спросил Джим.

Старик что-то тихо промычал.

— Чего-чего? — Мак наклонился к постели.

На этот раз губы Дана отчетливо изобразили каждое слово:

— Я давно не ел.

— Бедняга! Схожу, принесу тебе чего-нибудь, — Джим шагнул к выходу и вдруг воскликнул: — Мак! Машины едут обратно!

Со стороны города приближались машины. Вот они остановились. Быстро собралась толпа. Подбежал и Лондон, протолкался к дороге.

— Какого черта вернулись?

Толпа выжидательно молчала. Водитель передней машины придурковато ухмыльнулся.

— Да там не проедешь. Они дорогу перегородили.

— Я, кажется, приказывал таранить любое препятствие.

— Вы не поняли, — пробубнил водитель все с той же ухмылкой. — Мы к баррикаде подъехали, а за ней человек двадцать с ружьями. — На этот раз он взволнованно сглотнул. — Встал какой-то мужик с шерифской звездой и говорит: «У нас в округе пикеты запрещены. Поворачивайте обратно». Наши на старом «Гудзоне» хотели было объехать, а он на обочину съехал да перевернулся. Ну, ребята повыскакивали и все в другую машину, ту, что с утиным носом. — Сидевшие рядом лишь важно кивали.

— Что дальше? — подавленно спросил Лондон.

— Ну, утконос ринулся было на баррикаду. Так нас забросали гранатами с газом — от него сразу слезы текут, и прострелили шины. Все кашляют, слезы глаза застыт, а у тех-то противогазы. Они из-за баррикады повылазили, наручников штук сто приготовили и — на нас! — он снова ухмыльнулся. — Мы и вернулись. Ничего не поделать. Даже камней-то подходящих не нашлось, чтоб их закидать. А всех, кто на «утконосе» был, они схватили. Газу-то, газу — такого в жизни не видывал! — Он взглянул на шоссе и уныло сказал: — А вон и вторая партия едет. Дорогу, поди, с обоих концов перегородили.

По толпе пронесся тяжелый долгий вздох. Кое-кто повернул обратно к палаткам. Шли медленно и понурившись, погрузившись в невеселые думы.

Лондон озадаченно посмотрел на Мака. Тот предложил:

— Не пустить ли нам машины садами? Не могут же они все тропки перегородить.

— Слишком сыро. Машины и десяти метров не проедут, в грязи увязнут.

Мак вскочил на подножку одной из машин.

— Вот что, ребята! — крикнул он. — Все-таки у нас есть возможность прорваться. Выйти всем миром и раз-

нести все их заграждения. Они не имеют права нас держать в этой мышеловке. Мы не сдадимся! — Мак чуть выждал, но в толпе молчали, слова его не возымели действия. Люди отводили взгляды, каждый уповал на соседа, а сам молчал. Наконец раздался одинокий голос:

— Нам нечем драться! Голыми руками против ружей да газа не повоюешь. Дайте нам ружья, тогда разговор другой.

Мак запальчиво крикнул:

— Они убивают наших ребят, жгут дома наших друзей, а вы сидите сложа руки. Сейчас вас загнали в мышеловку, а вам хоть бы что! Да крыса и та за свою жизнь бороться бы стала!

Казалось, все вокруг напиталось самым страшным газом — безысходностью. Тот же голос из толпы повторил:

— Мистер, голыми руками против ружей да газа не повоюешь.

Мака прорвало.

— Ну, а со мной шестеро голыми руками справятся?! Есть среди вас храбрецы? — бросал он безнадежные слова. — Вот и попробуй вам помочь! Попробуй хоть что-нибудь для вас сделать!

Лондон решительно стащил Мака с подножки машины. Тот попытался вырваться, глаза выпучились.

— Своими руками трусов придушу! — кричал он.

Джим придержал его с другой стороны.

— Мак, одумайся, ты уже сам не понимаешь, что говоришь!

Вдвоем с Лондоном они вывели Мака под руки из толпы. Люди вокруг стыдливо опускали глаза. А меж собой тихо повторяли:

— Голыми руками против ружей да газа не повоюешь.

Вернувшиеся повывезли из машин, оставив их на дороге, смешались с толпой.

Мак больше не упирался. Его привели в палатку Лондона, усадили на матрац. Джим намочил в ведре с водой тряпку и хотел вытереть другу лицо, но Мак взял у него тряпицу и обтерся сам.

— Я уже в норме, — спокойно сказал он. — А вообще-то толку от меня нет. Партия должна гнать меня в шею. Ишь, разошелся!

— Ты на ногах едва держишься, тебе выпастись надо, — заметил Джим.

— Верно. Но дело не в этом. Ребята даже за себя драться не хотят. А ведь такие же, как они, на моих глазах

шли с голыми руками на пулеметы! А эти убоялись гореваяк, шерифских помощников! До смерти испугались. Да и я, Джим, не лучше. Мне бы мозгами пошевелить. Ведь когда я на подножку вспрыгнул, думал, сейчас зажгу ребят, подниму на борьбу. А они как стадо баранов, вот я и взорвался. А какое я имел право! Нет, таким, как я, в партии не место.

— Да я и сам едва сдерживался,— попытался поддержать Мака Лондон.

Мак сосредоточенно разглядывал свою пятерню.

— Бросить бы все к чертовой матери да убежать! Зарыться с головой в стог сена и заснуть. И чихать я хотел на всех!

— Отдохнешь и сразу взбодришься,— сказал Джим.— Ложись-ка, поспи. Мы с Лондоном, если будет нужно, тебя позовем, верно, Лондон?

— Непременно,— откликнулся тот.— Ложись поудобнее, вытяни ноги. Дел сейчас никаких нет. С командирами я потолкую сам. Может, наберем ребят побойчее да тишком к баррикадам проберемся.

— Боюсь, победа уже за ними,— проговорил Мак.— Они сломили дух у наших ребят, когда еще до дела и не дошло,— он улегся на матрац.— Толпе нужна кровь... О, господи, я с самого начала напутал...— он закрыл глаза, но тут же снова открыл.— Вот что, очень скоро к нам, может, сам шериф в гости пожалует или какая иная важная шишка. Обязательно меня разбудите. Просто так их нельзя отпускать. Непременно меня позовите,— он по кошачьи свернулся клубочком, сложил руки под головой и сразу задышал мерно и ровно.

От палаточных тросов по брезентовым стенам побежали тени, солнце разбросало лучи перед входом на пятачок утоптанной земли.

Джим с Лондоном тихонько выбрались наружу.

— Ишь, намаялся, бедняга,— сказал Лондон.— Прямо изголодался по сну, я никогда такого не видал. Легавые, говорят, нарочно спать арестанту не дают, и он умом трогается.

— Отдохнет Мак, совсем другим станет,— уверил Джим.— Ох, я ж обещал Дану кое-что! А там наши машины подошли... Схожу-ка сейчас!

— А я пойду Лизу проведаю. Может, pošлю ее к старику, пусть присмотрит за ним.

Джим пошел к кухне, наложил в котелок фасоли и понес к больничной палатке. Солнечный зайчик уже спрыгнул

с койки Дана на пол. Старик лежал, закрыв глаза, дышал редко и тихо.

В палатке пахло чем-то гнилым или тухлым, необычный запах этот исходил от тела умирающего, оттого что он уже долго не мог опорожниться. Джим наклонился над стариком.

— Дан, я принес поесть.

Тот медленно открыл глаза.

— Не хочу ничего. Сил нет жевать.

— Непременно нужно поесть. Тогда и силы появятся. Давай-ка я под спину тебе подушку подложу, ты сядешь, и я тебя покормлю.

— Не нужны мне силы,— промямлил старик.— И подниматься не хочу. Я только на верхушки деревьев поднимался,— он снова закрыл глаза.— Лезешь по стволу, все выше, все выше, и вот уже деревья что поменьше — под тобою. Тогда уж спасательным поясом пристегиваешься,— он глубоко вздохнул, губы продолжали шевелиться. Вдруг на солнечное пятно на полу упала тень. Джим поднял голову. У входа стояла Лиза. На плечи накинуто одеяло, его краем укрыт и ребенок.

— Мне хватает дел со своим малышом. А он говорит, иди, за стариком присмотри.

Джим приложил палец к губам и отошел от койки, чтобы Лизе лучше было видно исхудавшее лицо Дана.

Войдя, Лиза села на свободную койку.

— Ох ты! Я же не знала! Скажи, чем помочь?

— Ничем. Просто побудь с ним.

— Уж больно он плох. По запаху чую. Знакомый запах,— она поежилась, плотнее закутала личико младенца, чтобы уберечь от вони.

— Тише. Может, еще поправится.

— Нет, запах не тот. Знакомый запах. Старик уже гниет.

— Вот бедняга!

Возглас этот, видно, тронул ее за душу, на глаза навернулись слезы.

— Конечно, я побуду с ним. Не впервой. А меня не убудет.

Джим присел рядом.

— С тобой хорошо,— прошептал он.

— Ты эти штучки брось!

— Да я разве что! Просто рядом с тобой почему-то всегда тепло.

— А мне и не холодно.

Джим чуть отвел лицо.

— Мне нужно поговорить с тобой, Лиза. Ты, наверное, не поймешь меня, да это и неважно. Все кругом рушится, или как вода меж пальцами, глядь — и нет. Но это пустяки по сравнению с главным. И мы с тобой песчинки в людском море. Понимаешь? Я всякий раз сам себе это говорю, но мне легче самого себя понять, когда ты рядом, слушаешь. Догадываешься, о чем я?

Щеки у Лизы зарумянились.

— Я же только что родила. Да и не такая я, — она пристыженно взглянула на него. — Не говори так. Таким тоном, — попросила она. — Понимаешь, я просто не такая.

Он потянулся было обнять ее, но она отпрянула.

— Не нужно.

Джим поднялся.

— Будь повнимательнее к старику, ладно? Вода и ложка на столе. Давай ему понемножку, — он поднял голову, вслушался: по лагерю пошел говор, все громче и громче. Но вот из шмелиного жужжания голосов вдруг выделился один, то взмывал на высоких тонах, то сердито басил.

— Пойду посмотрю, что там, — сказал Джим. — Не бросай старика, — и поспешно вышел.

Недалеко от кухни он увидел людей: толпа окружила какого-то сердитого оратора, потом двинулась к помосту, на котором некогда покоился гроб Джоя. Люди облепили его со всех сторон, из толпы вдруг выпрыгнул человек и утвердился на помосте. Джим подбежал ближе. Теперь он видел говорившего. То был мрачный Бэрк. Он размахивал руками, а голос его колоколом гудел над головами. Джим приметил, что от дороги к сборищу поспешает Лондон.

Бэрк крикнул, вцепившись в перила:

— Вон он! Полюбуйтесь! Это из-за него вся заваруха! А сам-то и пальцем ради нас не пошевелил, сидел в своей палатке да персиковый компот жрал. А мы под дождем мокли да жрали то, что и свинье непотребно!

От изумления у Лондона распахнулся рот.

— Что здесь происходит? — гаркнул он.

Бэрк подался вперед.

— Сейчас! Все узнаешь! Мы решили: нам нужен настоящий вожак! Такой, что не предаст нас за ящик консервов.

Лондон побледнел, плечи опустились и подались назад. Он взревел и бросился в людскую гущу, расшвыривая

стоявших на пути, хотя никто и не думал его задерживать. Он буквально пробуравил толпу и остановился лишь у самого помоста. Ухватившись за перила, поднялся, и в то же мгновение Бэрк ударил его. Метил он в голову, но попал в плечо, и рука у Лондона сорвалась с перил, он пошатнулся, но устоял и вновь взревел. Бэрк ударил еще раз, на этот раз — в лицо, но снова промахнулся. Плавным, как у всех крупных людей, но быстрым движением Лондон нанес прямой удар левой, Бэрк увернулся, и тут его настиг боковой справа в челюсть, оторвал от пола, уложил наземь. Голова у Бэрка запрокинулась, челюсть свернулась на сторону, выбитые зубы повисли на губах, по подбородку побежала струйка крови, обогнула нос, глазницу и скрылась в волосах.

Тяжело дыша, Лондон стоял и смотрел на Бэрка. Потом медленно поднял голову.

— Ну, может, еще один сукин сын отыщется, скажет, что я хозяевам продался?

Люди, стоявшие вокруг Бэрка, зачарованно смотрели на его запрокинутую голову. В последних рядах стали напирать, вставать на цыпочки, чтобы лучше увидеть. Глаза у всех горели недобрым огнем.

— Челюсть сломал! — воскликнул один. — Из мозгов кровь течет!

— Поди, до смерти прибил! Ишь, голову прямо снес! — взвизгнул другой.

Пресочились сквозь толпу женщины; застыли, глядя на запрокинутую голову. По толпе пронесся то ли тяжелый вздох, то ли всхлип. В глазах полыхал гнев, плечи напряжились, руки изготавились к ударам. Лондон стоял, тяжело дыша, глядя на до крови разбитые костяшки пальцев. Потом оглядел толпу — видно, искал поддержки — и увидел Джима, тот ободряюще поднял сомкнутые над головой руки. Затем указал на дорогу, где стояли машины, повел рукой вдаль и снова указал на дорогу. Лондон оглядел воинственную толпу. Задумчивость на его лице сменилась угрюмостью.

— Что ж, ребята, — начал он, — говорите, я ради вас и пальцем не пошевелил? Да потому, что помощи от вас нет. Зато сейчас вам бы только в бой. Ничем не остановишь.

Неистовый, почти звериный рев вырвался из сотен глоток. Лондон поднял руку.

— Кто готов сейчас пойти и разнести к чертовой матери их баррикаду?

Настроение толпы менялось на глазах. Завороженно остановились на вожаке сотни взглядов. Точно волна пронеслась по людской массе. Нет больше одиночных выкриков. Толпа стояла единым многоногим существом. Множество лиц как одно. Множество глоток как одна.

— Некоторые поедут на машинах,— скомандовал Лондон,— остальные — пешком. Вперед, мы еще не сказали последнего слова, вперед!— Он лихо спрыгнул с помоста, протолкался во главу толпы. Тотчас заурчали моторами машины. Толпа хлынула на дорогу; ни следа разобщенности, ни тени безразличия. Быстрый, бесшумный, пугающе действенный механизм. По дороге пустились рысцой, все вместе, все разом. Позади медленно ехали машины.

Джим, глядя на двинувшуюся процессию, заставил себя остановиться, вслух приказав:

— Не поддавайся, где твой разум? Не поддавайся.

Женщины почти все бежали за уходящей колонной, а немногие оставшиеся чудно смотрели на Джима: глаза у него замороженно и недвижно глядели вослед человеческому потоку — орудию слепому и страшному. Вот скрылись из вида. Джим, дрожа всем телом, вздохнул и отвернулся. Потрогал больное плечо, надавил — боль быстрее приводит в чувство. Неспешно направился к палатке Лондона, ешел, уселся на ящик.

Полуприкрыв глаза, Мак наблюдал за другом, лишь едва заметная щелочка меж веками выдавала, что он проснулся.

— Джим, я долго спал?

— Всего ничего. Сейчас еще и двенадцати нет.

— Каких только снов не снилось, однако отдохнул хорошо. Пора вставать.

— Поспи-ка еще.

— Зачем? Я ж отдохнул,— он открыл глаза.— И вижу все уже по-иному. Когда намаешься, спишь как убитый. А снилась мне какая-то сумятица.

— Ну и спал бы себе.

— Хватит,— он сел на постели, потянулся.— Что-то произошло, пока я спал? Уж больно тихо кругом.

— Произошло, и немало. Бэрк хотел скинуть Лондона, а тот ему врезал,— Бэрк и с копыт долой, чуть жив остался. Ой, да я ж забыл совсем про него! — Он выбежал из палатки, обогнул ее, оглядел помост. Вернувшись, сказал:— Кто-то успел подобрать.

Мак был уже на ногах.

— Рассказывай! — взволнованно попросил он Джима.

— А в толпе, как увидели кровь, будто с ума посходили. Ну, а Лондон и направо их баррикады сокрушать.

— А я что тебе говорил! — воскликнул Мак. — Увидят кровь, и дело пойдет. Ну, а дальше, что дальше было?

— Уехали, вот и все. Видел бы ты их. Все будто воедино слилось, будто один огромный зверь дорогу заполонил. Даже мне невтерпех стало. Сам чуть было не пошел, да вовремя одумался, приказал себе: «Стой! Где твой разум!»

— Отлично, — радовался Мак. — Говорят, что от толпы проку мало. А я тебе так скажу: если толпа знает, чего хочет, она не хуже обученных солдат действует, только с большей выдумкой. Так, ну разнесут они баррикаду, а дальше? Ведь они не враз угомонятся, им еще что-нибудь сотворить захочется. А про зверя ты хорошо сказал. Именно: огромный зверь. И он совсем не схож с каждым, кто составляет его силу, да и силы у него больше, чем у всех людей, вместе взятых. И запросы у него совсем иные, чем у людей. Док насчет этого верно говорил. Не угадать, что зверь натворит.

— Пока что разнесет баррикаду.

— Да я не о том. Зверю на баррикаду наплевать. А вот что ему нужно — сам не знаю. Беда всяких там социологов в том, что они изучают народ как группу людей, а это совсем не так. Народ — это тот же самый зверь. И людского в нем не больше, чем в собаке. Джим, здорово, когда нам удастся обратить этого зверя на доброе дело, но мы так мало знаем. Разойдется зверюга — неизвестно, что натворит. — Лицо у Мака разгорелось, но угадывался за радостным волнением страх.

— Тише! Никак наши возвращаются. — Джим подбежал к выходу. Как переменялись! Словно бы и не вместе, а вразнобой идут.

Мак подошел. Дорога была запружена людьми. Вот из потока выбрался Лондон и припустил к Маку с Джимом.

— Назад! В палатку! — орал он на ходу.

— С чего бы это? — недоуменно спросил Джим. Но Мак затолкал его в палатку, развязал бечевку и опустил полог.

— Ему лучше знать. Сиди спокойно и жди. Он сам все уладит. Что бы ни случилось, сиди и носа не высовывай.

Ураганным ливнем прошуршали по земле шаги сотен ног, прогремывали голоса. На брезентовой стене обозначилась квадратная тень — то был Лондон, — и знакомый голос прокричал:

— Спокойнее, ребята, спокойнее!

— Мы ему покажем, кто трусил!

И снова голос Лондона.

— Вас отругали — вот вы и злобитесь. И мой друг здесь ни при чем. А сейчас вы поработали на славу. А мой друг — он друг и вам. Он же день и ночь ради вас старался, намаялся.

Судя по всему, настроение толпы менялось, напор на Лондона ослабел, растворился в разрозненных криках.

— Все ясно, Лондон!

— Но ведь он обозвал нас трусами!

Мак, наконец, перевел дух.

— Ну, Джим, пронесло, чудом пронесло.

Квадратная тень на палаточной стене не шелохнулась, а беспокойные выкрики стали удаляться, озлобленность таяла.

Лондон, однако, не закончил разговор.

— Ну, а если кто из вас думает, что я персики лопаю, зайдите да посмотрите.

— Да что ты, Лондон. У нас и в мыслях такого не было.

— Это все Бэрк придумал, чтоб ему пусто было.

— Он давно против тебя, Лондон, народ подговаривает. Сам слышал.

— Что ж, давайте расходиться, ребята. Меня дела ждут.

Голоса стихли, толпа, очевидно, разошлась, и лишь тогда Лондон откинул полог и устало вошел в палатку.

— Спасибо,— сказал Мак.— Мы на волосок от гибели были. Ты даже и не представляешь, Лондон. А здорово ты их утихомирил. Ох, как здорово.

— Да я и сам испугался,— признался Лондон.— Небось, презирать меня за это не станешь. На обратном пути и меня что-то так разобрало, сам бы тебя придушил,— он ухмыльнулся.— Даже не знаю почему.

— Да и они не знают,— вздохнул Мак.— Так уж мир устроен. Ну, а теперь рассказывай, что на дороге произошло.

— Мы их в лепешку раскатали! И следа от них не осталось. Пробовали нас газом отравить, конечно, кое-кто из ребят закашлялся, слезы из глаз. И все равно им ни за что было нас не одолеть. Как они драпали! А остальных наши буквально втоптали в землю. Ребята удержу не знали.

— В вас стреляли?

— Да они и ружей вскинуть не успели — мы уж у них под носом. Пальнули поверх голов, чтоб попугать, а мы, знай себе, вперед прем. Легавым тоже не очень охота по

людям стрелять. Мы накатили, смяли их, баррикаду — в щепки.

— Машины с собой брали?

— Целых восемь штук. На них наши самые отчаянные парни ехали.

— Убили кого из легавых? — сурово спросил Мак.

— А кто его знает. Я не следил. Может, убили. Ребята прямо озверели. Их, поди, и с пулеметами не остановили бы.

— То, что надо! — обрадовался Мак. — Да если б мы могли в нужную минуту наддать жару, а сделав дело, хладнокровно притормозить, завтра утром у нас бы революция началась, а к вечеру б кончилась. Ребята что-то уж очень быстро со всем управились.

— До баррикады бегом бежали, почти милю. А уж обратно едва ползли — выдохлись. Меня аж блевать тянет. Непривычен бегать-то.

— Ясно, — кивнул Мак. — Хотя, конечно, бег тут ни при чем. Такая встряска все нутро перевернет. Небось сейчас многие завтрак stravливают.

Лондон словно только приметил Джима. Подошел, размашисто хлопнул по спине.

— Хорошую мысль мне подал. Я Бэрка-то уложил, стою, не знаю, что делать. А тут ребята окружили, чую, злоба в них так и кипит. Еще чуток, и за меня бы принялись или еще за кого. Глядь: ты там рукой машешь на дорогу. Я сразу смекнул, что делать.

Джим просиял от радости.

— Какой от меня толк с больным-то плечом. Просто пришло на ум, как Мак говорил: пролейся кровь, тогда ребят не сдержат. Помнишь, Мак?

— А как же! Правда, там у помоста, пожалуй, голова другим была бы занята. И как ты сообразил, Джим? В такой суматохе только ты и не растерялся. Ты про своего старика рассказывал: он, дескать, не ахти какой башковитый, он всю жизнь кулаками махал. Непонятно только, откуда ты научился мозгами шевелить.

— Верно, отец именно такой, — согласился Джим. — Зато у матери ум холодный, прямо в дрожь бросает.

Лондон согнул руку, изумленно посмотрел на ободранные костяшки пальцев.

— Надо ж! Ты только посмотри!

— Да, разбил до крови!

— Об этого сукиного сына Бэрка. Как он там, Джим? Я его, похоже, крепко двинул, чуть голову не снес.

— Не знаю, где он,— ответил Джим.— Кто-то его с по-моста уволок.

— Надо б разузнать,— решил Лондон.— Удивительно, я и боли-то до сей минуты не чуял.

— Когда с тем зверем столкнешься, уже ничего не чуешь.

— С каким таким зверем?

— Да так, это у нас вроде присказки. А Бэрка ты верно решил отыскать. Да и проверить, какое у ребят настроение, тоже неплохо. Они небось сейчас на ногах едва стоят.

— Не верю я им больше ни на грош. Не знаешь, чего от них ждать. Слава богу, я не оказался по другую сторону баррикады.

— Слава богу, что ты оказался по другую сторону палатки,— вставил Мак.— Иначе висеть бы нам с Джимом на какой-нибудь яблоньке.

— Да, туго пришлось...— пробормотал Лондон. Он подобрал полог, поднял его, привязал бечевкой. Но светлее в палатке не стало: солнце уже миновало зенит. Лондон вышел, друзья проводили его взглядами, потом молча переглянулись. Мак упал ничком на матрац. Джим долго смотрел на него. Наконец Мак спросил:

— Ты в чем-то меня обвиняешь?

— Нет. Просто думаю: вот сейчас, кажется, мы дрались и победили, и тем не менее, как никогда, близки к поражению. Ведь мы сюда приехали, чтобы помогать, Мак. А мы только все портим!

Мак грубо бросил:

— Не слишком ли высоко нас ставишь? Не переоцени-ваешь ли грошовый успех? Полетит наша забастовка сейчас к чертовой матери — нам по заслугам. Ведь и по сей день столько людей верят сказке о Благородном Американском Рабочем, о его дружбе с Добрым Капиталистом. А теперь они прозрели, поняли, как капиталисты о них заботятся, как могут их в два счета, словно тараканов, извести. А мы нашим ребятам показали, во-первых, что́ они могут, а во-вторых, что́ должны делать. И последняя стычка показала, что́ ребятам по силам. Видишь, каким стал Сэм после забастовки во Фриско? Так вот, и наши парни будут кое в чем на него смахивать.

— А хватит ли у них ума правильно рассудить?

— Дело не в уме, Джим. Ум здесь ни при чем. Кончится забастовка, но в душах у ребят она еще долго буше-вать будет. И рассуждать ни о чем не придется, они нутром все почуют.

— Ну, а как, по-твоему, что же нас ожидает?

Мак почистил пальцем передние зубы.

— Думаю, вышвырнут нас отсюда, только косточки затрещат. Может, днем сегодня, может, вечером.

— И что ж нам лучше: «исчезнуть» бесследно или все-таки дать бой?

— Лучше — бой, если удастся ребят настроить. Разбегутся — и на душе гадко у всех будет, а бой — даже проигранный — дело достойное.

Джим опустился на одно колено.

— Слушай, но ведь если они с пулеметами нагрянут, много наших положат.

Глаза у Мака сузились, взгляд сделался холодным.

— Подойдем с другой стороны. Допустим, убьют кое-кого из наших. Нам это только на руку. Вместо каждого убитого в наших рядах десятков новобранцев окажется. Вся страна в одночасье обо всем узнает, и народ повсюду всполошится. Те, кто колебался, на нашу сторону перейдут. А удерем отсюда втихомолку, народ прознает, скажет: «Э-э, да они даже боя дать не сумели!» А вся наша трудовая братия уверенность в своих силах потеряет. Вот дадим бой, разнесется о нем молва, и другие забастовщики тоже биться будут, окажись они в таких же условиях.

Джим подогнул и вторую ногу, сел на пятки.

— Я просто хотел ясности, вот и спросил. Но согласятся ли ребята биться?

— Не знаю. Сейчас вряд ли. Еще в себя не пришли. А попозже, кто знает. Подкинь им еще одного Бэрка и, чем черт не шутит, вдруг поднимутся. Пьяный Бэрк очень кстати объявился. Сейчас, глядишь, еще кто кровь прольет ради общего дела.

— Мак, если не хватает всего лишь крови, так я сорву сейчас повязку — кровища рекой потечет.

— Чудной ты, Джим, — добродушно бросил Мак. — Все буквально понимаешь.

— По-моему, ничего чудного нет.

— Еще как есть! Помнишь анекдот про даму, что купала собаку? Она спрашивает: «А вы точно знаете, пес чистокровный?» Владелец ей: «Точно! Ну-ка, Оскар, покажи даме, какая у тебя кровь».

Джим слабо улыбнулся. А Мак продолжал:

— Нет, Джим, свою кровь побереги. Ты в нашем деле сотни ребят стоишь.

— Ничего, небольшое кровопускание не повредит.

Мак беспокойно теребил нижнюю губу.

— Ты видел когда-нибудь, чтобы дрались сразу четыре или пять собак?

— Нет.

— Просто если одну из них ранят или свалят наземь, остальные ее непременно загрызут.

— Ну, и что?

— И у людей порой так же. Сам не знаю, почему. Выходит, док прав. Он мне раз сказал: «Люди ненавидят что-то в самих себе».

— Док — парень славный, но не больно-то помогли ему высокие рассуждения. Они бесцельны, просто замкнутый круг.

— Как бы там ни было, его очень не хватает. Плечо у тебя еще болит?

— Ни капли. Правда, я его пока берегу.

Мак поднялся.

— Давай-ка посмотрим. Снимай куртку.

Это оказалось делом непростым. Мак отковырнул пластырь, осторожно разбинтовал плечо.

— Почти зажило. Только краснота кое-где. Все эти марли я выброшу. До города бы поскорее добраться. Там врачи за дело возьмутся. А сейчас пока чистым лоскутом перевяжу. — Он снова залепил повязку пластырем, долго не отпускал руку, пока пластырь не нагрелся и не «схватил» повязку.

— Может, в городе и дока встретишь, — предположил Джим. — Он больно чудно говорил перед тем, как пропал. Вдруг ему просто тошно стало или страшно, вот он и дал деру.

— Давай-ка я помогу тебе в куртку влезть. Чего сейчас о доке вспоминать! Если б ему тошно стало, он бы давно от нас откололся. Видел я его и под огнем! Страх он не знает.

В палатку тихо вошел Лондон и остановился. Вид у него был озабоченный, даже испуганный.

— Надо ж, я его чуть не до смерти зашиб. Челюсть сломал. Боюсь, умрет, если доктора не найти.

— Можно, конечно, в город его отправить, но, думается, не очень-то ему там помогут.

— А как его жена разошлась! — продолжал Лондон. — Кричит: «Засужу вас всех за убийство! И забастовку вы, дескать, нарочно устроили, чтоб мужа доконать!»

— И то не напрасный труд, — съязвил Мак. — Не очень-то этот Бэрк мне нравился. Больно на стукача смахивал. Как там ребята?

— Сидят по палаткам, сбылись твои слова: морды у всех кислые, как у малышей, что леденцов объелись.

— Понятно,— кивнул Мак.— Столько сил потратили, что на неделю б хватило. Надо б их накормить, если есть чем. Потом отоспятся, глядишь, и отойдут. Ты, Лондон, совершенно прав: без доктора не обойтись. Как дела у парня, что ногу вывихнул?

— Он тоже бочку на нас катит. Не так, кричит, ногу вправили. Больше, говорит, ходить не смогу. Ребятам и без того невесело, а тут еще всякие вопли да причитания.

— Да, мы совсем забыли про Альфа! — спохватился Мак.— Как у него-то дела? Надо бы сходить проведать. Как, по-твоему, те, кого ты при нем дежурить оставил,— сбежали?

— Кто их знает,— пожал плечами Лондон.

— Наберем мы с полдюжины ребят, чтоб его навещать?

— Сейчас никого никуда не вытащишь. Сидят да на мозоли любуются.

— Ну и бог с ними. Один пойду! Альф — хороший малый.

— И я с тобой, Мак,— вызвался Джим.

— Нет, останешься здесь.

— Смотри, одному-то небезопасно,— заметил Лондон.

— Джим, прошу тебя, останься,— настаивал Мак.— Вдруг нас обоих схватят? И некому будет здесь наше дело продолжать. Так что оставайся.

— Нет, пойду. Хватит, насиделся, нанянчился со своей рукой. Хочешь, сам оставайся, а я пойду.

— Ну, ладно,— сдался Мак.— Будем смотреть в оба, а ухо держать востро. Постарайся, Лондон, ребят хоть немного в чувство привести к нашему возвращению. Накорми говядиной да фасолью, что осталась. Их, конечно, уже воротит от такой жратвы, но какая-никакая, а все — пища. Уж скоро известие должно прийти и о тех машинах.

Лондон проворчал:

— А себе я, пожалуй, открою баночку персиков да баночку сардин. Говорят же ребята, что у меня до потолка все консервами завалено. Вернетесь и вас угощу.

Их встретил ясный солнечный день. Серыми и замызганными предстали палатки в лагере, умытом чистым полуденным светом. С тех пор, как исчез доктор Бертон, никто не убирал мусор, повсюду клочки бумаги, на палаточных

веревках развешаны комбинезоны. Мак с Джимом вышли из лагеря и зашагали полем — за ним начинался сад. У самых деревьев Мак остановился, оглядел, сколько мог охватить глаз, окрестности.

— Джим, смотри в оба! Скорее всего, мы сваляли дурака, отправившись одни. Отказал нам здравый смысл, — он пристально вглядывался в каждую яблоню, в длинные тенистые междурядья с солнечными прогалинками. Ни звука. Ни шороха.

— Уж больно тихо. Я такой тишине не доверяю, — он потянулся и сорвал с ветки маленькое, кособокое яблоко, оставленное сборщиками. — Смотри-ка, вкусное. А я и забыл о яблоках. То, что под рукой, рядом, всегда в последнюю очередь вспоминается.

— Никого пока не приметил, — доложил Джим. — Ни души.

— Мы пойдем по самой кромке сада, если кто вдоль рядов следит — нас не заметит. — И оба, настороженно озираясь, скрылись под раскидистыми яблонями. Порой теплый яркий солнечный луч выхватывал их из-под сени крон.

— Мак, а как ты думаешь, можно когда-нибудь взять отпуск и укатить туда, где никто нас не знает, и просто посидеть в саду?

— Да тебе ж через два часа надоест, снова будешь в бой рваться.

— Мне всегда не доставало времени приглядеться ко всему вокруг. Например, как лист из почки прорастает. Я ничего вокруг не замечаю. Утром в палатке по полу ниточкой тянулись куда-то муравьи. Но мне некогда было наблюдать за ними, о чем-то думал. А иной раз так хочется целый день на букашек смотреть, просто бездумно смотреть.

— Спятишь ты с этими букашками, — бросил Мак. — С людьми-то психом станешь, а с букашками и подавно.

— Время от времени прямо оторопь берет: мы смотрим, но не видим. Некогда. Жизнь пройдет, а я так и не узнаю, как, скажем, яблоко растет.

Шли они медленно. Мак обшаривал взглядом каждое дерево.

— Всего не узнаешь, не увидишь, — ответил он. — Я решил отдохнуть, да и рванул в Канаду, в леса. Так дня через два примчал обратно. По делу изголодался, по хорошей заварухе.

— И я когда-нибудь съезжу. Старый Дан прямо взахлеб про лес рассказывал...

— Всюду не поспеешь, Джим! Всего не заграбастаешь. У нас есть много такого, о чем Дан и не мечтал. Всюду не поспеешь. Вернемся днями в город, и снова так потянет какую-нибудь бучу устроить, что хоть вой. А пока рука не зажила, сиди и не рыпайся. Поселю тебя в ночлежке, там клопов и всякой живности навалом, любуйся на здоровье. Ближе, ближе к деревьям держись. А то выставился, как корова на холме.

— А хорошо здесь, — вздохнул Джим.

— Слишком уж хорошо. Того и гляди на засаду напорешься.

За деревьями уже маячил белый домик Андерсона с палисадом, пламенела герань во дворе.

— Да нет здесь никого, — повторил Джим.

— Погоди, погоди, — Мак остановился, в последний раз оглядел открытое место, вокруг дома черным квадратом — пепелище; там, где был амбар, и сейчас еще чуть заметно курится едкий дымок; одиноко высится на пустыре белый водяной бак.

— Вроде никого, — решил наконец Мак. — Пойдем с черного хода.

Он попытался неслышно отворить калитку, но клацнул засов, и закрипели петли. Шаг-другой — и они уже на крыльце, обсаженном желтым страстоцветом. Мак постучал.

— Кто там? — раздался голос из-за двери.

— Это ты, Альф?

— Я.

— Один дома?

— Один. Это кто?

— Да это я, Мак.

— Заходи. Дверь не заперта.

Они вошли в кухню. Альф лежал на узкой койке у стены. Он сильно исхудал за последние дни. Кожа на лице обвисла.

— Привет, Мак. Я уж думал, никто меня больше не навестит. Старик-то мой спозаранку уехал.

— Мы, Альф, давно уже к тебе собираемся. Идет дело на поправку?

— Все тело болит. А когда один — совсем не вмоготу. Кто поджег сарай?

— Горожане из «бдительных». Ты не представляешь, Альф, как мы вам сочувствуем. Мы ж охрану выставили. Да их обманом отвлекли.

— Старик мой всю ночь успокоиться не мог. Все говорил, говорил, меня поносил через каждые пять минут. И так всю ночь напролет.

— Мы очень сочувствуем.

Альф высвободил руку из-под простыни, почесал щеку.

— Я, Мак, все одно, с вами. А старик мой хочет вас отсюда вышвырнуть. Поехал к шерифу, чтоб управу на вас найти. Говорит, вы «нарушили границы частных владений», и потому вас надо выдворить. Говорит, вот, послушал их, теперь расплачиваюсь. А мне вслит убираться ко всем чертям, если я и впредь с вами буду. Ой, Мак, он так разошелся!

— Этого я и опасался, Альф. Мы знаем, что ты с нами. Но что толку еще больше досаждать старику? Была б какая польза — другое дело. А пока сделай вид, что ты на его стороне. А связь с нами будешь поддерживать. Мне просто очень жалко старика.

Альф глубоко вздохнул.

— Я хотел, да боялся, что вы меня предателем посчитаете. А раз так, конечно, скажу, что порвал с вами.

— Вот это дело! А уж в городе мы тебе такую рекомендацию дадим — лучше не придумаешь. Да, чуть не забыл: док вчера вечером к тебе не навещался?

— Нет. А что?

— Да он пошел к тебе еще до пожара и с той поры не вернулся.

— Ну и дела! Что ж с ним стряслось?

— Боюсь, беднягу похитили.

— Они вас вокруг пальца то и дело обводят.

— Не без этого. Правда, мы сегодня утром с ними чуток расквитались. Но случись твоему старику на нас пожаловаться, они завтра же нас в порошок сотрут.

— Забастовка не удалась?

— Не в этом дело. Что мы задумали, то удалось. Борьба продолжается, Альф. С отцом помирись, пусть думает, что ты после всех этих пожаров угомонился. — Мак прислушался. — Никак кто-то идет, — он выбежал из кухни в комнату, выглянул в окно.

— Мой старик вернулся. Я его шаги распознаю, — сказал Альф.

Мак вернулся на кухню.

— Хотел посмотреть, нет ли с ним кого. Один. Мы, конечно, могли бы и потихонечку улизнуть. Да, пожалуй, лучше остаться и посочувствовать.

— Не стоит. Он и слушать вас не захочет. Он теперь на дух вас не переносит,— сказал Альф.

На крыльце затопали, дверь распахнулась. Андерсон замер на пороге, изумленно уставясь на гостей.

— Какого черта заявились! — рявкнул он. — А ну, проваливайтесь! Я был у шерифа, теперь вам крышка. Вышвырнут вас с моей земли, чтоб и духу вашего не было! — от ярости грудь у старика тяжело вздымалась.

— Мы всего лишь хотели сочувствие вам выразить. Ваш сарай сожгли не мы, а кто-то из городских.

— Да не все ли мне равно, кто? Сарая нет, урожай нет. Впрочем, что с вами, бродягами голоштанными, об этом толковать? Разорили вы меня, считай, я без фермы остался! — на глаза старику навернулись злые слезы. — У вас, голодранцев, ни кола, ни двора. Вы и деревца не посадили, а мне каждый листочек люб и дорог. Я каждую свою яблоньку на ощупь узнаю. Вам этого не понять.

— Да, у нас ни кола, ни двора. Нам в этом всю жизнь отказывали. Хотя и мы не прочь и хозяйство завести и яблоньку посадить.

Андерсон словно и не слышал его.

— Поверил я вашим посулам. И вот — нате вам! Урожай нет, а мне скоро по закладной платить!

— А где собаки? — спросил Мак.

Руки у Андерсона прижались к бокам, во взгляде вспыхнула холодная, безжалостная ненависть. Он проговорил:

— Их будка к сараю примыкала.

Мак повернулся к Альфу и кивнул. Тот сначала недоуменно поглядел на него, потом, насупившись, сказал:

— Отец верно говорит. Вам, ребята, здесь делать нечего, проваливайтесь, и чтоб мы вас больше не видели.

Старик Андерсон подскочил к кровати, встал рядом.

— Я б мог вас сейчас перестрелять, но пусть шериф сам этим занимается. Долго он себя ждать не заставит.

Мак тронул Джима за руку, они вышли, прикрыв за собой дверь. За калиткой даже не удосужились посмотреть по сторонам. Мак шел так быстро, что Джим с трудом поспевал за ним. Солнце уже катилось на запад, длинные тени от яблонь побежали меж рядами, в кронах поигрывал ветерок и казалось, и деревья, и земля дрожали от волнения.

— Когда вспоминаешь, что страдают миллионы, на месте не усидишь,— сказал Мак. — Ранили кого или обидели, вроде Андерсона, или видишь, как легавые еврейских дев-

чонок задирают, и думаешь, а стоит ли вообще бороться, ради чего все это? Но как вспомнишь, что миллионы людей голодают, все на свои места враз становится. Сто́ит бороться, сто́ит! Так и мечешься: представишь одно — скинешь, другое — воспрянешь. Бывало с тобой так, а, Джим?

— Не в такой степени. Недавно на моих глазах умирала мать. Кажется, сто лет прошло, а на деле-то — совсем ничего. Она мне и слова не сказала, смотрела, только и всего. До того ей, наверное, лихо было, что она даже от священника отказалась. И в ту ночь во мне что-то сгорело. Да, мне жаль Андерсона, но, в конце концов, если я своей жизнью жертвую, почему б ему не пожертвовать сараем?

— Для людей его склада собственность дороже жизни.

— Мак, куда ты так летишь? Сбавь-ка шаг. Я вот-вот выдохнусь.

Мак пошел чуть медленнее.

— Я все думаю, с чем старик в город поехал. И тороплюсь в лагерь, пока еще не поздно. Не знаю, что у шерифа на уме, но расколоть, разобщить нас — для него огромное удовольствие.

Дальше шагали молча. Земля была черная, мягкая. Солнечные блики скользили по ним. Лишь на подходе к лагерю замедлили шаг.

— Ну, пока вроде все гладко, — сказал Мак.

Над кухней поднимался дымок.

— Куда-то все подевались, — удивился Джим.

— В палатках, отсыплются. И нам неплохо бы прикорнуть. Может, ночью и глаз сомкнуть не удастся.

Появился Лондон, подошел.

— Все в порядке? — спросил Мак.

— Никаких перемен.

— Так вот, я прав оказался. Андерсон ездил к шерифу просить, чтоб нас выдворили.

— Что ж теперь?

— Остается ждать. Ребятам пока ничего не говори.

— Насчет этого ты, может, и прав. А вот насчет жратвы промашку дал. Все до единой фасолинки подъели. Я для вас в двух котелках немного оставил. У меня в палатке найдете.

— Как знать, может, жратва нам больше и не понадобится, — сказал Мак.

— Чего-то не возьму в толк.

— Да нас, поди, завтра здесь и не будет.

Войдя в палатку, Лондон указал на два котелка на ящике.

— Значит, думаешь, шериф все-таки попрет нас отсюда? — спросил он Мака.

— Ясно как божий день. Он такой возможности не упустит.

— Думаешь, стрельбу откроет? Может, пригрозит, и все?

— Почему я знаю. Слушай, а где все ребята?

— Все по палаткам, отсыпаются.

— Никак машина едет. Может, все-таки наши возвращаются?

Лондон скособочил голову, прислушался.

— Нет, это грузовик. И, судя по всему, не из мелких.

Они выбежали из палатки и увидели на дороге из Торгаса грузовик: стальной кузов, мощные сдвоенные колеса. Он подъехал к лагерю и остановился. В кузове поднялся человек с автоматом. За передней рукоятью — большой патронный диск. Над бортами кузова виднелись головы сидевших. Из палаток выскакивали забастовщики.

Стоящий в кузове прокричал:

— Я — окружной шериф! Если у вас есть вожак, я бы хотел с ним поговорить!

Люди, с любопытством поглядывая на грузовик, подходили все ближе.

— Осторожнее, Лондон, — прошептал Мак. — Сейчас они могут нас в два счета шлепнуть. Им ничего не стоит.

Оба вышли к обочине, остановились. Чуть поодаль цепочкой вдоль дороги — остальные забастовщики. Лондон крикнул:

— Ну, я — главный.

— У меня на вас жалоба. Вас обвиняют в нарушении границ частных владений. До сих пор мы вас терпели. Уговаривали на работу вернуться, а уж если надумали бастовать, то мирно. Вы же уничтожаете частную собственность, совершаете убийства. Кое-кого нам пришлось пристрелить, кое-кого — задержать, — шериф взглянул на своих спутников в кузове и продолжал. — Мы и сейчас не хотим кровопролития, мы готовы вас выпустить. Даем вам ночь, чтобы вы убрались отсюда. Покинете округ — никто вас на дороге и пальцем не тронет. Но если завтра на рассвете застанем вас здесь, в лагере, пощады не ждите.

Слушали его молча. Мак что-то прошептал Лондону и тот сказал:

— «Нарушение границ» не дает вам права стрелять.

— Может быть, но «сопротивление должностным лицам» — дает. Я с вами в открытую говорю, чтоб вы знали,

чего ждать. Завтра поутру мы сажаем в грузовики вроде этого сотню людей, даем каждому ружье. Еще у нас три ящика гранат со слезоточивым газом. Кое-кто из ваших приятелей может вам порассказать, что это за игрушки. Вот и все. Цапкаться с вами больше не будем. Даем вам срок до утра, чтоб убраться из округа. Вот и все.— Наклонившись к кабине, бросил:

— Поехали, Гэс.

Машина медленно тронулась с места, набрала скорость...

Один из забастовщиков прыгнул в придорожную канаву, схватил камень. Но так и остался стоять, держа его в руке, а грузовик катил прочь. Люди проводили его взглядом и пошли обратно в лагерь.

— Похоже, мы получили приказ,— вздохнул Лондон.— Он не шутки шутить приезжал.

— Проголодался я, пойду-ка с фасолью разделаюсь.— Маку не терпелось переменить тему. Молча вернулись в палатку. Мак с жадностью принялся есть.— Сам-то поел, Лондон, а?

— Я-то? Конечно. Что будем делать?

— Бороться.

— Да, они навезут этих гранат, борись тогда, как бычок на бойне.

— Врет он все,— так неистово воскликнул Мак, что стрельнул жеваной фасолью изо рта.— Будь у него эти гранаты, не стал бы нам говорить! Он думает, мы разбежимся, не станем биться. Снимемся с лагеря ночью, они нас тут же сцапают. Разве им можно верить!

Лондон посмотрел Маку прямо в глаза.

— Не хитришь? Ведь ты сам говорил, я на вашей стороне. Не дай бог, вокруг пальца обвести меня хочешь.

Мак перевел взгляд.

— Мы должны драться! Уйдем, не хлопнув дверью,— считай, напрасно столько терпели.

— Ну, а если ввяжемся в драку, много ни в чем не повинных ребят получат пулю в лоб.

Мак поставил котелок с остатками фасоли на ящик.

— Знаешь, на войне генерал понимает, что без потерь не обойтись. Так вот, у нас тоже война. Уйдем без боя, значит, с позором проиграли.— Он прикрыл глаза рукой.— Лондон, ответственность, конечно, адская. Я знаю, что нам делать, но ты вожак, тебе и решать. Не хочу всю вину на себя вваливать.

Лондон понуро бросил:

— Да, но ведь ты в этом деле собаку съел. Ты уверен, что нам лучше всего биться?

— Да, лучше всего.

— А, пропади все пропадом, драться так драться, лишь бы ребят настроить!

— Я думал об этом,— сказал Мак,— ведь они и против нас могут повернуть. Те, кто слушал шерифа, расскажут остальным, и все скопом — на нас: дескать, вы эту кашу заварили.

— Я все-таки думаю, они деру дадут. Эх, бедняги, ничего-то не знают, не ведают. Ты, значит, говоришь, если и смываться, так надо прямо сейчас? А как быть с ранеными? С Бэрком, стариком и тем, что ногу вывихнул?

— Оставим здесь,— решил Мак.— Другого выхода нет. Окружным властям придется их в больницу класть.

— Схожу, посмотрю, что в лагере делается. Что-то на душе кошки скребут,— сказал Лондон.

— Не только у тебя,— подхватил Мак.

Лондон вышел. Джим взглянул на Мака и принялся за холодную фасоль с редкими волокнами говядины.

— Будут ли и впрямь нас бить? Неужто не пропустят, если ребята решат уйти?

— Шериф-то пропустит. Только обрадуется, если мы уйдем, а вот от «бдительных» жди пакостей.

— Ужинать ребятам нечем, Мак. А если они еще и напуганы, так никакой ужин сил не прибавит.

Мак выскреб все из котелка и поставил его на ящик.

— Джим, ты выполнишь одну просьбу?

— Смотря какую.

— Солнце скоро сядет, быстро стемнеет. Ты, надеюсь, прекрасно понимаешь, что за нами будут охотиться? И еще как! Так вот, я хочу, чтоб ты, как только стемнеет, смылся отсюда и вернулся в город.

— С какой это стати?

Мак скользнул взглядом по лицу Джима и потупился.

— Я приехал сюда, сил и желания работать хоть отбавляй. А ты, Джим, стоишь десяти таких, как я. Сейчас я в этом уверен. Случись что со мной, найдется много ребят не хуже, а у тебя редкостный талант. Нам нельзя тебя терять. Если за грошовую забастовку придется расплачиваться такими людьми, как ты,— это расточительство.

— Не согласен. Нас надо в работе использовать, а не беречь. Я не дезертир. Ты сам говорил, что любое маленькое дело — частичка большого, пусть крохотная, но важная.

— Джим, тебе необходимо уйти. С больной рукой много не наеюешь. Толку от тебя в драке все равно нет. И оставаться тебе здесь незачем. Помочь ничем не сможешь.

Лицо у Джима посуровело.

— Я останусь. Может, еще и здесь чем пригожусь. Ты, Мак, меня все время оберегаешь. И порой мне кажется, что оберегаешь не из интересов партийных, а из своих собственных.

Мак побагровел от досады.

— Ну что ж. Пристрелят — пеняй на себя. Я предложил, по-моему, лучший выход. Хочешь поупрямиться — валяй! Делай, что твоей душеньке угодно, а я пошел. Здесь сидеть без толку, — и, вконец рассердившись, вышел.

Джим засмотрелся на брезентовую стену. На ней красным пятном запечатлелось заходящее солнце. Рукой он осторожно потянулся к плечу, тихонько нажал, потыкал вокруг раны. Чуть поморщился. И долго сидел неподвижно.

Заслышав шаги, обернулся. У входа стояла Лиза с ребенком на руках; за ее спиной виднелась вереница машин при дороге, на верхушках деревьев играли закатные блики, а под кронами уже собирались сумерки. Лиза, по-птичьи вытянув шею, с любопытством огляделась. Мокрые волосы старательно приглажены, кое-где, неумело накрученные, вились. Короткое одеяло кокетливо прикрывало лишь одно плечо.

— Ты один, я вижу, — она подошла к матрацу, уселась, прикрыла колени подолом льняного платья. — Ребята говорят, легавые нас бомбами забросают и убьют, — беспечно сказала она.

Джим оторопел.

— Ты, похоже, не очень-то боишься.

— Не боюсь. Я вообще не боюсь такого.

— Тебя легавые не тронут. Не верю я, что они нас перебьют. Вранье все это. Ты пришла-то по делу?

— Нет, просто так. Решила немного здесь посидеть.

— Я ведь нравлюсь тебе, Лиза? — Джим улыбнулся.

— Да.

— И ты мне нравишься.

— Ты мне так помог с малышом.

— А как старый Дан? Ты за ним присматриваешь?

— А чего с ним будет? Лежит себе, бормочет.

— Мак тебе помог куда больше, чем я.

— Да, но он никогда на меня так не смотрел. Мне нравится тебя слушать. Ты хоть еще и мальчишка совсем, а говоришь складно.

— И слишком много, Лиза. Слов много, а дела мало. Посмотри: вечереет. Скоро фонарь зажжем. Не станешь же ты со мной в темноте сидеть.

— А мне все равно,— быстро проговорила она.

Он еще раз взглянул ей в глаза, лицо у него засветилось радостью.

— А заметила ли ты, Лиза, что по вечерам вспоминается давно-давно прошедшее, причем какие-то мелочи? Однажды — я был тогда мальцом — я смотрел, как заходит солнце. Смотрю, забралась на дощатый забор серая кошка, пушистая такая. И вдруг солнце будто позолотило ее. На какое-то мгновение она сделалась золотой.

— Я люблю кошек,— тихонько поддакнула Лиза.— У меня как-то целых две кошки было.

— Смотри. Солнце почти зашло. Завтра мы будем уже далеко. Знать бы где? Ты будешь скорее всего в дороге. Я, очевидно,— в тюрьме. Мне не привыкать.

Неслышно в палатку вошли Лондон и Мак.

Лондон посмотрел на невестку.

— Что ты здесь забыла? Иди-ка отсюда, у нас дела.

Лиза поднялась, прижала к груди край одеяла. Выходя, покосилась на Джима. Лондон сказал:

— Ничего не понимаю. Здесь кучка, там кучка, о чем-то говорят, меня отовсюду гонят.

— Ясно, в чем дело,— ответил Мак.— Ребята просто испугались. Не знаю, что они решат, только ночью, похоже, слиняют.

Разговор затух. Лондон и Мак сидели на ящиках, повернувшись к Джиму. Зашло солнце, в палатку напоззли сумеречные тени.

Наконец Джим тихо сказал:

— Даже если ребята сбегут, все равно не напрасно бастовали. Хоть какое-то время боролись все вместе.

Мак встрепенулся.

— И все ж последний бой нужно дать!

— Попробуй поведи их на бой, если их ноги в другую сторону несут! — воскликнул Лондон.

— Не знаю. Может, удалось бы убедить. Поговорим с ребятами, глядишь, что и выйдет.

— Словами из них страх не вышибешь.

— Знаю.

Снова воцарилось молчание. Снаружи тихо журчала многоголосая человеческая река, голоса порой сталкивались, бурлили.

— Спичка найдется, Лондон? — спросил Мак.— Пора фонарь зажигать.

— Еще светло.

— Ничего не видно. Зажигай. В сумерках мне что-то не по себе.

Лондон со скрипом поднял колпак, со скрипом же и опустил.

Мак насторожился.

— Похоже, что-то случилось! Что-то не так!

— Почему-то разом притихли все,— удивился Джим.

Все трое тревожно вслушивались. Послышались шаги. Все ближе и ближе. В палатку вошли близнецы-итальянцы. Они смущенно улыбались, в полумраке белели зубы.

— Разрешите войти?

— О чем речь! Заходите, ребята.

Они встали, точно ученики у доски, переглянулись — никому не хотелось начинать.

— Там ребята... в общем... собрание хотят устроить,— сказал один.

— Вот как? Это еще зачем?

— Они говорят, проголосовали за забастовку, теперь снова будем голосовать. К чему людей понапрасну гробить? — затараторил другой. И оба примолкли, ожидая от Лондона ответа.

Лондон вопросительно взглянул на Мака.

— Конечно, собрание нужно,— ответил тот.— Ребята сами себе хозяева. Их слово — закон,— он посмотрел на выжидающих посланников.— Передайте всем, что через полчаса Лондон созывает собрание. Будем голосовать: драться нам или не драться.

Братья взглянули на Лондона, согласен ли он. Лондон медленно кивнул.

— Все верно. Через полчаса. Как ребята проголосуют, так и поступим.

Крепыши-итальянцы раскланялись на европейский лад, повернулись и вышли.

Мак громко рассмеялся.

— Ну, и отлично! Я думал, все хуже обернется. Думал, они втихомолку все разбегутся. А раз хотят обсуждать, значит, все еще вместе. Отлично! Конечно, могут и за роспуск проголосовать, но тут уж вольному воля.

— А ты разве не попытаешься настроить их на борьбу? — спросил Джим.

— Конечно, попытаюсь. Но это надо как следует продумать. Даже если они и не пойдут в бой, хорошо уже, что

не разбежались, как бездомные псы. У нас будет вроде как организованное отступление. А не бегство от погони.

— Что нам делать на собрании? — решительно спросил Лондон.

— Посмотрим. Сейчас уже стемнело. Ты, Лондон, первым выступишь. Объяснишь, почему им достойнее сражаться, чем убегать. Мне, пожалуй, сейчас лучше не лезть. После того, как я их утром отчитал, они меня невзлюбили. — Мак перевел взгляд на Джима. — Потом выступишь ты. Настал твой час. Попробуй их зажечь. Говори, Джим, говори. Ведь ты об этом мечтал.

Глаза у Джима взволнованно заблестели.

— Хочешь, Мак, — воскликнул он, — я сорву повязку, кровь рекой хлынет. Может, это их расшевелит.

Мак прищурился, задумавшись.

— Нет, — решил он. — Расшевелить-то ты их расшевелишь, но им тут же подавай, где доблесть проявить. Однако и спокойно сидеть им не позволяй, не то уснут. Просто поговори с ними. Без обиняков расскажи, что такое забастовка, что это как бой в большой войне. У тебя, Джим, получится.

Джим вскочил на ноги.

— Ты прав, получится. К горлу комок подкатил, но я знаю, — все получится! — Лицо у него исказилось. Оно излучало неистовую силу.

К палатке кто-то бежал. Вот у входа показался мальчуган.

— Там, в саду! — крикнул он. — Какой-то мужик, доктором назвался! Весь израненный!

— Где?! — разом крикнули Лондон, Джим и Мак.

— Там, за дорогой. Говорит, целый день провалялся.

— Как ты его нашел? — спросил Мак.

— Он кричал. Просил к вам прийти и рассказать.

— Покажи, где. Быстрее, быстрее!

Мальчишка выскочил из палатки.

— Лондон, захвати фонарь, — крикнул на ходу Мак. Он бежал бок о бок с Джимом. Впереди несли мальчишка. По открытому месту они припустили еще быстрее. Паренёк добежал до яблонь и скрылся во тьме. Лишь по топоту можно было определить, где он. Мак с Джимом нырнули во тьму сада.

Вдруг Мак вскинул руку.

— Джим! Ложись! Живо!

Гулко ударили выстрелы, два раза полыхнуло. Мак растянулся на земле. Он услышал, как несколько человек

стремглав побежали прочь. Поискал взглядом Джима, но в глазах еще плясали всполохи выстрелов. Не сразу увидел он друга. Тот стоял на коленях, свесив голову.

— Ну, Джим, ты вмиг все сообразил.

Джим не шевельнулся. Мак, нетвердо ступая, подошел, стал рядом на колени.

— Тебя ранило?

Джим покачнулся и ткнулся лицом в землю.

— Господи! — Мак протянул руку, поднял голову друга, вскрикнул, отпрянул, вытер рук о штаны — лицо у Джима словно срезало. Мак медленно обернулся: за спиной невдалеке прыгал во мраке фонарь, освещая ноги бегущего Лондона.

— Вы где? — прокричал он.

Мак не ответил. Он сидел на корточках и не мог вымолвить ни слова. Все смотрел и смотрел на склоненную, точно в мусульманской молитве, фигуру.

Наконец Лондон приметил их. Подбежал и встал как вкопанный, прочертив фонарем широкую дугу.

— Надо ж, — только и сказал он. Пригнулся, посветил. — Из дробовика били?

Мак кивнул и уставился на свою липкую от крови руку.

Лондон поежился, глядя на застывшее лицо Мака. Вот Мак поднялся, шагнул на негнущихся ногах к Джиму, взвалил его на плечо, словно мешок. Голова свесилась на спину, с нее еще капала кровь. Медленно, с трудом передвигая ноги, двинулся Мак к лагерю. Лондон шел рядом и светил фонарем.

На пустыре собрались любопытные. Поначалу облепили было Мака с Лондоном, но, увидев их страшную ношу, в ужасе отпрянули. Мак шел сквозь толпу, не замечая ее. Миновал пустырь, кухню — толпа молча шла следом. Дойдя до помоста, опустил Джима у перил, сам взобрался на помост, втащил тело друга, прислонил к угловому столбу, подправил, когда оно стало заваливаться на бок.

Лондон протянул фонарь, и Мак установил его подле тела так, чтобы высветить голову. Потом встал, оглядел толпу. Пальцы судорожно впились в перила. Глаза побелели, зрачки расширились. Перед собой он видел множество людей, в глазах у них играли блики от фонаря; стоявшие дальше были неразличимы во тьме. Мака пробрала дрожь. Он с трудом разнял челюсти. Голос зазвучал высоко, на одной ноте.

— Этот парень старался не ради себя... — начал он. Костяшки пальцев побелели — он намертво вцепился в перила. — ...Товарищи! Этот парень старался не ради себя...

О МЫШАХ И ЛЮДЯХ

Повесть

В нескольких милях к югу от Соледада река Салинас подступает вплотную к горам. Вода здесь глубокая, зеленая и теплая, потому что река эта долго текла по желтым пескам, поблескивая на солнце, прежде чем образовать небольшую заводь. На одном берегу золотистые предгорья круто поднимаются к могучему скалистому хребту Габилан, а на другом, равнинном, берегу растут деревья — ивы, которые покрываются каждую весну молодой зеленью и сохраняют на нижних листьях следы зимнего разлива, и сикоморы с пятнистыми, беловатыми кривыми сучьями и ветвями, которые склоняются над заводью. Земля под деревьями устлана толстым ковром листьев, таких хрустких, что даже ящерица пробежит — и то слышно. По вечерам из кустов вылезают зайцы и сидят на песке, а ночью по сырому и ровному берегу снуют еноты, да на песке остаются следы широких лап собак с окрестных ранчо и острых раздвоенных копыт оленей, которые приходят в темноте на водопой.

Меж ив и сикоморов вьется тропа, протоптанная местными мальчишками, прибегающими купаться в глубокой заводи, и бродягами, которые по вечерам, свернув с шоссе, плетутся сюда переночевать у воды. Под низким прямым суком огромного сикомора скопилась куча золы от костров, а сам сук гладко отшлифован многим множеством людей, сидевших на нем.

* * *

К вечеру, после жаркого дня, поднялся ветерок и тихо шелестел в листве. Вверх по склонам гор поползли тени. Кролики сидели на песке неподвижно, словно серые изваяния. А потом со стороны шоссе раздались шаги — кто-то шел по хрустким палым листьям сикоморов. Зайцы бесшумно попрятались. Горделивая цапля тяжело поднялась в воздух и полетела над водой к низовьям. На миг все замерло, а потом по тропе на поляну с заводи вышли двое мужчин, один — позади другого, и здесь, на поляне, он тоже

держался позади. Оба были в холщовых штанах и таких же куртках с медными пуговицами. На обоих — черные измятые шляпы, а через плечо перекинуты туго свернутые одеяла. Первый — маленький, живой, смуглолицый, с беспокойными глазами и строгим решительным лицом. Все в нем было выразительно: маленькие сильные руки, узкие плечи, тонкий прямой нос. А второй, шедший позади, — большой, рослый, с плоским лицом и пустыми глазами; шагал он косолапо, как медведь, тяжело волоча ноги. Руками на ходу не размахивал, они висели вдоль тела.

Первый так резко остановился на поляне, что второй чуть не наскочил на него. Первый снял шляпу, указательным пальцем вытер кожаную ленту внутри и стряхнул капельки пота. Его дюжий спутник сбросил свернутые одеяла, опустился на землю, припал к зеленоватой воде и стал пить; он пил большими глотками, фыркая в воду, как лошадь. Маленький забеспокоился и подошел к нему сзади.

— Ленни! — сказал он. — Ленни, бога ради, не пей столько.

Ленни продолжал фыркать. Маленький нагнулся и тряхнул его за плечо.

— Ленни, тебе же опять будет плохо, как вчера вечером.

Ленни окунул голову в реку, уселся на берегу, и струйки воды, стекая со шляпы на голубую куртку, бежали у него по спине.

— Эх, славно, — сказал он. — Попей и ты, Джордж. Вволю попей.

И он блаженно улыбнулся.

Джордж снял одеяла с плеча и осторожно положил их на землю.

— Вода небось грязная, — сказал он. — Больно много пены.

Ленни шлепнул по воде огромной ручищей и пошевелил пальцами, так что вода пошла мелкой рябью; круги, расширяясь, побежали по заводи к другому берегу и снова назад. Ленни смотрел на них не отрываясь.

— Гляди, Джордж. Гляди, как я умею!

Джордж встал на колени и быстро напился, черпая воду горстями.

— На вкус вроде бы ничего, — сказал он. — Только, кажись, непроточная. Всегда пей только проточную воду, Ленни, — сказал он со вздохом. — А ведь ты, ежели пить захочешь, хоть из вонючей канавы напьешься.

Плеснул пригоршню воды в лицо, вытер рукой лоб и

шею. Потом снова надел шляпу, отошел от воды и сел, обхватив колени руками. Ленни, не сводивший с него глаз, в точности последовал его примеру. Он отошел от воды, обхватил руками колени и поглядел на Джорджа, желая убедиться, что все сделал правильно. После этого он поправил шляпу, слегка надвинув ее на лоб, как у Джорджа.

Джордж, насупившись, глядел на реку. От яркого солнца у него покраснели глаза. Он сказал сердито:

— Могли бы доехать до самого ранчо, если б этот сукин сын, шофер автобуса, не сбил нас с толку. Это, говорит, в двух шагах по шоссе, всего в двух шагах. Куда там к черту, ведь получилось добрых четыре мили, не меньше! Просто ему неохота было останавливаться у ранчо, вот и все. Лень ему, видите ли, притормозить. Небось ему и в Соледаде остановиться неохота. Высадил нас и говорит: «Тут в двух шагах по шоссе». Наверняка мы прошли даже больше четырех миль. Да еще по такой адской жарнице!

Ленни робко посмотрел на него.

— Слышь, Джордж?

— Чего тебе?

— А куда мы идем?

Джордж рывком надвинул шляпу еще ниже на лоб и злобно уставился на Ленни.

— Стало быть, уже все позабыл? Стало быть, начиная все сначала втолковывать? Господи боже, что за дубина!

— Я позабыл,— тихо сказал Ленни.— Но я старался не позабыть. Ей-богу, старался, Джордж.

— Ну ладно, ладно. Слушай. Ничего не поделаешь. Тебе хоть всю жизнь толкуй, ты все одно позабудешь.

— Я старался, очень старался,— сказал Ленни,— да ничего не вышло. Зато я про кроликов помню, Джордж.

— Какие, к черту, кролики! Ты только про кроликов и помнишь. Так вот. Слушай и на этот раз запомни крепко, чтоб нам не попасть в беду. Помнишь, как мы сидели в этой дыре на Говард-стрит и глядели на черную доску?

Лицо Ленни расплылось в радостной улыбке.

— Конечно, Джордж. Помню... Но... что мы тогда сделали? Я помню, мимо шли какие-то девушки, и ты сказал... сказал...

— Плевать, что я там такое сказал. Помнишь, как мы пришли в контору Марри и Реди и нам дали расчетные книжки и билеты на автобус?

— Конечно, Джордж. Теперь помню.— Он быстро сунул обе руки в карманы. Потом сказал тихо: — Джордж, у меня нет книжки. Я, наверно, ее потерял.

Он в отчаянье потупился.

— У тебя ее и не было, болван. Обе у меня. Так я и отдам тебе твою книжку, жди.

Ленни вздохнул с облегчением и улыбнулся.

— А я... я думал, она здесь.

И снова полез в карман.

Джордж подозрительно взглянул на него.

— Что это у тебя в кармане?

— В кармане — ничего, — схитрил Ленни.

— Знаю, что в кармане ничего. Теперь это у тебя в руке.

— Ничего, Джордж, честное слово.

— А ну, давай сюда.

Ленни спрятал сжатый кулак.

— Это просто мышь, Джордж.

— Мышь? Живая?

— Ну да, мышь. Дохлая мышь, Джордж. Но я ее не убивал. Честное слово! Я ее нашел. Так и нашел дохлую.

— Дай сюда! — приказал Джордж.

— Пожалуйста, Джордж, не отбирай.

— Дай сюда!

Ленни неохотно разжал кулак. Джордж взял мышь и швырнул ее далеко через заводу, на другой берег, в кусты.

— И на что тебе сдалась дохлая мышь?

— Я гладил ее пальцем, когда мы шли, — ответил Ленни.

— Не смей этого делать, когда ходишь со мной. Так ты запомнил, куда мы идем?

Ленни в растерянности уткнулся лицом в колени.

— Я опять позабыл.

— Вот наказание, — сказал Джордж со смирением. — Слушай же. Мы будем работать на ранчо, как там, на севере.

— На севере?

— В Уиде.

— Ах да. Помню. В Уиде.

— Ранчо вон там, четверть мили отсюда. Мы придем туда и спросим хозяина. Слушай внимательно: я отдам ему наши расчетные книжки, а ты помалкивай. Стой себе и молчи. Ежели он узнает, какой ты полоумный дурак, мы останемся без работы, а ежели сперва увидит, как ты работаешь, наше дело в шляпе. Понял?

— Конечно, Джордж. Конечно, понял.

— Ладно. Так вот, стало быть, когда придем к хозяину, что ты должен делать?

— Я... я...— Ленни задумался. Лицо его стало напряженным.— Я... должен молчать. Стоять и молчать.

— Молодец. Очень хорошо. Повтори два, три раза, чтобы лучше запомнить.

— Я должен молчать... Я должен молчать... Я должен молчать...

— Ладно,— сказал Джордж.— Да гляди не натвори чего-нибудь, как в Уиде.

На лице Ленни появилось недоумение.

— А что я натворил в Уиде?

— Так ты и это забыл? Ну уж нет, не буду напоминать, а то, чего доброго, опять такую же штуку выкинешь.

Лицо Ленни вдруг стало осмысленным.

— Нас выгнали из Уида! — выпалил он с торжеством.

— Выгнали, как бы не так! — возмутился Джордж.— Мы сбежали сами. Нас разыскивали, но — ищи ветра в поле.

Ленни радостно хихикнул.

— Вот видишь, я не позабыл.

Джордж лег навзничь на песок и закинул руку за голову. Ленни тоже лег, подражая ему, потом приподнялся, желая убедиться, что все сделал правильно.

— О господи! От тебя, Ленни, одни сплошные неприятности,— сказал Джордж.— Я бы горя не знал, ежели б ты не висел у меня на шее. Как бы мне хорошо жилось. И, может, у меня была бы девчонка.

Мгновение Ленни лежал молча, потом сказал робко:

— Мы будем работать на ранчо, Джордж.

— Ладно. Это ты запомнил. А вот ночевать нынче будем здесь, у меня на это свои причины.

Быстро смеркалось. Долина утонула в тени, и лишь вершины гор были освещены солнцем. По заводи скользнула водяная змейка, выставив голову, словно крошечный перископ. Камыш колыбался, волнуемый течением. Где-то далеко, близ шоссе, слышался мужской голос и ему откликнулся другой. Чуть шелохнулись и сразу замерли ветки сикоморов.

— Джордж, а отчего бы нам не пойти на ранчо сейчас, к ужину? На ранчо ведь дают ужин.

Джордж повернулся на бок.

— Не твоего ума дело. Мне здесь нравится. А работать начнем завтра. Я видел, как туда везли молотилки. Стало быть, придется ссыпать зерно в мешки, надрываться. А нынче я хочу лежать здесь и глядеть в небо. Хочу, и все тут.

Ленни привстал и поглядел на Джорджа.

— Так у нас не будет ужина?

— Нет, будет, ежели ты насобираешь хворосту. У меня есть три банки фасоли. Разложи костер. Когда соберешь хворост, я дам тебе спичку. Подогреем фасоль и поужинаем.

— Но я люблю фасоль с кетчупом,— сказал Ленни.

— Нет у нас кетчупа. Собирай хворост. Да пошевеливайся, а то скоро совсем стемнеет.

Ленни неуклюже встал и исчез в кустах. Джордж лежал, тихонько посвистывая. В той стороне, куда ушел Ленни, слышался плеск. Джордж перестал свистеть и прислушался.

— Дурак полоумный,— сказал он тихо и снова засвистал.

Вскоре вернулся Ленни. Он вышел из кустов, неся в руке одну-единственную ивовую ветку. Джордж сел.

— Ну-ка,— сказал он сурово.— Давай сюда мышь!

Но Ленни довольно убедительно изобразил на лице недоумение.

— Какую мышь, Джордж? У меня нету никакой мыши. Джордж протянул руку.

— Давай сюда. Меня ведь не проведешь.

Ленни попятился и бросил отчаянный взгляд на кусты, словно думал убежать. Джордж сказал сурово:

— Дай мне эту мышь, или я тебя сейчас вздую.

— Что тебе дать, Джордж?

— Сам отлично знаешь, черт тебя возьми. Дай мне мышь.

Ленни неохотно полез в карман. Голос у него дрогнул.

— А почему мне нельзя ее оставить? Она ведь ничья. Я ее не украл. Просто нашел на дороге.

Джордж по-прежнему решительно протянул руку. Медленно, как собачонка, которая несет хозяину палку, Ленни подошел, потом попятился, потом подошел снова. Джордж щелкнул пальцами, и Ленни торопливо положил мышь ему в руку.

— Но я ведь ничего плохого не сделал, Джордж. Я просто ее гладил.

Джордж встал и зашвырнул мышь далеко, в темнеющий кустарник, потом подошел к реке и тщательно вымыл руки.

— Дурак полоумный. Думаешь, я не вижу, что у тебя ноги мокрые — ты ж через реку за ней ходил.

Он услышал, что Ленни заскулил, и обернулся.

— Ньюни распустил, как маленький? Ох ты, господи! Такой здоровенный детина — и плачет. — Губы Ленни кривились, глаза были полны слез. — Ну же, Ленни! — Джордж положил руку ему на плечо. — Я отобрал ее у тебя не по злобе. Ведь эта мышь давным-давно уже издохла, и потом, ты ее совсем раздавил, когда гладил. Ну ничего, найдешь другую, живехонькую, так уж и быть, оставишь ее ненадолго.

Ленни сел на землю и понурил голову.

— Тут больше мышей не найдешь. Помню, одна женщина отдавала мне мышей, как поймает. Но ее ведь здесь нету.

Джордж усмехнулся.

— Одна женщина? И ты не помнишь даже, кто она такая. А ведь это была твоя тетка Клара. Она потом перестала тебе их давать. Ты же всегда их убивал.

Ленни поднял глаза и печально поглядел на Джорджа.

— Они такие малюсенькие, — сказал он виновато. — Я их гладил, а потом они кусали меня за палец, и чуть только им голову прижмешь, они сразудохнут, потому что они такие малюсенькие. Поскорей бы у нас были кролики, Джордж. Они не такие малюсенькие.

— К черту кроликов. Тебе нельзя давать живых мышей. Тетка Клара купила тебе резиновую мышь, но ее ты не захотел взять.

— Ее не так приятно гладить, — сказал Ленни.

Багрянец заката слинял с горных вершин, и сумерки сползли в долину, а меж ив и сикоморов уже царил полумрак. Крупный карп всплыл на поверхность заводи, глотнул воздуха и снова погрузился в таинственную темную воду, оставив на ее глади разбегающиеся круги. Листва снова зашелестела, и с ив в воду слетел белый пух.

— Принесешь ты наконец хворост? — спросил Джордж. — Вон у того сикомора целая куча сучьев, после разлива остались. Тащи скорей.

Ленни пошел к дереву и принес охапку сухих сучьев и листьев. Он бросил ее на старое кострище, сходил к дереву еще раз, потом еще. Была уже почти ночь. Над водой с шумом пролетел лесной голубь. Джордж подошел к куче и поджег листья. Сучья затрещали и занялись. Джордж развернул одеяло и вынул три банки фасоли. Он поставил их у самого костра, но так, чтобы огонь их не касался.

— Этой фасоли хватило бы на четверых, — сказал он.

Ленни смотрел на него, стоя по другую сторону костра. Он сказал упрямо:

— Я люблю фасоль с кетчупом.

— Но у нас нет кетчупа! — рассердился Джордж. — Вечно ты хочешь того, чего нету. Боже праведный, будь я один, я бы и горя не знал. Работал бы себе спокойно. Никаких забот, получал бы каждый месяц свои пятьдесят монет, ехал в город и покупал, чего хотел. А ночь проводил бы с девчонками. И обедал бы, где хотел, в гостинице или еще где, и заказывал бы, чего только в голову взбредет. Каждый месяц. Брал бы целый галлон виски да играл бы в карты или на бильярде.

Ленни присел на корточки и глядел поверх костра на рассерженного Джорджа. Лицо у него перекопилось от страха.

— А так, что у меня есть? — продолжал Джордж все яростней. — У меня есть ты! И через тебя я все время теряю работу. Через тебя я все время мыкаюсь по стране. И это еще не самое худшее. Ты то и дело попадаешь в беду. Натворишь чего-нибудь, а я тебя вызволяй.

Голос его возвысился почти до крика.

— Ты полоумный сучий сын. Через тебя я все время как на иголках!

И он передразнил Ленни, как передразнивают друг друга маленькие девчонки:

— «Я только хотел потрогать ее платье, только хотел погладить, как мышку...» Но откуда ей, к чертовой матери, знать, что только потрогать? Она — вырываться, но ты ухватил ее, как мышь. Она — в крик... Вот и просидели мы в канаве целый день, а стемнело, мы дали деру, помнишь? И так всегда, всегда! Посадить бы тебя в клетку да напустить туда этих самых мышей, радуйся тогда сколько влезет!

И вдруг злоба схлынула. Он глянул поверх костра на страдальческое лицо Ленни, а потом, устыдясь, стал смотреть на огонь.

Совсем стемнело, лишь костер освещал стволы и кривые ветки деревьев. Ленни медленно и осторожно пополз на четвереньках вокруг костра, пока не очутился рядом с Джорджем. Он присел на корточки. Джордж повернул банки другим боком к огню. Ленни он будто и не замечал.

— Джордж, — окликнул его тот едва слышно. Ответа не было. — Джордж.

— Ну, чего тебе?

— Я просто пошутил, Джордж. Я не хочу кетчупа. Я бы не стал есть кетчуп, даже ежели б он был вот здесь, прямо передо мной.

— Но ведь ты его любишь.

— Все равно не хочу, Джордж. Тебе бы отдал. Сам бы и не притронулся.

Джордж все так же угрюмо смотрел в огонь.

— Подумать только! До чего хорошо мне жилось бы без тебя! Рехнуться можно! А с тобой ни минуты покоя.

Ленни все еще сидел на корточках. Он поглядывал в темную даль за рекой.

— Джордж, ты хочешь, чтоб я ушел?

— Куда ты, на хрен, пойдешь?

— Вон туда, в горы. Найду какую-нибудь пещеру.

— Да? А жрать чего будешь? У тебя ведь не хватит соображения, даже чтоб раздобыть себе жратву.

— Что-нибудь раздобуду, Джордж. Мне ведь не нужна вкусная еда с кетчупом. Буду лежать на солнышке, и никто меня не тронет. А найду мышь, оставлю себе. И никто ее не отнимет.

Джордж бросил на него быстрый испытующий взгляд.

— Обиделся, да?

— Ежели я тебе не нужен, пойду в горы да сыщу пещеру. Могу хоть сейчас уйти.

— Нет... Послушай, Ленни, я просто пошутил. Конечно, я хочу, чтоб ты остался со мной. Вся беда в том, что ты всегда давишь этих мышей.— Он помолчал.— Знаешь, что, Ленни, как выпадет случай, подарю тебе щенка. Может, его не задавишь. Щенок лучше, чем мышь. И гладить его можно крепче.

Но Ленни не попался на удочку. Он знал, чем пронять Джорджа.

— Ежели я тебе не нужен, ты скажи, я уйду прямо в горы и буду жить один. И никто не отнимет у меня мышь.

Джордж сказал:

— Я хочу, чтоб ты остался со мной, Ленни. Господи, если я тебя брошу, ведь тебя же кто-нибудь примет за койота да подстрелит. Нет уж, оставайся. Твоя тетка Клара, покойница, огорчилась бы, узнай она, что ты убежал.

Ленни вкрадчиво попросил:

— Расскажи мне... как тогда...

— Про что рассказать?

— Про кроликов.

— Не морочь мне голову,— огрызнулся Джордж.

— Ну, Джордж, расскажи. Пожалуйста, Джордж. Как тогда! — взмолился Ленни.

— Стало быть, нравится? Ну ладно, слушай, а уж потом поужинаем...

Голос Джорджа потеплел, смягчился. Он произносил слова чуть нараспев, но быстро, видимо, рассказывал об этом не в первый раз.

— Люди, которые батрачат на чужих ранчо, самые одинокие на свете. У них нет семьи. Нет дома. Придут на ранчо, отработают свое, а потом — в город, денежки проматывать, и глядишь, уж снова на другое ранчо подались. И в будущем у них ничего нет.

Ленни ловил каждое слово.

— Во-во, правильно. А теперь расскажи про нас.

Джордж продолжал:

— Но мы совсем не то, что они. У нас есть будущее. И тебе и мне есть с кем поговорить, о ком позаботиться. Нам незачем сидеть в баре и накачиваться виски только потому, что больше некуда деваться. Иной человек попадает в тюрьму и может сгнить там — никто и пальцем не шевельнет. Другое дело — мы.

— «Другое дело — мы! — подхватил Ленни. — А почему? Да потому... потому, что у меня есть ты, а у тебя есть я, вот почему». — Он радостно засмеялся. — Говори же, Джордж, говори!

— Но ведь ты и так все знаешь наизусть. Можешь и сам рассказать.

— Нет, ты. Вдруг я чего-нибудь позабуду. Расскажи, как оно будет.

— Ну уж ладно. Когда-нибудь мы подкопим денег да купим маленький домик, несколько акров земли, корову, свиней и...

— «И будем сами себе хозяева! — воскликнул Ленни. — И заведем кроликов». Говори дальше, Джордж! Про наш сад, и про кроликов в клетках, и про дожди зимой, и про печь, и какие густые сливки мы будем снимать с молока — хоть ножом режь. Расскажи, Джордж.

— Отчего ж не сам? Ведь ты все знаешь.

— Нет... лучше ты. У меня так не выходит... Говори, Джордж. Про то, как я буду кормить кроликов.

— Так вот, — сказал Джордж. — У нас будет большой огород, и кролики, и цыплята. А зимой, в дождь, мы плюнем на работу, затопим печь, станем сидеть себе около нее да слушать, как дождь стучит по крыше... А, черт! — Он вынул из кармана перочинный нож. — Дальше некогда рассказывать. — Он вскрыл ножом одну жестянку и передал ее Ленни. Потом вскрыл вторую. Из бокового кармана он достал две ложки и одну дал Ленни.

Они уселись у костра и стали дружно жевать, набивая рты бобами. Несколько бобов выпали у Ленни изо рта. Джордж ткнул в его сторону ложкой.

— Что ты скажешь завтра, когда хозяин спросит тебя о чем-нибудь?

Ленни перестал жевать, сглотнул. Лицо его стало сосредоточенным.

— Я... я... буду молчать.

— Молодец! Вот это здорово, Ленни. Никак, ты поумнел. Заведем ранчо, и, так и быть, присматривай за кроликами. Только больше ничего не забывай.

У Ленни дух захватило от радости.

— Я буду помнить,— сказал он.

Джордж снова взмахнул ложкой.

— Послушай, Ленни. Оглядишь хорошенько. Можешь ты запомнить это место? Ранчо вот там, в четверти мили отсюда. Нужно все время идти вдоль реки.

— Конечно,— сказал Ленни.— Я могу запомнить. Ведь я запомнил, что нужно молчать.

— Конечно, запомнил. Так вот, Ленни, если ты чего натворишь, как раньше, сразу же бегом сюда и затаись в кустах.

— Затаись в кустах,— медленно повторил Ленни.

— Да, затаись в кустах и жди меня. Запомнишь?

— Конечно, Джордж. Затаиться в кустах и ждать тебя.

— Но гляди, если что натворишь, не позволю тебе кормить кроликов.

Он швырнул пустую жестянку в кусты.

— Я ничего не натворю, Джордж. Я буду молчать.

— Ладно. Тащи свое одеяло к костру. Здесь хорошо спать. Видны небо и листья. Не подбрасывай больше хвосту. Пускай костер помаленьку угасает.

Они расстелили одеяла на песке. Костер догорал, и круг света суживался; кроны деревьев исчезли в темноте, и проступали лишь толстые стволы, Ленни спросил:

— Джордж, ты спишь?

— Нет. Чего тебе?

— Давай заведем кроликов разных мастей.

— Само собой,— отозвался Джордж сонно.— Красных, и синих, и зеленых кроликов, Ленни. Милльоны всяких кроликов.

— И чтоб пушистые, Джордж, такие, как на ярмарке в Сакраменто.

— Да, пушистые, само собой.

— Но ведь я могу и уйти, Джордж, буду жить в пещере.

— И к черту тоже можешь уйти,— сказал Джордж.— А теперь заткнись.

Раскаленные уголья постепенно угасали. За рекой, в горах, завыл койот, с другого берега отозвалась собака. Легкий ночной ветерок шевелил листья сикоморов.

* * *

Длинный, прямоугольником, барак. Стены внутри побеленные, пол некрашеный. В трех стенах — маленькие квадратные оконца, а в четвертой — тяжелая дверь с деревянной щеколдой. По стенам восемь коек, пять из них застелены одеялами, а на трех — лишь холстинные тюфяки. Над каждой койкой прибит ящик из-под яблок, нечто вроде полки для вещей постояльца. И полки эти завалены всякой всячиной — мылом и пачками талька, бритвами и ковбойскими журналами; на ранчо их так любят читать, и хотя смеются над ними, но втайне верят каждому слову. А еще на полках лекарства в пузырьках и гребни; кое-где на гвоздях, вбитых рядом, висят галстуки. В углу — черная чугунная печь, труба ее выходит наружу прямо через потолок. Посреди комнаты большой квадратный стол, на нем валяются истрепанные карты, а вокруг вместо стульев расставлены ящики.

Около десяти часов утра солнце заглянуло в одно из оконцев, бросив на пол пыльный сноп света, и в этом свете, словно яркие искры, закружились мухи.

Стукнула деревянная щеколда. Дверь отворилась, и вошел высокий сутулый старик в синих джинсах; в левой руке он держал большую швабру. За ним вошел Джордж, а за Джорджем Ленни.

— Хозяин ждал вас вчера вечером,— сказал старик.— Он здорово разозлился, когда вы не пришли, хотел поставить вас на работу еще нынче утром.

Он вытянул правую руку, и из рукава высунулась круглая, как палка, культя.

— Занимайте вон те две,— сказал он, указывая на койки возле печи.

Джордж шагнул вперед и бросил одеяла на мешок с соломой, служивший тюфяком. Он оглядел полку и взял с нее маленькую желтую баночку.

— Послушай, а это что такое?

— Не знаю,— ответил старик.

— Здесь написано «Лучшее лекарство от вшей, тараканов и других паразитов». Куда ты нас привел? Нам такая живность ни к чему.

Старый уборщик сунул швабру под мышку, протянул руку и взял баночку.

— Вот какое дело,— сказал он, помолчав.— Последним здесь спал один кузнец, славный малый, и чистюля, каких поискать. Мыл руки даже после еды.

— Так где ж он вшей-то набрался? — Джордж постепенно закипал злобой. Ленни положил свои одеяла на соседнюю койку и сел. Он глядел на Джорджа, открыв рот.

— Понимаешь,— сказал старик.— Этот самый кузнец, Уайти, был такой чудаковат, что сыпал порошок, даже ежели клопов не было — просто так, для верности. И еще вот что делал... Всегда чистил за столом вареную картошку и каждое пятнышко соскребал, прежде чем съесть. И ежели на крутом яйце красные пятнышки, он их тоже соскребал. Он и ушел-то из-за харчей. Вот он какой был чистюля и наряжался каждое воскресенье, галстук и то наденет, а потом сиднем сидит здесь, в бараке, никуда не идет.

— Что-то не верится,— сказал Джордж подозрительно.— Из-за чего, говоришь, он ушел?

Старик положил баночку в карман и поскреб костяшками пальцев свои щетинистые щеки.

— Ну... просто ушел... как все люди уходят... Сказал, что из-за харчей. Наверно, хотел место поменять. Ни об чем другом не сказал, только об харчах. Просто однажды вечером говорит: «Давайте расчет»,— как и все люди.

Джордж поднял тюфяк и заглянул под него. Наклонился, внимательно осмотрел холстину. Ленни тотчас встал и сделал то же самое. Джордж наконец как будто успокоился. Он развернул одеяла и положил на полку бритву, кусочек мыла, гребень, пузырек с пилюлями, мазь и ремень. Потом аккуратно застелил койку одеялом. Старик сказал:

— Хозяин, наверно, сейчас придет. Ну и разозлился же он нынче утром, когда узнал, что вас нет. Мы как раз завтракали, а он приходит и говорит: «Где же эти новые, черт бы их взял?» И конюху от него крепко досталось.

Джордж расправил складку на одеяле и сел.

— Конюху досталось? — переспросил он.

— Ну да. Понимаешь, конюх у них негр.

— Негр?

— Ну да. Славный малый. С тех пор, как его лошадь лягнула, он горбатый. Хозяин всегда на нем зло срысывает. А ему плевать. Все читает книжки. У него пропасть книжек.

— А ваш хозяин что за человек? — спросил Джордж.

— Славный малый. Иногда, правда, зверь зверем, а так ничего, славный малый. Знаешь, что он сделал на Рождество? Принес ведро виски и говорит: «Пей, ребята, вволю. Рождество бывает раз в году».

— Вот это здорово! Неужто ведро?

— Да, брат. Ну и потеха пошла. Негра тоже позвали. А один погонщик, Кузнечик по прозвищу, хилый такой, стал задирать его. Вот дело было! Ребята не позволили Кузнечику драться ногами, и негр ему всыпал. Кузнечик говорит, что убил бы негра, ежели б разрешили бить ногами. Но ребята сказали, что раз негр горбатый, ногами не бить. — Он замолчал, припоминая. — А потом они поехали в Соледад и здорово там повеселились. Я не поехал. Где уж мне на старости лет.

Ленни тем временем застелил свою койку. Снова поднялась деревянная щеколда, и дверь отворилась. Вошел маленький, коренастый человек, остановился на пороге. На нем были синие джинсы, шерстяная рубашка, черный незастегнутый жилет и такой же черный пиджак. Большие пальцы он заткнул за пояс с квадратной стальной пряжкой. На голове у него была засаленная широкополая шляпа, на ногах — башмаки на высоких каблуках и со шпорами, которые он носил, чтобы выделиться среди простых работяг.

Старик, увидев его, шаркая попятился к двери, потирая на ходу щеку.

— Эти двое только что пришли, — сказал он и проскользнул мимо хозяина за дверь.

Хозяин вошел в комнату, мелко перебирая толстыми ногами.

— Я написал Марри и Реди, что мне нужны два человека сегодня с утра. Документы при вас?

Джордж полез в карман, достал два листка и протянул их хозяину.

— Выходит, Марри и Реди не виноваты. Здесь написано, что вы должны выйти на работу сегодня с утра.

Джордж глядел себе под ноги.

— Шофер автобуса завез нас не в ту сторону, — сказал он. — Пришлось тащиться пешком десять миль. Он сказал, что до ранчо рукой подать, а оказывается, вон как далеко. И попутных машин все утро не было.

Хозяин прищурился.

— А мне пришлось послать в поле на двух человек меньше. Теперь уж до обеда вам нету смысла идти.

Он достал из кармана записную книжку и открыл ее там, где она была заложена карандашом. Джордж бросил на Ленни многозначительный взгляд, и Ленни кивнул, показывая, что понял. Хозяин послунил карандаш.

— Имя, фамилия?

— Джордж Милтон.

— А ты?

— Он — Ленни Хили.

Хозяин записал обоих в книжку.

— Так вот, сегодня у нас двадцатое число, полдень. — Он закрыл книжку. — А раньше вы где работали?

— Неподалеку от Уида.

— И ты тоже? — спросил хозяин, обращаясь к Ленни.

— Да, и он тоже, — сказал Джордж.

Хозяин с усмешкой указал на Ленни.

— Он, кажется, не очень-то разговорчивый?

— Не очень, зато работающий. И силен как бык.

Ленни улыбнулся.

— Силен как бык, — повторил он.

Джордж бросил на него свирепый взгляд, и Ленни пристыженно понурил голову.

Вдруг хозяин сказал:

— Послушай-ка, Хили. — Ленни поднял голову. — Что ты умеешь делать?

Ленни испуганно поглядел на Джорджа, ожидая помощи.

— Он умеет делать все, что ему велят, — сказал Джордж. — Хорошо управляется с лошадьми. Может ссыпать зерно в мешки, пахать и боронить землю. Словом, он все умеет. Вы его только испытайте.

Хозяин повернулся к Джорджу.

— Так чего ж ты ему не даешь самому сказать? С разъяснениями лезешь!..

Джордж громко перебил его:

— Я же не говорю, что у него ума палата. Нет. Я говорю только, что он работник, каких днем с огнем не сыщешь. Может поднять кипу хлопка весом в добрых четыреста фунтов.

Хозяин нарочито равнодушно спрятал записную книжку в карман. Он засунул большие пальцы рук за пояс и прищурил один глаз.

— Слышь, чего это ты его расхваливаешь?

— А?

— Я спрашиваю, что тебе за дело до этого малого. Ты небось прикарманиваешь его денежки?

— Да нет, что вы. С чего вы взяли, что я его расхваливаю?

— Сроду не видал такой заботы. Я просто хочу знать, какая тебе от этого выгода?

— Он мой... мой двоюродный брат,—сказал Джордж.— Я обещал его мамаше за ним присматривать. Его в детстве лошадь лягнула в голову. Но он малый ничего, хоть и не семи пядей во лбу. Может делать все, что ему велят.

Хозяин уже повернулся к двери.

— Ну что ж, видит бог, не надобно большого ума, чтоб ссыпать ячмень в мешки. Но смотри, не вздумай морочить меня, Милтон. Я вижу, за тобой нужен глаз да глаз. Отчего вы ушли из Уида?

— Работа кончилась,—поспешно ответил Джордж.

— Какая работа?

— Мы... мы рыли сточную яму.

— Ладно. Только не вздумай меня морочить, тебе это даром не пройдет. Видал я таких умников. После обеда выйдете на работу вместе со всеми, будете ссыпать ячмень в мешки у молотилки. Под началом у Рослого.

— У Рослого?

— Да. Такой высокий, здоровенный детина. Увидите его за обедом.

Он снова повернулся и пошел к двери, но, прежде чем выйти, оглянулся и долго смотрел на обоих.

Шаги его замерли, и Джордж напустился на Ленни:

— Ты должен был молчать! Не разевай пасть! Я б обо всем договорился. Через тебя мы чуть работу не потеряли!

Ленни уныло смотрел в пол.

— Я позабыл, Джордж.

— Позабыл! Ты всегда все забываешь, а я тебя вызволяй.— Джордж плюхнулся на кошку.— А теперь он с нас глаз не спустит! Не дай бог проштрафимся. Теперь уж не смей и рта раскрыть.

Он угрюмо умолк.

— Джордж...

— Ну, чего тебе еще?

— Меня ведь никакая лошадь не лягала...

— И очень жаль,—сказал Джордж со злостью.— Это всех избавило бы от хлопот.

— А еще, Джордж, ты сказал, что я твой двоюродный брат.

— Конечно, это неправда. К моему счастью. Будь я твоим родичем, я б застрелился.— Он вдруг замолчал,

быстро подошел к двери и выглянул наружу.— А ты какого дьявола здесь подслушиваешь?

В барак медленно вошел старик. В руке он держал швабру. Следом за ним, ковыляя, вошла овчарка с седой мордой и бельмастыми от старости глазами. Овчарка добрела до стены и улеглась, тихо ворча и вылизывая свою седую, изъеденную блохами шкуру. Старик долго глядел на нее.

— Я не подслушивал. Просто остановился на минутку в тени и погладил собаку. Я только что кончил прибираться в умывальной.

— Нечего совать нос в наши дела,— сказал Джордж.— Терпеть не могу любопытных.

Старик смущенно взглянул на Джорджа, потом на Ленни, потом снова на Джорджа.

— Я только что подошел,— сказал он.— Не слышал ни слова, об чем вы тут говорили. Меня это вовсе не интересует. На ранчо не принято подслушивать и задавать вопросы.

— И правильно,— сказал Джордж, смягчившись.— А не то и вылететь недолго.— Но, видно, он поверил оправданиям старика.— Сядь, посиди с нами,— сказал он.— Какая старая у тебя собака.

— Да. Я взял ее еще щенком. Хорошая была овчарка. Он поставил швабру у стены и тыльной стороной ладони потер белую щетину на щеке.

— Ну, как вам хозяин? — спросил он.

— Ничего. Хороший человек.

— Славный малый,— согласился старик.— Он только с виду такой сердитый.

В барак вошел молодой мужчина, худощавый, смуглолицый, с карими глазами и густыми вьющимися волосами. На левой руке — рукавица, а на ногах, как и у хозяина, башмаки с высокими каблуками.

— Не видали моего старика? — спросил он.

— Он только что был здесь, Кудряш,— сказал уборщик.— Наверно, пошел на кухню.

— Пойду догоню,— сказал Кудряш.

Тут он заметил незнакомых людей и остановился. Злобно поглядел на Джорджа, потом на Ленни. Руки его медленно согнулись в локтях, кулаки сжались. Он весь набычился и слегка присел. Теперь он бросил на них одновременно оценивающий и вызывающий взгляд. Ленни съежился и робко переминался с ноги на ногу. Кудряш грозно направился к нему.

— Вы, стало быть, и есть те новенькие, которых ждал мой старик?

— Только что пришли,— ответил Джордж.

— Пусть говорит вот этот верзила.

Ленни в растерянности съежился еще больше.

— А если он не хочет? — сказал Джордж.

Кудряш резко повернулся к нему.

— Раз спрашиваю, должен отвечать! Ты-то чего суешься?

— Мы с ним вместе работаем,— сказал Джордж угрюмо.

— Вот как!

Джордж весь напрягся, но не шелохнулся.

— Да, вот так.

Ленни беспомощно поглядел на Джорджа: что делать?

— И ты не позволяешь ему говорить, что ли?

— Пускай говорит, если хочет чего сказать.

— Мы только что пришли,— тихо сказал Ленни.

Кудряш смерил его тяжелым взглядом.

— Так вот, в другой раз отвечай, когда спрашивают.

Он повернулся и пошел. Руки его были все еще слегка согнуты в локтях.

Джордж проводил его взглядом, потом посмотрел на старика.

— Слушай, какого черта ему надо? Ленни ему ничего не сделал.

Старик опасливо покосился на дверь, чтобы убедиться, не подслушивает ли кто.

— Это хозяйский сын,— сказал он тихо.— Ловко дерется. Боксом занимался. Выступал в легком весе, ловко дрался.

— Ну и пусть,— сказал Джордж.— Нечего ему приставать к Ленни. Ленни ему ничего не сделал. Что он имеет против него?

Старик подумал немного.

— Ну... вот какое дело... Кудряш, как и все недомерки, терпеть не может здоровяков. Так и лезет в драку. Видно, они его бесят, потому что ростом выше. Ты, наверно, не раз видел таких. Все время задираются.

— Конечно,— сказал Джордж.— Я на этих драчунов-недомерков насмотрелся. Но Кудряш пусть не рассчитывает, что Ленни ему спустит. Ленни не очень-то ловкий, но этому сопляку крепко врежет, ежели тот сунется.

— Ну, а Кудряш-то ловкач из ловкачей,— возразил старик.— Любого вокруг пальца обведет. Положим, пристанет к здоровяку и вздует его. Тогда всякий скажет:

«Молодчина этот Кудряш». Ну, а положим, его самого вздуют. Тогда все скажут: вот связался черт с младенцем, и, может, даже всем скопом вздуют того, здорового. И опять Кудряш в выигрыше. Ни с кем-то он по-честному не дерется.

Джордж посмотрел на дверь и сказал с угрозой:

— Ну, пускай лучше держится от Ленни подальше. Ленни не драчун, но он сильный, хотя хитростей этих всяких не знает.

Он подошел к столу и сел на один из ящиков. Собрал карты, стасовал.

Старик присел на другой ящик.

— Не передавай Кудряшу, что я говорил. Он с меня шкуру спустит. Ему что! Его-то за решетку не посадят. У него отец — шишка.

Джордж стасовал колоду и начал переворачивать карты, глядя на каждую и бросая ее в кучу.

— Сдается мне, что этот Кудряш — просто сучий сын, — сказал он. — Не люблю злобную мелюзгу.

— Он еще хуже стал в последнее время, — сказал старик. — Женился недели две назад. Живет с женой в хозяйском доме. И с тех пор совсем осатанел.

— Может, перед женой храбрость свою показать хочет, — проворчал Джордж.

Старик обрадовался случаю посплетничать.

— Видал рукавицу у него на левой руке?

— Да. Видал.

— Так вот, она вся пропитана вазелином.

— Вазелином? На кой шут?

— Вот дело какое... Кудряш говорит, что эту руку он для своей супружницы умягчает.

Джордж внимательно рассматривал карты.

— И не стыдно ему про это языком трепать!

Старик оживился. Он все-таки заставил Джорджа сказать плохое о хозяйском сынке. Теперь ему нечего было опасаться, и он разоткровенничался.

— Вот погоди, увидишь его супружницу.

Джордж снова стасовал карты и стал медленно, старательно раскладывать пасьянс.

— Хорошенькая? — спросил он небрежно.

— Да, хорошенькая... Но...

Джордж внимательно рассматривал карты.

— Что «но»?

— Мужчинам глазки строит.

— Да ну? Две недели как замужем и уже глазки? Может, поэтому Кудряш и осатанел?

— Я видел, как она с Рослым заигрывала. Рослый у нас — старший возчик. Славный малый. Ему не надобно носить башмаки на высоких каблуках, его и так слушаются. Так вот, я видел, как она с ним заигрывала. А Кудряш не видел. И с Карлсоном тоже.

Джордж притворился, будто ему неинтересно.

— Кажется, предстоит потеха.

Старик встал с ящика.

— Знаешь, что мне сдается? — Джордж не ответил. — Сдается мне, что Кудряш женился на... потаскушке.

— Не он первый, не он последний, — отозвался Джордж.

Старик поплелся к двери. Старая собака подняла голову, огляделась, потом с трудом встала на ноги, собираясь идти за ним.

— Надо налить для ребят воду в умывальник. Они скоро придут. Вы ячмень ссыпать будете?

— Да.

— Смотрите же, не говорите ничего Кудряшу.

— Само собой, не скажем.

— Так вот, ты приглядишься к ней. Сам увидишь, потаскушка она или же нет.

Он вышел за дверь на яркий солнечный свет.

Джордж задумчиво раскладывал карты по три. Потом прикрыл туза четверкой треф. Сноп солнечных лучей падал теперь на пол, и мухи проносились сквозь него, как искры. Снаружи слышалось позвякивание сбруи и кряхтение тяжело груженных повозок. Издали донесся звонкий крик:

— Конюх, эй, конюх! Куда запропастился этот черномазый?

Джордж посмотрел на свой пасьянс, потом смешал карты и повернулся к Ленни. Ленни лежал на койке и глядел на него.

— Слышь, Ленни! Неладно здесь. Я что-то опасаюсь. Из-за этого Кудряша ты попадешь в беду. Видал я таких. Он вроде бы тебя прощупывал. Решил, что ты испугался, и теперь при первом случае станет бить.

Глаза у Ленни расширились от страха.

— Не хочу я попасть в беду, — сказал он жалобно. — Не давай ему бить меня, Джордж.

Джордж встал, подошел к Ленни и сел на его койку.

— Терпеть не могу таких гадов, — сказал он. — Я их много перевидал. Как сказал этот старик, Кудряш ничем

не рискует. Он всегда в выигрыше.— Джордж помолчал, размышляя.— Если он будет тебя задирать, Ленни, придется нам отсюда уйти. Это яснее ясного. Он хозяйский сынок. Слышь, Ленни. Постарайся держаться от него подальше, ладно? Никогда с ним не разговаривай. Если он придет сюда, сразу уходи в другой конец барака. Ладно, Ленни?

— Не хочу попасть в беду,— скулил Ленни.— Я его не трогал.

— Ну, это не поможет, если Кудряш захочет показать свою храбрость. Просто держись от него подальше. Запомнишь?

— Конечно, Джордж. Я должен молчать.

Шум приближался, нарастал — стучали копыта по твердой земле, скрипели колеса и звякала упряжь. Люди перекликались меж собой. Джордж, сидя на койке подле Ленни, в задумчивости хмурился. Ленни спросил робко:

— Ты не сердишься, Джордж?

— На тебя — нет. Сержусь на этого подлого Кудряша. Я надеялся, что мы заработаем здесь хоть сотню долларов.— В голосе его зазвучала решимость.— Держись подальше от Кудряша, Ленни.

— Конечно, Джордж. Я буду молчать.

— Не допускай, чтоб он втравил тебя в драку, но, уж коли этот сучий сын полезет к тебе, дай ему хорошенько.

— Что ему дать, Джордж?

— Ну ладно, неважно. Я тебе тогда скажу. Не переносу этаких подлецов. Слышь, Ленни, ежели случится беда, ты помнишь, что я тебе говорил?

Ленни приподнялся на локте. Лицо напряглось. Потом он печально посмотрел Джорджу в глаза.

— Ежели случится беда, ты не позволишь мне кормить кроликов.

— Да я не об этом. Помнишь, где мы сегодня ночевали? Ну, возле реки?

— Да. Помню. Ну конечно, помню! Я должен побежать туда и спрятаться в кустах.

— И сиди там, покуда я за тобой не приду. Только чтоб тебя никто не видал. Спрячешься в кустах у реки. Повтори.

— Спрячусь в кустах у реки, в кустах у реки.

— Ежели случится беда.

— Ежели случится беда.

Снаружи заскрипела повозка. Раздался крик:

— Ко-о-нюх! Э-э-й, конюх!

Джордж сказал:

— Повторяй время от времени про себя, Ленни, чтоб не позабыть.

Оба подняли головы: прямоугольник света в дверях вдруг померк. На пороге стояла молодая женщина: полные, накрашенные губы и большие, сильно подведенные глаза, ярко-красные ногти. Волосы ниспадали мелкими локонами-колбасками. На ней было бумажное домашнее платье и красные домашние туфли, над которыми торчали пучки красных страусовых перьев.

— Я ищу Кудряша,— сказала она.

Голос у нее был какой-то ломкий и чуть в нос.

Джордж отвернулся, потом снова поглядел на нее.

— Он был здесь минуту назад, но куда-то ушел.

— А! — Она заложила руки за спину и прислонилась к дверному косяку, слегка пригнув голову.— Вы новенькие. Только что пришли, да?

Ленни оглядел ее с головы до ног, и она, хотя, казалось, не смотрела на него, едва заметно приподняла голову. Потом поглядела на свои ногти.

— Кудряш иногда заходит сюда,— объяснила она.

— Но сейчас его здесь нету,— сказал Джордж решительно.

— Если нету, поищу где-нибудь еще,— сказала она игриво.

Ленни смотрел на нее, как замороженный.

— Увижу его, скажу, что вы его искали,— проговорил Джордж.

Она лукаво улыбнулась и качнулась вперед всем телом.

— Что ж, мне его уж и поискать нельзя? — сказала она. Позади нее раздались шаги. Она обернулась.

— А, Рослый, здравствуй,— сказала она.

За дверью слышался голос Рослого:

— Здравствуй, красуля.

— Я ищу Кудряша.

— Плохо ты его ищешь. Я видел, он пошел домой.

Она вдруг забеспокоилась.

— Пока, ребята,— бросила она через плечо и поспешила прочь.

Джордж посмотрел на Ленни.

— Господи, ну и штучка,— сказал он.— Так вот какую супружницу выбрал себе Кудряш.

— Она хорошенькая,— будто оправдываясь, сказал Ленни.

— Да, хоть и строит из себя невесть что. У Кудряша

еще будет с ней хлопот полон рот. Провалиться мне, ежели ее не сманят за двадцать долларов.

Ленни все смотрел на дверь, возле которой она только что стояла.

— Ей-ей, она хорошенькая.

Он восторженно улыбнулся.

Джордж быстро взглянул на Ленни и сильно дернул его за ухо.

— Слышь, ты, дурак полоумный,— сказал он со злобой.— Не смей даже глядеть на эту суку. Что бы она ни сделала и что бы ни сказала! Видал я таких! Через нее живо за решетку угодишь! Держись от нее подальше.

Ленни попытался освободить ухо.

— Я ничего не сделал, Джордж.

— Известно, не сделал. Но когда она стояла у двери и выставила напоказ свои ноги, ты не отвернулся.

— Я ничего плохого не думал, Джордж. Честное слово, не думал.

— Так вот, держись от нее подальше, потому что через нее в два счета пропадешь, а уж я в бабах толк знаю. Пускай Кудряш отдувается. Сам виноват. Перчатка с вазелином! — сказал Джордж презрительно.— Небось он и сырые яйца глотает да выписывает по почте всякие патентованные снадобья.

— Мне здесь не нравится, Джордж! — воскликнул вдруг Ленни.— Это плохое место. Я хочу уйти отсюда.

— Ничего не поделаешь, Ленни. Надо обождать, пока денег не заплатят. Мы уйдем, как только можно будет. Мне самому здесь нравится не больше, чем тебе.— Он вернулся к столу и снова принялся за пасьянс.— Нет, не нравится мне здесь,— повторил он.— И я сам убрался бы отсюда с превеликим удовольствием. Вот только накопим малость денег и непременно уйдем, доберемся до верховий Миссисипи и станем золото мыть. Может, будем тогда зарабатывать по несколько долларов в день, вот и накопим.

Ленни живо наклонился к нему.

— Уйдем, Джордж. Уйдем отсюда. Здесь плохо.

— Придется обождать,— обронил Джордж отрывисто.— А теперь помолчи. Сюда идут.

Из умывальной послышался плеск воды и звон тазов. Джордж разглядывал карты.

— Пожалуй, не мешало бы и нам умыться,— сказал он.— Но мы ведь не пачкались.

В дверях появился высокий человек. Под мышкой он держал измятую шляпу, свободной рукой расчесывал длин-

ные черные мокрые волосы. Как и все, он носил синие джинсы и короткую бумажную куртку. Причесавшись, он переступил порог с королевским достоинством, видно, это был не последний человек на ранчо. Служил он старшим возчиком и мог управлять разом десятью, шестнадцатью, а то и двадцатью мулами, мог убить кнутом муху на крупе коренника, не причинив ему ни малейшей боли. Держался он спокойно и величественно; стоило ему заговорить, и все сразу же умолкали. Авторитет его был велик, и ему всегда принадлежало решающее слово, шла ли речь о политике или любовном приключении. Звали старшего возчика Рослый. Моложавого, продолговатого лица, казалось, не коснулись годы. Ему можно было дать и тридцать пять, и все пятьдесят. Он умел угадывать недосказанное, говорил медленно и веско, со знанием дела. Руки его, длинные и тонкие, всегда двигались изящно, как в индийском танце.

Он разгладил мятую шляпу, заломил тулью и надел. Потом дружелюбно посмотрел на двоих незнакомцев.

— На дворе солнце вовсю светит,— сказал он приветливо.— А здесь ни зги не видать. Вы новые?

— Только что пришли,— ответил Джордж.

— Будете сыпать ячмень?

— Так велел хозяин.

Рослый сел на ящик напротив Джорджа. Он оглядел пасьянс, лежавший к нему вверх ногами.

— Давайте ко мне, ребята,— сказал он дружелюбно.— А то у меня есть там несколько молокососов, не отличат мешка с ячменем от воздушного шара. Вы, ребята, когда-нибудь сыпали ячмень?

— А как же,— сказал Джордж.— Мне-то, правда, хвататься нечем, но вот этот малый один может сыпать больше зерна, чем иные вдвоем.

Ленни, который слушал разговор и переводил взгляд с одного на другого, самодовольно улыбнулся, услышав похвалу. Рослый одобрительно посмотрел на Джорджа — ему похвала тоже понравилась. Потом он наклонился над столом и взял за уголок карту, лежавшую в стороне.

— Вы, ребята, всегда работаете вместе?

Говорил он все так же дружески. Он располагал к откровенности, хоть и не был назойлив.

— Ну да,— сказал Джордж.— Помогаем друг другу.— Он указал на Ленни пальцем.— Ленни у меня не шибко-то соображает. Но работает — будь здоров. Славный малый, только вот не соображает. Я его давно знаю.

Рослый поглядел куда-то мимо Джорджа.

— У нас люди редко друг друга держатся,— сказал он задумчиво.— Не знаю почему. Может, в этом проклятом мире все боятся друг друга.

— Вдвоем куда лучше,— сказал Джордж.

В комнату вошел пузатый крепыш. С головы его еще стекала вода после умывания.

— Привет, Рослый,— сказал он и замолчал, разглядывая Джорджа и Ленни.

— Это новенькие,— сказал Рослый, тем самым как бы представив их.

— Рад познакомиться,— сказал вошедший.— Я Карлсон.

— Я Джордж Милтон. А это вот Ленни Хили.

— Рад познакомиться,— повторил Карлсон.— Не такой уж он хилый.— И он тихонько рассмеялся своей шутке.— Совсем не хилый,— сказал он.— Я у тебя вот что хотел спросить, Рослый. Как там твоя собака? Я не видел ее нынче утром под повозкой.

— Оценилась вчерашней ночью,— ответил Рослый.— Девять щенков. Четверых я сразу же утопил. Ей столько не выкормить.

— Выходит, осталось пять?

— Да, пять. Самые крупные.

— А как думаешь, какой породы?

— Не знаю,— сказал Рослый.— Наверно, овчарки. Когда у нее была течка, тут вокруг все больше такие кобели вертелись.

— Стало быть, у тебя пять щенков,— продолжал Карлсон.— Думаешь всех себе оставить?

— Не знаю. Подержу покудова у себя, пускай Лулу их покормит.

— Слышь, Рослый,— задумчиво сказал Карлсон.— Я вот чего думаю. Собака у нашего Огрызка совсем старая, еле лапы волочит. Да и воняет от нее до невозможности. Зайдет сюда — потом два, а то и три дня вонь не выветривается. Пущай Огрызок ее пристрелит, и дадим ему щенка, пусть растит. А эту суку я за милю чую. Зубов нету, почти слепая, жрать и то не может. Огрызок ее молоком поит. Молоко жевать не надо.

Джордж не сводил глаз с Рослого. На дворе начали бить в железный рельс, сперва медленно, потом все быстрее и быстрее, пока эти удары не слились в сплошной звон. Звон прекратился так же внезапно, как и начался.

— Ну, конец,— сказал Карлсон.

За дверью раздались громкие голоса, и мимо прошла группа мужчин.

Рослый медленно, с достоинством встал.

— Пошли, ребята, тут зевать не приходится. Через две минуты не останется ни крошки.

Карлсон остановился, пропуская Рослого вперед, и оба вышли во двор.

Ленни умоляюще посмотрел на Джорджа. Джордж смешал карты в кучу.

— Да,— сказал Джордж.— Я слышал, Ленни. Я его попрошу.

— Белого с коричневыми пятнами!—воскликнул Ленни.

— Пошли обедать. Не знаю только, есть ли у него белый с коричневыми пятнами.

Ленни неподвижно сидел на своей койке.

— Попроси сейчас, Джордж, а то он и этих тоже утопит.

— Ладно. А теперь пойдем, вставай же наконец.

Ленни прыгнул с койки, и оба пошли к двери. Когда они подошли к порогу, в барак ворвался Кудряш.

— Вы не видали здесь женщину? — спросил он злобно.

— Заходила с полчаса назад,— ответил Джордж.

— Какого дьявола ей здесь надо?

Джордж стоял, спокойно глядя на разъяренного мужчину. Он ответил дерзко:

— Сказала, что вас ищет.

Кудряш словно вдруг увидел Джорджа впервые. Он сверкнул глазами, смерил его взглядом, прикинул расстояние, оглядел его ладную фигуру.

— Ну и куда же она пошла? — спросил он наконец.

— Почем мне знать,— сказал Джордж.— Я ей вслед не глядел.

Кудряш сердито зыркнул, повернулся и быстро пошел к двери.

— Знаешь, Ленни,— сказал Джордж.— Боюсь, как бы не пришлось подправить вывеску этому гаду. Не нравится мне его наглость. Сукин сын! Ну ладно, пойдем. А то ведь нам эдак ничего и не достанется.

Они вышли во двор. Узкая полоска земли под окном была озарена солнцем. Издали доносился стук мисок.

Вскоре старая собака, прихрамывая, вошла в отворенную дверь. Она поглядела вокруг добрыми подслеповатыми глазами. Потом понюхала воздух, легла и положила голову на лапы.

Кудряш вернулся и снова заглянул в дверь. Собака вздрогнула, но как только Кудряш ушел, она снова уронила на лапы свою поседелую голову.

Хотя за окнами барака еще даже не начинало смеркаться, внутри было темно. Через открытую дверь слышался топот ног, одобрителные или насмешливые возгласы и звяканье — играли в подкову.

Рослый и Джордж вдвоем вошли в темный барак. Рослый протянул руку над столом, где валялись карты, и зажег электрическую лампочку. Из-под жестяного абажура на стол упал конус яркого света, а по углам барака по-прежнему густела тьма. Рослый уселся на ящик. Джордж сел напротив.

— Пустяки, не стоит благодарности, — сказал Рослый. — Все равно, наверное, пришлось бы утопить.

— Может, для тебя это пустяк, — сказал Джордж, — а для него это много значит. Ей-ей, не знаю, как и загнать его сюда на ночь. Он ведь ляжет в конюшне, рядом со щенками. Так и норовит залезть к ним в ящик.

— Пустяки, — повторил Рослый. — Ты про него верно сказал. Может, он и не больно много соображает, но работников таких я еще не видывал. Он, когда ссыпал зерно, чуть не до смерти замучил напарника. Никто за ним не поспевал. Господи, первый раз вижу такого силача.

— Ему только скажи, чего делать, — отозвался Джордж гордо, — все выполнит, если соображать не требуется. Сам он, понятно, никакого дела себе не придумает, зато уж чего ему велено, сделает в лучшем виде.

Со двора слышалось звяканье подковы о железную стойку и негромкие одобрителные возгласы.

Рослый чуть отодвинулся со стола, чтобы свет не бил в глаза.

— Странно, что вы с ним всегда вместе.

Этими словами Рослый как бы вызывал Джорджа на откровенность.

— Что ж тут такого странного? — спросил Джордж напрямик.

— Сам не знаю. Люди редко живут так. Я вот сроду не видал, чтоб двое вместе по стране колесили. Сам знаешь, как поступают работники на ранчо — приходят, занимают койку, работают месяц, а потом берут расчет и уходят поодиночке. Им наплевать на других. Потому и странно, что безмозглого вроде него и такого умницу, как ты, водой не разольешь.

— Он не безмозглый,— сказал Джордж.— Он тугодум, но не сумасшедший. Да и я не больно умен, иначе не гнул бы здесь спину за полсотни долларов с харчами. Будь я умен или хоть малость смекалист, у меня было бы свое маленькое хозяйство, и я выращивал бы собственный урожай, вместо того чтоб на других горбить.

Джордж наконец умолк. Он разговорился, ему хотелось говорить еще, а Рослый его не расспрашивал, но и не прерывал. Он просто слушал.

— Это вовсе не странно, что мы с ним всегда вместе,— сказал Джордж после долгого молчания.— Мы оба родом из Оберна. Я знал его тетку Клару. Она взяла его к себе ребенком и вырастила. Тетка померла, и Ленни стал работать со мной. И мы вроде бы привыкли друг к другу.

Рослый хмыкнул.

Джордж поглядел на Рослого и встретил его спокойный независимый взгляд.

— Странно! — сказал Джордж.— Я над ним немало измывался, уж как только не подшучивал, он ведь такой робкий, не может постоять за себя. Он даже не понимает, что над ним смеются. Вот я и забавлялся. Ведь рядом с ним я бог весть какой умник. А он все сделает, что я ему ни велю. Скажу: залезь на вершину горы,— он и полезет. Но потом все это надоело. Он никогда не сердился. Я лупил его почем зря, а ведь он мог переломать мне все кости одной рукой, но никогда и пальцем не тронул.— Голос Джорджа зазвучал проникновенно.— Знаешь, почему я перестал над ним надсмехаться? Как-то раз на берегу Сакраменто собралась толпа. Ну, я от большого ума поворачиваюсь к Ленни да говорю: «Прыгай в воду». И он прыгнул. А плавает он, как топор. Чуть не утоп. Мы его вытащили, и он же нас благодарил. Совсем позабыл, что это я велел ему в воду прыгнуть. С тех пор я такого не делал.

— Он добрый малый,— сказал Рослый.— А добрым быть ума не надо. И даже наоборот, мне иной раз думается: взять по-настоящему умного человека — такой редко окажется добрым.

Джордж собрал в колоду разбросанные карты и принялся раскладывать пасьянс. Снаружи слышались шаги. Предзакатные блики все еще играли на окнах.

— Родни у меня нет,— сказал Джордж.— Я много видал людей, которые ходят с ранчо на ранчо в одиночку. Что ж тут хорошего? Тоска смертная. Да и совсем озвереть можно. Глотку друг другу готовы перегрызть.

— Да, такие звереют,— согласился Рослый.— Нй с кем и разговаривать по-человечески не хотят.

— Правда, с Ленни хлопот не оберешься,— сказал Джордж.— Но что делать, привык к нему, теперь уже не бросишь.

— Но Ленни не озверееет,— сказал Рослый.— Я же вижу, он не из таких.

— Конечно, не из таких, но все время попадает в беду, потому что соображает туго. Вот, скажем, в Уиде...— Джордж вдруг замолчал и замер с картой в руке. Он пристально посмотрел на Рослого.— Ты никому не скажешь?

— А что он натворил в Уиде? — спокойно спросил Рослый.

— Но ты никому не скажешь? Нет, конечно, нет.

— Что же он такого натворил в Уиде? — снова спросил Рослый.

— Ну, увидал он девчонку в красном платье. А этому идиоту если что понравится, тут же надо потрогать. Просто потрогать, только и всего. Вот он и протянул руку чтоб потрогать это красное платье, тут девчонка давай визжать, а Ленни со страху и схватил ее, не знает, чего делать. Девчонка все визжит. Я был неподалеку, услышал ее визг и прибежал. Ленни уже вконец растерялся и все держит ее. Я выдернул из загородки жердину и огрел его по башке — только тогда отпустил. Так напугался, что намертво ей в платье вцепился. А ведь он сильный, как дьявол, сам видел.

Рослый спокойно, не мигая, смотрел на Джорджа. Он медленно кивнул.

— И что же дальше?

Джордж аккуратно уложил карты в ряд.

— Ну, девчонка побежала к судье и кричит, что ее изнасиловали. Мужики в Уиде собрались, чтоб изловить и линчевать Ленни. Пришлось нам до самого вечера отсиживаться в оросительной канаве среди камыша. Только головы высунули из воды. А ночью давай бог ноги.

Рослый немного помолчал.

— А он этой девчонке и впрямь ничего не сделал? — спросил наконец Рослый.

— Да нет же. Просто напугал и все. Я и сам напугался бы, если б он вдруг меня сгреб. Но он ей ничего не сделал. Только хотел потрогать ее красное платье, как вот теперь все время хочет гладить щенков.

— Он не злой,— сказал Рослый.— Я злых за милую чую.

— Конечно, не злой. И сделает все, что я ему...

Тут вошел Ленни. Его синяя куртка была накинута на плечи, и он шагнул, наклонившись вперед.

— Ну как, Ленни? — спросил Джордж. — Нравится тебе щенок?

Ленни ответил на одном дыхании:

— Он белый с коричневыми пятнами, как раз такого я и хотел.

Он пошел прямо к своей койке, лег, отвернулся к стене и подобрал колени.

Джордж аккуратно положил карты на стол.

— Ленни, — сказал он строго.

— А? Чего тебе, Джордж?

— Я ж тебе сказал, чтоб ты не смел приносить щенка сюда.

— Какого щенка, Джордж? У меня нету никакого щенка.

Джордж быстро подошел к Ленни, взял за плечо и заставил повернуться. Он протянул руку и вытащил крошечного щенка, которого Ленни прятал подле себя.

— Отдай мне его, Джордж.

— Ступай и положи щенка назад в ящик, — приказал Джордж. — Он должен спать со своей матерью. Ты что, сгубить его хочешь? Он только вчера родился, а ты уже вынул его из ящика. Сейчас же неси назад, а не то я скажу Рослому, чтоб он его у тебя забрал.

Ленни умоляюще протянул руки к Джорджу.

— Дай, Джордж. Я отнесу его назад. Я не хотел сделать плохо, Джордж. Ей-ей, не хотел. Я только хотел его немножко погладить.

Джордж отдал ему щенка.

— Ладно. Живо тащи его в конюшню и больше не выноси оттуда. А то ты в два счета его придушишь.

Ленни торопливо вышел.

Рослый не двигался с места. Он посмотрел Ленни вслед.

— Господи! — сказал он. — Сущий ребенок, правда?

— Ребенок и есть. Мухи не обидит, только силы на десятерых. Теперь он ночевать уже не придет. Будет спать в конюшне около этого щенка. Ну да ладно, пускай. Там он никому не помешает.

На дворе стемнело. Вошел Огрызок и направился к своей койке; следом за ним плелась его старая собака.

— Привет, Рослый. Привет, Джордж. Вы что, не играли в подкову?

— Надоело — каждый вечер играем, — сказал Рослый.

— Ни у кого не найдется глотка виски, ребята? — спросил Огрызок. — У меня что-то живот разболелся.

— Нет, — сказал Рослый. — А то б я сам выпил, хоть у меня живот не болит.

— До того разболелся, мочи нет, — пожаловался Огрызок. — А все проклятая репа. Знал ведь, чем кончится, а съел.

Со двора, где сгущалась темнота, вошел толстяк Карлсон. Он прошел в дальний конец барака и зажег вторую лампочку под жестяным абажуром.

— Тьма кромешная, — сказал он. — Вот черт, до чего этот черномазый ловко играет.

— Да, играет он лихо.

— Еще бы, — сказал Карлсон. — Никому выиграть не дает... — Он замолчал, потянул носом воздух и, все еще принюхиваясь, поглядел на старую собаку. — Черт, до чего ж псиной разит. Выгони ее отсюда, Огрызок! Хуже нет, когда псиной воняет. Гони ее, тебе говорят.

Старик пододвинулся к краю койки. Он протянул руку, потрепал собаку по голове и сказал виновато:

— Она у меня давно, и совсем я не замечал, чтоб от нее воняло.

— Вот что, я ее здесь терпеть не стану, — сказал Карлсон. — Эта вонь остается надолго. — Он тяжелыми шагами подошел к собаке и поглядел на нее. — Зубов нет, — сказал он, — лапы от ревматизма не гнутся. На кой она тебе сдалась? Ведь она самой себе в тягость. Почему ты ее не пристрелишь?

Старик беспокойно заерзал на койке.

— Ну уж нет! Она у меня давно. Я взял ее еще щенком. Она помогала мне пасти овец, стерегла стадо, — сказал он с гордостью. — Теперь на нее поглядеть, не поверишь, но это была лучшая овчарка в округе.

— Я знавал одного человека в Уиде, — сказал Джордж. — У него был эрдель-терьер, который пас овец. Научился у других собак.

Но от Карлсона нелегко было отделаться.

— Слышь, Огрызок, эта старая сука только зря мучается. Выведи ее во двор и выстрели прямо в башку, — он наклонился и показал куда, — вот в это место, она даже не поймет, что произошло.

Огрызок посмотрел на него грустным взглядом.

— Нет, — сказал он тихо. — Не могу. Ведь она у меня так давно.

— Ей самой свет не мил, — настаивал Карлсон. —

И воняет от нее так, что просто ужас. Ну ладно. Хочешь, я сам ее пристрелю? Избавлю тебя.

Старик спустил ноги с койки, взволнованно поскреб седую щетинистую щеку.

— Но ведь это просто жестоко — смотреть, как она мучается, — сказал Карлсон. — Послушай, у Рослого как раз сука ошенилась. Он даст тебе щенка, правда, Рослый?

Рослый спокойно рассматривал старую собаку.

— Да, — сказал он. — Хочешь, бери щенка. — Он продолжал все живее: — А знаешь, Карлсон прав. Эта собака сама себе в тягость. Ежели я стану таким вот дряхлым калекой, уж лучше пускай меня кто-нибудь пристрелит.

Огрызок беспомощно посмотрел на него, потому что слово Рослого — закон на ранчо.

— Но ведь ей будет больно, — сказал он неуверенно. — А я согласен о ней заботиться.

— Пристрелю так, что она и боли не почувствует. Прицелюсь вот сюда, — сказал Карлсон. Он указал ногой. — Прямо в башку. Она и не рыпнется.

Огрызок переводил взгляд с одного лица на другое — искал поддержки. На дворе уже совсем стемнело. Вошел молодой работник. Плечи пригорбились, шагал он тяжело, словно нес невидимый мешок с зерном. Он подошел к своей койке и бросил шляпу на полку. Потом взял измятый журнал и положил на стол под лампочку.

— Я тебе не показывал, Рослый? — спросил он.

— Что такое?

Вошедший перелистал журнал и ткнул пальцем:

— Читай вот здесь. — Рослый склонился над журналом. — Вслух давай.

— «Уважаемый редактор, — медленно начал Рослый, — я читаю ваш журнал уже шесть лет и уверен, что он самый лучший. Мне нравятся рассказы Питера Рэнда. По-моему, он ловко заливает. Печатайте побольше таких штук, как «Черный всадник». Я не мастак писать письма. Просто решил сообщить всем, что за ваш журнал не жалко отдать пять центов».

Рослый удивленно поднял голову.

— Для чего это было читать?

— Дальше, — сказал Уит. — Прочти подпись внизу.

Рослый прочел:

— «Желаю успеха. Уильям Теннер».

Он снова взглянул на Уита.

— Так для чего ж это было читать?

Уит с важным видом закрыл журнал.

— Неужто ты не помнишь Билла Теннера? Он работал здесь месяца три назад.

Рослый задумался.

— Такой маленький? — спросил он. — Работал на пашне?

— Во-во, он самый! — воскликнул Уит.

— Так ты думаешь, это он написал?

— Я знаю в точности. Как-то раз сидели мы с Биллом здесь, в этой самой комнате. У Билла был свежий номер журнала. Сидит он, читает и, не поднимая головы, говорит: «Я написал письмо в редакцию. Интересно, поместили его или нет?» Но письма там не было. Билл и говорит: «Может, они его еще поместят». Так и вышло. Вот оно.

— Верно, — сказал Рослый. — Вот оно, в журнале.

Джордж протянул руку.

— Можно поглядеть?

Уит снова отыскал нужную страницу, но журнала не отдал. Он ткнул в письмо пальцем. Потом пошел к своей полке и бережно положил туда журнал.

— Любопытно знать, видал ли это сам Билл? — сказал он. — Мы с ним работали вместе на гороховом поле. Билл славный малый.

Карлсон не принимал участия в разговоре. Он все глядел на старую собаку. Огрызок с беспокойством следил за ним. Наконец Карлсон сказал:

— Хочешь, я избавлю ее от страданий сейчас же. И дело с концом. Ничего другого не остается. Жрать она не может, не видит ничего, даже ходить ей больно.

— Но ведь у тебя нет пистолета, — сказал старик с надеждой.

— Как бы не так. Есть, «люгер». Ей не будет больно.

— Может, лучше завтра... Обождем до завтра, — сказал Огрызок.

— А чего ждать? — сказал Карлсон. Он подошел к своей койке, вытащил из-под нее мешок, достал пистолет.

— Надо покончить сразу, — сказал он. — От нее так воняет, спать невозможно.

Он сунул пистолет в боковой карман.

Огрызок бросил на Рослого долгий взгляд, надеясь, что тот заступится. Но Рослый молчал. Тогда Огрызок сказал тихо и безнадежно:

— Ну уж ладно, веди.

На собаку он даже не взглянул. Снова улегся на койку, заложил руки за голову и стал глядеть в потолок.

Карлсон вынул из кармана короткий кожаный ремешок. Он нагнулся и надел ремешок на шею собаки. Все, кроме Огрызка, следили за ним.

— Пошли, милая. Пошли,— сказал он ласково. А потом, как бы извиняясь, обратился к Огрызку: — Она ничего и не почувствует.

Старик не ответил и даже не пошевелился. Карлсон дернул за ремешок.

— Пошли, милая.

Собака с трудом встала и пошла за Карлсоном.

— Слышь, Карлсон,— сказал Рослый.

— А?

— Ты знаешь, что надо сделать?

— О чем это ты?

— Возьми лопату,— отрывисто обронил Рослый.

— Ну, само собой. Понял.

И он вывел собаку в темноту.

Джордж подошел к двери, закрыл, осторожно опустил щеколду. Огрызок недвижно лежал на койке и глядел в потолок.

Рослый громко сказал:

— Там у одного мула копыто треснуло. Надо замазать смолой.

Он замолчал. Снаружи было тихо. Шаги Карлсона замерли. В бараке тоже стало тихо. Тишина затягивалась.

Джордж засмеялся.

— А ведь Ленни сейчас в конюшне со своим щенком. Он теперь сюда и войти не захочет, раз у него щенок есть.

— Огрызок,— сказал Рослый.— Ты можешь взять щенка, какого захочешь.

Старик не ответил. Снова наступила тишина. Она словно выползла из ночной тьмы и заполонила барак.

Джордж сказал:

— Никто не хочет перекинуться в картишки.

— Я бы, пожалуй, сыграл,— сказал Уит.

Они сели за стол, под лампочку, друг против друга, но Джордж не стасовал карты. Он беспокойно забарабанил пальцами по краю стола, и на этот негромкий стук обернулись. Джордж перестал стучать. Снова стало тихо. Прошла минута, другая. Огрызок лежал неподвижно, глядя в потолок. Рослый посмотрел на него, опустил глаза и уставился на свои руки; одной ладонью он прикрыл другую. Из-под пола раздался негромкий скребущий звук, и все сразу повернули головы. Только Огрызок по-прежнему смотрел в потолок.

— Похоже, крыса,— сказал Джордж.— Надо поставить крысоловку.

Уит наконец не выдержал:

— И чего он там возится? Ну, сдавай же карты! Этак мы ни одного кона не сыграем.

Джордж собрал карты и принялся их рассматривать. Снова стало тихо.

Вдали хлопнул выстрел. Все быстро взглянули на старика. Головы разом повернулись в его сторону.

Еще мгновение он продолжал смотреть в потолок. Потом, не сказав ни слова, медленно повернулся лицом к стене.

Джордж быстро стасовал карты и сдал. Уит пододвинул к нему грифельную доску для записи очков и фишки. Он сказал:

— Кажись, вы, ребята, и в самом деле пришли сюда работать?

— Как так? — спросил Джордж с недоумением.

Уит насмешливо хмыкнул.

— Ну, ведь пришли-то вы в пятницу. Два дня придется работать, до воскресенья.

— Не понимаю,— сказал Джордж.

Уит снова хмыкнул.

— Должен понимать, ежели бывал на больших ранчо. Кто хочет приглядеться, приходит в субботу; под вечер. Он ужинает, да в воскресенье еще три раза поест, а в понедельник утром может позавтракать и уйти, палец о палец не ударив. Но вы пришли в полдень в пятницу. Как ни крути, а выходит — полтора дня.

Джордж спокойно посмотрел на него.

— Мы хотим здесь остаться на некоторое время,— сказал он.— Нам с Ленни надо подработать.

Дверь тихо приотворилась, и в щель просунулась голова конюха. Это была черная голова с печальным изможденным лицом и покорными глазами.

— С вашего позволения, Рослый...

Рослый отвел глаза от старика.

— А? Это ты, Горбун? Тебе чего?

— Вы мне велели растопить смолу, чтоб замазать копыто мула. Так я уже растопил.

— Да, понятно, Горбун. Сейчас приду и все сделаю.

— Ежели хотите, я сам сделаю.

— Нет, нет.

Он встал.

— И вот еще чего,— сказал Горбун.

— Да?

— Этот верзила, новичок, возится в конюшне с вашими щенками.

— Не беда, он им ничего не сделает. Я ему подарил одного.

— Я все же подумал, надо сказать,— продолжал Горбун.— Он их вынимает из ящика и держит в руках. Это им вредно.

— Ничего он им не сделает,— повторил Рослый.— Ну, пошли.

Джордж поднял голову.

— Если этот болван там мешает, вышвырни его вон, Рослый,— вот и все.

Рослый вслед за конюхом вышел из барака.

Джордж сдал карты, Уит взял свои, посмотрел.

— Видал новую куколку? — спросил он.

— Какую куколку? — удивился Джордж.

— Ну, новую супружницу Кудряша.

— Да, видал.

— Ну что, разве не красавица?

— Не разглядел,— сказал Джордж.

Уит с таинственным видом положил карты.

— Так вот, не зевай, гляди в оба. Тогда много кой-чего разглядишь. Она ничего и не скрывает. Я такой еще никогда не видал. Всем мужикам глазки строит. Небось, даже и конюху. И какого дьявола ей не хватает?

— А что, тут уже из-за нее заварилась каша? — спросил Джордж как бы невзначай.

Было ясно, что Уита карты не интересуют. Он уронил руку на стол, и Джордж, отобрав у него карты, стал раскладывать пасьянс: семь карт и шесть сверху, а поверх — еще пять.

Уит сказал:

— Понятно, об чем ты спрашиваешь. Нет, еще ничего не было. Кудряш бесится, только и всего, но едва ребята с работы вернутся, она уж тут как тут. Ищет, мол, мужа или забыла что-то. Похоже, ее здорово тянет к мужчинам. А Кудряш так и кипит, но куда сдерживается.

— Она еще наделает делов,— сказал Джордж.— Из-за нее не миновать заварухи. В два счета угодишь за решетку. Я думаю, у Кудряша хватает прихвостней. На ранчо одни мужики, не место здесь молодой женщине, особенно такой.

— Хочешь, поедem завтра вечером с нами в город,— предложил Уит.

— А на кой шут? Чего там делать?

— Как всегда, заглянем к старухе Сузи. Веселое местечко. Сама старушенция такая потешная — всегда отмочит какую-нибудь шутку. Вот, скажем, в прошлую субботу пришли мы к ее парадной двери. Сузи отворяет дверь и кричит: «Девочки, скорей одевайтесь, шериф приехал!» Но ни одного скверного слова, ни-ни. У нее там пять девочек.

— А во сколько это обходится? — спросил Джордж.

— Два с полтиной. И порция виски — еще двадцать центов. У Сузи есть удобные кресла, можно и просто так посидеть, пропустить стаканчик-другой и приятно провести время. Сузи никогда не против. Она никого не торопит и не выставляет за дверь, ежели гость не хочет девушки.

— Надо будет сходить с вами, поглядеть, — сказал Джордж.

— Конечно, пойдем. Можно хорошо поразвлечься — одни шуточки ее чего стоят. Как это она сказала один раз: «Есть, говорит, такие хозяйки, которые на полу тряпку расстелят, лампу с голой бабой поставят на граммофон и думают, будто у них заведение». Это она про Клару. А еще она говорит: «Я знаю, что вам, ребята, требуется, — говорит. — Мои девочки чистые, — говорит, — и виски я не разбавляю. А ежели кто желает поглядеть на похабную лампу да обжечь крылышки, так вы дорогу знаете». И еще она говорит: «Кое-кто совсем окривел, на эту лампу глядячи...»

— У Клары, стало быть, другой такой же дом, так, что ли? — спросил Джордж.

— Ну да, — ответил Уит. — Но мы туда не ходим. Клара берет три доллара за девочку и тридцать пять центов за виски, и шутить она не умеет. А у Сузи чистота и удобные кресла, и она не пускает к себе всяких проходимцев.

— Нам с Ленни надобно деньжат скопить, — сказал Джордж. — Я бы пошел с вами, посидел, выпил, но отдать два с половиной доллара никак не могу.

— Ну, надо же развлечься хоть иногда, — сказал Уит.

Дверь отворилась, и вошли Ленни с Карлсоном. Ленни прокрался к своей койке, сел, стараясь не привлекать внимания. Карлсон полез под койку и вытащил мешок. Он не смотрел на Огрызка, который все еще лежал, отвернувшись к стене. Карлсон нашарил в мешке шомпол и баночку с ружейным маслом. Он положил их на койку, достал пистолет, вынул обойму, вытряхнул патрон. Потом стал чистить ствол шомполом. Когда затвор щелкнул, Огрызок повернулся и посмотрел на пистолет, потом снова отвернулся к стене.

— Кудряш не заходил? — спросил Карлсон как бы невзначай.

— Нет,— ответил Уит.— А что?

Карлсон посмотрел ствол на свет.

— Ищет свою красулю. Я видел, как он рыскал вокруг барака.

— Он всегда полдня ее ищет,— сказал Уит с насмешкой.— А вторые полдня она ищет его.

В этот миг в барак ворвался Кудряш.

— Она сюда не заходила,— сказал Уит.

Кудряш грозно оглядел барак.

— А где Рослый?

— На конюшне,— сказал Джордж.— Ему надо замазывать смолой копыто мулу.

Кудряш съежился.

— И давно он ушел?

— Минут десять.

Кудряш выскочил за дверь и побежал к конюшне.

Уит встал.

— Пойти, что ли, поглядеть,— сказал он.— Кудряш нарывается на драку, иначе не побежал бы. А ведь он ловкий как черт. Выступал в финале «Золотой перчатки». У него есть вырезки из газет.— Уит подумал немного.— Но все равно, лучше Рослого не трогать. От Рослого всего можно ждать.

— Он думает, что Рослый сейчас с его супружницей, так, что ли? — спросил Джордж.

— Похоже,— сказал Уит.— Но это, конечно, ерунда. Ни за что Рослый не станет с ней путаться. Но поглядеть на драку можно, ежели до нее дойдет. Пошли?

— Нет уж, я здесь останусь,— сказал Джордж.— Не хочу ни во что ввязываться. Нам с Ленни надо скопить денег.

Карлсон вычистил пистолет, положил его в мешок и засунул под койку.

— Пожалуй, пойду и я погляжу,— сказал он.

Старик лежал не шевелясь, а Ленни со своей койки с опаской поглядывал на Джорджа.

Когда Уит и Карлсон ушли и дверь за ними закрылась, Джордж повернулся к Ленни.

— Ты что от меня скрываешь?

— Я ничего не сделал, Джордж. Рослый говорит, что лучше пока не гладить щенков так долго. Рослый говорит, им это вредно. Вот я и ушел. Я хорошо себя вел, Джордж?

— Что ж, пожалуй,— сказал Джордж.

— Я не делал им больно. Я только посадил своего щенка на колени и гладил.

— А ты видел Рослого на конюшне? — спросил Джордж.

— Ну да, видел. Он сказал, чтоб лучше я не гладил больше щенка.

— А женщину ты видал?

— Супружницу Кудряша?

— Да. Она приходила на конюшню?

— Нет. Ее я не видал.

— И не видал, чтобы Рослый с ней разговаривал?

— Не. Ведь ее там не было.

— Ладно, — сказал Джордж. — Я думаю, ребята не допустят драки. А если будет драка, Ленни, ты держись в стороне.

— Я не хочу драться, — сказал Ленни.

Он встал с койки и сел к столу напротив Джорджа. Джордж по привычке стасовал карты и стал раскладывать пасьянс. Он делал это старательно, задумчиво, не спеша.

Ленни взял одну карту и стал рассматривать, потом перевернул и снова стал рассматривать.

— Так и так одинаково, — сказал он, — Джордж, почему так и так одинаково?

— Не знаю, — сказал Джордж. — Так уж их рисуют. А что Рослый делал на конюшне?

— Рослый?

— Ну да. Ты ведь видел его, и он не велел тебе больше гладить щенков.

— А-а. Он принес банку со смолой и кисть. Не знаю зачем.

— И ты уверен, что эта женщина не приходила в конюшню, как, к примеру, нынче сюда?

— Уверен.

Джордж вздохнул.

— Нет, уж лучше — бардак, — сказал он. — Туда можно пойти, выпить, получить все, что требуется, безо всякого шума. И заранее известно, во сколько это влетит. А с такой стервой враз за решетку попадешь.

Ленни внимательно слушал его и тихонько шевелил губами, повторяя про себя каждое слово. Джордж продолжал:

— Помнишь Энди Кашмена, Ленни? Он с нами в школе учился.

— И его мать еще пекла для детей пирожки? — спросил Ленни.

— Во-во. Он самый. Ты всегда запоминаешь, когда речь о жратве. — Джордж внимательно разглядывал карты. Он положил на грифельную доску туза, а сверху двойку,

тройку и четверку бубен — Энди сейчас в Сан-Квентинской тюрьме, а все из-за бабы, — сказал он.

Ленни забарабанил пальцами по столу.

— Джордж...

— Ну чего тебе?

— Джордж, а скоро у нас будет маленькое ранчо, и мы будем сами себе хозяева?.. И... заведем кроликов?

— Понятия не имею, — сказал Джордж. — Надо скопить денег. Я знаю ранчо, которое можно купить за дешево, но даром его ведь не отдадут.

Огрызок медленно повернулся на койке. Глаза у него были широко раскрыты. Он пристально посмотрел на Джорджа.

Ленни попросил:

— Расскажи мне про это ранчо, Джордж.

— Да ведь я только вчера рассказывал.

— Ну, расскажи... расскажи еще, Джордж.

— Так вот... там десять акров земли, — сказал Джордж. — Ветряная мельница. Маленький домик и курятник. А еще кухня, садик: вишни, яблоки, персики, орехи да всякая ягода. Есть место, где посеять люцерну, и много воды для полива. Есть свинарник...

— И кролики, Джордж!

— Крольчатника покуда нету, но нетрудно сделать несколько клеток, а кормить их можешь люцерной.

— Могу, конечно, могу! — подхватил Ленни. — Честное слово, могу!

Джордж перестал раскладывать пасьянс. Голос его постепенно теплел.

— А еще мы можем завести свиней. Я построю коптильню, вроде той, как у моего деда; заколем свинью, станем коптить сало и окорока, делать ветчину. А поднимутся по реке лососи, мы будем ловить их сотнями и засаливать или коптить. Будем есть их на завтрак. Нет ничего вкуснее копченой лосося. Когда поспеют фрукты, мы станем готовить их впрок, и помидоры тоже, это очень легко. На воскресенье зарежем куренка или кролика. Может заведем корову или козу, и у нас будут такие густые сливки, что их хоть режь да ложкой ешь.

Ленни глядел на Джорджа, широко раскрыв глаза, и старик тоже глядел на него. Потом Ленни сказал тихо:

— Мы будем сами себе хозяева.

— А как же, — сказал Джордж. — У нас будут на огороде всякие овощи, а захотим выпить виски — продадим десяток-другой яиц, или немного молока, или еще чего-нибудь.

Будем себе жить там, на своем ранчо. Не придется больше мыкаться и жрать стряпню какого-нибудь япошки. Врешь, брат, у нас свой дом есть, нам незачем спать в бараке.

— Расскажи про дом, Джордж,— попросил Ленни.

— Ну, само собой, у нас будет свой домик, и в нем удобная спальня. Пузатая железная печурка, зимой в ней всегда будет гореть огонь. Земли на ранчо немного, так что спину гнуть особо не придется. Ну, разве что часов по шесть или семь в день. Не то что по одиннадцати часов ссыпать ячмень. Поспеет урожай, и мы его снимем. И всегда будем знать, ради чего работали.

— А еще кролики,— сказал Ленни нетерпеливо.— Я буду их кормить. Расскажи про это, Джордж.

— Очень просто — пойдешь с мешком, накопишь люцерны. Набьешь мешок, принесешь люцерну и положишь кроликам в клетки.

— А они будут есть! — сказал Ленни.— Я видел, как кролики едят.

— Каждые полтора месяца,— продолжал Джордж,— они приносят приплод, так что нам хватит и для еды и на продажу. А еще заведем голубей, пусть летают вокруг мельницы, как у нас во дворе, когда я был ребенком.— Он мечтательно поглядел на стену поверх головы Ленни.— И все это будет наше, никто нас не выгонит. А если нам самим кто не понравится, мы скажем: «Скатертью дорога», и ему придется убраться. А для друга — что ж, для друга у нас всегда найдется свободная койка, и мы скажем: «Отчего бы тебе у нас не заночевать?» — и он заночует. У нас будет собака, сеттер, и две полосатые кошки, но придется следить, чтоб не таскали крольчат.

Ленни взволнованно засопел.

— Пущай только попробуют. Я им все кости переломаю... я... я их палкой.

И он забормотал что-то под нос, угрожая несуществующим кошкам, посмей они тронуть несуществующих кроликов.

Джордж сидел, замороженный собственной выдумкой.

И когда Огрызок вдруг заговорил, оба вскочили, словно их поймали с поличным. Огрызок спросил:

— А у тебя и впрямь есть на примете такое ранчо?

Джордж насторожился.

— Ну, положим, есть,— ответил он.— А тебе-то что?

— Я не спрашиваю, где. Это не важно.

— Само собой,— сказал Джордж.— Уж будь спокоен... Тебе его и за сто лет не найти.

— А сколько надобно уплатить?

Джордж подозрительно взглянул на старика.

— Ну... можно сторговаться за шесть сотен. Старики хозяева совсем на мели, старуха больна, нужно ее оперировать. Но тебе-то что до этого? Мы сами по себе, в наши дела не лезь.

Огрызок сказал:

— Оно конечно, я однорукий, от меня пользы мало. Руки я лишился здесь, на этом вот самом ранчо. Потому меня и держат уборщиком. И уплатили двести пятьдесят за руку. Да еще пятьдесят у меня накоплено, в банке лежат, готовенькие. Вот вам уже триста, а еще пятьдесят я получу в конце месяца. И я вам скажу...— Он всем телом подался вперед.— Может, возьмете меня? Моя доля — триста пятьдесят долларов. Само собой, пользы от меня немного, но я могу стряпать, смотреть за курами да копать в огороде. Ну, как?

Джордж прищурился.

— Надобно подумать. Мы хотели купить ранчо только вдвоем...

Старик его перебил:

— Я напишу завещание и, когда помру, оставлю свою долю вам, потому как родичей у меня давным-давно нету. У вас, ребята, есть деньги? Может, купим это ранчо прямо сейчас?

Джордж с досадой сплюнул себе под ноги.

— У нас на двоих всего-то навсего десять долларов.— Потом добавил задумчиво: — Послушай, если мы с Ленни проработаем месяц и не потратим ни цента, у нас накопится сотня долларов. Вот уже четыреста пятьдесят. За эти деньги наличными старики наверняка уступят ранчо. Вы с Ленни устройтесь там и возьметесь за дело, а я подыщу себе место и заработаю остальное. А вы покудова будете продавать яйца, ну и прочее.

Все умолкли. Они смотрели друг на друга с удивлением. Они никогда не верили, что такое может сбыться. И Джордж сказал, едва дыша:

— Господи боже! Я уверен, что они уступят.— Он был ошеломлен.— Я уверен, что они уступят,— повторил он тихо.

Старик сел на край койки. От волнения он скреб ногтем культию.

— Меня искалечило четыре года назад,— сказал он.— Скоро меня отсюда прогонят, вышвырнут, как только я не смогу подметать барак. Может, ежели я отдам вам, ре-

бята, свои деньги, вы позволите мне копаться в саду, даже когда толку от меня никакого не будет, и я стану мыть посуду и смотреть за курами. Ведь я буду жить у себя дома и работать у себя,— сказал он с тоской.— Вы видели, чего они сделали нынче с моей собакой? Сказали, что от нее никому никакого прока да сама она себе в тягость. Когда меня выгонят... да лучше бы кто меня пристрелил. Но этого они не сделают. Мне некуда идти, и я нигде не найду работы. А пока вы, ребята, соберетесь купить ранчо, я получу еще тридцать долларов.

Джордж встал.

— Значит, решено! — сказал он.— Купим ранчо и будем там жить.

Он снова сел.

Теперь все сидели недвижно, замороженные заманчивой картиной, и мысли их уносились в будущее, к тем дням, когда все это свершится на деле.

Джордж сказал задумчиво:

— А когда в городе будет праздник, или бейсбольный матч, или приедет цирк, или еще чего...— Старик одобрительно кивнул.— Мы беспременно пойдем туда,— сказал Джордж.— Ни у кого не станем спрашиваться. Просто скажем: «Ну, двинули»,— и двинем. Подоим корову, подбросим зерна курам и двинем.

— Но сперва зададим кроликам люцерны,— подхватил Ленни.— Я не позабуду их накормить. А когда это будет, Джордж?

— Через месяц. Обожди всего-навсего месяц. Знаешь, чего я сделаю? Напишу старикам, хозяевам ранчо, что мы его покупаем. А Огрызок пошлет сотнягу в задаток.

— Само собой,— сказал Огрызок.— А печь там хорошая?

— Печь что надо, можно топить хоть углем, хоть дровами.

— Щенка я тоже возьму,— сказал Ленни.— Ей-ей, ему там понравится.

Снаружи слышались голоса. Джордж быстро сказал:

— Но смотрите — молчок, никому ни слова. Только мы трое будем знать, больше никто. А то нас выгонят, и мы ничего не заработаем. Пусть думают, что мы собираемся всю жизнь ссыпать зерно, а в один прекрасный день возьмем свои денежки — и до свиданья.

Ленни и Огрызок кивнули, радостно улыбаясь.

— Смотри же, молчок, никому ни слова,— сказал сам себе Ленни.

— Джордж,— сказал Огрызок.

— Ну, чего тебе еще?

— Лучше бы мне самому пристрелить собаку, Джордж. Не надо было позволять чужому.

Дверь отворилась. Вошел Рослый, за ним Кудряш, Карлсон и Уит. У Рослого руки были в смоле, и он хмурился. Кудряш шел за ним по пятам.

— Я не хотел тебя обидеть, Рослый. Я просто так спросил,— сказал Кудряш.

— Уж больно часто об этом спрашиваешь,— отозвался Рослый.— Мне это давно уж осточертело. Не можешь уследить за своей вертихвосткой, а я виноват? Оставь-ка лучше меня в покое.

— Говорю же, просто так спросил,— повторил Кудряш.— Думал, может, ты ее видел.

— Велел бы ты ей сидеть дома, носа не высовывать,— сказал Карлсон.— А то позволяешь ей шляться по баракам. Глядишь, поднесет тебе подарочек, тогда поздно будет.

Кудряш круто повернулся к Карлсону.

— А ты не лезь не в свое дело, не то я тебя живо за дверь вышвырну.

Карлсон рассмеялся.

— Эх ты, молокосос несчастный,— сказал он.— Хотел запугать Рослого, и ни хрена у тебя не вышло. Он сам тебя запугал. Вон ты побелел весь. Мне начхать, что ты лучший боксер в округе. Попробуй меня хоть пальцем тронь, я из тебя дух вышибу.

Старик тут же его поддержал.

— Эх, рукавица вазелиновая,— сказал он презрительно.

Кудряш сверкнул на него глазами. Потом его взгляд скользнул в сторону и остановился на Ленни; а Ленни все еще радостно улыбался, думая о ранчо.

Кудряш, как собачонка, набросился на Ленни.

— Ну а ты какого хрена смеешься?

Ленни растерянно взглянул на него.

— Чего?

И тут Кудряш взорвался.

— Эй ты, дубина стоеросовая! Встать! Я никому не позволю надо мной надсмехаться! Я покажу, кто побелел со страху.

Ленни беспомощно поглядел на Джорджа, потом встал, намереваясь уйти. Но Кудряш не зевал. Он врезал Ленни левой, а потом сильным ударом правой расквасил ему нос. Ленни испуганно завопил. Из носа у него хлынула кровь.

— Джордж! — завопил Ленни.— Скажи, чтоб он отстал!

Он пятился до тех пор, покуда не уперся спиной в стену, а Кудряш наседавал на него и бил по лицу. Руки Ленни беспомощно висели, как плети. Он был слишком перепуган и даже не защищался.

Джордж вскочил и крикнул:

— Дай ему, Ленни! Не позволяй себя бить!

Ленни прикрыл лицо ручищами и взвизгнул от страха. Он крикнул:

— Скажи, чтоб он перестал, Джордж!

Тут Кудряш ударил Ленни под ложечку, и у того перехватило дыхание.

Рослый вскочил.

— Скот вонючий! — крикнул он. — Я сейчас сам с ним разделаюсь.

Джордж схватил Рослого за плечо.

— Обожди! — крикнул он. Потом приложил руки ко рту рупором: — Дай ему, Ленни.

Ленни отнял ладони от лица и поглядел на Джорджа, а Кудряш тем временем ударил его в глаз. Широкое лицо Ленни было залито кровью. Джордж крикнул снова:

— Дай ему, тебе говорят!

Кудряш снова занес кулак, но тут Ленни схватил его за руку. И Кудряш сразу затрепыхался, как рыба на крючке, кулак его исчез в огромной ручище Ленни. Джордж подбежал к нему через весь барак.

— А теперь отпусти, Ленни. Отпусти...

Но Ленни лишь смотрел со страхом на трепыхавшегося человечка. Кровь текла у него по лицу, глаз был подбит. Джордж влепил ему пощечину, потом другую, но Ленни все не разжимал руку. Кудряш весь побелел и скрючился. Он трепыхался все слабее, но отчаянно вопил — кулак его по-прежнему был зажат в руке Ленни.

А Джордж все кричал:

— Отпусти его, Ленни! Отпусти! Рослый, да помоги же, не то он вовсе без руки останется.

Вдруг Ленни разжал пальцы. Он присел у стены на корточки, чтоб быть как можно незаметнее.

— Ты сам мне велел, Джордж, — сказал он жалобно.

Кудряш сел на пол, с удивлением глядя на свою изувеченную руку. Рослый и Карлсон наклонились над ним. Потом Рослый выпрямился и с опаской взглянул на Ленни.

— Надо свезти Кудряша к доктору, — сказал он. — Похоже, кости переломаны.

— Я не хотел! — крикнул Ленни. — Я не хотел сделать ему больно.

Рослый распорядился:

— Карлсон, запрягай лошадей. Надо свезти Кудряша в Соледад, там вылечат.

Карлсон выбежал на двор. Рослый повернулся к скулящему Ленни.

— Ты не виноват,— сказал он.— Этот сопляк сам полез на рожон. Только он и вправду чуть без руки не остался.

Рослый поспешно вышел и тут же вернулся с жестяной воды, дал Кудряшу попить.

Джордж сказал:

— Ну что, Рослый, теперь нас беспременно выгонят? А ведь нам деньги позарез нужны. Как думаешь, выгонит нас папаша Кудряша?

Рослый криво усмехнулся. Он опустился на колени подле пострадавшего.

— Ты еще не отключился? Слышишь, что говорю? — спросил он. Кудряш кивнул.— Так вот,— продолжал Рослый.— Рука у тебя попала в машину. Ежели ты никому не скажешь, как дело было, мы тоже не скажем. А ежели скажешь и потребуешь, чтобы этого малого выгнали, мы всем расскажем, и над тобой будут смеяться.

— Я не скажу,— простонал Кудряш. На Ленни он избегал смотреть.

Во дворе затахтели колеса. Рослый помог Кудряшу встать.

— Ну, пошли. Карлсон свезёт тебя к доктору.

Он вывел Кудряша за дверь. Тарахтенье колес замерло вдали. Рослый вернулся в барак. Он поглядел на Ленни — тот все еще жался к стене.

— Покажи-ка руки,— сказал он.

Ленни вытянул руки.

— Боже праведный, не хотел бы я, чтоб ты на меня осерчал,— сказал Рослый.

Тут в разговор вмешался Джордж.

— Ленни просто испугался,— объяснил он.— Не знал, чего делать. Я всем говорил, его нельзя трогать. Или нет, кажется, я это говорил Старикку.

Огрызок кивнул с серьезным видом.

— Да, говорил,— сказал он.— Нынче же утром, когда Кудряш в первый раз напустился на твоего друга, ты сказал: «Лучше пусть не трогает Ленни, ежели себе зла не желает». Так и сказал.

Джордж повернулся к Ленни.

— Ты не виноват,— сказал он.— Не бойся. Ты сделал

то, что я тебе велел. Иди-ка вымой лицо. А то бог знает, на кого похож.

Ленни скривил в улыбке разбитые губы.

— Я не хотел ничего такого,— сказал он.

Он пошел к двери, но, не дойдя до нее, обернулся.

— Джордж...

— Чего тебе?

— Ты позволишь мне кормить кроликов, Джордж?

— Само собой. Ведь ты ни в чем не виноват.

— Я не хотел ничего плохого,— сказал Ленни.

— Ну ладно. Ступай умойся.

* * *

Конюх Горбун жил при конюшне, в клетушке, где хранилась упряжь. В одной стене этой клетушки было квадратное, с четырьмя маленькими стеклами оконце, в другой — узкая дощатая дверь, которая вела в конюшню. Кроватью служил длинный ящик, набитый соломой и прикрытый сверху одеялами. У окошка были вколочены гвозди, на них висела рваная сбруя, которую Горбун должен был чинить, и полосы новой кожи; под окошком стояла низенькая скамеечка, на ней — шорный инструмент, кривые ножи, иглы, мотки шпагата и маленький клепальный станок. По стенам тоже была развешана упряжь — порванный хомут, из которого вылезал конский волос, сломанный крюк от хомута и лопнувшая постромка. На койке стоял ящичек, в котором Горбун держал пузырьки с лекарствами для себя и для лошадей. Здесь и коробки с дегтярным мылом, и прохудившаяся жестянка со смолой, из которой торчала кисть. По полу валялись всякие пожитки; в своей каморке Горбун мог не прятать вещи, а за долгие годы он накопил больше добра, чем мог бы снести на себе.

У Горбуна имелось несколько пар башмаков, пара резиновых сапог, большой будильник и старый одноствольный дробовик. А еще книги: истрепанный словарь и рваный томик гражданского кодекса Калифорнии 1905 года издания, старые журналы, и на специальной полке над койкой стояли еще какие-то книги. Большие очки в золоченой оправе висели рядом на гвозде.

Каморка была чисто подметена. Горбун — гордый, независимый человек, — сторонился людей и держал их от себя на почтительном расстоянии. Из-за горба все тело у него было перекошено в левую сторону; блестящие глубоко посаженные глаза смотрели пристально и остро. Худое, черное лицо избороздили глубокие морщины; губы, тонкие, горестно сжатые, были светлее кожи на лице.

Уже наступил субботний вечер. Из-за открытой двери на конюшню слышались удары копыт, хруст сена, позвякивание цепочек.

Маленькая электрическая лампочка скупо освещала каморку желтоватым светом.

Горбун сидел на койке. В одной руке он держал склянку с жидкой мазью, а другой, задрав на спине рубашку, натирал себе хребет. Время от времени он капал мазью на розовую ладонь, потом лез рукой под рубашку и тер спину. Поеживался, вздрагивал.

На пороге бесшумно появился Ленни и остановился, озираясь. Его широкая фигура совсем заслонила дверной проем. Сперва Горбун этого не заметил, потом поднял голову и сердито уставился на незваного гостя. Он выпростал руку из-под рубашки.

Ленни робко и дружелюбно улыбнулся.

Горбун сказал сердито:

— Ты не имеешь права сюда входить. Это моя комната. Никто, кроме меня, не смеет сюда входить.

Ленни проглотил слюну, и улыбка его стала подобострастной.

— Я ничего. Просто пришел поглядеть своего щенка. И увидал здесь свет,— объяснил он.

— Я имею полное право зажигать свет. Уходи из моей комнаты. Меня не пускают в барак, а я никого не пускаю сюда.

— Но почему же вас не пускают? — спросил Ленни.

— Потому что я негр. Они там играют в карты, а мне нельзя, потому что я негр. Они говорят, что от меня воняет. Так вот что я тебе скажу: по мне, от вас воняет еще пуще.

Ленни беспомощно развел ручищами.

— Все уехали в город,— сказал он.— И Рослый и Джордж — все. Джордж велел мне оставаться здесь и вести себя хорошо. А я увидал свет.

— Ну ладно, тебе чего?

— Ничего... Просто я увидал свет. И подумал, что можно зайти и посидеть.

Горбун поглядел на Ленни, протянул руку, снял с гвоздя очки, нацепил на нос и снова поглядел на Ленни.

— Никак не пойму, чего тебе здесь надо, в конюшне,— сказал он с недоумением.— Ты не возчик. А тем, кто ссыпает зерно в мешки, незачем сюда и заходить. На что тебе сдались лошади?

— Я пришел поглядеть щенка,— снова объяснил Ленни.

— Ну и гляди своего щенка. Да не суйся, куда тебя не просят.

Улыбка исчезла с лица Ленни. Он перешагнул порог, потом сообразил, что ему говорят, и снова попятился к двери.

— Я уже поглядел. Рослый сказал, чтоб я не гладил его долго.

— Ты все время вынимал его из ящика,— сказал Горбун.— Удивительно, что сука не перенесла их куда-нибудь в другое место.

— Ну, она смирная. Позволяет мне его брать.

Ленни снова вошел в дверь.

Горбун нахмурился, но улыбка Ленни его обезоружила.

— Ладно, заходи да посиди со мной малость,— сказал Горбун.— Нечего столбом стоять, садись уж, так и быть.— Тон его стал дружелюбней.— Стало быть, все уехали в город?

— Все, кроме Огрызка. Он сидит в бараке. Чинит карандаш и считает.

Горбун поправил очки.

— Считает? Что же это он считает?

— Кроликов! — почти закричал Ленни.

— Ты вконец спятил. Каких таких кроликов?

— Кроликов, которые у нас будут, и я стану кормить их, косить для них траву и носить воду.

— Ты спятил,— повторил Горбун.— Ясно, почему твой дружок от тебя отдохнуть решил.

Ленни сказал тихо:

— Я вам правду говорю. Купим маленькое ранчо, и будет нас земля кормить.

Горбун поудобнее устроился на койке.

— Садись,— сказал он.— Вот сюда, на бочонок из-под гвоздей.

Ленни, скрючившись, сел на низкий бочонок.

— Вы мне не верите,— сказал Ленни.— Но это правда. Чистая правда, спросите у Джорджа.

Горбун подпер розовой ладонью черный подбородок.

— Ты повсюду с Джорджем ездешь, да?

— А как же! Мы с ним всегда вместе.

— Иногда он говорит, а ты не можешь взять в толк, об чем,— продолжал Горбун.— Верно? — Он наклонился вперед, вперив в Ленни острый взгляд.— Верно?

— Да... иногда.

— Он говорит, а ты в толк не можешь взять, об чем?

— Да... иногда... Но не всегда...

Горбун еще больше наклонился вперед, сдвинувшись на край койки.

— Ты не подумай, будто я из южных негров,— сказал он.— Родился здесь, в Калифорнии. У моего отца было ранчо — акров десять земли, он там кур разводил. К нам приходили играть белые дети, и я иногда играл с ними. Среди них попадались и добрые. Моему старику это не нравилось. Я долго не мог смекнуть, почему. Но теперь-то знаю.— Он замолчал в нерешительности, а когда снова заговорил, голос его зазвучал мягче.— На много миль вокруг нашего ранчо ни одной негритянской семьи. И здесь, на этом ранчо, кроме меня, нету ни одного негра, и в Соледаде только одна семья.— Он засмеялся.— Мало ли чего черномазый наговорит, невелика важность.

— А как вы думаете,— спросил Ленни,— скоро щенков можно гладить?

Горбун снова засмеялся.

— Да уж, что тебе ни скажи, дальше не пойдет. Ну, через неделю-другую щенки подрастут. А Джордж себе на уме. Говорит, а ты ничегошеньки не понимаешь.— В волнении он подался вперед.— Тебе все это черномазый толкует, черномазый горбун. Нечего и внимание обращать, понял? Да ты все одно ничего не запомнишь. Я видел такое многое множество раз, даже счет потерял — один разговаривает с другим, и ему все едино, слышит ли тот, понимает ли. И так всегда, разговаривают ли они или же сидят молча. Это все едино, все едино.— Мало-помалу придя в волнение, он хлопнул себя по колену.— Джордж может болтать тебе всякую чепуху, все что угодно. Ему важно лишь, что есть с кем поговорить. Просто надо, чтоб кто-то был рядом. Только и делов.

Он замолчал. Потом заговорил тихо и уверенно:

— А что, ежели Джордж не приедет? Ежели он забрал свои пожитки и больше никогда не вернется? Что тогда?

Наконец до Ленни дошел смысл.

— Как это так? — спросил он.

— Я говорю — а что, ежели Джордж уехал нынче в город, а там — поминай как звали.— Горбун, казалось, торжествовал.— Что тогда? — повторил он.

— Не может быть! — крикнул Ленни.— Джордж ни по чем этого не сделает. Мы с ним давно вместе. Он вернется...— Но он уже поддался сомнению.— А вы думаете — он может не вернуться?

Горбун усмехнулся, злорадствуя над его отчаяньем.

— Никто не знает наперед, чего человек может сде-

лать,—сказал он невозмутимо.—Иной раз он, положим, и хотел бы вернуться, да не его воля. Вдруг его убьют или ранят, тогда уж он никак не сможет вернуться.

Ленни мучительно пытался понять его слова.

— Джордж этого не сделает,—повторил он.—Джордж осторожный. Его не ранят. Его ни разу не ранили, потому как он очень осторожный.

— Ну, а вдруг он не вернется. Что ты тогда будешь делать?

Лицо Ленни исказилось от напряжения.

— Не знаю. А к чему вы это? — крикнул он.— Это неправда! Джорджа не ранили.

Горбун пристально поглядел на Ленни.

— Хочешь, я скажу тебе, чего тогда будет? Тебя схватят и упекут в психушку. Наденут на тебя ошейник, как на собаку.

Глаза Ленни вдруг помутились, в них сквозила ярость. Он встал и грозно шагнул к Горбуну.

— Кто это ранил Джорджа? — спросил он.

Горбун сразу осознал опасность. Он отодвинулся.

— Я просто так говорю — а вдруг его ранили,—сказал он.—Джорджа никто не трогал. Он цел и невредим. Он вернется.

Ленни стоял над Горбуном.

— Зачем тогда говорить — а вдруг? Никто не смеет говорить, что тронет Джорджа.

Горбун снял очки и потер ладонью глаза.

— Садись,—сказал он.—Джорджа никто не трогал.

Ленни с ворчанием снова уселся на бочонок.

— Никто не смеет говорить, что тронет Джорджа,—повторил он.

Горбун сказал терпеливо:

— Может, теперь ты наконец сообразишь самую малость. У тебя есть Джордж. Ты знаешь, что он вернется. Ну, а ежели предположить, что у тебя никого нету. Предположим, ты не можешь пойти в барак и сыграть в карты, потому что ты негр. Понравилось бы тебе? Предположим, пришлось бы сидеть здесь и читать книжки. Само собой, покуда не стемнеет, ты мог бы играть в подкову, но потом пришлось бы читать книжки. Только книжки не помогают. Человеку нужно, чтоб кто-то живой был рядом.—Голос Горбуна звучал жалобно.—Можно сойти с ума, ежели у тебя никого нету. Пускай хоть кто-нибудь, лишь бы был рядом. Я тебе говорю! — крикнул он.—Я тебе говорю: жить в одиночестве очень тяжело!

— Джордж вернется,— испуганно уговаривал Ленни сам себя.— Может, он уже вернулся. Пойду погляжу.

Горбун сказал:

— Я не хотел тебя страшать. Он вернется. Это я про себя говорил. Сидишь тут один по вечерам, читаешь книжки, или думаешь, или еще чем займешься. Иногда сидишь вот так, один-одинешенек, задумаешься, и некому тебе сказать, что правильно, а что нет. Или увидишь чего, но знать не знаешь, хорошо это или плохо. И нельзя обратиться к другому человеку да спросить, видит ли он то же самое. Ничего не поймешь. И объяснить некому. Мне здесь такое привиделось! И не был я пьян. Может, во сне приснилось. Будь рядом со мной кто, он бы сказал мне, спал я или нет, и тогда все стало бы ясно. А так я просто ничего не знаю.

Горбун смотрел в окно.

Ленни сказал с тоской:

— Джордж меня не бросит. Я знаю, никогда не бросит.

Горбун продолжал задумчиво:

— Помню, как я еще ребенком жил у своего старика на ранчо, он там кур разводил. Росло нас трое братьев. Мы никогда не расставались, никогда. Спали в одной комнате, на одной кровати — все трое. А в саду у нас клубника росла, на лугу — люцерна. Помню, в погожее утро мы чуть свет выпускали кур на этот самый луг. Мои братья садились верхом на загородку и присматривали за ними, а куры все до единой белые.

Постепенно Ленни заинтересовался.

— Джордж говорит, что у нас будет люцерна для кроликов.

— Для каких кроликов?

— У нас будут кролики и ягоды.

— Ты спятил.

— Будут. Спросите сами у Джорджа.

— Ты спятил,— снова сказал Горбун с презрением.— Я видывал, как сотни людей приходили на ранчо с мешками, и головы у них были набиты таким же вздором. Сотни людей приходили и уходили, и каждый мечтал о клочке земли. И ни хрена у них не вышло. Ни хрена. Всякий хочет иметь свой клочок земли. Я здесь много книжек перечитал. Никому не попасть на небо, и никому не видать своей земли. Все это одно только мечтанье. Люди непрерывно об этом говорят, но это одно только мечтанье.

Он замолчал и поглядел на распахнутую дверь, потому что лошади беспокойно зашевелились и уздечки звякнули. Послышалось ржанье.

— Кажется, кто-то пришел,— сказал Горбун.— Может, Рослый. Иногда он заходит сюда раза два, а то и три за вечер. Таких возчиков поискать. Редкий хозяин о своей скотинке так заботится.

Горбун с трудом встал и подошел к двери.

— Это вы, Рослый? — спросил он.

Отозвался Огрызок:

— Рослый в город уехал. Скажи, ты, случаем, не видал Ленни?

— Это ты про того здоровенного малого спрашиваешь?

— Да. Не видал его?

— Здесь он,— бросил Горбун отрывисто. Потом вернулся к койке и лег.

Огрызок остановился на пороге, поскреб культю и сощурился от света.

Внутри он не вошел.

— Слышь, Ленни. Я тут все думал о кроликах...

— Можешь войти, ежели хочешь,— проворчал Горбун.

Старик даже сконфузился.

— Не знаю, право слово. Ежели ты, конечно, позволишь...

— Входи. Уж коли другие входят, стало быть, можно и тебе.— Горбун с трудом скрыл свою радость под сердитой гримасой.

Огрызок вошел, все еще конфузясь.

— А у тебя тут уютненько,— сказал он Горбуну.— Наверно, хорошо иметь отдельную комнатенку.

— Ясное дело,— сказал Горбун.— И навозную кучу под окном. Чего уж лучше.

— Говори о кроликах,— вмешался Ленни.

Огрызок прислонился к стене подле висевшего на ней рваного хомута и снова поскреб культю.

— Я здесь уже давно,— сказал он.— И Горбун тоже. А ведь я в первый раз в этой клетушке.

— Кто ж заходит в жилище черномазого,— хмуро сказал Горбун.— Сюда никто не заходит, кроме Рослого. Он, да еще хозяин, а больше — никто.

Старик поспешно переменял разговор.

— Рослый — лучший возчик на всем белом свете.

Ленни наклонился к Огрызку.

— Говори о кроликах,— потребовал он.

Огрызок улыбнулся.

— Я все обмозговал. Ежели с умом взяться за дело, можно заработать и на кроликах.

— Но я буду их кормить,— перебил его Ленни.— Джордж так сказал. Он обещал мне.

Горбун грубо вмешался в разговор:

— Вы, ребята, просто сами себя дурачите. Болтаете чертову пропасть, но все одно своей земли вам не видать. Ты будешь тут уборщиком, Огрызок, покуда тебя не вынесут ногами вперед. Да, многих я тут перевидал. А Ленни недели через две или три возьмет расчет да уйдет. Эх, всякий только об земле и думает.

Огрызок сердито потер щеку.

— Можешь быть уверен, у нас все будет. Джордж так сказал. У нас уже и денежки припасены.

— Да неужто? — спросил Горбун.— А где сейчас Джордж, позвольте полюбопытствовать? В городе, в веселом доме. Вот куда уплывут все ваши денежки. Господи, да я уже видел это множество раз. Немало перевидал я людей, у которых в голове только и мысли что об земле. Но в руки им ничего не доставалось.

— Конечно, все этого хотят! — воскликнул Огрызок.— Всякий хочет иметь клочок земли, хоть небольшой, да собственный. И кров над головою, чтоб никто не мог его выгнать, как собаку. У меня сроду ничего такого не было. Я работал чуть не на всех хозяев в этом штате, а урожай доставался не мне. Но теперь у нас будет своя земля, можешь не сумлеваться. Джордж не взял с собой денег. Они лежат в банке. У меня, Ленни и Джорджа будет свой дом. Будут собака, кролики и куры. Будет кукурузное поле и, может, корова или коза.

Он замолчал, увлеченный этой картиной.

— Говоришь, у вас есть деньги? — спросил Горбун.

— Уж будь спокоен. Большая часть есть. Остается раздобыть сущие пустяки. Мы раздобудем их всего за месяц. И Джордж уже присмотрел ранчо.

Горбун ощупал свою спину.

— Никогда не видел, чтоб кто-нибудь в самом деле купил ранчо,— сказал он.— Я видывал людей, которые чуть с ума не сходили от тоски по земле, но всегда веселый дом или карты брали свое.— Он помолчал.— Ежели вы, ребята, захотите иметь дарового работника, только за харчи, я с охотой пойду к вам. Не такой уж я калека, могу работать, как зверь, ежели захочу.

— Вы, мальчики, Кудряша не видали?

Все трое живо обернулись. В дверь заглянула жена Кудряша. Лицо ее было ярко нарумянено. Губы слегка приоткрыты. Дышала она тяжело, словно после бега.

— Кудряш сюда не заходил,— сказал Огрызок, поморщась.

Она стояла в дверях, улыбаясь, и потирала пальцами ногти на другой руке. Взгляд ее скользнул по их лицам.

— Они оставили здесь всех непригодных,— сказала она наконец.— Думаете, я не знаю, куда все уехали? И Кудряш тоже. Знаю я, где они сейчас.

Ленни смотрел на нее с восхищением, но Огрызок и Горбун хмуро отводили глаза, избегая ее взгляда.

Огрызок сказал:

— Ну, уж ежели вы все знаете, тогда зачем спрашиваете?

Она смотрела на них, забавляясь и посмеиваясь.

— Вот умора,— сказала она.— Ежели я застаю мужика одного, мы отлично ладим. Но ежели их двое, они и разговаривать со мной не станут. Только злобятся.— Она перестала тереть ногти и уперла руки в бедра.— Вы все боитесь друг друга, вот что. Всякий боится, что остальные против него чего-то замышляют.

Наступило молчание. Потом Горбун сказал:

— Пожалуй, вам лучше уйти домой. Мы не хотим неприятностей.

— А какие вам от меня неприятности? Думаете, мне не хочется хоть иногда поговорить с кем-нибудь? Думаете, охота мне дома сидеть сиднем?

Старик положил культию на колено и осторожно потер ее ладонью. Он сказал сердито:

— У вас муж есть. Нечего вам тут ходить да голову мужикам дурить, через это только одни неприятности.

Женщина взбеленилась.

— Ну конечно, у меня есть муж! Вы все его знаете. Хорош, правда? Все время грозит расправиться с теми, кого не любит! А сам не любит никого! Думаете, мне охота сидеть в этом паршивом домишке и слушать про то, как Кудряш врежет два раза левой, а потом — наповал правой? «Врежу ему разок,— говорит,— и он сразу с копыт долой».— Она умолкла, и лицо ее вдруг оживилось.— Скажите, а что это у Кудряша с рукой?

Последовало неловкое молчание. Огрызок украдкой глянул на Ленни. Потом тихонько кашлянул.

— Ну... Кудряш... Рука у него в машину попала. И он поранился.

Она посмотрела на них и рассмеялась.

— Враки! Вы мне голову-то не морочьте! Кудряш устроил заварушку, а расхлебать не сдюжил. Рука в маши-

ну попала — враки! Что-то он притих с тех пор, как у него рука искалечена. Так кто же искалечил?

Старик угрюмо повторил:

— Рука в машину попала.

— Ладно,— сказала она с презрением.— Ладно, прикрывайте его, ежели вам охота. Мне-то что? Вы, бродяги, много об себе воображаете. По-вашему, я ребенок! А ведь я могла уехать отсюда и играть на сцене. Не раз была у меня такая возможность. Один человек обещал мне, что я буду сниматься в кино.— Она задохнулась от гнева.— Субботний вечер. Никого нету, все развлекаются, кто как может. Все! А я? Торчу здесь и треплюсь с бродягами — с негром, с дураком и со старым вонючим козлом, да еще радуюсь, потому как окромя них здесь ни души нету.

Ленни глядел на нее, разинув рот. Горбун надел привычную личину холодного достоинства. Но старик вдруг преобразился. Решительно встал и изо всех сил пнул ногой бочонок, на котором сидел.

— Ну, с меня довольно,— сказал он со злостью.— Вас сюда никто не звал. Мы вам сразу так и сказали. А еще вы неправильно об нас понимаете. У вас меньше мозгов, чем у курицы, она и то поняла бы, что не такие уж мы болваны. Пущай вы нас выгоните. Пущай. Думаете, мы станем бродить по дорогам, снова искать грошовых заработков, вроде как здесь? Вам, поди, и невдомек, что у нас есть собственное ранчо и собственный дом. Нам незачем здесь оставаться. У нас есть дом, и куры, и сад, и там во сто раз лучше, чем здесь. И друзья у нас тоже есть. Может, было время, мы боялись, как бы не выгнали, но теперича ничуть не боимся. У нас есть свое ранчо, наше собственное, и мы можем туда хоть нынче переехать.

Женщина засмеялась.

— Враки,— сказала она.— Много я вас тут перевидала. Ежели б у вас был хоть грош за душой, вы купили бы на него спиртного и выпили б до последней капли. Знаю я вас.

Лицо Огрызка побагровело, но прежде чем она умолкла, он кое-как совладал с собой. Теперь он стал хозяином положения.

— Так я и думал,— сказал он невозмутимо.— Пожалуй, вам лучше убраться восвояси. Нам не об чем толковать. Мы свое знаем, и нам плевать, что вы об этом думаете. Так что, стало быть, лучше вам просто-напросто уйти отсюда. Кудряшу, наверно, не больно-то понравится, что его жена болтает в конюшне с бродягами.

Она переводила взгляд с одного лица на другое, и все

они были замкнуты. Дольше всего она смотрела на Ленни, и, наконец, он в смущении потупился. Вдруг она спросила: — Откудова у тебя на роже эти ссадины?

Ленни виновато поднял голову.

— У кого... у меня?

— Ну да, у тебя.

Ленни поглядел на старика, не зная, что сказать, потом снова потупился.

— У него рука в машину попала,— сказал он.

Женщина расхохоталась.

— Ну ладно. Пущай в машину. Я с тобой еще потолкую. Страсть до чего люблю этакие машины.

— Оставьте его в покое,— сказал старик.— Все-то вам неймется. Каждое словечко Джорджу передам. Джордж не даст Ленни в обиду.

— А кто таков этот Джордж? — спросила она Ленни.— Тот маленький, с которым ты пришел!

Ленни весь расплылся в улыбке и ответил:

— Да, он самый. И он обещался, что позволит мне кормить кроликов.

— Ну, ежели тебе только этого и хочется, я сама могу найти пару-другую кроликов.

Горбун встал и повернулся к ней.

— Ну, будет,— сказал он, озлобясь.— Вы не имеете права входить к черномазому. И не имеете права подымать здесь шум. А теперь уходите, да живо. Ежели не уйдете, я попрошу хозяина, чтоб он вовсе запретил вам совать нос в конюшню.

Она презрительно глянула на него.

— Слышь ты, черная образина,— сказала она.— Знаешь, чего я могу сделать, ежели ты еще хоть раз пасть разинешь?

Горбун бросил на нее унылый взгляд, потом сел и умолк.

Но она не отступалась.

— А знаешь, чего я могу сделать?

Горбун словно уменьшился в росте и спиной прижался к стене.

— Знаю, хозяйка.

— Так сиди и не рыпайся, черномазая образина. Стоит мне слово сказать, и тебя вздернут на первом суку.

Горбун сник, съежился, потускнел — круглый ноль; такой человек не вызывает ни симпатии, ни злобы.

— Молчу, хозяйка,— тускло сказал он.

Женщина поглядела на него, будто ждала, не шевельнется ли он, чтоб снова на него напуститься, но Горбун сидел неподвижно, отворотясь, замкнув в душе самое сокровенное. Наконец она повернулась к двум остальным.

Старик не сводил с нее глаз.

— Ежели наклепаете на Горбуна, мы за него заступимся,— произнес он негромко.— Скажем, что вы все врете.

— Ну и хрен с тобой! — закричала она.— Никто не станет тебя слушать, ты сам это знаешь. Никто!

Старик присмирел.

— Да,— согласился он.— Нас никто не слушает.

— Хочу к Джорджу,— захныкал Ленни.— Хочу к Джорджу.

Огрызок подошел к нему вплотную.

— Не бойсь,— сказал он.— Похоже, ребята возвращаются. Джордж сейчас будет здесь.— Он повернулся к женщине.— А вы шли бы лучше домой,— сказал он спокойно.— Ежели уйдете, мы не скажем Кудряшу, что вы были здесь.

Она смерила его взглядом.

— А с чего ты взял, что они возвращаются? Я ничего не слышу.

— Зачем же рисковать,— сказал он.— Ежели не слышите, все одно, лучше подальше от греха.

Она повернулась к Ленни.

— Я рада, что ты проучил Кудряша. Он сам нарывался. Иногда и мне охота его двинуть как следует.

Она проскользнула в дверь и исчезла в темной конюшне. Зазвенели уздечки, лошади зафыркали, забили копытами.

Горбун мало-помалу оживал.

— Так, значит, и вправду возвращаются? — спросил он.

— Само собой. Я же слышал.

— А я вот ничего не слышал.

— Хлопнули ворота,— сказал старик.— Она-то умеет проскользнуть тихонько. Ей не привыкать.

Горбуну больше не хотелось разговаривать про эту женщину.

— Шли бы вы, ребята,— сказал он.— Я хочу один побыть. Должны же и у цветного быть какие-то права, даже ежели ему от них один вред.

— Эта сука не смела так с тобой говорить,— сказал Огрызок.

— Какая разница,— отозвался Горбун равнодушно.—

Вы пришли, за разговором я и забыл, кто я такой. А она напомнила.

Лошади в конюшне снова зафыркали, зазвенели уздечки, и послышался громкий оклик:

— Ленни, а Ленни! Ты где?

— Это Джордж! — крикнул Ленни и с живостью отзывался: — Я здесь, Джордж! Здесь!

Через секунду Джордж появился в дверях и недовольно оглядел каморку.

— Чего это ты делаешь у Горбуна? Тебе нельзя здесь быть.

Горбун кивнул.

— Я им говорил, но они все одно вошли.

— Так почему же ты их не выгнал?

— Я не супротив, — сказал Горбун. — Ленни такой славный.

Огрызок вдруг встрепенулся.

— Слышь, Джордж! Я уже все обдумал! И даже подсчитал, сколько мы можем заработать на кроликах.

Джордж сердито поглядел на него.

— Я, кажется, предупреждал вас обоих, чтоб вы никому ни слова.

Старик сразу же оробел.

— Мы и не говорили ни слова никому, кроме Горбуна.

— Ну ладно, пошли отсюда, — сказал Джордж. — Господи, на минуту и то нельзя отлучиться.

Огрызок с Ленни встали и пошли к двери.

Горбун окликнул старика:

— Огрызок!

— Ну, чего тебе?

— Помнишь, что я говорил насчет огорода и всякой работы?

— Да, — сказал Огрызок. — Конечно, помню.

— Так вот, забудь, — сказал Горбун. — Я пошутил. Я не хочу на ваше ранчо.

— Ладно, дело твое. Спокойной ночи.

Джордж, Ленни и Огрызок вышли. Когда они проходили через конюшню, лошади зафыркали, зазвенели уздечками.

Некоторое время Горбун сидел на койке и глядел им вслед, потом потянулся за склянкой с мазью. Он задрал рубашку на спине, налил на ладонь немного мази и начал медленно тереть спину.

Угол огромной конюшни был почти до потолка завален свежим сеном, тут же стояли вилы с четырьмя зубьями. Сено высилось горой, полого спускавшейся к другому углу, и здесь было свободное, не доверху заваленное место. Вдоль стен тянулись стойла, и между перегородками виднелись лошадиные морды.

Воскресенье. Лошади отдыхали. Они тыкались мордами в кормушки, били копытами в деревянные перегородки и звенели уздечками. Солнце проглядывало сквозь щели в стене и яркими полосами ложилось на сено. В послеполуденной жаре лениво жужжали мухи.

Снаружи раздавался звон подковы о железную стойку и одобрителные или насмешливые крики игроков. А в конюшне тихо, душно и жужжали мухи.

Ленни сидел подле ящика со щенками в углу конюшни, у сеновала. Сидел на сене и разглядывал мертвого щенка. Разглядывал долго, потом протянул огромную ручищу, погладил его от головы до хвостика и тихо спросил:

— Отчего ты издох? Ты ж не такой маленький, как мышь. И я не очень сильно тебя гладил.— Он приподнял голову щенка, поглядел на его мордочку и сказал: — Вот узнает Джордж, что ты сдох, и не позволит мне кормить кроликов.

Он вырыл ямку, положил туда щенка и прикрыл его сеном, но продолжал, не отрываясь, смотреть на холмик. Он сказал:

— Но я не натворил ничего такого, чтоб бежать и прятаться в кустах. Нет. Это еще ничего. Скажу Джорджу, что щенок сам издох.

Он откопал щенка, осмотрел его и снова погладил от головы до хвоста. Потом горестно продолжал:

— Но Джордж все одно узнает. Он завсегда все узнает. Он скажет: «Это ты сделал. Не вздумай морочить мне голову». И скажет: «За это ты не будешь кормить кроликов!»

Вдруг он рассердился.

— Как тебе не совестно! — воскликнул он.— Почему ты издох? Ты не такой маленький, как мышь.— Он схватил щенка, швырнул его в сторону и отвернулся. Потом сел, наклонившись вперед, и прошептал: — Теперь я не буду кормить кроликов. Джордж не позволит.

От горя он медленно раскачивался взад-вперед.

Снаружи слышался звон подковы, а потом несколько

голосов. Ленни встал, снова подобрал щенка, положил его на сено и сел. Он опять погладил щенка.

— Ты еще маленький,— сказал он.— Мне говорили столько раз, что ты маленький. Но я не знал, что тебя так легко убить.— Он потрогал пальцами мягкое щенячье ухо.— Может, Джордж все-таки не очень рассердится,— сказал он.— Ведь про того сукина сына он сказал — это ничего.

Из-за крайнего стойла появилась жена Кудряша. Она подкралась тихонько, и Ленни ее не видел. На ней было то же яркое бумажное платье и домашние туфли с красными страусовыми перьями. Лицо сильно наругано, и все локоны-колбаски аккуратно прибраны. Она молча подошла вплотную к Ленни, и только тогда он поднял голову и увидел ее.

В испуге он быстро зарыл щенка в сено. Потом бросил на нее враждебный взгляд.

— Что ты здесь делаешь, дружок? — спросила она. Ленни сердито посмотрел на нее.

— Джордж велел держаться от вас подальше. Не разговаривать с вами и вообще ничего такого.

Она засмеялась.

— Джордж всегда над тобой распоряжается?

Ленни потупил глаза.

— Он сказал, что не позволит мне кормить кроликов, ежели я стану разговаривать с вами.

— Бойся, как бы Кудряш не взъярился,— тихо сказала она.— Ну так вот, у него рука на перевязи, а ежели он к тебе пристанет, можешь сломать ему и другую. И не заливай, будто рука у него попала в машину.

Однако Ленни твердо стоял на своем.

— Ну уж нет. Не буду я с вами разговаривать.

Женщина опустилась на колени рядом с ним.

— Послушай,— сказала она.— Сейчас все играют в подкову. Еще четырех нет. Они ни за что не бросят, куда не доиграют кон. Почему ж мне нельзя с тобой поговорить? Мне ведь не с кем разговаривать. Я так одинока.

— Но мне не велено говорить с вами,— настаивал Ленни.

— Я одинока,— повторила она.— Ты можешь разговаривать с кем хочешь, а я — ни с кем, кроме Кудряша. Иначе он бесится. Как думаешь, весело это — ни с кем не разговаривать?

— Но мне не велено,— сказал Ленни.— Джордж боится, что я попаду в беду...

Она переменяла разговор:

— Чего это у тебя там закопано?

И тогда Ленни снова охватила тоска.

— Это мой щенок,— сказал он горестно.— Мой щеночек.

И он смахнул со щенка сено.

— Да ведь он мертвый! — воскликнула она.

— Он такой маленький,— сказал Ленни.— Я хотел только поиграть с ним... А он вроде как укусить норовит... а я его легонечко этак — шлеп... а он и умер.

Она стала его утешать.

— Не огорчайся. Он ведь всего-навсего щенок. Возьмешь другого. Здесь их полным-полно.

— Я не про это,— сказал Ленни жалобно.— Теперь Джордж не позволит мне кормить кроликов.

— Но почему?

— Он сказал, ежели я еще чего натворю, он не позволит мне кормить кроликов.

Она придвинулась ближе и заговорила успокаивающе:

— Ты не бойся, это ничего, что ты со мной разговариваешь. Слышишь, как они там кричат? У них на кону четыре доллара. Ни один с места не сойдет, покуда игра не кончится.

— Увидит Джордж, что я разговариваю с вами, задаст мне жару,— шепнул Ленни опасливо.— Он так и сказал.

Лицо ее стало злым.

— Да что я, не человек? — выкрикнула она.— Почему я не имею права ни с кем поговорить? За кого они меня считают? Ты такой славный. Отчего ж мне нельзя поговорить с тобой? Я тебе ничего плохого не сделаю.

— Но Джордж говорит, что из-за вас мы попадем в беду.

— Глупости,— сказала она.— Что я тебе плохого делаю? Ну, понятно, им всем на меня наплевать, они и знать не хотят, каково мне здесь живется. А я тебе вот чего скажу — я не привыкла к такой жизни. Я могла бы кой-чего добиться. И, может, еще добьюсь,— добавила она с угрозой.

И заговорила быстро, увлеченно, словно спешила высказаться, пока ее слушают.

— Я жила в самом Салинасе. Меня туда еще девочкой привезли. Как-то приехал на гастроли театр, и я познакомилась с одним актером. Он сказал, что я могу поехать с ихним театром. Но мать не отпускала. Говорила, что я еще мала — мне тогда всего пятнадцать было. Но тот ак-

тер звал меня. И будь уверен, ежели б я уехала, уж я б не жила вот так, как сейчас.

Ленни погладил мертвого щенка.

— У нас будет маленькое ранчо... и кролики,— сказал он.

Но она спешила рассказать о себе, прежде чем ей помешают.

— А в другой раз я встретила еще одного человека, он в кино работал. Я ходила с ним танцевать в «Приречный дансинг-холл». И он сказал, что поможет мне устроиться в кино. Сказал, что я — самородок. Что он вскорости вернется в Голливуд и напишет мне.— Она испытующе взглянула на Ленни: произвели ли ее слова хоть какое-то впечатление.— Но я так и не дождалась письма,— сказала она.— Сдается мне, мать перехватила. Ну, я не хотела оставаться там, где ничего нельзя добиться в жизни, да еще и письма перехватывают. Я напрямки спросила мать, перехватила она письмо или же нет,— она стала отпираться. А потом я вышла за Кудряша. Мы как раз в тот самый вечер познакомились с ним в «Дансинге». Ты меня слушаешь?

— Я? Само собой.

— Так вот. Я еще никому об этом не говорила, может, так и надо, кто знает. Я не люблю Кудряша. Он плохой.— После этого признания она пододвинулась к Ленни и села рядом.— Я могла бы жить в роскошных отелях, и за мной гонялись бы фотографы. И я ходила бы на все просмотры и выступала по радио, и это не стоило бы мне ни цента, потому что я была бы киноактрисой. И носила бы красивые платья, как все они. Недаром же тот человек сказал, что я — самородок.

Она посмотрела на Ленни и красиво повела рукой, показывая, что умеет играть. Пальцы ее описали в воздухе плавную дугу, мизинец изящно оттопырился.

Ленни глубоко вздохнул. На дворе раздался звон подковы и одобрительные крики.

— Кто-то удачно сыграл,— сказала она.

Солнце садилось, и светлые полосы ползли по стене, подымаясь выше яслей и лошадиных голов.

— Может, ежели я унесу щенка и выброшу его, Джордж ничего не узнает,— сказал Ленни.— И тогда он позволит мне кормить кроликов.

— Неужто ты ни об чем, кроме кроликов, думать не можешь? — сердито спросила она.

— У нас будет маленькое ранчо,— терпеливо объяснил

Ленни.— Будут сад и луг, а на нем люцерна для кроликов, и я буду брать мешок, набивать люцерной и кормить кроликов.

— А почему ты так любишь кроликов? — спросила она.

Ленни долго думал, прежде чем нашел объяснение. Он осторожно пододвинулся к ней.

— Я люблю гладить все мягкое. Один раз на ярмарке я видел пушистых кроликов. И я знаю, их приятно гладить. Иногда я гладил даже мышей, ежели не было ничего лучше.

Женщина испуганно отодвинулась от него.

— По-моему, ты чокнутый, — сказала она.

— Нет, — серьезно возразил Ленни. — Джордж говорит, что нет. Просто я люблю гладить все мягкое.

Она немного успокоилась.

— А кто не любит? — сказала она. — Всякий любит. Я вот люблю щупать шелк и бархат.

Ленни радостно засмеялся.

— Еще бы! — воскликнул он. — И у меня когда-то был бархат. Мне его дала одна женщина, и эта женщина была... была... моя тетя Клара. Она дала мне вот такой кусок. Был бы он у меня сейчас... — Ленни нахмурился. — Но я его потерял, — сказал он. — Уже давно.

Женщина засмеялась.

— Ты чокнутый, — сказала она. — Но все одно, кажется, ты славный. Просто большой ребенок. Кажется, я тебя понимаю. Иногда стану причесываться, долго сижу и глажу волосы, потому как они мягонькие. — И чтоб показать, как она это делает, женщина провела рукой по своим волосам. — У некоторых волосы жесткие, — сказала она самодовольно. — Взять, к примеру, хоть Кудряша. Волосы совсем как проволока. А у меня — мягкие и тонкие. Потому что я их часто расчесываю. От этого они делаются еще мягче. Вот пощупай. — Она взяла руку Ленни и положила себе на голову. — Потрогай — чувствуешь, какие мягкие?

Огромная ручища Ленни начала гладить ее волосы.

— Только не растрепи, — сказала она.

— Ох, до чего ж приятно! — сказал Ленни и стал гладить сильнее. — До чего ж это приятно!

— Осторожней, ты меня растреплешь. — Потом она сердито прикрикнула: — Да перестань же, ты меня совсем растрепал!

Она дергала головой, но пальцы Ленни вцепились в волосы намертво.

— Пусти! — вскрикнула она. — Слышишь, пусти!

Ленни был в смятении. Лицо его исказилось. Она завизжала, и тогда Ленни свободной рукой зажал ей рот и нос.

— Пожалуйста, не кричите,— попросил он.— Ну, пожалуйста, не надо. Джордж рассердится.

Она отчаянно билась в его руках. Ноги ее колотили по сену, она извивалась, пытаясь освободиться, и из-под ладони Ленни вырывались приглушенные стоны. Ленни заплакал от страха.

— Ну, пожалуйста, не надо!— молил он.— Джордж скажет, что я опять чего-то натворил. Он не позволит мне кормить кроликов.

Он слегка отпустил руку, и сразу же раздался ее хриплый крик. Тогда Ленни рассердился.

— Замолчите,— сказал он.— Я не хочу, чтоб вы кричали. Из-за вас я попаду в беду. Джордж так и сказал. Замолчите.

А она все вырывалась, и в глазах у нее застыл ужас. Тогда он встряхнул ее, все больше сердясь.

— Не кричите,— сказал он и снова встряхнул ее.

Она забилась, как рыба. А потом вдруг затихла. Ленни сломал ей шею.

Он посмотрел на нее и осторожно отнял ладонь от ее рта.

— Я не хотел сделать вам больно,— сказал он.— Но Джордж рассердится, ежели вы будете кричать.

Она не отвечала, не двигалась, и тогда он склонился над ней. Он приподнял ее руку, потом отпустил... Сперва он как будто был только удивлен. Потом прошептал со страхом:

— Я чего-то натворил. Я опять чего-то такое натворил.

И стал забрасывать труп сеном, покуда не завалил до половины.

Со двора донеслись крики, двойной удар подковы. И тут Ленни впервые подумал о том, что происходит там, на дворе. Он присел на корточки и прислушался.

— Я и впрямь чего-то натворил,— сказал он.— Не надо было мне этого делать. Джордж рассердится. И... он сказал... спрячься в кустах и дожидайся меня. Он рассердится... В кустах дожидайся меня. Так он сказал.

Ленни повернулся и взглянул на мертвую, полузаваленную сеном женщину. Щенок лежал рядом с ней. Ленни взял его в руки.

— Я его выброшу,— сказал он.— И без того худо...

Он сунул щенка за пазуху, на четвереньках подполз

к стене и поглядел сквозь щель на игроков. Потом ползком обогнул ближнее стойло и скрылся.

Солнечные полосы поднялись теперь высоко по стене, конюшня была залита мягким вечерним светом. Жена Кудряша лежала навзничь, прикрытая сеном.

В конюшне было тихо, и на всем ранчо царила предвечерняя тишина. Даже звон подковы и крики игроков, казалось, стали глуше. Сумрак постепенно окутывал конюшню, хотя на дворе было еще совсем светло. В отворенную дверь влетел голубь, покружил под потолком и снова вылетел на волю. Из-за крайнего стойла вышла овчарка, длинная, поджарая, с тяжелыми, отвисшими сосцами. Не дойдя до ящика, где лежали щенки, она почуяла мертвечину, и шерсть у нее на загривке встала дыбом. Она заскулила, на брюхе подползла к ящику и прыгнула в него, к щенкам.

Жена Кудряша лежала, полузаваленная сеном. Ожесточенность, тревога, тщеславие — все исчезло. Она стала теперь такой милой, такой простой, и ее личико казалось нежным и юным. Нарумяненные щеки и накрашенные губы оживляли его, словно она лишь задремала. Локоны-колбаски разметались по сему, губы приоткрылись.

Как это иногда бывает — время вдруг на миг остановилось, замерло. Звон смолк, движение прервалось, и длилось это много, много долгих мгновений.

Потом время ожило и медленной поступью двинулось дальше. Лошади забили копытами в стойлах, зазвенели уздечки. Голоса снаружи стали громче и звонче.

Из-за крайнего стойла слышался голос Огрызка:

— Ленни, — позвал он. — Эй, Ленни! Ты здесь, что ли? Я придумал еще кое-чего. Мы могли бы, Ленни... — Старик появился из-за крайнего стойла. — Эй, Ленни! — позвал он снова и вдруг остановился как вкопанный. Он потерял культи седую щетину на щеке. — Я не знал, что вы здесь, — сказал он жене Кудряша.

Она не откликнулась. Тогда он подошел ближе.

— Негоже вам тут спать, — сказал он укоризненно; потом подошел вплотную и...

— О господи! — Он беспомощно огляделся и потерял подбородок. Потом резко повернулся и выбежал из конюшни.

Конюшня давно уже ожила. Лошади били копытами, фыркали, жевали соломенную подстилку и звенели уздечками. Вскоре старик вернулся.

Следом за ним спешил Джордж.

— Так чего такое ты хотел мне сказать? — спросил он.

Огрызок указал на лежащую женщину. Джордж в недоумении уставился на нее.

— Чего это с ней такое? — спросил он. Потом подошел поближе и сказал, как Огрызок, слово в слово: — О господи!

Он опустился рядом на колени и приложил руку к груди женщины. Когда же он, наконец, встал, медленно и с трудом, лицо у него было каменное, а взгляд застывший.

— Кто ж это мог сделать? — спросил Огрызок.

Джордж взглянул на него пустыми глазами.

— Ты что, не понял разве? — спросил он. И старик сразу смолк. — Я должен был это предвидеть, — сказал Джордж, беспомощно озираясь. — В душе я чувствовал, что так оно и будет.

— Что ж нам теперь делать, Джордж? — спросил Огрызок. — Что же делать?

Джордж ответил не сразу, после долгого молчания.

— Вот что... Надобно рассказать... им всем... Надобно поймать его и посадить под замок. Нельзя дать ему улизнуть. Ведь этот дурак разнесчастный вскорости помрет с голоду. — Тут он сам попытался ободрить себя: — Может, его не тронут, просто посадят под замок.

Но старик воскликнул взволнованно:

— А по-моему, надобно помочь ему сбежать! Ты не знаешь Кудряша. Кудряш захочет его линчевать. И забьет насмерть.

Джордж пристально смотрел, как шевелятся губы старика.

— Да, — вымолвил он наконец. — Да, Кудряш так и сделает. И другие тоже.

Тут он снова взглянул на мертвую женщину.

А Огрызок заговорил о том, что волновало его больше всего прочего:

— Но мы с тобой все одно купим ранчо, ведь правда, Джордж? Переедем и проживем там, ведь правда, Джордж? Ведь это правда?

Но еще прежде чем Джордж ответил, старик потупил голову и уставился в пол. Он сам все понял.

Джордж сказал тихо:

— Сдается мне, я предвидел это с самого начала. Сдается мне, я предвидел, что этому никогда не бывать. Он любил слушать про это, и я сам поверил...

— Стало быть... все кончено? — спросил Огрызок с тоской.

Джордж не ответил. Помолчав, он сказал:

— Поработаю до конца месяца, получу свои полсотни долларов да закачусь на всю ночь к девочкам. Или буду сидеть в бильярдной до тех пор, покуда все не разойдутся по домам. А потом вернусь и буду вкалывать еще с месяц, и получу еще полста монет.

Старик сказал:

— Безобидный парень. Никогда не думал, что он может такое натворить.

А Джордж все смотрел на женщину.

— Это он не по злобе,— сказал наконец Джордж.— Он и раньше, бывало, начудит, но всегда без умысла.— Джордж выпрямился и повернулся к старику.— А теперь слушай. Надо сказать им всем. Они, понятно, его изловят. Тут уж ничего не поделаешь. Может, они его не убьют.— И он обронил с ненавистью: — Я не дам им убить Ленни. Слушай, ты. Они могут подумать, будто и я в этом деле замешан. Сейчас я пойду в барак. А малость погодя ты выйдешь и скажешь всем про нее. Потом приду и я, будто ничего не видел. Хорошо? Тогда никто на меня не подумает.

— Само собой, Джордж,— ответил старик.— Само собой, сделаю.

— Ну и ладно. Тогда обожди маленько, а потом выбежишь и скажешь так, будто только что ее нашел. А я пойду в барак.

Джордж повернулся и быстро вышел из конюшни.

Старик проводил его взглядом. Потом беспомощно поглядел на женщину, и вся его досада вдруг излилась в словах:

— Ты, потаскуха раснесчастная,— сказал он со злобой.— Добилась своего? Теперь небось рада? Все знали, что с тобой не миновать беды. Какой от тебя был толк? И теперь нету толку, дрянь ты паскудная, задрыга.— Он всхлипнул, и голос его задрожал.— А я мог бы работать на огороде и мыть посуду для друзей.— Он помолчал, потом продолжал заученным тоном, снова повторяя те же слова: — А ежели приедет цирк или будет бейсбольный матч... мы пойдем туда... скажем: «К чертям работу»,— да и пойдем. Ни у кого не будем спрашиваться... У нас будут и свинья, и куры... а зимой... пузатая печка... и дождь... И мы будем сидеть у печки...

Глаза его затуманились, он потер культией щетинистую щеку, повернулся и побрел к двери.

Шум игры смолк. Послышались удивленные крики, быстрый топот ног, и в конюшню ворвались люди.— Рослый,

Карлсон, молодой Уит, Кудряш и Горбун, который держался позади всех. Потом вошел Огрызок, а последним — Джордж. Джордж успел надеть свою синюю куртку, застегнулся на все пуговицы и низко надвинул на лоб черную шляпу. Мужчины, обогнув крайнее стойло, в полумраке отыскивали глазами убитую и замерли.

Потом Рослый тихонько подошел и пощупал у нее пульс. Коснулся пальцами ее щеки, подсунул руку под вывернутую шею. Когда он выпрямился, все, толпясь, подступили ближе. Оцепенение спало.

Кудряш взъярился.

— Я знаю, чьих рук это дело! — заорал он. — Того здорового сукина сына! Больше никому! Ведь все остальные играли в подкову.

И он начал распалять себя еще пуще.

— Ему от меня не уйти! Вот только возьму ружье! Своей рукой пристрелю мерзавца! Кишки выпущу! За мной, ребята!

Он в ярости выбежал из конюшни.

Карлсон сказал:

— Побегу возьму пистолет, — и выскочил вслед за ним.

Рослый медленно повернулся к Джорджу.

— Видать, это и взаправду Ленни сделал, — сказал он. — У нее шея сломана. С Ленни такое станется.

Джордж не ответил, только кивнул. Шляпа его была надвинута низко, на самые глаза.

— Может, как тогда, в Уиде все вышло — помнишь, ты рассказывал, — продолжал Рослый.

Джордж снова кивнул. Рослый сказал со вздохом:

— Что ж, придется его изловить. Как думаешь, где он?

Джордж ответил не сразу — каждое слово давалось с трудом:

— Он... наверно, пошел на юг. Мы пришли с севера, так что теперь он должен был пойти на юг.

— Придется его изловить, — повторил Рослый.

Джордж подошел к нему вплотную.

— А нельзя ли привести его сюда да посадить под замок? Он ведь чокнутый. Сделал это без умысла.

Рослый кивнул.

— Можно, — сказал он. — Ежели только удержать Кудряша. Но Кудряш беспрерывно хочет его пристрелить. Кудряш не забыл про свою руку. Но даже ежели Ленни посадят под замок, то отхлещут ремнем и навсегда упекут за решетку. Хорошего тут мало, Джордж.

— Знаю, — отозвался Джордж. — Знаю.

В конюшню вбежал Карлсон.

— Этот подлец украл мой «люгер»! — крикнул он. — Его нет в мешке!

Вслед за ним вошел Кудряш, неся в здоровой руке ружье. Теперь он был спокоен.

— Ничего, ребята, — сказал он. — У черномазого есть дробовик. Возьми, Карлсон. Как увидишь его, смотри не упусти. Пали прямо в брюхо. Он сразу и свалится.

— А у меня вот нету ружья, — сказал Уит с досадой.

— Ты поезжай в Соледад и сообщи в полицию, — сказал Кудряш. — Привези сюда Ола Уилтса, помощника шерифа. Ну, двинули. — Он подозрительно глянул на Джорджа. — И ты с нами.

— Да, — сказал Джордж. — Я с вами. Но, послушай, Кудряш. Ведь он, бедняга, полоумный. Не убивай его. Он сам не знал, чего делает.

— Не убивать? — заорал Кудряш. — Да у него пистолет Карлсона! Пристрелим его, и дело с концом.

— А что, ежели Карлсон сам потерял пистолет? — нерешительно возразил Джордж.

— Я его видел сегодня утром, — сказал Карлсон. — Нет уж, дело ясное, его украли.

Рослый все стоял, глядя на жену Кудряша. Он сказал:

— Кудряш... может, тебе лучше остаться здесь, с ней? Кудряш побагровел.

— Нет, я пойду, — сказал он. — Я выпущу этому подлецу кишки, хоть у меня только одна рука здоровая. Ему теперь не уйти.

Рослый повернулся к старику.

— Ну, тогда останься хоть ты с ней, Огрызок. А мы пойдем.

И они ушли. Джордж задержался подле Огрызка — оба смотрели на мертвую женщину. Но тут Кудряш крикнул:

— Эй, Джордж, не отставай, а то как бы мы про тебя чего не подумали!

Джордж медленно побрел следом, едва волоча ноги.

Когда они ушли, Огрызок присел на корточки, разглядывая мертвое лицо.

— Бедняжка, — сказал он шепотом.

Шаги и голоса затихли вдали. В конюшне становилось все темней, лошади в стойлах били копытами и звенели уздечками. Старик лег на сено и прикрыл глаза рукой.

В эту предвечернюю пору зеленая вода в глубокой заводи реки Салинас была недвижна. Солнце уже не освещало долину, лучи его скользили лишь по склонам хребта Габилан, и горные вершины розовели в этих лучах. А на заводь, окруженную корявыми стволами сикоморов, ниспала благодатная тень.

По воде бесшумно скользнула водяная змейка, поворачивая голову, как перископ, из стороны в сторону; она переплыла заводь и очутилась у самых ног цапли, неподвижно стоявшей на отмели. Цапля стремительно ухватила клювом извивающуюся змейку за голову и проглотила.

Откуда-то издалека налетел порывистый ветер и волной прокатился по кронам деревьев. Листья сикоморов обернулись серебристой подкладкой, бурая палая листва взметнулась вверх и, пролетев несколько футов, снова опустилась на землю. Зеленая вода подернулась мелкой рябью.

Ветер улегся так же мгновенно, как и поднялся, и на поляне снова все замерло. Цапля стояла у берега, недвижно, выжидая. Еще одна водяная змейка показалась в заводи, поворачивая голову, как перископ, из стороны в сторону.

Вдруг из кустов появился Ленни. Он ступал тихо, будто медведь, подкрадывающийся к улью. Цапля взмахнула крыльями, поднялась над водой и полетела к низовьям реки. Змейка скрылась в прибрежном камыше.

Ленни тихо подошел к заводи, встал на колени и напился, припав губами к воде. У него за спиной в сухих листьях затрепыхалась какая-то птичка. Он вздрогнул и прислушался, озираясь, потом увидел птичку, пригнул голову и снова стал пить.

Напившись, он сел на землю, боком к реке, чтоб видеть тропу. Обхватил колени руками и положил на них подбородок.

Свет медленно меркнул в долине, отчего, казалось, вершины гор засверкали ярче.

Ленни сказал тихо:

— Я не забыл. Нет. Спрятаться в кустах и ждать Джорджа.— Он низко надвинул шляпу на лоб.— Джордж задаст мне жару,— прошептал он.— Скажет: «Эх, ежели б я был один и ты не висел у меня на шее...» — Он повернул голову и поглядел на залитые солнцем вершины гор.— Я могу уйти туда и сыскать себе пещеру,— сказал он, а по-

том добавил с тоской: — И никогда не есть кетчупа. Но это все одно. Ежели Джорджу я не нужен... я уйду, уйду.

И тут Ленни почудилось, будто из его головы вышла седоволосая толстушка. На носу у нее были очки с толстыми стеклами, на животе — широкий полосатый фартук с карманами. Вся одежда была чистая, накрахмаленная. Толстушка стояла перед Ленни подбоченясь и неодобрительно хмурилась.

Вдруг она заговорила голосом самого Ленни.

— Сколько раз я тебе втолковывала, чтоб ты слушался Джорджа, — сказала она. — Он такой хороший человек и так добр к тебе. Но ты и ухом не повел. Тебе бы только бедокурить.

И Ленни ответил:

— Я старался, тетя Клара. Я очень старался. Но у меня ничего не выходило.

— Ты совсем не думал о Джордже, — продолжала она голосом Ленни. — А он все время об тебе заботился, делился всем. То лучший кусок пирога отдаст, то кетчуп.

— Знаю, — сказал Ленни жалобно. — Я старался, тетя Клара, очень даже старался.

Она перебила его:

— А ведь ежели б не ты, он и горя не знал бы, вот как. Получал бы свои денежки да развлекался с девочками или на бильярде играл. Но ему надо было об тебе заботиться.

Ленни застонал от раскаяния.

— Знаю, тетя Клара, знаю. Я уйду в горы, сыщу пещеру, стану там жить и больше не буду досаждать Джорджу.

— Ты только так говоришь, — сказала она резко. — Ты всегда так говорил, а сам знаешь, распросукин ты сын, что никогда этого не сделаешь. Так и будешь тянуть из Джорджа жилы.

— Но я могу уйти. Все одно Джордж теперь не позволит мне кормить кроликов.

Тетя Клара исчезла, а из головы у Ленни выпрыгнул огромный кролик. Он присел на задние лапы, пошевелил ушами, сморщил нос. И тоже заговорил голосом Ленни.

— Куда тебе кроликов кормить! — сказал он презрительно. — Дурак полоумный! Да ты недостойн пятки кроликам лизать. Ты позабудешь про них, и они останутся голодные. Вот и все. Но что тогда скажет Джордж?

— Я не позабуду! — крикнул Ленни.

— Позабудешь, — настаивал кролик. — Ты не достоин тех ржавых гвоздей, которыми черти тебя в аду распнут.

Видит бог, Джордж сделал все, чтоб вытащить тебя из грязи, да какой толк! Ежели ты думаешь, что Джордж позволит тебе кормить кроликов, стало быть, ты вовсе спятил. Как бы не так. Он выбьет из тебя дурь палкой.

Ленни возразил вызывающе:

— Не станет он меня бить. Даже и не подумает. Я знаю Джорджа с... не помню уж, с каких пор... и он никогда на меня палкой даже не замахнулся. Он меня любит. Он добрый.

— Но ты ему осточертел,— сказал кролик.— Он из тебя выбьет дурь, а потом плюнет и уйдет.

— Ни за что! — завопил Ленни в отчаянии.— Даже и не подумает! Я знаю Джорджа. Мы с ним давно вместе. Но кролик твердил свое:

— Он тебя бросит, дурак ты полоумный. Бросит здесь одного. Он тебя бросит, дурак полоумный.

Ленни зажал уши.

— Не бросит, говорю тебе, не бросит.

И закричал:

— Эй, Джордж, Джордж, Джордж!

Джордж тихо вышел из кустов, и кролик юркнул обратно в голову Ленни.

Джордж спросил вполголоса:

— Ну, чего ты кричишь?

Ленни привстал.

— Ты ведь не бросишь меня, правда, Джордж? Я знаю, ты меня не бросишь.

Джордж медленно подошел и сел рядом.

— Нет.

— Я знал! — воскликнул Ленни.— Ты не такой!

Джордж молчал.

Ленни сказал:

— Джордж...

— Ну?

— Я опять чего-то натворил.

— Это неважно,— сказал Джордж и снова замолчал.

Теперь только самые макушки гор озарялись солнцем. В долине царил мягкий, голубоватый сумрак. Издалека донесся мужской голос, ему откликнулся другой. Джордж повернул голову и прислушался.

Ленни сказал:

— Джордж...

— Да?

— Ты не задашь мне жару?

— Тебе жару?

— Ну, как всегда. Вот так: «Ежели б не ты, я взял бы свои полсотни долларов...»

— Господи, Ленни! Ты не помнишь ничего, что с тобой случается, но помнишь каждое мое слово.

— Разве ты не скажешь мне это?

Джордж кое-как совладал с собой. Он ответил безжизненным голосом:

— Будь я один, я б и горя не знал.— Голос его звучал ровно, бесстрастно.— Работал бы себе, и никаких неприятностей...

Он замолчал.

— Дальше,— сказал Ленни.— «А в конце месяца...»

— А в конце месяца я получал бы свои полсотни долларов и шел развлекаться с девочками...

Он замолчал снова.

Ленни нетерпеливо посмотрел на него.

— Говори дальше, Джордж. Разве ты не задашь мне еще жару?

— Нет,— сказал Джордж.

— Что ж, я могу уйти,— сказал Ленни.— Ежели я тебе не нужен, пойду в горы и сыщу там пещеру.

Джордж снова овладел собой.

— Нет,— ответил он.— Я хочу, чтоб ты остался со мною.

Ленни сказал лукаво:

— Тогда расскажи мне, как раньше...

— Про что рассказать?

— Про других и про нас.

Джордж сказал:

— У таких, как мы, нет семьи. Они сперва малость подзаработают, а потом все промотают. Они без роду, без племени, никто об них не заботится...

— Другое дело — мы! — радостно подхватил Ленни.— Расскажи теперь про нас.

Джордж помолчал.

— Другое дело — мы,— сказал он.

— Потому что...

— Потому что у меня есть ты...

— А у меня — ты. Мы с тобой всегда вместе, мы друг о друге заботимся! — воскликнул Ленни с торжеством.

Легкий вечерний ветерок пронесся по поляне, зашелетели листья, и зеленая заводь подернулась рябью.

И снова раздались голоса, на этот раз ближе.

Джордж снял шляпу. Он сказал дрогнувшим голосом:

— Сними и ты шляпу, Ленни. Сегодня тепло.

Ленни послушно снял шляпу и положил подле себя на землю. Сумрак в долине отливал синевой — быстро смеркалось. Ветер донес треск кустов.

Ленни попросил:

— Расскажи, как мы будем жить.

Джордж прислушивался к голосам. Лицо у него теперь было сосредоточенное.

— Гляди вон туда, за реку, Ленни, а я буду рассказывать, и ты словно бы увидишь все своими глазами.

Ленни отвернулся от него и стал смотреть через заводь на темнеющие горные склоны.

— У нас будет маленькое ранчо, — начал Джордж. Он вынул из кармана пистолет Карлсона, взвел курок и положил пистолет на землю за спиной у Ленни. Потом поглядел Ленни в затылок.

Со стороны реки донесся мужской голос, и другой голос тотчас ему откликнулся.

— Ну, говори же, — попросил Ленни.

Джордж поднял пистолет, но рука его дрогнула и вновь опустилась.

— Дальше, — сказал Ленни. — Рассказывай, рассказывай. У нас будет маленькое ранчо...

— У нас будет корова, — сказал Джордж. — И еще, пожалуй, свинья и куры... а на лугу... мы посеем люцерну...

— Для кроликов! — подхватил Ленни.

— Для кроликов, — повторил Джордж.

— И я буду кормить кроликов.

— Будешь, будешь.

Ленни радостно засмеялся.

— И мы будем сами себе хозяева.

— Да.

Ленни обернулся.

— Нет, Ленни, гляди за реку, тогда ты все увидишь своими глазами.

Ленни повиновался. Джордж взглянул на револьвер. В кустах слышался треск, потом тяжелые шаги. Джордж обернулся на шум.

— Говори же, Джордж. Когда все это будет?

— Скоро.

— Мы будем там жить с тобой вдвоем.

— Да. Мы... вдвоем... Тебя никто не обидит, и... никаких неприятностей. Никто не будет у тебя ничего отбирать.

Ленни сказал:

— А я думал, ты рассердишься на меня, Джордж.

— Нет, — сказал Джордж. — Нет, Ленни. Я не сержусь.

Я никогда не сердился на тебя. Вот и теперь тоже. Я хочу, чтоб ты это знал.

Голоса раздавались совсем уже близко. Джордж поднял пистолет и прислушался.

Ленни попросил:

— Давай купим ранчо сейчас. Прямо сейчас.

— Само собой... Я... Мы...

Джордж уставил пистолет прямо Ленни в затылок. Рука у него тряслась, но лицо было решительным, и он, совладав с дрожью, нажал спуск. Выстрел прокатился по долине и разнесся эхом по горам. Ленни дернулся, потом медленно стал заваливаться и упал ничком на песок.

Джордж вздрогнул, глянул на пистолет, потом швырнул его на кучу золы.

На поляне слышались крики и топот бегущих ног. Раздался окрик Рослого:

— Джордж! Ты где, Джордж?

Джордж недвижно сидел на берегу и глядел на свою правую руку, которой отшвырнул револьвер. На поляну бежали люди. Впереди — Кудряш. Он увидел Ленни, лежавшего на песке.

— Готов, — сказал он, подойдя вплотную. Потом поглядел на Ленни, на Джорджа. — Аккурат в затылок, — добавил он тихо.

Подошел и Рослый, сел рядом с Джорджем.

— Что ж, — сказал он. — Бывает, и на такое решиться надобно.

Карлсон стоял тут же.

— Как это ты? — спросил он.

— Очень просто, — ответил устало Джордж.

— У него был мой пистолет?

— Да.

— А ты отобрал пистолет и застрелил его?

— Да. — Джордж говорил почти шепотом. Он снова поглядел на свою правую руку.

Рослый взял Джорджа за плечо.

— Пойдем, Джордж. Пойдем выпьем чего-нибудь.

Он помог Джорджу встать. Тот не сопротивлялся.

— Выпьем.

Рослый сказал:

— У тебя не было выбора, Джордж. Ей-богу не было. Пошли.

И повел Джорджа по тропе в сторону шоссе.

Кудряш и Карлсон посмотрели им вслед. Карлсон сказал:

— Чего это они сами не свои?

РЫЖИЙ ПОНИ

ПОДАРОК

Билли Бак вышел на рассвете из сарая и постоял минутку на крыльце, глядя в небо. Билли был кривоногий крепыш с длинными обвислыми, как у моржа, усами, с квадратной кистью рук, бугрившихся на ладонях твердыми мускулами. Его водянисто-серые глаза смотрели сосредоточенно, а волосы, торчавшие из-под широкополой шляпы, были жесткие и почти обесцвеченные солнцем. Стоя на крыльце, Билли заправлял рубашку в синие бумажные брюки. Он расстегнул пояс и затянул его потуже. Блестящие полоски около каждой дырочки показывали постепенный, из года в год, рост его брюшка. Билли убедился, что погода хорошая, громко высморкался, зажимая поочередно ноздри указательным пальцем, и пошел к конюшне, потирая на ходу руки. Он стал чистить скребницей и щеткой двух верховых лошадей, ласково приговаривая что-то, и только-только успел управиться с этим, как в доме ударили в железный треугольник. Билли сложил вместе щетку и скребницу, приткнул их на переборку между стойлами и пошел завтракать. Движения у Билли Бака были неторопливые, но вместе с тем такие экономные во времени, что, когда он подошел к дому, миссис Тифлин еще не кончила звонить. Она кивнула ему своей сидящей головой и ушла в кухню. Билли Бак сел на ступеньки, потому что он был работником на ферме и ему не подобало входить в столовую первым. Он услышал, как мистер Тифлин топает ногами по полу, надевая сапоги.

Высокие дребезжащие звуки треугольника подняли со сна мальчика Джоди. Он был еще совсем маленький мальчик, всего десяти лет от роду, с волосами, похожими на пыльно-желтую траву, с застенчиво-вежливым взглядом серых глаз и подвижным в минуту задумчивости ртом. Треугольник проник в сны Джоди. У него и в мыслях не было, что можно послушаться этого пронзительного звона. Он по-

виновался ему всегда, и другие тоже повиновались. Джоди откинул со лба спутанные волосы и стащил через голову ночную сорочку. Минута — и он уже оделся в синюю бумажную рубашку и комбинезон. Лето было в самом разгаре, значит, можно обойтись без башмаков. Войдя на кухню, Джоди подождал, когда мать отойдет от раковины к плите, потом умылся и прочесал пальцами мокрые волосы. Мать круто повернулась к нему. Джоди застенчиво отвел глаза в сторону.

— Надо тебя постричь. Ишь зарос как, — сказала мать. — Завтрак готов. Иди в столовую, тогда и Билли войдет.

Джоди сел за длинный стол, покрытый белой клеенкой, кое-где протертой до самой основы от частого мытья. На столе уже стояла сковородка с яичницей-глазуньей. Джоди положил себе на тарелку кусок яичницы с тремя желтками и добавил к этому три толстых ломтика поджаренной грудинки. Потом принялся старательно счищать с одного желтка кровяное пятнышко.

В столовую тяжелыми шагами вошел Билли Бак.

— Не отравишься, — сказал Билли. — Это петух такую отметину оставил.

На пороге появился высокий, строгий отец Джоди, и по его шагам Джоди догадался, что отец в сапогах; тем не менее он заглянул под стол, чтобы удостовериться в этом. Отец погасил керосиновую лампу, висевшую над столом, потому что в окна уже лился утренний свет.

Джоди не стал спрашивать, куда собрались отец и Билли Бак, хотя ему очень хотелось поехать с ними. Отец воспитывал его в строгости. Джоди повиновался ему беспрекословно. Карл Тифлин сел за стол и пододвинул к себе сковородку с яичницей.

— Ну как, Билли, где у тебя коровы? — спросил он.

— В нижнем загоне, — ответил Билли. — Да я и один с ними управляюсь.

— Управиться-то справишься, но в компании веселее. А мне, кроме того, и горло не мешает промочить. — Карл Тифлин был настроен шутливо в это утро.

Мать Джоди высунула голову из-за двери.

— Карл, а когда ты вернешься?

— Не знаю. Мне надо кое с кем повидаться в Салинасе. Может быть, задержусь до вечера.

Яичница, кофе и большие оладьи быстро исчезли со стола. Джоди вышел из дому следом за обоими мужчинами. Он видел, как они сели верхом, вывели из загона шесть

старых дойных коров и погнали их вверх по склону холма, к Салинасу. Они поехали продавать старых коров мяснику.

Когда отец и Билли Бак скрылись по ту сторону холма, Джоди спустился вниз по дороге и вышел на зады фермы. Из-за угла дома, извиваясь всем телом и радостно скаля свои страшные зубы, выбежали две собаки. Джоди погладил их обеих — дворняжку Боя с длинным толстым хвостом и желтыми глазами и колли Молодца, который загрыз койота и лишился в этой схватке одного уха. Здоровое ухо у Молодца неподобающим для колли образом стояло торчком. Билли Бак говорил, что у одноухих всегда так бывает. После бурных приветствий собаки с деловым видом уткнулись носом в землю и бросились вперед, то и дело оглядываясь на бегу, идет ли за ними мальчик. Все втроем они свернули на птичий двор и увидели перепела, клевавшего корм вместе с курами. Молодец погнался за курами, ради практики, на тот случай, если когда-нибудь придется сторожить стадо овец.

Джоди побрел дальше по огороду, между рядами зеленой кукурузы, поднимавшейся выше его головы. Тыквы были еще зеленые и маленькие. Он подошел к зарослям полыни; холодная ключевая вода бежала оттуда по желобу и падала в широкую деревянную бочку. Он наклонился и потянул воду губами в том месте, где она была всего вкуснее, — около замшелого края бочки. Потом посмотрел назад — на низкий белый дом, опоясанный красной геранью, и на длинный сарай около кипариса, где жил один Билли Бак. Под кипарисом стоял большой черный котел — тот самый, в котором шпарили свиные туши. Солнце вставало из-за холма, заливая ослепительными лучами побеленный дом, побеленные надворные постройки, и матово поблескивало на росистой траве. Позади Джоди, в высокой полыни, шурша ее сухой осыпью, сновали птицы; белки пронзительно стрекотали на склонах холма. Джоди смотрел на ферму. Во всем, даже в воздухе, ему чудилась какая-то зыбкость, он чувствовал близость каких-то перемен, потери чего-то и обретения нового, неизведанного. Два больших черных коршуна неслись над холмом близко к самой земле, а их тени плавно и быстро скользили чуть впереди. Где-нибудь поблизости валялась падаля. Джоди знал это наверняка. Может быть, дохлая корова, может быть, заяц. Коршуны своего не упустят. Джоди ненавидел этих птиц, как ненавидит их каждое порядочное существо, но убивать коршунов не полагалось, потому что они подбирают падаля.

Мальчик зашагал вниз по склону холма. Собаки давно бросили его и скрылись в полыни, поглощенные своими собственными делами. Он снова вышел на огород, остановился и раздавил пяткой зеленую дыню, но это не доставило ему ни малейшего удовольствия. Нехорошо так делать, он прекрасно знал это. Он сгреб ногой землю и прикрыл ею раздавленную дыню.

Дома, на кухне, мать взяла его огрубевшие руки в свои и осмотрела ему пальцы и ногти. Наводить на Джоди чистоту перед школой было бесполезно — ведь мало ли что может случиться дорогой. Она вздохнула, увидев у него цыпки, потом дала ему книги и завтрак и отправила в школу за милу от фермы. Она заметила, что сегодня утром губы у Джоди дергаются больше обычного.

Джоди отправился в путь. По дороге он набил карманы кусочками белого кварца и то и дело швырял ими в птиц или в какого-нибудь кролика, зазевавшегося на солнцепеке. У перекрестка за мостом он повстречал двоих приятелей, и они пошли дальше втроем, делая огромные шаги и дурачась, как только могли. Занятия в школе начались всего лишь две недели назад. Мятежный дух еще не угас в школьниках.

Было четыре часа, когда Джоди снова поднялся на холм и посмотрел вниз, на ферму. Он искал глазами верховых лошадей, но в загоне было пусто. Отец еще не вернулся. Тогда Джоди медленно двинулся навстречу дневным трудам. Подойдя к дому, он увидел, что мать сидит на крыльце и штопает чулки.

— Там для тебя оставлены две оладьи, поди возьми их, — сказала она.

Джоди юркнул на кухню и вернулся с полным ртом, почти наполовину прикончив одну оладью. Мать спросила, что у них проходили сегодня в школе, и, не дослушав его невнятного бормотанья, сказала:

— Джоди, смотри, чтобы сегодня ящик с хворостом был набит доверху. Вчера ты клал сучья крест-накрест, там и половины не было. Сегодня клади ровнее. И вот еще что, Джоди: куры прячут яйца, а может, это собаки их съедают. Poiщи в траве, нет ли там гнезд.

Не переставая жевать, Джоди сошел со ступенек и принялся за свои домашние дела. Он бросил зерна курам и увидел перепелку, которая клевала вместе с ними. Отцу почему-то нравилось, что перепела залетают на птичий двор. Он не позволял стрелять вблизи дома, боясь, как бы это не спугнуло их.

Когда ящик для хвороста был полон, Джоди взял свое ружье и отправился с ним к холодному ручейку в зарослях полыни. Он снова попил воды, а потом стал целиться во все, что попадалось на глаза,— в камни, в летающих птиц, в большой черный котел под кипарисом,— но только целиться, а не стрелять, потому что патронов у него не было и не будет, пока ему не исполнится двенадцать лет. Если отец увидит, что он прицеливается в сторону дома, разрешение на патроны будет отложено еще на год. Джоди вспомнил об этом и больше не стал наводить дуло вниз по склону холма. Ждать патронов два года и так срок не малый. Почти все отцовские подарки сопровождались какими-нибудь ограничениями, что до некоторой степени снижало их ценность. Это называлось дисциплиной.

Отца ждали с ужином до темноты. Когда наконец он вошел в столовую вместе с Билли Баком, Джоди учуял, что от них восхитительно пахнет коньяком. Он возликовал в глубине души, потому что, когда в комнате вот так пахло, отец часто разговаривал с ним, случалось даже, рассказывал ему о своих проделках в озорные детские годы.

После ужина Джоди сел у камина, и его застенчиво-вежливые глаза так и забегали по углам столовой. Джоди ждал, когда же отец откроет свой секрет, ибо он был уверен, что у отца есть какие-то новости. Но ему пришлось разочароваться. Отец строго показал на него пальцем.

— Ложись спать, Джоди, ты мне утром понадобишься.

Это было не так уж плохо. Джоди любил хозяйственные дела, которые выходили за пределы каждодневной рутины. Он посмотрел себе под ноги, и губы его дернулись, прежде чем с них сорвался вопрос.

— А что мы будем делать утром, резать свинью? — тихо спросил он.

— Ладно, ладно, иди-ка лучше спать.

Затворив за собою дверь, Джоди услышал позади смешки отца и Билли Бака и понял, что они над чем-то подшучивают. А позднее, когда он лежал в постели, стараясь уловить хоть что-нибудь из приглушенного разговора в соседней комнате, до него донесся протестующий голос отца:

— Да что ты, Руфь, я дал за него недорого.

Джоди слышал, как совы охотятся на мышей у сарая, слышал, как ветка яблони постукивает по стене дома. Когда он совсем уже засыпал, где-то невдалеке замычала корова.

На следующее утро Джоди оделся по звону треугольника еще быстрее, чем всегда. Пока он умывался и причесывался на кухне, мать сердито говорила ему:

— Не смей никуда убегать, сначала позавтракай как следует.

Джоди вошел в столовую и сел за длинный белый стол. Он взял с тарелки дымящийся блин, положил на него яичницу, покрыл ее вторым блином и примял все это вилкой.

Вошли отец и Билли Бак. По звуку их шагов Джоди догадался, что оба они в башмаках, но все-таки заглянул под стол, чтобы удостовериться в этом. Отец погасил керосиновую лампу, потому что день уже настал; лицо у него было суровое, строгое, а Билли Бак даже не посмотрел на Джоди. Он старался избегать застенчивого, вопрошающего взгляда мальчика и обмакнул в кофе сразу весь ломоть поджаренного хлеба.

Карл Тифлин резко сказал:

— После завтрака пойдешь с нами.

Джоди еле справился с едой; ему казалось, что в самом воздухе чувствуется что-то грозное. Наконец Билли Бак поднял блюдо, выпил с него кофе, расплескавшийся из чашки, вытер руки о штаны, и тогда они с отцом встали из-за стола и вышли на светлый по-утреннему двор, а Джоди в отдалении почтительно следовал за ними. Он старался удержать мысли, чтобы они не забежали вперед, старался удержать их в полной неподвижности.

Мать крикнула им вдогонку:

— Карл! Смотри, как бы он не задержался, ему в школу идти.

Они прошли мимо кипариса, на ветке которого висела распорка для свиных туш, и мимо черного железного котла, — значит, свиней резать не будут. Солнце вставало над холмом, и от деревьев и построек тянулись по земле длинные черные тени. Они свернули к конюшне, напрямик, по жнивью. Отец Джоди откинул крючок с двери, и они вошли в конюшню. По дороге сюда солнце светило им прямо в лицо. В конюшне было темно, как ночью, а от сена и лошадей веяло теплом. Отец Джоди подошел к стойлу.

— Поди сюда, — скомандовал он.

Джоди уже начинал кое-что различать в темноте. Он заглянул в стойло и быстро отступил назад.

Оттуда на него смотрел рыжий жеребенок-пони. Его уши настороженно стояли торчком, в глазах горел непокорный огонек. Шерсть была совсем грубая и густая, как

у эрделя, грива длинная и спутанная. Горло у Джоди свело судорогой, ему перехватило дыхание.

— Его надо как следует почистить,— сказал отец,— и если я когда-нибудь услышу, что ты не кормишь жеребенка или не убираешь стойло,—сейчас же его продам.

Джоди больше не мог смотреть в глаза пони. Он перевел взгляд на свои руки, потом робко спросил:

— Это мне?

Никто не ответил ему. Он протянул руку к жеребенку. Серый нос приблизился к ней, громко втягивая ноздрями воздух, а потом верхняя губа поползла вверх, и сильные зубы прикусили пальцы Джоди. Пони покачал головой вверх и вниз и словно засмеялся от удовольствия. Джоди посмотрел на свои посиневшие пальцы.

— Да-а,— сказал он с гордостью,— да-а, здорово кусается!

Мужчины рассмеялись, видимо, почувствовав облегчение. Карл Тифлин вышел из конюшни и зашагал вверх по склону холма — он был смущен, и ему хотелось побыть одному, но Билли Бак остался в конюшне. Говорить с Билли Баком было легче. Джоди снова спросил:

— Это мне?

Билли заговорил тоном опытного лошадника:

— Тебе, тебе! Конечно, при условии, что ты будешь сам за ним ходить и тренировать его. Я тебя научу, как это делается. Он жеребенок. Ездить на нем еще рано.

Джоди снова протянул свою укушенную руку, и на этот раз рыжий пони позволил почесать себе нос.

— Надо дать ему морковку,— сказал Джоди.— Где вы его купили?

— На аукционе у шерифа,— ответил Билли Бак.— В Салинасе прогорел заезжий цирк, остались долги. Шериф пустил их имущество с торгов.

Пони вытянул шею и, мотнув головой, стряхнул набок челку, закрывавшую его бешеные глаза. Джоди провел сму рукой по носу, потом тихо спросил:

— А... седла нет?

Билли Бак засмеялся:

— Я и забыл. Пойдем.

В каретнике он снял с крюка маленькое седло, крытое красным сафьяном.

— Это цирковое,— пренебрежительно сказал Билли Бак.— В зарослях на таком не больно поездишь. Зато дешево купили.

Джоди и тут не верил самому себе, боялся смотреть на

седло, боялся вымолвить слово. Он провел кончиками пальцев по блестящему красному сафьяну и после долгого молчания сказал:

— А все-таки на нем оно будет красиво.

Он старался вспомнить самое величественное и самое прекрасное из всего, что знал.

— Если его еще никак не зовут, я придумал ему имя,— сказал он.— Гора Габилан.

Билли Бак понимал, что сейчас чувствует Джоди.

— Пожалуй, длинновато. А почему не просто Габилан? Габилан по-индейски — сокол. Красивое имя.— Билли радовался вместе с ним.— Если начешешь у него волос из хвоста, я их сплету. У тебя будет аркан.

Джоди хотелось вернуться назад в стойло.

— Как по-твоему, можно мне сводить его в школу, показать ребятам?

Но Билли покачал головой.

— Он еще узды не знает. Мы с ним замучились дорогой. Пришлось чуть ли не силком тащить. А сейчас тебе пора в школу.

— Я сегодня приведу ребят, пусть посмотрят,— сказал Джоди.

Днем шестеро мальчиков, опустив головы, работая локтями, тяжело отдуваясь, сбежали с холма на полчаса раньше обычного времени. Они пронеслись мимо дома и свернули к конюшне напрямик, через жнивье. И там, оробев, остановились перед пони, а потом взглянули на Джоди глазами, полными нового для них восхищения и новой почтительности. До сих пор Джоди был мальчик как мальчик — в комбинезоне и синей рубашке, как у всех; мальчик, который был тише многих ребят и даже слегка подозревался в трусливости. Но теперь он стал совсем другим. Откуда-то из тысячетней дали к ним пришло то уважение, которое питает к всаднику пешеход. Они почувствовали, что человек верхом на лошади и духовно и физически больше человека, который идет пешком. Они почувствовали, что чудесная сила подняла когда-то равного им во всем Джоди и поставила его над ними.

Габилан высунул голову из стойла и принюхался к мальчикам.

— Что же ты не едешь на нем? — закричали они.— Что же ты не вплетишь ему ленточки в хвост, как на ярмарке? Когда же ты будешь на нем ездить?

Джоди расхрабрился. Он тоже почувствовал в себе величие всадника.

— Нет, ему рано. На нем еще нельзя ездить. Я буду гонять его на корде. Билли Бак меня научит.

— Неужели нам и поводить его нельзя? Ну, хоть немножко?

— Да он еще узды не знает,— сказал Джоди. Ему хотелось, чтобы никого вокруг не было, когда он в первый раз выведет пони из стойла.— Пойдемте, я покажу вам седло.

При виде красного сафьянового седла мальчики потеряли дар речи, седло просто сразило их.

— В зарослях на таком не больно поездишь,— пояснил Джоди,— а все-таки на нем оно будет красиво. А если поеду в заросли,— что ж, можно и без седла.

— Как же ты заарканишь корову без луки?

— Ну, может, у меня будет еще одно седло, на каждый день. Папа хочет, чтобы я помогал ему со стадом.

Он дал им ощупать красное седло, показал уздечку с медным налобником и большими медными бляхами. Уздечка была просто загляденье. Мальчикам уже пора было уходить, и каждый из них перебирал в уме свои сокровища, отыскивая среди них то, что не стыдно будет предложить за разрешение покататься на рыжем пони, как только придет время седлать его.

Джоди обрадовался, когда они ушли. Он снял с гвоздя щетку и скребницу, отодвинул засов и осторожно вошел в стойло. Пони сверкнул глазами и круто повернулся, приготовившись ударить задом. Но Джоди дотронулся до его плеча, почесал ему крутую, выгнутую шею, совсем как Билли Бак, и сказал нараспев низким, грудным голосом: «О-о, коня-яш...» Пони мало-помалу успокоился. Джоди стал чистить его щеткой и скребницей, и скоро на полу накопился ворох вычесанных волос, а рыжая шерсть пони покрылась глянцем. Джоди никак не мог кончить, ему все казалось, что этого мало, что надо еще лучше. Он заплел гриву косичками, заплел челку, потом опять расчесал их и пригладил щеткой.

Джоди не слышал, как в конюшню вошла мать. Она пожаловала сюда сердитая, но, взглянув на пони и на возившегося с ним Джоди, вдруг почувствовала, как сердце ее наполнилось гордостью.

— А про хворост ты забыл? — мягко спросила она. — Скоро стемнеет, а дома ни щепочки, и куры не кормлены.

Джоди быстро сложил щетку и скребницу.

— Забыл, мама.

— Давай уговоримся так: ты сначала делай все свои дела, тогда ничего не забудешь. Если за тобой не приглядывать, ты теперь все будешь забывать.

— Мама, можно мне носить ему морковь с огорода?

Она подумала, прежде чем ответить.

— Ну что ж... Только молодую не рви, выбирай, которая покрупнее.

— От моркови шкура становится шелковистая,— сказал Джоди, и сердце у матери снова наполнилось гордостью.

С тех пор как на ферму привели пони, Джоди уже не дожидался, когда треугольник поднимет его с кровати. Он вставал прежде, чем просыпалась мать, одевался и тихонько шел в конюшню посмотреть на Габилана. В серой предрассветной тишине, когда земля, полынь, постройки, деревья были, как на негативе, в два цвета — серебристо-серый и черный, Джоди, крадучись, шел к конюшне мимо дремлющих камней и дремлющего кипариса. Индюшки, забравшиеся на дерево, чтобы не попасться на зубы койоту, курлыкали сонными голосами. Поля серо поблескивали, словно тронутые инеем, и следы кроликов и полевых мышей четко виднелись по росе. Добродушные псы, еще не размявшие после сна, выходили из своих конур со вздыбленной шерстью на загривках и глухо ворчали. Потом, учуяв Джоди, оба они — Бой с толстым длинным хвостом и начинающий пастух Молодец — поднимали хвосты, приветливо помахивали ими и лениво возвращались каждый в свое теплое логово.

Все казалось таким необычным в эти часы, а путь к конюшне таким таинственным, словно продолжение сна. Первые дни Джоди было приятно мучить себя дорогой: а что, если Габилана не окажется в стойле или, еще хуже, что, если его там никогда и не было? Джоди терзал себя и другими сладостно-мучительными мыслями. А вдруг крысы прогрызли дыру в красном седле? Вдруг мыши обкусили Габилану весь хвост, и от него осталась теперь одна кочерыжка. Последние несколько футов Джоди летел во весь дух. Он отодвигал ржавый засов и входил в конюшню, но даже если дверь отворялась совсем бесшумно, Габилан все равно смотрел на Джоди поверх загородки. Габилан тихо ржал и бил передней ногой об пол, а в глазах у него светились красные искорки, словно там тлели угольки от дубовых поленьев.

В те дни, когда в поле шли работы, Джоди заставлял Билли Бака в конюшне за чисткой и запряжкой лошадей. Билли становился с ним рядом и долго смотрел на Габилана и рассказывал Джоди много всякой всячины о лошадях. Он говорил, что лошадь больше всего бережет ноги, и, чтобы она перестала бояться за них, ей надо оглаживать копыта и лодыжки. Он рассказывал Джоди о том, как лошади любят, когда с ними разговаривают. С пони тоже нужно разговаривать и все ему объяснять. Билли не ручался, что лошадь поймет каждое сказанное ей слово, но сколько она всего понимает, даже представить себе трудно. Лошадь никогда не станет баловать зря, если она любит человека и этот человек все ей объясняет. Билли приводил много примеров. Вот, скажем, одна лошадь, бывало, чуть не падает — так ухóдится, а стоит ей только объяснить, что до дома недалеко, и она сразу приободрится. А другая однажды испугалась — и ни взад, ни вперед со страху; ездок объяснил ей, что бояться нечего, и вмиг все прошло. Во время этих утренних бесед Билли Бак нарезал штук двадцать — тридцать соломинок одинаковой длины и засовывал их за ленту на шляпе. Днем, когда ему хотелось поковырять в зубах или просто пожевать что-нибудь, соломинки всегда были под рукой.

Джоди слушал Билли Бака внимательно: он знал, да и по всей округе знали, что в лошадиных делах Билли мастак. У Билли был свой собственный конь — поджарый, головастый индейский пони, — и этот пони брал первые призы на состязаниях. Билли ухитрялся в один миг заарканить молодого быка риатой, захлестнуть его двойной петлей за один рог и спешиться, а дальше пони уже сам маял быка, как рыболов мает рыбу на крючке, не ослабляя риаты до тех пор, пока бык не падал наземь и не прекращал борьбы.

По утрам, почистив пони щеткой и скребницей, Джоди открывал загородку в стойле, и Габилан пролетал мимо него и неся из конюшни в загон. Там он описывал круг за кругом на галопе и иногда делал прыжок и опускался на все четыре ноги. Он замирал на месте, весь дрожа, поставив уши торчком, и в притворном испуге так косил глазом, что только белки сверкали. Потом, пофыркивая, подходил к колоде и погружал туда морду по самые ноздри. В эти минуты Джоди гордился своим пони — он знал, что о лошади судят по тому, как она пьет. Плохая лошадь касается воды одними губами, а хороший, горячий конь погружает чуть не весь храп, так, чтобы только можно было дышать.

И Джоди стоял, не спуская с Габилана глаз, и видел в нем то, что ему никогда не приходилось замечать в других лошадях,— ровную, сбегающую книзу мускулатуру на ляжках, жилы на крупе, стягивающиеся в узлы, как рука, сжатая в кулак, и глянец, который наводит солнце на рыжую шерсть. Видя вокруг себя лошадей всю свою жизнь, Джоди никогда особенно не присматривался к ним. Но теперь он замечал, что подвижные уши придают выражение морде, и не какое-нибудь одно, постоянное, а разные. Пони разговаривал ушами. По тому, как у него стояли уши, можно было судить о его отношении к той или иной вещи. Иногда они были вытянуты в струнку, иногда торчали врозь. Они прядали назад, когда он пугался или злился, устремлялись вперед, когда он вдруг настораживался или был чем-нибудь заинтересован, доволен; положение ушей в точности соответствовало его ощущениям.

Билли Бак сдержал свое слово. Ранней осенью приступили к тренировке. Начали с недоуздка, и это было самое трудное, потому что это было начало. Джоди держал в руке морковку, завлекал, заманивал ею Габилана и тянул его за повод. Сопrotивляясь, пони упирался всеми четырьмя ногами, точно осел. Но вскоре он постиг эту науку. Джоди ходил по всей ферме, водя за собой Габилана. Постепенно он стал ослаблять повод, и пони следовал за ним сам, без принуждения.

Потом началась тренировка на корде. Эта работа двигалась еще медленнее. Джоди стоял в середине круга, держа в руке длинную корду. Он щелкал языком, и пони шел по кругу шагом. Джоди щелкал языком во второй раз, пускал пони рысцой, потом в третий — и пони переходил на галоп. Габилан скакал круг за кругом, дробно стуча копытами, и безмерно наслаждался пробежкой. Потом Джоди кричал: «Стоп!» — и пони останавливался. Не много времени потребовалось на то, чтобы научить Габилана проделывать все это без запинки. И тем не менее бывали дни, когда он вел себя из рук вон плохо. Он кусал Джоди за ляжки, наступал Джоди на ноги. Бывало и так, что он прижимал уши и норовил ударить мальчика задом. И после каждой такой выходки Габилан пятился назад и словно смеялся, довольный сам собой.

Билли Бак плел аркан по вечерам, у камина. Все это время Джоди собирал конский волос в мешочек, и каждый вечер он сидел возле Билли и следил за медленно подвигающейся работой. Билли брал несколько волосков и, ссучив их ладонями, скручивал по две таких прядки и из них плел

аркан. Закончив кусок, Билли катал его ногой по полу, чтобы он стал круглый и жесткий.

Тренировка на корде быстро шла к блистательному концу. Отец Джоди пришел однажды посмотреть, как пони по команде то останавливается, то снова идет по кругу рысью или галопом, и ему это не понравилось.

— Без малого дрессированный получается, — недовольно сказал он. — Не люблю дрессированных лошадей. Выделяют всякие фокусы, а... а благородства в них ни на грош. Что дрессированная лошадь, что актер — ни благородства, ни характера! — И отец добавил: — Приучай-ка ты его к седлу, так лучше будет.

Джоди со всех ног бросился в каретник. За несколько дней до этого он уже начал привыкать к седлу, кладя его на козлы для пилки дров. Он то укорачивал, то снова отпускал стремяна и никак не мог установить нужную длину. Иной раз, сидя верхом на козлах, Джоди выезжал далеко за пределы каретника, увешанного по стенам хомутами, подпругами, уздечками. Поперек седла у него лежала винтовка. Мимо проносились поля — он смотрел на них и слышал цоканье копыт мчавшегося галопом скакуна.

Трудная это была работа — оседлать пони в первый раз. Габилан приседал на задние ноги, становился на дыбы и сбрасывал седло, не давая затянуть подпругу. Приходилось начинать снова-здорово, и так до тех пор, пока пони не согласился терпеть седло у себя на спине. С подпругой тоже было немало хлопот. День ото дня Джоди подтягивал ее чуть туже, и, наконец, седло перестало беспокоить пони.

Потом настал черед уздечки. Билли сказал, что на первых порах надо класть Габилану в рот кусок солодкового корня вместо удила, и пояснил при этом:

— Конечно, силой всего можно добиться, но лошади это не пойдет на пользу. Вечно она будет чего-то побаиваться, и если станет слушаться тебя, то не по собственной воле, а по принуждению.

Когда пони взнуздали в первый раз, он непрестанно крутил головой и так мусолил языком удила, что в уголках рта у него выступила кровь. Он терся мордой о кормушку, пытаясь сорвать с себя уздечку. Он прядал ушами, глаза у него налились кровью от страха и неистовой злобы. Джоди ликовал, зная, что только никудышная лошадь не бунтует против тренировки.

И Джоди пробирала дрожь при одной только мысли о том, как он сядет в седло. Пони, наверно, сбросит его. Ничего позорного в этом нет. Он опозорится только в том

случае, если не вскочит сейчас же на ноги и не сядет в седло. Ему часто снилось, как он валяется в пыли и плачет и не может заставить себя снова сесть верхом. Стыд, испытанный во сне, обычно терзал его все утро.

Габилан рос быстро. Это был уже не долговязый жеребенок — он выровнялся, грива у него стала длинная и темная, от скребницы и щетки шерсть блестела, словно оранжево-красный лак. Джоди смазывал ему копыта маслом и постоянно подчищал их, чтобы не было трещин.

Аркан был почти готов. Отец подарил Джоди старые шпоры, сжал их по бокам, подрезал ремешки, укоротил цепочки по ноге. И вот в один прекрасный день Карл Тифлин сказал:

— Я и не думал, что твой пони так быстро подрастет. Пожалуй, в День благодарения можно будет его попробовать. Ну как, усидишь?

— Я не знаю, — застенчиво сказал Джоди. До праздника оставалось всего три недели. Джоди надеялся, что дождя в этот день не будет, потому что красное седло могло испортиться под дождем.

Габилан уже знал и любил своего хозяина. Он встречал Джоди ржанием, когда тот шел к нему через жнивье, и прибегал с луга на хозяйский свист. У Джоди всегда была припасена для него морковка.

Билли Бак неустанно обучал Джоди правилам верховой езды:

— Как сядешь в седло, сжимай лошади бока шенкелями и руки держи подальше от луки. Если сбросит, не сдавайся. На всякого наездника, даже на самого хорошего, найдется такая лошадь, которая сможет его сбросить. Если упадешь, сейчас же взбирайся обратно, не давай ему заважничать. А там, глядишь, он тебя и не сбросит, глядишь — ему и не изловчиться. Вот так с ними и надо поступать.

— Дай бог, чтобы дождя не было, — сказал Джоди.

— А что тебе дождь? Боишься в грязи вывалиться?

Отчасти это было верно, но, кроме того, Джоди боялся, что, став на дыбы, Габилан поскользнется, придавит его и сломает ему ногу или бедро. Джоди приходилось видеть такие случаи, приходилось видеть, как наездники корчились на земле, точно раздавленные букашки, и ему было заранее страшно.

Он практиковался на козлах, как надо держать поводья и шляпу: поводья в левой руке, шляпу — в правой. Если руки будут заняты, он не станет хвататься за луку, когда почувствует, что сползает с седла. Ему даже думать не хо-

телось о том, что случится, если он ухватится за лук. Отец и Билли Бак, наверно, перестанут разговаривать с ним — так им будет стыдно за него. Все об этом узнают, и матери тоже будет стыдно. А в школе... Этого и представить себе нельзя.

Он уже начал становиться левой ногой в стремя, но перебрасывать правую через спину Габилана все еще не решался. Это было запрещено до праздника.

Каждый день Джоди седлал пони и все туже затягивал подпругу у красного седла. Пони уже научился раздувать брюхо до совершенно противоестественных размеров, когда подтягивали подпругу, и выпускать дух, когда пряжка была застегнута. Джоди водил его к зарослям полыни и поил из круглой зеленой бочки; водил по жнивью на вершину холма, откуда были видны геометрически правильные квадраты полей, дубы, общипанные снизу овцами, и белый городок Салинас. Иной раз они продирались сквозь полынную чащу и выходили на маленькие плешины голой земли, которые полынь окружала такой плотной стеной, что казалось, весь мир отступал куда-то вдаль и от прежнего не оставалось ничего — только кусочек неба и кольцо полыни. Габилан любил такие путешествия и выражал свое удовольствие тем, что высоко задирает голову и раздувал дрожащие от любопытства ноздри. Когда Джоди и Габилан возвращались с таких прогулок, от них обоих прямо пахло полынью, сквозь которую они прокладывали себе путь.

Время, оставшееся до праздника, тянулось медленно, но зима наступала быстро. Тучи обложили все небо и целыми днями нависали над землей, задевая вершины холмов, а по ночам пронзительно завывал ветер. Сухие дубовые листья день-деньской падали на землю и наконец совсем запылили ее, но деревья стояли все такие же, их ничто не могло изменить.

Джоди так хотелось, чтобы до праздника не было дождя, но дожди все же начались. Бурая земля почернела, деревья влажно поблескивали. Короткое жнивье покрылось плесенью на срезе, копны сена стояли серые под дождем, а мох на крышах, летом серый, точно ящерица, теперь отливал желтизной, подернутой яркой прозеленью. Всю эту дождливую неделю Джоди держал пони в сухом стойле и, только возвращаясь из школы, выводил его поразмяться немного и напоить водой из колоды в верхнем загоне. Габилан ни разу не попал под сильный дождь.

Сырая погода продержалась до новых всходов травы. Джоди ходил в школу в непромокаемом плаще и в коротких резиновых сапогах. И вдруг как-то утром в небе ярко заблистало солнце. Убирая стойло, Джоди спросил Билли Бака:

— А может, оставить Габилана в загоне, пока я буду в школе?

— Что ж, пускай погрееется на солнышке,— ответил Билли.— Животное не любит подолгу стоять взаперти. Мы с твоим отцом пойдем прочищать ручей, его весь листьями засыпало.— Билли кивнул головой и поковырял в зубах соломинкой.

— А если пойдет дождь...— нерешительно сказал Джоди.

— Нет, сегодня вряд ли. Выждало как следует.— Билли подтянул рукава и щелкнул резинками.— А если пойдет, от маленького дождя лошади худо не будет.

— Все-таки, если пойдет, поставь его в стойло. Хорошо, Билли? Я боюсь, вдруг он простудится, тогда нельзя будет выехать на нем в праздник.

— Что ж, ладно. Если не задержимся там, я за ним присмотрю. Да нет, сегодня дождя не будет.

И Джоди ушел в школу, оставив Габилана в загоне. Билли Бак ошибался редко. Это было несвойственно ему. Но в этот день он ошибся, потому что вскоре после полудня над холмами собрались тучи, и полил дождь. Джоди слышал, как первые дождевые капли застучали по школьной крыше. Он хотел было поднять руку, отпроситься в уборную, а очутившись на свободе, ринуться домой и отвести пони в стойло. Наказание не заставило бы себя ждать ни в школе, ни дома. И он отказался от своего плана и успокаивал себя, вспоминая слова Билли, что от дождя лошади худо не будет. Когда уроки кончились, он побежал домой сквозь темную пелену дождя. С насыпи по обеим сторонам дороги сбежали вниз ручейки мутной воды. Холодный, порывистый, ветер гнал перед собой косые струи. Джоди трусил домой, шлепая по размытому гравию дороги.

С вершины холма он увидел в загоне жалко понурившегося Габилана. Его потемневшая до черноты шерсть была исполосована дождевыми струями. Он стоял, опустив голову, повернувшись задом к дождю и ветру. Джоди во весь дух сбежал с холма, распахнул двери конюшни и, ухватив промокшего пони за челку, ввел его в стойло. Потом он отыскал мешок и протер им мокрую спину, ноги и лодыжки

Габилана. Габилан терпеливо сносил все это, но по телу его, словно порывы ветра, пробегала дрожь.

Вытерев пони по возможности досуха, Джоди сбегал домой, принес в конюшню ведро горячей воды и засыпал туда овса. Габилан не очень проголодался. Он лениво цедил горячее месиво и все еще вздрагивал. От его влажной спины поднимался пар.

Было уже почти темно, когда Билли Бак и Карл Тифлин вернулись домой.

— Мы думали переждать у Бена Херча, а дождь застал чуть не на весь день,— пояснил Карл Тифлин.

Джоди укоризненно посмотрел на Билли Бака, и Билли почувствовал свою вину.

— Ты же сказал, что дождя не будет,— упрекнул его Джоди.

Билли отвел глаза в сторону.

— Такое уж время года, не угадаешь,— сказал он, но его оправдание прозвучало малоубедительно, и Билли сам знал это.

— Пони промок, прямо до костей промок.

— Ты его вытер?

— Да, растер мешком и засыпал овса в горячую воду.

Билли одобрительно кивнул.

— Как ты думаешь, Билли, он простудился?

— От такого дождя худа не будет,— успокоил его Билли.

Отец Джоди вмешался в их разговор и прочел мальчику нотацию.

— Лошадь,— сказал он,— это тебе не комнатная собачонка.— Карл Тифлин ненавидел все изнеженное, немощное и с глубочайшим презрением относился к чужой беспомощности.

Мать Джоди подала на стол блюдо с жареной говядиной, отварную картошку и тыкву, и комнату заволокло паром. Сели ужинать. Карл Тифлин продолжал ворчать по адресу тех, кто нянчится с животными и с людьми и делает из них каких-то неженков.

Билли Бак все еще не мог пережить свой промах.

— Ты покрыл его попоной? — спросил он.

— Нет, мешками. Попоны я не нашел.

— После ужина пойдем туда вместе, накроем его попоной.

У Билли немного отлегло от сердца. Когда отец Джоди пересел к камину, а мать занялась посудой, Билли отыскал фонарь и зажег его. Они с Джоди пошли по грязи к конюш-

не. Там хорошо пахло, и было темно и чуть душно. Лошади все еще жевали заданное с вечера сено.

— Держи фонарь,— сказал Билли.

Он пощупал Габилану ноги, провел ладонью по ляжкам, не горячие ли. Потом прижался щекой к его серому храпу, завернул ему веки, посмотрел глазные яблоки, посмотрел десны, подняв верхнюю губу, сунул пальцы в ухо.

— Да, что-то невеселый,— сказал Билли.— Надо его растереть как следует.

Билли взял мешок и стал сильно растирать Габилану сначала ноги, потом грудь и холку. Габилан отнесся к этому с какой-то странной безучастностью. Он терпеливо позволял растирать себя. Кончив растирание, Билли принес из каретника старую холщовую попону, накинул ее пони на спину и завязал шнурки у шеи и на груди.

— К утру будет как встрепанный,— сказал Билли.

Когда Джоди вернулся домой, мать подняла голову от посуды и посмотрела на него.

— Тебе давно пора спать,— сказала она. Потом взяла его за подбородок своей заскорузлой рукой, откинула ему волосы, спадавшие на глаза, и сказала: — Не беспокойся ты о своем пони. Он поправится. Билли все знает лучше любого ветеринара.

До этой минуты Джоди и не подозревал, что мать замечает его тревогу. Он осторожно увернулся от нее и, опустившись на колени у камина, стоял там до тех пор, пока ему не начало припекать живот. Он прожарился как следует и пошел спать, но уснуть сегодня было трудно. Когда он проснулся, ему показалось, что ночь прошла. В комнате было темно, хотя окно уже посерело, как это бывает перед рассветом. Он встал с кровати, разыскал свой комбинезон, сунул на ощупь ногу в штанину, и в это время в соседней комнате часы пробили два. Джоди положил комбинезон на стул и снова лег в постель. Когда он проснулся во второй раз, было уже совсем светло. Впервые в жизни Джоди проспал и не услышал треугольника. Он вскочил с кровати, оделся наспех и вышел из комнаты, застегивая на ходу рубашку. Мать проводила его взглядом и снова спокойно принялась за работу. Глаза у нее стали задумчивые и добрые. Время от времени она еле заметно улыбалась, но это не меняло выражения ее глаз.

Джоди побежал к конюшне. Уже на полдороге он услышал те звуки, которых страшился заранее,— сухой, сиплый

лошадиный кашель. Он припустил быстрее. В конюшне около пони стоял Билли Бак. Билли растирал ему ноги своими сильными, мускулистыми руками. Он поднял голову и весело улыбнулся.

— Простыл немножко,— сказал Билли.— Полечим его, и дня через два все пройдет.

Джоди посмотрел на Габилана. Глаза у него были полузакрыты, веки припухли и воспалились. В уголках глаз скопился подсохший гной. Уши разошлись врозь, голова была низко опущена. Джоди поднял руку, но пони не потянулся к ней. Он кашлянул, подавшись всем станом вперед. Из ноздрей у него прозрачной струйкой сочилась слезь.

Джоди оглянулся на Билли Бака.

— Он сильно заболел, Билли.

— Я же тебе говорю — простыл немножко,— стоял на своем Билли.— Ты поди позавтракай и собирайся в школу. Я за ним присмотрю.

— А вдруг у тебя будут другие дела? Вдруг ты уйдешь отсюда?

— Нет, я не уйду. Я его не брошу. Завтра суббота. Завтра сиди около него хоть весь день.

Билли сделал еще один промах, и это не давало ему покоя. Теперь пони надо было вылечить во что бы то ни стало.

Джоди вернулся домой и с отсутствующим видом сел за стол. Яичница и грудинка уже остыли и покрылись салом, но он не заметил этого и съел свою обычную порцию. Он даже не стал просить, чтобы ему позволили пропустить уроки в школе. Убирая его тарелку, мать откинула ему волосы со лба.

— Билли побудет с твоим пони,— уверенно сказала она.

Он томился в школе, не чая, когда кончатся занятия. Он не мог ответить ни на один вопрос, не мог прочесть ни одной строчки. Он даже не решался сказать кому-нибудь, что пони заболел, боясь, как бы Габилану не стало еще хуже от этого. И когда уроки кончились, побрел домой, с ужасом думая о том, что его ждет там. Он шел медленно и скоро отстал от товарищей. Ему хотелось все идти, идти и так никогда и не приходить на ферму.

Билли был в конюшне, как и обещал, но пони стало хуже. Глаза у него почти закрылись, дыхание со свистом рвалось из груди, словно пробиваясь сквозь какую-то преграду в носу. Часть глазного яблока, видневшаяся из-под век, затягивала мутная пленка. Пони, вероятно, ничего не

видел теперь. Он фыркал время от времени, но от этого нос ему закладывало еще больше. Джоди тоскливо смотрел на его шерсть. Она была взъерошенная и потеряла весь свой глянец. Билли молча стоял около загородки. Джоди очень не хотелось спрашивать, но он должен был знать правду.

— Билли, он... он поправится?

Билли сунул руку между перекладами и пощупал у Габилана под скулой.

— Потрогай вот здесь,— сказал он и положил пальцы Джоди на большую опухоль под нижней челюстью Габилана.— Когда она станет еще больше, я ее вскрою, и ему полегчает.

Джоди быстро отвернулся, потому что ему уже приходилось слышать про такие опухоли.

— А что с ним?

Билли не хотелось отвечать, но ответить было нужно. Он не мог совершить ошибку в третий раз.

— Мыт,— коротко сказал Билли.— Но ты не беспокойся. Вылечим. Я похуже видел, и ничего, выздоравливали. Сейчас надо устроить ему паровую ванну. Ты мне поможешь.

— Хорошо,— несчастным голосом сказал Джоди. Он пошел следом за Билли к ларю с овсом и стал смотреть, как Билли готовит мешок для паровой ванны. Это была длинная холщовая торба с ремешками, которые застегивались позади ушей. Билли насыпал в торбу на одну треть отрубей и добавил две пригоршни сухого хмеля. Потом полил все это карболкой и скипидаром.

— Пока я буду замешивать, ты сбегай домой, принеси котелок кипятку,— сказал Билли.

Когда Джоди вернулся с котелком горячей воды, Билли застегнул за ушами у Габилана верхние ремешки торбы и плотно приладил ее. Потом залил готовую смесь кипятком сквозь небольшое отверстие сбоку. Повалил сильный пар, и пони отпрянул назад, но испарения проникли ему в нос и в легкие и мало-помалу прочистили носоглотку. Он шумно вздохнул. Ноги у него дрожали мелкой дрожью, глаза закрылись от едкого пара. Билли снова подлил кипятку в торбу и продержал ее еще с четверть часа. Наконец он поставил котелок на пол и снял торбу с Габилана. Вид у пони сразу стал лучше. Теперь он дышал свободно, и глаза у него приоткрылись шире.

— Видишь, как помогло! — сказал Билли.— Теперь мы опять накроем его попоной. Может быть, к утру совсем поправится.

— Я останусь с ним на ночь,— сказал Джоди.

— Нет, это ни к чему. Я принесу свое одеяло и лягу здесь на сене. Ты с ним завтра побудешь, а если понадобится, сделаешь ему паровую ванну.

Уже вечерело, когда они пошли домой ужинать. Джоди даже не подумал о том, что кто-то покормил за него кур и наложил хворосту в ящик. Он прошел мимо дома к темным зарослям полыни и попил воды из бочки. Родниковая вода была холодная-холодная, от нее заломило зубы и пробрала дрожь. Небо над холмами все еще не померкло. Джоди увидел сокола, который летел так высоко, что лучи заходящего солнца били ему прямо в грудь, и весь он светился, как искра. Два черных дрозда неслись за ним следом и, палетая на своего врага, тоже поблескивали в солнечных лучах. На западе опять собирались тучи.

Пока семья ужинала, отец Джоди не проронил ни слова. Но когда Билли Бак взял свое одеяло и ушел спать в сарай, Карл Тифлин развел жаркий огонь в камине и стал рассказывать разные истории. Он рассказал про дикого человека с лошадиным хвостом и лошадиными ушами, который бегал везде нагишом; рассказал про полузайцев-полукошек, которые водятся в Моро Кохо и лазают по деревьям за птицами. Он извлек из небытия знаменитых братьев Максвелл, которые напали на золотоносную жилу и так искусно скрыли все ее следы, что потом и сами ничего не могли найти.

Джоди сидел, подперев руками подбородок, губы у него нервно подергивались, и в конце концов отец понял, что он слушает не очень внимательно.

— Разве не забавно? — спросил он.

Джоди рассмеялся из вежливости и сказал:

— Забавно, сэр.

Отец рассердился и обиделся. Больше в этот вечер он ничего не рассказывал.

Посидев у камина еще несколько минут, Джоди взял фонарь и пошел к конюшне. Билли Бак спал на сене; дыхание у пони было чуть хриплое, но ему явно полегчало. Джоди постоял около него, поглаживая пальцами взъерошенную рыжую шерсть, потом взял фонарь и вернулся домой. Когда он лег в постель, в комнату вошла мать.

— Ты хорошо укрылся? Дело идет к зиме.

— Да, мама.

— Ну, спи спокойно.— Мать, видимо, колебалась, уйти или нет, и постояла у его кровати.— Пони выздоровеет,— сказала она.

Джоди устал за день. Он заснул быстро и не просыпался до самого рассвета. Утром зазвонил треугольник, и Билли Бак подошел к дому, прежде чем Джоди успел выбежать во двор.

— Ну как он? — спросил Джоди.

Билли всегда набрасывался на свой завтрак с жадностью.

— Ничего. Я сегодня вскрою ему нарыв. Тогда, может, полегчает.

После завтрака Билли взял свой самый лучший нож с тонким, как игла, острием. Он долго правил блестящее лезвие на маленьком точильном камне. Не один и не два, а несколько раз пробовал острие и лезвие на мозолистой нашлапке большого пальца и, наконец, провел ножом по щетинистой верхней губе.

Идя к конюшне, Джоди заметил, как быстро начинает подрастать молодая трава и как быстро исчезает старое жнивье под самосевом. Утро было холодное и солнечное.

Взглянув на Габилана, Джоди сразу понял, что ему стало хуже. Глаза у него были залеплены спекшейся коркой гноя. Он стоял, так низко опустив голову, что почти касался мордой соломенной подстилки. При каждом его вздохе слышался стон, глубокий терпеливый стон.

Билли приподнял слабо поникшую голову и быстро сделал надрез. Джоди увидел, как из раны брызнул желтый гной. Он держал Габилану голову, пока Билли смазывал надрез карболовой мазью.

— Ну, теперь ему полегчает, — уверенно сказал Билли. — Вся болезнь из-за этой желтой гадости.

Джоди взглянул на Билли Бака, не веря его словам.

— Он тяжело болен.

Билли долго думал, прежде чем ответить ему. Он уже был готов бросить небрежным тоном что-нибудь успокоительное, но вовремя удержался.

— Да, тяжело... — сказал он наконец. — Но я не таких видал, и то поправлялись. Если это не воспаление легких, тогда вылечим. Ты побудь здесь. Станет хуже, прибежишь за мной.

Билли ушел, а Джоди долго стоял около пони, поглаживая его за ушами. Пони уже не вскидывал голову, как раньше, когда он был здоров. Стоны, сопровождавшие каждый его вздох, звучали все глуше и глуше.

Бой заглянул в двери конюшни, вызывая помахивая толстым хвостом, и его здоровый вид так рассердил Джоди, что он схватил с пола сухой черный ком земли и швырнул им в собаку. Бой с визгом побежаллизывать ушибленную лапу.

Билли Бак вернулся ближе к полудню и сделал Габилану еще одну паровую ванну. Джоди ждал, полегчает ли пони и на этот раз. Дыхание стало немного свободнее, но головы Габилан уже не поднимал.

Время тянулось медленно. В конце дня Джоди сходил домой, принес оттуда подушку и одеяло и устроил себе постель на сене. Он не стал спрашивать разрешения на это. По тому, как мать посмотрела на него, Джоди понял, что сейчас ему позволят почти все. Он зажег на ночь фонарь и повесил его возле стойла. Билли велел время от времени растирать Габилану ноги.

Ветер, поднявшийся с девяти часов, завывал около конюшни. И, несмотря на свою тревогу, Джоди почувствовал, что его клонит ко сну. Он залез под одеяло и задремал, но хриплые стоны Габилана проникали и в его сны. А еще Джоди слышал, как где-то что-то грохнуло, и этот грохот длился бесконечно и, наконец, разбудил его. По конюшне гулял ветер. Джоди вскочил и посмотрел вдоль прохода между стойлами. Дверь стояла настежь, и пони в конюшне не было.

Он схватил фонарь, выбежал навстречу ветру и увидел Габилана, который брел куда-то в темноту, опустив голову и, словно автомат, медленно переступая ногами. Джоди подбежал к нему, схватил его за челку, и Габилан покорно дал отвести себя в стойло. Он нутужно стонал, дыхание со свистом вырывалось у него из ноздрей. Джоди больше не спал в эту ночь. Сиплое дыхание пони становилось все громче и протяжнее.

Джоди обрадовался, когда Билли Бак вошел на рассвете в конюшню. Билли долго смотрел на пони, словно впервые видя его. Он пощупал ему ляжки и уши.

— Джоди, — сказал он, — мне придется тут кое-что сделать, а тебе лучше не смотреть на это. Иди домой, побудь пока там.

Джоди вцепился ему в локоть.

— Ты застрелишь его?

Билли похлопал мальчика по руке.

— Нет. Ему надо прорезать маленькое отверстие в дыхательном горле, а то он дышать не может. Нос совсем заложило. А когда поправится, поставим на это место маленькую медную затычку.

Джоди при всем своем желании не мог бы уйти сейчас из конюшни. Страшно видеть, как рыжую шкуру разрежут ножом, но еще ужаснее знать, что ее режут, и не видеть этого.

— Я не уйду,— с болью сказал он.— А без этого нельзя?

— Нет, нельзя. Хочешь остаться, тогда поддержи ему голову. Конечно, если не боишься, что будет тошнить.

Снова появился острый нож, и его снова подточили так же тщательно, как и в первый раз. Джоди задрал пони голову, чтобы шея у него была вытянута, пока Билли нащупывает место. Джоди всхлипнул только раз, когда острие блестящего ножа ушло в горло пони. Габилан слабо попятился назад и замер, дрожа всем станом. Кровь густо струилась по ножу, по пальцам Билли и стекала ему за обшлаг. Уверенная квадратная рука прорезала круглую дырку, и оттуда вместе с мелкими брызгами крови вырвался воздух. Глоток кислорода сразу придал Габилану сил. Он ударил задом, рванулся, пытаясь встать на дыбы, но Джоди не давал ему поднять голову, а Билли тем временем смазывал новую ранку карболовой мазью. Все было сделано как надо. Кровь остановилась, и ранка равномерно всасывала воздух и с бульканьем выпускала его обратно.

Дождь, который пригнало сюда ночным ветром, застучал по крыше конюшни. Потом послышался звон треугольника, сзывавший к завтраку.

— Ты сходи поешь, а я побуду здесь,— сказал Билли.— Надо последить, чтобы ранка не затягивалась.

Джоди медленно вышел из конюшни. Ему было так тоскливо, что даже не хотелось рассказывать Билли, как дверь распахнуло ветром и как пони ушел из конюшни. Он вышел на влажный свежий воздух и зашагал по грязи к дому, с каким-то злобным наслаждением разбрызгивая каждую лужу. Мать накормила его и переодела во все сухое. Она ни о чем не спрашивала Джоди. Она понимала, что сейчас не время задавать вопросы. Но когда Джоди опять собрался в конюшню, она сняла с плиты кастрюльку с горячей едой.

— Отнеси ему,— сказала она.

Но Джоди не взял кастрюльки. Джоди сказал: «Он сейчас не будет есть»,— и выбежал из дому. В конюшне

Билли показал ему, как надо наматывать вату на палочку и протирать ранку, чтобы ее не затянуло слизью.

Отец Джоди зашел в конюшню и долго стоял вместе с ними около пони. Потом он повернулся к мальчику:

— Мне надо кое-куда съездить. Хочешь, возьму тебя?

Джоди покачал головой.

— Пойдем, пойдем. Совсем тебе здесь не место,— настаивал отец.

Билли сердито крикнул:

— Оставьте вы его в покое. Ведь хозяин-то пони он, а не кто другой!

Карл Тифлин ушел, не сказав ни слова. Он обиделся на них.

Все утро Джоди следил, чтобы ранка не затягивалась и свободно пропускала воздух. В полдень Габилан устало повалился на бок и вытянул шею.

Вернулся Билли.

— Если ты хочешь остаться с ним на ночь, тогда пойдешь вздремни малость,— сказал он.

Машинально повинуясь, Джоди вышел из конюшни. В безоблачном небе была холодная прозрачная голубизна. Птицы носились взад и вперед, подбирая червей, выползших после дождя на поверхность земли.

Джоди добрался до зарослей полыни и сел на край замшелой бочки. Он смотрел с холма на дом, на старый сарай, на темный кипарис. Все это было хорошо знакомо ему, и во всем этом чувствовалась какая-то странная перемена. Знакомые места словно стали всего лишь рамкой для того, что случилось за последние дни. С востока дул холодный ветер, обещающий короткую передышку после дождя. Под ногами у Джоди молодая трава раскинула над землей свои тонкие руки. Грязь около ручейка пестрела множеством перепелиных следов.

Бой, застенчиво извиваясь всем телом, подбежал к нему со стороны огорода, и, вспомнив про свою вчерашнюю несправедливость, Джоди обнял пса за шею и поцеловал его в широкий черный нос. Бой сидел смирно, точно чувствуя, какие серьезные события происходят сейчас, и только постукивал толстым хвостом о землю. Джоди вытащил клеща, впившегося Бою в загривок, и раздавил его ногтями. Ему стало противно. Он вымыл руки в холодной родниковой воде.

Тишину, стоявшую на ферме, нарушал лишь ровный гул ветра. Джоди знал, что мать не рассердится, если он не придет к полднику. Он встал и медленно побрел назад

к конюшне. Бой залез в свою конуру, тихонько заскулил и не умолкал долго-долго.

Билли Бак встал с ящика и бросил ненужную теперь палочку с ватой. Пони все еще лежал на боку, края раны расходились и смыкались у него вместе с дыханием. Когда Джоди увидел, какая сухая и мертвая стала шерсть Габилана, он понял наконец, что надеяться не на что. Ему приходилось видеть такую же мертвую шерсть у собак, у коров, и это всегда служило верным признаком близкого конца. Он тяжело опустился на ящик и снял перекладину, загораживающую вход в стойло. Он долго смотрел на непрестанно расходившиеся края раны и наконец уснул, и время до вечера пробежало незаметно. В сумерках мать принесла миску с тушеным мясом, поставила ее перед ним и ушла. Джоди поел немножко, а когда совсем стемнело, он поставил фонарь на пол около самой головы пони, чтобы можно было следить за раной и прочищать слизь. Он опять заснул и проснулся ночью от холода. Сильный ветер нес стужу с севера. Джоди взял свое одеяло, лежавшее на сене, и закутался в него. Теперь Габилан дышал спокойно, края раны еле заметно расходились. Совы с криком пролетали по сеновалу, выискивая мышей. Джоди закрыл голову руками и уснул. Даже во сне он чувствовал, что ветер усиливается и гуляет по всей конюшне.

Когда он проснулся, уже рассвело. Дверь конюшни была распахнута настежь. Габилана в стойле не было. Джоди вскочил и выбежал во двор, на яркий утренний свет.

Следы пони четко виднелись на молодой траве, покрытой сероватой, как иней, росой,—усталые следы, и между ними полосы на траве от волочившихся копыт. Они вели к зарослям полыни на склоне холма. Джоди бросился бегом, не теряя их из виду. Солнце поблескивало на острых гранях белого кварца, кое-где проглядывавшего из земли. Чья-то тень пересекла путь Джоди. Он взглянул вверх и увидел черных коршунов, кружившихся высоко в небе, и эта медленно кружившаяся стая спускалась все ниже и ниже. Зловещие птицы скоро исчезли за гребнем холма. Джоди побежал еще быстрее, подгоняемый страхом и яростью. Наконец следы подвели его к зарослям и пошли дальше, петляя между высокими кустами полыни.

На вершине холма у Джоди перехватило дыхание. Он остановился, тяжело отдуваясь. Кровь гулко пульсировала у него в ушах. И в эту минуту он увидел то, что искал. Внизу, на небольшой плещи голой земли, лежал рыжий пони. Джоди еще издали увидел, как судорога медленно

сводит ему ноги. А около пони кружком сидели коршуны, дожидаясь конца, который они предугадывали безошибочно.

Джоди сорвался с места и ринулся вниз по склону хлама. Сырая земля приглушала его шаги, кусты полыни скрывали его с головой. Когда он подбежал туда, все было кончено. Один коршун уже сидел на морде пони и как раз в эту минуту поднял клюв, с которого стекала темная жидкость глазного яблока. Джоди кошкой метнулся в их круг. Черное братство взмыло кверху, но самый большой коршун, тот, что сидел на морде пони, не успел подняться вместе с остальными. Он сделал два-три прыжка. Джоди схватил его за крыло и рванул на себя. Коршун был немногим меньше Джоди. Свободное крыло, словно дубинкой, ударило Джоди по лицу, но он не разжал пальцев. Когти впились ему в ногу, суставами крыльев коршун бил его по голове. Ничего не видя перед собой, Джоди протянул левую руку. Его пальцы нащупали шею бившейся птицы. Налитые кровью глаза смотрели ему в лицо спокойно, бесстрашно и яростно, лысая голова поворачивалась из стороны в сторону. И вдруг клюв приоткрылся и выпустил струю зловонной жидкости. Джоди согнул ногу в колене и навалился на огромную птицу. Одной рукой он прижал ее к земле, другой нашарил около себя острый кусок белого кварца. Первый удар снес на сторону клюв, и с разорванных по углам, жестких, как дубленая кожа, губ хлынула черная кровь. Он ударил еще раз и промахнулся. Налитые кровью бесстрашные глаза все еще смотрели ему в лицо отчужденно, смело, надменно. Он бил, бил — до тех пор, пока коршун, мертвый, не растянулся на земле, до тех пор, пока его голова не превратилась в красное месиво. Не помня себя, Джоди колотил мертвую птицу, и Билли Баку пришлось схватить его за плечи и крепко прижать к себе, чтобы умерить дрожь, сотрясающую его тело.

Карл Тифлин стер красным платком кровь с лица мальчика, Джоди стоял обессиленный, притихший. Отец отшвырнул коршуна носком сапога.

— Джоди, — наставительно сказал он, — твой пони сдох, но коршун тут ни при чем. Ты разве не понимаешь этого?

— Понимаю, — устало проговорил Джоди.

И тут Билли Бак не стерпел. Он уже поднял Джоди на руки и хотел идти с ним к дому, но задержал шаги и круто повернулся к Карлу Тифлину.

— Он все понимает! — яростно крикнул Билли. — А вы-то! Неужели вам невдомек, каково ему сейчас!

ВЕЛИКИЕ ГОРЫ

Стоял знойный летний день, и маленький Джоди, истомившись от жары, оглядывал ранчо — чем бы заняться? Он уже побывал в конюшне, пошвырял камнями в ласточкины гнезда под свесами крыши, пока из каждого такого куличика не посыпалась подстилка — солома и грязные перья. В доме он зарядил крысоловку куском прогорклого сыра и поставил туда, где в нее обязательно сунется Бой — беззлобная здоровенная псина. Не то чтобы в Джоди вдруг проснулся злодей, просто он уже не знал, как спастись от жары да скуки. Бой и вправду сунул свой глупый нос в крысоловку, здорово его прищемил и, взыв от боли, захромал прочь с окровавленными ноздрями. Чуть что, Бой сразу начинал хромать. Уж такой был пес. Когда-то в молодости он попал в капкан для койотов и с тех пор хромал, даже если его просто бранили.

Когда Бой заскулил, мать Джоди крикнула из дому: — Джоди! Перестань мучить пса, займись чем-нибудь!

Джоди стало стыдно, и он запустил в Боя камнем. Потом взял с крыльца рогатку и пошел к живой изгороди — вдруг удастся подстрелить птицу? Рогатка была что надо, резинка плотная, из магазина, но Джоди, хоть и стрелял по птицам частенько, ни разу ни в одну не попал. Он прошел через огород, вздымая пыль босыми пальцами ног. По пути ему попался отличный камень для рогатки, круглый, чуть уплощенный и в меру тяжелый — полетит как пуля. Зарядив оружие — положив камень на кожаную заплатку, что была вшита в резинку, — Джоди пошел к живой изгороди. Глаза его сузились, язык напряженно облизывал губы; впервые за день Джоди на чем-то сосредоточился. В тени полыни трудились пташки, шебаршили среди листья, такие неугомонные: отлетят на несколько футов — и назад, снова давай шебаршить. Оттянув резинку, Джоди стал осторожно подкрадываться. Один маленький дрозд застыл на месте, посмотрел на Джоди и нахохлился, готовый взлететь. Джоди бочком, мелкими шажками, подбирался ближе. Когда до дрозда осталось футов двадцать, он, стараясь не делать резких движений, поднял рогатку и прицелился. Камень со свистом рассек воздух; дрозд встрепенулся, взлетел — и снаряд настиг его. Птичка с разбитой головой упала на землю. Джоди подбежал и поднял ее.

— Попалась, — пробормотал он.

Мертвая, птичка как-то съежилась, стала меньше. От стыда за содеянное у Джоди кольнуло в желудке, он достал

перочинный ножик и отрезал птичке голову. Потом выпотрошил ее, отрезал крылья; и наконец выбросил все в кусты. Его не мучала совесть из-за птички, ее жизни, смущало другое: он знал, что бы сказали взрослые, увидь они, как он убивает птицу. А их мнением о себе он дорожил. Лучше быстрее забыть эту историю и никогда о ней не вспоминать.

В предгорьях в это время года стояла сушь, и трава пожелтела, но возле круглого корыта, в которое по трубе стекала ключевая вода, трава была ярко-зеленая, сочная, густая и влажная — вода переливалась через край. Джоди попил из мшистого корыта, смыл холодной водой птичью кровь с рук. Потом лег в траву на спину и стал разглядывать пухлые лепешки летних облаков. Он закрыл один глаз, и перспектива сразу исказилась — облака так надвинулись на него, что их можно было погладить. Он помог слабенькому ветерку подтолкнуть их по небу; кажется, с его помощью они поплыли быстрее. Одно вздутое белое облако он помог отогнать до самых гор, прижал его как следует — и оно исчезло за вершинами. Интересно, что ему там открылось? Джоди сел, чтобы лучше видеть большие горы, ту их часть, где они наслаиваются одна на другую, темнеют, наливаются неведомой силой — и кончаются за одним ребристым кряжем, высоко на западе. Загадочные, таинственные горы; ведь он почти ничего о них не знает.

— А что на той стороне? — как-то спросил он отца.

— Тоже горы, наверное. А что?

— А за теми горами?

— Тоже горы. А что?

— Только горы, горы и больше ничего?

— Ну, почему. В конце концов доберешься до океана.

— А в самих-то горах что?

— Утесы да заросли, скалы да сушь.

— Ты там бывал?

— Нет.

— А кто-нибудь?

— Кое-кто, наверное, бывал. Опасно там — утесы и все такое. Да что, я где-то читал, в горах графства Монтерей неисследованных краев больше, чем во всех Соединенных Штатах. — Казалось, отец этим гордится.

— А потом — океан?

— Потом океан.

— А между горами и океаном? — настаивал мальчик. — Никто не знает?

— Кое-кто, наверное, знает. Только ведь разжиться там

нечем. Даже воды кот наплакал. Одни скалы, утесы да непролазные чащи. А что?

— Сходить бы туда.

— Зачем? Там ничего нет.

Но Джоди знал — что-то все же есть, что-то чудесное, раз об этом не знает никто, что-то таинственное, неведомое. Джоди верил в это всей душой. Однажды он спросил у мамы:

— А что там, в больших горах, знаешь?

Она посмотрела на него, перевела взгляд на ощерившийся горный хребет и сказала:

— Наверное, только медведь.

— Какой медведь?

— Который пошел в горы на природу посмотреть.

Спрашивал Джоди и Билли Бака, что работал у них на ферме: может, в горах затерялись какие-то древние города? Но Билли был того же мнения, что и отец.

— Вряд ли, — сказал он. — Ведь есть там нечего, раз-долье разве что для камнеедов.

Никаких других сведений о горах у Джоди не было, и оттого они были ему дороги, внушали благоговейный страх. Он часто думал о горных кряжах, что тянутся миля за милей, а потом — море. Утром вершины гор озарялись розовым светом и будто приглашали его — иди к нам; а вечером, когда солнце скрывалось за неровной кромкой и горы багровели, будто с отчаяния, Джоди их боялся; они становились какими-то безликими, отчужденными, в самой их невозмутимости таилась угроза.

Джоди повернулся к востоку — там тоже были горы, Габиланы, и эти горы были веселые, в складках холмов гнездились ранчо, на гребнях росли сосны. Там жили люди, в свое время на склонах этих холмов шли бои с мексиканцами. На мгновение он оглянулся на Великие горы и даже поежился — вот это разница! Лощина у основания холма, в которой лежало их ранчо, освещалась солнцем, радсвала глаз. Дом сиял белизной, а от коричневой конюшни исходило тепло. На дальнем холме, потихоньку передвигаясь к северу, паслись рыжие коровы. Вписывался в общую картину и радовал глаз даже темный кипарис возле барака. В пыли, словно танцуя быстрый вальс, копошились цыплята.

Внимание Джоди привлекла движущаяся фигура. По дороге из Салинаса медленно шел человек, он спускался к их дому. Джоди поднялся и тоже зашагал вниз, в сторону

дома — если кто-то идет к ним, как же такое пропустить? Когда мальчик был уже на месте, человек — худощавый, спину держит прямо — прошел лишь полпути. Джоди понял, что он немолод, только по одному признаку — уж слишком отрывисто ударяли землю его каблуки. Он подошел ближе, и Джоди разглядел синие джинсы, куртку из такого же материала. На ногах — грубые, тяжелые башмаки, на голове — потертая широкополая шляпа с плоскими полями. За плечами джутовый мешок, набитый до отказа — что-то из него выпирало. Еще два десятка тяжелых шагов — и можно рассмотреть лицо. Оно было темным, как кусок вяленого мяса. Усы, голубовато-белые на фоне темной кожи, нависали надо ртом, волосы — они виднелись на шее — тоже были белые. Кожа словно усохла и обтянула череп, да так, что выступали скулы, плоти не было, и нос с подбородком казались острыми и хрупкими. Глубоко посаженные глаза — большие и темные, их прикрывали туго натянутые веки. Радужные оболочки и зрачки слились в черный цвет, глазные же яблоки были коричневыми. На лице — ни единой морщины. Голубая джинсовая куртка на старике была застегнута на медные пуговицы доверху — как у всех, кто носит куртку на голое тело. Из рукавов торчали сильные костистые руки — шишковатые, в переплетении вен, крепкие, как ветки персикового дерева. Ногти плоские, широкие и блестящие.

Приблизившись к воротам, старик сбросил на землю мешок и тут увидел Джоди. Губы его чуть шевельнулись, и сквозь них просочился мягкий, неопределенный звук.

— Ты здесь живешь?

Джоди смутился. Он обернулся и посмотрел на дом, потом бросил взгляд в сторону коровника, где были отец и Билли Бак.

— Да, — ответил он, не дождавшись помощи ни с той, ни с другой стороны.

— Я вернулся, — объявил старик. — Меня зовут Гитано, и я вернулся.

Джоди понял, что это для него чересчур серьезно. Он стремглав кинулся домой за помощью, громко хлопнул дверью с металлической сеткой. Мама была на кухне, прикусив нижнюю губу, она сосредоточенно протыкала шпилькой забитые отверстия дуршлага.

— Там старик, — взволнованно крикнул Джоди. — Старый пайсано говорит, что он вернулся.

Мама положила дуршлаг и постучала шпилькой о раковину.

— Ну, что еще случилось? — терпеливо спросила она.

— Там старик. Выйди.

— И что он хочет?

Она развязала тесемки передника, пригладила пальцами волосы.

— Не знаю. Он пришел и все.

Расправив складки на платье, мама вышла из дому, Джоди за ней. Гитано стоял на том же месте.

— Да? — спросила миссис Тифлин.

Гитано снял потрепанную черную шляпу и, держа ее перед собой обеими руками, повторил:

— Меня зовут Гитано, и я вернулся.

— Вернулся? Куда?

Всем распрямленным телом Гитано чуть склонился вперед. Правая его рука описала круг — холмы, поля на склонах, горы — и снова застыла на шляпе.

— На ранчо. Я здесь родился, и мой отец тоже.

— Здесь? — удивилась она. — Этот дом не такой старый.

— Нет, там, — ответил он, указывая на западный хребет. — На той стороне, того дома теперь нет.

Наконец она поняла.

— В старой глинобитной хижине, которую почти всю смыло?

— Да, сеньора. На ранчо никого не осталось, подмазать хижину известью было нскому, вот ее и смыло дождями.

Мать Джоди немного помолчала, в голове мелькнули непривычные мысли о том, что без родного дома, должно быть, очень тоскливо, но она их быстро отогнала.

— И что вы теперь хотите, Гитано?

— Я останусь здесь, — сказал он негромко. — Пока не умру.

— Но работников нам не требуется.

— Работать как прежде я уже не могу, сеньора. Подоить корову, накормить цыплят, нарубить дровишек — это да. И только. Я останусь здесь. — Он показал на лежавший рядом мешок. — Вот мои пожитки.

Мать повернулась к Джоди.

— Беги в коровник и позови отца.

Джоди как ветром сдуло, и скоро он привел Карла Тифлина и Билли Бака. Старик стоял на прежнем месте, только теперь он отдыхал. Все его тело, как бы осев, пребывало в состоянии безмятежного покоя.

— В чем дело? — спросил Карл Тифлин. — Из-за чего Джоди такой шум поднял?

Миссис Тифлин кивнула на старика.

— Он хочет у нас остаться. Кое в чем помогать по хозяйству и остаться здесь.

— Мы его взять не можем. Нам люди не нужны. Да и стар он слишком. Все, что надо, делает Билли.

Они говорили о Гитано, будто его и в природе не было, и вдруг до обоих это дошло; они посмотрели на старика и смутились.

Он откашлялся.

— Слишком стар я, чтобы работать, это верно. Я пришел туда, где родился.

— Ты родился не здесь,— возразил Карл.

— Не здесь. В глинобитной хижине за холмом. Раньше, до вас, все это было одно ранчо.

— В доме из глины, который весь рассыпался?

— Да. И я там родился, и мой отец. Я останусь здесь, на ранчо.

— Говорю тебе, не останешься,— рассердился Карл.— Какая мне польза от старика? Ферма у меня не бог весть какая большая. Кормить старика да оплачивать счета доктору — это мне не по карману. Должны же у тебя быть родственники, друзья. К ним и иди. А то пришел к чужим людям, будто нищий.

— Я здесь родился,— терпеливо и неколебимо сказал Гитано.

Карл Тифлин не любил быть жестоким, но тут понял — без этого не обойтись.

— Сегодня можешь у нас поесть,— распорядился он.— Поспишь в старом сарае. Наутро покормим тебя завтраком, а дальше иди своей дорогой. К друзьям. А умирать у чужих людей — это не дело.

Гитано напялил черную шляпу, наклонился за мешком.

— Это мои пожитки,— объяснил он.

Карл отвернулся.

— Пошли, Билли, надо доделать дела в коровнике. Джоди, отведи его в сарай, в комнатку.

Отец и Билли пошли к коровнику. Миссис Тифлин вернулась в дом, бросив через плечо:

— Сейчас дам одеяла.

Гитано вопросительно посмотрел на Джоди.

— Идите за мной,— сказал мальчик.

В комнатке стояла койка с тухлявым матрасом, кресло-качалка без спинки, да ящик из-под яблок, а в нем — фонарь из жести. Гитано осторожно опустил мешок на пол и сел на кровать. Джоди маялся у двери, не зная, уходить или нет. Наконец, спросил:

— Вы спустились с больших гор?

Гитано медленно покачал головой.

— Нет. Я работал в долине Салинас.

Прежние мысли все не оставляли Джоди.

— А в тех больших горах вы когда-нибудь бывали?

Темные, много повидавшие глаза старика застыли, повернули свой свет внутрь — в голове Гитано чередой пшшли прожитые годы.

— Один раз, когда был мальчонкой. Отец брал меня с собой.

— В самые горы?

— Да.

— И что вы там видели? — встрепенулся Джоди. — Людей, лошадей?

— Нет.

— А что там было?

Гитано все думал о своем. Он силился вспомнить, меж бровей появились едва заметные морщинки.

— Что вы там видели? — повторил Джоди.

— Не знаю, — сказал Гитано. — Не помню.

— Там было жутко? Кругом сушь?

— Не помню.

От возбуждения Джоди совсем осмелел.

— Ну хоть что-нибудь вы должны помнить!

Гитано хотел что-то сказать, приоткрыл рот, но не сразу подобрал нужные слова.

— Кажется, там было тихо... и красиво.

Глаза Гитано словно что-то увидели в прошедших годах — они потеплели, в них проскользнула улыбка.

— А потом вы в горы больше не ходили? — выпытывал Джо.

— Нет.

— И никогда не хотелось?

Но на лице Гитано уже появилось раздражение.

— Нет, — ответил он, и по его тону Джоди понял — говорить об этом старик больше не желает. Мальчик стоял, словно зачарованный. Уходить не хотелось. К нему вернулась привычная робость.

— Давайте сходим в коровник и посмотрим скотину? — предложил он.

Гитано поднялся, надел шляпу и собрался идти за Джоди.

Уже почти стемнело. Они остановились возле желоба для воды, куда на вечерний водопой сбредались с горных лугов лошади. Большими узловатыми руками Гитано оперся о верхнюю перекладину забора. Пять лошадей спустились

к желобу, напились вволю и, отойдя в сторонку, принялись пощипывать сухие травинки, тереться боками о кольца забора, отполированные до блеска. Прошло какое-то время, и из-за холма, тяжело ковыляя, появилась старая коняга. Зубы у нее были желтые, длинные; копыта плоские и заостренные, будто лопаты; ребра и таз выпирали из-под кожи. Через силу дохромав до желоба, она стала пить воду, громко причмокивая.

— Это старина Истер,—объяснил Джоди.— Самый первый конь моего отца. Ему тридцать лет.

Он взглянул в старые глаза Гитано, ожидая какого-нибудь ответа.

— Уже не тянет,—сказал Гитано.

Из коровника вышли отец Джоди и Билли Бак и направились к ним.

— Слишком стар, чтоб работать,—повторил Гитано.— Только ест, скоро смерть его приберет.

Карл Тифлин услышал последние слова. Он был зол на себя, что так жестоко обошелся со старым Гитано, и жестокость опять полезла из него.

— Давно бы пора пристрелить Истера,—заговорил он.— Избавили бы его от боли, от ревматизма.— Он искоса посмотрел на Гитано — уловил ли тот параллель, но большие костистые руки не шевельнулись, глаза недвижно смотрели на лошадь.— К старичью надо быть милосердным, избавлять от страданий,—продолжал отец Джоди.— Один выстрел, сильный шум, одна сильная боль — скажем, в голове — и все. Это лучше, чем вечная ломота в костях и гнилые зубы.

— Старики имеют право отдохнуть,—вмешался Билли Бак.— Шутка ли, проработали всю жизнь. Может, они не против еще поболтаться на этом свете.

Карл внимательно вглядывался в исхудавшую лошадь.

— Ты не представляешь, каков был Истер в старые времена,—сказал он с теплыми нотками в голосе.— Вскинутая шея, точеная грудь, изящный круп. Барьер из пяти перекладин брал почти с места. Я на нем выиграл заезд, когда мне было всего пятнадцать лет. Пару сотен всегда мог на нем заработать. Не представляешь, каков был красавец.— Он оборвал себя, потому что презирал мягкотелость.— Но сейчас его надо пристрелить,—заклучил он.

— Он имеет право отдохнуть,—стоял на своем Билли Бак.

Отцу Джоди пришла в голову забавная мысль. Он повернулся к Гитано.

— Если бы в предгорьях росла яичница с ветчиной,—

сказал он, — я бы тебя взял — пасись на здоровье. Но чтобы ты пасся в моей кухне — это мне не по карману.

И, засмеявшись, он вместе с Билли Баком пошел к дому.

— Расти в предгорьях яичница с ветчиной, — добавил он, — мы бы и сами подкормились.

Джоди знал: это отец ищет, как бы сделать Гитано побольней. Он и Джоди часто бил по больному месту. Всегда знал, как ужалить, как растравить душу.

— Это он так только говорит, — пояснил Джоди. — Ни в жизни он Истера не застрелит. Он его любит. Ведь Истер — его самая первая лошадь.

Солнце укатилось за высокие горы, стоявшие незыблемой стеной, и на ранчо все притихло. В вечернюю пору Гитано, похоже, почувствовал себя уютнее. Он издал губами чудной резкий звук и протянул руку за забор. Старый Истер подковылял на зов, и Гитано почесал под гривой тощую шею.

— Он вам нравится? — негромко спросил Джоди.

— Да... только ни черта уже не тянет.

В доме зазвонили в железный треугольник.

— Ужин! — воскликнул Джоди. — Пошли ужинать.

По дороге к дому Джоди снова заметил — держится Гитано прямехонько, совсем как юноша. Старика в нем выдавали лишь судорожные движения да шарканье каблучков.

В нижние ветви кипариса возле сарая залетела стая грузных индеек. Лоснящийся от жира домашний кот прошеествовал по дороге с крысой в зубах, такой здоровенной, что хвост ее волочился по земле. Где-то в предгорьях перекликались куропатки, напоминая журчание родника.

Джоди и Гитано подошли к задним ступенькам, и через дверь с металлической сеткой на них посмотрела миссис Тифлин.

— Бегом, Джоди. Проходите, Гитано, будем ужинать.

Карл и Билли Бак уже ели за покрытым клеенкой длинным столом. Джоди скользнул на свой стул, даже не сдвинув его с места. Гитано же продолжал стоять и мять в руках шляпу, пока Карл не поднял голову и не сказал:

— Садись, садись. Перед дальней дорогой набить брюхо не мешает.

Карл боялся, что сжалится над стариком и позволит ему остаться, потому и был все время начеку — нюни распускать нечего.

Гитано положил шляпу на пол и робко сел за стол. Брать ничего не стал. Карл протянул ему тарелку.

— Вот, накладывай.

Гитано ел очень медленно, отрезая крошечные кусочки мяса и сгребая пюре в маленькие кучки.

У Карла Тифлина, однако же, душа была не на месте.

— А что, в этих краях у тебя никаких родственников? — спросил он.

— У меня зять в Монтерее, — ответил Гитано не без гордости. — И двоюродные там есть.

— Ну, так поезжай туда и живи с ними.

— Я родился здесь, — возразил Гитано с мягким упреком.

Из кухни вышла мать, в большой миске она несла запеканку из тапиоки.

— Я тебе говорил, — с ухмылкой обратился к ней Карл, — что я ему сказал? Что я бы его взял, расти в предгорьях яичница с ветчиной — пусть пасется на здоровье, как старина Истер.

Гитано сидел, не поднимая глаз от тарелки.

— Жаль, что он не может остаться, — сказала миссис Тифлин.

— Давай не будем, — сердито прервал ее Карл.

После еды Карл, Билли Бак и Джоди перебрались в гостиную — немного посидеть, — Гитано же, безо всяких «до свидания» или «спасибо», сразу вышел из дому через кухонную дверь. Джоди украдкой поглядывал на отца. Знал — отец сам себя стыдится.

— В наших краях полно этих старых пайсано, — сказал Карл Билли Баку.

— Да ведь они двужилые, — заступился за них Билли. — Белым в жизни до таких годов не проработать. Видал я одного, самому сто пять лет, так он еще верхом ездит. Найди-ка среди белых такого старика, как Гитано, чтобы протопал пешком двадцать или тридцать миль.

— Что им износу нет, это факт, — согласился Карл. — И ты, значит, хочешь за него слово замолвить? Пойми, Билли, — начал объяснять он, — я и без лишних ртов едва держусь на плаву, того и гляди приберет наше ранчо Итальянский банк. Ты же знаешь это, Билли.

— Ясное дело, знаю, — сказал Билли. — Будь ты богатый, какие разговоры.

— То-то и оно, а ведь у него и родственники есть. Зять и двоюродные прямо в Монтерее. Пусть к ним и идет, а причем здесь я?

Джоди тихонько сидел и слушал, а в ушах стоял негромкий голос Гитано и его неопровержимое: «Но я здесь родился». Было в Гитано что-то таинственное, как в самих

горах. Горные хребты тянулись далеко, сколько хватало глаз, но за самым последним взмывшим к небу хребтом скрывалась огромная неведомая страна. Так и Гитано — он был стариком, пока ты не вглядывался в его подслеповатые темные глаза. В их глубине таилось что-то неведомое. Говорил он слишком мало — не догадаешься, что там у него внутри. Джоди так и тянуло к сараю. Пока отец говорил, он соскользнул со стула и бесшумно вышел из дому.

Тьма была непроглядная, и далекие звуки гор доносились четко и ясно. Из-за холма слышалось позвякивание колокольчиков — это ехала по проселочной дороге бригада лесорубов. Джоди осторожно пробирался по темному двору. В окне комнатки в сарае горел свет. Ночь всегда несла с собой тайну, поэтому Джоди тихонько подошел к окну и заглянул внутрь. Гитано сидел в кресле-качалке, спиной к окну. Правой рукой он делал перед собой какие-то плавные движения. Джоди толкнул дверь и вошел. Гитано резко выпрямился и, схватив кусок оленьей кожи, попытался прикрыть им что-то у себя на коленях, но кожа соскользнула на пол. Джоди, пораженный, смотрел на руки Гитано — в них была изящная и тонкая рапира с золотистым эфесом в форме корзинки. Острие выходило из него пронзительным темным лучиком. На эфесе виднелись прорези и тонкая резьба.

— Что это? — спросил Джоди.

Гитано лишь обиженно взглянул на него, подобрал упавший лоскут оленьей кожи и решительно завернул в него прекрасное острие.

— Можно посмотреть? — Джоди протянул руку.

В глазах Гитано полыхнули сердитые огоньки, и он покачал головой.

— Где вы ее взяли? Откуда она?

На сей раз Гитано посмотрел на него внимательно, словно в размышлении.

— Досталась от отца.

— А ему? Ему от кого?

Гитано перевел взгляд на длинный сверток из оленьей шкуры.

— Не знаю.

— Он никогда не говорил?

— Нет.

— И что вы с ней делаете?

Гитано слегка удивился.

— Ничего. Просто храню.

— Может, все-таки покажете?

Старик медленно развернул сияющее острие и на се-

кунду позволил свету лампы скользнуть по нему. Потом снова завернул.

— Теперь иди. Я хочу спать.

Он задул лампу, не успел Джоди выйти за дверь.

Джоди шел назад к дому, ясно — как никогда в жизни — понимая одно: он никому не должен говорить про рапиру. Сказать кому-то про нее — невысказано, хрупкий домик правды сразу рухнет. Если такой правдой поделиться, она погибнет.

Посреди темного двора Джоди встретил Билли Бака.

— Тебя там уже хватились, — сказал Билли.

Джоди проскользнул в гостиную, и отец повернулся к нему.

— Где тебя носит?

— Ходил смотреть, не попала ли крыса в мою новую крысоловку.

— Иди спать, — велел отец.

К завтраку Джоди вышел первым. Потом появился отец, потом и Билли Бак. Из кухни выглянула миссис Тифлин.

— А где старик, Билли? — спросила она.

— Наверное, пошел прогуляться, — ответил Билли. — Я заглянул в его комнатку, там пусто.

— Может, с утра двинулся в Монтерей, — предположил Карл. — Дорога дальняя.

— Нет, — возразил Билли. — Его мешок на месте.

Позавтракав, Джоди пошел к сараю. В солнечном свете мелькали мухи. Казалось, в это утро на ранчо особенно тихо. Убедившись, что никто за ним не смотрит, Джоди вошел в комнатку и заглянул в мешок Гитано. Запасная пара длинного хлопкового белья, запасная пара джинсов, три пары изношенных носков. Больше в мешке ничего не было. У Джоди защемило сердце, будто у него что-то отняли. Он побрел назад к дому. Отец стоял на крылечке и разговаривал с миссис Тифлин.

— Похоже, старина Истер все-таки откинул копыта, — сказал он. — На водопой с другими лошадьми не пришел.

Ближе к полудню с ранчо на горе прискакал Джесс Тейлор.

— Карл, неужто ты сбыл с рук это старье, эту серую пададь?

— Нет. С чего ты взял?

— С того, — сказал Джесс. — Выехал я сегодня с утра пораньше и что вижу? Смех да и только. Вижу старика на

старой лошади, без седла, вместо уздечки — кусок веревки. И едет не по дороге, а напрямки, через кустарник. А в руках, похоже, винтовка. Во всяком случае, что-то блестящее.

— Это старый Гитано,— пояснил Карл Тифлин.— Сейчас посмотрю, все ли ружья на месте.— На секунду он заглянул в дом.— Нет, все тут как тут. В какую сторону он ехал, Джесс?

— В этом весь смех. В сторону гор, вот в какую.

Карл засмеялся.

— Горбатого могила исправит,— сказал он.— Надо думать, он просто украл старину Истера.

— Поскачешь за ним, Карл?

— Господь с тобой, мне же лучше, закапывать это старье не придется. Но интересно — где он взял винтовку? И что он позабыл в горах?

Джоди прошел через огород и выбрался к живой изгороди. Пристально вгляделся в гигантские горы — хребет, за ним другой, третий, и так до самого океана. На миг ему показалось, что он видит черную точку, медленно ползущую по склону дальнего хребта. Джоди стоял и думал — о рапире, о Гитано. О великих горах. Какое-то смутное желание всколыхнулось в нем, такое сильное, что к горлу подкатил ком. Он лег в зеленую траву возле круглого корыта, недалеко от живой изгороди. Прикрыл скрещенными руками глаза и лежал так долго-долго, полный тягостной необъяснимой горечи.

ОБЕЩАНИЕ

Весенним днем маленький Джоди браво вышагивал по дороге, с обеих сторон окаймленной кустарником. Постукивая коленом о золотистое, как свиной жир, ведерко, в котором он носил школьный завтрак, Джоди будто бил в большой гулкий барабан, а языком имитировал дробь маленьких военных барабанов и гуденье труб. Остальные воины его отделения, шедшие походным порядком от самой школы, постепенно разбрелись по оврагам и ущельям и проселками потопали к своим ранчо. И сейчас Джоди маршировал как бы один, высоко вскидывая колени и впечатывая подошвы в дорогу; однако следом шла невидимая армия с большими флагами и мечами, безмолвная, но смертоносная.

День был по-весеннему золотисто-зеленый. Под раскидистыми ветвями дубов тянулось вверх неприметное разнотравье, склоны лоснились от изобилия пастбищных кормов.

Полюнь блестела свежими серебристыми листочками, дубы надели покров из зеленого золота. Воздух над холмами так благоухал зеленью, что лошади на равнинах носились галопом, словно обезумев, а потом вдруг замирали на месте, во что-то вслушиваясь; ягнята и даже старые овцы ни с того, ни с сего подпрыгивали в воздух, приземлялись на одеревеневшие ноги и продолжали спокойно пастись; молодые неуклюжие телята бодались, отскакивали в стороны и снова принимались бодаться.

Когда ведомая Джоди армия, серая и безмолвная, маршировала мимо, животные переставали пастись и резвиться и как по команде поворачивали головы.

Внезапно Джоди остановился. Тотчас, озадаченные и встревоженные, замерли на месте воины серой армии. Джоди опустился на колени. Минуту армия — длинные колонны — стояла, переминаясь с ноги на ногу, потом, испустив печальный вздох, взвилась легкой серой дымкой и исчезла. В пыли дороги Джоди разглядел колючий гребешок жабовидной ящерицы. Его грязнущая рука потянулась вперед, схватила зубчатый венчик и крепко сжала его, не давая маленькому зверьку вырваться. Потом Джоди перевернул ящерицу бледно-золотистым брюшком кверху. Указательным пальцем он принялся легонечко поглаживать маленькую шейку и грудку, и пленница наконец расслабилась, запахнула глазки и погрузилась в благодатную дрему.

Открыв ведро для завтраков, Джоди поместил туда первую добычу. Теперь можно идти дальше; он шел, слегка сгибая колени, чуть втянув голову в плечи, босые ноги ступали по земле вкрадчиво, бесшумно. В правой руке он держал длинную серую винтовку. Кусты вдоль дороги, где неожиданно поселились серые тигры и серые медведи, встревоженно покачивались. Охота была очень удачной — пока Джоди добрался до развилки, до столба с почтовым ящиком, он изловил еще двух жабовидных ящериц, четырех маленьких ящерок, голубую змейку, шестнадцать желтокрылых кузнечиков, а из-под камня извлек коричневого скользкого тритона. Вся эта разношерстная компания безрадостно скреблась о жестяные стенки ведерка.

У развилки винтовка испарилась, а тигры и медведи на склонах холмов растаяли. Даже влажные несчастные существа в ведре и те словно исчезли, потому что Джоди увидел: на почтовом ящике поднят красный металлический флажок — значит, внутри что-то лежит. Он поставил ведро на землю, открыл ящик. Там оказался каталог «Монтгомери Уорд» и журнал «Салинас уикли». Захлопнув ящик,

Джоди подобрал ведро и, припустив вприпрыжку, перебрался через кряж — вот и лощина, а в ней — их ранчо. Он пробежал мимо коровника, мимо чахлого стога сена, мимо сарая и кипариса. Хлопнув по металлической сетке на двери, он крикнул:

— Мэм, мэм, каталог пришел!

Миссис Тифлин была на кухне, ложкой налиwała свернувшееся молоко в марлевый мешочек. Отложив ложку, она сполоснула руки под краном.

— Я здесь, Джоди. На кухне.

Он вбежал и с грохотом поставил ведро на раковину.

— Вот он. Можно я его посмотрю, мэм?

Миссис Тифлин снова взяла ложку и принялась накладывать простоквашу в мешочек.

— Только не потеряй его, Джоди. Отец обязательно захочет посмотреть. — Она выскребла в мешочек остатки молока. — Да, Джоди, прежде чем займешься своими делами, сходи к отцу.

Она отогнала летающую вокруг мешочка муху.

Джоди обеспокоенно закрыл каталог.

— Что, мэм?

— Почему ты никогда не слушаешь? Я говорю, отец велел тебе подойти к нему.

Мальчик осторожно положил каталог на край раковины.

— А ты... я что-то натворил?

Миссис Тифлин засмеялась.

— Всегда совесть нечиста. Что же ты натворил?

— Ничего, мэм, — промямлил он. Никаких особых преступлений он за собой не помнил, к тому же никогда не скажешь, за что именно потом можно схлопотать на орехи.

Мать повесила полный мешочек на гвоздь, чтобы капли падали прямо в раковину.

— Просто он велел тебе подойти к нему, когда явишься. Он где-то у конюшни.

Джоди повернулся и вышел через заднюю дверь. Тут мать открыла ведро для завтраков и испустила гневный вопль. Джоди мгновенно понял, в чем дело, и вприпрыжку побежал к конюшне, намеренно не слыша сердитый голос, звавший его из дому.

Карл Тифлин и Билли Бак, их работник, стояли, опершись на забор — нога на нижней перекладине, локти на верхней, — что огораживал нижнее пастбище. Они вели неспешный и бесцельный разговор. На пастбище полдюжины лошадей безмятежно пощипывали свежую травку. Кобыла

Нелли, повернувшись крупом к калитке, терлась о тяжелый столб.

Джоди робко, не без тревоги на душе приближался к мужчинам. Он шел разболтанной походкой, изображая человека в высшей степени простодушного и беспечного. Подойдя к забору, он поставил ногу на нижнюю перекладину, локти положил на верхнюю и тоже стал смотреть на пастбище.

Мужчины искоса поглядели на него.

— Я тебя звал,— сказал отец суровым тоном, какой он берег для детей и животных.

— Да, сэр,— сказал Джоди виновато.

— Вон Билли говорит, что ты хорошо ходил за пони, пока он был жив.

Наказанием вроде не пахло. Джоди приободрился.

— Да, сэр, ходил.

— Билли говорит, ты с лошадьми терпелив, у тебя добрые руки.

Джоди вдруг ощутил прилив благодарности к их помощнику.

— В этого пони он всю душу вложил,— подтвердил Билли.

Тогда Карл Тифлин постепенно перешел к делу.

— Будь у тебя другая лошадь, ты бы стал за ней ходить?

Джоди вздрогнул.

— Да, сэр.

— Что ж, тогда слушай. Билли говорит, что нет лучше пути стать хорошим конюхом, чем вырастить жеребенка.

— Единственно верный путь,— перебил Билли.

— Слушай меня, Джоди,— продолжал Карл.— У Джесса Тейлора, хозяина ранчо на горе, есть отличный жеребец-производитель, но это нам обойдется в пять долларов. Деньги я дам, но тебе придется отрабатывать их все лето. Согласен?

Внутри у Джоди все сжалось.

— Да, сэр,— едва вымолвил он.

— А хныкать не будешь? Не будешь забывать, когда тебе велят что-то сделать?

— Нет, сэр.

— Стало быть решено. Завтра утром отведешь Нелли на верхнее ранчо, чтобы там ее покрыть. Будешь и за ней ухаживать, пока не родит жеребеночка.

— Да, сэр.

— А теперь займись цыплятами и притащи в дом дров. Джоди не заставил отца повторять дважды. Проходя

позади Билли Бака, он едва не протянул руку — захотелось дотронуться до ног в голубых джинсах. Плечи его чуть покачивались — вот какой я взрослый, вот что мне доверили.

Он взялся за свою работу с неслыханной серьезностью. Вечером он не стал вываливать пшеницу из жестянки в кучу — цыплятам приходилось наскакивать друг на друга и сражаться за ужин. Нет, он высыпал зерна так равномерно и аккуратно, так далеко, что некоторых зерен куры даже не нашли. А в доме, выслушав огорченную мать — до чего доходят некоторые мальчишки, запихивают в свои ведерки для завтраков липких полузадушенных пресмыкающихся, и насекомых в придачу, — Джоди обещал никогда больше этого не делать. У него и вправду возникло ощущение, что все эти детские забавы — в прошлом. Запихивать в ведерко для завтрака жабовидных ящериц — он явно вышел из этого возраста. Он натаскал в дом столько дров и построил из них такую высоченную пирамиду, что мать ходила мимо в страхе — вдруг на нее обрушится дубовая лавина. Покончив с дровами, собрав яйца, которые лежали в соломе уже бог знает сколько времени, Джоди снова прошел мимо кипариса и мимо сарая — к пастбищу. Жирная в бородавках жаба, выглянувшая из-под желоба для водопоя, не всколыхнула в нем никаких чувств.

Карла Тифлина и Билли Бака видно не было, но по металлическому позвякиванию с другой стороны коровника Джоди догадался: Билли Бак доит корову.

Другие лошади, пощипывая траву, продвигались к дальнему краю пастбища. Нелли же, как и раньше, нервно терлась о столб. Джоди медленно подошел к ней, приговаривая:

— Ну, девочка, ну-у, Нелли.

Кобыла капризно повела ушами и, оттопырив губы, обнажила желтый ряд зубов. Крутнула головой; глаза ее горели безумным блеском. Джоди залез на забор, свесил ноги и принялся по-отечески наблюдать за кобылой.

Он сидел так, и постепенно подкрался вечер. В воздухе замелькали летучие мыши, козодои. Билли Бак, шедший к дому с полным ведром молока, завидел Джоди и остановился.

— Ждать придется долго, — мягко произнес он. — Весь изведешься от ожидания.

— Не изведусь, Билли. А сколько ждать?

— Около года.

— Ничего, дождусь.

Из дома донесся резкий звон — ударили в треугольник.

Джоди соскочил с забора и вместе с Билли Баком пошел ужинать. Он даже взялся за ручку ведра с молоком — подсобить Билли.

На следующее утро после завтрака Карл Тифлин завернул пятидолларовый банкнот в обрывок газеты; сунул пакетик в нагрудный карман комбинезона Джоди и зашпилил булавкой. Билли Бак, надев на Нелли недоуздок, вывел ее с пастбища.

— Только будь осторожен, — предупредил он. — Длинный повод ей не давай, не то, чего доброго, укусит. Она сейчас как бешеная.

Взяв кожаный недоуздок, Джоди зашагал в гору, к ранчо, за ним, едва касаясь копытами земли, пританцовывала Нелли. На выпасных угодьях вдоль дороги уже высовывались из своих ножен продолговатые зерна овса. Теплое утреннее солнце приятно щекотало Джоди спину, и при всей своей взрослости он не мог не подпрыгнуть на прямых ногах разок-другой. На изгородях сидели глянцевого черного дрозды с красными эполетами, они пощелкивали клювами, отрывисто перекликались. Жаворонки журчали подобно ручью, а дикие голуби, сокрытые среди пышной листвы дубов, сдержанно-печально курлыкали. В полях на солнышке грелись кролики, из травы торчали только их расщепленные надвое уши.

Целый час Джоди неуклонно поднимался в гору, потом свернул на узкую дорогу, что по более крутому склону вела к ранчо. Из-за дубов появилась красная крыша конюшни, неподалеку от дома беззлобно лаяла собака.

Вдруг Нелли скакнула назад и едва не вырвалась. Со стороны конюшни донесся резкий свистящий взвизг, потом хрустнуло дерево, и мужской голос что-то закричал. Нелли встала на дыбы и негромко заржала. Джоди вцепился в недоуздок, и кобыла кинулась на него, оскалив зубы. Выпустив ремешок, Джоди юркнул в сторону, в кусты. Звонкий визг из-за дубов повторился, и Нелли ответила на клич. С холма, колотя копытами землю, мчался жеребец, за ним волочился выдранный ремень недоуздки. Глаза его горели лихорадочным огнем. Раздувшиеся ноздри словно извергали пламя. Черная лоснящаяся шкура блестела на солнце. Жеребец налетел так быстро, что, доскавав до кобылы, не сумел сбавить ход. Уши Нелли прижались к голове; крутнувшись на месте, она лягнула пронесшегося мимо жеребца. Тот развернулся, встал на дыбы. Ударил кобылу передним копытом, она пошатнулась, и он расцарапал ей шею зубами, на ней выступила кровь.

Настроение у Нелли вмиг переменилось. Она внезапно обернулась кокетливой дамой. Ущипнула губами изогнутую шею жеребца. Обошла вокруг него и потерлась лопаткой о его лопатку. Джоди стоял и смотрел из-за кустов. Позади раздалось цоканье копыт, и, не успев он обернуться, чья-то рука взяла его за лямки комбинезона и подняла с земли. Джесс Тейлор посадил мальчика на лошадь, себе за спину.

— Тебя запросто могли убить, — сказал он. — Солнечный Дог — сущий дьявол, когда ему что в голову втемяшится. Ведь он сорвался с привязи и махнул прямо через ворота.

Джоди тихонько сидел сзади, но через мгновение воскликнул:

— Он же поранит ее, убьет. Заберите его!

Джесс хмыкнул.

— Ничего ей не будет. Ты лучше слезай и иди пока в дом. Там, вроде, пирогом можно полакомиться.

Но Джоди покачал головой.

— Она моя, и жеребеночек будет мой. Я буду его растить.

Джесс кивнул.

— Да, это здорово. Иногда Карлу толковые мысли приходят.

Скоро опасность миновала. Джесс приподнял Джоди, опустил на землю и поймал жеребца за оборванный недоуздок. И поскакал с ним вперед, а Джоди пошел следом, ведя Нелли.

Джоди отстегнул булавку и передал Джессу пять долларов, съел два куска пирога и лишь после этого пошел домой. За ним покорно следовала Нелли. Она была такой смирной, что Джоди с пенька залез ей на спину и почти всю дорогу до дома проехал верхом.

За эти пять долларов Джоди с конца весны и на все лето попал в настоящую кабалу. Во время сенокоса всюду трудился на уборке. Он вел лошадь, которая тащила сенокосилку, а когда пришел пресс для упаковки, Джоди направлял лошадь по кругу, и сено прессовалось. Кроме того, Карл Тифлин научил его доить корову и поручил ему эту хлопотливую работу, и теперь Джоди каждое утро и каждый вечер был при новом деле.

Гнедая кобыла Нелли быстро переменилась — стала какой-то умиротворенной. Когда она паслась на желтеющих склонах или делала легкую работу, на губах ее вечно появлялась бессмысленная улыбка. Двигалась она величаво,

со спокойным достоинством императрицы. Когда ее запрягли, она тащила телегу спокойно и бесстрастно. Джоди навещал Нелли каждый день. Он критически оглядывал ее, но никаких изменений не находил.

Как-то днем Билли Бак, наработавшись, прислонил частые вилы для навоза к стене конюшни. Распустил ремень, заправил выбившуюся из штанов рубашку, снова затянулся. Из-за ленты на шляпе вытащил соломинку и воткнул в уголок рта. Увидев, что Билли благодушествует возле коровника, Джоди тотчас выпрямился — он помогал Бою, большому серьезному псу, изловить зарывшуюся в землю крысу.

— Пойдем проведаем Нелли, — предложил Билли.

Джоди не задумываясь согласился. Бой посмотрел на них, повернув морду, потом стал яростно рыть землю, заскулил и несколько раз тоненько тьякнул — мол, крыса вот-вот будет поймана. Но когда он снова оглянулся и увидел, что его старания не интересуют ни Джоди, ни Билли, он неохотно выбрался из ямки и поплелся за ними вверх по холму.

Овес набирал силу. Колосья налились зерном и гнули головы, а высохшая трава шелестела под ногами Джоди и Билли. Поднявшись до середины холма, они увидели Нелли и серо-стальной масти мерина Пита — они пощипывали овес. Завидев людей, Нелли прынула ушами, воинственно дернула головой вверх и вниз. Билли подошел к ней, сунул руку под гриву и потрепал по холке, тогда она расслабленно повела ушами и нежно лизнула его за рубашку.

— Думаешь, у нее будет жеребенок? — спросил Джоди.

Большим и указательным пальцами Билли раздвинул кобыльи веки. Потрогал нижнюю губу, пощупал черные кожистые соски.

— Не удивлюсь, — заключил он.

— Но ведь она совсем не изменилась. А уж три месяца прошло.

Костяшками пальцев Билли провел по плоскому лбу кобылы, и она заурчала от удовольствия.

— Я же тебе говорил — замучишься ждать. Пока хоть какой признак появится, пройдет месяцев пять, а жеребенок она выкинет, самое малое, через восемь месяцев, где-то в январе.

Джоди глубоко вздохнул.

— Значит, долго ждать придется, да?

— А потом еще два года, пока сядешь на него верхом.

— Я буду уже взрослый,— в отчаянии выкрикнул Джоди.

— Да, совсем старик,— подтвердил Билли.

— Как думаешь, какого он будет цвета?

— Ну, это никогда не угадаешь. Жеребец черный, кобыла гнедая, Жеребенок может выйти черным, либо гнедым, а может и серым, и в яблоках. Никогда не угадаешь. Бывает, у черной кобылы рождается белый жеребенок.

— Пусть лучше родится черный, и чтобы именно он, а не она.

— Если родится жеребчик, придется его выхолостить. Отец не позволит тебе держать жеребца-производителя.

— Может, позволит,— не согласился Джоди.— Я его обучу, чтобы не зловредничал.

Билли поджал губы, и соломинка выкатилась из угла рта.

— Жеребцу-производителю доверять нельзя,— категорично заявил он.— Они только и знают, что биться и куролесить. А найдет на них дурь, так они даже работать не хотят. Кобылам не дают спуска, а меринов лупят копытами почем зря. Отец не позволит, чтобы у тебя был жеребец-производитель.

Нелли неторопливо удалялась, пощипывая сухую траву. Джоди взял колосок, вышелушил из него зерна, подбросил пригоршню в воздух, и каждое заостренное оперенное зернышко поплыло по воздуху, будто стрелка.

— Билли, расскажи, как все будет. Как у коровы, когда она телится?

— Примерно. Кобылы, правда, они почувствительнее. Бывает, кобыле приходится помогать. А если что не так, то иногда...— он умолк.

— Что иногда, Билли?

— Жеребенка приходится разрывать на части, чтобы вытащить, иначе кобыла умрет.

— Но сейчас такого не случится, правда, Билли?

— Нет, что ты, у Нелли жеребята как на подбор.

— А посмотреть разрешишь? Билли, ты меня позовешь? Ведь жеребенок будет мой.

— Конечно, позову. Ясное дело.

— Расскажи, как все будет.

— Ты же видел, как телятся коровы. Тут почти то же самое. Кобыла начинает стонать, вытягиваться, а потом, если роды нормальные, появляются голова и передние ноги, потом жеребенок, точно как и теленок, передними копытами пробивает дыру. И начинает дышать. В это время луч-

ше быть рядом, потому что, если ноги не на месте, он может не прорвать плодный мешок и задохнуться.

Джоди вытер ногу пучком травы.

— Значит, мы будем рядом?

— Обязательно.

Они медленно пошли вниз по холму к коровнику. Джоди мучался: он должен сказать то, чего ему говорить совсем не хочется.

— Билли,— начал он тоскливо,— ведь ты не допустишь, чтобы с жеребенком что-то случилось?

Билли сразу понял: Джоди думает о рыжем пони, Габилане, как он умер от удушья. До этой истории Билли был безупречен, а тут оказалось, что и ему не все подвластно. И, конечно, уверенности в себе у него поубавилось.

— Наверняка не скажешь,— отрывисто буркнул он.— Случиться может всякое, и не по моей вине.— Ему было неприятно, что престиж его упал, и он хмуро добавил: — Я сделаю все, что могу, но обещать ничего не обещаю. Нелли — добрая кобыла. И жеребят раньше приносила добрых. Надеюсь, и в этот раз не подкачает.

И, отойдя от Джоди, он скрылся в каретнике возле конюшни, потому что его обидели в лучших чувствах.

Джоди частенько ходил к живой изгороди позади дома. В старое позеленевшее корыто из ржавой железной трубы тонкой струйкой стекала родниковая вода. Там, где вода переливалась на землю, росла трава — вечнозеленой заплаткой. Даже когда холмы выгорали под палящим летним солнцем, здесь все равно торжествовала зелень. Вода тихонько журчала по желобу круглый год. Именно сюда тянуло Джоди. Когда его наказывали, прохладная зелень травы и поющие струйки утешали его. Когда в него вселялся чертенок-злодей, чертенок этот переставал озоровать у живой изгороди. Когда он сидел в траве и слушал курлыканье родника, рушились барьеры, какие были воздвигнуты в его душе суровыми невзгодами дня.

С другой стороны, черный кипарис возле сарая был ему столь же ненавистен, сколь было дорого корыто; к этому дереву раньше или позже приводили всех свиней и здесь закалывали. От этого зрелища захватывало дух — пронзительный визг, кровь,—но сердце Джоди начинало колотиться до боли. Потом свиней шпарили в большом железном котле на трех ногах, отскребали добела их шкуры, а Джоди уходил к своему корыту — посидеть в траве, пока сердце не успокоится. Корыто и черный кипарис — это были противоположности, враги.

Когда Билли сердито ушел прочь, Джоди зашагал к дому. По дороге думал о Нелли, о жеребенке. Каким-то образом он забрел под черный кипарис, под то самое одинокое дерево, на которое вешали свиные туши. Откинув со лба соломенную челку, Джоди заспешил дальше. Ведь это, наверное, дурная примета — думать о жеребенке возле свиной бойни, тем более после слов Билли. Чтобы это при-
скорбное совпадение не имело зловещих последствий, Джоди быстро прошел мимо дома и через загон для кур и огород выбрался к живой изгороди.

Уселся в зеленую травку. В ушах трелями зазвучала бегущая вода. Он окинул взглядом ферму, повернул голову к холмам — круглым, в золоте колосющегося жнивья. На склоне паслась Нелли. Здесь, у воды, как всегда, скрадывалось и время, и расстояние. Перед мысленным взором Джоди возник вороной длинноногий жеребенок, он терся о бока Нелли и требовал молока. А вот и сам Джоди — он накидывает уздечку на жеребенка покрупнее. Еще несколько мгновений — и жеребенок обернулся великолепным конем, широкогрудым, с высокой изогнутой шеей, как у морского конька, хвост черными языками пламени мечется вокруг туловища. Этот красавец конь признавал только одного хозяина — Джоди. На школьном дворе мальчишки умоляли Джоди: дай прокатиться! — и он милостиво разрешал. Но едва им удавалось забраться коню на спину, этот черный демон сбрасывал их на землю. Так его и надо называть, Черный Демон! На мгновение трели воды, и трава, и солнце вернулись на свои места, а потом...

Иногда по ночам обитатели ранчо, сладко спавшие в своих постелях, слышали громкий перестук копыт. И говорили: «Это Джоди, на Демоне. Опять вызвался помогать шерифу». А потом... Воздух на арене «Салинас родео» пропитан желтой пылью. Диктор объявляет начало соревнований — кто быстрее заарканит быка. Когда к месту старта на вороной лошади подъезжает Джоди, остальные участники недовольно жмутся, потому что знают — первого места им не видать. Джоди и Демон заарканят и обвяжут быка куда быстрее любой команды из двух человек. Джоди уже не мальчик, а Демон — не просто лошадь. Они слились воедино, они одно великолепное целое. А потом...

Он получает письмо от самого президента — не поможет ли Джоди поймать в Вашингтоне бандита? Джоди удобнее устроился в траве. В поросшее мхом корыто, чуть побулькивая, стекала родниковая вода.

Год тянулся медленно. Порой Джоди терял надежду, думал, что никогда не дождется жеребенка. Тем более что никаких перемен с Нелли не происходило. Карл Тифлин еще запрягал ее в легкую повозку, и она тянула сенные грабли, работала на уборке сена, когда им загружали конюшню.

Кончилось лето, пришла теплая, радующая глаз осень. А потом над землей по утрам стали носиться буйные ветры, в воздухе повеяло морозцем, кусты сумаха вошли в красный цвет. Как-то сентябрьским утром, после завтрака, мать позвала Джоди на кухню. Она наливала кипящую воду в ведро, полное сухих высевок, и помешивала варево, оно на глазах превращалось в дымящуюся пасту.

— Что, мама? — спросил Джоди.

— Смотри, как я готовлю! Впредь это будет твоя работа, через день.

— А что это?

— Теплая каша для Нелли. Ей сейчас полезно.

Джоди потер лоб костяшками пальцев.

— А она не болеет? — робко спросил он.

Миссис Тифлин поставила чайник и помешала кашу деревянной мешалкой.

— Конечно, нет, но с сегодняшнего дня тебе надо еще лучше за ней ухаживать. Вот, отнеси-ка ей завтрак!

Джоди схватил ведро и побежал мимо сарая, мимо коровника, тяжелое ведро постукивало его по коленям. Нелли играла водой в желобе — нагоняла волны и откидывала голову, а вода при этом выплескивалась на землю.

Джоди перелез через забор и поставил рядом с Нелли ведро дымящейся кашицы. Потом отступил на шаг и посмотрел на нее. И увидел — она изменилась. Брюхо вздулось. Копытами ступала мягко, осторожно. Зарывшись мордой в ведро, она жадно накинута на горячий завтрак. Наевшись досыта, она немного покатала ведро носом, потом тихонько подошла к Джоди и потерлась о его бок.

Из каретника появился Билли Бак и подошел к Джоди.

— Как начнет расти, не остановишь, верно?

— Неужто у нее все враз выросло?

— Нет, ты просто не обращал внимания. — Он взял кобылу за холку и повернул головой к Джоди. — Теперь она будет очень ласковая. Видишь, какие ласковые у нее глаза. Некоторые кобылы в это время злые, но уж если ластятся, значит, готовы любить все на свете. — Нелли сунула голову Билли под мышку и потерлась шеей вверх и вниз между его рукой и поясом. — Так что и с ней надо быть очень ласковым, — сказал Билли.

— А еще долго? — затаив дыхание спросил Джоди. Билли что-то зашептал, загибая пальцы.

— Месяца три, — сказал он вслух. — Точно не скажешь. У одной выходит одиннадцать месяцев день в день, а у другой на пару недель раньше, либо на месяц позже, и никакой беды в этом нет.

Джоди уставился в землю.

— Билли, — чуть нервничая, начал он, — ты ведь меня позовешь, когда начнутся роды, правда? Позволишь мне быть при этом?

Билли чуть куснул Нелли за кончик уха.

— Карл хочет, чтобы ты с самого начала все делал сам. Только тогда наука пойдет впрок. Свою голову и руки тебе никто не приделает. Мой старик однажды вот так проучил меня с попоной. Когда я был ростом с тебя, он был погонщиком и я ему частенько помогал. Как-то раз я плохо положил попоны и седлом натер лошади спину. Отец не стал кричать на меня, браниться. Но на следующее утро взвалил на меня тяжеленное седло, фунтов эдак в сорок. Солнце палило нещадно, а мне пришлось вести лошадь через гору, да и самому гнуться под седлом. Едва жив остался, но с тех пор попоны всегда кладу аккуратно, без единой морщинки. Просто не могу иначе. Каждый раз вспоминаю седло у себя на горбу.

Джоди протянул руку и взял Нелли за гриву.

— Но ведь ты мне расскажешь, как что делать? Ты же все про лошадей знаешь, да?

Билли засмеялся.

— Между прочим, я сам наполовину лошадь, — сказал он. — Матушка померла при родах, а старик мой возил груз на лошадях да мулах, коров почти никогда под рукой не было, вот он и поил меня кобыльим молоком. — Билли продолжал уже серьезно. — И лошади это чувствуют. Верно, Нелли?

Кобыла повернула голову и с минуту глядела прямо ему в глаза, чего лошади почти никогда не делают. Билли возгордился, снова обрел уверенность в себе. Даже стал хвастаться.

— Будет у тебя отличный жеребенок — уж я постараюсь! И научу тебя всему, что надо, с самого начала. Будешь меня слушать — станешь хозяином лучшей лошади в стране.

Тут и у Джоди на душе потеплело, и он загордился; так загордился, что по пути домой сгибал ноги и покачивал

плечами, как настоящий наездник. И шептал себе под нос: «Тпру, Черный Демон, тпру! Стой смирно, нечего бить копытом!»

Зима накатила сразу. Легкая подготовка — несколько порывистых ливней, — а потом зарядил сильный дождь. Холмы утратили желтизну и почернели от воды, по каньонам шумно заструились вниз зимние потоки. Пovýлезали из земли грибы и дождевики, еще до Рождества стала пробиваться новая травка.

Но в этот год главным днем для Джоди было вовсе не Рождество. Осевым днем, вокруг которого вращались месяцы, стало некое неизвестное число в январе. Когда пошли дожди, Джоди отвел Нелли в стойло и каждое утро кормил ее теплой пищей, дочиста скреб и причесывал.

Между тем кобыла так надувалась, что Джоди начал тревожиться.

— Чего доброго, возьмет и лопнет, — сказал он Билли.

Билли положил сильную квадратную ладонь на вспухшее брюхо Нелли.

— Пощупай здесь, — негромко велел он. — Чувствуешь, как шевелится? Небось удивишься, если там окажутся два жеребеночка?

— Нет, правда? — воскликнул Джоди. — Неужели их может оказаться двое?

— Вряд ли, но вообще такое бывает.

Первую половину января дождь лил не переставая. Когда Джоди не был в школе, он почти все время проводил в стойле у Нелли. Двадцать раз на дню ощупывал ее брюхо — шевелится ли жеребенок? Нелли теперь встречала его совсем дружелюбно, стала как ручная. То и дело терлась о его бок носом. Стоило ему появиться в конюшне, начинала тихонько ржать.

Однажды вместе с Джоди в конюшню пришел Карл Тифлин. Довольным взглядом он окинул ухоженную шкуру кобылы, пощупал крепкую плоть на ребрах и лопатках.

— Ты здорово потрудился, — сказал он Джоди. В его устах это была величайшая похвала. Потом Джоди целый день так и распирало от гордости.

Пришло пятнадцатое января, а жеребенок все не появлялся на свет. Не родился он и к двадцатому. Где-то в желудке у Джоди поселился ком страха.

— Все идет хорошо? — спросил он Билли.

— Ясное дело.

И снова:

— Все будет хорошо?

Билли потрепал кобылу по холке. Она встревоженно качнула головой.

— Я же тебе говорил, Джоди,— со сроками раз на раз не приходится. Надо подождать.

Пришел конец месяца, а родов все не было, и Джоди ходил сам не свой. Нелли так распухла, что с трудом дышала, уши торчали под углом друг к дружке, будто у нее болела голова. Ночью Джоди метался по кровати, сны ему снились какие-то обрывочные, смутные.

В ночь на второе февраля он с криком проснулся. Мать стала успокаивать его:

— Джоди, тебе что-то приснилось. Проснись и засыпай снова.

Но Джоди был переполнен страхом, каким-то безысходным отчаянием. Некоторое время он лежал тихо, ждал, когда мать уснет, потом бесшумно оделся и босиком прокрался на улицу.

Его окружила густая чернота ночи. Моросил дождь. Неясными очертаниями возникли и тут же исчезли в тумане кипарис и сарай. Он стал открывать дверь конюшни, и она заскрипела, хотя днем за ней такого не водилось. Джоди подошел к полке, отыскал фонарь и жестянку со спичками. Зажег фитиль и по длинному устланному соломой проходу пошел к стойлу Нелли. Она стояла и всем телом колыхалась из стороны в сторону. «Ну-у, Нелли, ну-у»,— позвал ее Джоди, но она знай покачивалась, даже не оглянувшись. Он коснулся рукой ее лопатки и почувствовал — Нелли всю трясет. Тут с сеновала прямо над стойлом раздался голос Билли Бака:

— Джоди, ты что здесь?

Джоди отпрянул и затравленно глянул на сеновал, где устроился на ночлег Билли.

— У нее все хорошо, Билли, как думаешь?

— Ясное дело, хорошо.

— Ты ведь не допустишь, чтобы с ней что-то случилось?

— Сказал же, чуть что, я тебя позову,— окрысился сверху Билли.— Значит, позову. А теперь иди спать и не тревожь кобылу. У нее и без тебя забот хватает.

Джоди съежился — никогда еще Билли не говорил с ним таким тоном.

— Мне просто захотелось посмотреть, как она,— объяснил он.— Не спится.

Билли чуть смягчился.

— Все равно иди спать. Нечего тебе ее будоражить.

Сказал же: будет у тебя хороший жеребенок. Давай, марш спать.

Джоди побрел к выходу. Загасил фонарь, поставил на полку. Непроглядная тьма ночи и стылый туман налетели на него, заключили в объятия. Хотелось верить в слова Билли, как верил он в них до того, как умер пони. Лишь через несколько мгновений его глаза, ослепленные едва колыхавшимся огоньком фонаря, приспособились к темноте. Влажная земля студила босые ноги. Индюшки, что устроились под кипарисом на ночлег, тревожно заверещали, а два пса, крепко зная свое дело, выскочили и принялись на всякий случай лаять: вдруг к дереву подкрались койоты?

Пробираясь через кухню, Джоди споткнулся о стул. Из спальни донесся оклик Карла:

— Кто там? Что такое?

А миссис Тифлин отозвалась сквозь сон:

— Что такое, Карл?

В следующую секунду Карл, держа в руках свечу, вышел из спальни и увидел Джоди, еще не успевшего прошмыгнуть в свою комнату.

— Ты почему не в постели?

Джоди смущенно отвел взгляд.

— Хотел посмотреть, как там кобыла.

Отец не знал, отругать ему сына или похвалить.

— Слушай,— сказал наконец Карл.— В этой стране нет человека, который понимает в жеребях больше, чем Билли. Свое дело он сделает.

— Но ведь пони умер...— сорвалось у Джоди с языка.

— Билли тут ни при чем,— твердо возразил Карл.— Если он не сумел спасти лошадь, значит, ее не спас бы никто.

— Карл, пусть он вымоет ноги и идет спать,— вмешалась миссис Тифлин.— Иначе завтра весь день будет ходить сонный.

Джоди показалось, что он только-только задремал, как вдруг кто-то решительно встряхнул его за плечо. Рядом стоял Билли Бак, держа в руке фонарь.

— Вставай,— сказал он.— Скорее.— Повернулся и быстро вышел из комнаты.

— В чем дело? — крикнула миссис Тифлин.— Это ты, Билли?

— Да, хозяйка.

— У Нелли началось?

— Да, хозяйка.

— Ясно. Сейчас поднимусь и нагреею воду, может, тебе понадобится.

Джоди влез в одежду быстро, как по тревоге, — когда он выскочил через заднюю дверь, фонарь Билли покачивался только на полпути к конюшне. Рассвет уже обозначил горные вершины, но в долине пока царила тьма. Джоди припустил за фонарем и поравнялся с Билли у самой конюшни. Билли повесил фонарь на гвоздь, вбитый в перегородку стойла, скинул с себя голубую рабочую куртку. Под ней оказалась только майка.

Нелли стояла не шевелясь, застыв от напряжения. Вдруг сжалась, скрючилась — все тело свело судорогой. Судорога прошла. Но через минуту повторилась.

— Что-то не так, — нервно пробурчал Билли. Голая рука его исчезла. — Господи, — сказал он. — Не так.

Тело лошади снова свело судорогой, и на сей раз Билли напрягся, на руке и плече вздулись мышцы. Весь нутужился, на лбу выступили крупные капли пота. Нелли громко заржала от боли. А Билли все бормотал:

— Не так. Не поворачивается. Пошел совсем не так. Не так повернут.

Глаза его загорелись диким огнем, он метнул взгляд на Джоди. Потом пальцы на ощупь, осторожно взялись ставить диагноз. Кожа на его щеках натянулась, посерела. Целую минуту глаза его, в которых застыл вопрос, глядели на стоявшего у стены Джоди. Потом Билли шагнул к полке под люком для выгрузки навоза и влажной правой рукой взял молот дляковки лошадей.

— Выйди, Джоди, — велел он.

Мальчик стоял и тупо глядел на него.

— Выйди, говорю тебе, не то будет поздно.

Джоди не сдвинулся с места.

Тогда Билли быстро подошел к голове Нелли. И крикнул:

— Отвернись, черт тебя дерит, отвернись!

На сей раз Джоди подчинился. Отвернул голову в сторону. Он услышал хриплый шепот Билли. А потом — как глухо хрустнула кость. Нелли пронзительно фыркнула. Джоди оглянулся и успел увидеть, как молот снова взметнулся над плоским лбом и ударил по нему. Нелли грузно завалилась на бок, дернулась в конвульсиях и затихла.

Билли подскочил к ее громадному брюху; в руке он держал большой складной нож. Оттянув шкуру, он вонзил в нее острое лезвие и принялся пилить и кромсать тугое

брюхо. Воздух наполнился густым ароматом теплых, еще полных жизни внутренностей. Другие лошади отпрянули назад, сколько пускала цепь, они пронзительно визжали и били копытами.

Билли бросил нож. Запустив руки в жуткую дыру, он вытащил из нее белый сверток — большой, капающий. Зубами прогрыз дырку в оболочке. В разрыве появилась маленькая черная головка, маленькие ушки — влажные, лоснящиеся. Послышался булькающий вздох, еще один. Билли вытащил новорожденного из плодного мешка, подобрал свой нож и отрезал пуповину. Минуту он держал маленького черного жеребенка перед собой и смотрел на него. Потом медленно подошел к Джоди и положил малыша в солому к его ногам. Билли был весь заляпан кровью — лицо, руки, грудь. Его колотила дрожь, зубы отчаянно стучали. Голос пропал — он заговорил каким-то горловым шепотом:

— Вот твой жеребенок. Я обещал. И вот... вот он. Другого выхода не было... не было. — Он умолк и через плечо глянул в сторону стойла. — Принеси горячую воду с губкой, — прошептал он. — Обмой его и высуши, как родная мать. Тебе придется кормить его из рук. Но обещанного жеребенка ты получил.

Джоди глупо пялился на влажного, слабо хватающего воздух жеребенка. Малыш вытянул подбородок, стараясь поднять голову. Незрячие глаза его были темно-синего цвета.

— Черт тебя дери, — вскричал Билли, — пойдешь ты за водой или нет? Пойдешь или нет?

Джоди повернулся и засеменял к выходу из коровника в нарождающийся рассвет. Все у него внутри ныло, от горла до желудка. Ноги одеревенели, налились свинцом. Ему хотелось быть довольным — теперь у него есть жеребенок! — но в воздухе перед ним висело залитое кровью лицо и затравленно-усталые глаза Билли Бака.

ВОЖАК

Была суббота. Билли Бак подгребал остатки пожухлого сена и маленькими вилами перекидывал его через проволоочный забор — там лениво паслись несколько коров. Высоко в воздухе мартовский ветер гнал на восток небольшие облачка, напоминавшие клубы дыма после выстрела пушки. Слышно было, как ветер шуршит в кустарнике на гребнях

гор, но дуновение его не проникало в лощину, где лежало ранчо.

Из дома, жуя толстый кусок хлеба с маслом, вышел маленький Джоди. Увидел, как Билли управляет с остатками скирды, и затопал вниз, тяжело шаркая ногами — именно так, как ему было не велено: не выдержат никакие подметки. Когда Джоди проходил мимо черного кипариса, из листвы выпорхнула стайка белых голубей, они полетали вокруг дерева и снова сели. Из-под крыльца сарая выпрыгнула несмышленная молодая кошка в черно-желтых пятнах, кинулась на негнущихся лапах через дорогу, крунулась волчком и кинулась назад. Джоди поднял с земли камень — поддержать игру, но кошка уже скрылась под крыльцом. Он швырнул камень в кипарис и спугнул белых голубей — они снова взметнулись в воздух.

Возле жалких остатков скирды мальчик остановился и оперся на забор.

— Думаешь, больше сена нет? — спросил он.

Немолодой уже работник, тщательно подгребавший сено, воткнул вилы в землю. Снял черную шляпу, пригладил волосы.

— Если что и осталось, насквозь отсырело — земля-то влажная, — пояснил он. Снова надел шляпу и потер свои сухие кожистые руки.

— Мышей, наверное, пруд пруди, — предположил Джоди.

— Так и снуют, — подтвердил Билли. — Так и мельтешат.

— А можно, когда закончишь, я приведу собак — поохотиться на мышей?

— Чего же нельзя, — согласился Билли Бак. Он поддел вилами влажное слежавшееся сено — с самой земли — и подбросил в воздух. Тотчас наружу выскочили три мыши и снова принялись яростно зарываться в сено.

Джоди удовлетворенно вздохнул. Эти пухлые, скользкие, наглые мыши обречены. Восемь месяцев они жили под скирдой и размножались. И жили припеваючи — там их не достанут ни кошки, ни капканы, ни яды, ни Джоди. Беды ждать неоткуда — вот и заелись, разжирели, расплодились. Но теперь им крышка, на этом свете им не прожить и дня.

Билли взглянул на вершины гор, окружавших ранчо.

— Может, прежде спросишь отца? — сказал он.

— А где он? Сейчас спрошу.

— После обеда поскакал на верхнее ранчо. Скоро вернется.

Джоди навалился на заборный столб.

— Да отцу, небось, все равно.

Снова взявшись за вилы, Билли зловеще пробормотал:

— Лучше спроси. Сам знаешь, какой он.

Что верно, то верно. Его отец, Карл Тифлин, требовал: все дела на ранчо, даже самые пустяковые, должны делаться с его ведома. Джоди стал сползать вдоль столба, пока не очутился на земле. Взглянул на гонимые ветром дымчатые клубочки облаков.

— Дождь будет, Билли?

— Может, и будет. Ветер для дождя подходящий, только не очень сильный.

— Главное, чтобы не начало лить, пока я не укокошу этих чертовых мышей.

Он через плечо взглянул на Билли — заметил ли тот, как Джоди выругался по-взрослому? Но Билли молча продолжал работать.

Джоди отвернулся и уставился на склон горы — по нему в их лощину спускалась дорога из внешнего мира. Гору омывало жалкое мартовское солнце. Среди кустов полыни цвели чертополох, люпин, изредка встречались маки. Посреди склона Джоди увидел их черного пса, Боя, он пытался разрыть беличью норку. Сначала греб передними лапами, потом принялся отшвыривать комья между задних, при этом вгрызался в землю с таким рвением, что приходилось диву даваться: неужто он не знает, что разрывать беличью норку — дело бесполезное, ни один пес еще не поймал белку таким способом.

Внезапно черный пес замер, отпрянул от норки и повернул морду наверх, в сторону расщелины в горе, из которой вытекала дорога. Глянул туда и Джоди. На фоне бледного неба на мгновение возник силуэт Карла Тифлина в седле, потом отец поскакал по дороге к дому. В руке он держал что-то белое.

Мальчик вскочил на ноги.

— Он везет письмо! — воскликнул Джоди. И заспешил к дому — может, письмо будут читать вслух, значит, надо быть там. К дому он поспел раньше отца и забежал внутрь. Вскоре услышал: Карл слезает со скрипучего седла, шлепает лошадь по боку — пусть идет в конюшню, там Билли ее расседлает и выгонит попастись.

Джоди вбежал в кухню.

— Письмо пришло! — крикнул он.

Мать подняла голову от сковородки с фасолью.

— Где оно?

— У отца. Я сам видел у него в руке.

Тут Карл вошел в кухню, и мать спросила:

— От кого письмо, Карл?

Он сразу нахмурился.

— С чего ты взяла, что пришло письмо?

Она кивнула на сына.

— Джоди доложил, шишка на ровном месте.

Джоди смутился.

Отец с презрением взглянул на него.

— Правда что шишка на ровном месте,— сказал он.— До всего ему есть дело, кроме того, что с него спрашивают. Во все сует свой длинный нос.

Миссис Тифлин чуть смягчилась.

— Ему сейчас заняться особенно нечем. От кого письмо?

Карл все еще хмуро смотрел на Джоди.

— Я найду ему занятие, если не образумится.— Он протянул письмо.— Кажется, от твоего отца.

Миссис Тифлин вытащила из головы шпильку и вскрыла конверт. Рассудительно поджала губы. Глаза ее забегали по строчкам.

— Он пишет,— стала переводить она,— что приедет в субботу и немного у нас погостит. Так сегодня и есть суббота! Видно, письмо застряло в дороге.— Она взглянула на штемпель.— Отправлено позавчера. Значит, прибыть ему положено вчера.— Она вопросительно посмотрела на мужа, и лицо ее потемнело от гнева.— Что ты надулся? Он приезжает не так часто.

Карл не выдержал ее гневного взгляда, отвел глаза. Почти всегда он бывал с ней суров, но стоило ей выйти из себя, он не смел ей перечить.

— В чем дело? — решительно спросила она.

В его объяснении слышались извиняющиеся нотки — таким тоном отвечал бы и сам Джоди.

— Просто он все время говорит,— запинаясь, промямлил Карл.— Все время говорит.

— И что? Ты и сам горазд поговорить.

— Ясное дело. Но твой отец всегда говорит об одном и том же.

— Об индейцах! — взволнованно вмешался Джоди.— И о караване с востока на запад!

Карл свирепо глянул на него.

— А ну шагом марш отсюда, мистер шишка на ровном месте! Быстро! Шагом марш!

Несчастный Джоди вышел через кухню и закрыл дверь с сеткой как можно тише. Под кухонным окном его усты-

женные, опущенные к земле глаза наткнулись на камешек любопытной формы, такой замечательный, что Джоди сел на корточки, подобрал его и принялся вертеть в руках.

Через открытое окно голоса доносились до него ясно и четко.

— Джоди прав, черт возьми,— услышал он голос отца.— Только и разговоров, что об индейцах и о караване с востока на запад. Про то, как у них увели лошадей, я слышал тысячу раз. Говорит, будто заведенный, и все повторяет слово в слово.

Когда заговорила миссис Тифлин, сидевший под окном Джоди перестал изучать камень и поднял голову — настолько этот голос изменился. Он стал нежным, увещающим. Джоди знал, что под стать голосу изменилось и выражение ее лица. Она спокойно сказала:

— Карл, посмотри на это с другой стороны. В жизни отца это было целое событие. Он вел караван повозок к океану, через всю страну, но когда они добрались до места, жизнь его лишилась смысла. Конечно, он сделал большое дело, да длилось оно не долго. Пойми,— продолжала она,— он был как бы рожден для этого, но вот дело сделано, и что ему осталось — только воспоминания, вот он и думает об этом, говорит. Он бы пошел дальше на запад, было бы куда. Сам мне говорил. Но дальше идти некуда — впереди океан. Там он и живет — прямо на берегу, в том месте, где они остановились на ночлег.

И она поймала Карла, опутала своим нежным тоном.

— Да, я тоже замечал,— негромко согласился он.— Спустится к воде и смотрит на запад, за океан.— Голос его чуть дрогнул.— А потом идет в клуб «Лошадиная подкова», в Пасифик-Гров, и давай рассказывать, как индейцы угнали у них лошадей.

Она еще раз попыталась поймать мужа.

— Понимаешь, для него в этом — вся жизнь. Ты уж потерпи, сделай вид, что слушаешь.

Карл раздраженно отвернулся.

— Ну, если будет совсем худо, я всегда могу уйти в сарай и посидеть с Билли,— сердито ответил он. Прошел через дом и вышел на улицу, хлопнув входной дверью.

Джоди вспомнил о своих обязанностях. Высыпал цыплятам зерно, даже не стал их гонять, как частенько бывало. Выбрал из соломы яйца. В два приема натащил в дом дров и так ловко разложил их в коробе, что, казалось, заполнил его с верхом.

Мать тем временем кончила варить фасоль. Пошевели-

ла головешки в огне, смела индюшачьим крылом мусор с плиты. Джоди искоса поглядывал на нее — еще сердится?

— Он приедет сегодня? — решился Джоди.

— В письме сказано, что да.

— Может, я выйду на дорогу, встречу его?

Миссис Тифлин звякнула печной заслонкой.

— Было бы неплохо, — сказала она. — Отцу, наверное, будет приятно, если его встретят.

— Раз так, надо пойти.

Во дворе Джоди резким присвистом позвал собак.

— Пошли на гору, — велел он. Два пса махнули хвостами и помчались вперед. Полынь вдоль дороги дала свежие нежные ростки. Джоди сорвал несколько стебельков, растер их пальцами, и воздух наполнился резким запахом диких трав. Собаки внезапно нырнули в кусты — учуяли кролика. Больше Джоди их не видел — кролик оказался проворнее, и собаки, устыдившись, поплелись прямо домой.

Джоди продолжал взбираться на гору, к вершине хребта. У небольшой расщелины, через которую тянулась дорога, на него накинута дневной ветер, взъерошил ему волосы, парусом вздул рубашку. Он глянул вниз на холмы и края, потом в другую сторону, на огромную зеленую чашу долины Салинас. Вдалеке виднелся беленький равнинный городок Салинас, в лучах слабеющего солнца поблескивали оконные стекла. Прямо под Джоди на ветвях дуба проводило свой конгресс воронье. Дерево было черно от ворон, все они каркали одновременно.

От хребта, на котором стоял Джоди, взгляд его последовал за проселочной дорогой вниз, потерял ее за холмом и снова нашел по другую его сторону. И вот на этом дальнем отрезке дороги он увидел: ломовая лошадь медленно тащит повозку. Скоро она исчезла за холмом. Джоди уселся на землю и вперился взглядом в точку, где повозка должна была вынырнуть. Ветер пел на вершинах холмов, дымчатые клубочки облаков быстро неслись на восток.

Наконец повозка появилась в поле зрения и остановилась. Одетый в черное мужчина слез с сиденья и подошел к голове лошади. Хотя расстояние было очень большое, Джоди понял: человек отстегнул упряжь, потому что голова лошади качнулась вниз. Лошадь пошла вперед, вверх по холму, а человек медленно двинулся за ней. Испустив радостный клич, Джоди сверху побежал им навстречу. Вдоль дороги скакали белки, калифорнийская кукушка крутнула хвостом, взмыла над краем холма и поплыла по воздуху, словно планер.

Шагая, Джоди старался угодить в середину собственной тени. Под ногу ему попался кругляш, Джоди поскользнулся на нем и упал. Вскочил, добежал до поворота — и там, немного впереди, был дедушка со своей повозкой. Джоди тотчас сбавил скорость — вроде бежать сейчас неловко — и приблизился к дедушке солидной походкой.

Лошадь едва тащилась вверх по холму, старик шел рядом. Солнце уже садилось, и их гигантские тени мелькали за ними. На дедушке был черный костюм из плотной блестящей ткани, высокие ботинки с эластичными вставками по бокам, к короткому, жесткому воротничку прицеплен черный галстук. В руке он держал черную шляпу с широкими загнутыми вниз полями. Седая борода его была коротко подстрижена, а седые брови нависали над глазами, будто усы. В голубых глазах застыло строгое веселье. Все лицо и фигура были словно высечены из гранита — само достоинство, каждое движение казалось чем-то сверхъестественным. Стоит дедушке остановиться, подумал Джоди, и он превратится в камень, никогда уже не стронется с места. Ступал он медленно, но твердо. Если шаг делался, он делался окончательно: если направление было выбрано, тропа уже никуда не сворачивала, а шаг не убыстрялся и не замедлялся.

Когда Джоди появился из-за поворота, дедушка медленно помахал шляпой в знак приветствия и воскликнул:

— Это же Джоди! Вышел меня встретить, да?

Джоди бочком приблизился, повернулся и зашагал рядом со стариком, стараясь не спешить, сам весь напрягся и чуть приволакивал ноги, скребя каблуками дорогу.

— Да, сэр,— ответил он.— Ваше письмо пришло только сегодня.

— А должно было вчера,— заметил дедушка.— Конечно, вчера. Ну, как там наши?

— Все хорошо, сэр.— Джоди задумался, потом робко добавил: — Не хотите завтра пойти поохотиться на мышей, сэр?

— Поохотиться на мышей? — Дедушка хмыкнул.— Неужто ваше поколение докатилось до того, что охотится на мышей? Понятно, вы новая поросль, народ хлипковатый, но охотиться на мышей — это уж слишком.

— Нет, сэр. Это просто игра. Убрали скирду сена. Я буду выгонять из-под земли мышей, собакам на забаву. А вы можете посмотреть или немножко сено покидать.

Строгие веселые глаза глянули вниз на Джоди.

— Понятно. Значит, есть их ты не собираешься. До этого дело еще не дошло.

— Их съедят собаки, сэр,— объяснил Джоди.— Наверное, это не то, что охота на индейцев.

— Пожалуй, хотя потом, когда охотиться на индейцев взялись войска, принялись убивать детей и поджигать вигвамы, это уже мало отличалось от твоей мышинной охоты.

Они выбрались на перевал и зашагали в лощину, к ранчо, и солнце перестало светить им в спины.

— Ты вырос,— сказал дедушка.— По-моему, почти на целый дюйм.

— Больше,— похвастался Джоди.— Мой рост на двери отмечают, я больше чем на дюйм вырос только со Дня благодарения.

Густым горловым голосом дедушка сказал:

— Должно быть, пьешь воду без меры, вот все и идет в стебель. Начнешь цвести, тогда и поглядим.

Джоди быстро взглянул на старика — обижаться или нет? — но в голубых пронизательных глазах не было намерения обидеть, как-то уколоть, поставить на место.

— Можно забить свинью,— предложил Джоди.

— Э, нет! Этого я тебе не позволю. Ты просто хочешь меня потешить. Сейчас не время колоть свиней, сам знаешь.

— Вы помните Райли, сэр, здорового кабана?

— Да, Райли я помню очень хорошо.

— Так вот, Райли проел дыру в этой самой скирде, она на него рухнула, и он задохнулся.

— Со свиньями такое бывает,— заметил дедушка.

— Райли был хороший, сэр, для кабана. Я иногда на нем катался, он мне позволял.

Они уже были почти прямо над домом и услышали, как хлопнула дверь. На крылечке появилась мать Джоди и приветственно замахала фартуком. А потом они увидели Карла Тифлина, он шел к дому из конюшни, чтобы встретить гостя.

Солнце уже не освещало горы. Голубой дымок из трубы их дома плоскими слоями стлался над лощиной, которая постепенно окрашивалась багряным цветом. Клубочки облаков, оставленные в покое стихающим ветром, безмятежно висели в небе.

Из сарая вышел Билли Бак и выплеснул на землю мыльную воду из таза. Он только что побрился — хотя была середина недели,— потому что относился к дедушке с огромным почтением, а дедушка говорил: у Билли есть стержень, а среди нового поколения таких совсем мало. Билли уже изрядно пожил на свете, но дедушка все считал его молодым парнем. Билли тоже торопился к дому.

Когда Джоди и дедушка спустились, все трое встречали их перед воротами двора.

— Здравствуйте, сэр,— сказал Карл.— Мы вас ждали.

Миссис Тифлин поцеловала отца в заросшую щеку и позволила огромной ручище похлопать себя по плечу. Билли торжественно пожал руку старику, ухмыляясь под пшеничными усами.

— Я привяжу вашу лошадь,— сказал Билли и увел конягу за собой.

Дедушка посмотрел ему вслед, потом повернулся к остальным и сказал то, что говорил уже сотню раз:

— Вот это парень так парень! Я знал его отца, старого Бака — Хвостатого Мула. Уж не знаю, почему его звали Хвостатый Мул, разве оттого, что он был погонщиком мулов.

Миссис Тифлин пригласила отца в дом.

— Ты надолго? В письме не сказано.

— Не знаю, думал, побуду у вас пару недель. Но у меня никогда не выходит пробыть столько, сколько задумал.

Вскоре все сидели за покрытым белой клеенкой столом и ужинали. Над столом висела лампа с жестяным отражателем. За окнами столовой в стекло негромко стукались большие мотыльки.

Дедушка разрезал кусок мяса на маленькие кусочки и стал тщательно их жевать.

— Проголодался,— сказал он,— нагулял аппетит в дальней дороге. Как в старые времена, когда мы ехали на запад. К вечеру от голода желудки сводило, едва могли дожидаться, когда изжарится мясо. Бывало, вечером я съедал фунтов пять буйволятины.

— В дороге так всегда,— вступил в разговор Билли.— Мой отец был погонщиком. Мальчонкой я помогал ему. Так мы вдвоем могли смести олений окорок.

— Я знал твоего отца, Билли,— сказал дедушка.— Такого человека еще поискать. Его звали Бак — Хвостатый Мул. Уж не знаю, почему, разве оттого, что он был погонщиком мулов.

— Точно,— согласился Билли.— Было такое дело.

Дедушка отложил нож с вилок и оглядел стол.

— Помню, однажды у нас кончилось мясо...— голос вдруг стал чудной, низко-напевный, будто покатился по особому желобку, какой проточил для него не единожды рассказанный рассказ.— Ни буйвола тебе, ни антилопы, ни

даже кроликов. Даже койота не могли подстрелить наши охотники. В такое время вожак должен быть начеку. Вожаком был я, вот я и давай смотреть в оба, знаете, почему? Потому что едва начинается голод, люди готовы резать быков, которые их же и везут. Представляете? Да, были случаи, когда люди съедали свой тягловый скот. Начинали с середины каравана и постепенно подбирались к обоим концам. Напоследок съедали ведущую пару и коренных лошадей. Вот вожак и должен был их сдерживать.

Каким-то образом большому мотыльку удалось прорваться в комнату, он принялся кружить вокруг висячей керосиновой лампы. Билли встал и попробовал прихлопнуть его двумя руками. Карл, сложив ладонь чашечкой, поймал мотылька и раздавил. Подошел к окну и выбросил.

— Так вот я и говорю,— продолжил было дедушка, но Карл перебил его:

— Вы бы еще мяса поели. Мы-то уж готовы взяться за пудинг.

Джоди увидел, как в глазах матери сверкнул гнев. Дедушка поднял нож и вилку.

— Я и вправду здорово проголодался,— согласился он.— Доскажу попозже.

После ужина все уселись возле камина в соседней комнате, и Джоди не сводил глаз с дедушки. Вот они, знакомые признаки. Бородатое лицо склонилось вперед; из глаз исчезла строгость, они задумчиво смотрели в огонь; большие костистые пальцы сплелись на черных коленях.

— Уж не помню,— заговорил он,— уж не помню, рассказывал я вам или нет, как эти ворюги-паюты угнали у нас тридцать пять лошадей.

— Кажется, рассказывали,— перебил его отец.— Это было перед тем, как вы поднялись к озеру Тахо?

Дедушка быстро повернулся к зятю.

— Верно. Выходит, вы уже про это слышали.

— И не однажды,— безжалостно подтвердил Карл, избегая глаз жены. Однако ее гневный взгляд он все равно почувствовал и потому добавил: — Но можно и еще раз послушать.

Дедушка снова посмотрел в огонь. Расплел и сплел пальцы. Джоди знал, каково ему сейчас, как внутри у него все оборвалось, заволокло пустотой. Разве не сегодня Джоди называли шишкой на ровном месте? Что ж, придется проявить героизм и оправдать эту кличку.

— Расскажите про индейцев,— негромко попросил он. Глаза дедушки снова построжали.

— Мальчишки любят слушать про индейцев. Индейцы... это была работа для мужчин, а слушать любят мальчишки. Сейчас что-нибудь вспомню. Я вам не рассказывал, как я хотел, чтобы в каждой повозке была длинная железная плита?

Все промолчали, кроме Джоди. Он ответил:

— Нет, не рассказывали.

— В общем, когда на нас нападали индейцы, мы всегда ставили повозки кругом, а сами отстреливались из-под колес. Вот я и придумал: если в каждой повозке держать длинную плиту с отверстиями для винтовок, люди выставят эти плиты за колеса — когда повозки станут кругом, — и будет надежная защита. Конечно, таскать за собой такую плиту радости мало, как-никак лишняя тяжесть, но ведь она тебе может жизнь спасти. Короче, никто из моего каравана на это не согласился. Другие как-то обходились, вот народ и решил, что им такое мученье тоже ни к чему. Потом пришлось здорово об этом пожалеть.

Джоди посмотрел на мать и по выражению ее лица понял — она совсем не слушает. Карл ковырял мозоль на большом пальце, а Билли Бак следил за пауком на стене.

Голос дедушки снова понизился, потек по проторенному для рассказов желобку. Джоди заранее знал, какие именно слова будут сказаны. Рассказ разворачивался с монотонным жужжаньем, становился более оживленным в момент нападения индейцев, звучал на грустной ноте, когда речь шла о раненых, наливался траурной печалью на похоронах среди великих равнин. Джоди сидел и молча внимал дедушке. Строгие голубые глаза старика смотрели как-то отстраненно. Могло показаться, что его самого не очень интересует собственный рассказ.

Когда он кончил говорить, когда была выдержана вежливая пауза, Билли Бак поднялся, размял ноги и поддернул штаны.

— Пожалуй, пора на боковую, — сказал он. Потом повернулся к дедушке. — У меня в сарае есть старый пороховой рог и капсюльный пистолет. Я вам их раньше показывал?

Дедушка медленно кивнул.

— Да, Билли, по-моему, показывал. У меня был пистолет вроде этого, когда я вел людей на запад. — Билли вежливо выслушал эту короткую тираду, потом сказал:

— Спокойной ночи, — и вышел из дому.

Карл Тифлин попытался завязать разговор.

— А что, как сейчас земля между Монтереем и нашими краями? Я слышал, сильно высохла?

— Высохла,— подтвердил дедушка.— В Лагуна-Сека — ни капли воды. Но с восемьдесят первым годом не сравнить. Тогда вся земля иссохлась в пыль, а в шестьдесят первом все койоты вообще подошли с голоду. В этом году осадков у нас выпало пятнадцать дюймов.

— Да, но все дожди прошли слишком рано. Сейчас дождик не помешал бы.— Глаза Карла натолкнулись на Джоди.— Не пора ли тебе спать?

Джоди послушно поднялся.

— А можно, я убью мышей под старой скирдой?

— Мышей? А-а! Конечно, хоть всех до единой. Билли сказал, хорошего сена там уже не осталось.

Джоди украдкой бросил довольный взгляд на дедушку.

— Завтра всех перебью,— сказал он.

Лежа в постели, Джоди размышлял о невероятном мире индейцев и бизонов, мире, исчезнувшем навсегда. Вот бы пожить в то героическое время! Но Джоди знал—он скроен не на героический манер. Из живущих сегодня, кроме разве Билли Бака, едва ли кто способен на подвиги былых времен. Тогда на земле жили гиганты, бесстрашные люди, люди нестигаемой воли, какую теперь и не встретишь. Джоди подумал о бескрайних равнинах, о повозках, ползущих по ним многоножкой с востока на запад. Представил дедушку на огромной белой лошади, как он ведет за собой людей. Перед его мысленным взором промаршировали великие призраки — и исчезли с лица земли.

Тут он на мгновение снова очутился на ранчо. В пространстве и тишине возник какой-то неясный отрывистый звук. Это одна из собак, выбравшись из конуры, вычесывала блоху и с каждым движением стучала лапой об землю. Потом снова поднялся ветер, застонал черный кипарис, и Джоди заснул.

Поднялся он за полчаса до завтрака. Когда Джоди проходил через кухню, мать громыхала печной заслонкой, чтобы лучше разгорелось пламя.

— Ты сегодня рано,— сказала она.— Куда собрался?

— Хорошую палку хочу поискать. Будем сегодня убивать мышей.

— Будем?

— Дедушка и я.

— И его втравил в это дело. Любишь, чтобы не с тебя одного был спрос, если придется отвечать.

— Я скоро назад,— сказал Джоди,— хочу до завтрака обзавестись хорошей палкой.

Закрыв за собой дверь с металлической сеткой, он вышел в холодное голубое утро. Галдели птицы, как обычно на рассвете, четыре местные кошки змеями сползли с холма. В темноте они охотились на мешетчатых крыс, и хотя кошки насытились крысиным мясом, они сидели полукругом у задней двери и жалобно мяукали, требуя молока. Бой и Молодец бродили вдоль живой изгороди и обнюхивали ее, исполняя свой долг торжественно и чинно, но стоило Джоди свистнуть, как головы их дернулись, хвосты взметнулись. Они кинулись к нему, на бегу потягиваясь и позевывая. Джоди с важным видом потрепал по голове одного пса, потом другого и пошел к старой мусорной свалке. Из кучи он выбрал палку от бывшей швабры и короткий дюймовой толщины обломок дерева. Достав из кармана шнурок, он подвязал обломок к палке, и получилось нечто вроде цепя. Он рассек своим новым орудием воздух и для пробы шмякнул им о землю, а собаки отпрыгнули в сторону и взвыли от испуга.

Джоди мимо дома пошел к месту, где когда-то стояла скирда,— окинуть взором предстоящее поле битвы,—но его позвал Билли Бак, спокойно сидевший на ступеньках у задней двери.

— Лучше иди в дом. Через пару минут завтрак.

Джоди изменил маршрут и повернул к дому. Приставил свой цеп к ступенькам.

— Это чтобы мышей выгонять,— пояснил он.— Небось отъелись под сеном. И ведать не ведают, что их сегодня ждет.

— Не ведают, как и ты не ведаешь,— философски заметил Билли,— и я, и любой из нас.

Эта мысль ошеломила Джоди. Он понял, что так оно и есть. Мышиную охоту будто ветром выдуло из головы. Тут на заднее крылечко вышла мама, ударила в треугольник, и все мысли окончательно перемешались.

За столом собрались все, кроме дедушки. Билли кивнул на пустой стул.

— Где он? Не заболел ли?

— Он всегда долго одевается,— сказала миссис Тифлин.— Расчесывает бакенбарды, драит ботинки, чистит одежду.

Карл посыпал кашу сахарным песком.

— Человек, который вел через всю страну караван повозок, должен следить за своим внешним видом.

Миссис Тифлин повернулась к нему.

— Не надо, Карл! Прошу тебя, не надо!

В голосе ее звучала не столько просьба, сколько угроза. И угроза эта пришлась Карлу не по нраву.

— Как думаешь, сколько раз я должен выслушивать историю про железные плиты и тридцать пять лошадей? Те времена давно ушли. Ушли и нету, не пора ли ему о них забыть? — Голос его звучал все громче, он все больше сердился. — Сколько можно петь старую песню? Да, он прошел через всю страну. Прекрасно! Но с этим покончено! Никто не хочет больше об этом слушать.

Дверь в кухню тихонько закрылась. Четверо за столом замерли. Карл положил ложку перед собой и затеребил пальцами подбородок.

Тут кухонная дверь открылась, и вошел дедушка. Плотные сжатые губы его улыбались, глаза смотрели с прищуром.

— Доброе утро, — сказал он, сел за стол и посмотрел на свою тарелку с кашей.

Карлу требовалась полная ясность.

— Вы... вы слышали, что я сказал?

Дедушка едва заметно кивнул.

— Не знаю, сэр, что на меня нашло, я ничего такого не имел в виду. Просто языком молот.

Джоди, сгорая от стыда, взглянул на мать и увидел, что она смотрит на Карла ни жива ни мертва. Он совершал над собой нечто ужасное. Говоря такое, он подвергал себя жутким мукам. Брать свои слова обратно — это было противно его природе, но куда хуже брать их назад пристыженным.

Дедушка отвел глаза в сторону.

— Я пытаюсь разобраться, что к чему, — мягко ответил он. — И на тебя не сержусь. То, что ты сказал — не страшно. Страшно другое — вдруг это правда?

— Неправда это, — возразил Карл. — Просто я с утра что-то не в себе. Вот и ляпнул, не подумав. Извините.

— Не надо извиняться, Карл. Старики иногда не понимают, как оно есть на самом деле. Может, ты и прав. Переход с востока на запад окончен. Дело сделано, может, о нем и вправду пора забыть.

Карл поднялся из-за стола.

— Я уже наелся. Время работать. Билли, не расслаивайся!

Он быстро вышел из столовой. Билли покидал в себя все, что оставалось на тарелке, и поспешил за хозяином. Но Джоди никакая сила не могла оторвать от стула.

— А вы еще будете рассказывать свои истории? — спросил Джоди.

— Буду, конечно, если только... если только найдутся желающие их слушать.

— Я желающий, сэр.

— О-о! Ты-то конечно, но ведь ты мальчишка. Это была работа для мужчин, а слушать о ней любят только мальчишки.

Джоди все-таки поднялся со стула.

— Подожду вас во дворе, сэр. У меня есть хорошая палка для этих мышей.

Он подождал у ворот, и вскоре старик появился на крылечке.

— Пошли охотиться,— позвал Джоди.

— Пожалуй, Джоди, я посижу на солнышке. А ты убивай мышей сам.

— Хотите, дам вам мою палку?

— Нет, я лучше здесь немного посижу.

Джоди огорченно отвернулся и побрел к остаткам скирды. Чтобы как-то взбодриться, он стал думать о жирных и упитанных мышах. Принялся стучать по земле своим цепом. Собаки вились вокруг него, льстиво повизгивали, но что-то его останавливало. Он видел издалека — дедушка все сидит на крылечке, какой-то маленький, усохший, почерневший.

Махнув на охоту рукой, Джоди вернулся к дому и сел на ступеньку возле дедушкиных ног.

— Уже вернулся? Убил мышей?

— Нет, сэр, как-нибудь в другой раз.

Утренние мухи жужжали над землей, перед ступеньками сновали муравьи. Со стороны холмов тянуло тяжелым запахом полыни. Доски, из которых было сколочено крыльцо, разогрелись на солнце.

Джоди даже вздрогнул, когда дедушка заговорил.

— Незачем мне здесь оставаться, если такое на душе.— Он посмотрел на свои крепкие натруженные руки.— А на душе у меня вот что: идти на запад и вовсе не стоило.— Взгляд его, скользнув по склону холма, остановился на ястребе, что недвижно сидел на высохшей ветке дерева.— Я рассказываю эти старые истории, а ведь поделиться хочется другим. Я знаю, какие струны хочу затронуть в людских душах этими рассказами.

Дело было не в индейцах, не в приключениях, даже не в том, чтобы добраться сюда. Понимаешь, все переселенцы стали будто один ползущий зверь. И я был его головой. Он все полз и полз на запад. У каждого переселенца были свои потребности, но большой зверь — все они вместе взя-

тые — хотел только одного: на запад. Я был вожаком, но не будь меня, головой стал бы кто-то другой. Обезглавленный зверь далеко не уползет.

Представляешь, день раскален добела, под кустиками гнездятся черные тени. Увидели мы наконец горы и заплакали — все до одного, но главное было не в том, чтобы попасть сюда, важнее было само движение, путь на запад.

Мы принесли сюда жизнь, как муравьи несут личинки, принесли и опустили на эту землю. И я был вожаком. Это был великий поход, великий, как сам господь, мы двигались медленно, но шаги наши складывались и плюсовались, и вот мы пересекли весь континент.

А потом мы пришли к океану, и поход был окончен. — Он умолк и стал тереть глаза, пока они не покраснели у краев. — Вот что я должен рассказывать вместо своих историй.

Когда Джоди заговорил, дедушка даже вздрогнул, так был поглощен своими думами.

— Может, и я когда-нибудь поведу за собой людей, — сказал Джоди.

Старик улыбнулся.

— Вести-то некуда. Дорогу перекрыл океан. На берегу живут несколько стариков, они ненавидят океан, потому что он перекрыл им дорогу.

— А если я поведу людей на лодках, сэр?

— Некуда их вести, Джоди. Все места уже заняты. Но не это самое худшее — нет, не это. Движение на запад умерло из-за людей. Запад их больше не манит. С этим покончено. Твой отец прав. Все в прошлом. — Он сплел пальцы на колене и посмотрел на них.

Печаль сковала сердце Джоди.

— Давайте я принесу вам лимонад.

Дедушке пить не хотелось, но он увидел лицо Джоди.

— Что ж, с удовольствием, — ответил он. — От лимонада не откажусь.

Джоди вбежал в кухню — мама вытирала посуду после завтрака.

— Можно лимон, хочу сделать дедушке стакан лимонада?

— И еще один, — договорила за него мама, — сделать стакан лимонада для тебя.

— Нет, мама. Мне не надо.

— Джоди! Да ты заболел! — Она вдруг смолкла. — Возьми лимон в холодильнике, — добавила она мягко. — Погоди, сейчас дам тебе соковыжималку.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ СПРАВКА

В Калифорнии всегда жило много выходцев из Мексики. Стейнбек с детства общался с мексиканцами. В школьные годы он дружил с братьями Санчес, в 1921—1922 годах вместе с мексиканскими рабочими трудился на сахарном заводе. Позднее преподавательница Сюзан Грегори ввела его в мир обитателей монтерейского квартала Тортилья-Флэт — «Лепёшечная равнина», заселенного в основном выходцами из Мексики. Стейнбек с большим интересом выслушивал рассказы-ваемые ему житейские истории, запоминал местные обороты речи, метафоры, сравнения. И когда в 1933 году он решил написать об этих людях повесть, ее название родилось само собой — «Квартал Тортилья-Флэт».

Стейнбек хотел, чтобы его новая книга была «легкой и в то же время занимательной и при всем при том правдивой». Ему это удалось, хотя приходилось работать в весьма грустном настроении — тяжело болели его мать и отец. «Тон книги, как мне кажется, явился прямым протестом против печальной действительности моего дома», — признавался Стейнбек в ноябре 1933 года в одном из писем.

История жизни четырех пайсано рассказана писателем с веселым юмором и в то же время пронизана грустным сочувствием к простым людям, благородным, честным, преданным друг другу, но не нашедшим своего места в жизни. Повесть эта пользовалась большим читательским успехом. Она принесла писателю и славу, и деньги. Интересно отношение к ней деловых кругов. Клуб бизнесменов Калифорнии наградил писателя золотой медалью, как автора лучшей книги года, принадлежащей перу калифорнийца. А торговая палата Монтерей в специальном заявлении утверждала, что в городе нет и никогда не было района с таким названием и обвиняла автора повести в досужих вымыслах.

Но рассказ о приключениях Дэнни и его неунывающих друзей охотно раскупался и читался, ибо он показывал, что и в невыносимых, казалось бы, условиях всеобщей нищеты можно не терять бодрость духа и находить свои маленькие радости. А их-то и не хватало миллионам простых тружеников, попавших в тиски экономического спада.

Стейнбек видел все происходящее в стране и понимал, что сложнейшие вопросы взаимоотношений между трудом и капиталом следует отразить в другой книге — более глубокой, более серьезной, написанной на совершенно другом жизненном материале. Такой книгой явился роман «И проиграли бой», опубликованный в январе 1936 года, то есть всего через восемь месяцев после «Квартала Тортилья-Флэт». Новая книга писателя не вызывала смеха, а заставляла задуматься о происходящем в стране, сравнить описанное с фактами реальной жизни.

В романе просто и безыскусно рассказывается об одной забастовке, организованной где-то в Южной Калифорнии. Но подобные забастовки проходили в те годы по всей стране. И понятно, что читатели с интересом встретили новый роман Стейнбека. Писателя это и обрадовало, и удивило. Он не был уверен в успехе книги. «Я не думаю, что вам понравится эта книга,— писал он своему литературному агенту во время работы над романом.— Она мне самому не нравится. Это ужасно. Но я надеюсь, что когда вы дочитаете ее до конца, вы поймете весь ужас существующего порядка вещей... История человеческой жизни кончается со смертью человека. А где конец движения, у которого нет окончания? Вы можете остановиться где угодно, но все равно последует продолжение».

Стейнбек понимал, что одна забастовка не решает проблемы. Свой роман он закончил сценой гибели Джима, но он знал, что история американского рабочего движения продолжается и что впереди будут и новые битвы, и новые жертвы. «Дело наше не заstopорится,— говорит Джим,— ведь я в нем всего лишь крупница,— а будет расти, крепнуть».

Новым романом писателя заинтересовались несколько театральных режиссеров, один из них поручил модному в те годы писателю Джону О'Харе создать на основе романа пьесу. Стейнбек и О'Хара были совершенно разными людьми, но тем не менее нашли общий язык, и О'Хара начал убеждать Стейнбека заняться написанием сценариев для кинофильмов, которые очень хорошо оплачивались. Так у Стейнбека родилась идея новой повести, которая в окончательном виде получила название «О мышах и людях».

Если в романе «И проиграли бой» Стейнбек показал борьбу сезонных рабочих за свои права, то в новой повести он изобразил попытку отдельного человека осуществить свою мечту. Но попытка Джорджа и Ленни терпит крах, при этом Ленни погибает. Читательский успех повести превзошел все ожидания. Крушение мечты Джорджа и Ленни о собственной небольшой ферме отозвалось в сердцах сотен тысяч простых людей и вызвало к жизни десятки критических статей. Критики отмечали, что в образе Джорджа писатель изобразил человека, который доказал всем невозможность осуществления мечты об индивидуальном успехе и счастье. С буржуазного мира было сдернуто покрывало тайны.

Правда, при этом некоторые критики возлагали всю вину на умственную неполноценность Ленни. Но непредубежденному читателю ясно, что дело здесь в другом — в неподвластном героям повести стремлении толпы линчевать Ленни. И его гибель обусловлена общественными силами, реально существующими в США до сегодняшнего дня.

Рассказы, вошедшие в сборник «Рыжий пони», написаны в разные годы. Первые три были опубликованы очень небольшим тиражом в 1937 году, последний — «Вожак» — появился в 1945 году.

СОДЕРЖАНИЕ

Квартал Тортилья-Флэт. Перевод И. Гуровой . . .	5
«И проиграли бой». Перевод И. Багрова * . . .	157
О мышах и людях. Перевод В. Хинкиса . . .	407
Рыжий пони	
Подарок. Перевод Н. Волжиной	485
Великие горы. Перевод М. Загота *	512
Обещание. Перевод М. Загота *	524
Вожак. Перевод М. Загота *	541
Историко-литературная справка . . .	557

Джон СТЕЙНБЕК

Собрание сочинений
в шести томах

Том II

Редакторы тома
В. А. Ашкенази
и
И. А. Багров

Оформление художника
Ю. А. Боярского

Технический редактор
В. Н. Веселовская

ИБ 1985

Сдано в набор 24.08.88. Подписано к печати 21.11.88.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Академическая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 29,82. Усл. кр.-отт. 30,66. Уч.-изд. л. 33,32.
Тираж 1 700 000 экз. (7-й завод: 1 400 001—1 700 000).
Заказ № 3185. Цена 3 р. 90 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства «Советская
Сибирь», 630048, г. Новосибирск, 48,
ул. Немировича-Данченко, 104.

Индекс 70655

